

ПРАВО И ВЛАСТЬ

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

**ПРАВО
И ВЛАСТЬ**

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

ПРАВО И

**Абова Т.Е.
Алексеева Л.Б.
Базилева И.И.
Венгеров А.Б.
Витрук Н.В.
Вышинский М.П.
Гальперин И.М.
Голик Ю.В.
Дьяков С.В.
Зорькин В.Д.
Игошев К.Е.
Карпец И.И.
Кудрявцев В.Н.
Курашвили Б.П.
Миньковский Г.М.
Михалева Н.А.
Мишин А.А.
Савицкий В.М.
Симкин А.С.
Собчак А.А.
Стецовский Ю.М.
Феофанов Ю.В.
Черниловский З.М.
Четвернин В.А.
Эмерсон П.Д.
Яковлев В.Ф.**

ПЕРЕСТРОЙКА:

**гласность
демократия
социализм**

ВЛАСТЬ

**Человек, право
государство**

**Человек, закон
и правосудие**

Под общей редакцией
заслуженного юриста РСФСР
М.П. Вышинского

Москва
"Прогресс"
1990

ББК 67.6
П 68

Редактор-составитель *А. А. Протащик*
Редактор *Л. В. Махвиладзе*

Научно-теоретическая литература

ПРАВО И ВЛАСТЬ

Художественный редактор Ю. Н. Егоров
Технические редакторы *Л. В. Доронина, Е. В. Антонова*

ИБ №18803

Сдано в набор 13.04.90. Подписано в печать с РОМ 28.08.90.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Условн. печ. л. 33,0. Усл. кр. отт. 33,0.
Уч. изд. л. 37,37. Тираж 23500. Заказ № 489 Цена 3р. 30 к.
Изд. № 47526.

Издание подготовлено на микроЭВМ с помощью программы
«Вентура Паблишер»

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по печати.
119847, ГСП, Москва, Zubовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография №7
«Искра революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета
СССР по печати.
121019, Москва, пер. Аксакова, 13.

П 68 **Право и власть — М.: Прогресс, 1990 — 528 с.**

Сборник оригинальных статей советских юристов, законодателей и журналистов. В целом речь в книге идет о пути построения в СССР правового государства. Для широкого круга читателей.

П $\frac{1203020100-449}{006(01)-90}$ без объявл.

ББК67.6

Редакция литературы по гуманитарным наукам

© Издательство «Прогресс»

ISBN 5-01-003214-7

От редактора

Народ наш совершает великую, но запоздалую перестройку своего общественного бытия. В величии перестройки — величие исторической заслуги ее зачинателей, в запоздалости — великая историческая сложность. Чувство этой запоздалости, а также порывы, замедления и колебания, взлеты и падения народного духа придают перестройке непродуманно-импульсивный облик и создают впечатление, что из-за всего этого наша жизнь сошла с прежних рельсов и, может случиться, не встанет на новые. В самых разных слоях такое положение порождает тревогу и стремление помочь перестройке, упрочив ее исходные позиции, ее решимость и средства достижения хотя и не близких, но столь желанных целей.

Книга, которую взял в руки читатель, обо всем об этом. Ее написали юристы. Теоретики, практики, публицисты. В их рассуждениях главенствуют, пожалуй, три разновидности политико-правовых проблем: а) проблемы более активного ухода от прошлого, безжалостного расставания в социально-правовой сфере с негативно-трагическим наследием тех времен, когда мы, словно со ступеньки на ступеньку, в течение десятилетий переходили от одного культа к другому; б) проблемы, по которым позиции и мнения определились, но воплощаются они в законах, в государственно-правовых институтах, в действиях органов власти и управления медленно или половинчато; в) проблемы, которые ставятся впервые или заново ждут своего решения.

Новое не рождается без критики прошлого. Поскольку в нашем государственно-правовом строительстве многое измерялось не масштабами разума, а желаниями вождей и ими же извращенными постулатами марксистского учения, многое поэтому в нем неприемлемо и нетерпимо. А уход от безвластия права и всевластия государства, взявшего на себя задачу превратить жизнь людей в рай и превратившего ее едва ли не в ад репрессивного тоталитаризма, уравнилительной нищеты, казарменного бесправия и несвободы, от других уродств административно-командной системы представляется авторам абсолютно необходимым. Аргументам в пользу этого вывода в книге отведено немало беспощадно-критических страниц. Допускается при этом и полемическая запальчивость и обличительный пафос, но если снять этот налет, под ним оказываются здравые положения правовой науки

и юридической этики. Быть может, не всеми разделяемые, они, однако, не лишены определенной новизны и нужности для сегодняшней и будущей социально-правовой жизни наших людей в условиях порядка и безопасности под охраной правовых законов демократического гуманного социализма.

Узлом, стягивающим в одну точку интересы всех авторов, выступает правовое государство, где право выше власти, а правосудие служит только закону. Интерес к нему не только оправдан, но и понятен. Разрешенное и запрещенное — вот два полюса, между которыми многие десятки лет двигалась в нашей стране политико-правовая мысль. Ведь в нашей стране воспитательной диктатуры вопросы о том, чему быть или не быть общественным благом, решал замкнуто-ограниченный круг людей «в верхах». Понятно, что правовое государство, объявленное в конце 20-х годов «выдумкой буржуазных юристов», было исключено из сферы осмысления и разработок правоведов.

Но истина всегда пробьет себе дорогу. И сегодня в правовом государстве видится в наибольшей степени отвечающая демократическому принципу форма организации гражданского общества. Ныне об этом спорят не только на страницах печати, но и на уличных митингах. Не обошел своим вниманием эту тему, пожалуй, и ни один из авторов сборника.

История зарождения и развития идеи правового государства, политико-правовой порядок эпохи сталинизма и застоя, становление институтов власти, собственности, демократии и прав человека в наших условиях, новое устройство федерации, судьба и роль КПСС в многопартийном государстве, главные моменты законодательства и осуществления правосудия, понимание преступности и состояние правопорядка, изменения в экономике и сфере хозяйствования — все это пройдет перед глазами тех, кто решит прочесть эту довольно объемную книгу. Причем дается это в постоянно меняющейся панораме, освещаемой попеременно то юридической формулой исторического прогресса, то параллелью однородных явлений общечеловеческой жизни, то сопоставлением с сегодняшним состоянием законности и нравов в нашей стране. Разброс суждений авторов о правовом государстве и иных явлениях в политико-правовой жизни общества часто велик. Это, однако, и важно. Ведь движение вперед, как мы убедились на примерах своей истории, может быть построено как раз на различиях индивидуальностей, а не на однообразии безличностей.

И еще об одном. Перестройку начать трудно. Еще труднее, однако, ее осуществить. И не только из-за того, что, переступая порог, надо хорошо знать, куда и как идти, а еще и потому, что, когда наступают новые времена и складывается новая ситуация, в обществе рождаются нетерпение и недовольство. Ввиду желанного берега охотнее считают, сколько узлов осталось сделать, чем сколько сделано. Прежде не терпеливое ожидание уступает место громкому ропоту, а былая покорность судьбе сменяется часто необоснованным (а иногда и впол-

не обоснованным) негодованием и возмущением или даже отрицанием перестройки.

Истинная причина этого нетерпения и недовольства очевидна: низкий уровень жизни народа и вялость движения вперед. В самом деле, провозглашено и начато, в том числе в правовой сфере, много правильного и нужного, сделано пока, к сожалению, мало. И главное — из этого малого многое сделано некачественно. Поэтому что бы ни говорили, перестройка сегодня скорее все еще находится в предперестроечном периоде. Ей нужно все нарастающее, активное и хорошо скоординированное действие. Но его-то перестройке сегодня как раз и не хватает. Среди множества дефицитов, ставших следствием перестройки, сегодня это, видимо, самый большой дефицит. А поскольку слово — тоже дело, авторы просят читателей считать настоящий сборник их конкретным вкладом в ускорение перестройки, в достижение столь ими желаемого будущего.

М.П. Вышинский,
заслуженный юрист РСФСР

**Человек,
право
государство**

Критическая фаза перестройки

Перестройка вступила в критическую фазу. Назревавшие решения уже невозможно откладывать, страна готова взорваться, заметна резкая активизация консервативных сил, механизма торможения. Сейчас нет ничего опаснее недоговоренности, непринципиальности, понятного желания преувеличить первые успехи, кому-то угодить, кого-то успокоить. Все это было бы плохой услугой святому делу и его деятелям, а главное — многострадальному обществу, которому приходится готовиться к новым испытаниям.

Первый съезд народных депутатов СССР был событием историческим. Он потряс общество критичностью и демократизмом. Но и разочаровал тем, что был неконструктивен в постановке и разрешении принципиальных проблем перестройки. М.С. Горбачев много раз говорил, что у нас есть концепция перестройки, но она так и не изложена в достаточно конкретной и четкой форме. Им приводилась ленинская мысль, что частные вопросы, во избежание шатаний и беспринципности в политике, нужно решать на базе решения общих. На деле этой базы не было ни у съезда, ни затем у Верховного Совета.

Только теперь от критики перешли к главной работе. Она пошла по трем направлениям: сделать социальный и политический выбор и закрепить его в законах; сформировать новый политический и государственный механизм; заново создать советскую федерацию на совершенно иных принципах. Результатом должна явиться новая модель общества.

1. Социальный выбор

Вопреки канонизированной идеологии, утверждающей, что выбор в пользу социализма сделан окончательно и бесповоротно, страна опять встала перед выбором общественного строя: социализм или капитализм. Точнее: классический, марксистско-ленинский, «научный» социализм в его новом, современном облике или неокapи-тализм, т.е. существенно социализированный и гуманизированный капитализм, обеспечивающий при всех своих пороках и недостатках

высокий жизненный уровень большинству общества, то самое благосостояние, которое социализм обещал, но так и не доставил.

Неокапитализм и неокапиталистический путь дальнейшего развития советского общества уже имеют у нас своих сторонников, в частности и среди народных депутатов и членов Верховного Совета. Были и прямые выступления в пользу этого социального выбора. Больше же частью его предпочтение выражается пока что в косвенной форме. Но все более настойчиво.

В наибольшем ходу следующие откровения. Никто не знает, что такое социализм. Тем не менее известно, что у нас его не было и нет, а есть он в тех развитых капиталистических странах, от Швеции до Швейцарии, где достигнут высокий жизненный уровень. Маркс-де выступал не против частной собственности, а против ее монополии и якобы считал, что эксплуатация наемного труда только тогда является эксплуатацией, когда «чрезмерна». Равенство людей нереально, это миф. Свобода важнее равенства. Общественная собственность — фикция. Нужна денационализация земли и промышленности. Перестройку можно считать радикальной лишь в случае неограниченного допущения частной собственности. Без «приватизации» нет перестройки. Государственные предприятия лучше всего отдать в частные руки или сделать акционерными. Равноправны все формы собственности, начиная с частной. Распределение по капиталу так же справедливо, как распределение по труду: каждому свое. Против этого выступают только люди неспособные и ленивые, страдающие завистью. Их нужно держать в узде. Без избранных, которые только и достойны в полной мере пользоваться свободой, нет прогресса. Свобода для всех и нереальна, и разрушительна. Стратегия развития состоит не в изобретении каких-то рациональных моделей социализма и их «насильственном навязывании» обществу, а в постоянных конкретных частичных улучшениях, которые реально возможны в данной обстановке. Общий итог и будет желаемым общественным строем, как бы он ни назывался. Такие вот идеологические пироги выпекаются под флагом «деидеологизации». Пропаганда рекапитализации стала поветрием.

На наших глазах складывается один из вариантов концепции и политики перестройки: она толкуется в духе неокапиталистической эволюции советского социализма. Этот вариант внешне достаточно логичен, он вырос не на пустом месте, а на почве глубоких деформаций «здесь» и успешной практики «там». Нередки «уверенные» умозаключения, что «нас ведут к капитализму». Думается, достаточных оснований для них нет. Не будем впадать в сверхбдительность, это опасно. В политике возможны всякие предположения, но исходить нужно из фактов. Определенно есть, существует лишь идеологическая тенденция. За ней, очевидно, стоит не политическое руководство, а относительно немногочисленная группа или слой людей, интересам и взглядам которых отвечало бы такое развитие событий. На

базе идеологической тенденции со временем может сформироваться и политическое течение, и возглавляющая его организация.

Время предельно контрастных идеологий и политических курсов прошло, ныне, если пользоваться для аналогии цветами радуги, предстоит выбор между красным («теплым») и синим («холодным») общим тоном с обязательным присутствием находящегося между ними зеленого цвета.

Пришло время признать, что все дороги ведут в Рим. Что продуктивен не только революционный путь социалистического развития человечества, провозглашенный марксизмом и практически начатый Октябрем, но и другой, эволюционный путь, продуктом которого стал неокapитализм. Что неокapитализм, особенно в социал-демократическом исполнении (яркий пример — Швеция), не только в определенной мере социалистичен, но и имеет перспективы. Что социализму не остается ничего другого, как превратиться в неосоциализм, для чего нужно вырваться из прежних догм и принять на вооружение идеи и методы эволюционные. Что, не изменяя общей социалистической ориентации, оставаясь в теплой, красной части идеологического и политического спектра, нужно учитывать реально происходящий процесс сближения двух систем.

Мировая история уже приобрела характер взаимодействия, соперничества, борьбы двух сближающихся путей развития — неокapиталистического и неосоциалистического. Но каждая страна, СССР в том числе, может выбирать только один из них, а не путаться в их эклектическом совмещении. То, что совмещается на мировой арене, в общемировом процессе, не может быть совмещено (дает нежизнеспособного уroda) в национальных границах. Страна избирает одно или другое. Все дороги ведут в Рим, но один путник не может идти по двум сразу.

Конечно, дело не ограничивается единовременным выбором, сделанным раз и навсегда. Соперничество двух идеологий, двух путей социального прогресса в сторону социализма, двух принципиально различающихся, хотя и сближающихся систем — неосоциализма и неокapитализма — уйдет далеко в XXI век и задаст политике немало задач, сейчас неясных. Но на данном этапе развития выбор нужно сделать немедленный и недвусмысленный. Иначе никакой реальный поворот перестройки невозможен. Думается, основной социальный выбор будет сделан не в пользу неокapитализма, а в пользу неосоциализма. Иное в нынешнем состоянии советского общества было бы социальным авантюризмом, дестабилизирующим общество, ставящим его на грань гражданской войны.

Отставая от неокapитализма, так сказать, в количественном отношении, в части уровня благосостояния большинства населения, социализм, даже «реальный», ущербный, опережает своего соперника в качественном отношении, прежде всего в достигнутом уровне социального равенства. Нельзя вместе с уравниловкой отбрасывать равенство. Как бы ни третируют его некоторые идеологи и своекорыст-

ные, претендующие на элитарность деятели, равенство — это величайшая социальная ценность, ее отсутствие ничем не может быть компенсировано. Даже свободой. Неравный уже, тем самым, не свободен, а зависим, угнетен. Установка на свободу избранных эгоистична, своекорыстна, неблагородна. Благородно стремление к равной свободе для всех, — значит, к равенству. Больше, чем что-либо другое, оно служит интеграции общества и человечества. Это, в сущности, краеугольный камень общечеловеческой нравственности.

История идет не только ко все большей свободе, но и ко все большему равенству членов общества. Конечно, речь идет не о равенстве личностном — в способностях, потенциях, индивидуальных свойствах, судьбах. В этом отношении люди по природе неравны и не могут быть равны. Рассказы о людском единообразии при социализме рассчитаны на наивных. Каждый общественный строй имеет свои личностные типы, их выбор при социализме ничем не хуже и не хуже, чем при капитализме. Такое же великое многообразие типов: и патологических, и средних, обывательских (носителей наиболее распространенных качеств), и ядерных (носителей наиболее характерных качеств), и благородных, элитных (носителей наиболее высоких качеств).

Социальное равенство — это отсутствие принципиальных, качественных различий имущественного характера между членами общества, различий в стартовых условиях, в объективных возможностях для самореализации. Такое равенство обеспечивается главным образом двумя установлениями: общественной, прежде всего народной (неточно — «государственной») собственностью на основные средства производства (значит, исключением частно-капиталистической собственности) и распределением преимущественно по труду (а не по капиталу и труду). Не больше, но и не меньше.

Если к этим двум основным характеристикам социального равенства добавить активную (отнюдь не только «командно-административную») роль государства, которое в качестве представителя собственника — народа распоряжается в его интересах народным имуществом, то это и будут, согласно классической и остающейся в этой части бесспорной теории социализма, три его основные признака, отличающие его от любого общественного строя, в частности и от нового капитализма. Это отличительные, формационные черты. А неотличительные, общецивилизационные — рынок и политическая демократия.

Социализм, даже реализующий в полной мере принцип распределения по труду, тем самым предполагает, в силу неравенства трудовых способностей людей, значительное социальное неравенство. Но все же в неудержимом движении человечества ко все большему социальному равенству он принципиально опережает неокapитализм. Ему, социализму, нет смысла отступать с достигнутого рубежа и потом снова брать его, если есть надежда перегруппироваться и закре-

питься на нем. Очевидно, социализм и не отступит, пока такая надежда сохраняется.

И дело не только в рационалистических доводах. Дело еще и в глубоких массовых чувствах и настроениях. К неудовольствию увлекающихся сторонников неокapиталистической эволюции советского общества, в нем давно уже сложилось и существует упорное социально-психологическое неприятие капитализма в любых его формах. Это фундаментальный социальный факт. Склонность к социализму неистребима. Хищничающие кооператоры (ни в коем случае не честные труженики, сколько бы они ни зарабатывали) ненавидимы не из пресловутой зависти, а как низкие, грязные провозвестники капиталистического перерождения общества. Большинство народа этого перерождения, видимо, не примет, «не потерпит», кроме прочего, и потому, что для неокapитализма нужны цивилизованные капиталисты, каких у нас практически нет и в нынешнем поколении не будет.

Прочность общественного строя коренится в качествах его наиболее массового социального типа — обывателя в необходимом, позитивном смысле этого слова. Наш обыватель работает не наилучшим образом, но социализму большей частью предан душой и телом. Его дух и политическое поведение выше его трудового поведения. Приучить его к хорошей работе после долгих лет жизни при общественном строе, который последнее время существовал в форме модели, названной Л.И. Абалкиным «иждивенческим социализмом», очень трудно, но еще труднее отучить его от социализма. Социализм, пусть с изъятиями, состоялся, и заднего хода нет. Открыт нелегкий путь вперед — к демократическому социализму.

Если не считать двух войн, гражданской и Отечественной, в столь критическом положении, как сейчас, советский социализм еще не был. Умопомрачительная бесхозяйственность, бездарное руководство поставили его на грань банкротства, лишили многих сторонников, посеяли неверие в молодом поколении. Авторитет партии и государства упал. У сторонников рекапитализации сейчас редкий, скорее всего, последний шанс. Понимая это, они развивают бурную активность по генеральной социализации и апологии неокapитализма. Назревает крупное политическое сражение — вокруг легализации частной (не индивидуальной, а частнокапиталистической) собственности. Если оно будет навязываться, от него нет смысла уклоняться. Но нужно исходить из того, что допущение частной собственности — это не обычная перестроечная мера. Советский социализм завоеван и построен в тяжелой, титанической борьбе, оплачен огромными народными жертвами. Элементарная политическая порядочность обязывает к тому, чтобы решение, которое может изменить сложившиеся основы общественного строя, принималось народом непосредственно — референдумом. Очевидно, квалифицированным большинством.

У некоторых читателей может возникнуть недоумение: а не увеличивается ли актуальность проблемы социального выбора? Разве

он не сделан руководителями перестройки, неоднократно заявлявшими о своей приверженности социализму? Да, такие заявления делались и делаются. Но они, во-первых, должны быть более конкретными. А во-вторых, они превращаются в политику не раньше, как становясь государственными решениями, воплощаясь в законах и практике их выполнения. Есть надежда и даже уверенность, что выбор в пользу социализма, нового социализма будет сделан и закреплен в законах, но говорить, что он уже сделан, — рано.

К социалистическим декларациям приходится ныне подходить осторожно, с разбором. Если неокapитализм — это «тоже социализм», то слова «я за социализм» должны тотчас сопровождаться уточнением, разъяснением, за какой именно социализм — неокapиталистический или же неомарксистский (ортодоксальный, но обновленный). Тот ли Федот? Общие же заверения в приверженности социализму стали бессодержательными, потеряли смысл.

2. Оптимальный политический курс

Попытаемся охарактеризовать политику перестройки с помощью общепринятых политологических понятий левого и правого.

У нас в стране преобладает преклонение перед левизной — та «детская болезнь», о которой в свое время писал Ленин. В обыденном сознании укоренилось, что «левые» — это смелые люди, бросающие вызов властям, а «правые» — это всякие приспособленцы и консерваторы. Не без стимулирующего влияния такого понимания левизны (и в силу других факторов) вырос своеобразный слой — «люмпенполитиков». Чем они оппозиционнее, драчливее, шумнее, тем «левее». От современных «пикейных жилетов» это понимание левизны перешло в публицистику. Что же касается остального мира, то там левизна, центризм и правизна — очень серьезные, более того, фундаментальные характеристики политики. Левизна означает ориентацию на большее социальное равенство, правизна — на меньшее, а разные варианты центризма — на некоторые промежуточные состояния. Радикальность же, как и умеренность, — это всего лишь дополнительные характеристики.

По наиболее распространенной типологии, объективно возможных альтернативных политических курсов восемь. В левой части спектра — ультралевая политика, леворадикальная, левоумеренная, левоцентристская. В правой части — правоцентристская, правоумеренная, праворадикальная, ультраправая. Каждый политический курс в жизни не является «чистым», обычно содержит отдельные элементы смежных курсов, но именно отдельные элементы, не определяющие его общего облика. Приведенные наименования употребляются для обозначения политических курсов и социалистического, и капиталистического государства, но содержание их разное. Веер социали-

стических политических курсов располагается в целом левее капиталистического веера, и отчасти они накладываются друг на друга.

Политическая история советского общества открывается ультралевой политикой в годы «военного коммунизма» — политикой в основных своих установках утопической, ошибочной (отказ от товарного производства, «единая фабрика», «общий котел» и т.п.). НЭП был крутым поворотом вправо, к правоцентристской политике, поднявшей страну из разрухи, открывшей перед ней горизонты естественного, нормального развития. Отказ от НЭПа означал обратный поворот влево, но уже не к полностью аномальной, ультралевой политике, какой она могла стать в троцкистском варианте с его трудовыми армиями, а к леворадикальной политике. Она проводила больше полувек и была отмечена сначала и величайшими достижениями (апофеоз — победа в Великой Отечественной войне), и такими же величайшими извращениями и жертвами. А потом, в последние десятилетия, — пустым догматизмом, инерционностью, косностью, поверхностным реорганизаторством, бюрократическим разложением. Только сейчас положен конец этой безнадежно архаичной политике. От нее решились отказаться с более чем тридцатилетним опозданием, за которое так жестоко приходится расплачиваться стране.

Что же дальше? Никто, к счастью, не предполагает еще раз испробовать ультралевую политику. Есть сторонники санации леворадикального курса, возвращения к «порядку», к «сталинизму без сталинщины». Это не было бы перестройкой. Она затеяна ради более серьезных перемен. Перестройка — это совершенно закономерный сдвиг от леворадикальной политики, точнее, от ее гниющих остатков, вправо. Именно вправо, в какие бы модные «левые» одежды она ни обряжалась и какой бы революционной фразой ни увлекалась. Вся проблема — в мере правого сдвига.

Он должен быть достаточным для того, чтобы устранить условия, приведшие к подмене социального равенства его «левым» извращением — уравнительностью. Той уравниловкой, которая снизила личную заинтересованность работника в хорошей, продуктивной работе, в росте производительности труда, исказила мотивационную систему работника, подорвала трудовую мораль и, в конечном итоге, в «союзе» с бюрократической бездарностью и безответственностью в организации общественного труда привела к застою.

В чрезвычайных условиях во время форсированного развития высокая трудовая мораль, трудовое подвижничество имели идеологический фундамент, воодушевление, приверженность социалистическим целям и в то же время подкреплялись четкой организацией труда и «системой страха» (именно с такой последовательностью этих трех факторов по их значению, что бы ни утверждали некоторые критики). Теперь мотивационная система перестраивается таким образом, что ведущее значение приобретает непосредственный интерес работника, трудового коллектива, территориальной общности, их, если угодно, эгоизм. Правый сдвиг, усиление стимулирующего эффекта

неравенства в распределении и обеспечивает такую перестройку. Но при этом сдвиг должен быть таким, чтобы дифференциация в уровне потребления не утрачивала в недопустимой мере справедливую основу — трудовую. На уровне предприятия распределение по результатам труда обеспечивается рынком, конкуренцией.

Минимальный правый сдвиг — к умеренно левому курсу. Кажется, это то, что мы уже имеем и что очевидным образом демонстрирует свою недостаточность. Следующий шаг — левоцентристский курс. Думается, это оптимальный вариант. Суть его — использовать до конца возможности социализма, механизмы стимулирования работника умеренным неравенством. Без перехода к более сильным, капиталистическим механизмам стимулирования, коль скоро они менее справедливы и трудно усваиваются обществом, уже избалованным даже далеким от совершенства социализмом, привыкшим к нему, сросшимся с ним. Вероятен сдвиг к правоцентристскому курсу, аналогу НЭПа, с допущением в определенных пределах (не больше 30%) частнокапиталистического производства.

И это в принципе неплохо, при нужде такую политику можно, говоря словами Ленина, принять всерьез и надолго. Но если уж следовать указаниям Ленина не выборочно, только там, где это выгодно, а иметь в виду его целостную позицию, то нельзя забывать того, что от политики типа НЭПа легко соскользнуть к правоумеренной, праворадикальной, а потом и ультраправой политике со все более глубокой «приватизацией» собственности, передачей весьма значительной (более 30%), преобладающей (более 50%), а потом и подавляющей (более 70%) части основных средств производства в частные руки. Это уже был бы общий курс на неоконсервативную эволюцию социализма. Ввиду возможности такого скольжения сторонники этой эволюции поначалу будут, видимо, поддерживать правоцентристский курс, считая его про себя единственной реалистичной на данном этапе программой-минимум.

Альтернативные политические курсы различаются между собой, конечно, не только соотношением объемов общественной и частной собственности. Это доминантный, но не единственный квалифицирующий признак политики. Частная, точнее, частнокапиталистическая собственность появляется в значимых объемах после перехода из левой части политического спектра в правую, но есть различия между политическими курсами в каждой части спектра. В левой ее части при движении к центру соотношение между народной и кооперативной собственностью меняется в пользу последней, хотя она в этой части спектра и не становится преобладающей. Меняются и формы реализации народной собственности — от большего к меньшему непосредственному участию государства в распоряжении ею. Возрастает роль индивидуальной трудовой деятельности.

Если ограничиться характеристикой левоцентристского курса, который, как говорилось, представляется оптимальным для пере-

стройки, то переход к нему от бюрократически извращенной леворадикальной политики выглядит следующим образом.

Набор форм собственности и форм ее реализации изменяется таким образом, что право собственности и ее хозяйственное использование в максимально возможной мере соединяются в одних руках. Тем самым устраняется экономическое отчуждение, реализуется требование, в упрощенной форме выражаемое в призывах «фабрики рабочим», «землю крестьянам». Реализуется таким образом, чтобы это не означало замену народной собственности групповой, но усиливало групповые, коллективные формы реализации народной собственности. Таков общий смысл изменений. А вот наиболее значительные из них.

Государственная (общенародная) собственность, до сих пор не имевшая внутренней дифференциации, трансформируется в народную (государственную) собственность с подразделением на общенародную (общегосударственную, союзную, федеральную), собственность народа республики (республиканскую) и собственность территориальных общностей, коммунальную (собственность местных Советов, муниципальную). Во всех этих случаях в основном определении называется субъект собственности, собственник, а в скобках — его официальный представитель, управляющий, «приказчик», который лишь условно может именоваться собственником.

В ныне действующей Конституции СССР эти определения переставлены местами. Термин «государственная (общенародная) собственность» выражает, в сущности, бюрократическую претензию государственного аппарата быть суверенным субъектом собственности, а не всего лишь полномочным, но подчиненным представителем собственника. Отсутствие же дифференциации этой собственности выражает стремление бюрократической верхушки, центральной власти безраздельно распоряжаться народной собственностью на всех уровнях общественной иерархии. Так что при перестройке отношений собственности не обойтись и без терминологических уточнений.

Субъекты народной собственности суверенны. Союз республик не может в одностороннем порядке изъять в свою пользу республиканское имущество, республика — коммунальное имущество, а вышестоящий местный Совет — собственность нижестоящих местных Советов. Переход объектов народной собственности от одного собственника к другому, возмездный или безвозмездный, возможен только на договорных началах, то есть по добровольному соглашению сторон, в данном вопросе равноправных.

Расширяется набор групповых, или коллективных, форм собственности. К ним, наряду с кооперативной собственностью и собственностью общественных организаций, относится и собственность трудовых коллективов народных («государственных») предприятий, то есть предприятий, функционирующих на базе народной собственности (союзной, республиканской, муниципальной). Собственностью трудового коллектива является весь доход предприятия, то есть сто-

имость произведенной им продукции за вычетом материальных издержек производства. После уплаты налогов коллектив распоряжается своим доходом самостоятельно. Все предприятия подчиняются законам конкурентного рынка, общецивилизационного по своим механизмам и социалистического по составу участников.

Исключительно важен вопрос об эволюции режима народной собственности, форм ее реализации. Эффективность использования этой собственности целиком и полностью зависит от того, насколько заинтересован работник в ее хозяйском использовании, насколько зависит от этого его благосостояние. Крах бюрократического социализма неизбежно превратится в крах социализма вообще, если не будет найдена форма органичного соединения, «сращивания» работника с народной собственностью.

В СССР от этого зависит процентов 85 производства, то есть практически вся хозяйственная и вся вообще жизнь. Развитие кооперативного и индивидуального сектора, при всем его значении, почти ничего не решит без развития народного сектора. Попытка ограничиться полумерами в «государственном» секторе и оживить экономику на путях развития новых кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности была проявлением феноменальной близорукости, крупнейшей стратегической ошибкой в экономической реформе, той бюрократической ловушкой перестройке, в которую угодили ее инициаторы. В условиях ослабления государственного контроля и отсутствия рыночной конкуренции начался разгул «группового эгоизма» (который в нормальных экономических условиях не только естествен, но и является мощным позитивным фактором, вырываясь же из рамок рыночного и государственного регулирования, приобретает разрушительный характер).

Становление новых форм реализации народной собственности началось с введения аренды. Аренда — это наем несобственником имущества у собственника за плату. В феодальном и полуфеодальном обществе сдача земли в аренду была и кое-где остается наиболее распространенной формой эксплуатации крестьянства. Она применяется и при капитализме, и в ограниченном объеме при социализме, но можно ли делать из нее чуть ли не основное «производственное отношение»? Превращая десятки миллионов работников, занятых на «государственных» предприятиях, в арендаторов, а себя в арендодателя, государство тем самым окончательно узурпирует у народа права собственности на основные средства производства и делает собственником тот самый бюрократический аппарат, превращение которого в особый класс мы до сих пор с определенным основанием могли отрицать.

В теоретическом отношении аренда как основное производственное отношение — это самоубийство социализма. Представитель собственника превращается в собственника, а собственник лишается своего статуса. Трудовому коллективу предлагается забыть, что он является собственником, и предстать перед «своим» государством в

качестве просителя аренды. И не только перед государством, но и, к примеру, перед колхозным и совхозным начальством при аренде земли. А в практическом отношении? Не расцветет ли как безответственность государственных органов (вся забота — содрать высокую арендную плату), так и стремление арендаторов хищнически использовать имущество и забросить его, перейдя к другой аренде? Идея аренды — это новая бюрократическая ловушка.

М.С. Горбачев как-то заметил, что имеется в виду «аренда в самом широком смысле этого слова». То есть, надо понимать, аренда не в смысле аренды. Это уже лучше. Коли так, для обозначения этого широкого смысла нужно найти другое слово. Им является «владение». Это основательнее, чем предлагаемое «полное ведение» — модификация бюрократического «оперативного управления».

Термин «владение» употребляется в двух смыслах. В узком смысле он обозначает одно из трех полномочий собственника — фактическое обладание имуществом (иметь вещь «в руках»); два других полномочия — пользование и распоряжение. В широком смысле владение — это неполное, условное, «обремененное» некоторыми обязанностями и потому не вполне свободное право собственности, «сосуществующее» с правом суверенной собственности другого субъекта на тот же объект. В условиях социалистического товарного производства трудовой коллектив «государственного» предприятия, не будучи полным собственником, может и должен пользоваться полной свободой в хозяйственном маневрировании имуществом. Оно является источником его благосостояния, и он использует его как полноправный хозяин в плавании по беспокойному переменчивому морю конкурентного социалистического рынка. Перед нами, следовательно, институт полномочного коллективного хозяйственного владения как основная форма реализации народной собственности во всех ее видах. Не собственность, но владение.

Правовой режим полномочного хозяйственного владения в основных своих элементах должен включать следующее. Союз, республика, местные органы обязаны передавать общенародное, республиканское, коммунальное имущество производственного назначения в полномочное владение трудовым коллективам народных предприятий и осуществлять не стесняющий хозяйственную самостоятельность предприятий контроль за его использованием. Передача имущества совершается по генеральному договору соответствующего органа государства как представителя собственника с органами управления предприятия. В договоре указывается натуральный состав и стоимость имущества и общие цели его использования (профиль производственной деятельности), которые могут быть изменены лишь с одобрения данного органа государства. В процессе производственно-хозяйственной деятельности натуральный состав имущества изменяется по усмотрению предприятия. Плата за использование имущества (исключая землю и природные ресурсы) не взимается. Устанавливается объем ежегодных амортизационных отчислений, рассчитанный

на своевременное обновление оборудования (примерно 6—9 лет, а не 20—25 лет, как во многих случаях в годы застоя), и доля дохода, ежегодно отчисляемая в обязательном порядке на развитие производства (умеренная — видимо, не больше 5%). Амортизационные отчисления и отчисления в фонд развития производства составляют вместе воспроизводимое на расширенной основе, приумножаемое народное достояние, а используются предприятием по собственному усмотрению. Устанавливается порядок уплаты предприятием общегосударственного, республиканского и местного налога (видимо, примерно в равных долях, при общем объеме налоговых отчислений, не превышающем 30—40 процентов, с уплатой местного налога преимущественно тому органу власти, которому принадлежит коммунальное имущество). Фактические изменения в натуральном составе и стоимости народного имущества и собственные вклады трудового коллектива в основные и оборотные фонды фиксируются в ежегодных протоколах, составляемых органом государства и предприятием и прилагаемых к генеральному договору. При перепрофилировании производства заключается дополнительный или перезаключается генеральный договор. Этот типовой правовой режим хозяйственного владения будет, видимо, иметь разные варианты, отражающие специфику отраслей производства.

Введение и отладка института полномочного коллективного хозяйственного владения народным имуществом (включая землю) — это ключевой элемент левоцентристского политического курса, основа основ реализации этого курса и, тем самым, оптимального варианта перестройки. Не денационализация, а деэлитизация. Сдвигать политику дальше вправо, не исчерпав до дна возможностей института владения, было бы совершенно неоправданным и легкомысленно рискованным отступничеством от социализма. На втором месте после введения этого института стоит возвращение колхозов в их законное и естественное кооперативное состояние. По-видимому, с разукрупнением слишком больших колхозов, в которых теряются драгоценные социальные качества таких коллективов, которые обозримы для каждого их члена. На последующих по важности местах стоит формирование новых кооперативов, главным образом производственных, создание независимых от колхозов и совхозов конкурентоспособных семейных ферм, расширение индивидуальной трудовой деятельности. Допускаются совместные предприятия. Функционирует свободный рынок, «процентов на десять» регулируемый государством.

Все это и сформирует экономические основы нового социалистического «гражданского общества» — основанной на социальном равенстве и справедливом неравенстве ассоциации граждан, коллективов, территориальных общностей, полноправных в своих жизненных проявлениях, подчиняющихся системе внутренней саморегуляции, относительно независимых от государства, способных к инициативе и вынужденных самими жизненными условиями проявлять ее. Это «гражданское общество», и только оно, поставит на место государство

и всю политическую надстройку, лишит ее бюрократического самонимения и безответственности, заставит ее служить сначала обществу и лишь потом самой себе, позволит увенчать социально-экономическую перестройку развернутой политической демократией. Здесь тоже не обойтись без труднейшего и ответственного выбора.

3. Будет ли демократия?

В политике перестройки выделяются, точнее, должны бы четко выделяться два взаимосвязанных, переплетающихся, но разных аспекта: социально- и организационно-политический. Социально-политический задается на веере альтернативных политических курсов, а организационно-политический — на веере альтернативных политических режимов.

В политическом курсе выражаются цели общества, в политическом режиме — организационные средства их достижения. Курс как выражение целей имеет приоритет перед режимом, обуславливает режим как свое средство. Каков курс, таков режим. Но в этой субординации режим, если он неверно определен или неумело осуществляется, может погубить и похоронить любой, даже самый разумный курс.

Всякий политический режим представляет собой то или иное сочетание полярно противоположных принципов организации человеческих взаимодействий — авторитетности (односторонней власти, безоговорочного, безусловного подчинения законам и распоряжениям, жесткой дисциплины и ответственности) и демократизма (равноправия сторон, их соглашений, свободы выбора, самоуправления). Практически невозможны режимы, построенные на формах реализации только одного из этих принципов. Такие режимы возможны лишь как аномальные, как разрушительные для общества и потому эфемерные. Фактически в каждом режиме преобладает та или другая сторона, но и уравновешивающая ее сторона имеет определенное, вполне серьезное значение.

При анализе конкретных политических режимов продуктивно использование их общей типологии, качественной шкалы, включающей шесть объективно возможных режимов. Вот они: 1) тоталитарный (чрезмерно, извращенно авторитарный, обычно террористический, тиранический); 2) жестко авторитарный; 3) авторитарно-демократический; 4) демократически-авторитарный; 5) развернуто демократический; 6) анархо-демократический (чрезмерно, извращенно демократический, попустительский режим, приводящий к дезорганизации общественной жизни, к хаосу, после чего в качестве единственного практического выхода чаще всего возникает тоталитарный или в лучшем случае жестко авторитарный режим).

В отличие от политических курсов, политические режимы не только по названию, но и по содержанию, по своим формам и мето-

дам в основном одни и те же и в капиталистическом, и в социалистическом мире. Фундаментальный факт состоит в том, что сходные политические режимы обслуживают противоположные общественные системы и их политические курсы. Относительная самостоятельность политических режимов образует почву для использования социализмом всего положительного организационного наследия, выработанного человечеством, начиная, скажем, с опыта древней афинской демократии и кончая опытом современного парламентаризма. На этом поле поистине мало что можно открыть принципиально нового, из такого рода попыток получается чаще всего младенческое оригинальничанье, над которым жизнь смеется, — куда разумнее прилежное ученичество.

Некоторые публицисты из числа бесспорных сторонников перестройки заговорили о необходимости диктатуры, о создании, по аналогии с Великой Французской революцией, Комитета общественного спасения, который проведет перестройку, а потом откроет дверь демократии. Конечно, если дойдет до анархо-демократического режима, который можно именовать также демократическим хаосом, вопрос о диктаторском спасении может приобрести актуальность. Но едва ли убедительны общие рассуждения о том, что не случайно так долго — веками — западные страны шли к демократии, что так мало собственных демократических традиций имеет советский народ и т.д. Нет причин впадать в панику и искать спасения в диктатуре. При объективной необходимости народ быстро учится демократии. Тем более такой народ, как советский. Перед нами уже стоят факты демократической зрелости советского народа, превзошедшей все ожидания скептиков.

Все дело в том, чтобы демократические потенции народа, уже сейчас огромные и к тому же способные к быстрому развитию, направить в русло созидания нового социализма. Принятие и реализация левоцентристского политического курса будут таким руслом. Этот курс обеспечивает наилучшие, наиболее широкие, редкостные возможности для социального консенсуса, а значит — для развернутой демократического режима, еще невиданного ни в нашей стране, ни при социализме вообще. Никакой другой политический курс не удастся соединить узлами прочного брака с развернутой демократией, все остальные курсы вызовут более активное и (или) более массовое неприятие справа или слева и потому потребуют более авторитарных режимов. Поскольку развернуто демократический режим представляет собой не просто средство реализации политики, но и самостоятельную ценность (что слаще свободы? для неравного, ущемленного разве что равенство), это дополнительный аргумент в пользу левоцентристского курса. Его принятие дает обществу двойной выигрыш: и в целях, и в режиме.

Государственной системе предстоит изменяться таким образом, что, с одной стороны, будет совершенствоваться ее внутренняя структура и динамика и тем самым возрастать специфический вклад каж-

дой ее подсистемы в упорядочение общественной жизни, а с другой — будет все более обозначаться взаимная независимость каждой подсистемы, их балансирующая роль, стимулирование каждой подсистемой полезной и сдерживание неполезной активности других подсистем, вплоть до их взаимного обуздания в возможных притязаниях на чрезмерную власть, в попытках установить собственное единовластие. В этом суть «разделения властей». Разделение властей — это демонополизация власти, только и способная оградить «потребителей» власти — общество и каждого гражданина — от попирания их прав, их свобод и законных интересов.

К настоящему времени перестройка больше всего продвинулась в части формирования представительной системы. Расстались, наконец, с иллюзией, что Советы, собирающиеся два раза в год на двух-трехдневные сессии и не отвлекающие депутатов от их основной работы, соединяют преимущества непосредственной демократии с преимуществами парламентаризма. В действительности те и другие преимущества утрачивались. Не было ни преимуществ непосредственной демократии (вместо нее — неконкурентные выборы, ни одного референдума), ни полноценного парламентаризма (а всего лишь отлаженный механизм единодушного утверждения и одобрения, «демократия поддержки»). Теперь есть парламентаризм, будут, надо думать, не только конкурентные выборы, но и референдумы (общесоюзные, республиканские, местные). Правда, наш только что родившийся парламентаризм пока что деформирован ненужными наростами — съездом народных депутатов и «общественной курией». Но у многих союзных республик хватает здравого смысла отказаться на республиканском уровне от обоих этих институтов.

То же самое относится к должности Председателя Верховного Совета СССР как единоличного главы государства (см. конец статьи). Сейчас этот институт носит странный характер. Лицо, которое наделено властью, эквивалентной президентской, находится не вне парламента и под его контролем, а в составе и во главе парламента да и всей двузвенной системы народного представительства. Здесь опять отступление от элементарной демократии. Однако с учреждением поста президента сложится нормальная президентская власть, разделение власти между президентом, являющимся главой, властным генеральным руководителем административной системы, и народным представительством, которое в подобном руководстве не нуждается. В этой паре народное представительство имеет преимущественные полномочия: оно издает законы и принимает решения, обязательные для президента. Но и президент уравнивает полномочия парламента тем, что может наложить на его решения отлагательное вето, преодолеваемое не простым, а квалифицированным большинством голосов парламентариев. К тому же президентская власть будет функционировать у нас в условиях многопартийности и президент будет избираться непосредственно населением на конкурентных выборах.

Наиболее сложна и остра проблема перестройки административной системы. Она пока что откупились от перестройки 30—40-процентным сокращением штатов (с фактической переброской кадров большей частью в различные «средние» звенья аппарата) и уменьшением числа ведомств на союзном уровне на два с половиной десятка при обещаемом изменении, а фактическом сохранении функций оставшейся полусотни ведомств.

Проблемы перестройки административной системы нельзя решать на волне вполне оправданной в эмоциональном отношении, но вульгарной критики бюрократических извращений в административной системе, в атмосфере своеобразного «административного луддизма»: круши министерства, разгоняй аппарат, да здравствует свобода от чиновничества! Ах, оно все же необходимо? Так подчинить хотя бы некоторые ведомства непосредственно Верховному Совету, а то и «полновластному» съезду народных депутатов. В сущности, это юношеский максимализм некоторых девственно-непрофессиональных политиков.

«Административный луддизм» — самый короткий путь к полной дестабилизации общественной жизни, к ее развалу, к доведению ее до такого состояния, когда диктатура, осуществляемая руками только что разгромленных, но возродившихся, самое большее, под новыми названиями ведомств становится неизбежной как единственное спасение от хаоса. Какова вина, таково и возмездие. Получат свое, и заслуженно, и народные представители. Диктатура ископит их, вернет в прежнее декоративное состояние. И тогда они поймут на собственном горьком опыте, что их выбирали не для разгрома административного аппарата, а для его глубокого функционально-структурного преобразования и надежного «дистанционного» владения им. Им нужно владеть, отнюдь не лишая его самостоятельности. Это была бы затея и нереальная, и вредная.

Стимулируя же и используя профессиональный аппарат, нужно, конечно, учитывать его податливость профессиональной болезни — бюрократизму, если употреблять это слово не в аксиологически нейтральном, а негативном смысле. «Административный» и «бюрократический» — не синонимы. Не всяк чиновник или сановник — бюрократ. В идеале административный аппарат может быть свободен от бюрократизма, а чиновник, сановник — честные, полезнейшие труженики. Бюрократизм начинается там, где аппарат, сановник, чиновник пренебрегают общественными интересами, ради которых существуют и оплачиваются, ставят эти интересы на второе место по сравнению со своими собственными. Аппарат может быть и здоровым, и бюрократическим, то есть более или менее глубоко и широко, но не безнадежно пораженным бюрократизмом, и бюрократическим, то есть практически полностью изменившим своему социальному назначению.

Перестройке противостоит в целом бюрократизированный, а в отдельных звеньях полностью переродившийся, бюрократический

аппарат. Положение осложняется технократическими тенденциями, усилившимися в условиях научно-технической революции. Налицо синдром, получивший название технбюрократизма. Как бороться с ним? Строгим и жестким контролем за конечными результатами деятельности аппарата со стороны комитетов и комиссий Верховного Совета, каждого депутата в отдельности. И со стороны Комитета народного контроля, который отделен от остального аппарата, противопоставлен ему и непосредственно подчинен народному представительству. Но оно, похоже, еще не понимает, какое получило в свои руки орудие и как его использовать.

Действительно серьезная задача народного представительства, к решению которой оно так и не приступило, — реформировать правительственную систему, ибо в силу своей феноменальной инерционности и бюрократических традиций она, как показал опыт многих реорганизаций и нынешней перестройки, на самореформирование совершенно неспособна. Принцип этой реформы заключается в том, что самостоятельности, относительной независимости социалистического гражданского общества, конструктивному действию в нем механизмов саморегуляции, децентрализации государственного управления, развитию производственного и местного самоуправления соответствует лишь система максимально широко специализированных отраслевых и межотраслевых («функциональных») ведомств. А значит — их небольшое число.

Для предметного представления, что бы сие означало, вот примерный перечень необходимых широко специализированных ведомств, из руководителей которых составляется правительство СССР. В народном хозяйстве — десять: Госплан, Госкомприрода, министерства народного хозяйства (наименование условное, фактически оно управляло бы преобладающей частью материального производства — промышленностью, строительством и сельским хозяйством), топливной и энергетической промышленности, оборонной промышленности (пока есть необходимость иметь ее в качестве относительно обособленной отрасли), транспорта, коммунального хозяйства и связи, финансов, снабжения и торговли, внешних экономических связей. В социально-культурной сфере — пять: госкомитеты по образованию и науке, информации и культуре, труду и социальному обеспечению, министерства здравоохранения, внутренних дел. В собственно политической сфере — три: министерства иностранных дел, обороны, комитет госбезопасности. Всего 18. Было бы нормальное правительство, возглавляемое председателем и одним-двумя его заместителями.

В предлагаемом перечне не до конца использован один резерв укрупнения отраслей управления. В принципе в «миннархозе» можно было бы объединить все отрасли материального производства, включая транспорт, топливно-энергетическую промышленность, оборонную промышленность, коммунальное хозяйство и связь. Тогда было бы четырем министерствам меньше. Самостоятельность предприя-

тий от этого только выиграла бы. Но общество, пожалуй, проиграло бы. В этих четырех отраслях, в отличие от «остальной», преобладающей части материального производства, трудно или невозможно с достаточной полнотой демонополизировать производство и тем самым поставить предприятия в условия жесткой конкуренции, выгодной потребителю и, значит, обществу. Здесь в большей мере необходимо вмешательство государства в организацию производства и хозяйственные отношения, прежде всего в планирование и ценообразование. Необходимо либо традиционное директивное планирование (обязательные задания, не прикрытые фарисейскими «посзаказами»), либо его более гибкая и мягкая форма, ограниченно директивное планирование (утверждение вышестоящим органом планов, самостоятельно разрабатываемых предприятиями). Значит, нужны относительно узкие специализированные ведомства. Потребуется и обязательные государственные цены, так как нет иного пути унять разбой монополистов на рынке.

В остальном же, в преобладающей части материального производства можно обойтись «регулятивным» планированием, при котором государство определяет для себя направления экономического воздействия на производителей (ассигнования, дотации, кредиты, налоговые скидки и др.) с тем, чтобы добиться нужных изменений в структуре производства и на рынке. Без каких бы то ни было обязательных указаний предприятиям, но с регистрацией ими своих производственных планов — просто для осведомления государства о том, какие процессы будут происходить в хозяйстве на протяжении того или иного планового периода. Думается, и здесь нужен будет определенный, более гибкий государственный контроль цен и «срезание» чрезмерных доходов, имеющих чисто конъюнктурные источники, с помощью прогрессивного налогообложения.

Конфузный и тем не менее упорно не признаваемый провал закона о государственном предприятии, как и всей вообще экономической политики первых четырех лет перестройки, во многом объясняется тем, что не хотели видеть специфики предприятий разной отраслевой принадлежности как объектов управления и создали «универсальную» систему обязательных «государственных заказов», прикрывавшую нежелание расставаться со старой системой управления. Были и новации «полного» хозрасчета. Они оказались несовместимыми с системой планирования, и это привело к общей дезорганизации производства, к инфляции, скачкообразному росту бюджетного дефицита, к росту заработной платы, не связанному с реальным ростом производительности труда и состоянием рынка. Грубейшие изъятия экономической политики, допущенные вопреки предупреждениям ученых, должны быть исправлены теперь законом о социалистическом предприятии (единым для всех их типов).

Естественным следствием не показного, а серьезного и радикального укрупнения союзных ведомств станет то, что у них, как правило, не останется непосредственно подчиненных им предприятий и других

организаций. Значит, почти все они будут подчинены соответствующим республиканским и местным органам (почти в том же наборе). Это приблизит органы управления к предприятиям и другим организациям и создаст удобства для обеих сторон. Самостоятельность производственных организаций от такой близости не пострадает, так как она остается одной и той же, независимо от того, где находится их вышестоящий орган — в центре или ближе. В то же время это создаст, наконец, условия для формирования территориальных производственных комплексов с единым управлением ими (сейчас оно разделено между всевластным центром и безвластными местами).

Центральные ведомства будут по общему правилу управлять своими отраслями не иначе как через одноименные республиканские и местные органы, а правительство Союза — республиками и местами не иначе как через республиканские правительства и, далее, административные советы областного и районного уровня. Будет реализована демократическая система «двойного» подчинения практически всех несоюзных звеньев административного аппарата: по вертикали — центру, по горизонтали — соответствующему Совету, республиканскому правительству, местному административному совету. Эта система дает наилучшие возможности для гармоничного сочетания полномочий центра, республик и мест, для проведения единой общегосударственной политики и ее балансирования специфическими интересами отдельных национально-территориальных и территориальных общностей.

Предоставление народным предприятиям максимальной самостоятельности, погружение их, вместе с кооперативами, старыми и новыми, в пучину конкурентной экономики и коренная реорганизация административного аппарата — это две стороны одной медали. Они неразрывно связаны друг с другом, одно изменение является условием другого. Их нужно поэтому проводить одновременно. Когда конструкторы перестройки провели в 1987 году в «четвертушечной» форме первую меру, а затем, два года спустя, в «осьмушечной» форме вторую, они допустили крупный, непростительный стратегический просчет. Думали обхитрить историю, «все улучшить, ничего не менять» — и поставили и страну, и себя в труднейшее, критическое положение. Возможность относительно плавного и успешного развития перестройки была необратимо упущена в 1987 году. Теперь нужно продолжать перестройку в условиях крайней нестабильности. Но все же продолжать. Иного пути нет.

В условиях нестабильности, чрезвычайных мер, проводимых в экономической сфере и кое-где в сфере межнациональных отношений, особое значение приобретает деятельность контрольной системы, включая суды. Она является стабилизирующим фактором в нормальных условиях. В экстраординарных условиях она обычно не в состоянии переломить неблагоприятное течение событий, для этого нужны глубокие позитивные, конструктивные меры, но и эти меры без опоры на повышенную активность контрольной системы чаще

всего срываются. У перестройки в данной области две трудно совместимые задачи: заложить основы контрольной системы, отвечающей генеральной тенденции к демократизации общественной жизни, и в то же время использовать создаваемую новую систему для проведения экстраординарных мер, обычно жестких и суровых. Более конкретно обсудить этот вопрос здесь нет возможности.

Таковы в основном изменения в государственном механизме, которые отвечают принципам развернутого демократического режима и могли стать средством осуществления левоцентристского курса и его организационной гарантией. Но этого мало. В СССР все осложняется федеральным моментом. Новый социализм невозможен без нового федерализма — не жесткого, склоняющегося к унитарности, а мягкого, гибкого, граничащего с конфедерализмом, но не совершающего этого неперспективного превышения. Попытаемся рассмотреть проблему предстоящего и здесь выбора.

4. Сепарация или федерация?

Нельзя не согласиться с принятой сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС платформой по национальной политике в анализе причин крайнего обострения, форменного кризиса межнациональных отношений. Наследство, действительно, не во всем благоприятно, а в отдельных моментах, особенно в связи с депортацией целых народностей, так до сих пор и не восстановленных в своих правах на родную землю, и вовсе неблагоприятно. Совершенно верна также та высказанная в платформе мысль, что неблагоприятные факторы звучали серьезным диссонансом в верной в преобладающей части политике, сочетавшей заботу о возрождении и развитии всех, прежде всего наиболее отсталых и угнетенных наций, и об их интернациональном братстве и сотрудничестве.

Национальный кризис возник и развивается как составная часть общего кризиса социализма, экономического, политического, нравственного. Социалистическое общество дошло до стыда и позора национальной сегрегации, что сродни расизму. В одних местах эта сегрегация приняла дикие формы, с убийствами, поджогами, сотнями тысяч беженцев. Достойные нации вдруг погрязли в «войне шакалов» — против беспомощных. В других местах — вроде бы цивилизованные, но в сущности неэтичные формы — с мягким пока что «выживанием» «мигрантов», их юридической дискриминацией (ценз оседлости и пр.), созданием для них общего дискомфорта и атмосферы неуверенности в будущем.

Непосредственной причиной национального кризиса явилась болезнь национального сознания, но все дело в том, каковы более глубокие корни этой непосредственной причины. Их нужно искать главным образом не в относительно отдаленном (хотя они, конечно, есть и там), а в недавнем прошлом. Не в природе социализма, а в его без-

дарном строительстве, в запаздывании на целых три-четыре десятилетия перехода от чрезвычайного, мобилизационного социализма к тоталитарными извращениями к нормальному, демократическому социализму. Не в собственно национальной сфере, национальном характере и т.п., а в социально-экономической сфере. Не в перестройке, но и в ней тоже, так как из своих четырех лет она два года много обещала, а последующие два года довольствовалась половинчатыми, «четвертушечными» и «осьмушечными» мерами, которые привели к ухудшению экономического положения и общему острому разочарованию едва ли не у большинства народа.

Свою роль сыграли и бюрократические проявления со стороны представителей большой, ведущей нации, какой является в масштабах всей страны русская нация. Эти проявления неизбежно приобращают шовинистический привкус. Нелепо было бы отрицать русоцентристский характер нашей федерации, то, что русская нация, да и шире — славянские нации (великороссы, украинцы, белорусы) сыграли огромную позитивную роль в подъеме всей страны, в ее защите от порабощения и уничтожения, что они и в дальнейшем будут как бы основой советской федерации, ее становым хребтом и ведущей силой. Но столь же нелепо было бы не видеть опасности симбиоза бюрократизма и шовинизма. Это — дополнительный повод для обид и отпора со стороны меньших наций, и эта их реакция легко принимает националистический характер. Правда, в «своих» республиках те же обидные и справедливо протестующие нации, будучи большими и ведущими, тем легче впадают в шовинизм в отношении своих национальных меньшинств, чем сильнее захвачены националистическими страстями.

Недовольство главными чертами общественного развития и острое разочарование в первых итогах перестройки и толкнуло многие нации к поиску иллюзорного выхода из социального кризиса на путях решения собственно национальных проблем, которые являются всего лишь производными. Произошла подмена социального национальным. То, что не делается сообща, сделаем, мол, сами, сплотившись на национальной основе, отстранившись от мешающих нам других наций, устранив их. На этом пути людей ждут новые разочарования, а на их почве новые конвульсии и беды.

Наша общественная жизнь напоминает сейчас терпящее бедствие двухкорпусное судно, катамаран. Один корпус, социальный, получил пробоину и наполовину погрузился в воду, палуба перекосилась, второй, национальный корпус вздыбился над водой, а прикрепленный к нему гребной винт шумно и без толку вертится в воздухе.

Как лечить национальную болезнь, поддерживая в то же время благородные стремления к национальному самосохранению, возрождению, расцвету? Конечно, главным образом не интернационалистическими проповедями, хотя, умные, и они совершенно необходимы. Коль скоро корни болезни ушли глубоко в социальную сферу, ее не симптоматическое, а радикальное лечение заключается в глубоких

социальных преобразованиях. Они должны выполнять две функции сразу: повышать социально-экономическое благополучие общества и вместе с тем переключать общественную активность, энергию людей, особенно людей общественного долга и подвига, с малопродуктивных сугубо национальных целей на более продуктивные социальные. Что-то вроде социально-трудовой терапии. При том, что в борьбе с преступлениями на национальной почве, главным образом с убийствами, не обойтись без жестких и жестоких мер, с «неудобными» национальными движениями, даже националистическими, и с их лидерами нужно обращаться уважительно, быть, как советовал Ленин, бесконечно внимательными и уступчивыми во всем, что касается форм национальной жизни и межнациональных отношений. Нужно снова учиться жить вместе.

Такова стратегия, в общем выраженная и в платформе КПСС, но, пожалуй, в отдельных элементах недостаточно определено. Упущены нюансы, из которых вытекают существенно иные и похожие, но более радикальные меры. Вот какими положениями можно было бы поправить или дополнить платформу.

Платформа исходит из того, что есть три типа государственного устройства: конфедерация (она отвергается), федерация и унитарное государство. Между тем их пять: конфедерация, национально-территориальная федерация, территориальная федерация (пример — США), унитарное государство с автономными образованиями, простое унитарное государство. Могут ли в одном союзном государстве объединяться национальные и территориальные единицы? Почему бы и нет?! Платформа не так уж и далека от этой мысли, поскольку допускает «целесообразность перехода РСФСР к управлению по крупным регионам».

Если, настойчиво именуя перестройку «революционной», ее руководители хотя бы в порядке исключения пойдут на действительно радикальные изменения в национально-государственном устройстве, то уже сейчас можно было бы принять решение о создании смешанной национально-территориальной федерации, в которую на равных правах вошли бы территориальные единицы («штаты»), то есть регионы РСФСР и других крупных республик (население которых превышает 10 млн.), и существующие союзные республики.

Тогда СССР состоял бы из тридцати союзных республик. Их примерный перечень: Северо-Западная, Среднерусская, Средневолжская, Нижневолжская, Южнорусская, Северо-Кавказская, Уральская, Западно-Сибирская, Восточно-Сибирская, Дальневосточная, Северо-Украинская, Южно-Украинская, Левобережная, Правобережная, Западно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская, Восточно-Узбекская, Западно-Узбекская, Белорусская, Азербайджанская, Грузинская, Литовская, Молдавская, Латвийская, Киргизская, Таджикская, Армянская, Туркменская, Эстонская.

Представим себе, далее, такие нововведения.

Вместо союзных республик, разбитых по их желанию на «штаты», создаются субфедеральные союзы: Российский, Украинский, Казахский, Узбекский. Они не управляют своими членами, но имеют в качестве органа народного представительства собрание народных депутатов СССР, избранных от соответствующих республик, и при необходимости решают общие для них вопросы, прежде всего в сфере национального развития. Союзные республики, созданные по территориальному принципу в рамках субфедеральных союзов, в отличие от других союзных республик не имеют каждая в отдельности права выхода из СССР. Такое право сохраняется лишь за субфедеральным союзом в целом.

Совет национальностей Верховного Совета СССР формируется по таким нормам представительства: союзная республика — 5 чел., автономная — 3, автономная область — 2, автономный округ — 1. Всего получится 231 чел. Столько же в Совете Союза. Итого в Верховном Совете СССР 462 чел. Вполне достаточно для постоянно работающего парламента. Он избирается непосредственно населением. Съезд народных депутатов через год—два прекращает свое существование принятием новой Конституции СССР. Главой исполнительной власти в Союзе ССР и в союзных республиках является президент, избираемый вместе с вице-президентом на конкурсных выборах непосредственно населением. Президиум Верховного Совета СССР упраздняется. В качестве высшего консультативного органа учреждается президентский совет, в который входят президент и вице-президент Союза и президенты 30 союзных республик. Создается также аналогичный правительственный совет.

Система управления решительнейшим образом децентрализуется. Союзные ведомства, за самым редким исключением, не имеют предприятий и других учреждений в непосредственном подчинении и ограничиваются стратегией союзного развития. Почти все непосредственное управление уходит на республиканский и местный уровни.

Проводится генеральная ревизия и раздел народной собственности. Относительно небольшая ее часть остается общенародной, то есть принадлежащей советскому народу в целом, представляемому в отношении собственности союзными органами государственной власти и управления. Преобладающая же часть нынешнего «общегосударственного» имущества, включая целиком землю, недра, воды, леса, признается собственностью народа союзных республик. Их высшие органы государственной власти передают республиканское имущество далее в собственность или полномочное владение территориальным общностям, представляемым местными органами власти и управления, и предприятиям, их трудовым коллективам.

Настоящим базисом советской федерации, как и всего государственного строя, призван стать территориальный, в частности республиканский, хозрасчет. Этот эвфемизм изобретен для обозначения экономической самостоятельности республик и местных территориальных общностей, выступающих в качестве ассоциаций трудовых

коллективов — товаропроизводителей, «общающихся» между собой в соответствии с законом стоимости, через эквивалентный обмен произведенной ими продукции на едином общесоюзном социалистическом рынке. Принципиальных различий между республиканским и местным хозрасчетом нет. Создание территориального хозрасчета и есть главное направление в решении национальных проблем социально-экономическими средствами. Каждая национально-территориальная общность будет благоденствовать или испытывать нужду в меру общественной ценности своего труда, измеряемой самым объективным и демократическим — не придерешься — инструментом, а именно рынком. Конечно, регулируемым.

Регулирование же рынка, экономической и всей общественной жизни, учитывая то, что ее органическое единство будет выгодно всем республикам, потребует максимального единства законодательства. Характеру новой, гибкой, мягкой федерации не только не противоречило бы, но прямо отвечало бы положение, когда будут действовать не общесоюзные основы законодательства и конкретизирующие их кодексы союзных республик, подчас расходящиеся в деталях без всякой к тому нужды, а единые для всех республик конкретные законы, принятые, однако, при единогласии союзных республик либо, что представляется оптимальным, простым или квалифицированным (2/3) большинством при отсутствии голосов против. При этом союзные республики получают право издавать в случае необходимости (а таких случаев будет, видимо, немного) дополнительные установления к общесоюзным законам, учитывающие действительную специфику республик. Думается, такой порядок соответствует тому принципу, что полномочия Союза производны от полномочий союзных республик.

Представляется, что все эти нововведения, вместе с предусмотренными в платформе или взамен них, создадут основы новой советской федерации. И она устроит все республики, в том числе и те, в которых сейчас сильны сепаратистские настроения. А если все же в некоторых республиках сепаратистские или конфедерационные настроения возобладают? Что ж, такое положение нет смысла драматизировать. Почему бы социализму не продемонстрировать свою способность не только провозглашать высокие демократические принципы, в данном случае право наций на самоопределение, но и следовать им?

Нужно будет пойти навстречу национальным желаниям, даже если не удастся убедить большинство народа той или иной республики в опрометчивости принимаемого им решения. Разумеется, позаботившись о судьбе «мигрантов», в частности о материальной и моральной компенсации в случае их вынужденной самодепортации, и об общесоюзном имуществе. И, что исключительно важно, оставляя двери федерации открытыми и для «конфедератов», и для отделившихся. В благополучную страну они могут и вернуться. Во всех случаях нужно

будет позаботиться о добром соседстве — в духе «нового мышления» в международных отношениях.

Решение всех проблем, которые встали перед перестройкой на ее нынешнем критическом этапе, связано с глубокой, радикальной реорганизацией партийной системы. Советский социализм реализует, наконец, модель демократического социализма. Она предполагает многопартийность, ядром которой являются две—три сотрудничающие и соперничающие друг с другом социалистически ориентированные партии, предлагающие обществу различные варианты социалистической политики. Это сложный вопрос, требующий особого разбора.

Послесловие

Настоящая статья была написана и передана в газету «Известия» в октябре 1989 г. Она печатается без каких бы то ни было изменений, в своем первоначальном виде.

Статья приурочивалась ко Второму съезду народных депутатов СССР и очередной сессии Верховного Совета. Нетрудно было предвидеть, что перестройка вступает в свою критическую фазу, что затрагиваемые в статье вопросы приобретают исключительное значение. Так и случилось. Но, тогда же набранная, она так и не была напечатана, не сработала. Сейчас, когда пишутся эти строки, уже май 1990 г., уже приняты законы о собственности и о земле, уже прошли выборы в республиканские и местные Советы. А статью, которая могла бы включиться в теоретический и публицистический контекст выборов и ответственного этапа законодательства, все еще обещают напечатать, признавая тем самым, что она того стоит. И даже ознакомив с рукописью «верха». Не мешает понять сей случай. В нем, как в капле воды, отражаются некоторые стороны «революционной» перестройки. Блокировалась ведь не одна эта статья, а множество подобных по своей направленности.

Изучая «эпоху застоя», ученые и публицисты извлекли на свет божий массу не изданных в свое время научных работ и художественных произведений, другой интеллектуальной продукции. Она характеризует эту эпоху наравне с тем, что тогда охотно или со скрипом публиковалось. Воздавая хвалу перестройке за «гласность», многие издательства явили миру эту продукцию. Это очень хорошо. Но те же издательства, пренебрегая «гласностью», начали создавать новый фонд недопускаемых к публикации работ. И содержание этой закрытой для общества продукции точно так же характеризует перестройку, как в свое время застой. Где ты, плюрализм? О том, чего хотят руководители перестройки и номенклатурные, как и прежде, пресс-бароны, самовластно решающие, что печатать и чего не печатать, можно и нужно судить не только по декларациям, но и по тому, распространение каких взглядов, идей, предложений поощряется и каких — затрудняется или пресекается. Со временем такое исследова-

ние будет проведено и действительная роль политиков и средств массовой информации в перестройке будет выявлена. Никому не дано уйти от суда истории, но, увы, далеко не у всех это вызывает дополнительное чувство ответственности за свои действия.

Советский социализм, ныне, к счастью для общества, расстающийся со своей авторитарно-бюрократической моделью, стоит перед выбором. На линии регрессивного развития, которое никогда не исключено, а для находящегося в кризисе общества весьма вероятно, нас ждет либо сталинистская модель социализма, либо капитализм.

Не современный капитализм — до него далеко, — а переходная модель на одно—два поколения. Ее суть — в жестко авторитарном внедрении частнокапиталистического производства с подавлением неизбежного сопротивления широких масс трудящихся. И в промышленности, и в сельском хозяйстве. Будет долгая диктатура, а не демократия. Сегодняшняя демократическая фразеология сторонников рекапитализации — это либо благонамеренный самообман, либо циничный обман, завлекающий общество в ловушку. В нее легко попасть, трудно выбраться.

А на линии прогрессивного развития, которое остается более вероятным? В оптимальном варианте, за который нужно бороться и бороться, здесь нас ожидает нормальный социализм — с эффективной экономикой, без частной (частнокапиталистической) собственности и эксплуатации человека человеком, с развитыми формами производственного и местного самоуправления и демократической организацией общественной и государственной жизни. И — это нужно видеть — с нейтрализацией, а при необходимости и подавлением сопротивления «теневых» дельцов и коррумпированных бюрократов, а также их челяди.

Таков объективный выбор, и от него не уйти. Осознает ли общество его суть? Да, но пока что смутно и с запаздыванием. Инициатива у сторонников капитализации. Пока что они навязывают обществу свой выбор. Антисоциализм стал поветрием, и не поддаться ему не просто. Его рупором стали многие средства массовой информации, включая «большие» газеты, официозы. Как будто их наняли.

Повторяются зады капиталистической апологетики. «Эксплуатация нет, если наемный работник хорошо оплачивается». «Человек имеет право и свободен быть эксплуатируемым». «Государство — первый эксплуататор». «Все люди эксплуатируют друг друга». «Распределение по капиталу так же справедливо, как распределение по труду». «Наемный работник должен благодарить частного собственника за рабочее место». «Акционерная собственность — не частная, а общественная». И т.д., и т.п. Не встречая отпора, не подвергаясь осмеянию, эти перлы заполнили не только печать, но и речи в Верховном Совете. Плоская, в сущности невежественная апология капитализма воспринимается многими как выражение здравого смысла, который-де повыше научных истин. В такой атмосфере разрабатывался закон о собственности, была отклонена идея референдума по вопросу о допу-

щении частной собственности. Народ, мол, не разберется, что к чему, не поймет своей пользы. Что касается тех, кто стремится к приватизации, то они свою пользу понимают, это бесспорно.

Каким же получился закон о собственности, принятый 6 марта, опубликованный 10 марта и вступающий в действие с 1 июля 1990 г.?

В нем, вне всякого сомнения, немало полезного, справедливого, прогрессивного. Но каков он в главных своих элементах, а именно в том, что касается частной собственности и режима имущества государственных предприятий? В этих, главных элементах закон, к сожалению, совершенно неудовлетворителен. Он завуалированно, под лицемерными прикрытиями легализует частную собственность, принципиально отличаясь в этом отношении от открытого, честного НЭПа. И в то же время не содержит существенного продвижения вперед в части деэтизации государственного сектора, предоставления достаточной имущественной и иной самостоятельности народным («государственным») предприятиям. Он тем самым идет навстречу немалочисленным, но находящимся в явном меньшинстве слоям общества, прежде всего «теневикам» и бюрократизированному аппарату управления, и почти ничего не дает огромному большинству общества, тем его слоям, которые составляют социальную опору Советского государства, пока еще социалистического. Честные труженики забыты или отодвинуты на второй план. Это странный закон.

Характеризуя в общей форме право собственности, закон устанавливает: «Использование любой формы собственности должно исключать отчуждение работника от средств производства и эксплуатацию человека человеком» (ст. 16). Превосходно. При строго научном толковании это не что иное как категорический запрет частной (частнокапиталистической) собственности. Отсюда следует, что никакое положение закона не может быть понято как допущение этой формы собственности. Но это толкование, и нет никакой гарантии, что ему не будет противопоставлено другое толкование, в духе приведенных выше перлов. Они ведь слетают с уст не кого попало, а самих законодателей. Если у законодателей было ясное желание исключить частную собственность из экономической жизни, ничто не мешало им прямо установить соответствующий запрет.

Почему они не сделали этого? Анализ закона приводит к выводу, что в него намеренно заложено внутреннее противоречие: в декларативном положении частная собственность отрицается, а в конкретных нормах фактически допускается. В таких случаях действуют обычно конкретные нормы. Это уже знакомо нам по закону о государственном предприятии, где декларируется широкая самостоятельность предприятий как социалистических товаропроизводителей, но они фактически сковываются по рукам и ногам нормами об обязательных государственных заказах, фондируемом снабжении и др.

Правда, и декларативные положения, включенные в закон, не вовсе бесполезны. Они дают возможность юридического спора и могут быть использованы в текущей политике, в применении права. Так

что декларация — это резервная позиция, создаваемая на случай нужды, когда по каким-то причинам не удастся добиться нормальной определенности и непротиворечивости закона. Хотелось бы думать, что именно так обстоит дело и в данном случае. Но, как бы то ни было, в конкретных нормах частная собственность выглядывает из всех щелей.

Согласно закону, в собственности граждан могут находиться «средства производства для ведения крестьянского и другого трудового хозяйства индивидуальной и другой хозяйственной деятельности...» (ст. 7.1.). Ничто не мешает отнести к последней частнокапиталистическое предпринимательство.

«Имущество трудового хозяйства... является общей долевой собственностью членов семьи и других лиц, совместно ведущих хозяйство, если договором между ними не предусмотрено иное» (ст. 8.2). Что же может быть предусмотрено договором? Ясно, что речь идет о том, что «другие лица», да и некоторые члены семьи могут находиться на положении наемных работников на этом предприятии, которое превращается тем самым в капиталистическое. Такова, в частности, экономическая природа батрачества.

В ст. 15, посвященной собственности акционерного общества, говорится: «Держателями акций могут быть работники данного общества, а также другие граждане, если иное не предусмотрено законодательными актами... или уставом общества». Эта норма может стать воротами для неограниченной приватизации нынешних государственных предприятий, если не будет принято законодательство, исключающее свободную продажу акций. Она же, эта норма, может послужить базой для организации новых частнокапиталистических предприятий, фактическими собственниками которых будут крупные акционеры, а «общественным» прикрытием — мелкие акционеры, главным образом из числа работников предприятий. Вспомним, что в том же направлении работает или может работать ст.25 закона о кооперации, допускающая возможность того, что три обладателя крупных состояний организуют «кооператив» и нанимают сколько угодно работников, не принимая их в члены кооператива.

Любопытна такая «утешительная» норма закона о собственности: «Гражданин вправе с согласия собственника внести денежный или иной вклад в имущество предприятия, иной хозяйственной организации, крестьянского или другого трудового хозяйства, в котором он работает по трудовому договору, и участвовать в распределении прибыли (дохода) такого предприятия (организации) или хозяйства пропорционально размеру этого вклада» (ст. 6.3). Видимо, авторы закона полагают, что право наемного работника обратиться к хозяину с нижней просьбой о вступлении в долю исключает отчуждение работника от средств производства. Вот тебе, работник, право просить. Что за прелесть эта революционная перестройка!

Особенностью норм закона о собственности, в неявном виде легализующих частную собственность, является то, что в них не предус-

матриваются никакие ограничения объема частнокапиталистического производства. В таком духе могут быть истолкованы только положения основ законодательства о земле, принятых 28 февраля 1990 г., в которых предусматривается, что крестьянское хозяйство основывается «преимущественно на личном труде и труде членов семьи». Это, очевидно, означает, что число наемных работников не может превышать числа занятых членов семьи, ведущей крестьянское хозяйство. Аналогичная статья закона о собственности такого ограничения не предусматривает.

Следует вообще отметить, что законодательный акт о земле более определен и социалистичен, чем закон о собственности. Авторы этого закона убедительно отвергли рассуждения о том, что без установления частной собственности на землю «рынок невозможен», и ввели весьма продуктивное понятие наследуемого владения землей, отличив его от землепользования.

Закон о собственности, к сожалению, не поднялся до понятия полномочного хозяйственного владения применительно к народным («государственным») предприятиям, застрял на управленческом понятии «ведения» и в этой части, в главнейшем вопросе экономической реформы оказался безнадежно консервативным. Нет смысла разбирать словесные ухищрения, с помощью которых напускается «перестроечный туман» на тот факт, что никаких радикальных изменений в государственном секторе не предусматривается. Будем надеяться на закон о предприятии, к проекту которого вернулись.

Сейчас модны рассуждения о том, что противопоставление социализма и капитализма устарело. В определенной мере это верно. Но не будем увлекаться. Конвергенция — двусторонний процесс, в котором каждый строй сохраняет основы своей качественной определенности. Общий итог этого процесса теряется в дальней дали, а нынешнее реальное советское общество озабочено социальным выбором, выбором между социализмом и капитализмом как жизненно важным делом. Об этом свидетельствуют страстные речи ряда депутатов в Верховном Совете при обсуждении проекта закона о собственности, его двусмысленных статей, фактически легализующих в стыдливой форме частнокапиталистическое предпринимательство. Другое свидетельство — результаты ряда социологических опросов. За капитализацию, ограниченную главным образом мелкими предприятиями, высказывается всего четверть или треть опрошенных, а за капитализм как систему, «во всю натуру», за возврат к капиталистическому строю — лишь три-четыре процента. И это при нынешнем идеологическом прессе, которым обернулась пресловутая «деидеологизация», при массивной компрометации социализма как строя.

Значит, ретивым капитализаторам и их пособникам придется вести «войну за просвещение» в «мелких» вопросах по меньшей мере с двумя третями общества, а в крупномасштабных — с девятью из каждого десятка. Идя на большую социальную авантюру, на риск социального катаклизма, сравнимого с гражданской войной, сторонники

капитализации на что-то тем не менее рассчитывают. На что же? Видимо, во-первых, на обострение нужды и хаоса до такой степени, когда капитализация покажется единственным спасением. Чем хуже, тем лучше. Во-вторых, на возможность достижения антисоциалистических целей под социалистическими лозунгами, руками политиков, которые пользуются репутацией сторонников социализма. Потом этих марионеток вышвырнут на свалку. И поделом. Но это потом. А пока что им поручается серьезная работа: ликвидировать социализм под видом его обновления. Думается, эти расчеты не оправдаются.

Инициатор перестройки способствовал тому, что джинн капитализации уже наполовину вылез из бутылки. Теперь он должен решить, будет ли загонять его обратно, уговаривая своих сторонников из «общедемократического» и социал-демократического течений повременить еще немного, или же бросится очертя голову в грандиозную социальную авантюру приватизации и капитализации. Вероятнее первое. Но в этом случае достаточно вероятно и то, что ему не удастся еще раз разыграть «консолидационную» карту и придется оставить свои посты.

Если он уцелеет, то уже в новой системе с новой ролью. Ввиду неизбежного близкого раскола КПСС, М.С. Горбачев, в благоприятном для него и для дела случае, мог бы возглавить формирование левоцентристского течения, партии демократического социализма, невраждебно и конструктивно противопоставив это течение и эту партию как возникающей правоцентристской социал-демократической партии (ее возможные лидеры — А.Н. Яковлев, Г.Х. Попов, Ю.Н. Афанасьев), так и левоумеренной ортодоксальной коммунистической партии (здесь последнего слова еще не сказал Е.К. Лигачев).

Если М.С. Горбачев не сделает этого или ему эта роль не будет доверена, ее, вполне возможно, выполнит Б.В. Гидаспов или деятель его типа. Не менее вероятно выдвижение на эту роль Б.Н. Ельцина, если он отойдет от неорганичной для него социал-демократической и тем более либерально-буржуазной ориентации.

Куда мы идем? Похоже, туман неопределенности скоро рассеется.

Правовое государство: на перекрестке мнений

К истории вопроса. Без тени смущения сознаюсь, что первое упоминание в печати о «социалистическом правовом государстве» вызвало во мне чувство, близкое тому, которое испытал Робинзон Крузо, узрев на своем необитаемом острове след чужой человеческой ступни.

И было от чего. Разве мы не писали о правовом государстве как об «идеалистической концепции», бесцеремонно подменяющей «философско-юридический характер государства» (?) «политико-правовым» (!). Своей антифеодальной направленностью, считали мы, «правовое государство» Монтескье и Канта еще как-то оправдано, но с победой капитализма оно «становится идеологическим орудием буржуазии против пролетариата».

Без должной ответственности правовое государство связывали то с «социальным государством» Макса Адлера и, таким образом, с «социал-оппортунизмом» вообще, то с пресловутой «теорией благоденствия», что еще более ожесточало критиков.

Сходились и на том, что «правовое государство» — есть не более, чем перевод экономического либерализма на язык специфической юридической конструкции, в чем-то совпадающей с реанимированным естественным правом, в чем-то с т.н. юридическим мировоззрением буржуазии... и т.п., что уже находится за пределами сколько-нибудь научной дискуссии.

Доставалось и Канту: ибо это именно он заслужил у эксплуататорских классов «признание одного из теоретиков правового государства», базирующегося на автономии индивидов, странным образом совмещаемой с беспрекословным подчинением праву.

Два слова о И. Канте. Как известно, кантовская модель «правомерного государства» является составной частью его «Метафизики нравов». Многое говорит за то, что она явилась результатом горьких раздумий великого философа над ходом и исходом французской революции на тех ее этапах, которые последовали за утверждением конституционной монархии. Отсюда и его предубеждение в отношении республиканских форм правления, время которых еще не наступило и которые, следовательно, можно прогнозировать для той прекрасной поры, когда в результате неостановимого прогресса трансформируется и общество и сама государственность.

Нет нужды восходить, как это уже сделалось привычным, к греко-римским образцам, питавшим теорию Канта, как равно и к таким его несомненным предшественникам, какими были Д. Локк и Ш. Монтескье, не говоря уже о Вольфе, Пуффендорфе и других немецких «политико-юридических» мыслителях. Равно бесплодной мы считаем попытку перенести авторство с Канта на К. Велькера или Р. Моля, только потому, что, развивая кантовские идеи, они превратили «правомерное государство» в «правовое».

То же самое может быть сказано и о кантовской идее, авторство которой восходит к Ульпиану. Дело в том, что именно Кант придал ей значение фундаментальной философской и политической идеи: человек, личность есть всегда и во всем только цель, но никогда не средство. В том числе и ради достижения цели.

И уж конечно неоспоримо, что оригинальным творением кенигсбергского философа является основополагающая концепция правового государства: гражданин должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к точному и безусловному исполнению закона, которой обладает властвующий в его отношении к гражданину.

Самое существенное в кантовском учении о правомерном государстве содержится в первой части «Метафизики нравов». Здесь мы находим часто цитируемое определение государства как союза множества людей под господством права, которое по заложенным в нем идеям и принципам может служить своего рода путеводной звездой обществу и индивиду.

Особое и особенное значение Кант придает конституционному закону, его идее, и сам этот факт, будучи государственно образующим, должен создать правомерное государство как своего рода договор, согласно которому все вместе и каждый в отдельности делегируют государству свою внешнюю свободу, как это неизбежно для всякого сообщества, всякого универсума. И как только все это произошло, никто из граждан не может жаловаться на утрату своей «природной свободы». Напротив, он возвращает ее себе через посредство государственной власти, установленной на твердом правовом основании.

Более того. Кант отмечает патерналистское вмешательство государственной власти в дела индивида, чем бы это ни оправдывалось: тягой к «патриотическому воспитанию», «государственным интересом» и т.п. Ибо из идеи патернализма выходит наружу деспотическое начало. Там, где государство основано на конституционном праве, отвечает общей воле народа, там государство правовое, там не может быть ограничения прав граждан в области личной свободы: совести, мысли, хозяйственной деятельности и т.п.

Отвечая на вопрос о способах достижения правомерного государства, Кант приходит к разделению властей на законодательную (главную в выстроенной им иерархии), исполнительную и судебную. Каждая из них имеет право на автономию — не выходя за пределы отведенной ей компетенции. Законодательная власть принадлежит

парламенту, исполнительная — правительству, судебная — народу, который через своих представителей (присяжных) решает судьбу обвиняемого или тяжбу истца.

Если первая из властей издает законы как власть суверенная, вторая — действует (отдает распоряжения) на основе законов, то что касается третьей, судебной, власти, она есть власть, «говорящая о том, что есть право».

«Только при том условии, что все три власти действуют в пределах своей компетенции, мы имеем правомерное устройство»¹.

Выдвигая идею представительной судебной организации, Кант оправдывает ее многократно доказанным фактом: никогда еще не было такого властвующего, который отказался бы от возможности истолковать закон себе на пользу. И когда властвующий — по произволу или с помощью непрерывного декрета — принуждает гражданина к противозаконному действию, решение принадлежит суду. И он решает спор.

Открыв дорогу т.н. индивидуалистическим концепциям, Кант полагает естественным, что каждое лицо, независимо от его социального статуса, обладает совокупностью прирожденных прав, вечных и неизменяемых: независимостью от чужой воли, свободой самоопределения, настолько широкой, насколько она совмещается со свободой других. И еще: никого нельзя обязывать к чему-либо большему, чем это требуется совокупностью выгод².

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, заметим, что правовое государство Канта, и особенно республиканское, было и осталось его заветом будущему времени, когда завершится наконец извечное движение народов к правопорядку, основанному на началах всеобщего равенства.

Личные свободы. XIX век был не только «веком исторической науки», как его обычно называют. В той же мере прошлое столетие может считаться и веком науки юридической: получают значение юридических дисциплин теория и история права, происходит процесс дифференциации юридических наук: государственное право отделяется от административного, уголовно-процессуальное от гражданско-процессуального, возникает наука международного права и т.д. Являются на свет «школы права» — историческая, позитивистская, реалистическая, психологическая и многие другие.

При всем том сколько-нибудь цельной теории правового государства создано не было. Не считая, разумеется, тех, кто довольствовался расхожей формулой насчет «основанного на праве порядка», которую, как легко доказать, не отвергает ни один авторитарный режим. Не так ли говорил в своей тронной речи, обращенной к I Государственной думе, Николай II: «...для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права».

Нет ни возможности, ни нужды в сколько-нибудь подробном разборе многослойной и противоречивой литературы вопроса. остано-

вмесь прежде всего на уже упоминавшихся индивидуалистических концепциях правового государства, возникших почти повсеместно в Европе начиная со второй половины XIX века. Назовем лишь немногие имена. Лоренц Штейн, профессор Венского университета (с 1855 г.), гегельянец, развивал — в духе времени — идею конституционной монархии, достаточно либеральной, чтобы согласиться на конституционный контроль текущего законодательства, самоуправление на началах умеренного ценза, гарантию личных свобод.

Вместе с тем Штейн считал государство инструментом позитивного влияния на жизнедеятельность граждан, поощрения их деловой инициативы и т.д. Таким образом, как часто пишут, «манчестерству» Р. фон Моля была противопоставлена «благодетельная активность» государственной власти. Все это вместе взятое Штейн называл «правовым государством»³.

Принимаемое за «девиз нового времени», «правовое государство» фигурирует в работах другого немецкого профессора права середины прошлого века Ф.Ю. Шталь; поскольку им признается идея связанности государства в сфере индивидуальных интересов.

Следуя во всем сколько-нибудь существенном за Р. фон Модем, Шталь придерживался в ряде случаев более умеренных взглядов. Моль уже требовал равенства всех перед законом, участия граждан в государственных делах, широкого спектра личных свобод, включая свободу совести, ассоциации и передвижения. К числу приемлемых форм правления Моль относил уже и республиканско-демократическую.

Концепция Шталля сопоставляется в литературе с концепцией известного немецкого административиста прошлого века Рудольфа Гнейста. Как равно и противопоставляется ей — особенно в том, что касается характерного для немецкой юридической литературы отрицательного отношения к «французскому этатизму».

Критикуя парламентаризм как систему правления, не обеспечивающую ни слияния интересов противоположных классов, ни тем более индивидуальных свобод, на чем сосредоточено главное внимание Гнейста, он переносит свои симпатии и свои надежды в область местного самоуправления, не без идеализации ее английского типа. Можно, разумеется, не соглашаться с Гнейстом концептуально, но нельзя не признать, что свобода самоуправления, муниципальная вольность не может стоять в отношении к правовому государству как нечто второстепенное.

Не может быть отвергнуто и то, что Гнейст писал о самоуправлении как средстве эффективного сотрудничества всех слоев общества на платформе их общей заинтересованности.

Наконец, не избежал вопроса о защите субъективного права Р. фон Иеринг, когда «ущербному римскому понятию личной свободы» он противопоставил «современное», то есть такое, когда и сам этот «индивидуальный интерес» и способы его защиты (его «правовое основание») значительно расширились, как равно расширились и ин-

ституционные гарантии, заключенные «в новой государственной организации»⁴.

К концу прошлого века и началу следующего основные споры развернулись главным образом вокруг индивидуальных свобод в их отношении к государству. В дискуссию были вовлечены большей частью теоретики: Еллинек, Дюги, Ориу и другие. Более всех привлекает внимание Леон Дюги. Именно Дюги дезавуировал концепцию государства, в той же степени наделенного субъективным правом, что и противостоящий ему индивид, как ее развивал известный Еллинек.

Государство возникает, доказывал Дюги, из разделения труда, приведшего к появлению на известном этапе исторического развития аппарата управления. Законы, вырабатываемые общественными институтами (парламентами), должны быть одинаково обязательными как для управляемых, так и для управляющих. Даже применяя силу, государство будет правовым лишь постольку, поскольку оно «подзаконно», т.е. регулируется объективным правом. Действуя в интересах взаимной солидарности индивидов, что уже далеко не фикция, государство не может стеснять свободу личности, включая свободу совести, вероисповедания, мысли, печати, передвижения. Оно не может посягать на основополагающий принцип равенства индивидов. Государству не могут быть чужды социальные программы, идущие на пользу наемным рабочим, включая признание профессиональных союзов и коллективных договоров, условий труда, его оплаты и пр.

Что же касается Еллинека, заслуживает уважительного отношения защищаемый им тезис, возвращающий «правовое государство» к Канту: правовым государством может считаться единственно то, где законодатель так же подзаконен, как и гражданин⁵.

Проследившая эволюцию теории правового государства — от Канта до Дюги и Еллинека, — можно вывести заключение о некоем прогрессе, подготовившем некоторые современные концепции. По этой причине нет вины ни Штала, ни Штейна в том, что, не видя, да и не желая видеть иной возможности, они так или иначе стояли на позициях «соглашения с монархическими режимами», за исключением, что немаловажно, абсолютистских или чрезмерно этактированных. Это уже не мало. Они не дали умереть теории, которая, приобретая все новые характеристики, оказала непреходящее влияние на все области правоведения. Монархический элемент правового государства воспринимался в контексте времени как часть государственного организма, интегрируемая в так или иначе выраженную систему, обнимающую и народный суверенитет, и разделение властей, — с более или менее ответственным правительством и широким самоуправлением внизу. Поэтому несправедливо видеть в Штале, Штейне и их продолжателях своего рода манифестантов, идущих за гробом ими же умерщвленного «правового государства».

Веймарские конституционалисты, несмотря на свои страхи перед народом, вполне понятные, если взглянуть на особенности послереволюционной нестабильности, были, без сомнения, захвачены идеей

правового государства. И не только потому, что они ввели всеобщее (включая женское) избирательное право, тайное голосование, процедуру решения социальных конфликтов, ответственность главы государства и его правительства — хотя и это немаловажно. Как раз на время Веймарской республики приходится признание несовместимых противоречий между правом как таковым и законом, ему несоответствующим, а тем более противостоящим. В духе уже известной нам кантовской концепции правового государства была создана и та структура, — и именно судебная структура, — которая обладала правом нуллификации противоправных законов и распоряжений.

Тем самым гражданское неповиновение противоправным актам правительства и его администрации было выведено за пределы наказуемого деяния. А это едва ли не самое важное в современной концепции правового государства. Позволю себе заметить, что вполне допустимо представление, что английская революция началась не в 1640-м, как это обычно признается, а в 1637 году, когда сквайр Дж. Гемпден отказался платить незаконный налог, не устрасаясь тюрьмы. С тех пор и до наших дней Гемпден был и остался символом героя-гражданина, а его угнетатель король — символом коварства, злоупотребления властью и безрассудности.

Теперь, прежде чем перейти к современной концепции правового государства, мы считаем нужным выделить в особый раздел русские национальные искания, шедшие в том же направлении, что и на Западе, но со своей особенной спецификой. Она вызывалась рядом обстоятельств и прежде всего совершенным бесправием как общества, так и индивида. В этом отношении, как и в ряде других, дореволюционная Россия во многом отставала от Англии, Соединенных Штатов и Франции. Ни одна из, так сказать, элементарных свобод личности не получила признания ни в законе, ни на практике: ни свобода совести, о чем со скорбным сочувствием к Льву Толстому Россия узнала из его отлучения от государственной церкви, ни свобода печати, поскольку существовала предварительная цензура. Ни свобода передвижения, ограниченная уже одним наличием паспортной системы. Ни тем более равенство национальностей и т.п.

Не может быть сомнений в том, что русская концепция правового государства во всем главном исходила из западноевропейского и отчасти американского государственно-правового опыта, западной юридической науки всех направлений.

Это не означает исключения отечественных начал, включая западников и прежде всего Герцена, нигилистов, вышедших из философии Писарева, народолюбцев, проникнутых идеей народной воли как понятия, более точно отвечающего французскому *liberte*, нежели «свобода»; наконец, русского отечественного либерализма вообще, репутация которого нуждается как в научной, так и в политической реабилитации.

Все эти многоплановые продукты русской культуры прошлого века нашли далеко неоднозначную оценку в русской послереволюционной эмигрантской литературе.

В то время, например, как Н. Бердяев в своих «Истоках и смысле русского коммунизма» указывает и на славянофилов, как на предтечу русского либерализма по той сомнительной логике, что они исповедовали — хотя и на свой особенный лад — идеи свободы личности, совести, мысли и слова, Г. Федотов пишет о них прямо противоположное. Славянофилы без сомнения претендовали на либерализм своих суждений, но либерализм «национально-почвенный». При ближайшем рассмотрении, как справедливо замечает Федотов, свободолюбие славянофилов вышло из Германии, то есть из все того же западного источника, только намного худшего. «Неудивительно, — заключает Федотов, — что, пустив корни в России, славянофильство скоро утратило свое либеральное содержание», чтобы при Александре III и Победоносцеве оказаться в тупике.

Но, расходясь то в одном, то в другом, русская эмигрантская литература вопроса сходилась на признании революционизирующего влияния великих реформ середины прошлого века, особенно же земельной и судебной. С ними возникают и превращаются в мощную силу либералы — разночинцы. Даже нигилисты, следуя за Писаревым, исповедуют своеобразную индивидуалистическую концепцию, противостоящую этатизму; на первый план выдвигаются неотложные нужды народной жизни — эмансипация трудового люда от непомерных страданий, вызванных непосильным трудом, голодом и нищетой, переустройство жизни и быта, социальной и духовной сфер и т.д.

На каком-то этапе народники-дворяне, движимые сознанием своей вины перед народом, чувством совести, как пишет Бердяев, выступают наряду и вместе с народниками-разночинцами, мыслящими и действующими из чувства чести. И вряд ли стоит спорить о предпочтительности того или другого.

Важно при всем том видеть ахиллесову пяту народников: отрицательное отношение к «римско-правовому характеру собственности», и прежде всего земельной, что по странной аберрации сознания роднит их с теми нашими нынешними «коллективистами», которые не допускают и мысли о возвращении земли народу^б

В согласии с Герценом и славянофилами — как это ни странно — народники исповедовали твердую веру в некий особенный путь русской деревни, в корне отличный от пути западного.

Трудно отказать себе в предположении, на первый взгляд сомнительном, что эти, как и другие политические течения русской мысли второй половины XIX века подготовили тот взгляд на значение экономического переустройства общества, и прежде всего деревенского общества, который проник в социал-демократическую доктрину, связывающую решение экономических проблем с проблемой завоевания власти, строительства новой культуры, новой нравственности и нового правосознания.

Возвращаясь, однако, к нашему вопросу, то есть к русской правовой теории, мы не можем не отметить, что с реформами 60-х годов наступает для нее своего рода духовный ренессанс. Он отчетливо выделяется и в чисто художественной сфере (передвижники, Мусоргский, Суриков), в литературе, театре, философии, политэкономии и др.

В течение немногих десятилетий вырастает целая плеяда государствоведов (Градовский, Чичерин, Ковалевский), теоретиков права (Коркунов, Шершеневич), криминалистов, среди которых выделяется знаменитый Таганцев, процессуалистов (Фойницкий) и т.д. Всю эту по-своему блестящую генерацию увенчивают историки права (Павлов-Сильванский, Владимирский-Буланов, Сергеевич), наконец, романисты, среди которых выделяются Муромцев и Покровский. Всех не перечислить, как не перечислить и судей и адвокатов, принадлежащих к новой генерации, среди которых Кони, Спасович, Плевако и многие другие. Эпизодические обращения к западноевропейской правовой теории и практике принимают форму систематического научного анализа. Сюда относятся сочинения Градовского и Кареева, монументальный курс философии права Чичерина, работы Новгородцева, Коркунова и многих других. Русская юридическая наука вышла на мировую арену. Со своими собственными оригинальными идеями, питаемыми национальными нуждами и интересами. Русская профессура появляется на кафедрах всех сколько-нибудь престижных юридических факультетов Европы и тем самым включается в общеевропейский юридический форум. Молодой стипендиат Петербургского университета в Берлине Петражицкий принимает заинтересованное участие в обсуждении проекта Германского гражданского уложения и т.д.

Романист и теоретик права С. Муромцев не причислял себя к теоретикам правового государства, но все, что он писал о правах личности, о публичных и частных правах вообще, о сотрудничестве государства и общества, о преступно-бюрократическом механизме русского правотворчества, игнорирующего науку, включая юридическую, о представительных органах в центре и на местах, находится в непосредственной связи с концепцией правового государства и далеко не безразлично для нас самих. Это Муромцев, возглавив I Государственную думу, потребует ответственного правительства. И, наконец, он же после разгрома Думы призовет народ к неуплате налогов, к сопротивлению столыпинской реакции вообще.

Об М.М. Ковалевском много писано, и все же нелишне напомнить, что это он, взойдя на кафедру, начал с далеко не риторического вопроса, обращенного к студентам: «Господа, мне поручено читать вам курс русского государственного права. Но в России нет государственного права. Так что ж мне читать?» Глубокий знаток европейской государственности, Ковалевский, может быть, и не обольщался идеалом правового государства, каким оно не было даже и в Англии, но лучшего в сравнении с ним он не видел. Защищая и во многом обога-

щая концепцию правового государства, Ковалевский — и это делает ему честь — видел в нем именно ту форму политической организации общества, которая — почти единственная — способна к дальнейшему самоусовершенствованию. Так оно, как известно, и стало.

Правовое государство. Не имея возможности, да и не ставя целью обозрение всей практически необъятной литературы вопроса, остановимся на главном.

Русское правоведение не пугалось определений правового государства, и все они по-своему заслуживают внимания. В.М. Гессен, например, говорит о правовом государстве так: «Им называется государство, которое признает обязательную силу всех тех законов и юридических норм, которые издаются как законодательными, так и исполнительными (в пределах отведенной им компетенции), связано ограничено правом, стоит под правом, а не вне его и не над ним. Из сказанного вытекает с несомненностью не только признание прав личности, но и их надежная гарантированность» [В. М. Г е с с е н. О правовом государстве. М., 1906, с.17].

С.А. Котляревский держится популярной концепции обоюдной связанности государства и личности, как равно и их обоюдной ответственности друг перед другом, что так или иначе вытекает из кантовской концепции правового государства. В логической связи с этим выдвигается особенное значение суда, стоящего на страже этой обоюдной ответственности, суда конституционного и, разумеется, независимого. Привлекает внимание вполне актуальная и для нас самих мысль Котляревского насчет того значения, которое имеет доверие народа к суду. Утрата этого доверия, неоправданные, конъюнктурные колебания или сбои в судебной деятельности колеблют самые начала правосудия, а вместе с тем начала правового государства. Деполитизация судов, их подчинение закону, как равно и право толкования закона с позиций его соответствия конституции, праву вообще — главная мысль и главная боль Котляревского.

И далее — далеко не праздный вопрос о самодостаточности конституционных начал для конструирования и существования правового государства: может ли право выработать в обществе уважение к индивиду вне соответствующей морали и философии, вне должного воспитания?

Четыре свободы Е. Тарановского. Завершим наш краткий обзор нашумевшей в свое время брошюрой Е. Тарановского «Четыре свободы» (1906 г.), с наибольшей четкостью отразившей заветные чаяния русской интеллигенции начала нашего века.

Современное правовое государство, начинает Тарановский, в силу своих основных принципов должно прежде всего признать т.н. публичные права или, говоря иначе, право личной свободы.

1. Гарантированность от произвольного стеснения власти или других лиц. Нужен русский вариант английского «*Nabeas corpus*» — акта 1679 года, надежно гарантирующего от неправоудных арестов. Но и не только это. Само судопроизводство должно воспрепятствовать пре-

вращению обвиняемого в подобие безгласной жертвы, скованной по рукам и ногам, жертвы, от которой всеми средствами добиваются признания и которую подавляют подбором односторонне созданных улик и доказательств.

2. С правом личной свободы Е. Тарановский связывает еще свободу передвижения внутри страны и невоспрепятственный выезд за границу. В связи с этим он решительно отвергает паспортные системы как реликт феодального господства над личностью. Первый паспорт, служивший интересам государственного надзора за передвижением, был выдан, как известно, во Франции при Людовике XIV в XVI столетии. За Францией последовала Германия, а со времени Петра I и Россия. С тех пор стали говорить, что «русский состоит из души, тела и паспорта».

3. К «третьей свободе» Е. Тарановский относил «свободу собраний и споров» и, как это само собой вытекает, право подачи петиций. Связывая стеснения споров с деспотизмом власти, Е. Тарановский восходит к императору Августу. При нем «утрачивается римская республиканская свобода споров», замененная с течением времени правительственными организациями, поставленными в прямую зависимость от властей.

Особое внимание Е. Тарановского привлекают английские и швейцарские правила, относящиеся к свободе союзов, уличных шествий, подаче петиций и пр. Порицая порядки, существовавшие в его время в Германии и Франции, Е. Тарановский верно замечает особые опасения властей, когда дело идет о митинге под открытым небом, о «народных собраниях, составившихся из низших слоев населения», и т.п. Замечательно и современно наблюдение насчет того, что «общие выражения основных законов», допускающие свободу собраний и шествий, имеют несравненно меньшее значение в сравнении с регламентами и инструкциями, касающимися разрешения и распускания...

О русских же «Временных правилах о союзах» от 4 марта 1906 г., заключает Е. Тарановский, скажем словами Данте: «Не будем рас суджать о них, но только взглянем и мимо пройдем».

4. Последнюю группу личных прав составляют, по Тарановскому, «Свобода совести, вероисповедания и преподавания». Отметим лишь одну его мысль: степень развития религиозной свободы находится в зависимости от культурного и умственного развития страны. Что касается России, продолжает автор, затрагивая болезненное чувство, вызванное победой Японии в войне 1904 года, то здесь и слыхом не слыхивали о свободе вероисповедания. «Под звон сорока сороков... мы мирно дремали, зная, что наша вера «русская», а другие веры... только что терпимы... и могут быть легко пресечены... как, напр., «жидовская», не говоря уже о разных «расколах и ересях». И вдруг... «О, веяние тлетворного Запада, да еще и желтолицего Востока». В «основные законы» 1906 г. включаются необычные для нас слова: «Российские подданные пользуются свободой веры». Падает еще одно закрепощение: закрепощение верой, ибо дозволяется, хотя и при осо-

бых обстоятельствах, переход из одной веры в другую... Со всем этим следует: неприкосновенность частного жилища и переписки, право подачи петиций, свобода религиозных конгрегаций, преподавания наук и искусств и так далее.

Послеоктябрьское время. Новая историческая эпоха, открывшаяся после Октября, потребовала новых решений и в том, что относится к гражданским правам. В центре рассмотрения оказываются всеобщее мужское, а затем и женское избирательное право — активное и пассивное. Избирательными реформами 1918 и 1928 годов этот вопрос был решен в Великобритании. К тому времени, когда М. Тэтчер покинула бакалейную лавку своего отца ради университетского образования, уже создались возможности для реального и действенного участия британских женщин в политической жизни их страны. XIX поправкой к конституции (1920 год) женщины получают избирательное право в США и уже через 20—30 лет они проникают в легислатуры, суды и офисы.

Огромной важности шаг был сделан в собственно социальной области. Достаточно указания на возникновение Международной организации труда (МОТ), законы о рабочем дне и пенсионном обеспечении по старости и болезни, закон Вагнера 1938 года в США, легализовавший профсоюзы, коллективные договоры и стачки, осуществление социальной программы правительством Народного фронта во Франции и т.д. «Социальное законодательство» превратилось в трудовое право. Модель правового государства значительно обогатилась.

При всем том время между двумя мировыми войнами не могло стать сколько-нибудь благоприятным для правового государства как в теории, так и на практике. Уже с началом 20-х годов то здесь, то там обнаруживается переход от буржуазной демократии к тоталитарным режимам, свидетельствовавшим, как представлялось, об общем кризисе буржуазной государственности, о ломке старой законности.

История решила, однако, иначе. Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по тоталитарным режимам.

Более того. Она вынудила демократические силы всех направлений принять новую концепцию государственного устройства, расширить, как во Франции, Декларацию прав, внесение социальных обязательств, включая как прямой, так и косвенный государственный контроль над экономикой и трудовыми отношениями.

Быстрый промышленный подъем, научно-техническая революция, преобразившая экономику развитых стран, привели к неслыханному росту валового национального продукта, а вместе с тем росту реальных доходов значительной части рабочих и служащих. Расширилось их участие в акционерном капитале своих стран, резко возросло количество рабочих-домовладельцев, автомобиль вошел в обиходную жизнь. Все выше поднималась планка, ограничивающая официально признанную нищету. Стало ясно, что поддержание экономики невозможно без включения трудящегося человека в рыночный оборот, в кредитные отношения и т.п. Даже и частичная приватизация

промышленности, как это имело место в Англии, не привела к восставлению старой ситуации, ибо консервативное правительство, преследуя свои особенные цели, выраженные формулой «Англия должна стать страной собственников», пустило акции приватизированных предприятий в распродажу по ценам, переведшим на сторону М. Тэтчер миллионы новоявленных рабочих-акционеров.

Еще и в XIX веке, например у Гнейста, и в начале XX столетия, как об этом писал Дюги, в контекст юридического видения правового государства все активнее вторгается образ «социального государства», более известного под именем «государства всеобщего благоденствия». Уже законы начала 20-х годов в той или иной мере следовали по пути расширения социальных программ, направленных на улучшение социальных нужд «униженных и отверженных» слоев населения.

Новая ситуация сложилась уже с реформаторской деятельностью Франклина Рузвельта, хотя сам он не без оснований заявил, что стремится всего-навсего к тому, чтобы догнать Европу, от которой Соединенные Штаты отстали на 50 лет. С окончанием второй мировой войны, а еще точнее, с началом второй промышленной революции, приведшей к колоссальному росту национального продукта во всех сколько-нибудь развитых странах, социальные программы становятся неотъемлемой частью концепции правового государства.

Все более реальным становится видение прогресса. За последние 30 лет валовой продукт, созданный в рамках современной цивилизации как результат второй промышленной революции, увеличился с 1 триллиона 700 миллиардов долларов до 15 триллионов. Это, по нашим приблизительным подсчетам, означает «прибавку», равную всему тому богатству, которое было произведено человечеством в последние две тысячи лет.

Сделалось очевидным, что современное представление о прогрессе не может ограничиться ни прогрессом чисто политическим, ни только научным или нравственным — как это обсуждалось на протяжении веков. Человечество оказалось способным обеспечить всем без исключения индивидам соответствующую нынешним стандартам меру физического и нравственного здоровья, тесно связанного как с самодостаточным материальным обеспечением, так и должной правовой гарантированностью, свободой слова, мысли, творчества, передвижения, включая возможность видеть мир, находящийся за пределами национальных границ, и т.д.

Правовое государство с неизбежностью приобретает значение государства благоденствия. Такова реальность современного мира, требующая от нас новых оценок и переоценок.

«Вложение в человека, — писал М.С. Горбачев в конце 1989 года, — самое выгодное применение капитала. И в этом отношении мы серьезно отстали от развитых государств, где доля финансирования народного образования, здравоохранения и других сфер обслуживания человека по своему весу в национальном доходе гораздо выше, чем у нас». Определяя новый облик социализма, продолжает

М.С. Горбачев, «мы должны до конца провести принцип человеческого измерения всех сфер жизни нашего общества».

Меняется и «легальный статус» рассматриваемой концепции. Уже конституция ФРГ 1949 года объявляет Западную Германию «правовым государством» (ст.28). Аргументация, идущая от концепции правового государства, проникает в суды, включая Верховный суд США. Наконец, все или почти все демократические правительства, не говоря о доктрине, оперируют термином «правовое государство» как жизненной реальностью.

Не без критики и оговоров концепцию правового государства принимают все или почти все (сколь-нибудь) школы буржуазной юридической науки. Отвергая, естественно, «геометрическое государство», восходящее к Т. Гоббсу, все они, независимо от ориентации, сходятся на том, что только то государство может считаться правовым, которое в своих сношениях с гражданами согласилось с такой степенью самоограничения, при которой «общее благо» и благо каждой данной личности образуют «гармоническое целое»; в то же время связанность государства «субъективным интересом» не должна вступать в противоречие с правом законодательной власти и подконтрольного ему правительства в осуществлении «объективного интереса»⁸.

Прайвеси. С некоторых пор в систему индивидуальных свобод интегрировалось новое понятие, уже опробованное в судах. Речь идет о т.н. *privacy* (в точном значении — уединение). Для понимания дела мы позволим себе обратиться к решению Верховного суда США по делу *Roe v. Vade* 1973 года, отменившему по причине противозаконности закон штата Техас, запрещавший (за исключением особых случаев, связанных с медицинским противопоказанием) аборт. Суд нашел, что право на аборт должно быть отнесено к «*right of privacy*», которое возникло из «нового прочтения XIV поправки». Свобода выбора жизненного статуса, гарантированного поправкой, серьезно ограничивается запрещением аборт, ибо тем самым государство, а не женщина, определяет то, как ей жить в дальнейшем: новорожденный связывает ее, обрекая на отказ от привычного образа жизни, навязывает женщине всю ее будущую жизненную ситуацию. Между тем как «традиционная концепция индивидуальной самореализации требует конституционной защиты»⁹

Конечно, с точки зрения юридической догматики, оба решения уязвимы: если доля внутриутробного ребенка в наследстве считается неоспоримой, как неоспоримо уголовное преследование за выкидыш, ставший результатом умышленного удара в живот, должно признать, что право на жизнь начинается с зачатия, а аборт — есть легализованное убийство. И все же следует прежде всего думать о матери, освобождаясь от клерикализма, отложившегося на решении Конституционного суда ФРГ.

Справедливости ради отметим, что в недавнее время, под давлением ряда феминистических движений, Верховный суд США, не от-

казываясь от своей позиции в принципе, признал за штатами право решать вопрос об абортах по собственному усмотрению.

Касаясь наших собственных дел, не могу не отметить противодемократическую сущность сохранившегося со сталинских времен налога на бездетность, тем более подчеркиваемую вмешательством государства в интимные стороны жизни, как это с очевидностью выступает в предоставлении медицинских справок о «противопоказаниях», исключающих взимание налога.

Я уже не говорю о таком надуманном преступлении, как «тунеядство». Боюсь, что нашему правосудию нелегко будет освободиться от той шокирующей репутации, которую приобрело «дело» поэта Бродского, и тем более трагичен вопрос судьи Савельевой: «Как это, не будучи членом Союза писателей, Вы стали писать свои стихи?»

Особый интерес представляет жгучая проблема целенаправленной государственной политики, направленной на воспитание общества и индивида. Печальный опыт подобного рода программ хорошо известен. О нем говорит общепризнанная демократизация значительной части общества, не исключая и интеллигенции, твердо усвоенные стереотипы, стоящие на пути радикальных перемен (как это демонстрирует, например, вопрос о земельной собственности), рост преступности, включая детскую, отвращение к труду, неодолимое зло своего рода алкогольного помешательства и т.п.

В совершенной растерянности мы обратились за помощью к церкви, то есть в конечном счете к исцелению страхом перед загробной жизнью, к разного рода шокирующей хронике и даже официально признанному шаманству.

А может быть, спасение в отказе от государственной системы воспитания? От неумелого и неумного вмешательства аппаратных сил с их официальной идеологией в дела воспитания? Неужели не ясно, что т.н. «культурная революция» пошла в своем конечном результате на пользу технократическому мышлению, в ущерб гуманитарному знанию и элементарной этике?

«Личностные права», как я позволил себе перевести «прайвеси», вписываясь в общую картину индивидуальных свобод, вызвали своего рода новую ситуацию. Решением Верховного суда США к Первой поправке было отнесено право граждан на информацию (1965 год). В другом случае тот же суд разрешил себе ввести в круг защищаемых судом интересов «сферу социального благополучия» (1970 год) и т.д. Действуя в согласии с этим, Верховный суд США запретил подслушивание авиационных кассиров (которое «не вызывается общественным интересом»), но разрешил телефонное подслушивание авиадиспетчеров, согласившись с авиакомпаниями в том, что психическое состояние последних требует неусыпного контроля, ибо на карту поставлено благополучие пассажиров.

Отступление по поводу. План преобразования нашей политической системы еще не коснулся, как видим, наших собственных конституционных свобод. Здесь мы имеем перед собой сравнимые образ-

цы. Первый из них дает Конституция 1918 года, когда, признавая обязанность государства обеспечить право на труд и образование, она честно отодвигает осуществление этих прав на будущее время. Вторым пример находим в Конституции СССР 1936 года, в которой ст. 125 составлена таким образом, что право граждан на свободу слова, печати, собраний, митингов и демонстраций не оговорено никакими условиями.

Они предполагались сами собой, поскольку каждый знал о существовании статей 58¹, 58¹⁰, 58¹⁴, 59¹³ и т.д. Точно так же можно было объявить отправление правосудия исключительной компетенцией судебных инстанций (ст. 102), но опустить противоконституционное Особое совещание и тому подобные внесудебные органы расправы.

Третий и последний пример дает Конституция 1977 года, прозванная «брежневской». Вот ее ст. 50: «В соответствии с интересами народа в целях укрепления и развития социалистического строя, гражданам гарантируются свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций». Читаешь и не знаешь, что же на самом деле скрывается за этим хитросплетением слов: свобода или ее ограничение «интересами народа» и целями «укрепления... строя»? Авторы были, как можно думать, в восхищении, что столь ловким приемом они обошли критику Маркса насчет «свободы в общей фразе» и ее изничтожении в оговоре.

Разделение властей, снабжение эффективной системой сдержек и противовесов относится к величайшим достижениям античной культуры, опробованным на практике как в демократических Афинах, так и в республиканском Риме. Крупнейшие философы этого времени (Аристотель, Платон, Диодор Сицилийский и др.) своим анализом политических структур и форм правления подготовили почву для просветительной философии Нового времени, а в известном отношении и для концепции правового государства. Здесь, как и во многих других отношениях, мы не выходим за пределы европейского дома.

Вместе с тем несомненно, что в современной ситуации — и независимо от различия социально-политических систем — разделение властей неотделимо от парламентаризма с его неперемнным «ингредиентом» — ответственным правительством.

В дореволюционной России требование ответственного правительства стало причиной резкого расхождения между I Государственной думой и царем. Возражая против этого требования, как оно было ясно выражено в ответе на уже цитированную тронную речь, камергер Стахевич выражал опасения, что, связанный думским голосованием, царь должен будет менять министерства после каждого провала, между тем как «причина ужасов прошлого режима не в том, что царь потакал министрам... а в том, что царь не знал, что некому было уличать перед ним этих беззаконников». Какая привычная ложь: «Сталин не знал», «Хрущева обманывали», «Брежнева окружали не те».

В том, что Стахевичу, опираясь на историю европейского парламентаризма, возражал М.М. Ковалевский, нет ничего удивительного. Но вот что говорил по тому же поводу депутат Думы Г. Шапошников: «по Стахевичу, министры будут своим делом заниматься, Дума будет их спрашивать, они будут отвечать — и только. А дело будет продолжаться так же, как если бы Дума их не спрашивала... Министры будут заниматься, как им угодно, а мы будем бесполезно получать народные деньги».

Теперь, когда догматическое невежество несколько притормозило, может быть сказано, что брошенный Думой вызов был первым актом русской официальной демократии. Так же как и знаменитое миллюковское: «Мы хотим быть не оппозицией его величеству, а оппозицией его величества», оппозицией, составляющей непрременную часть государственного механизма, как это имеет место в Англии (где начиная с 1800 г. лидер оппозиции «его величества» получает жалованье, не многим уступающее жалованью премьер-министра).

Здесь мы встречаемся с первыми трудностями. Речь идет об отношении к ленинскому неприятию парламентаризма как такового. Ответ на этот вопрос диктуется отношением к ленинскому наследству вообще. Не доктрина, какой бы прекрасной она ни казалась, корректирует жизнь, но, напротив, жизнь, практика корректируют доктрину. Это одна из непреложных аксиом марксизма-ленинизма. И может быть, более всего в политической истории новейшего времени эта аксиома приложена к вопросу об отношении к парламенту и парламентаризму. При условии, что мы откажемся от самозапугивания насчет «реставрации» буржуазной демократии.

Известно, что Ленин решительно отрицал органическую законодательную деятельность большевиков в Государственной Думе, да еще в блоке с кадетами, как это делали меньшевики. Отрицая в принципе вхождение социал-демократов в буржуазное правительство, Ленин находил его возможным как исключение из правил: при наступлении критических для демократии обстоятельств.

Однако, как хорошо известно, требования жизни и на этот раз оказались выше доктрин — для своего времени, быть может, и непреложных. В 1946 году французская компартия, получив самую крупную фракцию в парламенте (180 депутатов), вошла в состав буржуазного правительства, приняв на себя активную роль в восстановлении разрушенной экономики. И при том то и дело отбиваясь от нападок правых, сыпавших цитатами насчет «использования коммунистами парламентской трибуны в интересах критики правительства» как главной, если не единственной своей цели.

Между тем именно ФПК сделалась главной движущей силой в осуществлении всех главных экономических и социальных реформ послевоенного французского правительства, включая национализацию решающих отраслей промышленности. Деятельность ФПК в парламенте и правительстве была главным образом конструктивной, органической, и об этом не раз говорилось в заявлениях партии.

Осмеливаюсь думать, что и та «историческая коалиция», которую некоторое время тому назад предложила итальянская компартия, не противоречила живому, развивающемуся марксизму-ленинизму. И даже вытекала из него! С этих позиций, как представляется, следует смотреть и на те маневры и реформы, которыми руководство КПИ стремится облегчить осуществление новых политических программ, новой конструктивной тактики. И здесь, в Италии, идет, как мы видим, «перемена всей точки зрения на социализм».

Буржуазный парламентаризм проделал за последние 30—40 лет столь значительную эволюцию — в духе его демократической трансформации, — что его, как и презумпцию невиновности, можно рассматривать в контексте неоспоримых достижений европейской цивилизации как общечеловеческую ценность. И не только парламентаризм, но и все те формы и процедуры, которые выработаны для учета общественного мнения, корректирующего ход избирательных кампаний и программные заявления самих избирателей — от мэра до президента.

Парламент, который мы создаем после стольких лет самообмана и недоверия, должен стать форумом, где публично сталкиваются мнения, разделяющие те или иные стратифицированные слои населения, предложения, выражающие те или иные «групповые» интересы. Здесь, в парламенте, они найдут себе примирение в Законе. И что немаловажно для нашей общественной жизни, здесь же в парламенте выдвинутся действительные, а не номенклатурные лидеры. Пусть на нас не посетуют за то, что мы сошлемся на апостола Павла, писавшего одной из христианских общин: а то, что вы спорите между собой, не должно смущать, ибо если не будет споров — как же выдвинется достойнейший?

Ленин благоговел перед Марксом и Энгельсом. Но он пошел наперекор им, отстаивая возможность победоносной пролетарской революции в отсталой стране с малочисленным пролетариатом. И это не единственный пример такого рода.

Случалось, что Ленин ошибался (его идея «мировой пролетарской революции», которая должна была с неизбежностью прийти нам на помощь). И это не единственный пример. Трудно, болезненно, но необходимо — и не только в видах внешней политики с ее «новым мышлением» — признать, что концепция «общего кризиса капитализма», которую мы исповедовали, оказалась недоказуемой для современной ситуации. Как равно и концепция неизбежности войн между империалистическими государствами, да и многое другое.

Пора сказать и о том, что ленинская модель «советского государства» не получила желательного воплощения. Прав был профессор Рейснер, одним из первых заметивший, что «совдепия вытесняется исполкомией». Так стало уже с возникновением комбедов, и никакие меры по реанимации («оживлению») Советов не дали ощутимых результатов — вплоть до наших дней. По правде сказать — их не очень-то и желали!

Многовековой опыт показал, что исполнительная власть по природе своей стремится к зависимости и бесконтрольности. Этому способствуют многие факторы: возможность опереться на бюрократический аппарат, ею же создаваемый, всегда и везде противостоящий представительным органам как их антипод; распоряжение орудиями принуждения — от полиции до суда; возможности, связанные с привлечением на свою сторону той части депутатского корпуса, который более всего подвержен коррупции; подбор кандидатов в депутаты; владение информацией, связанное с безнаказанностью ее сокрытия или извращения и т.д.

Не оправдала своего назначения и система съездов Советов, как она сложилась при Ленине и тем более после его смерти. Законодательная власть съездов была такой лишь по названию, законотворческой и тем более контрольной властью (в отношении правительства) они не обладали вовсе. И не было случая, чтобы съезд (а затем и Верховный Совет) отказал в утверждении указов, включая и те, которые без конца меняли наши конституции¹⁰.

Две палаты. Стендаль как-то заметил, что Италия возвратит себе былое величие не раньше, чем обзаведется двумя палатами. И в общем он оказался прав. Преодолевая старые страхи перед парламентским строем правления, обнаруживая очевидное стремление к примирению сложившейся системы управления страной с вновь вводимыми институтами, мы, тем не менее, идем вперед по пути подлинно представительного парламента и ответственного перед ним правительства.

И мы, заметим с удовлетворением, уже не одиноки среди всех прочих социалистических стран. Режим парламентской демократии (да еще с многопартийной системой как ее непременным компонентом) уже утвердился в результате своего рода мирных, или, как еще говорят (в Чехословакии), «нежных» революций в Восточной Германии, Венгрии, Чехословакии и Болгарии.

Трагическая участь недавних «вождей» этих стран во многом объясняется их догматическим консерватизмом, когда, получив возможность и способность идти по пути перестроечных процессов, которых, глядя на Советский Союз, с нетерпением и надеждой ожидали от них и народы, и партии, они предпочитали жить по принципу «После нас хоть потоп».

Как представляется, и у нас, с созданием постоянно действующих палат, возрождаются надежды на решительную ломку существующих форм правотворчества. Самое важное в этом отношении, на наш взгляд, понимание того, что время любителей от законодательства осталось далеко позади. Сейчас нужны интеллектуалы, вооруженные общими и специальными знаниями (экономическими, юридическими и пр.), люди, неординарно думающие, с безупречной репутацией. Говоря иначе, нам нужны профессиональные политики самой высокой пробы¹¹. И как нам представляется, широкие массы избира-

телей все более убеждаются в том, что некомпетентности власть имущих, всех без разбора, должен быть положен конец!

Порядок формирования палат, как он предложен поправками к Конституции 1977 года, представляется мне временным и компромиссным уже по одному тому, что он не поддается сколько-нибудь убедительному обоснованию. Почему в самом деле не предоставить формирование палат прямому и тайному голосованию избирателей? Как они этого хотят и добиваются. Создается впечатление, что мы возвратились к съезду Советов из своего рода традиционализма, тем более удобного, что с постоянно действующими палатами — хотим мы этого или не хотим — соотносился дотоле отвергаемый образ парламентского правления.

И я не могу не выразить своего одобрения тем республиканским (пока еще) избирательным законам, которые положили конец окружным избирательным комиссиям, этому очевидному орудию аппарата в борьбе за депутатские места.

«Фракционность» и связанные с ней проблемы. Существует представление, будто парламентаризм и многопартийность (двухпартийность) неотделимы. Между тем в реальной истории все обстоит значительно сложнее. В Великобритании партийная система в нашем понимании этого понятия складывается не ранее середины XIX столетия, так как ни тори, ни виги не держались партийной дисциплины. Пример тому — отставка Уолпола, которому отказали в поддержке его собственные партийные «фракционеры» — виги (1742 г.). В Соединенных Штатах демократическая партия возникла в 1828 году и была единственной политической партией вплоть до 1854 года, когда на гребне борьбы за и против рабства возникла партия республиканцев.

Во все время существования Третьей республики во Франции палата представляла собой не поддающееся сколько-нибудь строгому анализу собрание партий. Одно время (конец XIX — начало XX века) т.н. «левый центр» палаты состоял из трех партий: республиканской левой, республиканского союза и крайней левой. И то же самое было с правыми партиями, партиями промежуточного спектра и пр. Общее число «партий» приближалось к двадцати. Говорить обо всем этом как о «разновидности партийной системы» смешно.

Нет места для других примеров, но и из сказанного вытекает, что однопартийность не исключает парламентской системы правления, при условии, что мы избавимся от привитых нам страхов перед т.н. фракционностью. Нормальный законотворческий процесс, которого нам не хватает, процесс, регламентированный самой конституцией, включающей стеснительные и ограничительные процедуры (второе чтение, согласование расхождений, вето президента и его отклонение, новый тур внесения и обсуждения того же законопроекта и т.д.), должен вызвать борьбу мнений, ибо в ней один из важнейших показателей общественного здоровья. Обсуждения вызывают разногла-

сия, разногласия побуждают к борьбе, борьба приводит к решению, решение — примиряет.

Всегда будут вопросы, и их большинство, которые не вызовут партийного вмешательства, как это бывает даже и в английском парламенте, когда правительство не связывает свое пребывание у власти с прохождением того или иного законопроекта (как это было с законопроектом об отмене смертной казни). В иных случаях депутаты-коммунисты будут связаны партийной директивой. Но только коммунисты, конечно. Остальные депутаты должны быть и будут, как мы надеемся, свободны в своем выборе.

Это, заметим, пойдет на пользу самой партии, поскольку именно таким образом она окажется способной корректировать собственную позицию. Как коммунист, я позволю себе высказать надежду на то, что с перестройкой самой нашей КПСС будет отменена как несоответствующая принципам правового государства резолюция о единстве партии, принятая на X съезде РКП(б). Нельзя более «строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений». Или это, или гласность, или это, или возврат к «единомыслию».

До недавнего времени у нас вообще не было правительства в его укоренившейся форме. 120—150 министров, включая представителей всякого рода Комитетов и «министров без портфеля», — это был скорее митинг, чем правительственный орган государства. Поэтому-то вся действительная власть принадлежала Президиуму кабинета, а может быть, еще более узкой группе функционеров.

Оптимальный состав Совета министров как работающего органа, ответственного всем своим составом перед парламентом, — 20-25 человек. И, как я надеюсь, с одним премьером и одним заместителем. Как равно и министерства должны будут возглавляться одним министром и одним заместителем («товарищем министра», как этот пост именовался в старой России).

Снова об ответственном правительстве. Без права парламента дисциплинировать министров и кабинет в целом — через вотум недоверия или отклонения законопроекта, с которым правительство связывает свое пребывание у власти, — нет и не может быть правового государства. И тут мы снова приходим к проблеме много- или двухпартийности. Если кадровая политика будет целиком и безраздельно принадлежать правящей партии, как это было до сих пор, смена правительства по причинам, о которых мы говорили, может оказаться пустой формальностью. Люди будут меняться, как стекла в калейдоскопе: те же в разных комбинациях. Как это было во Франции в период Третьей республики.

Трудно сказать, как будут разворачиваться события, но в данный период, как мы полагаем, более существенным для страны и самой партии является вопрос об устранении препятствий на путях ускорения и радикализации перестроечных процессов. Об угрозе реакции, которая под видом плюрализма мнений и проектов на будущее пытается натравить толпу, состоящую из разуверившихся людей, на руко-

водящие органы партии и такие структурные перемены, которые связаны с собственностью, кооперативным движением и прочим в этом роде, говорит многое. Митинг, состоявшийся в Ленинграде 22 ноября 1989 года, подготовленный и организованный местным партийным руководством, озлобленным своим тотальным поражением в предыдущей избирательной кампании, есть не столько митинг, сколько своего рода путч или репетиция путча, направленная против демократии и демократических перемен вообще. И это, как и многое подобное, настораживает.

Конституционный суд. Проект судебной реформы, на наш взгляд, мало что меняет даже и при том, что вводится т.н. Комитет конституционного надзора. Неосведомленный читатель может принять его за некий вариант Конституционного суда, доступного петиции, кассации и апелляции, от кого бы она ни исходила, — по мотивам противоконституционности обжалуемой меры, включая закон. Ничего подобного! Речь идет об еще одном обреченном на бездействие Комитете. Нечто подобное было и во Франции, когда ее Конституционный Совет был доступен узкой группе высших сановников государства, служа для них своего рода «юридической консультацией»: президенту, премьер-министру, председателям палат. В 1974 году законодатель расширил — хотя и незначительно — круг «петиционеров», включив в него депутатов нижней палаты и сенаторов. С тем, однако, чтобы под соответствующей петицией стояло не менее 60 подписей. И тем не менее эффект превзошел ожидания. Волей-неволей Конституционный Совет должен был вмешаться в споры между фракциями парламента, и не раз уже случалось, что его решения удовлетворяли и большинство и меньшинство.

В пределах Западной Европы опробованы две модели конституционного надзора. В Западной Германии Конституционный суд принимает к рассмотрению даже и те жалобы (петиции), которые, находясь в пределах его компетенции, исходят от частных лиц. В Италии, напротив, последние лишены этого права, и дела о конституционном контроле исходят только от государственных учреждений. Как легко видеть, мы избрали последнюю модель, на мой взгляд, худшую.

Наибольший интерес представляет, конечно, Верховный суд США, в течение двух веков обеспечивающий Конституции США не только само ее существование, но и ее практический пересмотр в духе конструктивных интересов.

Независимый и авторитетный Конституционный суд может быть более всего нужен нашей судебной системе, ибо именно он, в пределах своей компетенции, может служить надежным щитом и для фактической независимости судов — от низших до высших.

И уж во всяком случае он должен быть способен воспрепятствовать попыткам использовать суд и прокуратуру в видах государственной политики, как это практикуется до сих пор.

Еще Вольтер смеялся над порядками, при которых считалось целесообразным «время от времени осуждать к повешению кого-либо из

адмиралов, чтобы придать бодрости другим». Бедный замученный эстонский ученый Хинт мог и не знать вольтеровской сентенции, но он, конечно, понимал, во имя чего его приносят в жертву Молоху, именуемому Юстицией. Как и тысячи таких, как он. Это не может более повторяться. И не последнее место в процессе трансформации суда и всего нашего процессуального права должно быть предоставлено именно Конституционному суду, могущему отклонять не только министерскую инструкцию, служащую основанием для обвинения, но и правительственные акты, когда они противоречат Конституции и праву в его высоком и непреходящем значении.

Никто другой, наконец, не может быть лучшим арбитром в спорах между республиками (и автономиями вообще), чем властный, высококвалифицированный Конституционный суд, избираемый обеими палатами.

Мы уже не говорим о том, что конституционный контроль над новыми законами, — в корне меняющий то, что еще осталось от брежневской октройки, — представляется более чем странным маневром, вряд ли помогающим политике перестройки. Не разумнее ли сначала создать Конституцию, а затем уже инструмент, ее оберегающий?

Примечания

¹ Следуя за Кантом, современный западногерманский процессуалист М. Миллер пишет, что именно процессуальное право есть подлинный критерий для суждения о том, насколько государство является правовым; нигде, как в процессуальном праве, не проявляется столкновение общественных и индивидуальных интересов, отношение государства к личности вообще.

² Все другие права личности, включая избирательное, Кант относил к разряду приобретаемых. Быть может, следуя за конституционалистами 1791 года, Кант полагал, что лицо, находящееся в услужении, а значит зависимое от чужой воли, не может обладать политическими правами. Но, разумеется, не всегда, а до тех пор, пока труд и бережливость не вызволят его из кабалы. К приобретенным правам, равно принадлежащим всем членам общества, Кант относил личные имущественные права, семейные, обязательственные и т. д. Естественно, что всем этим Кант обязан своего рода отлучением от демократии.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс относились к Штейну иронически, хотя и ценили его попытку «изложить связь социалистической литературы с действительным развитием французского общества».

⁴ Отметим верное замечание Иеринга насчет кардинальных изменений в самоориентации субъективных интересов в сравнении с ориентацией римского гражданина.

⁵ Ориу предложил иную классификацию личных свобод, выдвигая на первый план право собственности (связывая его с т. н. «правом покоя»), дав этим повод для справедливой критики слева, как равно и пресловутую «социальную свободу», не исключающую свободу сословий. Возвращаясь к Дюги, заметим, что именно в его системе яснее, чем в других, выступает признание политических прав личности, поддержка пропорциональной системы голосования как наиболее справедливой, поиск гарантий, обеспечивающих функционирование систем «социальной солидарности».

⁶ Любопытно, что, отказавшись от «частной собственности» на землю, наши народные депутаты, сами того не ведая, приняли и узаконили вечнонаследственную аренду, возникшую в поздней Римской империи и благополучно перешедшую в средние века в качестве правовой основы феодально зависимого крестьянского земледель-

зования, но только с меньшими гарантиями неприкосновенности надела и самостоятельности хозяйствования.

⁷ В Петровском указе предписывалось, чтобы «никто без проезжих или прохожих писем никуда не ходил, но каждый бы имел от начальников своих пашпорт или пропускное письмо». Не имеющий — считается «за прямого вора», то есть преступника.

⁸ Проблема соответствия «индивидуального интереса» и «всеобщего» сделалась едва ли не самой дискутируемой, и она на самом деле сталкивается с немалыми затруднениями. Эта проблема стоит перед нами, и нам надо набраться мужества, чтобы ее обсудить.

⁹ Выражая свое согласие с решением Верховного суда США, не могу не сообщить читателю прямо противоположное суждение и решение Конституционного суда ФРГ. Признав запрещение абортос обязательностью правительства в осуществление его права на защиту «объективного интереса», суд нашел, что допущение абортов: 1. противоречит ст. 102 конституции, запретившей смертную казнь ввиду «фундаментальной ценности человеческой жизни»; 2. противоречит ст. 2 конституции, гарантирующей жизнь каждому живущему, включая и того, кто находится в материнской утробе; 3. в качестве политических мотивов решения Конституционный суд указал на зловещей памяти нацистские законы «Об окончательном решении» (еврейского вопроса), о «Ликвидации» и др.

¹⁰ Ленинское наследие — не цитатник, на манер сусловского, не псалтырь для песнопений по случаю. Имя Ленина — не щит, которым надлежит прикрывать любой поворот политики. Кто не испытывал чувства стыда при виде вездесущего плаката, на котором Ленину были вложены в уста кощунственные слова: «Правильным путем идеете, товарищи!». Это — о Брежневе и его достославном пути.

¹¹ Из сказанного никоим образом не вытекает дискриминация «человека от станка». Этого нет уже и на Западе: Рейган начал свою карьеру на лодочной станции, канцлер Коль — грузчиком. Рабочие-парламентарии не редкость ни в Англии, ни в ФРГ. Нередко пишут, что занять выборную должность где-нибудь в Англии или во Франции много труднее, чем пробиться на верхи «государственной бюрократии», организованной по чинам и званиям, держащей свои должности и связанные с ними доходы по образу феодалов. Сократ сейчас в большой моде: но ведь это он высмеивал демократию, при которой никто не поручит тачать сапоги первому встречному, тогда как управление государством доверяется жребию. Разве последнее проще? — спрашивал Сократ. Речь идет о том, что подлинный политический лидер не возникает «с пятницы на субботу», как это у нас бывало сплошь и рядом (вспомним Черненко с его более чем странной карьерой). В политические лидеры, в депутаты парламента нужно выбиваться трудом, заслугами, выдающимися способностями. Говоря таким образом, мы имеем в виду выдвигание Шмелева, Ю. Афанасьева, Нуйкина и других, которых сама история сделала выразителями общественного мнения, так же как она выдвинула академика Абалкина.

Социалистическое правовое государство: основные черты концепции

К теории и практике правового государства человечество пришло постепенно, в ходе борьбы за свободу. Концепции правового государства И. Канта и других прогрессивных мыслителей XVIII—XIX веков были направлены против абсолютистского, полицейского государства, тирании, автократии и произвола и находятся в общем русле освободительной идеологии. Формирование правового государства предполагало замену авторитарной, «закрытой» политической системы, основанной на патернализме и личном усмотрении, системой демократической, «открытой», покоящейся на принципах господства права и законности. Правовое государство как рациональная политико-юридическая форма социальной жизни принадлежит, таким образом, к фундаментальным общечеловеческим ценностям, таким, как права человека, конституционализм, демократия.

Воплощению идеи правового государства в советскую теорию и практику препятствовала авторитарно-бюрократическая система. Этой последней свойственно по существу антиправовое мировоззрение, правовой нигилизм. Право здесь фактически сведено к волюнтаристскому приказу, облеченному в форму закона. Отсюда представление о государстве как творце права и о несвязанности самого государства правом. Концепция правового государства в такой ситуации считалась сугубо буржуазной и антисоциалистической. И это не случайно. Государство в авторитарно-бюрократической системе рассматривается в качестве первопричины («главного орудия») социалистического строительства и в то же время фактически превращается в самоцель («дальнейшее совершенствование», «укрепление»). Человек низводится на уровень простого средства, «винтика» в политической машине. Государство по своему усмотрению «дарует» права гражданину и забирает их, например обеспечивая принудительным трудом многомиллионных заключенных «великие стройки коммунизма».

Такое положение в корне противоречит основной цели социализма. В условиях революционного обновления необходимо создать надежный механизм защиты прав человека, обезопасить общество от узурпации и террора. Поэтому формирование правового государства является необходимой составной частью перестройки. Казарменному социализму соответствует авторитарно-бюрократическое государст-

во. Социализм гуманный необходимо предполагает государство правовое. Правовое государство представляет собой разумный способ соеденения начал власти и свободы под углом зрения гуманизма. Здесь политическая власть, урегулированная и ограниченная правом, не вырождается в тиранию и порабощение, а право, охраняемое рационально устроенным государством, не подменяется «кулачной» или «теневой» привилегией.

1. Господство права в общественной и политической жизни. Правовой характер взаимоотношений личности, общества и государства

Господство права в общественной и политической жизни — это важнейшая, существенная черта (признак) правового государства. В этой связи можно выделить два аспекта правового государства: 1) формально-легальный, т.е. господство закона, связанность государства, других участников социально-политической жизни законом (режим законности как в правотворчестве, так и в правоприменении); 2) содержательно-правовой, имея в виду, что закон есть лишь форма права, что право не тождественно закону. Сам закон (и законодатель) должен быть связан принципами социалистического права, вытекающими из сущности и цели данного строя.

Верховенство советского закона, режим законности — необходимый аспект становления социалистического правового государства. Без этого невозможен элементарный правопорядок. Принцип верховенства закона надо провести прежде всего в нормотворческой деятельности государственных органов. В этой связи необходима всеохватывающая реформа в той огромной пирамиде нормативных актов, которая на сегодня создана. Закон подмят авторитарно-приказным своеволием и так называемым ведомственным нормотворчеством. Неумные претензии ведомственности и местничества сказались и в официальном юридическом языке. Слово «законодательство» стало употребляться в искаженном смысле, для обозначения и таких актов, которые законами в собственном смысле не являются. Причем количество таких актов многократно превосходит число законов. Произошли разбухание и диспропорции, рассогласованность и противоречия в системе нормативных правовых актов. Это привело к нарушению принципа верховенства закона, к девальвации законов и прежде всего Конституции. Нарастало пренебрежение к закону. Возникла в принципе порочная практика, когда закон не действует до тех пор, пока он не объявлен приказом по ведомству и не обрастает инструкциями, которые зачастую искажали его первоначальный смысл.

Верховенство закона относится не только к нормотворчеству, но и к правоприменению. Отступления от Конституции, пренебрежение к закону создали удобную атмосферу для различного рода злоупотреб-

лений, произвола и преступлений. Росла организованная преступность. Целые регионы вышли из-под контроля закона. Патологические процессы охватили различные этажи общества и политической структуры. Правоохранительные органы не смогли противостоять этим явлениям и сами оказались поражены деформационными процессами. Вот почему формирование социалистического правового государства связано прежде всего с верховенством закона и режимом законности. А для этого необходимо, чтобы закон, в первую очередь Конституция, имел значение непосредственно действующего права.

При всей важности закона и законности для правового государства оно не может быть сведено лишь к этому формально-легальному уровню. В форму закона фактически может быть облечен государственный произвол, и тогда налицо правонарушающее законодательство. Достаточно обратиться к трагическому опыту 30-х годов, когда советский закон превратился в орудие авторитарного режима. Это приобрело поистине злое очертания в уголовном праве и процессе, в исправительно-трудовом праве, где возобладала общая тенденция к усилению политических репрессий. Отбрасывая элементарные правовые и нравственные принципы, прокурор А.Я. Вышинский и его окружение в целях юридического «подкрепления» массовых расправ с «врагами народа» выдвинули страшный по своей практической направленности тезис о «соучастии в широком смысле слова». При этом отрицалась необходимость установления прямой причинной связи между деятельностью соучастника и исполнителя преступления для привлечения их к уголовной ответственности. Разработанное гуманистической наукой и практикой понятие соучастия было заменено расплывчатым, «каучуковым» понятием причастности, связи, что фактически открывало дорогу безграничному судебному-административному произволу. С помощью такой «юридической конструкции» кощунственное обвинение в «соучастии» в «общем деле», в «попытке свержения советской власти», «в уголовной деятельности, характерной для банды профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов и убийц» было предъявлено многим руководителям партии и государства.

Было резко расширен круг деяний, за которые назначалось уголовное наказание. Взынчены максимальные сроки лишения свободы (до 25 лет), расширено применение смертной казни, прежде всего к «врагам народа».

Далее, была введена в обиход формула о том, что вина — это причинная связь между лицом, подозреваемым в совершении преступления, и самим преступлением. Эта «юридическая конструкция» нуждается в пояснении. Фактически были отброшены такие важнейшие стороны понятия вины, как умысел, цели, мотивы. Их подменили «объективной», часто надуманной связью действий человека и реальных событий, независимо от того, как он сам к своим действиям относился, какие цели преследовал и т.п. Подобная конструкция открывала путь к так называемому объективному вменению, к безгранично-

му судейскому усмотрению. Фактически принцип личной вины как необходимого состава преступления был отброшен. На практике формула Вышинского была удобна тем, что позволяла легко находить «виновных» в действительно происшедших время от времени срывах производства, авариях и т.д.

Все это резко расхлосилось не только с принципами социалистического права, но и с элементарными общечеловеческими ценностями, завоеванными в борьбе против тирании и произвола. Террористическое законодательство и лежащие в его основе концепции Вышинского наводили «юридический» лоск на преступления и массовые репрессии, совершаемые на почве злоупотребления властью в условиях авторитарного режима. Печальным укором этой чудовищной теории и практике звучала опубликованная в 1939 году в переводе и под редакцией профессора М.М. Исаева знаменитая книга итальянского гуманиста XVIII века Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» — по существу кодекс прав человека в области уголовной юстиции.

Несмотря на то, что наиболее одиозные пласты правонарушающего законодательства были после XX съезда КПСС отменены, отступление от принципов социалистического права в законодательстве и в подзаконных актах до конца не было преодолено. Более того, в годы застоя и кризиса 70-х — 80-х годов этот процесс разрастался, хотя и в несколько иных формах и вариантах.

Правовая реформа призвана не только восстановить верховенство закона, но и обеспечить его соответствие принципам социалистического права. Для правового государства необходимо, чтобы в самом законе были закреплены и конкретизированы юридические принципы (аксиомы) и основные права человека и гражданина (экономические, политические, социально-культурные, личные), соответствующие гуманной природе социализма и общечеловеческим ценностям. В этом смысле можно говорить о естественно-историческом праве социализма (в противоположность деформированному и патологическому законодательству авторитарно-бюрократического режима). Господство именно такого права в общественной и политической жизни дает социалистическое правовое государство и правовой социализм в целом.

В обеспечении соответствия нормативных актов юридическим принципам социализма особое место принадлежит конституции. В основном законе фиксируются как раз основные права и юридические начала, обязательные для всех участников социально-политической жизни, в том числе для самого законодателя. Собственно говоря, нормативные акты образуют систему лишь тогда, когда они находятся в иерархически-ступенчатой соподчиненности и легально (формальная иерархия на основе верховенства закона), и по существу (соответствие принципам права). Иначе возникает рассогласованность и деформация системы. Тогда урегулированность и порядок будут достигаться не цивилизованными, собственно правовыми путями, а посредством голых силы, авторитарного правонарушающего указания,

«кулачного», «телефонного», «теневого» и т.п. «права». Отсюда следует, что в самой конституции должен быть заложен принцип господства права и механизмы его осуществления для того, чтобы избежать волюнтаризма и произвола, сохранить социалистический правопорядок. С этой точки зрения законодатель может дополнить конституцию или изменить ее (приняв новую редакцию или даже новый текст). Но он не имеет права отменить ее как таковую, отбросить, перечеркнуть принцип господства права, существо основных прав и юридических начал общественной и политической жизни. Любой такой акт, даже если он облечен в форму конституции, был бы антиконституционным и антиправовым. Иными словами, основные принципы и ценности, выраженные в конституции, не подлежат пересмотру, поскольку они выражают природу социалистического строя.

Конституция, в которой не проведен принцип господства права и верховенства закона, фактически сама не может стать верховным законом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не предусматривая правового характера осуществления государственной власти (т.е. в определенном смысле ее ограничения), она открывает легальный путь произволу. Вследствие указанного обстоятельства шаткая, половинчатая, непоследовательная, противоречивая, она обрекает всю правовую систему на неизбежные деформации и перерождение.

Господство права должно быть не только в правотворчестве, но и в правореализации, в том числе в правоприменительной деятельности. Принцип господства права предполагает, что созданная на его основе в обоих указанных выше аспектах (формально-легальном и принципиально-юридическом) система нормативных актов должна конкретизироваться в сети правоотношений. Лишь в этом случае будет право в полном смысле слова, т.е. действующее, живое право, реальный правопорядок.

Необходимым аспектом и условием развития человека как разумного и гуманного существа является его свобода. В социально-политической жизни свобода человека выступает как его право, т.е. нормированная, урегулированная свобода. В правах человека выражены его возможности в различных сферах: экономической, политической, социально-культурной, личной. Поэтому господство права измеряется прежде всего степенью развитости и гарантированности свобод личности, юридическим характером ее взаимосвязей с обществом и государством. Это тем более относится к социализму, основной целью которого является гармоническое развитие человека, все более полное удовлетворение его материальных и духовных потребностей. Государство гуманного социализма должно быть правовым, т.е. либеральным в указанном здесь смысле. В этой связи надо решительно отвергнуть сложившееся в условиях авторитарно-бюрократического государства кощунственное клише «гнилой либерализм» и стоявшую за ним антиправовую практику. Ограниченность конкретно-исторического буржуазного либерализма XVII—XIX веков, с которым связано происхождение данного термина, не должна заслонять того, что либе-

рализм происходит от понятия свободы и, следовательно, принадлежит к общечеловеческим ценностям. Гуманный социализм представляет собой новую ступень в развитии прав человека: общечеловеческое здесь должно быть взято и обогащено.

Права личности находятся в системном единстве. В этом смысле они все равноценны. Ущемление одного из прав не может не сказаться на других. Так, опыт капитализма показал, что отсутствие или необеспеченность экономических прав трудящихся, классово-имущественная поляризация приводят к деформациям политических прав, так что демократия фактически превращается в господство монополистической элиты. Социализм создал благоприятные возможности для развития социально-экономических прав (право на труд, обеспеченность работой, забота общества о человеке). Однако в условиях административно-командной системы оказались необеспеченными политические и личные права. В результате и осуществление экономических прав приняло уродливые формы. Очень низки уровень жизни и производительность труда, крайне ослаблена дисциплина, не действуют рычаги стимулирования, свирепствует дефицит, нарушена социальная справедливость в распределительных отношениях, уравниловка причудливым образом уживается с «теневой» экономикой. Такая деформация правовых начал в экономике тесно связана с авторитарным режимом, необеспеченностью политических прав. Мафия («бандократия») является наиболее одиозным образчиком сплава хозяйственной и политической патологии.

В целом право оказалось без надежного механизма защиты, а политическая власть — без правовых сдержек. Создавая покорные орудия и «монолитное единство», административно-командная система не позаботилась о свободе. А без нее невозможны заинтересованность и ответственное отношение к делу. Научно-технологическая революция держится отнюдь не на рабстве. Нарушение правового характера взаимоотношений личности, общества и государства закономерно привело к нарастанию процессов отчуждения и сползанию в кризис.

Когда право подменяется волюнтаристско-командными методами регулирования, люди стремятся осуществить свои интересы и потребности не юридическими, а иными, окольными путями, в том числе с помощью злоупотребления властью. Нарушение правовых связей, т.е. по сути дела справедливости в общественной и политической жизни, фактически перерастает в антиюридическое состояние. В политике это чревато не только авантюризмом, но и репрессиями, террором. Социалистические отношения собственности искажаются, приобретают уродливые черты: собственность из права превращается в привилегию. Эта базисная метаморфоза мультиплицируется в других сферах жизни. Вообще в условиях всеобщего дефицита любая мало-мальски значимая должность, функция, связанная с доступом к различного рода благам, превращается в привилегию-кормление. Это полностью относится и к самой власти. Но поскольку официальное

законодательство об этом ничего не знает, постольку движение материальных средств и услуг в значительной степени становится «теневым». «Теневой» базис неизбежно порождает и «теневую» надстройку. Право отнесается патологическими «нормами», так как в фактический стандарт возводятся социальные отклонения. Так возникает рашидовщина, кунаевщина, алиевщина, брежневщина и т.д. Кризис 70-х — 80-х годов относится, следовательно, не только к экономике, а ко всем сферам социальной жизни, в том числе к правовой.

Единственный разумный выход из создавшегося положения — это восстановление юридических начал общественной и политической жизни. Но для этого надо преодолеть теорию и практику, согласно которым права личности являются «средством», «инструментом», «даром» властей. Надо, наконец, осознать, что права личности — это неотъемлемая часть (аспект) самого человека как социального существа и поэтому должны быть для государства целью, а не средством. Такой подход является следствием приложения основного закона (цели) социализма к юридической жизни. Достигнуть этого на практике можно только в том случае, если будет создано правовое государство, способное стать эффективным инструментом защиты права.

Акцент на права личности не означает, что у нее нет обязанностей, в том числе перед государством и обществом. Все участники социальных отношений связаны взаимными правами и обязанностями. Право не может существовать без обязанности, иначе будет не право, а односторонняя привилегия. Надо найти нужные пропорции и соразмерности в соответствии взаимных прав личности, общества и государства. Критерием здесь служит основная цель социализма и вытекающие из нее юридические принципы. В предыдущий период была искажена основная цель и, как следствие, были деформированы права и правовые связи.

Основными началами права являются юридическое равенство (равноправие) граждан и тесно связанный с этим эквивалент в их отношениях, в движении и обмене благ и услуг, а также в воздаянии наказаний за правонарушения. Свобода становится правом только тогда, когда она урегулирована, нормирована на началах юридического равенства и эквивалента. Право по своей природе (в противоположность произволу и привилегии) предполагает общий масштаб, меру, выражающуюся в юридическом равенстве участников правового общения и эквивалентности в их отношениях.

Далеко не сразу люди пришли к осознанию (а тем более к практической реализации) правовых начал и прав человека. Общечеловеческое начало и ценности в праве, как и в целом в социальной жизни, прокладывали себе дорогу мучительно, в антагонистических столкновениях. В течение длительного времени общечеловеческий аспект правовой жизни был подчинен узкоклассовым интересам и деформирован ими. Это было право для немногих, т.е. фактическая привилегия, а не право в собственном смысле. Юридическое начало применя-

лось к узкой группе лиц, а остальные оказались в бесправном положении, были низведены на уровень средств.

Однако в длительном процессе насилий и войн, эксплуатации и порабощения постепенно зарождалось общечеловеческое начало в юридическом регулировании, понимание того, что все люди — члены одного, человеческого рода и как таковые имеют общие качества и свойства, следовательно, в определенном смысле являются равными и в этой связи должны иметь равные права. Правовой масштаб должен быть распространен на всех людей, а не на привилегированное меньшинство. В глубь веков, к древним мудрецам восходит знаменитый принцип, так называемое «золотое правило» социальной нормативной регуляции: «Не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе». Или: «Поступай с другими так, как ты желаешь, чтобы другие поступали с тобой». В этом заключается и правовой масштаб, равная мера («равным за равное») и связанное с этим правовое равенство людей как участников социально-политического общения.

Первоначально равенство как важнейшее право человека распространяется прежде всего в сфере товарно-денежного обмена и в области воздаяния наказаний (на равных ступенях в грубой форме талиона, «око за око»). В последующем, обращаясь к правовому масштабу, идеологи народно-освободительных движений и апокалиптические бунтари требовали применить равную меру не только в сфере товарно-денежного оборота, но и в области труда и производства. Это вело к осуждению материального неравенства и эксплуатации.

Восприимая общечеловеческие начала права (равноправие и эквивалент), социализм ставит задачу утвердить их прежде всего в сфере производства, труда и распределения. Отсюда основной социалистический правовой масштаб, мера регулирования труда и потребления: «От каждого по способностям, каждому по труду». Здесь принцип юридического равенства и эквивалента поднимается на новый, социалистический уровень. Распределительные отношения должны покоиться на реальном трудовом вкладе работника в общее социалистическое дело. В этом масштабе резюмирована сущность социалистических правовых отношений. Это и есть основной принцип социализма; в нем заключена суть социальной справедливости нового общественного строя и, следовательно, справедливости социалистического права. Поэтому социалистическое право по своему существу несовместимо с нетрудовым, т.е. неэквивалентным доходом в любой его разновидности, будь то эксплуатация человека человеком, грубая уравниловка «казарменного социализма», преступные изъятия благ у народа посредством «теневой» экономики, незаслуженные привилегии бюрократии и т.д.

Социалистический правовой масштаб распределительных отношений, обусловленный социально-экономической природой социализма, исторически глубоко прогрессивен. Он открывает дорогу к невиданным ранее широким горизонтам социалистического равенства и равноправия. Построить социализм значило впервые в истории наде-

лить человека социально-экономическими правами, прежде всего правом на труд, исключить привилегии одних жить трудом других. Однако этот масштаб не дает материального равенства. Социалистическое право, будучи правом равенства, в то же время остается в определенном смысле и правом неравенства. Как и всякое право, оно противостоит, с одной стороны, привилегиям, с другой — уравниловке. Оно должно быть равным правом для равных и неравным правом для неравных (с точки зрения их реального трудового вклада). Отсюда неизбежность так называемого «узкого горизонта буржуазного права» (и соответственно «узкого горизонта буржуазного государства») при социализме. Речь идет не о буржуазном праве как таковом, не о капиталистическом правовом масштабе, не об отношениях эксплуатации и распределения по капиталу. Социалистический масштаб с ними просто несовместим. Дело в другом. Социалистический принцип распределения все еще предлагает необходимость политико-юридической организации общества, государственно-правового принуждения. Люди еще не готовы жить без права и государства. Поэтому масштаб «от каждого по способностям, каждому по труду» является не только экономическим, но и правовым принципом. Он лежит в основе социалистического права, составляет его сущность.

Социалистический правовой масштаб является не только необходимым, но и справедливым. Он служит активным движущим стимулом именно потому, что предполагает известное (в пределах социалистических отношений, т.е. в рамках самого этого масштаба) неравенство в распределении. Но это неравенство — не привилегия, а сама юридическая справедливость, связанная с трудовым началом. В социалистическом обществе трудящийся имеет не только право быть свободным от эксплуатации и угнетения, но и право на определенное (в соответствии с юридической мерой) неравенство в распределении постольку, поскольку не все одинаково (равно) трудятся, поскольку не у всех реальный трудовой вклад равный. Иными словами, это неравенство, которое складывается не за счет нетрудовых, антиправовых доходов, оно правомерно и справедливо. Поэтому социалистическое право в своей сущности несовместимо с уравниловкой и «казарменным социализмом», которые подрывают инициативу и стимулы к труду, порождают социальную апатию, застой и в конечном счете ведут к деспотизму, под покровом которого уравниловка для широких масс уживается с привилегированным положением правящей элиты. Уравниловка есть неправое, антиправо, своеобразная разновидность нетрудового дохода. Она отрицает само социалистическое общение и право. В социалистическом правовом масштабе «от каждого по способностям, каждому по труду» — ключ к социальной справедливости в распределительных отношениях. Деформация этой меры (ценности), особенно в годы застоя, нанесла огромный удар не только по престижу права, но и по социализму в целом.

От того, насколько последовательно проводится в жизнь данный принцип, непосредственно зависит осуществление высшей цели социализма, жизненных интересов трудящихся. Отступление от данного принципа ведет к нетрудовым доходам одних за счет других и, таким образом, несовместимо с социализмом. Надо сказать, что административно-командная система, сложившаяся в ходе социалистического строительства в нашей стране, оказалась не в состоянии последовательно воплотить на практике социалистическую меру регулирования труда и потребления, не дала надежных гарантий против нетрудовых доходов. Был нарушен принцип социальной справедливости, искажен правовой масштаб, мера регулирования труда и потребления. Чем, как нетрудовыми доходами, является обеспеченное с помощью внеэкономического принуждения изъятие средств у тех, кто работает хорошо, в пользу тех, кто работает плохо, нерентабельно? Незаработанная зарплата и выводилка на нерентабельных и плохо работающих предприятиях — типичный продукт нарушения принципа правового регулирования социалистических распределительных отношений. Открылась широкая дорога уравниловке, был обесценен добросовестный труд, а с другой стороны, усилилось «теневое» распределение и «теневое» регулирование, укоренились привилегии бюрократической прослойки. В условиях авторитарно-бюрократического режима многие руководители утратили партийную скромность и элементарную честность, встали на путь перерождения и даже преступлений на почве злоупотребления властью, в том числе с целью извлечения нетрудовых доходов. Борьбу с нетрудовыми доходами зачастую сводили к очередной кампании и не желали замечать, что в реальной жизни сложились и набирали силу «теневые» масштабы распределения, противоречащие социалистическому принципу «от каждого по способностям, каждому по труду».

Одной из важнейших задач перестройки является восстановление социалистического правового масштаба, меры регулирования труда и потребления. Путь к этому лежит через радикальную хозяйственную реформу и демократизацию общественной и политической жизни. С помощью правового государства надо поставить надежный заслон любым посягательствам на гуманистические принципы социализма, преодолеть административно-командную систему дирижирования хозяйством и экономическое своеволие автократической власти, искоренить «теневую» экономику и организованную преступность.

Перестройка означает, что в сфере регулирования труда и распределения вместо административно-приказного волюнтаризма возобладают надежные юридические механизмы, вытекающие из правового масштаба социализма. Это означает отказ от «казарменных» распределительных отношений и от нормативных приказов, основанных на голом администрировании, несовместимых с основным принципом социализма. Последовательная реализация принципов социальной справедливости, правовых начал социализма предполагает налаживание и ведение хозяйства с позиций материальной заинтересованно-

сти, предприимчивости, инициативы, экономических стимулов к труду. Только на этой основе возможно создавать надежные и гибкие правовые рычаги для того, чтобы товарно-денежные отношения и хозрасчет в целом работали на социалистическую перспективу. Тогда не будут провоцироваться деформации в сторону нетрудовых доходов в самой системе распределения. На голом приказе и понукании можно создать лишь казарму, в которой работников надо удерживать принуждением и страхом. Из этих элементов не построить родной и процветающий дом. Для этого нужно совсем иное: заинтересованность живущих в нем трудящихся, наделенных сильными чувствами собственников и сохозяев. Тогда будут блокироваться центробежные стремления к растаскиванию и разворыванию общего достояния, исчезнут отрицательно-патологические стимулы, механизмы и масштабы, сделавшие печальной реальностью «теневую» систему нетрудовых доходов.

В этой связи следует отметить, что в качестве исходного правоотношения в хозяйственно-экономической жизни должен выступать не приказ, а договор, т.е. типичная юридическая форма товарно-денежного и эквивалентного обмена. Договор как правовая форма складывается не на основе субординации, командно-административных, приказных отношений между властвующими и подчиненными, а на основе демократического равенства сторон, их свободного волеизъявления, согласования воли, координации и кооперации. Договор и предприимчивость, а не приказ и запретительство — вот основная правовая форма социалистического хозяйствования.

Договор является как раз той оптимальной юридической формой, которая позволяет последовательно реализовать принцип «от каждого по способностям, каждому по труду», активизировать и способности, и труд, и в то же время распределять, вознаграждать и стимулировать на основе социалистического эквивалента соразмерности в зависимости от трудового вклада работника. Именно договор, а не административно-приказные способы регулирования нужны регулируемой рыночной экономике. Из администрирования вытекает запрет и приказ, нет равноправия сторон, т.е. того, что прежде всего необходимо социалистическим отношениям в области экономики. Правовое регулирование при этом осуществляется преимущественно по формуле: «Запрещено все, что не разрешено». В таком случае правоотношение, опосредующее экономику, получается не договорно-правовое, а административно-приказное. И тогда экономический оборот регулируется методами не гражданского права, а административного законодательства. Создается реальная и большая опасность перекосов и злоупотреблений, в том числе в области распределительных отношений. Администрирование и бюрократизм несовместимы с хозрасчетом и принципом распределения по труду. Поэтому несостоятельна попытка сконструировать концепцию так называемого административного договора как формы социалистического хозяйствования. Разрастание нетрудовых доходов, принявшее опасные размеры, приходится имен-

но на период застоя и кризиса, т.е. административно-приказного своеволья, выливавшегося в прямое злоупотребление властью и экономические преступления.

Напротив, договор предполагает равноправие сторон, согласование их воли, свободу выбора партнера с учетом спроса и предложения, эквивалентный обмен — все то, без чего невозможны ни хозрасчет, ни товарно-денежные отношения, ни гражданское право в собственном смысле. Договор исключает бюрократическое администрирование, запретоманию и предполагает принцип: «Разрешено все, что не запрещено». Договор снимает путы администрирования с экономических отношений, рабски-унизительную зависимость, кабалу заказчика от монопольного диктата поставщика, навязанного ему сверху, и, следовательно, необходимо преодолеть все эти путы «теневыми» путями, создающую исключительно благоприятную возможность для нетрудовых доходов и преступлений. Договор открывает простор инициативе и предприимчивости, связывает распределение напрямую с конечными результатами, стимулирует добросовестный, качественный, высокопроизводительный труд, исключает сдвиги и деформации в сторону нетрудовых, т.е. несоциалистических доходов как в форме уравниловки, так и в виде изъятия благ у трудящихся через «теневую» экономику и посредством привилегий бюрократии, установленных с помощью властно-волюнтаристских методов регулирования распределительных отношений. Поэтому договор является необходимой юридической формой социалистического хозрасчета и товарно-денежных отношений, обеспечивающей движение экономических благ в соответствии с трудовым вкладом работника, т.е. на основе социалистического правового масштаба.

Более того, в определенном аспекте договор является наиболее адекватной формой для социализма в целом, имея в виду его демократическую природу. Договор должен быть положен в основу правового регулирования не только хозяйственных, но в значительной степени и политических отношений. С юридической точки зрения в основе демократического правового государства лежит логика договора граждан, их взаимного согласия, согласования воли, своего рода консенсуса, выражающегося в конституировании, признании и поддержке государственной власти. В противном случае договор заменяется приказом, а демократия — автократией, т.е. происходит деформация социалистического государства и права, всей политико-юридической жизни. Во всяком случае административно-приказная система и единоличная диктатура несовместимы с принципами социализма. Через призму юридических начал здесь отражается проблема взаимосвязи экономики и политики социализма. Проявляющиеся в социалистическом договоре равенство и равноправие сторон (эквивалентность, взаимность и соразмерность их прав и обязанностей) свидетельствуют о демократическом характере данной формы. Ибо демократия предполагает равенство сторон, и наоборот. Следовательно, можно сказать,

что экономика, урегулированная с помощью договорной юридической формы, является собственно правовой и демократической. В свою очередь, она предполагает и обуславливает демократическую форму и в политической жизни. Это тем более относится к социализму. Здесь демократия должна подняться на более высокий уровень. В основу экономики положен принцип распределения по труду, т.е. исключение нетрудовых доходов. Отсюда равноправие тружеников — участников экономического общения, т.е. демократия производственная. Она естественно и необходимо требует равноправия политического, дополняется демократией политической. В результате самоуправления народа должно быть и в экономической, и в политической системе.

История социализма практически подтверждает вывод о взаимообусловленности экономической и политической демократии, т.е. по сути дела о необходимости последовательного проведения правовых начал во всех сферах общественной и государственной жизни. Деформация экономической демократии и договорно-юридических связей, утверждение авторитарного регулирования хозяйства, разрастание на этой почве волюнтаризма и ошибок, злоупотреблений и нетрудовых доходов происходили в тесном единстве с деформацией демократии политической, с доминированием автократических методов осуществления политической власти и руководства политической жизнью. Современная демократизация советской политической системы, становление правового государства неразрывно связаны с восстановлением правовых принципов в экономике, с кардинальной хозяйственной реформой, тоже демократической по своей направленности. Одна без другой невозможны. Без последовательного осуществления этих преобразований перестройка невозможна. При административно-приказной системе экономика держится в основном авторитарными усилиями правящих лиц, ибо народ, трудовые коллективы в конечном счете низводятся на уровень пассивного объекта управления, отчуждены от реального права собственности. Здесь порядок держится не столько на экономической и юридической природе вещей, сколько на голом принуждении, страхе, репрессиях. Олигархическое перерождение правящих в таком случае открывает широкую дорогу различного рода «теневым» нормативам, закрепляющим систему нетрудовых, несоциалистических, антиправовых доходов. Напротив, при договорно-правовом регулировании хозяйства против нетрудовых доходов эффективно включена вся система экономических отношений, активность самих трудящихся, всех участников правовых отношений в экономике. Здесь определение того, что является трудовым доходом, а что — нетрудовым, осуществляется не волюнтаристским приказом, облеченным в форму закона, а подлинно юридической мерой, вытекающей из сущности социализма, т.е. на основе принципа «от каждого по способностям, каждому по труду». В этом смысле задачей перестройки является формирование не только правового государства, но и правовой экономики.

Утвердить правовые начала — это значит также устранить огосударствление общества. Этатизм не терпит самостоятельности других союзов, подавляет и проглатывает гражданское общество. Единство социального организма здесь достигается авторитарными способами, насилием и репрессиями. В результате возникает и усиливается процесс отчуждения личности, общества, народа от государства. Обобществление (т.е. действительная социализация, социализм) было заменено огосударствлением, точнее тоталитарным политизированием не только экономики, но и духовно-культурной жизни. Восторжествовала идея административно-командного, авторитарно-бюрократического, тоталитарного, принудительно-казарменного, антиправового социализма. Между государством и личностью возникла пустота. Исчезли независимые, самостоятельные союзы, институты, организации, которые бы служили нормальным средством реализации интересов и потребностей человека и в то же время служили бы защитным барьером против государственной экспансии. Граждане фактически были превращены в подданных. Произошло своеобразное закрепощение населения (лишение паспортов в сельской местности, ограничение прописки в городах, не говоря уже о миллионах людей, оказавшихся в лагерях). Поскольку трудящимся, особенно крестьянству, государство не позволило иметь хороший уровень жизни, постольку это было не только политическое и духовное, но и экономическое закрепощение.

Курс на огосударствление, стремление решать все дела посредством политического аппарата привел к непомерному его разбуханию. Дело не только в количестве, а в роли, которую играет бюрократия в жизни общества. Кризис административно-командной системы, ее неспособность обеспечить движение страны в ногу с научно-технической революцией, нарастание отчуждения личности от политической власти, резко обострившиеся противоречия между бюрократией и народом — все это нанесло колоссальный ущерб самой идее социализма. Таковы печальные последствия этатизма и политического тоталитаризма.

Государство должно быть формой гражданского общества, а не превращаться в самоцель. Необходимо, следовательно, создать сильное, жизнеспособное, свободолюбивое общество, которое в состоянии не допустить узурпации власти, защищаться и оказать сопротивление, дать действенный отпор любым антидемократическим, авторитарным посягательствам. Для этого необходимо прежде всего восстановить социалистические правовые начала в экономике, т.е. осуществить реальную социализацию (а не этатизацию) собственности. Собственность должна быть в руках народа, а не бюрократии. Преодолев подмену социалистического обобществления бюрократическим огосударствлением, можно снять отчуждение человека от хозяйства, восстановить право и чувство хозяина. Собственность в различных ее вариантах и соответствующие хозяйственные отношения юридически неприкосновенны. Принцип неприкосновенности собственности, как и всякого другого права (свободы), направлен не только

против расхитителей, но и против антиправового, произвольного вмешательства бюрократии. Государственная собственность — не привилегия должностных лиц, ведомств и аппарата, а своего рода социальная функция, в соответствии с которой право оперативного управления на юридических началах осуществляют непосредственно общественные коллективы. Воздействие государства на экономические отношения должно осуществляться так, чтобы не искажались гражданско-правовая природа собственности, право договора, юридические принципы товарно-денежного хозяйства.

Преодоление огосударствления социальной жизни позволяет обществу существовать не в виде авторитарно навязанного «монолитного единства», а нормально, как естественному многообразию (плюрализму) собственности, потребностей, интересов и сложившихся в соответствии с этим союзов, коллективов, организаций, объединений. Согласование интересов в таком случае достигается не авторитарно-бюрократическим вмешательством, а на основе юридических масштабов. Для этого и требуется правовое государство, политическое самоуправление народа, демократия. Плюрализм общественный является основой политического плюрализма.

2. Суверенность государственной власти. Разделение властей. Разграничение партийных и государственных функций

Право и правовое регулирование необходимо предполагают существование особой, публично-политической власти. Организацией такой власти и является государство. Для осуществления своих задач и функций в свете правового регулирования государственная власть должна быть суверенной. Суверенитет — это политико-юридическое свойство (признак) государственной власти. Он выражается прежде всего в ее верховенстве на осуществление и поддержание правовых начал по отношению к любым другим организациям, союзам, объединениям и т.д. Для единообразного осуществления юридических принципов в социально-нормативном регулировании требуется общая, согласованная воля и единая организация (своего рода коллективный юридический субъект), которая бы по праву занимала суверенное, верховное положение. В противном случае не будет ни права, ни порядка. Революция и гражданская война показывают, что собой представляет общество, в котором разрушена суверенная власть. Суверенный характер государственной власти позволяет ей на законных основаниях преодолеть центробежные тенденции, возможную конкуренцию со стороны иных организаций и защитить себя от любого посягательства.

Оставляя в стороне многочисленные аспекты соотношения юридического и фактического в данном понятии, подчеркнем, что суверенитет — это право государственной власти на верховенство, т.е. ее

норма свободы. Этим государственная власть отличается от любой другой, в том числе и от разновидностей патологической власти (например, банды). Это обстоятельство имеет существенное (если не решающее) значение в легитимировании власти. Даже отъявленные узурпаторы и тираны всегда стремились изобразить себя поборниками права и правды. В этом смысле авторитарная, антиправовая власть вынуждена выступать под чужим флагом.

Рассмотренный характер суверенитета позволяет сделать вывод о том, что свое адекватное выражение он находит именно в правовом государстве. Здесь государственная власть осуществляется в соответствии с юридическими принципами, которые она не имеет права нарушить. Политическая власть, которая действует не на основе права, имеет тенденцию вырождаться в произвол. Тем самым она лишается правомерности и как таковая не отличается от обыкновенного насилия. Революция показывает, что общество, не имея возможности юридическим путем воздействовать на государственную власть, рано или поздно лишает ее суверенитета силой. В стремлении найти цивилизованные гарантии правомерности политической власти человечество пришло к правовому государству. Суверенная правовая власть является единственной разумной альтернативой государственному абсолютизму и тоталитаризму.

Проблема суверенитета имеет не только внутригосударственный, но и международный аспект. Все мы живем на одной планете, в одном общем доме. Жизнь человечества хрупка и постоянно подвергается опасности. Глобальные проблемы еще далеки от их решения. В этих условиях наступает новый виток в развитии прав человека, под углом зрения приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. Происходит интернационализация прав, в том числе и в механизмах их защиты, особенно в связи с глобальными проблемами (экологическая и т.д.). Права человека сами превратились в глобальную проблему. Во многих регионах нет элементарных условий для осуществления прав человека. Отсюда необходимость международного сотрудничества на новом, эффективном уровне. Необходимо выработать меры соотношения между суверенитетом государства и властью мирового сообщества, на основе принципов права. Предстоит сформировать новое, общепланетарное юридическое мировоззрение. Должны победить императивы разума. Речь идет прежде всего о выживании человечества. Человеческая жизнь священна и неприкосновенна. Императивы разума в условиях научно-технологической революции и глобальных проблем должны быть положены в основу общемировой декларации (кодекса) прав и обязанностей человека.

В рационально устроенном государстве, каковым и является правовое государство, власть осуществляется посредством специальных органов. Отсюда различные «ветви» (отрасли) власти: законодательная, исполнительно-распорядительная, судебная. Для того, чтобы предотвратить злоупотребления и возникновение авторитарной, абсолютной власти, не связанной правом, эти отрасли не должны соеди-

няться в руках одного органа, т.е. должны быть разграничены («разделены»). Разделение властей, таким образом, является структурообразующим и функциональным принципом в целях рациональной организации и контроля. Разграничение направлено на то, чтобы удерживать государственную власть от возможных злоупотреблений. Все органы и ветви государственной власти призваны быть охранителями конституции. Конституция должна стоять над этими властями, а не власти над конституцией. Разграничение властей выражается в распределении компетенции, взаимном контроле, в системе сдержек и противовесов, сбалансированности, в равновесии через процесс улаживания и согласования.

С помощью разделения властей правовое государство организуется и функционирует правовым способом. Государственные структуры и их работа избавлены здесь от потрясений и лихорадок, вызываемых в монархических режимах сменой и утверждением новых лидеров. Напротив, правовое государство само является основой для такой смены. Борьба за власть и личные амбиции не вырываются из-под контроля, они обузданы прочным правовым порядком и незыблемыми юридическими процедурами назначения и смены лидеров. Вместо режима личной власти и чиновничьего усмотрения, переходящего в произвол, устанавливается господство права, т.е. политическая власть осуществляется на основе юридических норм. Именно эти нормы, а не подменяющее их личное усмотрение (по сути дела произвол) властвующих служат упорядочивающей основой организации и деятельности государственного аппарата и политической системы в целом. Правовое государство представляет собой способ рационализации политического механизма, ограничения публичной власти с целью не допустить узурпацию и злоупотребления. Без разделения властей наступает деспотизм. Принцип разделения властей имеет два аспекта. Во-первых, это распределение власти между самими органами государства. Ни одному из органов не принадлежит вся государственная власть в ее полном объеме. Запрещается осуществлять функции, принадлежащие другому органу. Таким образом, в правовом государстве отсутствует какая-либо неограниченная власть, не связанная правом и принципами конституции. Разделение властей служит средством сдерживания власти государства в рамках принципов гуманного социализма, служит механизмом защиты прав личности, закрепленных в конституции. Разделение властей выражается в системе сдержек и противовесов, так чтобы ни один из органов не занял авторитарно-абсолютистского положения и не опрокинул право и конституцию.

Разделение властей не абсолютно. Оно в то же время предполагает единство властей на основе общих политико-правовых принципов и целей гуманного социализма. Разделение властей — это не застывшее состояние обособленных структур, а работающий, действующий механизм, достигающий единства на основе сложного процесса согласования и специальных правовых процедур, предусмотренных в том

числе и на случай конфликта и экстремальных состояний. Общий принцип единства и разделения властей конкретизируется применительно к различным историческим ситуациям и положениям. Единство достигается через динамическое равновесие, через определенную напряженность, сопряженность и процесс улаживания. Но при этом обязательно условие: не должно быть сосредоточения власти в руках одного лица или органа, иначе станут невозможны взаимоконтроль, сдержки и противовесы и, следовательно, разделение властей и правовое государство.

Какая-то власть (ветвь, отрасль власти) при этом должна все же выйти на первое место, занять верховное положение. Это неизбежно, иначе государственный механизм окажется поражен нездоровой борьбой за фактическое верховенство или же будет силой торжожения. С точки зрения логики правового государства такой властью выступает законодательная власть, поскольку она формулирует правовые масштабы и юридические нормы общественной и государственной жизни, основных направлений внутренней и внешней политики. Верховенство таких норм, выраженных в законе, как раз и обеспечивается с помощью главенствующего положения законодательных органов в государственном механизме.

Верховенство законодательной власти отнюдь не означает ее абсолютного характера. Законодатель связан принципами права и конституции, правами человека. Кроме того, он находится под контролем народа (система народного представительства и демократических выборов). Власть законодателя не абсолютна и в другом отношении: она находится в системе других властей (исполнительная и судебная власти). Важное значение имеет орган конституционного суда. С его помощью обеспечивается конституционность не только подзаконных актов, но и самих законов. Далее, в системе сдержек и противовесов на случай необдуманных, поспешных решений законодателя умеряющую роль играет глава государства. Без этого механизма разделение властей будет несовершенным. В период борьбы с авторитаризмом, за становление конституционализма этот момент порой оказывается в тени. Но может наступить и такая ситуация, когда нужно умерить самого законодателя. И в правовом государстве должны быть соответствующие юридические рычаги, иначе конфликт будет решаться не правовыми, а чисто силовыми приемами.

Текущая жизнь государства складывается из многочисленных актов реализации тех норм, которые приняты законодателем. Поэтому здесь на первый план выдвигается исполнительно-распорядительная ветвь власти. Она проявляет себя экспансионистски в отношении других властей. Без надлежащих сдержек исполнительная власть неизбежно подминает под себя и законодательную власть, и судебную. Поэтому против нее нужны особые гарантии. Используя положительные свойства исполнительно-распорядительных органов как необходимого элемента рационального государственного механизма, в то же время важно поставить заслон на пути превращения их в узурпатора и

монополиста власти. Исполнительно-распорядительная деятельность должна быть основана на законе и в рамках закона. Исполнительная власть не может присваивать себе полномочий и требовать от граждан выполнения каких-либо обязанностей, если это не предусмотрено законом. Для обеспечения законности в деятельности исполнительной власти последняя не должна подменять законодателя. Ведомственное нормотворчество и так называемое делегированное законодательство должны быть резко ограничены. Во-первых, ведомственное нормотворчество не должно противоречить закону. Во-вторых, оно не должно фактически подменять закон, т.е. решать вопросы, отнесенные к сфере законодателя. Тем самым принцип законности оказывается логически взаимосвязан с принципом разделения властей. В целом проблема состоит не только в том, чтобы сделать ведомственные акты непротиворечащими закону, а и в том, чтобы сократить их до минимума. Прежде всего надо запретить принимать ведомственные акты, по своему кругу затрагивающие такие отношения, которые должны быть урегулированы законом. Во всяком случае отношения ведомства с гражданами не должны регулироваться ведомственными актами.

Сдерживание исполнительной власти, далее, достигается посредством ее подотчетности и ответственности перед народным представительством. Речь идет о политической ответственности, обеспечиваемой с помощью вотума недоверия. Важную роль в борьбе со злоупотреблениями исполнительной власти играет также институт импичмента.

Исполнитель не должен подменять не только законодателя, но и судью. Никто не может быть судьей в собственном деле. Поэтому гражданин в правовом государстве должен иметь право обжаловать в суде действия исполнительной власти (как отдельных должностных лиц, так и исполнительно-распорядительного органа в целом). В противном случае злоупотребления исполнителя окажутся безнаказанными, откроется путь к установлению тирании.

Суд, система правосудия — третья необходимая отрасль (ветвь) власти в механизме разделения властей. Это арбитр, решающий споры о праве. В правовом государстве правосудие осуществляется только судом. В этом важнейшая гарантия прав и свобод граждан, правовой государственности в целом. Суд не должен подменять собой законодателя или исполнителя, иначе он превратится в деспота. Но, в свою очередь, ни законодатель, ни исполнитель не должны присваивать себе функции суда. В этой связи самым главным является обеспечить реальную независимость суда от различного рода органов и лиц, которые диктовали ему свою волю и фактически узурпировали судебную власть. Оптимальным вариантом является назначение судей пожизненно или, по крайней мере, на длительный срок. Судьи должны назначаться высшестоящими органами власти. Суд присяжных является наиболее действенной формой для обеспечения независимости и объективности правосудия. Выражением равенства гражд-

дан перед законом является подсудность общему суду, недопустимость расширения юрисдикции специальных судов.

Господство права предполагает, что суд должен выступать арбитром в споре о нарушенном праве не только в правоприменительном, но и в правотворческом процессе. Суд должен быть сдерживающим фактором против нарушений права и Конституции не только со стороны исполнителя, но и со стороны законодателя. Для этого необходим Конституционный суд. Не подменяя законодателя и оставаясь в пределах судебных юрисдикционных задач, Конституционный суд обеспечивает правомерность закона, иначе говоря, верховенство Конституции в правотворческой деятельности законодателя. Без такой судебной проверки конституционности законов (и тем более подзаконных актов) не может утвердиться господство права, правовое государство. Наличие Конституционного суда позволяет не применять такой нормативный акт (в том числе и закон), который противоречит Конституции.

Есть еще один аспект деятельности суда в механизме сдержек и противовесов. Выступая в роли арбитра, решая споры, суд обращается к толкованию права и Конституции. В определенных случаях он может использовать аналогию закона и аналогию права. Следовательно, в своих решениях суд может выйти за пределы буквы закона и обратиться к его духу. В таком случае он принимает решения, руководствуясь духом законов, смыслом права, иными словами, на основе естественно-исторических аксиом и принципов права. Это позволяет суду более оперативно по сравнению с законодателем приводить правопорядок в соответствие с требованиями жизни. В известных рамках такая свобода суда не противоречит правовому государству. Речь идет не о повседневной деятельности суда, а об экстремальных, исключительных, пограничных ситуациях в системе сдержек и противовесов, распределении и балансировании властей. Важно, чтобы при этом суд оставался хранителем Конституции, защищал право и прогресс, а не превращался в орудие злоупотреблений и реакции. Здесь необходим целый ряд факторов и условий (организационных, юридических, культурных и др.), благодаря которым суд сможет фактически стоять на страже господства права и справедливости, пользоваться высоким уважением и авторитетом в обществе.

Разделение властей — это не только юридический и организационный, но и социально-политический принцип, позволяющий гармонично соединить такие противоречивые аспекты социальной жизни, как власть и свобода, закон и право, государство и общество под углом зрения самооценности человека. Разделение властей является мерой, масштабом демократизации политической жизни. С этим связан второй аспект разделения властей: распределение власти между различными классами, слоями, проблема участия различных групп в осуществлении власти, степень представленности и учета разнообразных интересов и т.д. В правовом государстве власть исходит от народа. Поэтому народ в своей конкретно-исторической реальности и

должен иметь возможность осуществлять политическую власть. Государство как политическое состояние социалистического гражданского общества представляет собой не «монолитное единство» (последнее, как известно, есть лишь идеологический миф для обозначения авторитарно-бюрократического режима), а плюралистическое согласие свободных, политически грамотных, компетентных, культурных, активных участников политического процесса, имеющих разнообразные и различные взгляды и интересы. Общность взглядов и интересов в политической жизни приводит к образованию различных направлений и движений. При достаточной демократизации эти направления оформляются в партии. Это естественный процесс в свободном, открытом обществе. При таких обстоятельствах государственная власть в целом и различные ее ветви не должны быть монополизированы какой-либо одной группой, слоем, классом, организацией, поскольку речь идет о правовом социализме, о господстве права. В правовом государстве важно обеспечить представительство интересов различных направлений и движений, в которых выражается плюрализм мнений и интересов. Здесь нужен не казарменно-тоталитарный монолитизм, а именно социалистический политический плюрализм. Такой плюрализм должен с помощью разделения властей органически соединить демократизацию власти с ее компетентностью и профессионализмом.

Отсюда, в частности, и проблема гарантирования интересов и прав меньшинства. Политическая практика в ее исторической ретроспективе показывает, что меньшинство не всегда ошибается. Напротив, за ним порой стоит истина и правда. В целом требуется терпимость и открытость государства, соответствующая открытости гражданского общества, чтобы не закрывалась дорога к свободе. Не панацеей, но непременным условием для этого является разделение властей во втором его аспекте, т.е. распределение властей посредством социально-политического плюрализма, обеспечивающего юридически равный доступ к участию в политической жизни всем направлениям и движениям, стоящим на почве правового государства, конституции демократического социализма. Монополизм власти, покоящийся на лжесоциалистическом монолитизме, неизбежно ведет к политической патологии в различных ее разновидностях, таких, как авторитарная тирания, бюрократическая олигархия, воинствующая оклократия, антигуманная технократия, рвущаяся к политическим рычагам мафия и т.п. Предотвратить монополизацию (и, следовательно, перерождение) власти со стороны кого бы то ни было можно лишь тогда, когда разнообразные социалистические интересы, движения и направления получают юридически равный доступ к организационному оформлению и участию в политической жизни. Государственная власть должна осуществляться не на основе монополии, а на основе социально-политической конкуренции. Юридическая власть не должна принадлежать монопольно лишь одному какому-либо движению или направлению. В определенном смысле она окажется потенциально разделенной, распределенной среди различных участников

политического процесса, объединенных принципами социализма. Лишь при таких обстоятельствах можно говорить о социалистическом государстве как политическом состоянии, политической форме в собственном смысле всего гражданского общества, т.е. об общенародном государстве. В противном случае политическая власть отображает интересы не всего общества, а лишь части народа и в организационном плане отливается в авторитарно-бюрократический механизм, монополизированный этой частью. Система гражданского общества и правового государства в таком случае деформируется, размывается и вытесняется тоталитаризмом.

В свете концепции суверенной правовой государственной власти важное значение имеет проблема разграничения партийных и государственных функций.

Перестройка предполагает переход от административно-командной системы к социалистическому правовому государству. Для этого необходимо превратить Советы в полновластные органы народного представительства, в политическую основу правового государства. Задача очень трудная, поскольку Советы фактически не имели реальной политической власти, а играли преимущественно декоративную роль.

Правовую Республику Советов невозможно создать, не разграничив функции партийные и государственные. Как известно, КПСС не просто правящая партия в государстве. Она (точнее, ее аппарат) соединила в своих руках функции верховной власти, администратора и хозяйственника. Произошло своеобразное сращивание партийного и государственного аппарата в единую административно-командную систему. В ее руках и сосредоточена реальная политическая власть. В таких условиях право подменено возведенной в закон волей функционера, чиновника.

Между тем в правовом государстве власть должна принадлежать Советам. Партия же будет осуществлять свои задачи и функции при помощи ей методами именно как партии, а не организации, монополизировавшей фактическую политическую власть и превратившейся в партию-государство. В правовом государстве правящая партия осуществляет свою программу и платформу через государство, посредством суверенной государственной власти, в рамках господства права. Нормальное социалистическое государство должно быть республикой. Для того, чтобы получить право быть правящей партией в республике, партия должна получать мандат от народа теми способами и путями, которые предусмотрены принципами демократии. В правовом государстве никто не имеет монополии на власть.

Решения о разграничении партийных и государственных функций, о полновластии Советов осуществляются непозволительно медленно, реализация их фактически застопорилась. Реальная власть пока что не перешла к Советам. Тем самым под вопрос поставлена политическая реформа в целом.

Одним из главных факторов торможения политической реформы, препятствующих превращению Советов в полновластные органы, является то, что перестройка в самой партии до сих пор не осуществлена. КПСС, дав импульс обновлению, сама резко отстала от перестроенных процессов, происходящих в обществе, оказалась в хвосте бурных перемен. Вследствие этого она все более рискует утратить связь с народом. Происходит это прежде всего потому, что в целом партия (по своей структуре, организации, функциям, методам и стилю действия) в значительной мере осталась частью прежней административно-командной системы. Необходимы радикальные реформы в самой партии, которые позволили бы ей стать не «ядром» административно-командной системы, а действенной партией трудящихся, носителем демократического социализма, опорой будущей новой политической системы, основанной не на диктате приказчиков, а на господстве права. Однако именно этот вопрос перемен в самой партии тормозится и затягивается. Выборы в республиканские и местные Советы проходили при наличии неперестроившейся партии, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Налицо явная опасность, что в условиях нарастающего кризиса (экономического, политического, национального и т.д.) процесс перестройки в партии может быть вообще свернут. Неудовлетворенность народа темпом реформ, их реальными результатами, ухудшение социального климата, взрывоопасность ситуации в целом — все это свидетельствует о том, что возглавляемая партией прежняя система власти не справляется со своими задачами. Вследствие этого не снято, не уменьшается отчуждение народа от структур власти. Таковы результаты того, что реальная власть не перешла к органам народного представительства. На этих трудностях спекулируют противники политической реформы. Нарастает сопротивление антиперестроенных сил, в том числе со стороны тех кругов партийно-бюрократического аппарата, которые не желают расстаться с административно-командной властью и привилегиями. Усиленно распространяются призывы к «сильной руке». С каких бы позиций они ни вынашивались (ради возврата к старым временам или же во имя спасения реформ), их реализация не может не привести к удушению ростков демократии, откату назад, к утрате возможности войти в магистральное русло общечеловеческих ценностей.

Таким образом, в партии не произошли перемены, необходимые для успешного проведения реформы политической системы в целом, ее кардинальной демократизации. Более того, это создает опасность отката назад, попытки свернуть процесс демократизации в других сферах общества и государства. Поэтому сейчас вопрос об активизации Советов, о приобретении ими реального статуса полновластных органов народного представительства упирается в перестройку правящей партии. Все остальное в настоящий момент является в значительной степени производным от этого главного вопроса.

В свою очередь перестройка в самой партии неоправданно затянулась. И произошло это именно вследствие того положения и характера партии, которые она приобрела в условиях административно-командной системы. Монополия партии на власть, монополия, удерживаемая административно-командным, а не демократическим путем, противоречит принципам народовластия и правового государства, приводит к росту негативного отношения к аппарату партии со стороны народа.

Процесс демократизации всей политической системы неразрывно связан с перестройкой самой партии. Поэтому перед партией стоит ответственная задача. Через собственный внутренний процесс демократизации партия должна открыть процесс демократизации политической системы на основе политического плюрализма, необходимого вытекающего из природы демократического социализма. Социальный плюрализм интересов и потребностей должен быть дополнен не только легальным, но и практическим признанием плюрализма политического. Попытка свести социалистический плюрализм к плюрализму мнений являлась льстивой и обманчивой. Плюрализм мнений без плюрализма организационного превращается в пародию на демократию. Партия не может силой навязывать свою монополию, в демократическом обществе нельзя запретами решать вопрос о многопартийности политической системы. Многопартийность при существующем развитии событий неизбежна. В регионах возникли разнообразные политические партии, народные фронты и движения. В данном случае неважно название. Главное то, что они претендуют на роль авангардов трудящихся в политической жизни. Параллельные органы власти, создающиеся такими движениями, — свидетельство растущего недовольства официальными властями и в то же время свидетельство недееспособности соответствующих партийных и государственных органов.

Необходимо снять возможность такого варианта развития, который перечеркнул бы социалистическую перспективу. Но сделать это надо не авторитарной «сильной рукой», а цивилизованным, демократическим образом. Единоличная диктатура здесь окажет сомнительную услугу. Цель и средство не должны противоречить друг другу. Из нашей собственной истории хорошо видно, к чему приводило такое расхождение. Источник социального напряжения и разрастания конфликтов (политических, экономических, национальных) надо снять на основе демократического согласия, соучастия всех заинтересованных сторон в выработке общей воли. Только таким путем можно достигнуть режима демократической национальной безопасности и на этой почве двинуться к созданию общества благоденствия.

В обществе складывается оппозиция. Надо направить ее на легальный путь в рамках социалистического выбора. Чтобы не победила оппозиция, направленная против социализма, надо открыть дорогу двум сильным платформам, вариантам перестройки. Иначе говоря, необходимо стремиться к тому, чтобы и правящее большинство, и оп-

позиция находились в рамках демократического социалистического выбора, причем не на началах вечной монополии, а на принципе взаимозаменяемости (через мандат на выборах в органы народного представительства).

Для этого в предвыборной кампании необходимо выдвижение кандидатов и, следовательно, голосование, а так же последующая работа избранных депутатов не просто по индивидуальной программе, а по платформам.

Сейчас для предотвращения неуправляемой диффузии в обществе, которая может вылиться вообще в отстранение партии, необходимо сплочение, консолидации здоровых сил на основе двух крупных платформ. Это временная мера, несомненно паллиатив. В перспективе, которую ни в коем случае нельзя искусственно затягивать и тормозить, речь должна идти о создании на базе КПСС двух партий социалистической ориентации. Одна будет объединять представителей так сказать умеренной ориентации, другая — сторонников более радикальных позиций. Назовем их примерно так: Социалистическая партия и Партия демократического социализма. Дело, разумеется, не в названии, а в существе. Возникает устойчивая и в то же время подвижная, гибкая система, своего рода социалистический баланс, который предотвратит как изоляцию, отстранение партии, так и контрреформы, возврат к единоличной диктатуре реакционно-реставраторского или демагогического-популистского типа.

Фактически речь идет о двухпартийности в рамках юридической многопартийности. Это значит, что юридически разрешены и иные партии (естественно, при условии, что их деятельность и цели не противоречат Конституции). Однако фактически на практике возникновение двух мощных, равновесных социалистических партий предотвратит опасный путь развития, который рано или поздно наступит при административно-командной монополии партии. Расстановка сил будет такова, что при образовании двух социалистических партий, они (партии) сосредоточат, консолидируют вокруг себя большинство активных членов общества, станут двумя чашами весов политической жизни. При таком положении остальные партии, которые могут возникнуть (собственно говоря, они уже есть), вряд ли превратятся в мощные силы, способные конкурировать с двумя указанными партиями.

Встать на такой путь партийной реформы надо сейчас, не откладывая его на далекое потом. Во всяком случае сейчас есть шансы реформистским путем прийти к двухпартийной социалистической системе. А именно такая система (а не многопартийная чехарда) необходима для такой большой страны, как наша. Если не встать на такой путь, то рано или поздно (при стремительности сегодняшних событий скорее рано) будут созданы различного рода конкурирующие партии, которые оттянут на себя все оппозиционное движение. И тогда уже партия в целом окажется в изоляции, в оппозиционном меньшинстве. А какие силы окажутся в правящем большинстве: социалистические

ли? Во всяком случае будет утеряна возможность создать сильный двухпартийный политический механизм. В нарастающем оппозиционном движении будет увеличиваться опасность отстранения партии в целом. Именно эту идею, как известно, вынашивают различного рода экстремистские и антисоциалистические силы.

Процесс движения к социалистическому плюрализму лучше формировать и направлять в нужном направлении, чем дожидаться стихийного развития событий, делая вид, что ничего не происходит. К чему приводит такая позиция, уже показали события на национальной почве. Не имея легального выхода, плюрализм разрастается на стихийной, митинговой, «теневого» основе. А это опасно для общества и чревато большими социальными потрясениями. Не исключено, что такой путь может устраивать сторонников возврата к единоличной диктатуре. Но это было бы губельным для перестройки. Нужны политические структуры для проведения плюрализма по мирному и социалистическому пути, чтобы не допустить открытой конфронтации политических сил и не повторить виток польской истории в том виде, как он происходил начиная с 80-х годов.

Легальная оппозиция, организационно опирающаяся на соответствующую вторую партию в рамках социалистического выбора, — это дело, конечно, сложное и хлопотное. Но настоящая демократия — самая сложная форма, и иной быть не может. Самая простая форма — это единоличная диктатура. Но тогда надо отдавать отчет в том, чего мы хотим: такой простоты или разумного политического устройства?

Предлагаемый путь означает отказ партии от монополии на власть. Но ведь партия сильна не административно-командной монополией, а фактической способностью повести за собой граждан, сделавших сознательный выбор и отдавших предпочтение программе и платформе данной партии. Всякая монополия означает застой и конец развития. Авторитет и фактическое признание руководящей роли партии со стороны народа создается не законом или приказом, а фактическими положениями вещей, умением партии реализовать социалистическую программу преобразований и развития страны. Реформистское преодоление административно-командной монополии КПСС, введение конкурентных начал в политическую жизнь будет как раз той необходимой встряской, без которой партия вряд ли выйдет из застоя. Всякие иные средства окажутся полумерами. За нежеланием признать это кроются интересы тех сил, которые выступают за старую политическую систему.

Нередко можно услышать, что многопартийность не является гарантом демократического развития. Ссылаются при этом на опыт фашизма, который пришел к власти в условиях многопартийной системы. Но данный пример говорит как раз о противоположном. Ведь именно фашизм доказал, что тоталитарная система несовместима с демократией. Однопартийность ни в одной стране не доказала, что она-то и является гарантом демократии. И, напротив, переход к антидемократическим режимам закономерно ведет к запрещению полити-

ческих партий (к однопартийной системе или к запрещению всех партий, как это имеет место при военных режимах). Другое дело, что наличие многих партий само по себе не является достаточным гарантом демократии. Для этого нужно кое-что еще: соответствующая политическая культура и многое другое.

Есть и такая позиция: в будущем многопартийность может и сложится, но сейчас, дескать, общество к этому не готово. Но, как известно, нельзя научиться плавать, не войдя в воду. Во всяком случае, такая позиция оказывает дурную услугу, она ведет к утрате инициативы со всеми вытекающими отсюда последствиями, обозначенными выше.

3. Правовая культура и правовое сознание общества

Правосознание и правовая культура общества — важнейший фактор и условие правового государства.

Двум противоположным разновидностям государства — авторитарно-приказному и демократически-правовому — соответствуют и два вида культуры и правосознания.

Авторитарно-командное государство держится на таком правосознании общества, для которого характерны: низкая политико-правовая грамотность и даже неграмотность, своего рода политико-правовой фанатизм или же, напротив, апатия; страх перед репрессиями и террором; конформизм; ориентация на «харизму» и приказное единомыслие; привычка к расхождению официального языка (идеологии) с действительным положением вещей; отчуждение от государства.

Для правового государства характерны: высокая политико-правовая грамотность и активность, действенная способность противостоять произволу и нарушениям права и т.д., сопричастность, соучастие...

Правовое государство не является застывшим, пустым каркасом, пригодным для всякого общества. Можно законодательно провозгласить самые прекрасные институты, но они останутся мертвыми, застывшими структурами, нежизнеспособными, если не реализуются на практике. Иными словами, правовое государство — это и живой, дышащий, воспроизводящий политико-правовой процесс, способ политико-правовой, государственно-правовой жизнедеятельности общества и его граждан. Поэтому без соответствующей правовой культуры и правосознания общества становление и упрочнение правового государства не может быть успешным. Поэтому нужно широкое политико-правовое просвещение и воспитание граждан на практике умению отстаивать свои права и уважать права других, жить в условиях демократии. Необходимо новое правовое мышление, преодоление авторитарно-бюрократического сознания и формально-догматических подходов к праву и государству.

В этой связи необходимо прежде всего преодолеть господствовавшую в предшествующие десятилетия и глубоко укоренившуюся авторитарно-бюрократическую парадигму права. В ее основе лежит формально-догматическое, узконормативное восприятие правовой действительности, отождествление права с законом и инструкциями, когда за реальное право выдаются нормативные приказы, которые не считаются с принципами и ценностями социализма, потребностями его развития. Такое положение в теории делает невозможным прогресс научной мысли, творчество, способное двигать вперед практику.

С формально-догматической трактовкой права как раз и связана та ситуация, в которой оказалась наша юридическая наука. По существу, она выполняла две главные функции: комментирования издаваемых законов и апологии существовавшей долгие годы административно-приказной системы и лежащего в ее основе авторитарного мышления. В рамках же апологии никакая серьезная критика, а значит и перестройка невозможны.

Догматическое, узконормативное понимание права было обусловлено и подкреплялось рядом обстоятельств. Прежде всего той ролью, которую стала играть административно-нажимная система. Порождалась иллюзия безграничного всеислия приказа. Стоило-де издать нормативный приказ и провозгласить его обязательность, как тем самым, якобы, уже возникало реальное право. Гипертрофия властно-принудительного его аспекта, вульгаризация его связи с социальными, прежде всего политическими отношениями — все это привело рассмотрение права в формалистическую плоскость. В качестве его исходной, обуславливающей базы в таком случае выступали не экономика, не уровень развития культуры, не принципы и ценности социализма, а главным образом приказ органов политической власти и административная инструкция. Все это оказалось очень далеким от диалектико-исторического понимания правовых явлений. Формально-догматический, узконормативный подход к праву, независимо от субъективных намерений отстаивавших его ученых, объективно был порожден негативными тенденциями тоталитаризма и содействовал юридическому оформлению мировоззрения бюрократии.

Формализм в правоведении стимулировался также другим обстоятельством, а именно — расхождением между декларациями и реальной действительностью. В конституции провозглашался широкий круг прав и свобод, закреплялось полновластие Советов, намечалась правовая основа развития социалистической демократии. Но в Основной Закон явно не умещались разнообразные деформационные, патологические процессы, происходившие в реальной политико-правовой жизни. Формалистический же подход к праву игнорировал данное противоречие. Право рассматривалось лишь в том виде, как оно было сформулировано в текстах закона. Фактически это служило оправданию сложившегося положения вещей. Печально, что этим формаль-

но-догматическим конструкциям, апологетическим по своей направленности, не было дано достойного демократического отпора.

Формально-догматический подход к праву обрекал юридическую науку на изоляцию, препятствовал использованию для прогресса юридической теории и практики потенциала других наук. Он ущербен с самых различных точек зрения: социологической, политической, философской.

С социологической точки зрения ущербность формалистического, узконормативного правоведения заключается в том, что оно не способно показать и объяснить реально действующее право. Горизонт догматика ограничен текстом закона, инструкции. Как это ни парадоксально, но данная концепция, в центре внимания которой находится закон, на практике ведет не к укреплению закона, а к его девальвации. На почве формально-догматической юриспруденции выросла своеобразный фетишизм законов, точнее, нормативных приказов, который культивировался параллельно с фетишизацией законов социального развития. Господствовало представление об автоматизме, механистическом детерминизме действия законов социализма. Этот подход догматическое правоведение распространило и на юридические законы. В результате отсекалось исследование разнообразных причин и факторов, определяющих действующее право. Практика показывала, что многие нормы не действуют, а юриспруденция не хотела этого видеть. Более того, сам социологический подход был объявлен буржуазным, якобы ведущим к разложению законности. Между тем именно под крылом формально-догматической, узконормативной трактовки права совершались массовые репрессии, грубо попиралась законность.

Право не тождественно закону, оно идет не только и не столько от закона, сколько (вместе с законом) проистекает из фактических общественных отношений. Правоведы 20-х годов пришли к выводу, что советское право складывается в сложном и противоречивом единстве и взаимосвязи спонтанно рождающихся и воспроизводящихся общественных отношений и творческих усилий законодателя. Сознвая, что закон обладает огромной правотворческой ролью, они вместе с тем подчеркивали ее относительность, ограниченность. С помощью закона законодатель оформляет и закрепляет свою политику как «искусство возможного» в данных исторических условиях. Он не может выйти за пределы реального — экономического потенциала и культуры. За этой чертой начинается авантюризм, законодательная воля превращается в законодательно оформленный произвол, в волюнтаризм руководителя. Вместе с тем законодатель не должен отставать от жизни, он обязан чутко улавливать потребности времени, творить новое, обеспечивая развитие общества. В противном случае закон превращается в консервативную силу, приводит к застою и омертвлению социальной ткани.

Закон, наконец, сам по себе еще не порождает право. Чтобы стать действительным правом, он должен воплотиться в жизнь, в правомер-

ное поведение людей. Иначе закон остается лишь «добрым намерением» законодателя, мертвой нормой, «бумажным» правом. Отбрасывая социологический подход к праву, формалистическая юриспруденция неспособна наметить верный путь в познании и совершенствовании реального права: выявить, действуют ли те или иные нормы, а если нет, то почему, каковы причины и факторы отклонений и дефектов, правонарушающего (в том числе преступного) поведения и т.д. Без этого нельзя выработать научные прогнозы правовой политики, корректировать процесс законотворчества, правореализующие механизмы, осуществлять юридическую профилактику, крепить законность и правопорядок.

В философском аспекте узконормативное представление о праве не дает возможности понять его как явление, обусловленное соответствующими факторами и в свою очередь находящееся с ними во взаимосвязи; препятствует уяснению того, что право покоится на реальных жизненных, прежде всего экономических, отношениях и данном уровне культуры общества. Порождается юридическая иллюзия, будто жизнь основана на юридическом законе-приказе.

При таком подходе невозможно понять право как сложное, многоаспектное явление, как противоречивое единство многообразного. Ведь закон есть лишь общая формулировка типичных жизненных ситуаций, поведения человека.

В политическом аспекте формально-догматический, узконормативный подход к праву сориентирован на антидемократические тенденции, он поощряет абсолютистские претензии законодателя. Поскольку при таком подходе игнорируется многоаспектность права, его взаимосвязь и обусловленность социальными, прежде всего экономическими, отношениями, постольку оно фактически рассматривается лишь как продукт политической (государственной) воли. Остается в тени то, что политическая власть сама обусловлена прежде всего материальными отношениями и взаимосвязана с разнообразными факторами, в том числе с естественно-историческим правом социализма. Чем культурнее и демократичнее общество и государство, тем прочнее должна быть их правовая основа.

С узконормативной точки зрения право гражданина и человека рассматривается как автоматически производное от закона, от нормы, изданной властью, то есть фактически как «дар» государства. Это как раз и соответствует административно-приказным воззрениям на политико-правовую жизнь и ее закономерности. Тем самым подкрепляются авторитарно-волюнтаристское мышление и практика. Человек с его правами и свободами отодвигается на задний план, на передний же выходит бюрократия, стремящаяся подменить общегосударственный интерес своими эгоистическими интересами. Открывается дорога так называемому остаточному принципу в социальной политике, технократическим перекосам и правонарушающему законодательству.

В результате господства таких позиций создались предпосылки определенного отчуждения трудящихся масс от социалистического государства. Подрывалась ценность советского права, его нравственный потенциал как справедливого регулятора для осуществления цели социализма: всестороннего, гармонического развития человека, все более полного удовлетворения его материальных и духовных потребностей.

После XX съезда КПСС для советской юридической науки сложилась благоприятная ситуация. Предстояло освободиться от глубоко укоренившегося авторитарно-догматического мышления, разработать рекомендации для правового обеспечения хозяйственной реформы, демократизации политической системы. В этих условиях были приняты попытки преодолеть узконормативную, формально-догматическую трактовку правовой жизни. Постепенно намечался комплексный, интегральный подход к исследованию правовых явлений на основе взаимосвязи юридической науки с философией, социологией, психологией и другими науками. Начали активно рассматриваться проблемы реального действия права в жизни, его эффективности, ценности, функционирования правовых механизмов в широком социальном контексте. Обнадеживающие результаты были достигнуты в исследовании правосознания, законности и правопорядка, неправомерного, в том числе преступного, поведения, его причин и путей их устранения. Постепенно становилось ясно, что хотя многие ученые — как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках — продолжали в определении права делать акцент главным образом на законах и нормах, фактически в своих исследованиях они обращались ко всей правовой действительности. Таким образом, создавались предпосылки, позволявшие советской юриспруденции разработать основу для демократических преобразований в сфере юридической практики.

Все это свидетельствовало о возросших возможностях советской юридической науки. Но тем не менее практика постепенно вернулась в проторенную колею административно-приказной системы, корни которой уходят в 30-е годы. Нарастали застойные явления, которые в конце 70-х — начале 80-х годов привели страну к кризису. В этих условиях произошла деформация и правового регулирования.

Отступления от Конституции и принципов социализма, пренебрежение к закону создали удобную атмосферу для различного рода злоупотреблений, произвола и преступлений. Механизмы юридической защищенности прав человека, сочетания его интересов с интересами общества оказались неэффективными. Это вызвало нарастание процессов отчуждения трудящихся от государства и права. К сожалению, эти негативные явления затронули и юридическую науку. Фактически она пошла на поводу у практики застоя и в значительной степени стала ее апологетом.

В 20-е годы издавался журнал «Революция права». Это словосочетание актуально и сегодня. С незапамятных времен человечество

стремилось сделать юриспруденцию наукой об «искусстве доброго и справедливого» в социально-политическом общении. С развитием цивилизации и принципов гуманизма все более проявлялась общечеловеческая ценность права. У всех народов мира (и это отражено в их языках) оно издревле связывалось с правдой и справедливостью. Советская юридическая наука должна сделать все, чтобы связь эта не распалась.

Развертывая творческий потенциал и опираясь на фундаментальные достижения предшествующих лет, она включилась в процесс перестройки. Ученые-юристы принимают активное участие в работе, направленной на качественное обновление правовой основы социализма. Для успешного продвижения на этом сложном и ответственном пути нашему правоведению предстоит критически осмыслить весь предшествующий опыт, учесть достижения и ошибки, порой — горькие уроки, прежде всего преодолеть формально-догматическое мышление. Основываясь на идеалах социализма и общечеловеческих ценностях, советская юридическая наука призвана сегодня выработать новое, демократическое правовое мышление как составную часть социалистической культуры, в центре которой стоят человек, его права и интересы. Без этого невозможны ни социалистическое правовое государство, ни правовой (юридический) социализм в целом.

**«НЕСУЩИЕ КОНСТРУКЦИИ»
правового государства (разрозненные заметки
о политико-правовых инновациях
в советском обществе)**

1. Переход от новшеств к нововведениям, или, иначе, от новых идей, социальных открытий и изобретений к их практической реализации, — распространился, наконец, и на политико-правовую сферу. Государственные и юридические инновации 1988 — 1990 годов стали знаменем и содержанием многих процессов перестройки.

В их ряду и правовое государство. Это ведь по сути своей — не что иное, как переход от управления обществом аппаратно-бюрократическими директивами, различного рода постановлениями, ценными и не очень ценными указаниями, а то и просто произвольными решениями к управлению законами, причем в их точном смысле. Как известно, закон — это акт высшего органа государственной власти в стране, у нас — съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР.

Но новшество ли эта идея? Вот первое возражение, которое адресуют сторонникам правового государства их оппоненты, да и просто скептики. Разве идея правового государства, — спрашивают они, — как антипода произволу, абсолютизму, деспотии, полицейщине не вызрела столетиями в умах лучших мыслителей человечества — Платона, Аристотеля, Канта, других философов и юристов? Разве она не воплощена уже во многих современных буржуазно-демократических государствах как адекватная именно буржуазному обществу? И не заимствует ли советское общество эту идею из арсенала буржуазной мысли, пусть и либеральной или даже социал-демократической, но все же чуждой социалистическому выбору советского народа? Не пересаживает ли механически на свою почву экзотическое дерево западной буржуазной демократии?

От оппонентов можно услышать и такое: а разве не было в прошлом, даже в лютые годы террора и репрессий, звучных слов о законах и законности, разве не попали в советские конституции и 1936-го, и 1977 года нормы о равенстве всех перед законом, разве сладкоголосый разговор о правах советских граждан, особенно социально-экономических, не ведется особенно широко с 1936 года?! Что же касается разделения властей как одной из опорных идей правового государства, — продолжают оппоненты, — то уже накопился целый Эльбрус юридической государствоведческой литерату-

ры, в которой громко звучит главный постулат: социалистическая государственность предлагает не формальное разделение властей, а разделение труда (функций) по управлению государством и обществом, а в организации законодательной власти ей нужна не «говорящая» (а la буржуазный парламент), а «работающая корпорация», работающая в том смысле, что депутаты сами законодательствуют, сами исполняют законы, сами их контролируют. И, уж конечно, советский депутат не должен отрываться от своей работы на предприятии, в институте и т.д. Что же нового в современном «издании» теории разделения властей?

И об ответственности государства перед гражданином, — утверждают, — тоже писали немало — и в период культа, и в период застоя. Да к тому же к идее ответственности государства обязательно присоветничалась еще и такая: если — ответственность, то тогда — и право государства тотально вмешиваться во все дела советских граждан, контролировать и «устраивать» их.

Кроме того, — не соглашались оппоненты, — десятилетиями отечественная и зарубежная социалистическая политико-правовая мысль отторгала правовое государство от политической организации социалистического общества, разоблачала его как камуфляж (в словах тут особенно не стеснялись) буржуазной формальной демократии и противопоставляла этому государству государство диктатуры пролетариата («по-новому» демократическое, «по-новому» диктаторское), государство революционной, социалистической законности, общенародное государство и т.п. Где же аргументированная критика и этой позиции, и самокритика тех, кто ее отстаивал?

Часто можно услышать от оппонентов и скептиков и такое возражение. Конечно, идея правового государства хороша, но не утопична ли она: это с отечественной-то правовой и политической культурой, а точнее с ее отсутствием, говорить о верховенстве законов, правах и свободах граждан, ответственности чиновников и тому подобных юридических благоглупостях? Да общество просто погрузилось в море произвола, беззаконий, преступности, перманентного законотворчества и неисполнения!

Постоянно приводят примеры: не успели принять закон о кооперации, как его подправило правительство, а в Москве и вообще почитали возможным подготовить проект постановления Моссовета о кооперативной деятельности (а как же — великие особенности у города!). Верховный Совет СССР сам произвел изъятия из закона о государственном предприятии (объединении) по ключевым хозяйственным полномочиям предприятия. В случае с забастовкой воркутинских шахтеров оказался бездействующим только что принятый закон о порядке разрешения коллективных трудовых споров. Обращения к разуму депутатов Верховных Советов некоторых союзных республик никак не удается приостановить коллизии союзных законов, в том числе Конституции СССР, и вновь принимаемых законов этих республик, особенно по избирательной системе и т.д.

Иные ставят вопрос и так: правовое государство требует иного количества и качества юристов — где их взять? В органах государственного управления засилие технократов, стремящихся управлять социально-экономическими и политическими процессами как производственными. Это когда еще будут подготовлены юристы, ориентированные на демократические и гуманистические ценности социализма, на переход от «распределительного» социализма к «рыночному»!

Что тут ответить? И у оппонентов, и у скептиков серьезные аргументы. И все же идея управления обществом с помощью законов, верховенства законов над усмотрением, целесообразностью, определяемыми аппаратом, будь то партийным, хозяйственным, советским, является для социалистического общества безусловным и необходимым новшеством, причем принципиального свойства. Это одно из новых положений современного политического и правового мышления, общечеловеческая ценность. Правовое государство как удачный демократический и гуманистический опыт политико-правовой организации общества давно следовало включить в социальное наследие, которым надо было пользоваться советскому обществу. И кто знает, сколько бы тогда удалось избежать социальных бед и потрясений!

Но для этого надо глубоко разобраться с самой идеей правового государства, не сводить ее только к набору хотя и важных, но все же внешних характеристик, отказаться от ряда догм, сложившихся в отечественной теории государства и права, традиционно именуемой марксистско-ленинской. Первоочередным является переход к новой фундаментальной теории правового государства в социалистическом обществе от обыденных, эмпирических представлений о правовом государстве как просто хорошем (как сказали бы в недавнем прошлом — со знаком качества) государстве, идущем на смену плохому. И в создании такой теории не грех обратиться не только к наследию зарубежных мыслителей, но и к глубоким отечественным, в том числе дореволюционным, размышлениям о политико-правовой организации общества, адекватной основным общечеловеческим ценностям, прежде всего стремлению человека к свободе во всех сферах его жизнедеятельности — политической, экономической, социальной, духовной.

Конечно, идея правового государства воодушевляла демократические силы страны во многие времена.

Так, после революции 1905 года стал выходить под редакцией П. Струве журнал «Полярная звезда», где выступали многие демократически настроенные философы и юристы, среди них и философ С. Франк. В одном из номеров он публикует проект декларации прав российского гражданина как основы правового государства. «Так называемое правовое государство, — пишет он, — отличается в этом отношении от государства полицейского или деспотического только тем, что оно само себя ограничивает рядом постоянных норм, которые

оно в своих собственных интересах решается соблюдать» [«Полярная звезда», № 4, 5.1.1906 г., с.244].

Думаю, что идея самоограничения государства правом, которую высказывает С. Франк, создание политических институтов, обеспечивающих это самоограничение, — одна из тех, которые с наибольшей глубиной раскрывают суть правового государства. И тут очень важно понять, о каком праве идет речь? В проекте «Учредительного закона о вечных и неотъемлемых правах российских граждан», который также публикует С. Франк, мы находим примерный ответ и на этот вопрос. Там утверждается, что «государственная власть действует в интересах общего блага и ограничена в своем верховенстве вечными и неотъемлемыми правами российских граждан. Эти права суть гражданское равенство и личная свобода. Все русские граждане равны перед законом и властью... Каждое частное лицо пользуется свободой передвижения и выезда за границу...» И так далее, вплоть до права каждого лица вольно основывать школы всякого типа [там же, с.250].

Словом, речь идет о том, что ныне называется социально-экономическими, политическими, культурными, личными правами человека.

Так что же — действительно нет ничего нового в идее правового государства, возрождаемой в наше время? Но вспомним один афоризм: новое — это хорошо забытое старое. Думаю, что в этом афоризме отражается отличие социальных новаций от естественно-научных: первые развиваются как бы по спирали, на каждом новом витке сохраняя преемственность с предыдущими демократическими ценностями и вместе с тем выражая обновление и обогащение этих ценностей и идеалов. Просто набор общечеловеческих политико-правовых ценностей и идеалов строго ограничен тысячелетним государственным и юридическим опытом человечества, и задача заключается в том, чтобы уметь в новых исторических условиях использовать этот опыт.

Вот и еще на одном примере можно показать, что это действительно так.

Тот же С. Франк в статье «Политика и идеи» писал: «...человек должен всегда рассматриваться как цель и никогда как простое средство и требует от нас уважения ко всякой человеческой личности как таковой. Лозунги освобождения личности и демократизации общества, применимые к экономической жизни, логически приводят к идее социализма или скорее ее образуют» [«Полярная звезда», № 1, 15.12.1905 г., с.21].

И через 85 лет М.С. Горбачев в статье «Социалистическая идея и революционная перестройка» отмечает: «...сталинские извращения привели к утрате главного, что было в марксовской и ленинской концепции социализма: понимании человека как цели, а не как средства».

Одна и та же идея, но в 1905 году на нее опирались демократические силы в противостоянии полицейскому произволу царизма, ее на-

полняли представления о демократических правах и свободах личности, о приоритете гражданина в его отношении с государством. Сохраняя эти общечеловеческие ценности, в 1989 году советское общество обогащает эту идею представлениями и практикой социальной переориентации государства, отказом от приоритета производства над социально-экономическими, политическими, культурными интересами советского гражданина, преодолением деформаций и деградаций в этой области и т.д.

Остается добавить, что отторжение идеи правового государства, приоритетности прав и свобод личности во взаимоотношениях с государством от социалистического общества, которое начало развиваться вскоре после революции, имело свои корни и в отторжении многих сторонников идеи правового государства от общественно-политической деятельности. В частности, С. Франк в числе многих представителей русской философской и юридической мысли был в начале 20-х годов выслан из страны за границу.

Стало быть, не в формальной новизне социальной идеи заключается ее инновационная ценность, а в том наполнении, которым время и конкретно-историческая обстановка насыщают эту идею, придают ей значение своеобразной «несущей конструкции» политико-правового явления.

Справедливо это и для идеи правового государства. Самоограничение государства правом, определяющим и закрепляющим свободу личности, — вот первое опорное положение, «несущая конструкция» правового государства.

Посмотрим теперь, что оно конкретно означает в современной перестройке социально-экономической, духовной жизни советского общества. Думаю, что речь должна идти об отказе от представлений о социалистическом государстве как главном орудии построения социализма и коммунизма, от сравнения этого государства с машиной, обеспечивающей политическое господство рабочего класса с помощью, если это необходимо, насильственного подавления любых попыток оспорить это господство. Этот инструментальный, машиноподобный образ государства, догматически угнездившийся в бесчисленных «трудах» по государственно-правовой проблематике, должен уступить место другому образу государства. Правовое государство — это политическая организация общества, создающая с помощью права условия для существования и жизнедеятельности гражданского общества — системы социальных институтов, общественных связей, для свободной реализации каждым гражданином, их объединениями своих творческих, трудовых потенций. Правовое государство должно обеспечивать своим гражданам возможность самим осуществлять выбор, строительство того общества, которого хочет большинство народа, охранять и обеспечивать плюрализм мнений, политических институтов и действий за одним ограничением — если это не направлено на насильственное разрушение правового государства, свержение государственного строя.

Когда-то В.И. Ленин предупредил об опасности полагаться на «веления пролетарского государства» в строительстве коммунизма. Обосновывая новую экономическую политику, он писал: «...мы рассчитывали — или, может быть вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку» [В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, с.150-151].

К сожалению, это предостережение было забыто, извращено. Из учебника в учебник кочевали так называемые функции социалистического государства — хозяйственно-организаторская, культурно-воспитательная, учета меры и труда и меры потребления и ряд других.

Самоограничение правового государства должно привести к изменению этих функций или, по крайней мере, иному соотношению в их осуществлении государственного, общественного и индивидуального начал.

Хозяйственно-организаторская функция. Очевидно, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и объединений, введение хозрасчета, аренды, словом, социалистических рыночных отношений и т.п. ведут к кардинальному изменению этой функции. Она должна быть существенно сокращена.

Культурно-воспитательная функция. Она вообще становится излишней как направление деятельности правового государства. По моему мнению, этой сферой должно заниматься гражданское общество.

Контроль за мерой труда и мерой потребления. И в этой области существенно больший вес должен быть придан рыночным механизмам, должен быть обеспечен окончательный разрыв с уравнилельной практикой и психологией. Но государству в этой сфере остается еще одно, очень важное направление деятельности — налогообложение. В правовом государстве гражданин приобретает в своих отношениях с государственными органами новые качества — социальные качества налогоплательщика со всеми вытекающими отсюда правами, обязанностями и ответственностью.

Самоограничение государства правом приводит и к еще одной кардинальной перемене. Пока государство является «главным орудием», машиной, общество и гражданин существуют в климате и практике своеобразного социального иждивенчества. Неслучайно, что в том сложном, кризисном состоянии, в котором очутилось советское общество, многие ждут некоего государственного чуда, обращаются к правительству с требованиями — «дайте!». При этом прибегают даже к забастовочному давлению. Иное положение, когда законы о собственности, аренде, социалистическом предприятии, кооперации ограничивают функции государства в экономической сфере. Тогда на смену социальному иждивенчеству, отчуждению, пассивности идут процессы активности, предприимчивости, индивидуальной ответст-

венности, реализуются потенции свободы личности и возникает климат самообеспечения в самых разных ипостасях этого явления.

В этой связи надо обратить внимание и на то, что коренное изменение функций правового государства по сравнению с предыдущей социалистической государственностью протекает болезненно. Об этом свидетельствуют споры о госзаказе, договорных ценах и иных формах вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Будущее покажет, ограничится ли эволюция социалистического общества к рыночному социализму широким развитием арендных отношений или же эти отношения со временем «сорвутся», как когда-то сказал о товарообмене В.И. Ленин, в другие, в том числе и частнособственнические отношения (по крайней мере, без эксплуататорского содержания — такая частная собственность теоретически возможна).

Но размышляя о сути правового государства, о его несущих конструкциях, невольно обращаешься к вопросу — а почему стало неизбежным формирование такого государства и именно на современном этапе?

2. Государственно-правовая инновация стала потому объективно неизбежной, что предыдущая административно-бюрократическая государственность завела советское общество в тупик, ввергла в кризис. Она не сумела решить многие из тех социальных, политических, экономических вопросов, которые тянутся в наше время из XIX века. Она неудовлетворительно решила и многие вопросы, возникшие уже в социалистическое семидесятилетие. Она оказалась неспособной решать и глобальные вопросы, прорастающие в будущее, в XXI век, прежде всего экологические.

Так, к числу традиционных, я бы даже сказал, «вечных» относится крестьянский вопрос. Его глубинная суть в разных способах соединения работника с землей и необходимостью реализовать такой способ, который обеспечивал бы продовольственное благоденствие общества и свободу, самостоятельность крестьянина.

Одно решение — когда работник становится свободным, самостоятельным, инициативным и предприимчивым хозяином. Второе — когда различные способы обобществления и кооперации труда лишают его этой свободы и самостоятельности. Крепостное право, общинная организация, коллективные хозяйства — все это лишь разные способы ограничения объективно необходимой самостоятельности крестьянина. В этих условиях сельское хозяйство в конечном счете клонится к упадку.

И не только исторический опыт, но и теоретическое осмысление, объясняют почему дело обстоит именно так. Ведь кооперация труда становится необходимой, когда каждый участник производственного процесса не создает конечного продукта, когда конечный продукт — результат разделения труда и согласования разнообразных операций многих работников. В промышленности кооперация труда многих производителей и полезна, и необходима, она осуществляется в рамках предприятий и объединений.

В сельском хозяйстве положение иное. Как правило, каждый работник представляет себе тот конечный продукт, который он может своим трудом произвести. Поэтому производственная кооперация становится искусственной, она ограничена рамками семейно-трудового объединения (А.В. Чаянов хорошо объяснил наличие этих ограничений!), а вот другие виды кооперации — снабженческой, сбытовой и т.п. — становятся необходимыми. И если нарушаются эти условия, то сбои следуют по всей цепочке сельскохозяйственного производства, ведут к продовольственным трудностям, создают социальные напряжения.

Это понимали многие во все времена. «Общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, — писал, например, в начале века С.Ю. Витте, — с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют» [С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. II, М., 1960, с.492]. Он же указывал на еще один специфический аспект «общинного» решения крестьянского вопроса: с административно-полицейской точки зрения община представляет удобства — «легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности» [там же, с.491].

В послереформенной России, по мнению С.Ю. Витте, крестьянин хотя и перестал быть крепостным помещика, но сделался крепостным крестьянского управления, находившемся под попечительным оком земского начальника. Поэтому в освобождении крестьян от этой зависимости, превращении крестьянина в полноправного хозяина своей земли, распоряжающегося условиями и результатами своего труда, в «персону» видел С.Ю. Витте решение крестьянского вопроса.

В этом отношении и столыпинская реформа была шагом в правильном направлении. Ее составной частью стала переселенческая политика и наделение крестьян землей на востоке страны, в том числе на условиях аренды. Вот, например, договор на снятие в аренду переселенческого участка, предназначенного для продажи [этот договор воспроизведен в газете «Южный Урал» (г. Оренбург) от 4 апреля 1989 г.].

В договоре указана ежегодная арендная плата, порядок введения в пользование снятым участком, оценочная опись насаждений, подлежащих сохранению, государственные, земские, общественные и иные установленные законом сборы. По договору арендатор взял на себя обязательство производить распашку и посев только на половине площади участка, остальная в первые шесть лет должна оставаться под залежью или целиною... Распашка луговых мест не допускается, иначе — штраф. Арендатор вправе принимать меры к улучшению участка, но с неперемным условием, чтобы при этом не причинялось вреда соседним угодьям... На обязанности арендатора лежит охрана произрастающего на участке леса и кустарника, пользоваться которыми, за исключением сухостойного и валежного, крестьянину за-

прещается. Договор был заключен 20 мая 1914 года в г. Оренбурге между представителем Переселенческого Управления и крестьянином Иваном Игнатьевичем Пеньковым сроком на 12 лет.

Как известно, мировая война, затем гражданская война разрушили не только сельское хозяйство. Тем более поразительно, что в два неповских года произошло восстановление продукции сельского хозяйства до уровня 1913 года. А затем коллективизация, да еще в тех чудовищно-насильственных формах, в которых она насаждалась в конце 20-х — начале 30-х годов, явилась новым витком в негативном «решении» крестьянского вопроса, новым насилием над внутренней логикой соединения крестьянина с землей.

Коллективизация могла осуществляться только административно-командной, гипертрофированно бюрократической государственной организацией общества. Только такая политическая организация общества была адекватна этому «решению» крестьянского вопроса. Она органически не могла пользоваться законами и должна была, по выражению Сталина, «отложить их в сторону». Царил произвол, облекаемый в призрачные одежды «революционной законности». И дело не только, скажем, в лишении крестьян паспортов, фактическом прикреплении их к земле. В числе активов этой административно-бюрократической государственности был, например, следующий.

В 50-е годы, даже в начале 60-х в соответствии с руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР народные суды не принимали к рассмотрению иски колхозника к колхозу об оплате заработанных трудодней, пока правление колхоза не выдавало ему справку о своем согласии на рассмотрение такого спора. Иными словами, даже заработанные трудодни не подлежали оплате «через суд», пока не было согласия на это... я чуть было не написал колхоза, нет, председателя колхоза.

Разумеется, в дальнейшем крестьянин получил и паспорт, и споры его с колхозом стали предметом судебного разбирательства, да только в основном-то его положение не изменилось. Он по-прежнему заключен в рамки жестких предписаний всей агропромышленной иерархии, колхозной бюрократии. Это положение обеспечила административно-бюрократическая государственность, которая сама была адекватна этому новоявленному крепостничеству. И только теперь, с формированием правового государства, с появлением законов — типа закона об аренде, — положение, кажется, начинает меняться в исторически необходимую сторону.

Я остановился так подробно на одном из «вечных» вопросов нашего этноса, чтобы постараться показать четкую взаимозависимость организации государственности и способа решения этого вопроса. Но к таким «переходящим из прошлого в будущее» относится еще много проблем: межнациональные отношения, вино-водочная монополия, проблемы передвижения в стране (миграции), эмиграции и ряд других.

Например, административно-бюрократической государственности, или, как теперь ее стали обозначать, сталинско-брежневской, органически присуща была паспортно-прописочная система, также основанная на производстве инструкций закрытого или полужакрытого типа, подчас произвольно толкуемых, а потому и являющихся рассадником всяческих злоупотреблений. Введенная в начале 30-х годов, чтобы ограничить приток «раскулаченных» в город, прописочная система стала играть не учетную роль, как в некоторых государствах, а сугубо правоустановительную — обосновывать право на работу в определенном городе, право на проживание и т.п. Образовался в ряде случаев заколдованный круг: чтобы устроиться на работу, надо иметь прописку, чтобы иметь прописку, надо работать. Я уже не говорю об отрицательных последствиях, возникающих при этой системе в сфере производства, научно-технического прогресса, например о невозможности крупному ученому из-за боязни потерять прописку выехать в другой регион на длительную работу и т.п. Царская Россия также знала определенные ограничения в проживании, передвижении, эмиграции, но, разумеется, сталинская модель государственности намного превзошла предыдущий уровень.

И, разумеется, правовое государство в этой сфере не только должно кардинальным образом отказаться от предыдущей практики, но и внести в эту сферу демократические законы, исключаящие столь нелицепое взаимоотношение гражданина и государства.

Фактический геноцид сталинской государственности в отношении некоторых народов, бесповоротно осужденный Верховным Советом СССР в 1989 году, также имел некоторые корни в прошлом, и также далеко превзошел их по степени произвола и бесчеловечности.

Например, в 1856 году после Крымской войны царизм начал выселение крымских татар в Турцию. Также под предлогом «непатриотичности» их поведения. Сопровождалось это бесчисленными злоупотреблениями местных чиновников, произволом и насилием. Почти открыто существовавшая система взяток привела к тому, что за паспорт на выезд, который стоил тогда 2 рубля, местные чиновники фактически брали до 25 рублей. Посыпались жалобы. В Крым выехала комиссия, образованная повелением царя. Эта комиссия вскрыла огромное число злоупотреблений генерал-губернатора Тавриды, который был царем снят со своей должности. Но, конечно, тогда переселить всех крымских татар, да еще таким бесчеловечным способом, на который оказалась «способной» сталинистская система государственной организации общества, никому и в голову не приходило.

Дело не в примерах. Единственное, что я стремился показать, — это жесткую зависимость государственной организации общества от способов решения как «вечных», так и вновь возникших вопросов социального бытия народа, точнее, этноса, проживающего на определенной территории, обладающего определенной культурой, традициями, системой идеологических представлений.

Верховенство законов как еще одна «несущая конструкция» правового государства становится объективным антиподом той системы усмотрения, произвола, злоупотреблений и иных преступлений, включая государственный террор, которая была присуща иной, административно-бюрократической государственности. Антидемократические, антигуманные способы решения основных вопросов социального бытия этноса вели и к становлению, к гипертрофии карательно-насиловательной стороны социалистической государственности.

Решение тех же вопросов на демократической, гуманистической основе, имеющей целью утвердить социализм как составляющую общечеловеческой цивилизации, и приводит к формированию правового государства с верховенством законов, государственными институтами проверки соответствия всех подзаконных актов Конституции, развитием судебных, арбитражных механизмов рассмотрения споров, иной ролью прокуратуры, адвокатуры, правоохранительных органов и т.п.

3. И тут возникает еще один кардинальный вопрос — а как должно формироваться правовое государство или, что то же самое, как должен быть проведен «слом» предыдущей административно-бюрократической государственности?

Что в этой связи следует иметь в виду? Советское общество худобно, но имеет исторический опыт «слома» буржуазной государственной машины. Ведь именно так, следуя марксистско-ленинской традиции, обозначали в отечественной философии и юридической литературе то государственно-правовое переустройство, которое обязательно должно происходить в ходе социалистической революции и, по мнению многих обществоведов, произошло в октябре 1917 года. И хотя этот «слом» был не совсем такой, как следовало из трудов классиков, поскольку вскоре после Октября все же пришлось восстановить и чиновничество, и кадровую армию, и некоторые иные предшествующие государственные инструменты, а также ввести дифференцированную оплату труда «спецов» и рабочих, но, тем не менее, разрыв с предыдущей государственной организацией общества был разителен. Ориентация нового государственного аппарата (в лучших его звеньях) на подлинно общечеловеческие и социалистические ценности и идеалы, советская организация политической власти, становление Коммунистической партии как правящей, стабилизирующей весь государственный и общественный организм, создание федерации, успешно решающей на первых этапах оставшиеся от прошлого запутанные национально-государственные проблемы, и ряд других социальных нововведений действительно были самобытными, обозначали переход к новой социалистической государственности.

Но вот какого опыта пока еще не имеет наше общество, как, впрочем, и другие страны, да и вся цивилизация в целом, какого опыта еще набираются — так это опыта «слома» социалистической государственной машины.

Еще недавно казалось, что сама постановка вопроса о «сломе» социалистической государственной машины находится за чертой разумного, по крайней мере антинаучна, ибо такого опыта и быть-то не может. Считалось, что по мере перерастания социализма в коммунизм государство, которое и при социализме-то уже «полугосударство», не «ломается», а постепенно «отмирает» (я оставляю в стороне сталинскую псевдодialeктику 1939 года «об отмирании государства путем его усиления и укрепления»).

Однако 1989 год показал, что в социалистических странах, за немногим пока исключением, начались теоретически неожиданные, непредсказуемые, взрывные, самоорганизующиеся, синергетические процессы. [О социальной государственно-правовой синергетике см.: А. Б. Венгеров. Синергетика, юридическая наука, право. — «Советское государство и право», 1986, № 10; Он же. Социалистический плюрализм в концепции правового государства. — «Советское государство и право», 1989, № 6.] Процессы «слома» той модели социалистической государственной машины, которая и получила название сталинско-брежневской, административно-бюрократической.

Напомню ее характерные черты, определяющие соотношение государства и права (т.е. именно тот аспект, который нас интересует в рамках данных размышлений): формальный фасад права и законности и фактически антидемократическое и антигуманное наполнение вновь возведенного государственного строения, государственный произвол, а временами и террор, перманентная подмена законности «целесообразностью», понимаемой зачастую весьма примитивно, в узко социальных целях, догматически. Эта «революционная целесообразность» (или революционная законность, как ее именовали Сталин, Вышинский и иже с ними) в конечном счете стала служить исключительно интересам бюрократии, а не рабочему классу, крестьянству, интеллигенции.

Широта размаха, глубина процессов, острые формы замены руководства политическими институтами, перемены в самих этих институтах, которые происходят сейчас в Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Болгарии, СССР, Румынии, Китае, заставляют задуматься и о таком совсем уж неожиданном ракурсе: а не являемся ли мы свидетелями и участниками той мировой социалистической революции, о которой мечтали лучшие умы человечества? Свобода личности, демократия, гуманизм, т.е. подлинные общечеловеческие и социалистические ценности наполняют содержание революционных процессов в странах социализма. Кроме того, крупные перемены в направлении социализма идут и в ряде буржуазных стран.

Что ж из того, что идет эта революция не совсем по привычным сценариям, совершается в несколько этапов — история открыта и непредсказуема в формах и этапах преобразований.

Опыт «слома» сталинско-брежневской социалистической государственной машины действительно только приобретает, причем в весьма сложных, противоречивых, социальных и национальных борениях,

зигзагах. И вместе с ним рождается еще один опыт — опыт воссоздания ленинской модели социалистической государственности, появившейся в начале 20-х годов. Эта модель, которая, разумеется, также не должна апологизироваться, является все же антиподом бюрократической, гипертрофированно централистской сталинско-брежневской модели.

Если начавшиеся процессы становления правовых форм социалистического государства рассматривать теоретически, пытаться их осмыслить, несмотря на всю еще их незавершенность, можно выделить несколько фундаментальных положений, характеризующих как слом административно-бюрократической государственности, так и становление социалистического правового государства.

Прежде всего становится ясным, что речь действительно идет о сломе, а не об усовершенствовании, подновлении, косметическом ремонте государственной машины.

Реализация принципа верховенства законов повлекла за собой создание по сути своей нового социалистического парламента — постоянно действующего органа государственной власти, так как без такого парламента попросту невозможно готовить и принимать то количество законов и такого качества, которые необходимы, чтобы именно этими законами управлять обществом. Предыдущая организация высшей государственной власти — Верховный Совет, собиравшийся на сессии два раза в год по два-три дня, не имел даже, так сказать, пропускной способности для подготовки и принятия необходимых законов. Вакуум заполняли Президиум Верховного Совета, правительство и даже некоторые иные государственные органы управления.

В свою очередь постоянно действующий Верховный Совет привел к появлению в государственно-правовой системе новой политической фигуры — народного депутата СССР. До сих пор советское общество знало только одну фигуру политического деятеля — работника партийного аппарата. Ныне вровень с таким партийным политиком становится народный депутат, профессионально занимающийся законодательством и, в более широком смысле, политикой.

В этой связи вряд ли окажется жизнеспособной «доктрина» А.И. Лукьянова, заявившего, что ЦК КПСС будет заниматься политикой, а Верховный Совет — ее законодательным обеспечением. Верховный Совет также будет заниматься и уже занимается политикой — ее выработкой, законодательным оформлением, проведением в жизнь.

Уже этих замечаний достаточно, чтобы увидеть коренные перемены на самом верхнем эшелоне той государственности, которая идет на смену административно-бюрократической.

Слом социалистической государственности образца 30-х годов протекает пока что в относительно мирных формах и эволюционно, за исключением, пожалуй, Румынии. Эта также примечательная особенность нынешнего самообновления социалистической государственности. Думаю, что решающую роль в утверждении этих мирных форм играют те цели обновления социализма, которые провозглаша-

ет перестройка — общечеловеческие ценности, демократия, гуманизм, свобода личности. Утверждать их с помощью насильственных средств было бы, как кажется, попросту противоестественным. Но это не означает, что становлению правового государства не сопротивляются ожесточенно те силы, которые стояли за фасадом предыдущей так называемой общенародной государственности. Погрязшие в коррупции, привилегиях, использующие механизм власти для личного обогащения, эти силы отчаянно цепляются за власть, становятся на путь сопротивления, даже саботажа, чтобы остановить формирование правового государства, пытаются идеологически опорочить, даже осмеять перестройку, участвуют в разжигании межнациональных конфликтов и т.п. Такова социальная реальность новых процессов слома и становления.

Одновременность политико-правовых инноваций во многих странах — вот еще одна примечательная черта слома несостоятельной социалистической государственности. В этой одновременности действуют, по-видимому, два начала. Первое — процесс, начатый в «очаговом» государстве, в СССР, распространился и на своеобразную социалистическую периферию — страны Восточной Европы. Эти процессы взаимодействия «первичных» государств того или иного типа, и даже форм, и «вторичных» государств, так называемой государственно-правовой периферии, достаточно хорошо выделены в истории государственности, неплохо изучены и механизмы этих взаимодействий. Как кажется, общая закономерность политико-правовых инноваций начала проявляться и в ходе нового этапа мировой социалистической революции. Второе — речь идет о взаимной поддержке передовых демократических сил в разных государствах, своеобразном демократическом интернационализме.

Перемены в государственно-правовой сфере социалистических обществ касаются всех важнейших элементов государственной машины — функций, форм государства, политического режима. И в этой связи нельзя не сказать, что они касаются роли и места Коммунистической партии в политической системе общества. Некоторые ученые, имея в виду руководящую роль партии в социалистической государственности, ставят вопрос даже так: правовое государство идет на смену партийному государству.

Из конституции ряда стран исключена статья, которой юридически закреплялась руководящая, правящая роль партии, а также ведущая роль рабочего класса. Аргументация весьма серьезна — от установления в такой акции социальной и юридической ответственности Коммунистической партии за кризисное состояние общества до призывов доказать новыми делами право Коммунистической партии на руководство обществом, утверждать авторитет результатами своей политики, а не записывать его юридически формально.

В тех странах, где это уже произошло, отказ от юридически закрепленного права партии на правящую роль ведет к формированию коалиционных правительств, уступке Коммунистической партией

части своей власти другим демократическим силам. Складываются подчас столь парадоксальные ситуации, которые действительно не снились никаким мудрецам: в Польше, например, президентская власть у коммуниста, а правительство возглавляет католик, один из лидеров еще недавно оппозиционной «Солидарности».

В дальнейшем и в СССР возникает необходимость перераспределения власти не только между КПСС и Советами, но и иными демократическими силами. Но в настоящее время Коммунистическая партия безусловно выполняет роль стенового хребта той государственности, которая в федеративной форме сложилась в нашей стране.

Нельзя отрицать, что для социалистического правового государства многопартийность также является характерной чертой, как впрочем явилась она уже для других типов правовых государств. Однако этот процесс в конкретных условиях конкретного государства должен идти естественным путем, без искусственного форсирования, подстегивания и спекуляций.

Конвергенция, причем не столько экономическая, сколько политико-правовая, — еще одна черта слова «несущих конструкций» предыдущей государственности и становления ее новой правовой формы. Речь не идет о механическом соединении различных экономических систем, об эклектике в понимании конвергенции. Речь идет о взаимном обогащении двух социальных систем в политико-правовой сфере, об использовании всего ценного из общечеловеческого опыта. Характерно, что на этот процесс сближения двух составляющих человеческих цивилизаций — социалистической и капиталистической — уже реагирует и наш политический язык. Мы уже сейчас называем Верховный Совет парламентом, и никого не удивляет, что пока формально, а Верховный Совет — не парламент.

Конвергенция в политико-правовой сфере не означает краха социалистической идеи государственности и права, а свидетельствует о возможностях социализма к самообновлению, саморазвитию, обогащению путем восприятия самого передового, общечеловеческого опыта и тенденций. Не будем забывать, что конвергенционные заимствования из социалистической идеи (социальная защищенность трудящихся, право на труд и т.п.) существуют и в современной буржуазно-демократической государственности. Думаю, что именно на путях конвергенции, многоукладности экономики и политико-правового плюрализма социализм и капитализм ищут выходы из специфических присущих обеим системам противоречий.

В федеративных государствах переход от административно-бюрократической государственности к правовой сопровождается международными конфликтами, напряжениями — и это тоже, к сожалению, печальные реальности становления новых государственно-правовых форм. По-видимому, дело заключается в том, что сталинистско-брежневская государственность породила и такую фор-

му устройства государства, которую можно было бы обозначить как социал-империализм.

Действительно, для этой модели социалистической государственности было характерным перерождение, а точнее вырождение, социалистической федерации в своеобразный социал-империализм, именуемый «автономизацией», в фактический унитаризм, и решение некоторых национальных проблем осуществлялось вполне в духе «единой и неделимой империи»: либо террор, вытеснение и переселение целых народностей, либо подкуп и коррумпирование верхушечных, сатрапных слоев некоторых республик и осуществление господства бюрократии центра через эти разложившиеся национальные бюрократические слои. Теперь в правовом государстве рушатся и эти устои административно-бюрократической государственности.

Управление законами диктуется еще одной общей особенностью социалистического общества: оно стало обществом иной сложности. На первоначальном этапе сложности социалистического общества административно-бюрократическая государственность с присущими ей некомпетентностью, волевыми нажимами, безумными тратами ресурсов и народных сил еще могла существовать. Лично я думаю, что именно этим объясняется ее относительно долгая полувекковая живучесть. Кстати, и в теории социалистическое общество виделось все более и более упрощающимся: огосударствление всей собственности, бесклассовая структура, стирающиеся различия между городом и деревней, физическим и умственным трудом, унификация потребностей, формирование привычек к труду, при которых и нормативные основы поведения не понадобятся, да и принуждение отомрет и т.д. Но все, как теперь известно, оказалось иным.

В настоящее время социалистическое общество стало сложности необыкновенной. В экономике — многообразии видов собственности, в политической сфере — различные движения, фронты, партии, плюрализм мнений и институтов, в духовной сфере — ренессанс религии, палитра разных течений и исканий, возрождения культур, в социальной сфере — множество структур. И если посмотреть на только одну социальную силу, ранее именуемую просто прослойкой, — интеллигенцию, то и там можно насчитать теперь множество оттенков: существуют научная, инженерно-техническая, учительская, врачебная, армейская интеллигенция и т.п. И у каждой свои интересы, цели.

Единственный способ управлять таким обществом — это аккумулировать в законах основные интересы социальных сил, имеющие демократическую, гуманистическую направленность, сопрячь эти законы с крупными экономическими переменами, обеспечить исполнение этих законов.

Нетрудно увидеть, что и в нашей стране, и в большинстве социалистических стран формирование правового государства стало уже

практическим делом народа, возносятся и укрепляются его несущие конструкции, идет слом предыдущей государственности социалистического общества. Все более ясным становятся демократические и гуманистические цели возведения нового правового государственного строения. В этом заключается основа для социального оптимизма, хотя — что уж тут скрывать — и проблем, и трудностей на этом пути еще будет немало.

Концепция советского правового государства

Господство права и социализм

В правовой идеологии перестройки отчетливо обозначились две позиции по вопросу о том, что такое социалистическое правовое государство. Первую можно сформулировать как «господство закона во всех сферах общественной жизни», хотя все аспекты проблемы и не исчерпываются этим тезисом. Здесь имеется в виду господство закона в конституционном смысле, т.е. актов высших представительных органов государственной власти, актов, легитимированных демократической процедурой законотворчества, чего в СССР прежде никогда не было, — реальной силой обладали правительственные и ведомственные акты, а высшей силой — административное усмотрение. Речь идет о действительном, а не о прокламируемом верховенстве закона, предлагается создание институционального механизма защиты закона. Наконец, речь идет о господстве не просто закона, а... хорошего закона: «Закон должен торжествовать в самом высоком смысле этого слова, т.е. в том смысле, что начала и устои общества, которые выражают его природу, в нашем обществе — социалистические начала, высокие идеалы и ценности социализма, действительная свобода людей, высокая организованность, гражданская ответственность, должны быть непоколебимы» [С.С. Алексеев. Правовое государство — судьба социализма. М., 1988, с.89].

Вторая позиция, которой придерживается и автор (все рассуждения автора о правовой государственности строятся на основе концепции права, разработанной В.С. Нерсесянцем), гласит: «господство права». И речь идет отнюдь не только о терминологических различиях. Вторая позиция исходит из концептуального различия права и закона. Господство права подразумевает верховенство правового (юридического) закона. Ибо не всякий закон, даже выражающий «высокие идеалы», содержит право.

Различение права и закона, юридического закона и произвольного, имеет давнюю историю, которая в европейской культуре начинается с времен античности. С развитием теоретических представлений о естественном праве сложилось определенное правописание, которое опирается на аксиому: «Право *правильно* по содержанию, а не по установленной форме», или: «Не всякое законодательное или судебно-административное решение, будучи фор-

мально корректным, содержит в себе право». Различение права и закона возможно не только с юснатуралистских, но и с иных позиций. Главное здесь — признание специфики права, отличающей его от иных социальных регуляторов, которые могут быть закреплены законом. В этой связи можно говорить об особом, непозитивистском типе правопонимания [см.: В.С. Н е р с е с я н ц. Концепция советского правового государства в контексте истории учений о правовом государстве. — Социалистическое правовое государство: проблемы и суждения. М., 1989, с.52—53].

С точки зрения историко-материалистической концепции различения права и закона, которая относится к непозитивистскому типу правопонимания, право — это особый регулятор общественных отношений, который отличается от властно-приказных, моральных, религиозных и других социальных регуляторов тем, что ставит участников общественных отношений в положение формального равенства. Во избежание недоразумений нужно пояснить, что с точки зрения гносеологии не столько формальное равенство свидетельствует о правовом качестве отношений, сколько наоборот. Формальное равенство как признак права выводится путем восхождения от конкретного к абстрактному — в процессе анализа тех явлений, которые признаются материальным базисом общества, т.е. в процессе анализа экономических отношений. Таков был ход рассуждений К. Маркса в его «Капитале».

Если мы примем, что должное в общественной жизни производно от бытия (экономические отношения), которое одновременно несет в себе качество должного, то это значит, что правовые нормы (правила должного), опосредующие экономические отношения, объективно возникают в этих самых отношениях, проявляются в качестве единичных правоотношений и могут быть объективированы как в форме закона, так и в форме договора: «...юридическое отношение, формой которого является договор — все равно, закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т.23, с.94]. Договор — это первичная и простейшая форма права, генетически предшествующая закону. Сущностные признаки права, прежде всего формальное равенство субъектов правового общения, выводятся из объективного права, закрепленного договором независимо от закона «объективного», постольку, поскольку договор, фактически без идеологических наслоений, опосредует те отношения, которые признаны материальным базисом общества.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой принципиальной важности: чем отличаются объективные правоотношения, онтически или генетически предшествующие правовому закону, от любых фактических отношений? В социологических позитивных концепциях права любое фактически распространенное отношение признается правовым независимо от его содержания. С этой точки зрения существующие в ус-

ловиях тоталитарного режима властно-приказные отношения, опосредующие экономические отношения, следует считать «правоотношениями». Однако историко-материалистическая концепция различения и отношения права и закона обращается к порядку экономических отношений, который складывается в результате естественноисторического развития общества, в результате саморазвития экономики, но не в результате насилия над обществом.

Познание права в общественных отношениях саморазвивающегося гражданского общества приводит к следующим выводам. Во-первых, дозаконотворческие отношения, которые *коренятся* в материальных жизненных отношениях, *складываются* и *оформляются* в качестве правовых непосредственно в сфере социального обмена, точнее — в отношениях свободного обмена, или товарообмена, которые становятся господствующими в индустриальном и постиндустриальном обществе. Во-вторых, в отношениях свободного обмена их участники, товаровладельцы, выступают как абстрактные лица, формально независимые друг от друга, в чем и заключается их правосубъектность, или автономия. Последняя означает, что правоотношение должно осуществляться в форме договора, благодаря которому достигается согласование воли формально равных сторон фактического отношения. В-третьих, в отношениях свободного обмена имеет место сбалансированность обмениваемых предоставлений и получений, т.е. эквивалентность обмениваемых социальных благ, или юридическая справедливость [см.: Л.С. М а м у т. Право как отношение. В: Wahrheit und Wahrhaftigkeit in der Rechtsphilosophie. В., 1987, S.264—266]. Это основные признаки правового общения.

Таким образом, правовая норма может быть объективирована не только в законе, но и в объективно складывающихся правоотношениях — тех самых, в которых законодатель «открывает» право, а затем уже формулирует его в законе, выделяя норму в качестве общего из единичных дозаконотворческих отношений. Таковыми являются нормы *гражданского права*, фиксация которых в законе означает лишь то, что государство гарантирует нормальное осуществление объективно складывающихся правоотношений. Но отсюда вовсе не следует, что договор можно безусловно противопоставлять закону, тем более в правовом государстве, предполагающем развитую систему правовых законов. Первоначально нормы гражданского права проявляются в правоотношениях, но в условиях развитого правопорядка нормы, как правило, уже фиксированы в законе. Хотя по мере усложнения общественных отношений в правоотношениях появляются новые нормы, ранее неизвестные гражданскому закону.

Конечно же, право не исчерпывается гражданским правом. О других отраслях права — конституционном, процессуальном, уголовном и т.д., — обеспечивающих нормальное функционирование гражданского права и правосубъектность, автономность индивида, речь пойдет ниже. Здесь достаточно подчеркнуть, что гражданское право яв-

ляется чистым выражением принципа права. Это формальное, или правовое, равенство.

Фактическое равенство и правовое — это антиподы. И если грубо-уровнительный коммунизм предполагает фактическое примитивное равенство в потреблении, то социализм (т.е. общество, в котором реализуется идеал: «от каждого — по способностям, каждому — по труду» и которое не нужно путать с реальным социализмом сталинистской или неосталинистской модели) означает формальное равенство индивидов, каждый из которых имеет право на труд и не имеет права эксплуатировать труд других. Социализм предполагает не уравниловку, а фактически неравное потребление фактически неравных друг другу индивидов, приобретающих социальные блага в процессе эквивалентного обмена — в соответствии с количеством своего труда. Следовательно, право (применение одинакового масштаба к фактически неравным индивидам) имманентно социализму так же, как и капитализму, ибо это необходимая форма эквивалентного социального обмена. Соответственно, социализму противоречит уравниловка — применение к фактически неравным людям равного масштаба с целью уравнения их в потреблении социальных благ.

Итак, принцип права означает формальное равенство производителя и потребителя, продавца и покупателя, мужчины и женщины и т.д. Однако формально равными друг другу могут быть и рабы; перед деспотом тоже все равны, а именно равны нулю (Ж.-Ж. Руссо). Формальное равенство несвободных — это равенство бесправных, а «имеющий право» всегда свободен от чего-то и для чего-то. «Правовое равенство означает формальную независимость друг от друга, т.е. свободу субъектов права» [В.С. Н е р с е с я н ц. Концепция советского правового государства..., с. 52]. Кроме того, право означает всеобщность формального равенства, всеобщность свободы. Иначе говоря, право — это форма свободы, предполагающая, что участники свободного общения формально равны и вступают друг с другом в отношения эквивалентного обмена. Выражаемая правом свобода обусловлена социально-исторически, и поэтому право — это не только форма, но и мера свободы. [«Право по своей сущности и, следовательно, по своему понятию — это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, форма бытия свободы, формальная свобода» (В.С. Н е р с е с я н ц. Право и закон. М., 1983, с.342—343).]

Далеко не все общественные отношения, даже если они регламентированы законом, могут быть правоотношениями, ибо не все общественные отношения несут в себе принцип права, не все предполагают всеобщую меру свободы формально равных участников социального общения. Не могут быть правовыми, например, властно-приказные отношения, которые необходимы в области социального управления в любом обществе и при самом демократическом режиме. Другое дело, что властно-приказные отношения могут быть ограничены правом — минимальной мерой свободы подчинен-

ных субъектов, мерой, обусловленной историческим развитием общества и выраженной прежде всего в конституционно гарантированных правах человека и гражданина. Но все отношения социального обмена в материальной и духовной сферах социалистического общества должны быть правоотношениями, т.е. должны регулироваться по принципу права.

Между тем на протяжении почти всей истории СССР господствовало не правовое, а уравнилельное регулирование, нарушающее эквивалентность обмена, навязывающее примерно равное потребление людям, которые не равны друг другу по своим умственным и физическим качествам, по социально-групповому, культурно-образовательному, семейному и т.д. положению. Право с его формальным равенством и отрицанием равенства фактического изначально воспринималось в советской официальной идеологии не как право вообще, а как право исключительно буржуазное, унаследованное обществом от «мрачного прошлого» и мешающее ему быстро продвигаться к «светлому будущему», т.е. коммунизму. Отчасти вследствие отсутствия правовой традиции и крайне низкой правовой культуры, отчасти в результате насильственного насаждения уравниловки как «подлинной социальной справедливости» представления об уравниловке, характерные первоначально лишь для идеологии люмпенских слоев общества, превратились в реально господствующие представления о социализме. Прimitивное потребительское равенство стало отождествляться с социалистической справедливостью, с «социалистическим образом жизни». Естественно, что в таком антиправовом обществе не может быть даже подобия правового государства.

Экономической основой уравниловки в сталинской модели общественного устройства является противоестественная, искусственно, без учета реального уровня общественного развития созданная система отношений собственности. Фактически это всеобъемлющая государственная, точнее, бюрократически централизованная и даже сверхцентрализованная собственность. Уравниловка как явление примитивного потребительского коммунизма возможна лишь тогда, когда собственность в масштабе всего общества является всеобщей и одновременно «ничейной», когда трудовой вклад отдельного работника растворяется и безвозвратно теряется во всеобщей собственности, т.е. происходит полное отчуждение труда, когда имманентное индустриальному обществу товарное производство заменяется централизованным учетом и распределением всех производимых в обществе социальных благ. При уравниловке утрачивают свое действие рыночные и правовые регуляторы общественных отношений, распределение осуществляется произвольно. Поэтому резко возрастает роль жестко централизованного бюрократического аппарата, в функции которого входит определение народнохозяйственных потребностей, планирование (тотальное), учет, контроль и распределение.

Переход от уравниловки к правовому социализму, к распределению по труду требует прежде всего радикального изменения отноше-

ний собственности, превращения производителей социальных благ в реальных собственников и реальных субъектов хозяйствования (прежде всего на базе различных форм сочетания коллективной и личной собственности). Лишь при таком условии будут восстановлены рыночные и правовые социальные регуляторы и утратит свой смысл деятельность многомиллионной контролирующей, планирующей и распределяющей бюрократии.

Уравниловка противоречит и социальной природе человека, и природе гражданского общества, в котором постоянно сталкиваются и приводятся в согласие многообразные интересы индивидов, неравных друг другу, но подчиняющихся всеобщим правилам согласования интересов. Уравниловка отрицает всякую экономическую свободу и самостоятельность, подрывает инициативу и стимулы к труду, порождает социальную апатию и в конечном счете ведет к установлению тоталитарной диктатуры, ибо лишь последняя способна поддерживать уравнительную жизнедеятельность общества.

Уравнительное регулирование общественных отношений не нуждается в государственной организации политической власти. Более того, государство по своей природе является официальным выразителем всеобщих интересов, формирующихся в глубине гражданского общества, уравниловка же создает искусственные общественные структуры, а для этого требуется подавление и разрушение естественноисторически сложившегося гражданского общества политической силой. Эта политическая сила с необходимостью институциализируется не как производное от гражданского общества государство, а как административно-командная система тотального контроля и поддержки искусственных общественных структур.

Уравнительное регулирование отнюдь не приводит к всеобщему фактическому равенству (хотя бы приблизительному) в масштабе общества в целом. Уравниловка создает сложную социальную структуру. Прежде всего уравниловка разделяет общество на уравнивающих (тоталитарная бюрократия во главе с ее лидером, «вождем») и уравниваемых, которые создают все социальные блага, но потребляют их в соответствии с произвольными нормами, установленными уравнивающей бюрократией, и под ее контролем. Далее, приобретение и, соответственно, потребление индивидом социальных благ осуществляется независимо от качества и количества его труда, оно определяется принадлежностью человека к определенной социальной группе, в рамках которой и достигается примерно фактическое равенство потребления. Таким образом, человек создает и потребляет социальные блага не как индивид, неравный любому другому индивиду, а как представитель унифицированной социальной группы; уравниловка не терпит никакой индивидуальности. Наконец, уровень потребления, характерный для соответствующей социальной группы, определяется статусом этой группы, который складывается из льгот и привилегий. Группы, находящиеся в самом низу социальной структуры, не имеют льгот и привилегий вообще. Привилегии, которыми пользу-

ется уравнивающая бюрократия, существенно отличаются от привилегий, установленных для социальных групп уравниваемой части общества.

Итак, при уравнительном социальном регулировании формальное (правовое) равенство в области потребления подменяется произвольными нормами уравниловки, набором привилегий. Конечно, это не имеет ничего общего с социальной справедливостью при социализме. Справедливость при социализме может быть обеспечена только правом. Принцип распределения по труду — это принцип формального равенства, юридической справедливости, он требует эквивалентных социальных предоставлений и получений. В то же время, применительно к участию в социальном обмене тех членов общества, которые способны полноценно трудиться, это принцип социальной справедливости, и в этом социальная и юридическая справедливость совпадают.

Порочность уравниловки заключается еще и в том, что привилегиями пользуются прежде всего сами уравнивающие. Существенное различие привилегий уравнивающих и уравниваемых закрепляет социальное неравенство, искусственное и ничем не оправданное с точки зрения реальных потребностей общественного развития. Строго говоря, при уравниловке существует неравенство двоякого рода. Во-первых, это общее, формальное неравенство, возникающее из применения неравной меры к неравным лицам и питающееся люмпенскими представлениями о социальной справедливости. Формальное неравенство проявляется прежде всего внутри социальных групп через нарушение принципа распределения по труду. Но формальное неравенство отнюдь не обязательно должно приводить к фактическому материальному равенству. Поэтому, во-вторых, существует формальное неравенство, закрепляющее неравенство материальное, социальное, что уже не согласуется с люмпенскими представлениями о справедливости примитивного потребительского равенства. Уравнивающая бюрократия использует возможность установления привилегий, с одной стороны, для выравнивания уровня потребления внутри социальных групп, с другой — для обеспечения своей материальной выгоды. В итоге к исходным порокам уравниловки, таким, как извращение социальной природы человека, разрушение саморегулирующегося гражданского общества и т.д., присоединяется и дополнительное зло — привилегии, закрепляющие существенное социальное неравенство между высшими социальными группами политически господствующей бюрократии и социальными группами, в которые объединена основная масса представителей уравниваемой части общества.

Следовательно, уравниловка как явление примитивно-потребительского коммунизма, выгодная только уравнивающей бюрократии, насаждается и поддерживается с помощью силовых методов и нуждается в административно-командной системе тотального контроля. Но выгода уравнивающей бюрократии — выгода относительная. Определенные группы политически господствующей бюрократии имеют воз-

можность более высокого уровня потребления относительно основной массы уравниваемых, но не относительно объективного уровня, определяемого современным мировым научно-техническим прогрессом. Разрыв между уровнями потребления уравниваемых и уравниваемых поддерживается искусственно — ликвидацией экономических стимулов к труду, дешевизной рабочей силы (что, естественно, сдерживает научно-технический прогресс), сдерживанием инициативы и предприимчивости и т.д. Иначе говоря, административно-командная система стремится выжать из общества все возможное в целях обеспечения благосостояния политически господствующей бюрократии, но при этом она разрушает механизм саморазвития общества (ибо саморазвивающееся, саморегулирующееся общество и господствующее положение тоталитарной бюрократии — это антиподы), и в обществе наступает застой. В результате оказывается, что отдельные группы бюрократии, уровень потребления в которых считается по советским стандартам сверхвысоким, имеют уровень жизни по мировым стандартам средний, а то и ниже среднего.

Так и общество, и бюрократия оказываются перед общей дилеммой: либо сохранение уравниловки и обеспечивающей ее административно-командной системы, а затем и неизбежный кризис, последствия которого трудно предугадать, либо переориентация политической власти на саморегулирование общественного развития, а следовательно, отказ от уравниловки и переход к социальному регулированию по принципу права, гарантирование экономической свободы и самостоятельности индивида, справедливое распределение по труду, предполагающее неравное потребление в рамках формально-правового равенства членов общества. Лишь второй вариант может обеспечить, хотя, возможно, только в исторической перспективе, постоянный рост благосостояния всех членов общества на основе неограниченного простора для высокопроизводительного труда.

Сделать выбор в рамках названной дилеммы — крайне сложно и для советского общества, разращенного уравниловкой, разделенного на множество социальных групп, в разной мере заинтересованных (или незаинтересованных) в сохранении уравнивательного регулирования, и, конечно, для политически господствующей бюрократии, поскольку правовое саморегулирующееся общество несовместимо с политическим господством бюрократии. Отсюда — непоследовательность социально-экономической и политической перестройки в СССР, ориентация большей части общества и партийно-государственного аппарата на промежуточный, умеренный вариант всех реформ.

Помимо осторожности и непоследовательности в проведении реформ, следует также учитывать их полное неприятие той частью общества, которая однозначно предпочитает уравнительное социальное регулирование (маргинальные и люмпенские слои общества), и сопротивление реформам той части бюрократии, которая обоснованно не рассчитывает найти себе места даже в минимально демократизированных социально-политических структурах.

Все это означает определенную амбивалентность происходящих в СССР перемен по отношению к формированию правового саморегулирующегося общества и господства права, с одной стороны, и к сохранению уравнительного социального регулирования и командно-административной системы — с другой. Конечно, в таком социально-историческом контексте социалистическое правовое государство означает лишь нормативную концепцию развития советской государственности, равно как и социализм, демократическое социалистическое общество остается пока еще не достигнутым идеалом. Соответственно, задача нормативной теории правового государства применительно к реалиям советской государственности предполагает выполнение двух основных функций: оценочной и объяснительной. Функции эти взаимосвязаны: в концепции советского правового государства реальные процессы государственно-правового развития должны оцениваться с позиции тех принципов, которые объясняют смысл современной правовой государственности, ее общечеловеческую ценность, равно как и ценность для будущего социалистического общества.

Правовое начало государственности реализуется в гарантиях свободы, самостоятельности и собственности, которые обеспечивают господство права, формальное равенство участников свободного эквивалентного обмена и саморазвитие гражданского общества, постоянный рост благосостояния общества в целом. Правовое начало — это необходимое условие общественного прогресса, без которого общество не может стать достаточно развитым и богатым и обеспечить человеку надлежащий уровень социальной защищенности. Социальное начало государственности, которое реализуется в перераспределении аккумулируемой государством части национального дохода, имеет действительно прогрессивный смысл, более глубокий, чем сиюминутная выгода, лишь в богатом (по относительно историческим меркам) обществе и лишь в той мере, в которой оно не разрушает правовое начало.

Какие же выводы следуют отсюда для нормативной концепции социалистического правового государства? Прежде всего речь должна идти о государстве, обслуживающем потребности правового саморегулирующегося гражданского общества.

Для социалистического правового общества, как и любого современного саморегулирующегося гражданского общества, характерен свободный эквивалентный обмен, в котором участвуют формально равные, независимые производители и потребители социальных благ. Свободный и эквивалентный характер социального обмена предпочитает рыночные механизмы регулирования товарно-денежных отношений (что отрицается в сталинистской модели общественного устройства). Ибо только фактическое соотношение общественного спроса и предложения наполняет реальным содержанием понятие эквивалентности обмениваемых благ.

Социалистическое правовое общество до известного предела не нуждается в правительственном вмешательстве в экономику. Конечно, в современном гражданском обществе необходимо государственное регулирование экономики, но регулирование экономическими, а не административными методами. Экономические методы включают в себя, с одной стороны, определенную налоговую политику, позволяющую осуществлять социальные функции государства, обеспечивать реализацию социально-экономических и культурных прав граждан, перераспределять часть национального дохода в целях более сбалансированного развития производительных сил общества, с другой — создание наиболее благоприятных условий хозяйствования в тех отраслях экономики, развитие которых сулит наибольшую выгоду в целом. Но административное вмешательство недопустимо. В правовом обществе и государстве нет места для бюрократии, регламентирующей хозяйственную деятельность, распределяющей материальные ресурсы, ибо существует объективная закономерность: там, где у носителей публично-властных полномочий нет своей собственности, но есть право решать судьбу чужой собственности (частной, кооперативной, общенародной и т.д.), неизбежно возникает коррупция. Чем меньше у бюрократии возможностей влиять на социальный обмен, тем меньше у нее реальной власти и, соответственно, возможностей злоупотребления этой властью, предоставления кому-либо экономических льгот и привилегий из соображений собственной выгоды. Как только субъекты собственности оказываются подчиненными субъектами административных отношений, их собственность и рациональное хозяйствование перестают быть материальными гарантиями их благополучия и в конечном счете — благополучия общества в целом.

Современное правовое государство, а тем более государство социалистическое, должно быть не только правовым, но и социальным. Следовательно, в социалистическом государстве распределение социальных благ должно осуществляться и помимо отношений свободного эквивалентного обмена. Но социальные функции государства не должны подменяться уравниловкой. Во-первых, социальная политика должна воплощать в себе гуманистическое начало социализма, предполагающее распределение социальных благ, независимо от трудового вклада, чтобы обеспечить уровень жизни, достойный человеческого существования, тем, кто в силу различных причин не может полноценно трудиться. Во-вторых, речь идет о надлежащей реализации прав граждан на труд, на отдых, на жилище, на охрану здоровья, на образование, на пользование достижениями культуры, т.е. о реализации тех социальных прав, которые в условиях современной цивилизации должны быть обеспечены в максимально возможном объеме всем гражданам страны, претендующей на то, чтобы именоваться развитой страной. Объективные предпосылки для такой социальной защищенности человека в действительно развитых странах уже существуют.

Как показывает опыт исторического развития, общество, для того чтобы стать развитым по меркам современной цивилизации, прежде должно стать правовым обществом. И социалистическое государство, для того чтобы стать действительно социальным государством, должно быть правовым государством. Уравниловка, препятствующая развитию личности, не делает общество богатым, а социальное государство в таких условиях неминуемо будет ущербным. Ибо дефицит социальных благ порождает при осуществлении социальных функций любого государства бюрократический произвол, злоупотребления властью и коррупцию.

В этой связи возникает очень важный вопрос о путях становления социального правового государства. История пока знает только один путь: первоначально развитие и обогащение общества в целом оборачиваются растущей пропастью между бедностью и богатством внутри него, формальное равенство воспроизводит неравенство материальное в столь прогрессирующей мере, что общество сотрясают кризисы и жестокие социальные конфликты. И лишь постепенно правовое государство, обслуживающее потребности правового общества, приобретает черты государства социального, дополняет формальные гарантии свободного развития личности материальными гарантиями социальной защищенности.

Такой путь, необходимый при естественном процессе становления социалистического государства и общества, неприемлем, однако, для общества, в котором естественный процесс созревания предпосылок социализма был нарушен. Советское государство, поставив перед собой задачу способствовать формированию и развитию правового общества, обогащению таким путем общества в целом, не может при этом отказаться от выполнения социальных функций ради абстрактно более прогрессивной цели и накопления общественного богатства хотя бы уже потому, что более 15% населения страны находится за чертой бедности, даже по советским стандартам измерения уровня жизни. Но есть и более важная причина. Семьдесят лет в Советском Союзе люди связывали с политической властью свои надежды на социальную защищенность, и столько же лет им внушались надежды на «светлое будущее». Политика перестройки получила кредит доверия постольку, поскольку ее лидеры утверждали: те, кто трудится ради будущего, должны максимально удовлетворять свои потребности в настоящем, а не в перманентно отдаляющемся «светлом будущем». И этот кредит доверия будет быстро исчерпан, если политическая власть будет ориентироваться в своей политике главным образом на рыночные механизмы распределения социальных благ, хотя бы и в рамках распределения по труду.

Итак, проблема заключается в том, что современное советское общество недостаточно богато для того, чтобы гарантировать реальную социальную защищенность всем, кто находится в экономически невыгодном положении. С другой стороны, государство должно осуществлять социальные функции, увеличивать ассигнования на социаль-

ные нужды, особенно в области здравоохранения и социального обеспечения. В противном случае возникает реальная угроза неосталинистской консервативной реакции, спекулирующей на социальной незащищенности маргинальных слоев, доля которых в социальной структуре будет возрастать, по крайней мере в начале формирования правового общества. Но чем больше власть сегодня будет ориентироваться на выполнение социальных функций государства, тем меньше будет шансов на формирование саморегулирующегося правового общества, в котором только и может быть создана достаточная материальная база для надлежащего выполнения социальных функций государства. Зато больше шансов на сохранение политически господствующего положения распределяющей и контролирующей бюрократии. Таким образом, «круг» замкнулся.

Отсюда следует, что путь советского общества к господству права и формированию правовой государственности будет долгим и противоречивым.

Можно предположить, что внутренняя политика в СССР будет изменяться в диаметрально противоположных направлениях — от всемерного содействия развитию рыночных отношений, опосредуемых правом, к усилению административной регламентации хозяйственной деятельности, от преимущественной ориентации на распределение по труду и свободный эквивалентный обмен к ориентации главным образом на распределение из общественных фондов потребления, создаваемых за счет чрезмерно высоких налогов на самостоятельных производителей и лишающих человека стимулов к самостоятельной активности. Иначе говоря, в обществе с серьезным дефицитом социальных благ, с деградирующей экономикой *эквивалентность* и *социальная защищенность* — это не просто два противоположных начала в распределении социальных благ, символизирующих соответственно юридическую и социальную справедливость. В таком обществе каждое из этих начал может развиваться лишь с серьезным ущербом для другого. Ориентация на эквивалентность будет порождать падение уровня жизни значительной части членов общества, ибо свободный эквивалентный обмен только в перспективе будет способствовать обогащению общества в целом, а на первых порах в обществе лишь будет углубляться социальное неравенство. Для смягчения этих первых негативных последствий ориентации на эквивалентное начало в распределении государство будет делать упор на выполнение социальных функций; но общество в целом еще недостаточно богато для этого, и расширение социальных функций будет возможно лишь за счет своего рода «ограбления» формирующегося правового гражданского общества, за счет разрушения еще не окрепших механизмов саморегулирования и господства права, за счет подрыва еще только формирующейся материальной базы общественного саморазвития. И лишь в процессе длительного чередования приоритетов внутренней политики — эквивалентного (правового) и социального начал — может постепенно сформироваться соци-

альное правовое государство, т.е. государство, существующее в столь развитом и богатом правовом обществе, которое допускает постоянное сочетание во внутренней политике двух противоположных начал социалистического регулирования, сдерживает государственный интервенционизм в разумных рамках.

Следует иметь в виду, что сочетание эквивалентного и социального начал в современном социальном правовом государстве и развитие в сторону господства права в государстве, в котором социальная защищенность человека традиционно почиталась выше свободы и формального равенства, — это явления принципиально разнородные. Одно дело, когда уже существует правовое саморегулирующееся общество, которое допускает государственное вмешательство в свои структуры (например, выполнение социальных функций) лишь настолько, насколько это не вредит механизмам саморегулирования; причем саморегулирующееся гражданское общество формирует государственные структуры так, чтобы они были восприимчивы к сигналам обратной связи, исходящим от регулируемой социальной системы, и любое неоправданное государственное вмешательство рано или поздно будет обществом нейтрализовано. Другое дело, когда такое гражданское общество еще не сформировалось, так что господство права может быть лишь идеалом, провозглашенным в достаточно авторитарной внутренней политике государства.

Но авторитарная политика не может давать никаких гарантий для формирования правового общества и последующего становления правового государства. Авторитарная поддержка или, наоборот, авторитарное отрицание идеала правовой государственности содержит в себе весьма значительный элемент случайности и волюнтаризма. Сегодня авторитарная политика поддерживает правовое начало общественной жизни, а завтра по каким-то конъюнктурным соображениям она может переориентироваться на тотальное административное распределение социальных благ. И вновь направить такую политику в сторону формирования правового общества может опять же лишь авторитарное изменение внутренней политики. Во всяком случае объективно рациональная и прогрессивная авторитарная политика не может быть достаточно стабильной. Тем более, если эта политика подрывает основы существования политически господствующего слоя.

Признаки правовой государственности и проблемы формирования правового общества в СССР

Правовое государство — это государство, обслуживающее потребности правового общества, т.е. обеспечивающее господство права и дающее гарантии от административного вмешательства в саморегулирующиеся процессы жизнедеятельности общества, защищающее интересы производителей и потребителей социальных благ в рамках общедоступной надлежащей правовой процедуры разрешения споров.

По своей сущности социалистическое правовое государство — это система институциональных и формально-юридических гарантий, обеспечивающих неприкосновенность и плюрализм социалистической собственности, правовую, хозяйственную и творческую самостоятельность и равную меру свободы производителей и потребителей социальных благ и вообще участников социального обмена — индивидов и коллективов (ассоциаций). Минимальная (неотчуждаемая) и максимальная меры свободы, о которых идет речь, определяются объективными возможностями общества и ходом общественного прогресса, уровнем развития объективно складывающегося права. Нормы, выражающие меру свободы, должны быть зафиксированы в конституции и законах.

В этой связи можно говорить о трех отличительных признаках, или о трех основных компонентах правовой государственности [см.: В. С. Н е р с е с я н ц. Концепция советского правового государства..., с.51]. Первый признак — это верховенство правовых законов и среди них — конструкции как основного закона. Этому признаку соответствует собственно правовой компонент (социальное регулирование по принципу права, формальное равенство участников социального обмена). В правовом государстве конституция должна закреплять минимальную (неотчуждаемую, неотъемлемую) меру свободы индивида в данном обществе (права человека и гражданина) и тем самым устанавливать, что никому — ни частному лицу, ни органу государственной власти — не может быть дозволено то, что ущемляет минимальную неотчуждаемую свободу. В конституциях и законах (но не в подзаконных нормативных актах) путем запретов общественно вредного должна закрепляться равная максимальная мера свободы всех, исключая привилегии.

Второй признак — формально-юридические гарантии свободы, самостоятельности и собственности, гарантии не только для индивида, но и для коллективов, ибо в современном обществе человек удовлетворяет свои интересы и реализует свободу, вступая в различные ассоциации. Поэтому здесь следует говорить не столько об индивидуально-правовом признаке (или компоненте прав и свобод индивидов), сколько о субъективно-правовом компоненте, имея в виду, что субъектами права являются не только физические, но и юридические лица — ассоциации. Хотя, конечно, формально-юридические гарантии для ассоциации производны от аналогичных гарантий для индивида. К числу формально-юридических гарантий относятся прежде всего права и свободы человека и гражданина, а также иные субъективные права индивидов и ассоциаций, вытекающие из конституции и законов. И здесь принципиально важно подчеркнуть, что все эти права могут быть формально-юридическими гарантиями свободы, самостоятельности и собственности не сами по себе, а лишь тогда, когда никакие государственные органы и никакие должностные лица одновременно не обладают полномочиями, фактически ограничивающими права индивидов и ассоциаций. Иначе говоря, формально-юридиче-

ски мера свободы может быть гарантирована лишь постольку, поскольку законы не содержат в себе противоречий, и лишь настолько, насколько она одновременно не ограничена соответствующими полномочиями государственной администрации. В этой связи приходится констатировать, что, хотя из Конституции СССР и законов вытекает широкий круг субъективных прав индивидов и ассоциаций, далеко не все они могут быть использованы как формально-юридические гарантии свободы, самостоятельности и собственности. Нередко бывает так, что права, гарантированные статьей конституции, ограничиваются органическим законом, принятым в порядке конкретизации этой статьи.

Особые гарантии свободы, самостоятельности и собственности дают надлежащие процедуры регулирования интересов, в частности сталкивающиеся социальных интересов. Они имеют двойственную природу. С одной стороны, нормы, регламентирующие эти процедуры в области конституционного или процессуального права, могут быть отнесены к разряду формально-юридических гарантий. С другой стороны, реальность этих процедур должна создавать систему институциональных гарантий свободы, самостоятельности и собственности — третий признак правовой государственности (или институционально-правовой компонент).

Эти процедуры возможны лишь в условиях разделения властей.

Во-первых, разделение властей требует, чтобы правовые нормы устанавливались только законом, т.е. установленные нормы должны быть легитимированы демократической процедурой законоотводства. Ибо право как регулятор социальных интересов, носители которых формально равны, должно фиксироваться или формулироваться в рамках открытого и честного, гласного политического процесса, дающего формально равный доступ к законоотводству всем носителям социальных интересов. То есть это должен быть политический процесс, отражающий потребности общественного развития. Легитимация закона демократической процедурой — необходимое, но недостаточное условие юридичности закона. Поэтому особая роль принадлежит процедуре конституционного контроля, предназначенной для защиты от возможных законодательных нарушений всеобщей и равной меры свободы, которая уже зафиксирована или должна быть зафиксирована на уровне конституционного права. Ибо в условиях демократии, как свидетельствует историческая практика, законодатель может не просто выражать интересы большинства, но при этом еще и нарушать интересы меньшинства, хотя последние отнюдь не всегда являются общественно вредными, а даже наоборот. Конституционный контроль должен осуществляться как конституционная юрисдикция, т.е. в рамках судебной процедуры, или надлежащей правовой процедуры в собственном смысле (перед лицом суда носители любых сталкивающихся интересов формально равны).

Во-вторых, и это следует уже из первого условия, исполнительные органы не должны заниматься нормотворчеством, но должны

действовать во исполнение закона и в рамках процедур, установленных законом. Подзаконный нормативный акт, даже если он издан правительством, может иметь юридическую силу лишь постольку, поскольку он издан в рамках полномочий, делегированных законодателем (по конкретному вопросу), и поскольку суд признал этот акт источником права.

В-третьих, разделение властей означает, что противовесом исполнительной власти является власть судебная, независимая от каких бы то ни было государственных органов — законодательных и исполнительных. Она создает гарантии свободы, самостоятельности и собственности постольку, поскольку индивиды (и ассоциации индивидов) выступают в суде как автономные субъекты, обладающие правами и защищенные от узаконенного произвола. В правовом государстве любой спор о праве по желанию одной из сторон может решаться в рамках надлежащей правовой (судебной) процедуры. Административная процедура — это противоположность судебной, так как в рамках этой процедуры стороны спора находятся в отношениях повеления-подчинения, в то время как право предполагает формальное равенство сторон. Эти требования предполагают определенные теоретические представления о соотношении права и государства, представления, отвергающие взгляд на право как на продукт властно-принудительного нормотворчества.

Проблема отношения права и государства — одна из наиболее фундаментальных проблем философии и метатеории права. Известны два варианта принципиального решения этой проблемы. Первый представлен в классическом юридическом позитивизме, ориентированном на социалистическое понятие государства. Понятие права определяется здесь через понятие государства, а государство рассматривается в качестве исключительного источника и метаюридического фактора права (право — это правила, установленные государством, или приказ суверена, верховной политической власти). В рамках же непозитивистского типа правопонимания право считается социальным регулятором, относительно независимым от государства и закона или даже предшествующим закону, например в качестве надъисторического естественного права или в качестве права, социально-исторически обусловленного, рождающегося в объективных общественных отношениях.

Для позитивизма характерна вульгарно-социологическая трактовка государства (хотя в рамках позитивизма разработана и юридическая формально-догматическая конструкция государства). Государство в позитивистской социологической трактовке — это голая *монополия силы*, которая логически и онтически предшествует праву, отождествляемому с законом, *организация власти*, достаточно эффективная на определенной территории.

Напротив, в рамках непозитивистского типа правопонимания формулируются социологические понятия государства совсем иного рода — философско-социологические конструкции. Так, историко-

материалистическая концепция различения и соотношения права и закона, относящаяся к непозитивистскому типу правопонимания, опирается на социально-философскую традицию в осмыслении государства, традицию, которая начинается еще с различения государства и деспотии в политической мысли античности. Государство — это не голая монополия силы, это организация публичной политической власти, производная от гражданского общества, от социально-экономических и культурно-духовных отношений в обществе и в частности от отношений свободного эквивалентного обмена. Это организация власти, вырастающая над гражданским обществом и вместе с тем в соответствии со своим естественноисторическим назначением обслуживающая потребности саморазвивающегося гражданского общества и так или иначе ему подконтрольная.

Государство как аппарат является силой, относительно самостоятельной по отношению к гражданскому обществу. Государственный аппарат привносит в структуру социальных интересов свои корпоративные интересы. Более того, в конкретном государственно-организованном обществе корпоративные интересы бюрократии могут в той или иной мере противоречить интересам экономически господствующего класса, различных социальных слоев и даже общества в целом. Но именно постольку, поскольку это общество государственно-организованное, а не подавляемое бесконтрольным аппаратом насилия, оно формирует структуры публичной политической власти таким образом, чтобы в определенной, хотя бы минимальной, мере обезопасить себя от произвола носителей публично-властных полномочий, от вырождения государства в деспотию.

Если же тем не менее политическая власть подавляет естественно возникающие социальные интересы, осуществляет насилие над гражданским обществом, разрушает складывающиеся естественноисторически и формирует искусственные социальные структуры, то это уже не государство и не государственно-организованное общество, а просто политическая организация, обладающая монополией силы на определенной территории, подменяющая объективный порядок общественных отношений произвольным. Нормальное соотношение общества и государства как бы переворачивается с ног на голову: не государство производно от общества с его потребностями, а произвольно формируемые общественные отношения оказываются производными от организации политического насилия, которая лишь имитирует государство и право («право» в таком «государстве» тождественно силе).

Отказ от вульгарно-социологической трактовки государства позволяет разграничивать государственность и тоталитаризм. Первая предполагает онтическую зависимость публично-политической власти от гражданского общества, саморазвивающегося и всегда в какой-то мере саморегулирующегося. Второй характеризуется политической властью, отрицающей механизм саморазвития и саморегуляции общества, который полностью политизируется и «поглощается» тоталитаризмом.

литарным режимом. В условиях тоталитаризма государство подменяется административно-командной системой тотального регулирования — планирования, распределения, контроля и т.д. Исходящие от этой системы приказные, властно-принудительные акты в принципе произвольны, хотя и претендуют на то, чтобы их именовали правом.

Таким образом, между позитивистской и историко-материалистической трактовками государства существует принципиальное различие. Соответственно мы имеем дело и с принципиально различными понятиями права, и с принципиально различным контекстом осмысления проблемы соотношения права и государства. С позиций юридического позитивизма право производно от государства по определению. Напротив, в историко-материалистической концепции различения и соотношения права и закона государство и право признаются относительно независимыми друг от друга и в равной мере онтически производными от объективных отношений, складывающихся в гражданском обществе; причем правовыми признаются прежде всего отношения свободного эквивалентного обмена, составляющие часть объективных экономических отношений, а государство, таким образом, оказывается институцией не столько устанавливающей, сколько фиксирующей и формулирующей право. Государство творит законы, но творит их в соответствии с объективными требованиями развития свободы в общественной жизни — поскольку это именно государство, а не административно-командная система, осуществляющая насилие над гражданским обществом. Право производно от государства лишь в том смысле, что государство своей силой защищает и гарантирует правоотношения. Вместе с тем политическая организация силы является государством постольку, поскольку это сила, защищающая естественноисторически складывающееся право и ограниченная этим правом. Государство — не государство, если его институты и функции не ограничены объективной мерой свободы, обуславливающей содержание права. «В этом смысле любое государство связано правом в меру его цивилизованности, развитости права у соответствующего народа и общества» [там же, с.58-59].

С позиций классического юридического позитивизма связанность государства правом — это нонсенс. Между тем в рамках позитивистского типа правопонимания разработана юридическая теория государства, доведенная до логического завершения в учении Х. Кельзена. Здесь понятие государства сводится к формально-логической системе норм, устанавливающих организацию и функционирование публично-политической власти как «чистое» должное, производное лишь от высшей нормы должного. Фактически позитивистская юридическая теория государства отождествляет его с одним из горизонтальных срезов действующей в данной стране системы законодательства.

Отсюда пристокает позитивистская конструкция «правового государства», в СССР известная под названием «государство законности». Позитивистское юридическое понятие государства создает лишь

иллюзию связанности государства правом. Под правом подразумевается закон, который устанавливается государством произвольно, точнее, вопрос о соответствии закона объективным дозаконотворческим и незаконотворческим требованиям объявляется не имеющим отношения к понятию права и, следовательно, «правового государства». Получается, что власть в лучшем случае связана законом («в лучшем» — поскольку она может произвольно изменять закон), но не правом, выражающим объективную меру свободы. Позитивистская трактовка правовой государственности не способна объяснить различие между требованиями связанности государства правом и связанности деспотического режима собственным произволом.

Позитивизм, социологический и юридический, оказал существенное влияние на социологическую теорию марксизма-ленинизма, особенно на советскую юридическую науку. В 30—40-е годы сформировалась советская «позитивистско-марксистско-ленинская» школа права, которая до сих пор удерживает господствующие позиции в СССР. Причина вытеснения историко-материалистического правопонимания позитивистским, причем далеко не в лучшем варианте, заключается, в частности, в подмене советской государственности и правовой системы тоталитарным режимом и административно-командной системой, в догматических представлениях о диктатуре пролетариата как о «полугосударстве», представлениях об отрицании государства и права после социалистической революции, а также в стойком правовом нигилизме, который коренится отчасти в этих представлениях, отчасти в традициях российского массового сознания.

Конечно, основные постулаты «позитивистско-марксистско-ленинской» доктрины (производность права от государства, формирование должного порядка общественных отношений властно-принудительными актами и т.д.) исключают даже подобие тех требований к государству, которые были сформулированы в начале параграфа. С такой теоретической позиции максимальное ограничение политической власти мыслится всего лишь как требование легальных оснований функционирования административно-командной системы в так называемом «государстве законности». Любые представления о праве, не установленном государством, т.е. о праве (особенно о правах человека и гражданина), которое служит «внешним» ограничителем государственности, отрицаются.

Напротив, требование господства права в первую очередь предлагает закрепление в законе таких норм, которые обеспечивают «совместное гражданско-политическое существование *на началах личной свободы и при минимуме карательного насилия*» [Э.Ю. С о л о в ь е в. Личность и право. — «Вопросы философии», 1989, № 8, с.79]. Следовательно, речь идет о нормах, которые возникают в объективных дозаконотворческих отношениях, т.е. о праве, которое объективно складывается в свободных экономических отношениях обмена, или о *гражданском праве*.

Естественно, в СССР, как и во всех более или менее цивилизованных странах, есть гражданское законодательство, содержащее самые настоящие нормы гражданского права. Но парадокс заключается в том, что в смысле императивов господства права гражданского права в СССР фактически нет. Гражданское право попросту не применяется в основной совокупности отношений обмена, во всяком случае, до последнего времени почти не применялось. И здесь нет ничего удивительного, ибо гражданское право может действовать лишь в саморазвивающемся и саморегулирующемся гражданском обществе, но не в обществе, которое подавляется административно-командной системой тотального регламентирования. Гражданское право предлагает наличие *субъектов права*, т.е. автономных субъектов, свободных и самостоятельных участников обмена. Но в СССР отношения обмена складывались и осуществлялись главным образом в сфере государственной, бюрократически централизованной собственности, где нет субъектов права, а есть лишь субъекты административного подчинения.

Поэтому гражданское право фактически подменяется так называемым «хозяйственным правом» — хаотическим необозримым множеством приказных актов, которые издаются всевозможными правительственно-административными органами, органами хозяйственного управления. Эти акты детально регламентируют деятельность административно подчиненных субъектов хозяйствования. В частности, они предписывают, кто, где, когда и как вправе и одновременно обязан (!?) руководствоваться теми или иными нормами гражданского права. «Хозяйственное право» выхолащивает самое суть гражданского права — свободу договора в рамках закона, формальное равенство, независимость сторон экономического отношения друг от друга.

В той незначительной мере, в которой отношения социального обмена были возможны между индивидами, гражданское право применялось. Сегодня сфера его применения несколько расширилась: в СССР легализована индивидуальная трудовая деятельность, легализованы новые формы кооперативной собственности. Однако административно-командная система стремится охватить своими детальными предписаниями все сферы деятельности и в индивидуальном, и в кооперативном секторах экономики, которые и без того пока еще находятся в зачаточном состоянии.

Таким образом, приведение гражданского законодательства в соответствие с господством права — это проблема не столько правовой реформы, сколько реформы собственности. Последняя предполагает прежде всего децентрализацию, деэтактизацию собственности и легализацию плюрализма всех форм собственности, возникающих естественным путем.

Далее, господство права означает, что процессуальное, уголовное, административное и особенно конституционное законодательство строятся в соответствии со своим объективным назначением в гражданском обществе и государстве. Здесь понятия свободного экви-

валентного обмена и формального равенства сами по себе мало что объясняют. Право в названных отраслях законодательства по своему объективному назначению должно *обеспечивать* нормальное правовое общение в сфере гражданского права — прежде всего за счет создания формально-юридических и институциональных гарантий свободы. Иначе говоря, эти отрасли права должны обеспечивать свободное существование человека в обществе, а конкретно — ту меру свободы, которую предполагает автономность, объективная правосубъектность человека, производная от его участия в объективно складывающихся отношениях свободного эквивалентного обмена. Это означает, что те нормы права, которые не опосредствуют объективные экономические отношения (т.е. в отличие от норм гражданского права не даны в готовом виде еще до их формулирования законодателем), тем не менее не «изобретаются» законодателем, но так или иначе предопределяются объективными требованиями свободы применительно к регулируемой сфере общественных отношений, требованиями гарантий определенной меры свободы. Содержание этих требований постоянно прогрессирует и обусловлено достигнутым уровнем естественноисторического развития общества.

Отсюда следует, что феноменалистический аспект права не исчерпывается нормой, правилом должного, выраженным в законе или дозаконотворческом отношении (договоре). В процессе формирования материальных условий жизни, расширяющих необходимую меру свободы человека в обществе, мера эта находит выражение в объективных дозаконотворческих требованиях, притязаниях субъекта, которые проявляются в правосознании, а затем институционализируются в качестве основных субъективных (естественных) прав, сегодня общепризнанных в качестве прав человека и гражданина. Содержание этих прав — минимальная неотъемлемая мера свободы, определяющая в основном статус автономности индивида, его правосубъектность в индивидуальном и постиндустриальном обществе.

Я предпочитаю рассматривать права человека и гражданина как безусловные субъективные права, или как притязания на *«безусловное общественное дозволение* известных элементарных условий граждански-политического бытия». Это притязания одной из сторон конституционного юридического отношения между человеком (гражданином) и государством, направленные другой стороне, несущей бремя обязанностей в связи с этими притязаниями. В соответствии с этим «правоотношением» законодатель обязан зафиксировать в конституции безусловные субъективные права как минимальную, неотчуждаемую меру свободы и конкретизировать эту меру свободы как на уровне конституционного права, ограничивая ею любые полномочия государственных органов, так и во всех остальных отраслях законодательства, ориентированных на господство права. Конституционные, уголовные, процессуальные и административные законы должны иметь правовой характер за счет того, что в них устанавливаются

формально-юридические гарантии автономии субъекта, следовательно, гарантии правосубъектности индивида.

Как уже говорилось ранее, признаки права раскрываются в объективных правоотношениях. Вместе с ними раскрываются и признаки правосубъектности. Это признаки, характеризующие автономию субъекта, которые сводятся в основном к следующему:

1) достаточная с точки зрения потребностей субъекта сфера свободной социальной активности;

2) вступление субъекта в отношения обмена в качестве независимого товаровладельца — либо в качестве собственника, либо в качестве самостоятельного субъекта хозяйствования.

Иначе говоря, признаки правосубъектности «разворачивают» требование гарантий свободы в требование гарантий свободы, самостоятельности и собственности. Отсюда проистекает принципиальный вывод для концепции социалистического правового государства: в любом правовом государстве, будь то государство социалистическое или просто современное социальное правовое государство, должно быть надежно гарантировано то, что по традиции именуется «частной сферой», хотя сегодня уже ясно, что в современном обществе «частная сфера» все больше социализируется, становится ареной деятельности не столько отдельных индивидов, сколько коллективов, ассоциаций индивидов. Важно подчеркнуть, что «социалистичность» правового государства не лишает правовые законы их объективного назначения. Эти законы — конституционные, уголовные и т.д. должны:

1) четко определять границы свободной социальной активности, в сферу которой вмешательство официальных органов или частных лиц не допускается;

2) обеспечивать административную и, главное, судебную защиту интересов субъекта в случае вмешательства этих органов и лиц;

3) предоставлять индивиду и ассоциациям индивидов достаточные возможности воздействия на органы власти и особенно на законодателя, дабы субъекты права могли эффективно контролировать надлежащий (с точки зрения их притязаний) характер гарантий своей правосубъектности.

Советское же законодательство, сложившееся в условиях подавления гражданского общества административно-командной системой тотального регламентирования, далеко не соответствует объективному назначению отраслей права. Прежде всего речь идет о конституционном праве — этом чистом воплощении формально-юридических гарантий свободы, самостоятельности и собственности. В советских Конституциях прежде не было надлежащих гарантий собственности. В Конституции СССР 1977 г. политическая свобода гарантируется с оговоркой — «в целях укрепления и развития социалистического строя»; между тем многие десятилетия «социалистическим строем» именовался тоталитарный режим, исключающий любые формы политической свободы. Да дело даже и не в этом. До недавнего времени конституционное законодательст-

во было просто фикцией, парадным прикрытием тоталитарного режима и антиконституционных структур власти.

Особое значение имеет процессуальное (судебное) право. Нормы процессуального права должны устанавливать надлежащую правовую процедуру регулирования сталкивающихся социальных интересов, смысл которой заключается в обеспечении формального равенства сторон конфликта. В правовом государстве несоблюдение норм процессуального права влечет за собой недействительность судебных и полицейских акций. При тоталитарном же режиме смысл процессуального закона извращается, нормы права подменяются дозволениями полицейского произвола и внесудебной расправы. Сегодня в СССР таких крайних извращений процессуального закона уже нет. Но также нет и надежных гарантий соблюдения таких фундаментальных принципов процессуального права, как презумпция невиновности, неприкосновенность личности, допустимость доказательств, независимость судей и т.д.

Формально-юридические гарантии свободы, самостоятельности и собственности невозможны без уголовного и административного права. Нормы уголовного права угрозой наказания защищают индивида от посягательств на его жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство, собственность, защищают его неприкосновенность — духовную и физическую, неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции и т.д. Конечно, уголовный закон должен защищать и другие устои общества и государства (моральные устои, демократический конституционный порядок, независимость суда и т.д.) и вообще устанавливать наиболее важные запреты общественно вредного. Но свое оправдание уголовное право имеет только в том случае, если оно защищает индивида, причем не только в качестве субъекта права, но и в качестве просто человека, живущего в обществе себе подобных. При тоталитарном же режиме уголовный закон прежде всего выполняет функции подавления личности и внеэкономического принуждения к труду и тем самым охраняет систему политического господства тоталитарной бюрократии от вызревания в обществе саморегулирующихся структур и механизмов. Элементы такого уголовного законодательства сохраняются в советском уголовном законе до сих пор. Существует, например, уголовная ответственность за «тунеядство», за «нарушение паспортного режима». На этом фоне отродно отметить, что в 1983 г. провалилась попытка установить уголовную ответственность за «дискредитацию» некоторых государственных органов и должностных лиц.

Как известно, смысл административного права заключается в установлении полицейских полномочий, направленных на защиту прежде всего тех же благ, которые охраняются правом уголовным. Это специфическая отрасль права — полицейские полномочия (а по своей природе полицейские полномочия суть противоположность правового общения), дозволенные правом. Следовательно, административное вмешательство недопустимо там; где осуществляется нор-

мальное правовое общение. Административное ограничение свободы индивида возможно лишь как реакция на его действия, нарушающие права других лиц или порядок правового общения. В условиях же тоталитарного режима административного *права* не существует, ибо это режим административных полномочий, не ограниченных правом. При тоталитарном режиме право вообще вытесняется приказными нормами, социальное регулирование осуществляется как тотальное администрирование. К сожалению, это административно-командное наследие тоталитаризма сохраняется в СССР до сих пор. В частности, выше уже говорилось о подмене гражданского права так называемым «хозяйственным правом».

Особый вопрос — о трудовом и социальном законодательстве. По своему замыслу трудовое законодательство должно строиться на основе признания договора найма рабочей силы (трудового договора) специфическим соглашением, которое не является договором в собственном смысле. Это не договор формально равных сторон. Одной из сторон трудового договора — рабочему — законом гарантируется заключение договора на таких условиях, которые обеспечивали бы его социальную защищенность и соответствовали стандартам уровня жизни в данном обществе. Таким образом, налицо очевидная социальная направленность трудового законодательства.

Тоталитаризм — это «подмена государственных форм и внутренне необходимо связанных с ними правовых норм, процедур и т.п. иными (экстраординарными, опирающимися на прямое насилие или угрозу его применения) политико-властными структурами, институтами, нормами. Свою неполноценность тоталитаризм как узурпация и извращение суверенной власти компенсаторно прикрывает выхолощенными, по преимуществу вербальными, конструкциями и формами, имитирующими государственно-правовой порядок. Но эта внешняя государственно-правовая атрибутика (все эти традиционные государственные названия властных учреждений, юридические наименования принудительных актов и т.д.) не меняет сути дела — принципиальной несовместимости тоталитаризма с началами права, с идеологией и практикой государственного суверенитета» [В.С. Н е р с е я н ц. Концепция советского правового государства... , с.51].

... Вот образец рассуждений в духе позитивистской конструкции связанности государства правом: «Тот факт, что нормы права исходят от государства... не противоречит положению о связанности органов государства этими нормами. Речь идет не о подчинении органов государства каким-то абсолютным правовым принципам, а о связанности государственных органов нормами *действующего* права... Конечно, высшие органы государственной власти вправе издавать *любые* юридические акты. Никакой ранее изданный закон не связывает органы государственной власти в том смысле, что любой закон, включая конституционный, в установленном порядке может быть отменен или ис-

правлен» [С. С. А л е к с е е в. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с.189].

На мой взгляд, к безусловным субъективным правам не относятся права социально-экономические. Последние суть не требования условий свободной самореализации личности, а притязания на обладание социальными благами, обеспечивающими существование, соответствующее человеческому достоинству, в условиях современной цивилизации. Как известно, социально-экономические права реализуются в зависимости от реальных возможностей конкретной страны и от политики конкретного правительства. Таким образом, безусловными эти права назвать нельзя, и условия реализации этих прав мало зависят от самих конкретных субъектов.

По существу трудовое законодательство — это инструмент административной защиты наемного рабочего от произвола работодателя. Но при тоталитарном режиме извращается сущность и трудового законодательства. Оно меняет свою социальную направленность на противоположную, защищает интересы работодателя, в роли которого выступает административно-командная система. Фактически оно используется для принудительной организации труда, сводит к минимуму возможности миграции рабочей силы, устанавливает типовые условия трудового договора в пользу работодателя и лишает трудящихся возможности легально отстаивать свои экономические интересы. Принципиальные изменения советского трудового законодательства начались в 1989 г. с легализации забастовок.

Что же касается социального законодательства, то, во-первых, в СССР оно «развито» настолько, что порождает иждивенческие настроения в обществе и разрушает механизмы распределения социальных благ в рамках правового общения, эквивалентного обмена: слишком много «дается бесплатно», хотя «бесплатность» эта мнимая, она существует за счет всеобщей искусственно заниженной оплаты труда в государственном (фактически господствующем) секторе экономики. Во-вторых, социальное законодательство строится как тотальная система привилегий в духе уравниловки, о чем уже говорилось в первом разделе.

В конечном счете приходится сделать вывод, что так называемая «правовая система реального социализма» в том виде, в каком она сложилась в СССР, в действительности *правовой* системой не является. Социальное регулирование по принципу права, т.е. то, что является первым признаком правовой государственности, подавляется в законодательстве и особенно в практике применения законов принципом уравнилельной регуляции. Соответственно и гарантии свободы, самостоятельности и собственности либо ущербны, либо находятся в зачаточном состоянии. В общем и целом подавление правовой регуляции уравнилелькой проявляется в способе разграничения «позитивной и негативной социальной активности».

Вначале нужно пояснить, что при правовой регуляции этот способ разграничения заключается прежде всего в надлежащем установле-

нии запретов общественно вредного, а дозволения используются для ограничения правом властно-приказных, административных отношений, для легализации применения силы. Дозволения используются и для провозглашения незыблемости минимальной неотчуждаемой меры свободы. Но если рассматривать право в плоскости отношений свободного эквивалентного обмена, в которые вступают формально равные субъекты, то здесь определяющую роль играют, конечно, запреты. Напротив, при уравнительной регуляции используются главным образом не запреты, а дозволения, о чем будет сказано ниже. Конечно, применительно к СССР речь должна идти о *преимущественно* уравнительном способе регуляции, о сочетании правовых, например уголовно-правовых, запретов с дозволениями уравниловки, которыми подменяется свободный эквивалентный обмен.

Как известно, принцип «незапрещенное разрешено» имманентен правовой регуляции. Если люди признаются свободными и формально равными друг другу, то они вступают в отношения между собой, руководствуясь не чьими-то дозволениями, а своей собственной волей, и фиксируют результат согласования воли в договоре. И правовой закон, устанавливающий меру свободы, устанавливает ее не путем дозволений, а путем запретов общественно вредного; в противном случае закон не будет правовым, ибо закон, регулирующий отношения формально равных сторон путем дозволений, тем самым отрицает изначальную свободу субъекта, автономность субъекта и вообще отрицает правосубъектность. Следовательно, запрет — это основной способ правовой регуляции, или собственно правовой способ разграничения позитивной и негативной социальной активности. Принцип «незапрещенное разрешено» — это основной элемент правосубъектности. Если субъект в каких-то отношениях не может руководствоваться этим принципом, то в этих отношениях субъект выступает не в качестве субъекта права, а как субъект властно-приказных отношений. В этих отношениях он обязан выполнять адресованные ему предписания и совершать те акции, которые ему дозволены.

Итак, меру свободы, которая, как уже говорилось, составляет сущность права, можно нормативно выразить, лишь исходя из того, что изначально все разрешено, ибо речь идет о свободе в отношениях эквивалентного обмена. Иначе говоря, максимальную меру свободы можно выразить лишь через запрет того, что противоречит свободе человека в данном конкретном обществе. Напротив, меру уравниловки можно нормативно выразить, лишь исходя из того, что существует некая заданная социальная структура, в которой обеспечивается некая социальная справедливость и которую поэтому надлежит тщательно сохранять от изменений, а также исходя из того, что любая свободная социальная активность изначально запрещена, поскольку свободная активность неминуемо будет разрушать жестко заданную социальную структуру. Иначе говоря, «меру уравниловки можно нормативно выразить лишь установлением соответствующей ограниченной меры того, что дозволено (разрешено), и запрещением (пря-

мым и косвенным) всего остального, так или иначе выходящего за узкие рамки прямо дозволенного. Таким образом, минимум дозволенного и максимум запрещенного — необходимое проявление существа уравнилельной регуляции, а вовсе не чей-то субъективный произвол» [В. С. Н е р с е с я н ц. Концепция советского правового государства..., с.64].

Уравнилельная регуляция преимущественно ориентируется на принцип «неразрешенное запрещено» (хотя здесь нередко используются прямые произвольные запреты, они лишь дублируют исходный основополагающий запрет). Это естественно, ибо там, где люди свободны делать все, что не запрещено, они формально равны, и через это формальное равенство в социальной структуре воспроизводится неравенство фактическое. В частности, социальный статус субъекта уже не может быть жестко заданным, в значительной мере он определяется способностями конкретного субъекта и реальными результатами его трудовой активности. Но именно против этого протестует уравниловка. Один из исходных постулатов уравниловки — это гарантирование всем индивидам некоего, хотя бы минимально приемлемого, уровня жизни, но не путем установления социальных гарантий для тех, кто оказывается в невыгодном положении в отношении свободного эквивалентного обмена, а путем ликвидации самих отношений свободного эквивалентного обмена. Поскольку эти отношения не дают никаких гарантий социальной защищенности, а, наоборот, служат источником развития и, следовательно, нестабильности социальной структуры, уравниловка стремится вообще устранить эти отношения из жизни общества. Поэтому при уравнилельной регуляции изначально запрещена любая свободная, т.е. прямо не дозволенная, социальная активность. Причем дозволения осуществляются с таким расчетом, чтобы дозволенная активность не разрушала заданную социальную структуру.

В СССР до сих пор преобладает уравнилельная социальная регуляция. Отношения в сфере обмена материальных и духовных благ, прежде всего экономические отношения, опосредуются главным образом властно-приказными, административными актами и регулируются путем дозволений. Позитивная и негативная социальная активность разграничиваются преимущественно способом, характерным для уравнилельной регуляции и нацеленным на сохранение существующей искусственной социальной структуры и присущей ей системы политического господства бюрократии (хотя эта система существенно пошатнулась). Позитивная активность отграничивается от негативной не столько правом, которое должно четко и прямо запрещать все негативное и тем самым косвенно признавать все остальное в качестве позитивного, сколько бюрократией, правительственно-административными органами и должностными лицами, дозволяющими лишь то, в чем они не усматривают угрозы своему господствующему положению. Поэтому эти «дозволяющие» органы и официальные лица объективно выступают в качестве консервативной

силы, сдерживающей общественный прогресс. Напротив, право с его запретами общественно вредного является необходимым условием общественного прогресса, ибо только правовая, опосредованная и косвенная форма признания и защиты общественно полезного создает простор для творчества, движения общества к новому, еще не известному.

Господство права предполагает такой механизм регулирования, при котором позитивная социальная активность не ограничивается жесткими рамками императивных норм и конкретно регламентируется преимущественно договором, стороны которого самостоятельно определяют его содержание в рамках свободы выбора, вытекающей из закона. Поэтому основополагающую роль в нормативном регулировании отношений между субъектами гражданского общества «по горизонтали» должен играть правовой запрет. Напротив, в отношениях «по вертикали», во властно-приказных отношениях определяющим должно быть правовое дозволение, устанавливающее компетенцию и полномочия государственных органов и должностных лиц.

Запрет общественно вредного как косвенная форма официального признания общественно полезного ограничивает максимально возможную меру свободы субъектов гражданского общества. Минимальная же мера их свободы косвенно устанавливается теми дозволениями, которые даются государственным органам и должностным лицам для осуществления публично-властных полномочий. Государственные органы и должностные лица могут ограничивать своими действиями меру свободы субъектов гражданского общества только в тех пределах, в которых эти действия дозволены законодателем. Применение силы за пределами дозволенного является произволом. Поэтому субъекты гражданского общества свободны делать по меньшей мере то, во что не вправе вмешиваться государственные органы и должностные лица, но не более того, что ограничено официальным запретом общественно вредного. В правовом обществе и правовом государстве физические и юридические лица в отношениях социального обмена свободны делать все, что не запрещено правом. Когда же они выступают в роли подчиненных субъектов властно-приказных отношений, они свободны от вмешательства в их деятельность со стороны вышестоящих субъектов за пределами дозволенного вмешательства и располагают гарантиями против такого вмешательства.

Отсюда вытекают две основные аксиомы господства права. В отношениях формально равных субъектов действует аксиома: «Все, что прямо не запрещено правом, разрешено». В отношениях повеления-подчинения, в которых такого равенства, естественно, не существует, действует другая аксиома: «Вышестоящему субъекту запрещено все, что прямо не разрешено правом».

Следует различать формулировки: «разрешено правом» и «разрешено законом». Когда речь идет о праве, то, во-первых, подразумевается юридический закон, который прямо или косвенно обеспечивает и защищает правосубъектность, автономию субъекта. Во-вторых, те до-

зволнения, которые позволяют правительственно-административным органам ограничивать права человека и гражданина, суть не что иное, как узаконенный произвол. Что касается правовых запретов, то, естественно, в законе нельзя перечислить все запреты раз и навсегда. Право, как и жизнь, не стоит на месте. Поэтому в правовом государстве суд может устанавливать или, наоборот, смягчать ранее установленный запрет общественно вредного, исходя из имплицитных правовых принципов, лежащих в основе существующих законодательных запретов.

Как известно, основные права и свободы человека и гражданина фиксируются в конституционном праве в качестве дозволений. Эти дозволения имеют особую природу, они служат ядром правовой системы, поскольку очерчивают минимальную неотчуждаемую меру свободы человека и гражданина. Их формулирование в конституции служит косвенным ограничением того, что может быть дозволено правительственно-административным органам и даже законодателю.

Объективно обусловленная мера свободы вытекает из потребностей членов общества и общества в целом, потребностей, определяемых ходом общественного прогресса. Законодатель, устанавливающий меру публично-властных полномочий, особенно компетенцию правительственно-административных органов, должен стремиться к адекватному выражению современных потребностей свободного общественного развития. Что же представляет собой объективно обусловленная мера свободы в сегодняшнем советском обществе, хотя бы в самых общих чертах?

Прежде всего эта мера свободы требует надежных гарантий социально-политического плюрализма, что является необходимым условием свободного демократического развития. Патерналистские бюрократические структуры должны остаться в прошлом. Тоталитарная бюрократия и ее «наследники» продемонстрировали свою некомпетентность в управлении современным обществом, привели страну к кризису в материальной и в духовной сферах. Слишком долго интересы бюрократии выдавались за интересы социализма, слишком долго мнения, рождавшиеся в структурах бюрократического аппарата, считались единственно верными мнениями о путях и способах развития социализма. Происходящее ныне крушение режимов, основанных на сталинистской или неосталинистской модели общественного устройства, свидетельствует о принципиальной несовместимости бюрократического социализма с общественным прогрессом. Сегодня в законе должны быть исключены любые полномочия бюрократии ограничивать свободу выражения мнений.

Второе основное требование — снять все запреты, которые препятствуют неограниченному производству социальных благ, пользующихся спросом в обществе. Сегодняшнее советское общество — это общество с тотальным дефицитом социальных благ.

Существующие бюрократические механизмы распределения социальных благ по уравнительному «лимиту» и по системе привилегий не имеют ничего общего со свободой и самостоятельностью участников эквивалентного обмена. Распределяющая бюрократия экономически и политически заинтересована в сохранении дефицита и существующих механизмов его распределения, поскольку в этом заключается источник реальной власти бюрократии. Именно эти механизмы, а не «отрицательные» качества отдельных чиновников делают определенную часть советской бюрократии тормозом перестройки. Таким механизмам имманентны всевозможные ограничения социально-хозяйственной деятельности, недоступной бюрократическому контролю, хотя эта деятельность порождается спросом на дефицитные социальные блага и уже поэтому она не может быть общественно вредной. Все эти ограничения обусловлены стремлением бюрократии сохранить в своих руках экономические рычаги власти. В новейших социально-экономических программах развития ставятся такие цели, как формирование рынка средств производства, переход к рыночным механизмам распределения социальных благ и т.п., но ни для кого не секрет, что реализация этих государственных программ вменяется в обязанность той самой хозяйственной бюрократии, функции которой отрицают любые рыночные отношения.

Третье требование объективной меры свободы в современной советской действительности — деэтактизация собственности и создание на такой основе материальных гарантий экономической свободы индивида, гарантий для формирования саморазвивающегося гражданского общества, состоящего из экономически и юридически самостоятельных субъектов. Это требование гарантий плюрализма собственности. Оно означает слом существующей экономической системы, в рамках которой бюрократия является фактическим хозяином общественного достояния, и формирование новой, открытой экономической системы, развивающейся естественным путем в процессе экономического соревнования различных форм собственности.

Существующая экономическая система, сохранившаяся в основных чертах со времен жесткого сталинского тоталитаризма, всегда поддерживалась главным образом путем внеэкономического принуждения. И сегодня она сохраняется постольку, поскольку иная экономическая система «не дозволена», поскольку пока еще деэтактизация собственности (формирование групповой и индивидуальной собственности, производящей товар и приносящей прибыль) допускается в крайне незначительном и жестко ограниченном объеме — хотя административно-командная модель экономики уже давно продемонстрировала свою бесперспективность.

Итак, формирование гражданского общества и, соответственно, правового государства предполагает формирование собственности, принадлежащей непосредственно производителям и потребителям со-

циальных благ. Объективные предпосылки такой собственности налицо: прежде всего это невозможность надлежащего материального стимулирования трудовой активности в рамках экономической системы, функционирующей на основе внеэкономического принуждения. Однако процесс формирования такой собственности зависит не только от объективных, но и от субъективных предпосылок. И если объективные предпосылки не вызывают сомнений, то о достаточных субъективных предпосылках говорить пока еще нельзя. Речь идет и о подготовленности субъекта к роли собственника, и о стремлении субъекта стать самостоятельным субъектом хозяйствования.

Дело в том, что существующая экономическая система создавалась ради поддержания искусственной социальной структуры уравниловки. Естественно, что слом этой системы повлечет за собой и разрушение старой социальной структуры, на смену которой должна прийти динамичная социальная структура саморазвивающегося гражданского общества. Но старая социальная структура закономерно порождала и воспроизводила такой социальный тип субъекта, который нуждается не столько в самостоятельности, сколько в патерналистской опеке. И представители такого социального типа отнюдь не стремятся стать автономными субъектами саморазвивающегося гражданского общества. Далеко не все индивиды, так или иначе инкорпорированные в социальную структуру уравниловки, отвергают сегодня модель патерналистского государства. Многие стремятся лишь к тому, чтобы приобрести более выгодный статус в рамках старой социальной структуры, а поэтому отвергают новые отношения собственности и формы хозяйствования, обесценивающие существующую иерархию социальных статусов.

Таким образом, мы сталкиваемся с наиболее фундаментальной, на мой взгляд, проблемой становления правовой государственности в СССР. С одной стороны, существует экономическая система абстрактно всеобщей («ничейной») собственности, обслуживающая социальную структуру уравниловки, и в этой социальной структуре находит благоприятную почву идеология социально-политического патернализма. С другой стороны, императивы общественного развития, в частности развития производительных сил, объективно требуют замены этой экономической системы новой, открытой плюралистической системой собственности, которой соответствует динамичная социальная структура гражданского общества, над которым в свою очередь вырастает правовое государство, отрицающее патерналистскую идеологию. Проблему эту можно назвать проблемой неподготовленности социального субъекта к жизнедеятельности в условиях саморазвивающегося гражданского общества или проблемой восстановления человеческой природы, извращенной в условиях тоталитаризма.

В данном контексте речь идет о социальной активности, которая официально признается позитивной или негативной, но не о том, как

эта активность реально соотносится с потребностями общественного развития.

«Дело в том, что вообще при дозволительном (разрешительном) методе регуляции прямо и непосредственно, жестко и конкретно устанавливаются строго определенные содержание и объем дозволенного. Цель такой регуляции — отбор и допущение чего-то из сферы уже заранее данного в качестве положительного... новое в принципе здесь находится под запретом как нечто негативное...» [В. С. Н е р с е я н ц. Концепция советского правового государства..., с.64].

Становление новой политической системы: власть, партия и право

Сама постановка вопроса об обновлении существующей и формировании новой политической системы вызвана к жизни кризисом власти. Начали давать сбои основные государственно-правовые и политические институты, которые обеспечивали функционирование административно-командной системы. Стала очевидной нежизнеспособность политической системы, в которой органы государственной власти и управления служат лишь декорацией, а подлинная власть на всех уровнях принадлежит партийным органам. В итоге государственные органы, которые юридически должны и имеют право принимать соответствующие решения, а также несут по закону ответственность — фактически за их непринятие и несоблюдение отвечать не могут, так как решения принимаются не ими. Партийные же органы, которые фактически все решают, юридически ни за что не отвечают, т.к. не обладают правом принятия соответствующих решений.

Результат известен — всеобщая безответственность, принятие абсурдных и опасных для жизни государства и общества решений и т.д.

Законодательная, исполнительная и судебная власти дополняются в нашей системе четвертой властью (властью партии), в результате чего основополагающий принцип правового государства — принцип разделения властей, и само существование каждой из этих властей — приобретает фиктивную окраску. И здесь давно уже пора бы следовать библейской истине: богу (читай, партии) — богово, кесарю, т.е. государству и его органам, — кесарево.

Именно к такому выводу пришла XIX партконференция КПСС, записавшая в своих решениях необходимость разграничения функций партийных и государственных органов. Непросто было принять такое, казалось бы, очевидное решение, но еще труднее (встречая ожесточенное сопротивление номенклатурного партаппарата) оказалось его претворить в жизнь на всех уровнях: от района до Верховного Совета СССР и Политбюро ЦК КПСС включительно.

Процесс этот протекает в двух измерениях: сверху принимается решение о внесении изменений в политическую структуру, о создании профессионально работающего парламента, о проведении демократических выборов народных депутатов СССР и т.д.; снизу снова

выдвигается лозунг: «Вся власть Советам!» С формально-юридической точки зрения, выдвижение такого лозунга бессмысленно — ведь по Конституции вся власть в нашей стране и так принадлежит Советам народных депутатов. Но по существу все правильно, если иметь в виду новое содержание этого лозунга: власть, которая сегодня сосредоточена в руках партии, должна перейти к ее законным носителям — Советам народных депутатов, поскольку источником любой власти является не воля партии, а воля народа.

Такая постановка вопроса расценивается догматически настроенными теоретиками и работниками партаппарата как попытка устранения от власти коммунистов, как возврат к лозунгу: «Советы, но без коммунистов!» Между тем речь идет не об устранении компартии с политической арены, а о придании ее деятельности законной (конституционной) формы.

Компартия сегодня превратилась в своеобразную сверхинстанцию (суперведомство — по меткому замечанию одного из журналистов), решающую все вопросы государственной и общественной жизни. Она стоит над законом и руководствуется в своей деятельности не требованиями закона, а своеобразными деловыми обыкновениями (изобретен даже термин «телефонное право»), сложившимися за пределами действия законов. Ведь правового механизма осуществления партией своей руководящей роли в обществе до последнего времени просто не существовало. С этой точки зрения компартия до последнего времени была самой неформальной организацией.

Более того, сама постановка вопроса: партия и право — казалась в наших условиях ненужной, так как руководящая и ведущая роль компартии в жизни общества трактовалась как осуществляемая неограниченно и всеобъемлюще. Сама деятельность партии, ее программные установки и решения предопределяли содержание как законодательной, так и правоприменительной деятельности. Для существующего порядка вещей характерна размытость границ компетенции партийных органов — они занимаются всем: от назначения иерархов церкви до распределения по спискам дефицитных товаров. По кругу выполняемых сегодня функций компартию можно сравнить лишь с канцелярией господ бога.

Партийный монополизм привел к серьезным деформациям в законодательстве и правоприменительной деятельности, породил правовой нигилизм в широких массах населения, но еще более разрушительное действие произвел в самой партии — коррупция, моральное разложение, отрыв партийного аппарата от масс и т.п., серьезно подорвал авторитет партии в народе. Характерно, что во всех социалистических странах сегодня проблемы взаимодействия таких общественно-политических институтов, как партия, власть и право, оказались в центре политической жизни, являются предметом теоретических споров и конкретных политических действий.

В нормальном демократическом гражданском обществе, юридическим эквивалентом которого является правовое государство, не мо-

жет существовать ни одной общественной организации, ни одного должностного или частного лица, не подверженного действию закона, стоящего вне или над законом. Поэтому отказ политической партии от претензий на монополизм власти означает в первую очередь введение всей ее деятельности в рамки закона.

Необходимая предпосылка этого — отмена ст. 6 Конституции, которая объявляет компартию «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций». В силу расплывчатости формулировок (направляющая и руководящая сила, ядро?!) и многолетней традиции указанная статья фактически закрепляет всевластие партии (а на практике — партийного аппарата) в общественной и государственной жизни. Отмена указанной статьи повлечет за собой проведение целого комплекса мер по размежеванию функций государства и партии, по отделению партии от государства.

В первую очередь необходимо провести строгое разграничение партийного и государственного бюджета, ликвидировав как прямые, так и косвенные способы субсидирования деятельности компартии: введение оплаты занимаемых партией зданий и сооружений, принадлежащих государству, установление оплаты государственного персонала (охрана, транспорт и т.п.), используемого для обслуживания партийных органов, отмена передачи средств непартийных изданий в партийную кассу и т.д.

Следующим логическим шагом по размежеванию функций государства и партии явилась бы ликвидация специальных политорганов в армии, МВД, КГБ, на транспорте и т.п. Это позволит ликвидировать дублирование в деятельности выборных органов партийных организаций и специальных политорганов в соответствующих структурах, а также ускорить процесс превращения компартии в политическую партию парламентского типа.

И наконец, завершающим этапом процесса разделения функций партии и государства должно стать принятие закона о партиях, т.е. законодательное оформление многопартийной системы и определение ее роли в функционировании государственных органов в центре и на местах.

Вопрос о взаимоотношениях партии и государства имеет еще одну сторону: кто именно осуществляет руководящую роль политической партии: партия в целом или отдельные ее члены? Вопрос не праздный! Если занятие какой-либо государственной должности обусловлено членством в правящей партии, то это нарушает конституционный принцип равенства граждан перед законом и государством. Неприемлемость для самой правящей партии такой постановки вопроса заключается в опасности проникновения в ее ряды карьеристов, проходимцев и жуликов всех мастей.

Юридическое закрепление роли правящей партии должно обеспечивать ее функционирование именно как определенной политической организации, которая проводит свою политику через своих чле-

нов, избранных в состав представительных органов государства. И необходимо решительное отлучение партии от прямого участия в подготовке и принятии нормативных актов. Подмена государственного законодательства партийным привела к серьезным деформациям всей правовой системы. Во-первых, основное место в системе законодательных актов вместо закона заняли совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть любой том Свода законов СССР, созданного в годы застоя. В том, что большинство актов, помещенных в Свод *законов*, составляют совместные постановления высшего партийного органа и высшего органа исполнительной власти, есть своя логика — высшим законом становятся акты того, кто обладает реальной властью. Наглядное господство партийной и исполнительной власти над законодательной!

Во-вторых, альянс партийной директивы с постановлением правительства привел к размыванию нормативности принимаемых актов, к подмене четких законодательных формул декларациями, призывами, лозунгами и т.д., т.е. к резкому ухудшению качества правовых актов. С этим связана серьезная деформация законности, поскольку ввиду невозможности исполнить расплывчатые формулировки законодательных актов они во все большей степени подменяются циркулярами и инструкциями министерств, ведомств, исполкомов. И здесь своя логика: опору административно-командной системы составляет бюрократия (партийная и государственная), для которой циркуляры, правила, инструкции, распоряжения и т.д. являются и хлебом, и основным результатом жизнедеятельности.

И, наконец, в-третьих, безбрежное море ведомственного и регионального законодательства (более уместен здесь термин «крюкотворство») порождает правовой нигилизм, подмену закона деловыми обыкновениями и как верх циничного отношения к законности рождает народную формулу: судья независим и подчиняется только райкому!

В этих условиях перестройка политической системы административно-командной социализма может быть осуществлена только под флагом утверждения роли и силы закона во всех сферах общественной жизни.

Первоначально (XXVII съезд КПСС) выдвигается формула о том, что никто в обществе не может быть над законом или действовать вне его. Новым в этой формуле является лишь то, что она была распространена и на деятельность компартии. Затем на XIX партконференции КПСС выдвигается идея строительства социалистического правового государства.

Идея правового государства в его социалистической интерпретации сопрягается с общим положением о приоритете общечеловеческих ценностей. Приоритет закона, его верховенство и подчинение его действию всех органов и должностных лиц, недопустимость утверждения прав одних лиц за счет прав других, последовательное

разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, соразмерность взаимных прав и обязанностей государства и граждан выдвигаются в качестве принципов построения социалистического правового государства. Выдвижение, а затем и утверждение этих принципов позволило начать обновление политической системы капиталистического социализма.

Первым шагом на этом пути стало создание новых высших органов государственной власти: съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, сформированных на основе демократически проведенных выборов как органы прямого народовластия. При всех недостатках действующего избирательного закона (выборы от общественных организаций, создание дублирующих друг друга высших правительственных органов и т.п.) впервые в истории нашего государства демократическим путем избраны высшие органы государственной власти и начал свою работу первый советский парламент — Верховный Совет.

Парламентская система управления государством — важнейший элемент на пути создания правового государства. Необходимым условием возникновения независимой законодательной власти является формирование профессионально работающего парламента. Таким парламентом фактически становится Верховный Совет СССР. Однако его положение своеобразно и существенно отличается от парламента в точном смысле этого слова.

В самом деле: наряду с Верховным Советом существует периодически созываемый съезд народных депутатов, компетенция которого полностью перекрывает компетенцию Верховного Совета. Практически это означает, что любое решение, любой акт, принятые Верховным Советом, могут быть перечеркнуты решением съезда (как фактически и произошло на II Съезде народных депутатов).

Парламент — это всегда высший представительный орган государственной власти, и поэтому его решения не могут отменяться или пересматриваться кем-либо. Существующее в законодательстве ряда стран право президентского «вето» на решения парламента объясняется тем, что президент, как и парламента, избирается народом. К тому же президентское вето всегда относительно, так как в случае подтверждения парламентом своего решения оно вступает в силу независимо от него.

С нашим парламентом ситуация другая. Существование двух дублирующих высших органов государства (съезда и Верховного Совета) позволяет руководству манипулировать их деятельностью, проводить через съезд решения, которые не получили поддержки в Верховном Совете и т.п. Ясно, однако, что в результате этого подрывается доверие народа к деятельности своих избранников.

Вопрос этот приобретает особое значение, когда речь идет о введении в стране президентского правления. Для того чтобы предотвратить превращение сильной президентской власти в диктаторский режим, необходима система политических противовесов — независи-

мый парламент, Комитет конституционного надзора, наделенный правом приостанавливать действие президентских указов, система подконтрольных парламенту правоохранительных органов и т.д.

В этих условиях сохранение двусмысленного положения Верховного Совета, чьи полномочия перекрываются полномочиями съезда, таит серьезную опасность для ростков новой демократической системы. Поэтому дальнейшее становление этой системы неосуществимо без внесения в Конституцию изменений, направленных на усиление роли Верховного Совета как профессионально работающего парламента.

Отказ компартии от монополии на власть породил сложнейшую проблему переходного периода — восстановление основных государственных институтов и передачу им реальной власти от партийных органов. Переход от тоталитарной формы правления к демократической таит множество опасностей. И главная из них — возможность образования вакуума власти, заполнение которого в условиях политической нестабильности может приобрести самые неожиданные формы: от демократуры (термин, предложенный известным французским юристом М. Казанова) — своеобразного симбиоза политических сил прошлого и будущего, компромисса между силами демократии и диктатуры — до установления прямой военной диктатуры.

Единственный путь политического и социального обновления общества без насильственного устранения от власти тех, кому она принадлежит, — это путь построения правового государства, поэтапного перехода к демократическим порядкам и воссозданию основных форм жизнедеятельности гражданского общества.

В этих условиях особое значение приобретает содержание понятия «правовое государство», четкое определение тех принципов, руководствуясь которыми нашему обществу предстоит обновить законодательство, основные политические и государственные институты, а также создать механизм перехода к правовому государству.

К числу этих принципов, на наш взгляд, относятся следующие:

1. Конституционное закрепление основных прав граждан, которые не могут быть ни пересмотрены, ни изменены, ни ограничены (прямо или косвенно) никем, включая парламент и президента. Ограничения или изменения указанных прав возможны только в результате прямого волеизъявления народа — путем проведения референдума. Это правило должно быть прямо записано в основном законе — Конституции.

В качестве примера фактического ограничения конституционного права граждан на свободный выбор местожительства можно указать на режим прописки, установленный постановлениями правительства СССР. Аналогичные ограничения конституционных прав граждан на жилище, на получение образования и т.д. существуют в действующих подзаконных актах (например, в правилах приема в вузы). С этими ограничениями казарменного социализма необходимо решительно покончить, реально обеспечив каждому гражданину возможность судеб-

ной защиты своих конституционных прав, а также прямого обращения за их защитой в Комитет конституционного надзора.

2. Установление системы гарантий реального осуществления этих прав, не просто провозглашенных, но заложенных в самую структуру политических и государственных институтов: разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, независимый конституционный контроль, верховенство закона, судебное обжалование действий любого государственного органа и должностного лица и т.п.

3. Недопустимость предоставления прав одним гражданам за счет других, что обеспечивается не просто провозглашением равенства всех перед лицом закона, но и построением самого законодательства без системы льгот и привилегий социального (сословного либо национального) характера. Известно, что действующее в нашей стране законодательство содержит множество такого рода льгот и привилегий — для ветеранов, для членов КПСС, для работников различных ведомств и т.д. Чем быстрее такие льготы и привилегии будут отменены, тем полнее мы сможем осуществить принцип социальной справедливости.

4. Независимость средств массовой информации в определении объема, содержания и характера информации, соединенная с ответственностью перед обществом и законом за дезинформацию.

5. Ответственность всех и каждого перед лицом закона за его строжайшее соблюдение, уважение к закону как элемент реального правосознания и поведения граждан.

6. Последовательное проведение социальной защищенности и социальной справедливости в качестве основополагающих принципов построения законодательства и реальной политики в деятельности правительства и поведении любого должностного лица.

Формирование правового государства — это процесс длительный, сложный и противоречивый. Но первым и самым важным шагом на этом пути является преодоление монопольного положения одной политической партии путем введения всей ее деятельности в рамки закона.

Учреждение президентского правления в стране ставит множество проблем формирования новой системы государственной власти. И в первую очередь — это роль президента в процессе перехода от партийной монополии на власть к многопартийной системе демократического государства.

Многие публицисты и политологи рассматривают введение института президента в нашей стране не как закономерный этап демократизации политической и государственной системы нашего общества, а сквозь призму чрезвычайных обстоятельств как средство наведения порядка, усиления борьбы с преступностью и политическим экстремизмом, достижения социального и национального мира. Именно эти мотивы (тоска по твердой руке и незабываемому порядку) чаще всего звучали в выступлениях народных депутатов в

Верховном Совете СССР и на III Съезде при обсуждении вопроса об избрании президента.

Однако подлинный смысл перехода к президентской форме правления состоит в том, чтобы дать новый импульс дальнейшему обновлению политического и государственного строя. Не недостаток власти и полномочий вызвал к жизни идею президентства, а отсутствие у правящей партии единственно законного источника власти — волеизъявления народа.

Если проанализировать полномочия президента, то они обозначены терминами «обеспечение безопасности суверенитета страны, территориальной целостности Союза», «сохранение конституционного строя», «достижение политической стабильности и защищенности прав и свобод граждан». Иначе говоря, институт президентства рассматривается как средство объединения в единое целое всего многообразия общественных интересов, как способ восстановления доверия между обществом и властью.

Президент в условиях нашего Союза

— это прежде всего координатор, согласовывающий деятельность союзных республик и обеспечивающий достижение общесоюзных целей и интересов;

— это арбитр при возникновении разногласий между республиками, между центром и республиками;

— это гарант прав и свобод всех граждан, независимо от их национальности и местонахождения;

— это посредник в передаче функций государственной власти от партии, в чьих руках они были незаконно сосредоточены, представительным органам государства (Советам всех уровней).

Специфика президентской власти в нашей стране определяется в первую очередь ролью посредника в переходе от тоталитарного к демократическому режиму, в передаче власти от коммунистической партии к Советам, которую он призван выполнить, чтобы не допустить образования вакуума власти, состояния безвластия.

Одна из самых насущных политических задач сегодняшнего дня — проведение в жизнь единой концепции перестройки во всех республиках и регионах страны при существующем в них разнообразии национальных и политических движений и мнений. Президентская власть позволяет создать единый механизм функционирования государственной власти, без чего процесс децентрализации управления всеми сторонами жизни общества грозит перерасти в неуправляемую цепную реакцию распада государственных и политических структур. Таким образом, институт президента в наших условиях должен выполнять функцию централизации политической власти в стране, т.е. опять же ту функцию, которую сегодня выполняют ЦК КПСС, Политбюро и другие центральные органы компартии.

Именно с этих позиций необходимо оценивать реальные причины и подлинную роль президентства в нашей стране — не как одежду с чужого (с западного — по мнению наших консерваторов) плеча, чуж-

дую государственным и политическим традициям России, и не как возврат к традиционно монархическим формам власти. Введение президентского правления — это новый этап демократизации политической и государственной жизни страны, новый шаг по пути к созданию правового государства. Оценивая институт президентской власти, нельзя не учитывать и те конкретные политические условия, в которых она вводится, — условия весны 1990 года.

Что имеется в виду: массовые митинги и демонстрации, разгул межнациональных страстей и столкновений, решение Верховного Совета Литовской ССР о провозглашении государственной независимости и чрезвычайное положение в ряде регионов страны (Душанбе, Азербайджан, Армения, Абхазия и т.д.). В этих условиях на первый план в деятельности первого президента страны выступает забота о поддержании общественного порядка, об обеспечении безопасности граждан и государства в целом. Проблемы национальной и личной безопасности действительно относятся к важнейшим. Более того, необходимо создание принципиально новой системы обеспечения государственной безопасности, подчиненной непосредственно президенту.

Важно, однако, чтобы эти (диктуемые текущим моментом) обстоятельства не заслонили того главного, ради чего и был учрежден пост президента, — обеспечение перехода власти к избранным народом представительным органам государственной власти, поэтапная ликвидация монопольного положения компартии, последовательное создание режима парламентской демократии с присущими ей гласностью, плюрализмом мнений, многопартийностью.

Выбор сделан! И только от самого президента М.С. Горбачева зависит, как он будет действовать на этом посту — в качестве подлинного Президента страны, носителя высшей государственной власти, гаранта единства государства, его территориальной целостности, защитника прав и свобод граждан, координатора и арбитра во внутрисююзных, республиканских и межнациональных разногласиях либо в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС, чей пост олицетворяет в глазах народа монополизм партии, режим вседозволенности и безответственности в деятельности партийных функционеров всех уровней.

В заключение хотелось бы напомнить, что учреждение поста президента означает персонификацию власти и ответственности. Отныне при решении любых общегосударственных дел есть конкретное лицо, лично ответственное за принятие своевременных и правильных политических решений. Ошибочных решений в нашей послеоктябрьской истории было так много, что сегодня как воздух необходимы мудрые, взвешенные политические и экономические решения, необходимо резкое увеличение интеллектуального потенциала власти. Символично, что учреждение президентства и выборы первого президента пришлось на весну — время надежд и обновления. Этих надежд народа не оправдать нельзя!

Права человека: состояние и перспективы развития

На пути обновления развивающегося общества: ориентация на свободу и права человека

Одна из ключевых задач перестройки состоит в том, чтобы поставить в центр всей жизнедеятельности общества человека, сделать его мерой всех вещей. Нужно раскрепостить личность, максимально обеспечить права и свободы советского человека, взаимную ответственность государства и гражданина.

Советская юридическая наука внесла определенный вклад в формирование и развитие концепции прав человека, правового статуса гражданина. Фундаментальными идеями, определяющими содержание этой концепции, являются:

- материальная обусловленность реестра и содержания прав и обязанностей человека;
- взаимная ответственность социалистического государства и личности;
- социальная защищенность личности (закрепление и гарантирование социально-экономических прав — права на труд, на отдых, на жилище, пенсионное обеспечение и др.);
- полнота и гарантированность, взаимосвязанность и равноценность всех видов прав и свобод человека;
- единство прав и обязанностей;
- всесторонняя юридическая защита неотъемлемых благ и ценностей личности, ее прав и свобод.

Сложные и противоречивые условия строительства социализма, деформации на этом пути, отчуждение личности не позволили в полной мере использовать потенциал, заложенный в системе прав и свобод человека. Господствовала тенденция жесткой правовой регламентации поведения личности, его «зарегулированности», процветала система запретительства. Имели место неоправданные ограничения прав граждан, юридический механизм защиты прав оказался неэффективным, были допущены массовые репрессии. Существовал разрыв между провозглашением в законе прав и практикой их осуществления (эти недостатки и искажения в значительной мере не преодолены и в настоящее время).

Все это не могло не сказаться и на состоянии научной разработки проблем прав человека, его правового статуса в социалистическом обществе и государстве. Зачастую реалистический подход к правам че-

ловека отвергался в силу идеологизации проблемы, недооценивались общечеловеческие и общедемократические ценности, права граждан нередко изображались как «дар» государства, не исследовались закономерности бытия и развития прав человека, граждан в контексте реальных жизненных процессов. Для общественной науки характерны были догматизм, схематизм и отрыв от практики, от самой жизни.

Политика обновления всех сторон жизни советского общества приводит к методологической переориентации юридической науки в исследовании прав и свобод личности в контексте формирования социалистического правового государства, утверждения нового политического мышления. Основным ориентиром становится идея решительного поворота всей политики и практики социализма к человеку. Человек, его потребности и интересы, активизация индивидуального, личностного начала в экономике, социально-политическом, духовном развитии должны стать главным в интерпретации индивидуальных и коллективных прав как в теории, так и на практике. Все права и обязанности необходимо переосмыслить, нужно покончить с положением, когда теоретические рассуждения о высшей ценности жизни человека, его прав и свобод уживаются с недоверием к его инициативе, ограничением его самостоятельности, неоправданной опекой и многократным контролем над ним со стороны государства, его органов и должностных лиц.

Деятельность в области прав человека представляет важнейшую составную часть всего процесса демократизации, экономических, политических и иных реформ, движения к качественно более высокой ступени социализма. Концепцию прав и свобод личности следует развивать с учетом утверждения новых принципов в хозяйственных отношениях, углубления процессов демократизации и гуманизации социальных и правовых институтов, развертывания самоуправления и саморегуляции в советском обществе, обновления нравственно-духовной его атмосферы, роста политической и правовой культуры.

Новый хозяйственный механизм, демократизация общественной и государственной жизни, развитие самоуправления, активизация человеческого фактора требуют устранить излишества правовой регламентации, «зарегулированность», стремление избавить человека от поиска альтернатив в процессе принятия решений. Обновляющееся законодательство (на основе собственного и накопленного в мировой истории опыта), практика его реализации, научная теория призваны обеспечить:

— самостоятельность человека как субъекта права, способного проявлять инициативу и брать на себя ответственность за свои действия и решения,

— возможность человеку проявить себя, свои способности, таланты, инициативу, предприимчивость;

— реализацию правового принципа в отношении поведения граждан: «разрешено все, что не запрещено законом»;

- усиление гарантий невмешательства в сферу, где он правомочен действовать по собственной воле и усмотрению;
- развитие социалистического плюрализма мнений, поддержку сопоставления взглядов и альтернатив при принятии решений;
- установление эффективных юридических механизмов и процедур реализации и защиты прав граждан;
- представление человеку необходимой государственной и общественной помощи в реализации прав и исполнении его обязанностей, расширение системы юридического обслуживания населения;
- прогнозирование в развитии свободы личности, ее прав на ближайшие годы и более отдаленную перспективу.

В целом назрела потребность в широком социальном взгляде на положение личности в обществе и государстве, в системе экономических и других отношений, в механизме самоуправления народа. Статус личности выражается не только в юридически закрепленных правах и обязанностях граждан, но и в положении личности как члена партии, общественных организаций, трудового коллектива. Следует видеть перспективу развития всех видов прав и обязанностей личности в единстве и переплетении, в контексте всей системы факторов, влияющих на их формирование и эволюцию.

В научном плане актуальным представляется исследование:

- соотношения классового и общечеловеческого, национально-государственного и международного начал в содержании прав и обязанностей человека;
- связи и соотношения прав социальных общностей (народа, наций, социальных групп), их организаций, прав и свобод человека;
- соотношения прав и обязанностей личности в целях поиска их оптимального сочетания на основе гармонизации общественных, групповых, личных и иных интересов;
- социального назначения и развития преимуществ и льгот отдельных групп населения (женщин, молодежи, инвалидов и др.) в целях достижения подлинного равенства граждан перед законом, социальной справедливости;
- закономерностей и основных тенденций в эволюции прав и свобод личности в условиях перестройки и перспектив ее прогресса в СССР и во всем мире на период до 2000 года и на более отдаленную перспективу.

Соотношение права и закона, прав человека и прав гражданина: дискуссия схоластов или здравый подход?

Авторитарно-бюрократическая система управления в лице своей служанки — официальной юридической науки — породила собственное понятие «права». Оно было принято голосованием по докладу А.Я. Вышинского на Всесоюзном совещании ученых-юристов в 1938

году и стало общепринятым, господствующим в науке. Суть его в том, что право было отождествлено с законами государства. Всякое правило, установленное государственными органами (в том числе органами государственного управления — министерствами, ведомствами и т.д.), есть право, есть закон, обязательный к исполнению всеми. Такой откровенно позитивистский подход в юридической науке вполне отвечал патерналистскому отношению государства к обществу и оправдывал любые антидемократические, репрессивные акты государственных органов, облеченные в форму законов и подзаконных актов.

Применительно к правам личности это означало отрицание каких-либо прав человека (как должного) в отличие от прав гражданина (как сущего), признавались только права, по сути дарованные, предоставленные государством гражданину. Существовали, таким образом, лишь права гражданина. Вне санкционирования государством, по мнению А.Я. Вышинского, каких-либо прав человека существовать не может. Человек рассматривался не как равный с государством партнер, а как собственность государства, полностью зависимое от него, подчиненное ему лицо, как безгласный «винтик» всеохватывающего партийно-государственного механизма. Такая идеологическая позиция была одной из причин, почему Советский Союз воздержался от голосования при принятии в ООН Всеобщей декларации прав человека в 1948 году.

Великая французская буржуазная революция дала миру Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., в основе которой лежали идеи естественного права, которому должны соответствовать законы государства («позитивное право»). Иными словами, естественное право — это идеал, реально достижимый в складывающихся условиях общественной жизни. Права человека для той поры — это каталог буржуазно-демократических прав и свобод личности, включающий право частной собственности и свободы предпринимательства, право личной безопасности, свободу совести и многие другие права. Получив закрепление в законах буржуазного государства, права человека становятся правами гражданина этого государства. Новая идеология и практика стали колоссальным шагом вперед, прорывом в развитии свободы личности, в ликвидации в условиях феодализма корпоративности, сословности в правах человека, этой отличительной, по словам К. Маркса, «человеческой зоологии». Различие права и закона, прав человека и прав гражданина — прогрессивная демократическая идея, которая имеет длительную историю начиная с древности. Развитие идеи соотношения права и закона убедительно показано В.С. Нерсисянцем в его фундаментальной монографии «Право и закон. Из истории правовых учений» (М.: Наука, 1983). Идея различия и соотношения права и закона не чужда основоположникам марксизма-ленинизма, более того, они признавали и развили ее в рамках своих материалистических представлений. В частности, К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин акцентируют внимание на материальной обусловленности права и закона как идеала и практики, что дает вес-

кие основания предполагать их возможное несовпадение, т.е. санкционирование со стороны государства в виде законов произвола, бесправия, беззакония. Практика подтвердила это в условиях фашизма, авторитарных режимов, апартеида и т.д. К сожалению, не избежали и социалистические страны практики государственного беззакония и произвола по отношению к человеку. Печальным примером тому служат репрессивные законы в Советском государстве 30-х гг., которые отменяли, к примеру, действие всех демократических принципов и институтов расследования и правосудия (защиты, обжалования и т.д.), ликвидировали все права обвиняемых и подсудимых. Это была не просто деформация права, а полный отход от права, в то время как такой «порядок» устанавливали законы государства. Следовательно, не всякий закон государства есть право. Право как реально существующие принципы объективно складывающейся системы общественных отношений, как идеал должно найти адекватное отражение в законах государства. В полной мере это требование относится и к социалистическому государству. Все это в полной мере понимали прогрессивно мыслящие ученые-юристы.

В годы застоя в советской юридической науке постепенно вызрело и формировалось новое направление, представители которого возрождали идею различия права и закона, прав человека и прав гражданина. Тем самым подготавливались идеи перестройки в юридической науке. Все чаще на заседаниях ученых советов, научных конференций в Институте государства и права АН СССР, в АОН при ЦК КПСС и других научных коллективах ставился вопрос о новом, более широком правопонимании, несводимом к чисто нормативному его содержанию. В числе организаторов этой дискуссии (естественно, не поощряемой официальными учреждениями и ее руководителями) были как большие авторитеты советской юридической науки, так и молодые исследователи (Д.А. Керимов, Л.С. Явич, В.С. Нерсисянц, Е.А. Лукашева, В.А. Туманов, Л.С. Мамут, Г.В. Мальцев, В.П. Казимирчук, Н.И. Козюбра, В.Д. Зорькин и др.). Именно в эти годы в нашей науке начинают с новой силой обсуждаться проблемы различия соотношения прав человека и прав гражданина. Проф. П.Е. Недбайло выступил с идеей необходимости выделения естественноисторических (морально-политических) прав человека как неотъемлемых прав любой личности, члена общества, которые должны найти адекватное закрепление и гарантию в законах государства. Впоследствии идею прав человека и прав гражданина развернуто отстаивают И.Е. Фарбер, В.А. Туманов, Г.В. Мальцев, В.А. Патюлин и др. Для того времени это был важный шаг, направленный на отстаивание прав личности, на соблюдение международных стандартов прав человека во внутринациональном законодательстве и в самой практике их обеспечения и охраны. К сожалению, многие идеологические установки в годы застоя, «идеологическая борьба» вокруг прав человека не дали возможности реалистически осмыслить и решить проблемы прав личности в нашем обществе в полном объеме, в соответствии с достигну-

158

тым прогрессом в мировом сообществе. К числу таких идеологических клише следует отнести утверждение, что только социализм как общественная система может в полном объеме гарантировать права человека, тем самым отрицались достижения в других странах, считалось, что трудящиеся в условиях иной общественной системы не имеют какой-либо перспективы в отстаивании своих прав и свобод. Акцентировалось внимание на социально-экономических правах, они объявлялись главными, определяющими для человека, для его свободы. И тем самым вольно или невольно недооценивались политические и личные, духовные права и свободы личности. К несчастью, такой взгляд отражал реальную практику в нашей и других социалистических странах. В сфере политических, духовных и личных прав было слишком много запретных тем.

Перестройка открывает новый этап в развитии теории права, понимании его соотношения с законами государства, прав человека и гражданина, освобождает науку и практику от догматических концепций, порожденных административно-командной системой управления. Дискуссия о новом, широком правопонимании, о различии и соотношении прав человека и гражданина — это не схоластический спор рафинированных теоретиков, а плодотворная дискуссия, здравый подход, гносеологически отражающие назревшие потребности перестройки в политико-правовом мышлении, в формировании его нового облика, в соответствии с которым должно строиться социалистическое правовое государство, где высшей целью и принципом должно стать внимание и забота о *каждом* человеке, обеспечение прав и свобод *каждой* личности, будь то министр, рабочий, ветеран, инвалид и т.д. или даже правонарушитель, преступник, отбывающий меру наказания. [Более подробно об оценке различия права и закона и о новом подходе к проблеме прав человека см.: В. З о р ь к и н. Советская правовая доктрина: опыт и уроки. — «Коммунист», 1989, № 2, с. 106 — 115; Т. С и н ю к о в а, В. С и н ю к о в. Права человека: время новых решений. — «Коммунист», 1989, № 7, с. 30 — 39.]

Нужно ли разрешение на свободу?

Идея социализма, как отмечает М.С. Горбачев, есть прежде всего идея свободы как величайшей ценности человеческой цивилизации, наследуемой и наполняемой новым содержанием [«Правда», 1989, 26 ноября].

До перестройки тема политических свобод граждан не была популярной. Это и понятно. Декоративная демократия вела и к лживому их освещению. Приводился стандартный перечень цифр, якобы подтверждающих реальность и широту использования политических прав и свобод советскими гражданами (число депутатов в Советах всех звеньев, народных контролеров, дружинников и т.д.).

Перестройка сделала политические права и свободы граждан, их осуществление весомым элементом общественно-политической жизни: проводятся свободные демократические выборы; в печати и других средствах массовой информации все более находят выражение плюрализм мнений, взглядов; уверенно от формализма и «огосударствления» освобождаются общественные структуры, появились и во весь голос заявили о себе новые общественные формирования (народные фронты, общества и др.); обычным явлением стали митинги, шествия, демонстрации и другие общественно-политические акции различных групп населения. Все это зримые черты перестройки, обновления политической атмосферы жизни советского общества. Не случайно приезжающие в нашу страну гости отмечают открытость советских граждан, их освобождение от страха высказать свое мнение, убежденность в отстаивании своих взглядов, критическое отношение к предлагаемым мерам со стороны правительства и т.д.

К сожалению, в научном плане проблема политических свобод как самостоятельная проблема в отличие прежде всего от *политических прав* не рассматривалась. Все ограничивалось тем, что фиксировалось: политическая свобода — это тоже *право* на определенный вид *свободного* поведения [см.: Права личности в социалистическом обществе. Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. М., «Наука», 1981, с.24 — 25]. Чем же свободное поведение в рамках политической свободы отличается от такого же свободного поведения в рамках политического права, есть ли особенности в порядке осуществления политических свобод, какова роль государственных органов в обеспечении реализации политических свобод граждан? Эти и другие вопросы оставались нераскрытыми. При авторитарно-бюрократическом режиме в этом и не было особой необходимости. Незаработанность обсуждаемой проблемы была использована и используется до сих пор антиперестроечными силами для обуздания политической свободы советских людей.

Речь идет о таких политических свободах, как свобода политических, религиозных и иных убеждений, свобода совести, свобода слова и печати, митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций, свобода объединений. Исходной в данном перечне свобод является *с в о б о д а у б е ж д е н и й*, которая выражается и обеспечивается всеми другими юридически гарантированными политическими свободами (совести, религий, слова, печати, митингов, демонстраций, объединений и др.) и принципами функционирования демократии (народовластие, гласность, выражение и учет общественного мнения и др.). Свободу убеждений нельзя свести лишь к плюрализму мнений. Она означает и свободу действий, плюрализм организаций. Не может быть каких-либо ограничений идеологического порядка в высказываниях, мнениях и суждениях через печать и другие средства массовой информации, в том числе по вопросам оценки существующего общественно-политического строя, в проведении в этих целях митингов, собраний, шествий, демонстраций, в сборе подписей, в пикетирова-

нии и т.д. Такая свобода убеждений невозможна в условиях полного огосударствления общества, совершившегося у нас за годы культа личности Сталина и годы застоя. В целях осуществления реальной свободы убеждений необходимо разгосударствление общественно-политической жизни, школы, вузов, других учебных заведений, культурных учреждений, развитие разнообразных видов печати и других средств массовой информации, а также серьезная деидеологизация образования, науки и культуры.

Так, по нашему мнению, учебный процесс в государственных школах и вузах должен давать возможность достаточно широко и полно осваивать содержание не только материалистической философии, но и других философских мировоззрений и систем, а также содержание разнообразных научных направлений, в том числе так называемых буржуазной политологии, социологии, футурологии. Иными словами, должна произойти коренная ломка всего образования. Обучающийся должен овладеть всем содержанием современной политологии или юриспруденции, а не их кастратом. Поэтому свободное приглашение советских и иностранных специалистов для чтения тех или иных курсов, равно как и свобода выбора курсов и учителей, профессоров, должно стать нормой жизни современной школы, вуза. Каждый вуз должен быть в подлинном смысле свободным, только в этом случае может быть обеспечена свобода формирования и выражения убеждений, взглядов, плюрализм мнений.

Трудно говорить о свободе убеждений в условиях так называемого полного отделения церкви от государства и школы, что практически было осуществлено в нашей стране. Любая церковь должна иметь возможность разъяснять и распространять свое вероучение всеми доступными для современной цивилизации средствами, учить желающих (и не только в индивидуальном, частном порядке) и т.д. При таких условиях, естественно, возникает конкуренция мировоззрений, идей, убеждений. Смысл свободы убеждений в том и состоит, что человек сам, по своей воле свободно формирует свое мировоззрение, взгляды, избирает свою линию поведения в соответствии со своим личным внутренним убеждением. И такая свобода выбора принудительно не навязывается, прямо или косвенно не наказывается (когда, например, назначение на должность связывается с политическими и иными убеждениями).

Конечно, перестройка образования, деятельности массовых средств информации в этом направлении — дело, видимо, не одного десятилетия. Но есть вопросы, которые требуют немедленного решения в целях реального обеспечения политических свобод граждан. Главнейшим из них является вопрос о порядке реализации политических свобод (в равной мере он относится и к личным свободам граждан). Речь идет прежде всего о реализации свободы митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций.

Немного к истории вопроса. Как известно, в начале перестройки и в ее ходе резко возросла общественно-политическая актив-

ность граждан, а главное — их инициативность, самостоятельность в организации митингов и собраний, уличных шествий, демонстраций и других общественно значимых акций (пикетов, сборов подписей и т.д.). Естественной реакцией сохраняющейся административно-командной системы было сделать этот процесс «управляемым», «ручным». 11 августа 1987 года исполком Московского горсовета народных депутатов (обратите внимание — не сам Совет, а его исполком) принимает печально знаменитые «Временные правила организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных мероприятий на улицах, площадях, проспектах, в парках, садах, скверах и других общественных местах г. Москвы». Началась цепная реакция по всей стране. В г. Свердловске исполком горсовета народных депутатов утверждает решение «О порядке предоставления трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц, площадей, парков, садов, скверов города Свердловска для проведения собраний, митингов, шествий, демонстраций и иных массовых мероприятий». Исполком Одесского горсовета народных депутатов принимает решение «О порядке проведения собраний, митингов, шествий, демонстраций и иных массовых мероприятий на территории города Одессы». Несмотря на различия в названиях, указанные решения и правила, как однойцевые близнецы, идентичны по содержанию. В ряде союзных республик (Эстонская ССР, Азербайджанская ССР) были приняты Президиумами Верховных Советов соответствующих республик указы, в которых регламентировался порядок осуществления свободы митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций. Ответственность страны выступила с резкой критикой введенных правил, в особенности акцентировала внимание на неправомерности исполкомов местных Советов народных депутатов и самих Советов принимать подобные акты, которыми, по существу, ограничивались свободы, провозглашенные в советских конституциях. Идя, таким образом, «навстречу интересам трудящихся», Президиум Верховного Совета СССР 28 июля 1988 года принимает Указ «О порядке проведения и организации собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» [см.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1988, № 31, ст. 504.], который оставляет в силе ранее установленный исполкомами местных Советов порядок реализации указанных политических свобод. На следующий день Президиум Верховного Совета РСФСР (29.07.88) принимает Указ «Об ответственности за нарушение установленного порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций» [см.: «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1988, № 31, ст. 1005]. Аналогичные по содержанию указы Президиумов Верховных Советов приняты в других союзных республиках.

Конкретизация конституционных норм о политических свободах митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций граждан допустима и, по нашему мнению, необходима, но только с одной

целью — наиболее полного организационно-материального, процессуального и иного гарантирования их осуществления. Это диктуется потребностью обеспечения сочетания, гармонизации общественных, групповых и личных интересов. Следует учитывать, что митинги и демонстрации проводятся на улицах, площадях, в парках и других общественных местах, которыми одновременно пользуются другие граждане по другим основаниям и в иных целях. Гармония интересов необходима и в интересах тех, кто участвует в митингах и демонстрациях, проведение которых должно проходить в условиях сохранения общественного порядка, обеспечивающего неприкосновенность личности, защиту других благ и ценностей человека. Однако устанавливаемый в законе порядок не должен ограничивать содержание самих политических свобод либо даже сводить их на нет.

Конституционные свободы митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций *должны иметь адекватную их природе и содержанию процессуальную форму (порядок) реализации*. В данном случае речь идет о свободах (в отличие от прав граждан), которые не приемлют какого-либо предварительного разрешения со стороны должностных лиц государства. В этом и состоит особенность юридической свободы гражданина как его права на свободу, на поведение по своему свободному усмотрению, а не по усмотрению (команде) должностного лица. В ином случае чем свобода крепостного будет отличаться от свободы современного советского человека, если, к примеру, помещик П. Энгельгардт разрешил своему крепостному Т.Г. Шевченко учиться у мастера живописи В. Ширяева? Видимо, лишь тем, что Т.Г. Шевченко был крепостным помещика, а советский гражданин есть крепостной государства, скорее даже конкретного должностного лица, выступающего от имени местного органа власти или даже его исполкома.

Законодательные акты в СССР устанавливают только *разрешительный* порядок осуществления политических свобод проведения митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций. Это яркий пример командно-бюрократического отношения к человеку, его свободам. Практически разрешительный порядок осуществления политических свобод означает, что гражданин не обладает и тем более не может пользоваться политическими свободами до тех пор, пока не получит на это разрешение должностных лиц, в частности исполкома местного органа государственной власти. Разрешительный порядок — самый жесткий порядок реализации прав и свобод граждан. Он предусматривает, по существу, значительное усмотрение должностных лиц. При решении вопроса должностные лица исходят не только из требований закона, но и из принципа целесообразности, что на практике легко превращается в произвол, в открытое беззаконие. Они могут всегда затянуть, заволокитить решение вопроса, придумать различные основания «целесообразности» отказа в разрешении проведения митинга или демонстрации. В силу неадекватности разрешительного порядка содержанию по-

литических свобод граждан законодательные акты, устанавливающие такой порядок, должны, по нашему мнению, квалифицироваться как антиконституционные и подлежать в силу этого отмене.

Относительно политических свобод (равно как и любых других свобод граждан) может быть установлен один из следующих видов порядка (процедуры) их реализации (либо их сочетание):

— уведомительный (заявительный). Так, к примеру, организаторы митинга или демонстрации обязаны лишь уведомить в установленные сроки местные органы власти о проведении митинга или демонстрации (именно такой порядок принят, к примеру, в Эстонской ССР);

— регистрационный. Например, регистрационный порядок адекватен содержанию таких свобод, как свободы объединений. Правоммерно установление регистрации при организации религиозных объединений, общественных организаций, партий, органов печати и других средств массовой информации. Разрешительный порядок при прописке граждан должен быть заменен регистрационно-учетным, желательно в специальном подразделении местного органа власти, а не в милиции, что будет корректным обеспечением свободы передвижения и свободы выбора местожительства в стране;

— инициативный. В этом случае гражданам не требуется получение какого-либо предварительного разрешения, регистрации или уведомления о реализации той или иной свободы. А местным органам власти целесообразно определить в населенных пунктах места (улицы, площади, скверы и т.д.), где возможно проведение митингов, демонстраций в инициативном порядке, без предварительного уведомления.

При действии любого порядка реализации политических свобод компетентные органы при наличии *законных оснований* (а не в силу целесообразности) могут запретить проведение заявленного или инициативного митинга или демонстрации. Такие основания вытекают из установлений уголовного и административного законодательства, определяющего, какие действия при осуществлении политических свобод являются правонарушениями и административными проступками (деликтами). В свою очередь указанные запреты сами должны быть правомочными.

Идеология и практика авторитарно-бюрократической системы допускает лишь один — разрешительный — порядок реализации прав и свобод граждан. К сожалению, такой стереотип административно-командного мышления характерен и для работников правоохранительных органов, прежде всего прокуратуры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ни один прокурор не поставил под сомнение законность принятия исполкомами местных органов власти «Временных правил», несоответствия их содержания положениям конституций и других законов.

«Временные правила» были составлены юридически безграмотно, много было в них расплывчатых понятий и формулировок и просто

неточностей и несуразностей, противоречащих не только законодательству, но и просто здравому смыслу. Так, пункт «Временных правил», устанавливающий порядок обжалования отказа в выдаче разрешения на проведение митинга или демонстрации, противоречил нормам Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года в редакции от 4 марта 1980 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

Во-первых, «Временные правила» неправомерно устанавливали, что решение вышестоящего исполкома является окончательным. Таких ограничений в обжаловании по инстанции названный Указ не содержит.

Во-вторых, во «Временных правилах» ничего не было сказано о возможности судебного обжалования в соответствии с законом СССР «О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан».

Не выдерживал какой-либо критики запрет «Временных правил» на проведение митингов и демонстраций на всех центральных улицах и площадях Москвы, в силу того что в этой части Москвы «расположены уникальные памятники архитектуры, истории и культуры, музеи, театры, концертные залы, крупные торговые предприятия, посещаемые многочисленными жителями, гостями столицы, советскими и зарубежными туристами», а также принимая во внимание «большую насыщенность центральных улиц и площадей города автомобильным транспортом». Нелепо выглядела ссылка на «многочисленные пожелания граждан». Но тут же авторы «Временных правил» оговорились, видимо имея в виду традиционные демонстрации и парады — ноябрьские и Первомайские, что они «могут проводиться по решению органов государственной власти и управления». Из всех этих положений трудно было понять, какие же органы и в каком порядке разрешают проведение «массовых мероприятий» на всех центральных улицах и площадях г. Москвы.

«Временные правила» пытались регламентировать проведение не только митингов, собраний, шествий, демонстраций, но и «всех иных мероприятий» в общественных местах. Непонятно было, подпадали ли под понятие «иные мероприятия», например, прогулки детей под руководством воспитателей, традиционные гулянья выпускников школ, экскурсии, групповые занятия спортом и т.д.

Во «Временных правилах» говорилось об обязанности подчинения граждан требованиям *представителей власти*, в том числе по прекращению митинга или демонстрации. В юридической науке, в законодательстве, как известно, нет единого понимания представителей власти. Не было должного разъяснения и во «Временных правилах». Являются ли ими депутаты местного Совета, работники исполкома, милиционеры, дружинники и т.д.? В то же время во «Временных правилах» о представителях власти говорилось наряду с представителями органов внутренних дел, добровольных народных дружин. Вопрос, та-

ким образом, был окончательно запутан: кому же должны подчиняться ся участники митинга или демонстрации?

Бывший прокурор г. Москвы тов. Л.П. Баранов в интервью газете «Вечерняя Москва» безоговорочно взял под защиту «Временные правила» как соответствующие не только Конституции, но и всем другим законам, как правомерные во всех отношениях. Критику оппонентов в адрес «Временных правил» прокурор рассматривал как некомпетентную, построенную в основном «на открывшихся возможностях плюрализма и на эмоциях» [«Вечерняя Москва», 1988, 10 июня]. Что это: свидетельство некомпетентности, проявление стереотипов мышления отжившей административной системы, выполнение политического заказа? Видимо, все, вместе взятое, попытка вернуть все назад, на круги своя.

На наш взгляд, порядок реализации политической свободы митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций должен быть установлен в форме закона СССР и законов союзных республик с соблюдением соответствующей процедуры их принятия с учетом научной экспертизы и мнения общественности. Установленный ныне разрешительный порядок осуществления свободы митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций должен быть изменен. Об этом красноречиво говорит и сама практика их проведения. Дело в том, что разрешительный порядок относительно указанных свобод просто неосуществим (если не отказаться вообще от реализации этой свободы), постоянно создает социальную напряженность в отношениях между гражданами и милицией, провоцирует работников милиции на применение силы (дубинок и др.), создает опасность кровопролития, убийств ни в чем не повинных людей, нанесение им телесных повреждений (как это имело место в Тбилиси, Минске, других городах). В конечном счете разрешительная система проведения митингов и собраний, уличных шествий и демонстраций формирует у граждан и у работников милиции неуважительное отношение к закону. Как отмечалось на II Съезде народных депутатов СССР, в 1988 г. ежемесячно проходило 194 митинга, в 1989 г. — уже 400 [«Известия», 1989, 23 декабря]. Среди них значительное число неразрешенных митингов (в печати они почему-то стыдливо называются несанкционированными). Например, за 10 месяцев 1988 г. только в Москве было проведено 644 таких митингов и собраний [«Аргументы и факты», 1988, 5-11 ноябрь]. Ведь строго говоря, с позиций действующего закона такие митинги, как неправомерные, не должны проводиться и они должны быть прекращены вплоть до применения силы со стороны милиции. Именно такая ситуация была в Минске, когда работники милиции приняли все меры к разгону шествия и митинга, возникших стихийно в исстари признанный день поминовения умерших, в том числе жертв сталинских репрессий. Была применена сила (дубинки, газ). Министр внутренних дел СССР, давая оценку действиям минской милиции, квалифицировал их правомерными, но, видимо

уступая общественному мнению, одновременно определил эти действия как «нецивилизованные». Думается, что свой профессионализм милиции должна проявлять не в преследовании народа в осуществлении им конституцией гарантированных свобод, а в борьбе с дельцами теневой экономики, с организованной преступностью, убийцами, насильниками и т.д. Однако для этого нужно изменить сам закон, сделать его правомерным.

Автономия личной жизни и ее правовая охрана

В условиях авторитарно-бюрократического диктата во имя ложно понятого коллективизма игнорировалась человеческая индивидуальность, под предлогом приоритета общего над индивидуальным сужались разумные границы свободы. Особенно это нетерпимо в сфере личной жизни граждан. Однако эта проблема взаимоотношений государства и человека в его личной жизни была непопулярной, а по ряду вопросов просто запретной.

Общественное сознание все более склоняется к выводу о необходимости большей свободы поведения индивида по принципу «разрешено все, что не запрещено законом», отказа от чрезмерного государственного вмешательства в интимную, семейную и иные сферы личной жизни граждан. Оно считает, что гораздо плодотворнее окажется действие неправовых социальных регуляторов — нравственных норм, обычаев, традиций (в том числе религиозных). Все еще слаба юридическая защищенность в этой деликатной области индивидуальной свободы и самореализации. К сожалению, в научном плане не осмыслены само содержание и пределы личной жизни человека, виды и формы ее бытия, пределы государственного регулирования, юридические средства защиты и т.д.

Нужно признать, что в Конституции СССР 1977 года была сделана серьезная заявка. В числе неотъемлемых благ личности, подлежащих судебной охране, были названы честь и достоинство, личная свобода человека (ч. 2 ст. 57). Статья 56 установила: «Личная жизнь граждан, тайна переписки и телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом». Таким образом, впервые в конституционном законодательстве речь идет о личной свободе и личной жизни граждан. Однако дальше такой констатации дело не пошло. Указанные конституционные формулы не получили всестороннего и глубокого осмысления, тем более последующего законодательного обеспечения и воспринимались лишь как очередные декларации. Наступило время их серьезного истолкования и развития в целях утверждения человеческого достоинства.

В современных условиях с юридических позиций должно быть пересмотрено и существенно развито законодательство о таких охраняемых законом личных благах и ценностях, как личная свобода, личная и семейная жизнь, честь и достоинство, неприкосновенность лич-

ности и жилища, тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений, свобода совести и др.

Развитие законодательства должно идти в двух направлениях: во-первых (и прежде всего), в направлении отказа от юридического регулирования тех или иных видов отношений (не пытаемся ли мы зачастую правовыми средствами — как правило, мерами государственного принуждения — заменить другие: экономические, нравственные, медицинские, психологические — при решении проблем проституции, наркомании, алкоголизма, заражения венерическими заболеваниями, СПИДом, гомосексуализма). Во-вторых, в направлении введения новых правовых институтов и средств, цель создания которых — охрана и защита личной жизни человека, а не сбор информации об индивиде, могущей нанести вред его чести, достоинству, престижу и т.д.

Видимо, назрела потребность в выдвижении, разработке, законодательном обеспечении и охране *личной безопасности граждан*, несводимой к набору традиционных институтов (охране от незаконных задержаний и арестов, незаконным обыскам и т.д.).

Личная безопасность в современных условиях может означать:

— экологическую безопасность (например, от радиации, различного рода излучений, шумов, вибрации, воздействия ядовитых веществ, избирательно действующих на человеческий организм);

— медицинскую безопасность (например, от некомпетентного и незаконного помещения в психиатрические больницы для принудительного лечения, от заражений, например СПИДом, гепатитом, в медицинских учреждениях, сохранение врачебной тайны и т.д.);

— юридическую безопасность (например, от незаконного вмешательства правоохранительных органов, советских работников, партийных и иных функционеров общественных организаций в личную жизнь граждан);

— безопасность в интимной жизни (например, от бесцеремонного вмешательства государства в данную сферу жизни человека под предлогом защиты интересов других лиц или даже всего общества).

В целях обеспечения личной безопасности целесообразно в законодательстве закрепить правило, согласно которому *человек не обязан давать сведения о своей личной (интимной, семейной и иной) жизни*. Такого рода обязанности, на наш взгляд, аморальны. По нашему мнению, при обнаружении у человека венерического заболевания, а сейчас и СПИДа происходит грубое вмешательство со стороны должностных лиц правоохранительных органов и самих врачей в интимную жизнь граждан. Все они требуют в соответствии с действующим законом сообщения от больных обо всех его половых контактах в целях обнаружения источника заражения. В ином случае наступает административная ответственность. Статья 45 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (соответствующие по содержанию статьи содержатся и в кодексах других союзных республик) устанавливает: «Сокращение больными венерическим заболеванием источ-

ника заражения, а также лиц, имевших с ними контакты, создающие опасность заражения венерической болезнью, влечет наложение штрафа в размере до пятидесяти рублей». Врачи превратились в сыщиков, проводят так называемые «медицинские расследования» по установлению «цепочек заражения», всеми правдами и неправдами (вплоть до угроз отказа в лечении, сообщения на работу, в общественные организации и т.д.). После отказа больного назвать источник заражения начинаются вызовы в милицию и унижительные собеседования, по существу, не урегулированное законом расследование.

Такая практика приводит к глубоким морально-психологическим стрессам больных (не случайны и самоубийства на этой почве), к умышленному заражению другого лица (для сокрытия по каким-либо причинам предполагаемого источника заражения), к самоврачеванию, к подпольному бизнесу самих врачей и просто самозванных лекарей. Статьи уголовного и административного закона, устанавливающие ответственность больного, знавшего о наличии у него этой болезни, за заражение другого лица или заведомое поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью или СПИДом, равно как статьи о сокрытии больными соответствующих источников заражения, а также лиц, имевших с ними контакты, создающие опасность заражения, об уклонении от лечения и т.д. целесообразно отменить, так как они нарушают тайну интимной жизни человека и малоэффективны с точки зрения профилактики подобных заболеваний. Гарантом эффективности профилактики СПИДа и венерических заболеваний, а также выявления всех больных одновременно с сохранением тайны интимной жизни человека может служить лишь одно средство — это анонимное (либо под псевдонимом) обследование граждан на данные заболевания и анонимное (либо под псевдонимом) лечение таких больных. Анонимное обследование и лечение дало бы возможность данным видом лечебной деятельности заниматься медицинским кооперативам и врачам в порядке индивидуальной трудовой деятельности, существенно расширило бы возможность выбора у граждан. Анонимное обследование и анонимное лечение освободило бы граждан от страха и унижений человеческой личности. Об этом сейчас говорят не только ученые, но и практикующие врачи.

На наш взгляд, есть еще одна тема, непосредственно касающаяся интимной жизни человека. Это тема гомосексуализма — мужского и женского, уголовного преследования мужеложства, полового сношения мужчины с мужчиной (ст. 121 УК РСФСР и соответствующие по содержанию статьи УК других союзных республик). Гомосексуализм — явление, еще не до конца познанное в научном плане. Уже поэтому нельзя устанавливать юридическую ответственность за гомосексуальные половые контакты. Предусматривая уголовную ответственность за мужеложство, государство тем самым пытается установить жесткий контроль за жизнью в постели каждого мужчины. Уголовное наказание не исправило ни одного гомосексуалиста. В местах лишения свободы эти, в общем-то, безобидные

от природы люди испытывают такие лишения, страдания и унижения, каких не приходится на долю самых отпетых рецидивистов, насильников и убийц за весь срок их пребывания в колониях и тюрьмах. Сохранение уголовного преследования гомосексуализма ведет к сокрытию венерических заболеваний, а сейчас и СПИДа, т.е. практически способствует его распространению, а не предупреждению, как думают некоторые, в том числе авторитетные юристы. Демократически настроенная интеллигенция, трезвомыслящие социологи, врачи и юристы выступают за отмену юридической ответственности за гомосексуальные половые связи.

На наш взгляд, следует запретить какую-либо регистрацию граждан (постановку на учет) в органах милиции или других государственных органах по признакам их болезненного состояния (СПИД, наркомания, алкоголизм), естественно-природного их статуса (гомосексуализм) или по признакам нравственного поведения (проституция). Ведомственные акты правоохранительных органов требуют постановки на учет в милиции всех лиц так называемых групп риска — проституток, наркоманов, гомосексуалистов, а также проверки их на СПИД, венерические заболевания. Прямо скажем, это неосуществимо, ибо трудно представить себе, как практически можно реализовать это требование, не нарушая законы о чести и достоинстве личности, о личной свободе и неприкосновенности личности, врачебной тайне, об охране личной жизни и т.д. Такое правило можно реализовать, если практически людей из так называемых групп риска поставить вне закона. Задаются ли авторы подобных актов вопросом: а ради каких целей устанавливается такая тотальная регистрация граждан? Ради того, чтобы они лечились или не заболели? Так разве этой цели нельзя достигнуть другими, более гуманными способами? Государственная регистрация граждан из так называемых групп риска аморальна, провоцирует нарушение личных конституционных прав и свобод граждан со стороны должностных лиц, пагубна как для этих людей, так и для общества в целом. Она формирует общественное мнение о второстепенности, ущербности этих граждан, унижает их человеческое достоинство.

Далее, представляется необходимым запретить практику принудительного лечения лиц, не совершающих общественно опасных поступков на почве их заболеваний, следует отказаться от юридического наказания за уклонение от принудительного лечения, побеги из медицинских учреждений, из лечебно-трудовых профилакториев. ЛТП должны быть ликвидированы, так как они фактически превратились в карательные учреждения, невыносимые для больных людей, не уступающие по режиму колониям и тюрьмам. Поэтому участились побеги из ЛТП, в том числе групповые, случаются в них и настоящие бунты.

Важно разработать и ввести в действие юридические механизмы контроля личности за учетом и движением информации в государственных органах и системах (например, информационно-поисковых),

касающейся данной личности, преследование должностных и других лиц за незаконное вмешательство в интимную, семейную и иные сферы личной жизни граждан, за разглашение различных видов тайны — врачебной, об усыновлении и т.д. На сегодняшний день в 22 странах (см., например, ст. 83 Гражданского кодекса ФРГ) приняты законы о правовом режиме «банков данных», в соответствии с которым каждый человек имеет право ознакомиться с такого рода сведениями, а в случае отказа или обнаружения нарушений закона, фальсификации подать в суд [см.: Перестройка и права человека. — «Новое время», 1988, декабрь (приложение), с. 19]. Назрела пора принять такой закон и в СССР.

Кризис системы правовой защиты личности и пути выхода из него

Защитить права и свободы советскому человеку, конечно, можно, но зачастую (в особенности в конфликтах с должностными лицами) очень трудно.

Почему? Нет соответствующих органов у государства? Нет, как в любом демократическом государстве, у нас действует разветвленная (с учетом федеративного характера государства) система правоохранительных органов. Есть суды, милиция и другие органы внутренних дел, призванные защищать права и свободы граждан. Существуют специфические органы прокуратуры, призванные стоять на страже прав и свобод граждан. Защищают права граждан и органы народного контроля, другие многочисленные контрольно-надзорные органы, инспекции. Одной из главных задач органов государственной власти и органов государственного управления также служит обеспечение и охрана прав и законных интересов граждан. Ведущей функцией советских профсоюзов выступает защита прав и интересов рабочих и служащих. К этому призваны и все другие общественные организации (адвокатура и пр.). Практически все субъекты системы советского общества призваны обеспечивать и охранять права и свободы человека. Статья 57 Конституции СССР торжественно провозглашает: «Уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц».

Таким образом, органов и организаций, обязанных защищать права и свободы граждан, много, и прав у них достаточно, а число нарушений прав и свобод граждан не уменьшается, и защиту их получить не так-то просто. Очень длителен и тернист оказывается путь «законной войны за права», о которой в свое время говорил В.И. Ленин. Получается: у семи нянек дитя без глаза.

О масштабах нарушения прав человека в нашем обществе свидетельствуют данные о резко возрастающем преступлении и других правонарушений, которые посягают на права и законные интересы граж-

дан. Вот самые последние цифры. В предшествующее двадцатилетие ежегодно прирост преступности составлял около 4%, в 1988 году он превысил 28% [«Известия», 23 декабря 1989]. Органами внутренних дел и прокуратуры в 1989 году было *зарегистрировано* (это еще далеко от реальной картины преступности) 2 461 692 преступления, что на 31,8% больше, чем в 1988 году [«Известия», 10 января 1990]. Значительную долю из них составляют посягательства на жизнь и здоровье людей, на их собственность. В 1988 — 1989 гг. (за полтора года) от преступлений погибло около 80 тыс. человек. Почти 140 тысяч получили увечья, ранения. За этими цифрами стоят десятки тысяч инвалидов, сирот, обездоленных. Более миллиона людей пострадало от краж, разбоев, грабежей, вымогательств [«Известия», 23 декабря 1989].

В целом раскрываемость преступлений составила 59,3%. Квартирные кражи, другие посягательства на личную собственность граждан раскрыты лишь на 32,5%. Следовательно, в сотнях тысяч преступных посягательств на жизнь, здоровье и собственность граждан не восстановлены их нарушенные права и свободы, не возмещен нанесенный им ущерб, а виновные не наказаны. И эта тенденция не ослабевает. Рост остатка нераскрытых и нерасследованных преступлений продолжает опережать рост преступности.

Серьезную опасность для граждан, их прав и свобод представляет организованная преступность, складывающаяся на базе симбиоза криминогенного слоя теневой экономики и коррупции должностных лиц. Она оказывает открытое давление на устои общества и правопорядок, ведет к дальнейшей дестабилизации экономики и политической жизни в стране, к обострению дефицита, сопровождается актами дискредитации неугодных и неподкупных людей, террора, насилия, в частности убийствами «по заказу», и т.д.

О том, что граждане не могут быстро и эффективно защитить свои права и свободы, говорят и многочисленные жалобы граждан, их обращения в правоохранительные органы по поводу нарушений их имущественных, трудовых, жилищных, семейных, политических и личных прав. Народные депутаты СССР сразу на себе почувствовали состояние дел в охране прав и свобод в стране, так как на них хлынул неудержимый поток жалоб и обращений граждан. Лишь за 11 месяцев 1989 года в Прокуратуру СССР поступило свыше 260 тыс. жалоб и 4,2 тыс. обращений народных депутатов СССР после I Съезда [«Правда», 23 декабря 1989].

В течение года каждый 20-й житель Латвийской ССР обращался в центральные органы государственной власти и управления республики, ища в них защиту от нарушений своих прав и законных интересов (данные исследования Института государства и права АН СССР).

Без преувеличения можно сказать, что *система правовой защиты человека в стране находится в кризисном состоянии*. Это выражается в том, что правоохранительные органы нередко вообще отказывают гражданам в какой-либо защите. Речь идет об отказе рассмат-

ривать заявления граждан о защите, о фактах сокрытия от регистрации и учета заявлений граждан о преступлениях. Так, только за 6 месяцев 1989 года прокуроры выявили и поставили на учет более 26 тысяч ранее не зарегистрированных преступлений, вынесли почти 28 тысяч постановлений об отмене незаконных постановлений о прекращении дел, 32 тысячи — о приостановлении как неправильных [«Известия», 1989, 23 декабря].

Не случайны и такие факты, о которых все чаще сообщается в периодической печати, когда граждане (не говоря уже о журналистах) ведут самостоятельные расследования, создаются сыскные кооперативы, которые начинают оказывать широкий круг услуг по защите граждан, по проведению ряда оперативно-розыскных действий (кстати, министр внутренних дел СССР тов. Бакатин В.В. на II Съезде народных депутатов СССР такие кооперативы квалифицировал как абсолютно незаконные), «афганцы» и другие группы молодежи в ряде городов создали свои специализированные объединения по осуществлению, по существу, «самостоятельного правосудия» в отношении новоявленных нуворишей.

Кризис правовой защиты граждан выражается и в нарушениях конституционных прав и свобод граждан в деятельности самих правоохранительных органов. Это факты попустительства правонарушителям, незаконных задержаний и арестов граждан, обвинительного уклона в расследовании уголовных дел, вынесения судами необоснованных решений и приговоров (только за 6 месяцев 1989 года по протестам прокуроров отменено и изменено свыше 15 тысяч неправосудных приговоров) [там же]. Граждане особенно не доверяют местным государственным органам и обращаются прямо в центральные, игнорируя установленный законом инстанционный порядок.

Показателем кризиса государственной защиты прав и свобод граждан служит кризис доверия органам охраны правопорядка, когда люди, как правильно отмечает народный депутат СССР проф. А.А. Собчак, «перестают ощущать защищенность со стороны власти» [«Огонек», 1990, № 2, с. 30]. Именно этим объясняется тот факт, что люди, подобно утопающим, хватаются за соломинку: пишут жалобы лидерам партии и государства, народным депутатам, популярным людям страны, в газеты, на радио и телевидение, т.е. в те органы и тем лицам, которые сами не могут разрешить их жалобы. В лучшем случае они могут переслать их в компетентные правоохранительные органы.

Слабость механизма юридической защиты прав граждан породила такое распространение анонимок, что пришлось принимать дополнение к закону об их официальном игнорировании, и такое позорное явление, как различного рода подношения в виде сувениров, подарков, а то и открытых взяток, использование связей и знакомств, протекционизм должностных лиц.

В чем причина такого положения?

Если ответить кратко, то, на наш взгляд, причина кроется в самой административно-командной системе управления, в принципах ее функционирования, в отчуждении ее от интересов трудящихся, в некомпетентности должностных лиц, в корпоративности их интересов и т.д.

Выход из кризиса юридической защищенности человека в формирующемся правовом государстве заключается прежде всего в *утверждении реального самоуправления народа* в трудовых и территориальных коллективах, в контроле снизу. В этих условиях в большинстве случаев конфликты будут решаться в самих коллективах либо на местном уровне. Эта система будет дополнена эффективным функционированием подлинно независимого суда, прокуратуры и милиции, все должностные лица государственных органов будут надежно социально и юридически защищены. К сожалению, этого сейчас нет. Сейчас они не могут обращаться в суды для решения конфликтных ситуаций с вышестоящими начальниками либо с теми лицами, от которых они зависят в силу партийной дисциплины либо социальной обеспеченности. Поэтому нет сейчас полной гарантии того, что действия должностных лиц подчинены только праву и закону.

Преодоление кризиса правовой защиты прав и свобод граждан состоит далее в перестройке организации и деятельности правоохранительных органов, в создании надежных юридических средств и соответствующих правовых институтов защиты личности, всех ее благ и ценностей, прав и свобод.

В числе мер, направленных на преодоление кризиса правовой защиты советского человека, прежде всего необходимо подчеркнуть особую роль и значение формирования *подлинно независимого суда*. Для граждан в условиях правового государства должно действовать безусловное правило: любой конфликт, в особенности с должностными лицами, гражданин может решить в *судебном порядке*. Именно этот порядок наиболее объективен: суд независим и подчиняется только праву и закону. К сожалению, в наших условиях это правило еще далеко до своего осуществления. Более 23 млн. советских граждан не могут обращаться в суд для решения трудовых конфликтов при увольнении по инициативе администрации (это руководители различных рангов, военнослужащие, сотрудники милиции и других органов внутренних дел и иные категории трудящихся).

До сих пор не реализованы до конца требования статьи 57 ныне действующей Конституции СССР 1977 года: «Граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество», а равно требования статьи 58 Конституции СССР: «Действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющих права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суд».

Не случайно в Конституции СССР (равно как и в конституциях союзных и автономных республик) содержатся две статьи, дающие

право гражданину в любом случае (без каких-либо изъятий) обратиться в суд за защитой своих благ и ценностей, прав, свобод и законных интересов. Но сила сопротивления административно-командной системы управления настолько велика, что до сих пор приведенные выше положения советских конституций не реализованы.

Законы СССР (их было два, в том числе с поправками к первому Закону), предусматривающие порядок обжалования гражданами незаконных действий должностных лиц, коллегиальных органов управления в суд, сохранили в неприкосновенности все случаи исключения возможности граждан обращаться в суд. Необходимо отменить все ограничения в обращении граждан за защитой в суд и тем самым реализовать требования ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 58 Конституции СССР и соответствующих по содержанию статей конституций республик *в полном объеме*, т.е. распространить возможность обжалования гражданами в суд случаев всех незаконных действий должностных лиц и коллегиальных органов, ущемляющих права и свободы граждан.

Как мы видим, весьма актуальной является задача ликвидации отставания реальной законотворческой практики и ее реализации от провозглашенных коммунистической партией, высшими органами государственной власти конституционных идеалов всеобщего уважения личности, ее достоинства, охраны прав, свобод и законных интересов граждан.

Все чаще в научной литературе и в периодической печати ставится вопрос о возмещении не только материального, но и *морального ущерба*, наносимого личности.

Действительно, тезис о взаимной ответственности государства и личности, выдвинутый при характеристике социалистического правового государства, требует более всестороннего и глубокого осмысления в плане возмещения ущерба личности при нарушении различных видов личной безопасности граждан (экологической, медицинской и пр.) со стороны государства, его органов и должностных лиц.

Как сейчас хорошо известно, конкретные министерства и ведомства, их должностные лица виновны в трагедии на Чернобыльской АЭС, в крупных крушениях и авариях, жертвами которых оказались ни в чем не повинные люди. Государство, на наш взгляд, должно сполна возмещать ущерб потерпевшим. Сами потерпевшие должны определять размер ущерба, в суде добиваться полного его возмещения. Сейчас же соответствующие компетентные органы делают это в порядке «заботы» и «помощи» пострадавшим, делают как благодеяние потерпевшим в том размере и в том порядке, как это считает возможным сам виновный, а не потерпевший. Нужно менять сам принцип взаимоотношения личности с социалистическим государством, если оно претендует на то, чтобы быть с человеческим лицом, демократическим и правовым.

Еще пример в этом же плане. Государство обязано оградить человека от преступных посягательств. Подчас оно не выполняет своей

обязанности в силу некомпетентности, халатности и просто безделья, ничегонеделанья органов охраны правопорядка, их работников. Человек в результате не может добиться возмещения причиненного ему преступником вреда. В этом смысле, на наш взгляд, гражданин вправе поставить в суде вопрос о возмещении ущерба (хотя бы частично) самим государством. Генеральный прокурор СССР тов. А.Я. Сухарев в своем выступлении на II Съезде народных депутатов СССР заявил: «В общем требуется нам принципиально иной взгляд на ущерб от преступлений. Другое юридическое реагирование должно быть в правовом государстве на возмещение материального и морального вреда пострадавшим от преступлений. Над этим следует подумать не только юристам, но и социологам, психологам, представителям других наук и государственных органов» [«Известия», 1989, 23 декабря].

До сих пор господствовал идеологический штамп, согласно которому считалось, что моральный ущерб нельзя измерять деньгами (это отличало якобы нашу высокую мораль от морали буржуазной) [«Известия», 1989, 23 декабря]. При этом не бралось в расчет, что моральный ущерб сопровождается материальным (человек вынужден уволиться с работы, переехать в другой город и т.д.). Первая ласточка на пути реализации правила материального возмещения морального ущерба в нашем законодательстве уже появилась. В законе СССР «О печати и других средствах массовой информации» содержится статья 39 «Возмещение морального вреда». Она заслуживает полного одобрения. Приведем ее содержание: «Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также должностными лицами и виновными. Размер возмещения морального (неимущественного) вреда в денежном выражении определяется судом». Такая практика возмещения морального ущерба должна быть существенно расширена.

Права человека — забота общечеловеческая

Развитие прав и свобод человека в любой стране неотделимо от усилий, которые предпринимает в этой области все мировое сообщество. «Международные связи только тогда будут сполна отражать подлинные интересы народов и надежно служить делу их общей безопасности, — говорил М.С. Горбачев, выступая в ООН, — когда в центре всего будет человек, его заботы, права и свободы» [«Правда», 1988, 8 декабря]. Можно сказать, что *человечество вступает в новый этап борьбы за укрепление прав и свобод человека*. Усиление взаимозависимости в мире, новые возможности и угрозы, вытекающие из технологической революции, требования нового политическо-

го мышления, связанные с обеспечением общечеловеческих ценностей, — все это ведет к *интернационализации прав и свобод человека*. А это по-новому ставит вопрос о личности в международном праве, о международном сотрудничестве в обеспечении прав и свобод человека в странах любой общественной системы. До последнего времени у нас крамольной считалась мысль о личности как субъекте международного права, т.е. о международной правосубъектности личности. Такой подход в оценке личности сохраняется в угоду идеологизации международного права и сотрудничества государств. Сейчас от него нужно решительно отказаться и признать, что личность в международном праве — это не только его объект, но и активно действующий субъект как самостоятельно, так и через свое государство в международном общении, сотрудничестве в целях защиты прав и свобод, провозглашенных международно-правовыми документами, наиболее полного их обеспечения. Из международно-правовых документов (Всеобщей декларации прав человека, международных пактов о правах человека и др.) для граждан всех государств вытекает право (возможность) требовать от своего и других государств соблюдения общепризнанных прав человека как общечеловеческих. Такое отношение к правам человека должно стать нормой жизни и общения цивилизованного мира, всего мирового сообщества.

Сейчас особое значение имеет наиболее полное воплощение международных норм в области прав и свобод человека в практику национального законодательства и их реализация. Здесь есть свои проблемы в свете тех обязательств, которые взял Советский Союз, подписав Итоговый документ Венской встречи. Речь идет о наиболее последовательной реализации свободы убеждений, совести, эмиграции и реэмиграции, передвижения по стране и т.д., о расширении участия СССР в контрольных и иных механизмах по правам человека при ООН и в рамках строительства общеевропейского дома.

На наш взгляд, есть резервы и достаточные возможности в Советском Союзе для генерации новых гуманистических, демократических положений относительно прав и свобод человека, опережающих международные стандарты. Для этого надо отказаться от идеологизированных шор, смелее доверять индивиду, человеку.

Приведем пример с разработкой нового проекта закона СССР «О гражданстве СССР», принятого Верховным Советом СССР 23 мая 1990 г. [см.: «Известия», 1990, 1 июня]. Действовавший закон СССР «О гражданстве СССР» от 1 декабря 1978 г. дополнен рядом существенных норм материального и в особенности процессуально-го характера.

Однако закон, на наш взгляд, не лишен ряда недостатков и имеет резервы в направлении демократизации и гуманизации его содержания и усиления гарантий прав человека в сфере гражданства.

Так, полагаем возможным отказаться от института лишения советского гражданства. Это был бы прогрессивный шаг. Существование института лишения гражданства противоречит провозглашенно-

му международно-правовыми документами и подтвержденному в преамбуле закона «О гражданстве СССР» положению о том, что каждый человек имеет право на гражданство. При лишении гражданства речь идет, по существу, о единичных случаях. Стоит ли ради этих единичных случаев сохранять, на наш взгляд, недемократический институт лишения гражданства. В преамбуле закона сказано, что «никто не может быть произвольно лишен гражданства», однако в законе четко не определены законные основания лишения человека советского гражданства. Поэтому данное положение закона остается декларативным, юридически ничем не гарантированным.

Практика применения данного института печально известна, она носила сугубо политический характер и была в основном направлена против инакомыслящих. Институт лишения советского гражданства потенциально сохраняет возможность его злоупотребления. Такую возможность следует исключить.

Авторы закона идут дальше, но только не в плане гуманизации, и вводят новый институт автоматической утраты советского гражданства при ряде обстоятельств. Фактически он существовал относительно лиц, выезжающих в Израиль, но юридически признан не был (по крайней мере в открытой форме). Институт утраты советского гражданства, на наш взгляд, еще более антидемократический и негуманный. В числе оснований утраты советского гражданства значится, по существу, поступление на государственную службу в иностранном государстве. Вряд ли стоит также лишать человека права на гражданство за нарушение процедурных правил (несвоевременная постановка на консульский учет). Приобретение советского гражданства путем предоставления заведомо ложных сведений или фальшивых документов по своей природе означает недействительность приобретения гражданства, а не его утрату.

Важное значение приобретает создание новых международных стандартов по правам человека. Уже сейчас накоплен большой опыт формирования норм международного права в этой области, а также опыт практического обеспечения прав личности со стороны международных организаций. Общеизвестны усилия ООН и ЮНЕСКО по оказанию экономической помощи развивающимся странам, развитию образования, здравоохранения. Трагедия в Чернобыле способствовала усилению сотрудничества в рамках МАГАТЭ и дала серьезный стимул для совместных действий различных стран по защите окружающей среды. В последнее время предпринимаются усилия для совместной борьбы против международного терроризма.

Советский Союз является активным участником такого международного сотрудничества. Конечно, для его плодотворного развития нужно четко определить соотношение национального законодательства, основанного на принципе суверенитета, и общих глобальных интересов всего человечества. Однако главное — понять жизненную необходимость совместной деятельности по обеспечению и защите прав человека: *права на жизнь, на мир, на здоро-*

вую природную среду. Научно-техническая революция, внедрение новейших достижений науки и техники требуют разработки и принятия правовых мер защиты человека от возможных вредных последствий их использования.

Ни одно государство не может решить данных проблем самостоятельно. Важно осознать зависимость обеспечения прав и свобод человека не только от внутренних условий, состояния экономики, демократии, политической культуры, цели и содержания социальной программы государства, но и от внешнеполитических факторов, в особенности от сохранения мира и безопасности народов.

Вопрос о правах человека не исключает различных подходов, полемики. Главное — это то, что полемика должна стать стимулом к поиску совместных усилий для *улучшения положения личности во всех странах современного мира, в условиях любой общественной системы.*

Правовые аспекты национальных отношений в советской федерации

В контексте общественных изменений, которые происходят в СССР политико-правовая практика поставила вопрос об обновлении федерации. Это вызвано перестройкой нашего общества, преодолением кризиса межнациональных отношений, который связан с деформациями прошлых десятилетий, отклонением от ленинских принципов федерализма, фактической унитаризацией и сверхцентрализацией в организационном строении Союза, диктатом административно-бюрократического централизма в практике федеративных связей. Окопостенелые институты застойной бюрократизированной политической системы продемонстрировали невосприимчивость к потребностям и интересам, воле наций и народностей. Постыдной страницей нашей истории стали преступные акции сталинизма в отношении целых народов. В тугой узел переплелись ошибки и преступления прошлого, кризисное состояние экономики, социальной сферы, низкий уровень общей и политической культуры, правовой нигилизм. Этот неблагоприятный фон создал условия для нагнетания сепаратистскими силами в ряде регионов страны национальных конфликтов и разжигания недоверия к центру.

Неуверенная, пассивная позиция республиканских партийных организаций и в то же время активные действия националистических и сепаратистских сил поставили само существование федеративных связей с рядом республик на грань разрыва.

Демократия и гласность предоставили народам возможность высказать неудовлетворенность своим политическим, социально-экономическим и культурным состоянием. Сегодня мы пожинаем всходы того посева, когда репрессиями и эмиграцией истощили до предела и без того тонкий слой интеллигенции, безжалостно разрушили ценнейшие памятники старины, ослабили моральное здоровье общества, допустили политический авантюризм и экономический субъективизм. Невежество в культуре, политике, экономике, неуважение к праву, профессионализму привели нас к общему упадку системы, кризису межнациональных отношений.

Ситуация осложняется тем, что сейчас, когда началось движение по пути демократизации, резко усилились центробежные, сепаратистские тенденции. Федерация переживает кризис. Ее сталинская мо-

дель исчерпала свой потенциал. В национальных отношениях назрела потребность глубоких преобразований. Без развертывания перестроечных процессов, без демократизации и гуманизации общества, без опоры на науку эти проблемы не решить.

Национальной политикой на современном этапе надо заняться очень основательно и в практическом, и в научно-теоретическом плане. Новая модель обновленной федерации должна учитывать и наши реалии, и мировой опыт.

Как сохранить организационную целостность федерации? Как добиться восстановления доверия республик к центру и друг к другу? Как не допустить опасной дестабилизации общества? На эти вопросы мы пытаемся найти ответ.

Краткий экскурс в историю

Советской власти от царизма в области национальных отношений досталось тяжелое наследие. Страна раздиралась межнациональными противоречиями. Народы бывшей царской России находились на разных ступенях экономического и духовного развития. В этих условиях проблема государственного устройства приобрела жизненно важное значение. Многие тогда, в том числе и И.В. Сталин, выступали за автономизацию, т.е. вхождение советских республик в состав России на правах автономий, или даже за создание унитарного государства. Заслуга В.И. Ленина состоит в том, что он сумел выработать оптимальную стратегию партии в национальном вопросе и отстоять идею государственной федерации нового исторического типа (вспомним его тревожное письмо к съезду и работу «К вопросу о национальностях или об «автономизации» 1922 года.

В царской России не было суверенных национальных государств Украины, Белоруссии, Грузии, а были губернии Российской империи. Их народы не рассматривались как целостные нации. То же относится к народам Закавказья, Прибалтики, Молдавии. В Средней Азии в основе административного устройства лежали остатки феодально-теократических деспотий. После революции начался процесс консолидации наций, формирования социалистической государственности и одновременно развития взаимодействия, объединения в федерацию. Решающей вехой в этом отношении стал 1922 год, когда между РСФСР, УССР, БССР и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой был заключен Договор об образовании СССР.

1924—1929 годы — период размежевания народов Средней Азии и образования Узбекской, Туркменской, Таджикской и Казахской республик. В состав СССР вошли Литва, Латвия и Эстония. Происходило это в сложный исторический период, когда уже разгорался пожар второй мировой войны, фашизм захватывал одну страну за другой. В настоящее время в составе СССР 15 союзных, 20 автономных респуб-

лик, 8 автономных областей, 10 автономных округов. На его территории проживает более 100 наций и народностей. Однако Союз, первоначально образованный на принципах добровольности и равноправия субъектов федерации, на определенном этапе своего развития под влиянием сверхцентрализации и административно-бюрократического управления, сохраняя внешне федеративную форму государственности, деформировался в сторону унитаризма. Искажения ленинской национальной политики коснулись всех народов.

Сейчас, в условиях демократизации политического процесса, возрождения ленинских принципов союзного многонационального государства идет поиск новой конституционной модели федеративных отношений. Решается вопрос о перераспределении компетенции между Союзом ССР и республиками в сторону децентрализации государственного управления, расширения форм участия союзных и автономных республик, всех национально-территориальных образований в решении вопросов союзной компетенции и широкого самоуправления мест. Только на базе научно-прогностических исследований всего комплекса межнациональных отношений, путем отказа от нежизнеспособных политических и государственных структур, восстановления демократических норм и институтов начального периода советской федерации, на основе широкой гласности и свободы информации по всем вопросам межреспубликанских отношений можно позитивно решить острые противоречия в рамках обновленной федерации.

Чем совершеннее будет механизм народовластия, чем демократичнее и эффективнее его работа — законотворческая, распорядительная и контрольная, тем успешнее будут проходить экономическая, политическая и правовая реформы, возрождаться национальная государственность союзных, автономных республик. В жизнь советского общества должны войти полная гармонизация и гарантированность прав личности независимо от национальной принадлежности и каких-либо иных обстоятельств, повышение общей культуры и правосознания, динамизм экономических преобразований.

Главная задача, которую надо решить сегодня безотлагательно, — каким быть нашему Союзу. Юридическая наука, отбросив догматические концепции и стереотипы о бесконфликтности национальных отношений при социализме, пронизывающие наше философское и правовое сознание, пытается предложить новую модель федерации в соответствии с конкретной исторической ситуацией. Наиболее реальный путь выхода из межнационального кризиса, как нам представляется, — это поиск оптимального взаимовыгодного сочетания интересов Союза ССР, союзных и автономных республик; повышение реального статуса автономий; децентрализация управления политическими, экономическими, социальными и иными гуманитарными процессами; обеспечение гарантированных прав малочисленных народностей и народов, проживающих вне пределов своих национальных территорий.

Смысл реформы политической системы советского общества — упрочение национальной государственности республик, децентрализация управления экономикой, внедрение республиканского хозяйства при соблюдении интересов других республик и Союза в целом; развитие экономической самостоятельности первичных хозяйственных звеньев, местной инициативы, самоуправления; реализация материальных и духовных потребностей людей. Поиск в этом направлении уже начался. В повестку дня встал вопрос о новом Союзном договоре.

Концепция Союзного договора

Новую модель федеративных отношений должен оформить новый Союзный договор. Создание обновленной федерации — это двусторонний процесс, который требует диалектического сочетания широкой самостоятельности республик с координационными функциями центра, взаимного самоограничения своих суверенных прав как со стороны Союза, так и союзных республик, повышения статуса автономий, создания механизма правовых гарантий малочисленных народов и народностей, не имеющих своей национальной государственности. Эти проблемы можно решить только на основе консенсуса, т.е. взаимных уступок и компромиссов.

Уже принят ряд общесоюзных законов, в частности «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 4 апреля 1990 г., «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г., «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» от 26 апреля 1990 г. В республиках принимаются декларации о суверенитете, законы об экономической самостоятельности, о языках, гражданстве и др. Эти акты затрагивают проблематику Союзного договора. Представляется, что в ходе разработки этого документа в него интегрируются все наиболее важные законодательные новеллы.

Соотношение Союзного договора с Декларацией и Договором об образовании СССР от 30 декабря 1922 г.

При разработке Союзного договора неизбежно встанет вопрос о его соотношении с Декларацией и Договором об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. Новый Союзный договор не может ставить под сомнение правомерность Договора об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. Этот акт стал юридическим фундаментом нашей федерации. Все последующее развитие Союза ССР после объединения РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР происходило путем присоединения республик на основе положений Договора 1922 г. об открытом характере советской федерации или путем преобразования некоторых ав-

тономных республик в союзные. Союз создан, существует более 70 лет, и это — незыблемая историческая реальность. На современном этапе перестройки встала задача определить статус обновленной федерации, более четко разграничить предметы ведения Союза ССР, союзных и автономных республик.

Отметим, что Союзный договор будет новым юридическим документом, учитывающим предшествующий опыт развития федерации, отражающим настоящий этап перестройки в отношениях между республиками и Союзом ССР, гарантирующим свободное развитие национальной суверенной государственности на основе договорного сотрудничества. В этом получит выражение новизна и преемственность Союзного договора.

Что касается Декларации об образовании СССР 1922 г., то она фиксировала цели объединения союзных республик на том историческом этапе, когда Союз создавался. Сейчас ситуация изменилась. Многие догмы, которые тогда считались незыблемыми (диктатура пролетариата, противоборство капитализма и социализма), поколеблены. Цели обновленной федерации получают теперь отражение в Преамбуле нового Союзного договора.

Союзный договор поднимет авторитет национальной государственности союзных и автономных республик, обеспечит гармонизацию межнациональных отношений. В нем обязательно будет подчеркнута, что СССР развивается как союзное многонациональное государство, созданное в результате свободного самоопределения народов, добровольного объединения равноправных советских республик.

Субъекты Союзного договора

Вопрос о разработке Союзного договора связан с определением круга его участников. Если речь идет об обновлении, круг участников остается прежний (союзные республики и Союз ССР), если это новый Договор — могут появиться новые участники (новые союзные и автономные республики).

Некоторые ученые, публицисты и народные депутаты СССР высказывают мысль о предпочтительности горизонтальной структуры советской федерации, т.е. уравнивании в правах союзных республик с автономными образованиями и предоставлении последним статуса союзной республики со всеми вытекающими последствиями. Нам думается, надо различать два вопроса: о новых участниках Союзного договора и уравнивании статуса автономий с союзными республиками.

Если встать на точку зрения расширения круга участников Союзного договора, то к союзным республикам должны прибавиться еще 38 субъектов — 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов. Конечно, при этом не должны быть нарушены права союзных республик, в составе которых имеются автономии,

и прежде всего РСФСР, на которую приходится 82,36% всех автономных образований в СССР.

Союзный договор может заключаться между суверенными национальными государствами, как союзными республиками, изначально имеющими право свободного выхода из состава СССР, так и автономными республиками, образованиями особого рода, созданными в рамках союзной республики для сохранения самобытной национальной культуры, языка, исторических традиций, среды обитания малочисленных народов.

Автономные образования — это органическая структурная часть союзной республики, на территории которой последние находятся. Часть не может иметь тот же правовой статус, что и целое. Ни автономные республики, ни автономные области и округа правом на выход из состава союзной республики, а тем более из СССР не обладали и обладать не могут, за исключением одной единственной чрезвычайной ситуации, когда союзная республика выходит из состава СССР, автономные образования сами решают вопрос о своем пребывании в Союзе [ст. 3 Закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г.].

Союзный договор должен предусмотреть широкую политическую и экономическую самостоятельность всех участников. Но нельзя без согласия союзной республики менять ее статус и статус автономных образований. Это нарушило бы суверенитет союзной республики, ввело в структуру нашей государственности элемент дестабилизации, подогрело бы центробежные настроения.

С принятием Законов СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» от 26 апреля 1990 г., «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 4 апреля 1990 г., «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. и «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» от 9 марта 1990 г. и у союзных, и у автономных республик появляются широкие возможности для реализации экономической самостоятельности и социальных программ.

Заключая Союзный договор, республики подтверждают свое намерение и впредь пребывать в Союзе, сохранить его в целях совместного экономического и социального развития, обеспечения охраны суверенных прав и безопасности своих народов, эффективного участия в международном сотрудничестве.

Цели Союзного договора

Новый Союзный договор должен отразить развитие договорного принципа строения Союза, утвердить оптимальную модель взаимоотношений между союзными, автономными республиками и Союзом ССР. В решении этих вопросов важное значение имеет постановление I Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внут-

ренной и внешней политики», в котором подчеркивается, что вопросы национальных отношений должны решаться в рамках федеративного устройства нашего многонационального государства, что оно должно быть наполнено новым политическим содержанием, что в новой Конституции СССР следует воплотить ленинское федеративное устройство. Обновленная федерация должна быть государственным образованием, гарантирующим реальную суверенитет республик на базе их экономической самостоятельности, четкого разграничения компетенции Союза ССР, союзных и автономных республик в планировании, формировании бюджета, налоговом и кредитном деле, ценообразовании. Отношения союзных республик с центром, другими союзными и автономными республиками строятся на равноправной, эквивалентной и взаимовыгодной основе, т.е. на доверии и правовой стабильности.

Формирование социалистического рынка является одним из главных условий укрепления целостности и обновления федеративного устройства страны. Этот процесс включает в себя многообразие форм собственности и хозяйствования, право выбора каждым работником и коллективом наиболее рациональных способов приложения своих усилий, существования эффективного рыночного механизма, дополняемого методами планового развития экономики и социальной защиты населения.

Новый Союзный договор подтвердит суверенный характер государственной власти как союзной, автономной республики, так и Союза ССР.

Объединение республик в Союз и пребывание в нем влечет определенное самоограничение всеми участниками Союзного договора своих прав в пределах достигнутого согласия. Однако Союзный договор нельзя ограничить исключительно вопросами перераспределения компетенции между Союзом ССР, союзными и автономными республиками. Представляется, что необходимой структурной частью его должна стать Преамбула, где очень кратко следует определить цель построения гуманного демократического социализма: полновластие народа в форме законодательной, исполнительной и судебной властей, а также форм непосредственной демократии. В Союзном договоре получат отражение цели построения социалистического правового государства, желание СССР занять достойное место в мировой цивилизации, будет подчеркнуто, что и республики, и Союз вносят свой вклад в общесоюзное и международное разделение труда.

Вероятно, Союзный договор предусмотрит многовариантность внутригосударственных связей между союзными республиками и автономными образованиями вплоть до делегирования полномочий Союзом ССР союзной республике и, наоборот, передачу ряда полномочий по дополнительному договору от республики Союзу на определенный срок. Соответственно дополнительный договор может заключаться между союзной республикой и автономным образованием.

Союзный договор должен, по-видимому, предусмотреть механизм разрешения противоречий между СССР, союзными республиками и

автономными образованиями, а также участие Союза в решении споров между участниками Договора. В то же время надо четко представлять, что суверенитет и республики, и Союза ССР не может быть абсолютным. В федеративном государстве неизбежно добровольное самоограничение суверенитета в рамках Союзного договора. Это важно подчеркнуть еще раз, ибо некоторые республики исходят из неограниченности своего суверенитета, игнорируя при этом суверенитет СССР.

Союзный договор подтвердит право каждой союзной республики на свободный выход из состава СССР и закрепит положение о том, что порядок осуществления выхода республики из СССР определяется законом СССР. Такое решение должно приниматься населением союзной республики путем проведения референдума в $\frac{2}{3}$ голосов граждан СССР, постоянно проживающих на территории союзной республики и имеющих право голоса согласно законодательству СССР. Отмена или ограничение права выхода их состава СССР требует согласия всех союзных республик.

Союз ССР в лице своих высших органов государственной власти решит условия компенсации союзной собственности, остающейся в республике; вопросы, касающиеся объектов обороны, коммуникаций, средств связи, переориентации экономических контактов; механизм компенсации личных затрат людям, которые не пожелают остаться в отделившейся республике (строительство для них жилья в других республиках, создание новых рабочих мест).

Думается, Союзный договор может предусмотреть в случае систематического нарушения его условий временное прекращение договорных отношений с республикой. Это решение должно приниматься $\frac{2}{3}$ голосов всех граждан СССР, обладающих избирательным правом по законодательству СССР.

Договор должен предусмотреть, что в случае добровольного выхода из состава СССР или прекращения связей союзная республика погашает все свои обязательства, вытекающие из Союзного договора, Конституции СССР, законов СССР, дополнительных договоров и соглашений, заключенных с СССР, другими союзными республиками или автономными образованиями, международных договоров и соглашений.

Конечно, реально оценивая ситуацию, можно предположить, что не все республики, которые сейчас являются субъектами СССР, пожелают остаться в рамках советской федерации на прежних условиях. Об этом свидетельствуют декларации независимости, принятые в Прибалтийских республиках, Грузии, Молдавии. Суверенное право каждой союзной республики на выход из Союза никогда не подвергалось сомнению, и это право каждая из них может реализовать, тщательно взвесив все «за» и «против», посоветовавшись с народом, и рассчитавшись как с Союзом, так и с другими республиками по взаимным обязательствам, приняв на себя правопреемство в соответствии с Союзным договором, Конституцией СССР, Законом СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республи-

ки из СССР» от 3 апреля 1990 г. и международными соглашениями СССР.

Не исключено, что какая-то часть республик пожелает иметь особый статус в составе СССР или оформить с СССР конфедеративные отношения. Думается, надо предоставить республиками право свободно выбирать характер связей с СССР.

Объем и содержание Союзного договора

Союзный договор будет фиксировать добровольную передачу полномочий союзными республиками в ведение СССР и реальный объем суверенных прав Союза ССР. Время диктует стремление к большей самостоятельности союзных республик и автономных образований. Однако союзные и автономные республики, обвиняя центр в стремлении «вырвать» себе как можно больше прав и полномочий, порой не учитывают одну простую истину: в современном мире возможно сохранить национальную независимость и самобытность лишь при наличии сильных центральных органов власти, боеспособной армии. Союз силен республиками, но и республики не в меньшей мере сильны центром.

Перечень исключительных полномочий Союза ССР в Договоре должен быть исчерпывающим, чтобы исключить взаимные претензии и споры о правах в будущем. Нельзя оставлять за Союзом право принимать к своему рассмотрению и решать практически любой вопрос (п. 12 ст. 73 Конституции СССР), что делало во многом формальными реальную компетенцию и суверенитет республиканских властей. В Союзном договоре должна быть особо выделена обязанность и союзных, и автономных республик, и Союза ССР обеспечивать права и свободы граждан, установленные Всеобщей декларацией прав человека, международными пактами о политических и гражданских правах человека, а также хельсинкскими и венскими договоренностями. Права граждан СССР должны соблюдаться независимо от расовой и национальной принадлежности, социального происхождения, пола, языка, времени проживания в данной местности, занимаемой должности и других оснований. Права граждан вытекают не из Договора, а из человека, внутригосударственного законодательства, естественной природы международных пактов, конвенций и соглашений о правах человека. Изначально ему принадлежит право на жизнь, здоровую окружающую среду. Это необходимо утвердить в Союзном договоре, ибо, к сожалению, практика показывает, что по многим позициям в сфере прав человека республиканские законодатели допускают антидемократические изъятия. Поэтому к ведению Союза ССР, как нам представляется, надо отнести: установление основ правового положения советских, а также находящихся на территории СССР иностранных граждан и лиц без гражданства; защиту прав и свобод граждан СССР независимо от места проживания.

Бесспорно, Союзный договор должен зафиксировать принцип единого союзного гражданства, записать, что основания и порядок приобретения и утраты советского гражданства определяются Законом СССР. Каждая союзная республика на основе этого Закона принимает соответствующий республиканский закон, который не может ограничивать права граждан СССР. Гражданин СССР за границей пользуется защитой и покровительством Советского государства. Очень важно подчеркнуть, что принадлежность лица к гражданству союзной республики не может ограничиваться какими-либо цензами, затрагивающими его политические и гражданско-правовые интересы.

Союзный договор, с нашей точки зрения, должен фиксировать сферу исключительного ведения СССР, т.е. круг вопросов, которые переданы республиками в ведение СССР, и компетенцию СССР в сфере совместного ведения Союза ССР и союзных республик. К исключительному ведению СССР, как нам думается, республики могут отнести вопросы государственной структуры, т.е. определения рамок федерации — принятие в состав СССР новых союзных республик; утверждение изменения статуса автономных республик и автономных областей, автономных округов; установление общих начал правового положения автономных республик, автономных образований, а также национально-административных территориальных единиц; определение государственной границы СССР и ее режима; регулирование организации и деятельности органов Союза ССР, общих начал местного самоуправления и организации местного хозяйства.

В связи с тем что целью Союзного договора является развитие экономической кооперации союзных и автономных республик и создание единого рынка как средства подъема экономики, уровня жизни граждан, к исключительному ведению СССР в сфере экономики должно быть отнесено утверждение общесоюзных экономических и социальных программ; установление общесоюзных налогов и других обязательных общесоюзных платежей, направляемых на формирование союзного бюджета; единой денежной системы и системы государственных банков СССР; утверждение Государственного бюджета СССР; управление магистральным железнодорожным, воздушным, морским и трубопроводным транспортом, космическими системами, общегосударственной энергетической системой, системами связи и информации, оборонной промышленностью, а также иными объектами, отнесенными к общесоюзной государственной собственности.

К исключительной компетенции федерации можно было бы отнести предоставление Союзом ССР государственных займов, экономической и иной помощи иностранным государствам, заключение соглашений о государственных займах и кредитах, получаемых Союзом ССР из иностранных источников. К союзной компетенции должно быть традиционно отнесено определение внешней политики СССР, заключение международных договоров СССР, представительство СССР в международных отношениях, вопросы войны и мира.

Одна из целей, для достижения которых заключается Союзный договор, — обеспечение безопасности страны и каждой союзной и автономной республики. Поэтому Союз ССР должен взять на себя защиту суверенитета и территориальной неприкосновенности СССР пограничными и внутренними войсками, обеспечение государственной безопасности.

Построение правового государства в рамках федерации, естественно, потребует установления Союзом ССР основных начал отраслевого законодательства, а также принятия конкретных законов и кодексов СССР, если это предусмотрено Союзным договором, Конституцией СССР и основными началами отраслевого законодательства.

В экономической сфере в области совместного ведения Союза ССР и союзных республик Союзу ССР следовало бы передать определение общей финансовой политики и основных принципов ценообразования, обеспечение функционирования общесоюзного рынка и его защиту; проведение общей политики в области использования трудовых ресурсов, оплаты и охраны труда; координацию и стимулирование развития культуры, образования, научных исследований и научно-технического прогресса.

Союз не может быть отлучен от общего руководства охраной общественного порядка; установления общего порядка взаимоотношений союзных республик с иностранными государствами и международными организациями; общего руководства внешнеэкономической деятельностью. При этом союзное руководство должно смещать акценты с директивных методов на приемы инспекционного и финансового контроля, научной координации.

Четкое разграничение полномочий союзных и республиканских органов власти позволит республикам максимально самостоятельно решать все вопросы социально-экономической, политической жизни, за исключением тех, которые переданы ими Союзу. К тому же каждая союзная республика имеет возможность участвовать в решении вопросов союзного значения на Съезде народных депутатов СССР, в Верховном Совете СССР, Правительстве СССР, Совете федерации, других союзных органах.

Союзный договор и вопросы статуса автономных образований и национальных меньшинств

Представляется, что в Союзном договоре должен быть раздел, посвященный автономным образованиям и национальным меньшинствам. Это колоссальной значимости проблема, которая в условиях перестройки приобрела большую остроту.

В обновленной федерации следует более четко определить статус автономных образований. Возможно преобразование автономных округов в автономные области.

В Союзном договоре должно быть установлено, что вне пределов прав Союза ССР и союзной республики автономная республика самостоятельно решает все вопросы, относящиеся к ее ведению. Автономная республика, с нашей точки зрения, должна получить права, равные с союзной, за исключением права свободного выхода из Союза ССР; обладать законодательной инициативой на Съезде народных депутатов СССР и в Верховном Совете СССР; иметь свое представительство в столице СССР и союзной республике, в состав которой она входит; иметь право выхода на внешний рынок. Союзный договор, защищая права автономных образований, должен установить, что федерация признает любую форму автономии и защищает права национальных меньшинств на культурно-национальную автономию, что статус автономных образований может изменяться путем референдума.

Необычно острой стала проблема защиты прав отдельных групп малочисленных народностей и народов, проживающих вне пределов своих национальных образований или не имеющих своей национальной государственности. Учитывая нормы Закона СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» от 26 апреля 1990 г., следует предусмотреть в Союзном договоре возрождение таких форм самоопределения малочисленных народностей, как национальные районы, национальные сельские и поселковые Советы народных депутатов, создававшиеся в 1920 году; возможность образования самоуправляющихся национальных групп и общин. Надо создать условия для развития национальной самобытности, исторических традиций, культуры и языка всех национальностей СССР — как больших, так и малых. Эта мысль проводится в Платформе ЦК КПСС по вопросам национальной политики партии в современных условиях, принятой сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС.

В целях обеспечения прав граждан некоренной национальности необходим комплекс специальных мер правового, социально-экономического и организационного характера. Вероятно, на основе всестороннего и глубокого изучения запросов и потребностей малочисленных народов целесообразно разрабатывать научно обоснованные социальные нормативы, предусматривающие обеспеченность граждан школами и преподаванием на родном языке, другими учреждениями народного образования и культуры, учебниками, произведениями литературы, периодическими изданиями. Речь идет о развитии культурно-национальной автономии.

Желательно продумать вопрос о справедливом представительстве всех наций и народностей в органах государственной власти, управления, суда, прокуратуры, арбитража союзной и автономной республики. Это надо делать безотлагательно, ибо многие малочисленные народности оказались в ситуации, когда стоит вопрос об их выживании, сохранении корней, традиций, культуры, языка.

Приобрела остроту проблема гарантий прав и сохранения национальной самобытности различных национальностей, которые в силу интенсивных миграционных процессов оказались рассеянными по всем регионам страны. Всего в результате экономических, социальных, демографических процессов, межнациональной миграции более 60 млн. людей в СССР проживают вне границ своих национальных республик. Из них 5 млн. русскоязычных — в Прибалтике, 2 млн. — в Молдавии. Этнические выходцы из Советской России проживают во всех союзных и автономных республиках, нередко компактно. Целесообразно в таких случаях создавать представительства РСФСР в других союзных республиках для связи со своими соотечественниками. В случае их дискриминации государство должно принять меры согласно международной практике защиты прав человека.

И наконец, как нам представляется, Союзный договор должен включать норму о языке. Союз ССР гарантирует свободное развитие и равноправное использование всех языков народов СССР. Союзный договор впитает в себя нормы Закона СССР «О языках народов СССР» от 24 апреля 1990 г. о свободном развитии и равноправном использовании языков народов СССР. Объявляя государственным языком язык народа, давшего имя республике, необходимо законодательным образом гарантировать свободное развитие языков всех других народов, населяющих территорию республики.

Статус государственного языка не должен вести к языковой дискриминации. Чтобы избежать недовольства со стороны иноязычного населения, проживающего в союзных и автономных образованиях, нужно придать статус общегосударственного (официального) русскому языку, который фактически завоевал признание как язык межнационального общения.

Таким образом, новый Союзный договор должен предложить новую модель федерации — интеграцию свободных суверенных государственных образований в рамках СССР при условии добровольности вхождения в Союз и свободы избрания формы союзных отношений. Общность экономических и политических интересов Союза ССР, союзных и автономных республик обеспечит сохранение внутренней стабильности, устойчивость федерации.

Важнейшим гарантом Союзного договора выступает Президент СССР. На него возложена обязанность принимать меры по охране суверенитета Союза ССР и союзных республик, безопасности и территориальной целостности страны, по реализации принципов национально-государственного устройства СССР (абз. 2 ст. 127³ Конституции СССР).

Вопросы соблюдения Союзного договора будет рассматривать Совет федерации. Он же разрабатывает меры по проведению в жизнь национальной политики Советского государства; представляет Совету Национальностей Верховного Совета СССР рекомендации по разрешению споров и урегулированию конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях, координирует деятельность союзных ре-

спублик и обеспечивает их участие в решении вопросов общесоюзного значения, отнесенных к компетенции Президента.

Идея национальной независимости: мифы и реальность

В качестве способа решения национальных проблем муллируется идея достижения полной государственной независимости путем самоопределения вплоть до отделения и выхода из состава СССР. Эта идея настойчиво внедряется в сознание народов Прибалтики, Азербайджана, Грузии, Молдавии националистическим крылом политизированных массовых движений. Людям внушаются иллюзорные идеи о благоденствии в случае выхода из СССР и отказа от социализма. Национальная карта разыгрывается как метод завоевания популярности у народов. Националистические силы массовых народных движений откровенно призывают к разрыву федеративных связей с СССР, отказу от участия в общем движении советского общества по пути к обновленному социализму.

Идея национальной независимости обладает притягательной силой для общественного сознания. Особенно, когда в народе бродит недовольство уровнем жизни, сильны обиды за прошлое. Грань между национальным и националистическим очень зыбкая. Национализм, паразитируя на естественных национальных чувствах, национальном возрождении, старается вести свою политическую игру на деформациях прошлого. При недостатке политической культуры, всплеске страстей и эмоций в сознание народа легко проникает инфекция национализма. А это уже яд, который рано или поздно разрушает любой общественный организм, разъедает его иммунную систему, душу народа.

Безудержная проповедь националистических идей в республиках Прибалтики, Армении, Азербайджане, Молдавии, явное давление сепаратистских сил на общественное мнение очевидна. Так, Декларация Национального фронта Эстонии «О национальном самоопределении» констатирует, что «эстонская государственность может развиваться только в направлении восстановления правовой преемственности государственности, прерванной в 1940 году». Социал-демократическая партия Эстонии выдвигает главной целью достижение независимого эстонского государства; вывод советских войск из Эстонии. Идеал партии свободных эстонских демократов — свободная, независимая Эстония, ориентированная на Европу.

Дума Народного фронта Латвии одобрила обращение своего правления, предложившего членам Фронта обсудить целесообразность борьбы за политическую и экономическую независимость Латвии, т.е. достижение ее суверенитета за рамками государственности СССР. Наряду с Народным фронтом здесь действует Партия возрождения Латвии, основной метод борьбы которой — гражданское неповиновение, и Движение за национальную независимость

Латвии, которое в качестве сверхзадачи выдвигает достижение государственной независимости.

Особую активность в этом направлении проявляют «Саюдис», Социал-демократическая партия, Партия христианских демократов, ряд других политических организаций Литвы. Здесь реанимируется партия «Таутининкай», которая в 1926 году совершила государственный переворот и установила авторитарный режим. Все эти формирования исповедуют сепаратистские идеи. Политизируется католическая церковь. На сепаратистские позиции встала большая часть Компартий Литвы, Эстонии, Латвии. Не без участия Народных фронтов Армении, Азербайджана, Комитета Карабах в Армении нагнеталась напряженность в межнациональных отношениях. Весьма крайние позиции занимает украинский Хельсинкский союз, Христианско-демократический союз, движение «РУХ», которые используют непростую религиозную ситуацию в Западной Украине.

О том, что идеи сепаратизма пустили глубокие корни, свидетельствуют данные социологического опроса населения Литвы, проведенного Институтом Гэллапа в феврале 1990 года. За создание независимого демократического государства вне СССР высказалось 63% респондентов, в том числе 72% литовцев; за самостоятельность республиками в конфедерации вместе с другими советскими республиками соответственно 24 и 23%; за создание самостоятельной республики в составе СССР — 10 и 4%.

Сторонники достижения полной государственной независимости союзных республик пытаются теоретически обосновать свои притязания ссылками на работы В.И. Ленина и теорию государственного суверенитета.

Сложная политическая проблема права наций на самоопределение трактуется односторонне, исключительно как право на отделение. Понимая самоопределение как свободный выбор народами формы государственного устройства, В.И. Ленин в то же время разъяснял, что это право не означает непременно отделения. «Отделение, — писал он, — вовсе не наш план. Отделение мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения» [Полн. собр. соч., т. 48, с. 235].

Являясь самым последовательным защитником национальных прав и свобод, В.И. Ленин не скрывал своего отрицательного отношения к межнациональной раздробленности и сепаратизму [Полн. собр. соч., т. 1, с. 4], и сам факт образования Союза ССР — безусловное доказательство ошибочности односторонней трактовки права наций на самоопределение как отделение.

Приверженность идее свободного самоопределения народов подтверждается и в Программном заявлении XXVIII съезда КПСС «К гуманному, демократическому социализму». Этот принцип в обновленной советской федерации предполагает свободу национально-государственных образований выбирать формы государственного

ройства, институты и символы государственности, право каждого народа самостоятельно решать экономические, политические, социально-культурные вопросы своего развития. Самоопределение народов в условиях федерации предполагает объединение республик и других национальных образований для решения общих для всей страны и каждого народа в отдельности задач. Союзный договор должен отразить все эти вопросы.

Касаясь теории государственного суверенитета, напомним, что суверенитет в правовой литературе трактуется как независимость государственной власти в решении внутривнутриполитических и международных проблем. Но в рамках советской федерации суверенитет СССР и суверенитет республик органически сочетаются и составляют диалектическое единство. Республики, объединяющиеся в Союз, сохраняют свои суверенные права. СССР осуществляет государственную власть самостоятельно на всей своей территории в пределах компетенции Союза, которую ему передали республики. Суверенитет республики произведен от суверенитета народов, проживающих на ее территории. Суверенная власть в федерации имеет иерархическую структуру. Союз ССР признает, охраняет и гарантирует суверенитет союзной и автономной республики. В свою очередь республики признают и уважают суверенитет СССР. Так, например, Конституционный закон Азербайджанской ССР от 23 сентября 1989 г. «О суверенитете Азербайджанской ССР» признает, что взаимоотношения между Азербайджанской ССР и Союзом ССР строятся на договорной основе, исходя из суверенитета СССР и суверенитета Азербайджанской ССР. В Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой I Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г., подчеркивается, что РСФСР — это суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами. Провозглашается решимость народов России создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР (Пreamбула). Суверенный характер государственной власти РСФСР касается всех сфер государственной и общественной жизни, за исключением тех вопросов, которые ею добровольно переданы в ведение Союза ССР (ст. 5).

Таким образом, суверенитет СССР, союзной и автономной республики надо понимать не как абсолютную независимость, а как осуществление государственной власти в рамках советской федерации, т.е. возможность принимать любые решения в последней инстанции по вопросам, которые входят в круг их непосредственной компетенции. Превышение суверенных прав союзной республики грозит подрывом единства Союза, хаосом, дестабилизацией общественно-политической системы и должно пресекаться. Превышение суверенных прав Союзом ССР может иметь следствием нарушение суверенных прав союзных республик, которые имеют право приостанавливать действие союзных актов и обращаться в Комитет конституционного надзора СССР.

Союз ССР — это государственное объединение всех народов и народностей страны. Он координирует взаимоотношения между союзными, автономными республиками, автономными областями и округами, национально-территориальными единицами. Союз может контролировать законность республиканских нормативных актов и опротестовывать их в том случае, если они выходят за пределы республиканской компетенции. Только так, на основе консенсуса, можно конструктивно строить взаимоотношения в рамках федерации.

Как один из путей достижения национальной самостоятельности некоторые правоведы и политики предлагают идею конфедерации. Конфедерация — это не союзное государство, а межгосударственный союз, в котором его члены абсолютно автономны, имеют независимую систему государственных органов и законодательства, автономное гражданство, свою валюту, национальную армию. Субъекты конфедерации обладают правом санкционирования и нуллификации (т.е. отмены) актов союзных органов. Подобного рода образования, как показывает история, имеют временный характер. Опыт создания конфедерации в США (1781—1789 гг.) обернулся полным провалом. Распались и все другие конфедерации. Швейцария, сохранив в названии страны термин «конфедерация», фактически после принятия Конституции 1848 года стала федерацией. Как средство на пути создания в будущем единого государства предлагается использовать конфедеративные отношения, т.е. создать конфедеративный союз между Северной и Южной Кореей. Но у нас уже создано единое многонациональное федеративное государство. И преобразование его в конфедерацию будет шагом на пути к разъединению.

Однако нельзя, наверное, исключить ситуацию, когда республика после завершения переходного периода по выходе из состава СССР пожелает сохранить с ним конфедеративные связи, или получить особый статус в составе СССР.

В Прибалтике есть и иное обоснование государственной независимости республик. Раз пакт Молотова — Риббентропа признан незаконным, следовательно, имело место не вхождение Прибалтийских республик в состав СССР, а их оккупация. Отсюда делается вывод, что юридически эти республики не признают свое членство в СССР и могут потребовать от Союза ССР контрибуцию за незаконную оккупацию.

В республиках Прибалтики идея национального обособления, государственной независимости получила правовое оформление. Наиболее далеко в этом отношении зашла Литва. Первым актом, в котором идея национальной независимости получила правовое выражение, была Декларация Верховного Совета Литовской ССР «О государственном суверенитете Литвы», принятая 18 мая 1989 г. В ней провозглашалось, что в 1940 г. на основе пакта и дополнительных тайных протоколов, принятых Германией и СССР в 1939 г., суверенное Литовское государство было насильственно и незаконно присоединено к Советскому Союзу, утратив тем самым политическую, эко-

номическую и культурную самостоятельность. Проводилась мысль о заключении новых договоров с СССР, с другими республиками. «В будущем, — говорилось в упомянутой Декларации, — отношения с СССР и другими государствами (имеются в виду другие союзные республики. — *Н.М.*) должны устанавливаться только на основе межгосударственных договоров». Постановлением Верховного Совета Литовской ССР от 4 сентября 1989 г. была создана Комиссия по разработке плана восстановления государственности Литвы. В постановлении Верховного Совета Литовской ССР от 7 февраля 1990 г. «О советско-германских договорах от 1939 г. и ликвидации их последствий для Литвы» объявлено, что Декларация Народного Сейма Литвы от 21 июля 1940 г. о вхождении Литвы в СССР как не выражающая волю литовского народа является незаконной и недействительной, а Закон СССР «О принятии Литовской ССР в Союз ССР» от 3 августа 1940 г. объявлен незаконным и юридически не связывающим Литву.

И наконец, 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР принял акт «О восстановлении независимого Литовского государства». Этим актом подтверждается, что акт Литовского Совета о независимости от 16 февраля 1918 г. и резолюция учредительного Сейма от 15 мая 1920 г. о восстановлении демократического Литовского государства никогда не утрачивали правовой силы и являются конституционной основой Литовского государства. В Декларации о полномочиях депутатов Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта 1990 г. подчеркивается, что «совершенные 15 июня 1940 г. Советским Союзом насилие и агрессия привели к ущемлению суверенных прав народа и незаконной инкорпорации Литвы в состав СССР». Законом Литовской Республики от 11 марта 1990 г. восстановлено действие Конституции Литвы от 12 мая 1938 г. Прекращено действие Конституции (Основного Закона) СССР от 7 октября 1977 г., а также Основ законодательства Союза ССР и союзных республик, других законов СССР, Конституции Литовской ССР от 20 апреля 1978 г. на территории Литвы. Подчеркивается, что Литва никогда не была законной частью СССР и на нее не распространяются предписания законов СССР. Все предприятия общесоюзного подчинения, находящиеся на территории Литвы, объявлены республиканской собственностью.

Все эти и иные многочисленные акты подобного рода были в спешном порядке приняты Верховным Советом Литовской ССР в момент, когда в СССР обсуждались вопросы Союзного договора, разграничения компетенции между СССР, союзными и автономными республиками, принимались меры по установлению самостоятельности республик в экономической и политической сферах. III Съезд народных депутатов СССР, Президент СССР, Правительство СССР рассматривают эти действия Верховного Совета Литовской ССР как попытку затормозить нормальный конституционный процесс, как действия, направленные против перестройки, против того исторического поворота, который проходит в целом по стране. Сейчас на время пе-

реговоров между СССР и Литвой на эти акты объявлен 100-дневный марафон.

Акты, направленные на закрепление государственной независимости, приняты и в других Прибалтийских республиках. Так, постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 12 ноября 1989 г. «Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году» квалифицировало внешнеполитические и военные акции, предпринятые сталинским руководством Советского Союза в 1940 году в Эстонии, как агрессию против Эстонской республики, военную оккупацию и аннексию. Выборы в Государственную Думу Эстонской республики, проведенные 14 и 15 июля 1940 г., признаны недействительными и образованный таким образом парламент неправомочным принимать решения, изменяющие статус Эстонии. Поэтому включение в 1940 г. Эстонии в Советский Союз признано Верховным Советом Эстонской ССР неправомочным, а Декларация Государственной Думы Эстонии от 22 июля 1940 г. о вступлении Эстонии в СССР юридически недействительной, поскольку она не основывалась на свободном волеизъявлении народа.

Правда, принятие настоящего постановления не истолковывается эстонскими юристами как применение ст. 69 Конституции республики, т.е. не является заявлением или декларацией о выходе из состава СССР. Верховный Совет Эстонской ССР постановил ходатайствовать (перед кем?) о восстановлении Эстонии в качестве субъекта международного права. В то же время Верховный Совет Эстонской ССР оставил за собой право на переговоры об отношениях в Союзе суверенных государств и в международном сообществе.

Верховный Совет Эстонской ССР нового созыва 30 марта 1990 г. принял постановление «О государственном статусе Эстонии», в котором признает государственную власть СССР в Эстонии незаконной и провозглашает восстановление Эстонской республики. Предусмотрен переходный период, который завершится образованием конституционных государственных органов Эстонской республики. На переходный период Верховный Совет ССР разработает временный порядок правления со всеми правовыми гарантиями для всех жителей независимо от национальности.

Создана Комиссия Верховного Совета Эстонской ССР по достижению государственного суверенитета Эстонии, в задачу которой входит выработка программы действий по приведению государственного статуса республики в соответствие с суверенитетом и восстановление ее в качестве субъекта международного права, а также Комиссия по вопросам экономической и политической независимости Эстонии. Принята также Декларация о сотрудничестве Верховного Совета ЭССР с Конгрессом Эстонии от 30 марта 1990 г., в которой последний признается представительным органом граждан Эстонской республики и восстановителем ее государственной власти. Подтверждается готовность к сотрудничеству с Конгрессом Эстонии и Комитетом Эсто-

нии в деле восстановления Эстонской республики на основе правовой преемственности.

По существу, эти акты повторяют литовский вариант достижения самостоятельности, но несколько замедленными темпами. Опять республика пытается решить вопросы своего статуса в одностороннем порядке, без согласования с Союзом ССР, игнорируя действующее союзное законодательство.

А какова ситуация в Латвии? Декларация о государственном суверенитете Латвии, принятая Верховным Советом Латвийской ССР 28 июля 1989 г., также констатирует, что в 1940 г. в результате включения в состав СССР Латвийская республика утратила свой государственный суверенитет. «Сталинизм и последовавший за ним административно-командный тоталитаризм привели к упадку экономики и культуры Латвии, а также экологическому кризису, деформировали национальные отношения и девальвировали общечеловеческие ценности». С принятием данной Декларации развитие Латвийской ССР провозглашается в условиях реального государственного суверенитета в его государственно-правовом и международно-правовом понимании. Можно было предвидеть, что акты, аналогичные литовским и эстонским, будут приняты и новым парламентом Латвии. Так оно и произошло. 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР принял Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики», в которой объявляется не имеющей законной силы Декларация Сейма Латвии от 21 июля 1940 г. о вступлении Латвии в состав СССР. Одновременно восстанавливается действие ряда статей Конституции Латвийской республики 1922 г. Указом Президента СССР от 14 мая 1990 г. эта Декларация признана недействительной с момента принятия. Также недействительными признаны постановление Верховного Совета ЭССР «О государственном статусе Эстонии» от 30 марта 1990 г. и Закона ЭССР «Об основах временного порядка управления Эстонией» от 16 мая 1990 г., т.к. эти акты противоречат действующей Конституции СССР и Закону СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Любые действия государственных органов и должностных лиц, а также граждан, осуществляемые на основе названных актов, признаются незаконными.

Состоявшаяся 20 июня 1990 г. внеочередная сессия Верховного Совета Грузинской ССР также приняла ряд постановлений, направленных на укрепление гарантий государственного суверенитета и заложила основу для разработки юридического механизма восстановления государственной независимости Грузии.

Конечно, никто не отрицает права любого народа самостоятельно решать свою судьбу. Это касается и прибалтийских народов. Каждая союзная республика может принять решение о выходе из Союза или об изменении характера договорных связей, но это решение затрагивает интересы не только коренного населения, но и всех проживающих на ее территории граждан, интересы других союзных и автоном-

ных республик, Союза ССР в целом. Оно касается целого блока проблем — гуманитарных, политических, финансово-экономических, стратегических, международных. Признавая право народов союзной республики на самоопределение, надо согласиться, что решение подобного рода вопросов должно быть принято волеизъявлением всех народов республики посредством референдума, в соответствии с Конституцией СССР и Законом СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г. Закон предусматривает определенный переходный период в течение пяти лет для решения вопросов собственности и материально-финансовых расчетов. Выход республики из состава СССР, как и вхождение в него, — акт двусторонний, и для расторжения связей нужны процедуры, которые оберегают всех участников Союза.

Законом СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, предусматривается, что в переходный период определяется судьба находящихся на территории республики объектов общесоюзной собственности, а также собственности общесоюзных общественных организаций. Должны быть урегулированы имущественные и финансово-кредитные расчеты данной республики с Союзом ССР, другими союзными республиками, а также автономными образованиями, взаимоотношения банков. Определяется порядок выполнения предприятиями и организациями выходящей республики ранее взятых на себя договорных обязательств по отношению к предприятиям и организациям, расположенным в других союзных республиках и автономных образованиях; правовой статус и формы расчетов совместных предприятий или филиалов предприятий, организованных на базе общесоюзной собственности или собственности других союзных республик, а также автономных республик и автономных областей. Согласуется порядок расчетов с другими государствами и международными организациями по кредитам и займам, полученным для сооружения объектов на территории выходящей республики или для удовлетворения потребностей этой республики и ее населения, а также по соответствующей части кредитов и займов, израсходованных на осуществление общесоюзных закупок и программ, которыми пользовалась выходящая республика.

В переходный период должен быть согласован статус территорий, не принадлежащих выходящей республике на момент ее вступления в состав СССР, и территорий, на которых компактно проживают национальные группы, составляющие большинство населения данной местности. Обеспечиваются гарантии содержания исторических и культурных памятников и мест захоронения на территории выходящей республики.

На путях поиска согласия, взаимных уступок должны разрешаться все иные вопросы, требующие урегулирования. Выходящая республика обязывается обеспечить гражданские, социальные, экономические, культурные и иные права и свободы граждан СССР, которые остаются проживать на ее территории. При этом не допускается

дискриминация по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места и времени рождения.

В постановлении Верховного Совета СССР о введении в действие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г. установлено, что любые действия, связанные с постановкой вопроса о выходе союзной республики из СССР и противоречащие Закону СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», предпринятые как до, так и после введения его в действие, не порождают никаких юридических последствий как для Союза ССР, так и для союзных республик. Таким образом, настоящему Закону придается обратная сила, и в этом нет ничего удивительного. Обратной силы не могут иметь лишь законы, которые вводят новую ответственность. Но если они создают новые процедуры разрешения спора, то такие законы действуют, иначе не будет выхода из тупика.

Проблема правовой защищенности федерации

Остро встала сейчас проблема правовой защищенности нашей федерации.

Стремление к автаркии, замене федеративных начал конфедеративными прослеживается в отрицании Прибалтийскими республиками, а по ряду позиций и РСФСР, Азербайджанской ССР, Грузинской ССР принципа единства законодательного регулирования и приоритета (т.е. верховенства) союзного закона. Впервые эта позиция отчетливо проявилась в Законе Эстонской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР» и в Декларации Верховного Совета республики о суверенитете Эстонской ССР, принятых 16 ноября 1988 г., которые провозгласили верховенство республиканского закона по отношению к актам союзной власти. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 26 ноября 1988 г. разъяснил, что действие Закона СССР не может быть приостановлено или ограничено союзной республикой и не нуждается в каком-либо подтверждении со стороны ее высших органов. В этой части законы ЭССР были признаны союзной властью недействительными. Эстонские законодатели демонстративно проигнорировали заключение союзного Президиума. «Вирус» противостояния распространился на всю Прибалтику. Декларация Верховного Совета Литовской ССР «О государственном суверенитете Литвы» от 18 мая 1989 г. также провозгласила приоритет республиканского закона над союзным. Установлено, что «в Литовской ССР имеют силу только принятые или ратифицированные ее Верховным Советом законы». Закон Литовской ССР от 18 мая 1989 г. «О внесении изменений в Конституцию (Основной Закон) Литовской ССР» в ст. 70 установил, что «в ре-

спублике действуют только ее Верховным Советом или путем референдума принятые законы. Законы СССР и правовые акты органов государственной власти и управления СССР действуют на территории Литовской ССР лишь после их утверждения Верховным Советом Литовской ССР и регистрации в установленном порядке, их действие может быть ограничено или приостановлено постановлением Верховного Совета Литовской ССР».

Аналогичные акты приняты в Латвийской и Азербайджанской ССР (см. ст. 71 Конституции Латвийской ССР в редакции Закона Латвийской ССР от 28 июля 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Латвийской ССР» и Конституционный Закон Азербайджанской ССР от 23 сентября 1989 г. «О суверенитете Азербайджанской ССР»).

Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая I съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г., также закрепляет приоритет, т.е. верховенство республиканского закона над союзным (ст. 5). Эта новелла отходит от традиционного представления о соотношении союзного и республиканского законодательства. Предусмотрено, что действие актов СССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливаются Республикой на своей территории. Эта норма выводит РСФСР на новый уровень отношений с Союзом ССР, ибо в действующей ныне Конституции СССР закрепляется безусловный приоритет союзного закона над республиканским.

Однако в федеративном государстве республиканское законодательство не должно входить в противоречие с союзным законом, принятым в пределах союзной компетенции. Это аксиома правотворчества, закреплённая всеми федеральными конституциями мира. Без соблюдения этого базового принципа невозможно построить правовое государство в рамках федерации. И в Латвии, и в Эстонии, и в Литве, и в Армении, и в Азербайджане принято много актов, противоречащих Конституции СССР и законам СССР, актам союзных органов управления. Так, в противоречие Конституции СССР и постановлению Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области» Верховный Совет Армянской ССР 1 декабря 1989 г. принял постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», де-факто сведя на нет акт высшего органа государственной власти страны. Но провозглашение воссоединения Армянской ССР и Нагорного Карабаха без согласия Азербайджанской ССР является прямым нарушением ст. 78 Конституции СССР, которая подтверждает и гарантирует суверенитет союзной республики на ее территории.

Противоречит действующей союзной Конституции принятие Верховным Советом Армянской ССР совместных постановлений с неконституционным органом — Национальным советом Нагорного Карабаха — и признание Съезда полномочных представителей Нагорного

Карабах и образованного им Национального совета единственной законодательной властью в автономной области. Незаконно также постановление Верховного Совета Армянской ССР от 9 января 1990 г. «О включении в Государственный план экономического и социального развития Армянской ССР на 1990 год плана социально-экономического развития НКАО на 1990 год».

Такой же упрек можно адресовать Президиуму Верховного Совета Азербайджанской ССР, принявшему постановление от 4 декабря 1989 г. «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР», которым неправомерно приостановлено действие ряда норм постановления Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области». В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР принял два постановления: «О несоответствии Конституции СССР актов по Нагорному Карабаху, принятых Верховным Советом Армянской ССР от 1 декабря 1989 г. и 9 января 1990 г.» и «О неправомерности ряда положений постановления Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР от 4 декабря 1989 г. «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР». В числе подобных актов можно назвать и постановление Верховного Совета Литовской республики от 12 марта 1990 г. «О недействительности Закона СССР о всеобщей воинской обязанности от 12 октября 1967 г. на территории Литовской республики».

Президиум Верховного Совета СССР, Президент СССР неоднократно рассматривали вопросы о несоответствии актов, принятых в Прибалтийских и других республиках, Конституции СССР. К сожалению, и эти союзные акты остались без внимания. Что же происходит? Почему не срабатывают механизмы обеспечения верховенства союзного закона? Или синдром разрушения сложившихся федеративных связей зашел слишком далеко?

Конституция СССР не предусматривает действенных правовых механизмов для обеспечения единства федерации, разрешения споров о правах между федерацией и ее субъектами, гарантий верховенства союзного закона.

Надо признать справедливой критику нашей Конституции за излишнюю декларативность, неразработанность защитных механизмов реализации ее норм. Конституция защищает общественный строй, но она сама нуждается в защите, и прежде всего со стороны законодателей. Недаром Президент и конгрессмены США, члены законодательных собраний штатов, депутаты Федерального Собрания Чехословакии, Скупщины СФРЮ приносят присягу на верность Конституции. Отказ от присяги имеет следствием утрату мандата. Впервые в советской парламентской практике присягу на верность Конституции СССР принес первый Президент СССР. Неплохо было бы воспринять эту практику и народным депутатам СССР, союзных и автономных республик, ибо многие из них, как нам представляется, недостаточно

понимают необходимость сохранения стабильности конституционных предписаний.

Во всех без исключения федеративных государствах действует не только принцип верховенства федерального закона, но и довольно сложный механизм контроля за соответствием актов субъектов федерации конституции и союзному законодательству. Механизм контроля за соответствием республиканского конституционного законодательства союзному создан теперь и у нас в Союзе.

Важную роль в укреплении конституционной законности играет Президент СССР. В соответствии с Законом СССР от 14 марта 1990 г. «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» Президент СССР выступает гарантом Конституции и законов СССР. Основной Закон СССР — олицетворение прочности и незыблемости основополагающих устоев и моральных ценностей СССР. Уважение к Конституции — это уважение к Советской власти.

В системе союзных органов, обеспечивающих конституционную законность, создан Комитет конституционного надзора СССР, в компетенцию которого входит рассмотрение вопросов о соответствии Конституции СССР и законам СССР конституций и законов союзных республик, актов органов управления и общественных организаций, обеспечение охраны конституционных прав и свобод личности, народов СССР, демократических основ советского общества. Если каким-либо союзным или республиканским нормативным актом или его отдельными положениями будут нарушены права и свободы человека, закрепленные в Конституции СССР и международных договорах, ратифицированных СССР, то принятие заключения Комитета конституционного надзора СССР о несоответствии такого акта союзному повлечет за собой утрату силы такого акта или отдельных его положений.

Конечно, неверно думать, что конституционный надзор лишает союзные республики самостоятельности в законотворчестве, права народа республики на самоопределение и суверенитет. Именно так был поставлен вопрос в Литве, Верховный Совет которой отказался ратифицировать Закон СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР». Однако аналогичное решение принято в Латвии. Союз ССР не вправе устраняться от координации взаимоотношений между национально-государственными образованиями различных уровней. В то же время Союзный договор, Конституция СССР должны четко определить пределы, за которые не могут выходить в своих действиях ни Союз, ни республика, ибо иное означает заранее запрограммированный срыв усилий по строительству федерации.

Объектом острых теоретических дискуссий стали основополагающие принципы Конституции СССР, закрепляющие собственность государства на землю, ее недра, леса, воды, другие природные ресурсы. После принятия Закона СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР» и «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик

о земле» от 28 февраля 1990 г. и внесения соответствующих изменений в Конституцию СССР 14 марта 1990 г. вопрос о разграничении объектов общесоюзного и республиканского значения урегулирован. Решение этого вопроса непосредственно затрагивает национальные чувства народов, ибо земля — это не только объект хозяйствования и воспроизводства природных ресурсов, но и первейший элемент суверенной государственности. Земля — это историческая территория, на которой народ живет, развивает свою культуру, язык, национальные традиции. Однако, исходя из иерархической структуры суверенитета в федеративном государстве, нельзя лишить материальной базы суверенитета ни союзные, ни автономные республики, ни Союз ССР. Именно Союз обладает верховенством в установлении внешних границ государства, определении режима континентального шельфа, установлении Основ законодательства СССР и союзных республик о земле, недрах, лесах, других природных ресурсах. Республика обладает территориальным верховенством в рамках своих границ. Поэтому вопрос о статусе территории, по нашему мнению, предмет совместного ведения СССР и союзных республик, и изоляционистские подходы тут недопустимы. Чрезмерное местничество так же опасно, как и чрезмерная централизация. Пока же многие республики, в частности: Прибалтика, идут по пути изоляционизма, объявляя исключительно своим национальным богатством землю, ее недра, внутренние и территориальные воды, леса и другие природные ресурсы, средства производства в промышленности и строительстве, сети и средства энергетики, транспорт и связь, собственность банков, предприятий, хозяйств и иных юридических лиц на территории республики, исторические и культурные ценности, воздушное пространство над территорией республики и ее континентальный шельф, экономические зоны в Балтийском море. Но перечисленные объекты являются согласно Конституции СССР в редакции Закона СССР от 14 марта 1990 г. и Закону СССР «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. государственной собственностью и СССР, и союзной республики, хотя и находятся на территории последней.

Как республика, так и Союз имеют экономическую базу суверенитета. К объектам общесоюзной государственной собственности относятся предприятия и комплексы базовых отраслей промышленности, космических исследований, энергетики, связи, морского, железнодорожного и воздушного транспорта; линии связи; магистральные трубопроводы; имущество Вооруженных Сил СССР, оборонных и других объектов. Исторически у нас уже сложилась федеральная экономическая система, т.е. народнохозяйственный комплекс, где органически переплетены экономика СССР и союзных республик. Но и здесь необходимы преобразования: максимальная децентрализация в противовес малоэффективной административно-командной системе управления.

Понятно стремление республик к большей экономической самостоятельности, региональному хозрасчету. Эти идеи пронизывают

Закон СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 4 апреля 1990 г.; «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г.; «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» от 28 февраля 1990 г.; «Об общих началах местного управления и местного хозяйства в СССР» от 9 апреля 1990 г.; о единой налоговой системе, экономической самостоятельности республик. Эти акты революционизируют экономические отношения в СССР, направлены на создание социалистического свободного рынка, выравнивание уровней экономического развития регионов. Именно поэтому Закон СССР от 27 ноября 1989 г. «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР», который закрепил право этих республик на самостоятельное ведение хозяйства, предусматривает равноправное их участие в межреспубликанской союзной деятельности, основывается на принципах сочетания экономической самостоятельности республик с конституционными функциями Союза.

Представляется, что расширение экономической самостоятельности союзных республик, в частности перевод Латвии, Литвы, Эстонии и Белоруссии на экономическую самостоятельность, требует пересмотра наших представлений о соотношении отраслевых и территориального аспектов управления экономикой, включения хозрасчета и самофинансирования союзных республик в общую концепцию радикальной экономической реформы. Но расширение экономических прав союзных республик не должно ущемлять суверенных прав федерации. Союз не может быть отлучен от проведения радикальной экономической реформы. Он должен взять на себя разработку научных основ формирования комплексной, эффективной и гибкой системы управления экономикой, анализ воздействия системы хозяйствования на развитие социально-экономических и политических процессов в рамках всей страны; своевременную разработку и реализацию мер, обеспечивающих создание действующего механизма хозяйствования, устранения несогласованности, расбалансированности в функционировании его отдельных элементов.

Ясно, что настоящий хозрасчет невозможен без свободного рынка. И в отдельном будущем, возможно, мы придем к идеальной модели хозяйственного самоуправления общества. Но сейчас, когда большинство республик еще не готовы к этому, искусственно подталкивать решение этой проблемы не следует. Те республики, которые создали базу для перехода на экономическую самостоятельность, получили полную возможность в рамках федерации свободно решать все вопросы своего экономического развития [см. Закон СССР от 27 ноября 1989 г. «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР»].

В то же время республика, являясь составной частью советской федерации, не может быть экономически оторвана от других союзных республик и центра. Сегодня в рамках Союза тесно переплетены экономические системы всех республик и регионов страны. Так, Литва

удовлетворяет свои потребности за счет других союзных республик в черных металлах — на 74%, цветных — на 97, по нефти и газу — на 77, химии — на 75, углю — на 100%. В целом в республику ввозится ресурсов на 7 млрд. рублей. Вывозит Литва на 6 млрд. рублей, в основном продукцию сельского хозяйства и легкой промышленности.

Добровольное самоограничение экономической самостоятельности республик в рамках единого федерального народнохозяйственного комплекса неизбежно. Это и уплата определенной части процентов от доходов предприятий, находящихся на территории республики, в союзный бюджет; и участие в создании общесоюзных целевых фондов; и отчисление от республиканского бюджета на финансирование общегосударственных программ, обороны и т.п.

Курс на дезинтеграцию экономики, полную экономическую самостоятельность, предоставление независимости республикам и регионам в решении социально-экономических вопросов может оказаться пагубным, привести к разрыву сформировавшихся столетиями экономических связей между регионами, если центр не сможет удержать за собой координационных и контрольных функций.

Процессы интеграции экономики, разделения труда во всех сферах жизни общества объективно вызывают необходимость не разобщения, а сближения субъектов федерации, более четкого разграничения компетенции СССР, союзных и автономных республик. Однако перераспределение компетенции между СССР, и союзными и автономными республиками должно быть оформлено юридически грамотно, путем разработки Союзного договора, внесения изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР и республиканские конституции, а не безапелляционным отторжением полномочий от Союза и присвоения их себе. Подобная практика неприемлема для взаимоотношений между субъектами федерации и Союзом в рамках правового государства, да и вообще между государствами в цивилизованном мире.

Исторический опыт буржуазных федераций (США, Австралия, Канада, Бразилия, Аргентина, Индия, Швейцария, Австралия и др.) свидетельствует о тенденции к консолидации. Это условие обеспечения жизнеспособности, политической и экономической независимости государства при все возрастающей конкуренции в рамках мирового сообщества. Эти процессы затрагивают не только федеративные государства. Они становятся характерными для целых континентов и регионов мира — от Северной и Латинской Америки, Дальневосточной Азии до Западной Европы.

Экономическая интеграция стирает грани между суверенными государствами, меняет их политические формы, сужает суверенные права. В этом направлении наиболее далеко продвинулось Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), все более приобретающее облик конфедерации. Первый шаг уже сделан. В совместном документе — «Едином Европейском акте», одобренном парламентами 12 стран — членов ЕЭС и вступившем в силу с 1 июля 1987 г., содержит-

ся обязательство создать до 31 декабря 1992 г. зону для внутренних границ, в которой гарантируется свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов. Уже сейчас проведена колоссальная подготовительная работа по унификации законодательства, финансовой системы, созданию единого рынка суверенных, различающихся во многих существенных отношениях государств. Таков ход политического и экономического развития, обусловленного современным уровнем отношений в цивилизованных странах.

Для всех Прибалтийских республик, а теперь и для Армении, Грузии, Азербайджана, Молдавии характерно требование вывода со всей территории подразделений Советской Армии и создания национальных войсковых формирований. Так, Верховный Совет Литовской ССР принял постановление от 14 февраля 1990 г. «О статусе Вооруженных Сил СССР в республике и военной службе граждан Литовской ССР», которым признает незаконным пребывание на территории Литвы Вооруженных Сил СССР. В обращении Верховного Совета Литовской ССР к Председателю Верховного Совета СССР от 13 марта 1990 г. заявлено, что пребывание на территории Литвы начиная с 15 июня 1940 г. частей Вооруженных Сил СССР не имело и в настоящее время не имеет юридической основы. Руководствуясь действующими в настоящее время положениями статей 1 и 2 мирного договора между Литвой и Советской Россией от 12 июля 1920 г., Верховный Совет Литовской республики предложил начать переговоры по вопросу о статусе упомянутых частей, их дислокации и полном выводе с территории Литовской республики.

В этой позиции нетрудно обнаружить определенный военно-политический дилетантизм, попытку механически перенести идею регионального хозрасчета на оборонное строительство. В то же время надо признать, что военная реформа назрела. Ее главная идея — переход к профессиональным Вооруженным Силам, меньшим по численности, но лучшим по качеству, которые будут добровольными по способу комплектования, экстерриториальными по принципу строительства, интернациональными по составу.

Концепция военной реформы предусматривает право каждой республики делегировать необходимые полномочия по обеспечению своей безопасности на договорной основе, учитывающей особенности развития республик, обязанность каждой республики обеспечивать минимум затрат, гарантируя безопасность страны в целом.

Внимания требуют проблемы государственного устройства Российской Федерации. И по своему положению в Союзе, и по внутренней структуре — РСФСР сложная национально-политическая и культурно-этническая система. Напомним, что территория республики занимает свыше 17 млн. км², а проживает здесь почти 150 млн. человек. Это более половины населения Союза ССР. Отличается Россия от других союзных республик национально-государственным и административно-территориальным устройством. В ее составе 16 автономных республик, 5 автономных областей, 10 автономных округов, 6

краев, 49 областей. Национальный состав населения республики разнообразен. Здесь проживают представители около 100 наций и народностей.

Допущенные деформации в национальном строительстве негативно сказались и на России. Об этом говорят неблагоприятные демографические тенденции, многочисленные факты хищнического использования природных ресурсов и их разбазаривания, запустение таких исконно русских областей, как Нечерноземье, ряда других районов. Налицо бедственная экологическая обстановка на Кузбассе, Урале, Волге, Байкале, в северных районах, отставание республики в социальном развитии, утрата бесценных памятников старины. Принципиальное значение для совершенствования российской государственности имеет создание в Верховном Совете РСФСР двух равноправных палат — Совета Республики и Совета Национальностей. Совет Республики займется общими для всей России проблемами социально-экономического развития и государственного строительства, вопросами обеспечения прав, свобод и обязанностей граждан РСФСР. Совет Национальностей выражает и защищает интересы всех национальностей России; изучает интересы наций, народностей, национальных групп в сочетании с общими интересами и потребностями Советского многонационального государства; обеспечивает национальное равноправие; рассматривает вопросы, имеющие важное значение для автономных образований; разрабатывает законодательство, регулирующее национальные отношения [ст. 112 Конституции РСФСР в редакции 27 октября 1989 г.].

Стимулом возрождения российской государственности явится «Декларация о государственном суверенитете России» от 12 июня 1990 г. Декларация подтверждает статус России как независимого самостоятельного государства в рамках Союза ССР. Подчеркивается преданность РСФСР идее федерализма. Декларация демонстрирует уважение народов РСФСР к суверенным правам всех других народов, входящих в Союз ССР, и подтверждает решимость создать в России демократическое правовое государство в составе СССР. Суверенитет РСФСР — это естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся национальные традиции.

Важным шагом на пути возрождения авторитета национальной государственности России будет выравнивание всех республик в правах, переход РСФСР на полную экономическую самостоятельность, учреждение российских общественно-политических структур, создание республиканской партийной, профсоюзной, комсомольской организаций, Академии наук. В рамках обновленной федерации необходимо добиваться равных условий для всех ее субъектов, в том числе и для РСФСР, которая вместе с Украиной и Белоруссией несет на своих плечах основную тяжесть формирования союзного бюджета. Россия должна полновластно распоряжаться своим экономическим потенциалом, прекратить бесконтрольное, не санкционированное ее высшими

органами власти хозяйничанье на своей территории всесоюзных ведомств. Предлагается незамедлительно разработать генеральный план научно-технического, индустриально-экономического развития России, исключающий дальнейшее расточительное отношение к ее земле и ресурсам; прекратить передачу в союзный бюджет десятков миллионов рублей, идущих на дотации и искусственное, не обеспеченное собственным трудом повышение уровня жизни в других регионах. Справедливо требование соблюдать в рамках СССР пропорциональность налогообложения республик. Бюджетная политика и политика цен не должны создавать условия для возникновения диспропорций в обеспеченности трудящихся различных национальностей. Важное значение при разработке новой модели Союза независимых суверенных социалистических государств будет иметь постановление I съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основы нового Союзного договора)» от 23 июня 1990 г.

Вызывают негодование факты национального чванства и шовинизма в отношении других народов, живущих рядом во многих регионах, охваченных националистическим вирусом. Пугать русскими народы СССР по меньшей мере некорректно. Россия оказалась куда в большей зависимости от центра, чем Прибалтика. Русский народ можно было бы упрекать, если бы он жил лучше и за счет других. Но все происходит наоборот. Русский народ испытал тяжелейшие потрясения: гражданскую войну, крестьянские бунты, коллективизацию, голод, надругательство над национальными святынями, массовую эмиграцию интеллигенции, повальные репрессии, трагедию второй мировой войны, «прелести» некомпетентных рекомендаций ныне здравствующих и процветающих экономистов о ликвидации неперспективных деревень, повороте северных рек на юг. И надо говорить об огромном запасе человеколюбия, терпимости и гуманизма русского народа, а не об его агрессивности.

В последнее время появились и приобрели заметную тенденцию к росту случаи нарушения прав граждан по признаку их национальной принадлежности. В некоторых республиках уже ограничены избирательные права иноязычных граждан, военнослужащих (Литва, Эстония, Латвия). Изгоняются с насиженных мест армяне и русские из Азербайджана, азербайджанцы из Армении, турки-месхетинцы из Узбекистана, русские из Тувы. Многим из них приходится покидать дома, любимую работу. В стране в мирное время появились сотни тысяч беженцев. Назрела необходимость разработки правового статуса беженца. Он должен влечь за собой юридическую, политическую, экономическую и моральную ответственность той республики, которую человек вынужден был покинуть, и обязанность государства нести материальную ответственность перед гражданином, личную безопасность и неприкосновенность жилища которого оно не смогло обеспечить. Поэтому весьма своевременно принят Закон СССР от 2 апреля 1990 г. «Об усилении ответственности за посягательства на

национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР». Закон исходит из необходимости защиты прав и свобод граждан, требует решительно пресекать деятельность различных националистических и сепаратистских объединений, направленную на дискриминацию граждан в связи с их национальной принадлежностью, языком, вероисповеданием, на разжигание межнациональной вражды и розни, на насильственное нарушение закрепленного Конституцией СССР единства территории Союза ССР. Закон устанавливает, что деятельность любых объединений граждан, в том числе политических партий, общественных организаций и массовых движений, направленная на возбуждение национальной или расовой вражды, розни или пренебрежения, применение насилия на национальной, расовой или религиозной основе, а также их деятельность, непосредственно направленная на насильственное нарушение закрепленного Конституцией СССР единства территории Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных областей и округов, является противозаконной и подлежит запрету.

И в Союзе, и в республиках уже много сделано для восстановления справедливости в отношении невинно пострадавших людей и народов. Верховный Совет СССР в Декларации от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергавшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», назвал выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев варварскими акциями сталинского режима. Безоговорочно осуждена практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природы социалистического строя. Верховный Совет СССР гарантировал, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране. Именно поэтому оправданы чрезвычайные меры для спасения населения в связи с массовыми беспорядками на национальной почве.

В ряде республик приняты акты, предусматривающие порядок возвращения имущества и возмещения ущерба лицам, пострадавшим в ходе массовых репрессий. Эти лица освобождены от уплаты судебных расходов по спорам, связанным с массовыми репрессиями. В Литве действует правительственное постановление об имущественных и личных неимущественных правах лиц, выселение которых признано незаконным и которые реабилитированы, а также о защите их гражданской чести и достоинства. Приняты Законы Литовской ССР «О национальностях», Латвийской ССР «О правовом статусе (положении) национальных групп» и др.

Люди, к какой бы национальности они ни принадлежали, где бы ни жили, должны пользоваться всей полнотой гражданских прав. Человек любой национальности должен быть уверен в своем будущем, будущем своих детей и защищен от посягательств на его покой, бла-

гополучие, права, честь, жизнь. Недопустима никакая дискриминация по отношению к малым народностям и народам, проживающим за пределами своей национальной государственности, ни в стране в целом, ни в республике, ни в регионе. Пора понять, что только консолидация всех прогрессивных сил на базе взаимного уважения, разумных компромиссов может снять напряжения в межнациональных отношениях. Путь к их гармонизации лежит через культуру и политику, особенно национальную, через построение правового государства, воспитание уважения к высшей ценности цивилизации — жизни человека.

* * *

Сейчас становится совершенно ясно, что мы сможем сохранить наш Союз, лишь наполнив федерацию новым содержанием, возродив ленинскую идею добровольного объединения всех народов страны, выработав жизнеспособную конструкцию федерации, создав механизм «сдержек и противовесов» между амбициозными претензиями центра и справедливыми требованиями союзных республик, автономий, и наоборот. В Союзном договоре и Конституции СССР должен быть предусмотрен механизм разрешения конфликтов, споров о правах между республиками и национально-территориальными образованиями.

Нам необходимо отстоять идею многонационального согласия и сохранить наше федеративное государство. Это весьма жизнеспособная форма государственного объединения. Сегодня федерация как форма государственного устройства принята большинством цивилизованных народов, и около половины человечества живет в государствах федеративной структуры.

Право и кооперация в СССР

1. Нужна ли кооперация перестройке?

Кооперация как самостоятельная форма хозяйствования возникла, как известно, во второй половине XIX века первоначально в Англии. Это были добровольные самодеятельные организации трудящихся, объединивших свой труд и средства для взаимной поддержки и улучшения материального положения в условиях капитализма.

С развитием капитализма кооперативные объединения возникли и в России. К 1917 г. их насчитывалось около 30 тысяч. Отношение к ним со стороны русских социал-демократов, а потом большевиков было весьма противоречивым.

Признавая достоинства кооперации, обусловленные принципами ее организации и деятельности (добровольность, совместный труд, демократизм в распределении доходов), В.И. Ленин поначалу предостерегал от попытки видеть в кооперации то звено, которое способно преобразовать экономику страны из капиталистической в социалистическую [В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 310].

Непосредственно после Октябрьской революции отношение Советского правительства и большевистской партии к кооперации было резко отрицательным. Однако уже в 1918 г., выступая перед уполномоченными Московского центрального рабочего кооператива, В.И. Ленин отметил, что кооперация — огромное культурное наследство, которым нужно дорожить и пользоваться. Декретом СНК России собственность кооперативов была денационализована. Им возвращалось все, что было экспроприировано. Без сети кооперативных организаций, утверждал Владимир Ильич, невозможна организация социалистического хозяйства [там же, т. 38, с. 201—202, 204—206].

Впоследствии В.И. Ленин называл социалистическое общество обществом цивилизованных кооператоров, говорил о необходимости охватить кооперативами все население страны сверху донизу [В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 121]. Речь, по-видимому, шла о кооперации как движении, о создании хозяйственного механизма, состоящего из вполне самостоятельно действующих хозяйственных единиц и их объединений (правда, В.И. Ленин говорил о народном хозяйстве и как о единой фабрике, руководствующейся единым планом. Однако нельзя не понимать, что и в первом и во втором случае

речь идет не о конкретных хозяйственных структурах, а о важнейших принципах функционирования экономики социализма, самостоятельности хозяйствующих единиц и планировании как важнейшем законе социализма).

Во всяком случае, оценивая и обобщая опыт первых (донэповских) лет Советской власти, переосмыслив направления развития страны к социализму, обосновав необходимость принципиально новой экономической политики для построения социализма в нашей стране, В.И. Ленин уже без колебаний указывал на «совершенно исключительное значение», которое получает в условиях НЭПа кооперация. Это касалось прежде всего крестьян. Но не исключалось развитие и других видов кооперации. В частности, промысловой. Замена разверстки продналогом должна была, по мысли Ленина, привести к широкому развитию потребительской и промысловой кооперации. Интересны определения, данные обоим видам кооперативного движения. Потребительской кооперацией он назвал объединение рабочих и крестьян с целью доставки и распределения необходимых для них продуктов. Промысловая — определялась как объединение мелких земледельцев или кустарей с целью производства и сбыта различных продуктов, как земледельческих, так и неземледельческих, т.е. продуктов промышленности, изделий из железа, дерева и т.п. [В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 250—251].

Итак, еще до НЭПа и особенно в период НЭПа стало ясно, что без кооперации как самостоятельной формы хозяйствования, основанной на коллективной собственности, личном интересе ее участников, объединившихся на добровольных началах, действующей на основе самоуправления, но под контролем государства, построить социалистическое общество невозможно. Кооперация рассматривалась как одно из важнейших направлений пути к цивилизованному обществу, к «культурничеству» (как говорил В.И. Ленин).

В то же время отмечалось, сколь трудно превратить отсталую, какой была в те годы Россия, страну в общество цивилизованных кооператоров, убедить население в выгоде его участия в кооперации и наладить это участие. Для этого, полагал В.И. Ленин, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы, что оказалось задачей неимоверной трудности [В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 359—367].

Переход к кооперативным формам хозяйствования не означал отказа от государственной собственности и управления промышленностью, транспортом, иными отраслями народного хозяйства, производящими важнейшие средства производства, государственными органами. Более того, подчеркивалось, что принадлежность основных средств производства государственной власти свидетельствует о социальности советской кооперации.

Вместе с тем уже в те годы В.И. Ленин отчетливо понимал, что для хозяйствования в государственном секторе необходимо не жесткое администрирование, а полная самостоятельность государствен-

ных предприятий. «Я думаю, — писал В.И. Ленин Сокольникову, — что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали, и притом всецело отвечали за безубыточность своего предприятия» [В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 35, с. 658].

Таким образом, переход к новой экономической политике предполагал деятельность на основе хозяйственного (коммерческого) расчета производственных единиц госсектора и всемерное развитие кооперативного движения в сельском хозяйстве и иных сферах жизни общества.

К сожалению, после смерти В.И. Ленина развитие политической и экономической системы СССР пошло иным путем. Ленинские подходы к кооперативному движению были, мягко говоря, забыты. Вместо постепенного, самой жизнью и закономерностями хозяйствования обусловленного объединения населения (прежде всего сельского) в кооперативы была проведена сопровождавшаяся грубыми нарушениями законности и прав крестьян сплошная коллективизация на селе с последующим ее огосударствлением. Слияние колхозно-кооперативной и государственной собственности в единую всенародную закреплено как тенденция развития в действующей Конституции страны.

Постепенно утрачивалась кооперативная сущность и потребительской кооперации. В настоящее время, по данным Центросоюза, потребительские общества насчитывают 60 млн. человек. Но их роль в управлении кооперацией, ее развитии невелика. Потребительская кооперация фактически превратилась в относительно самостоятельную крупную хозяйственную систему, осуществляющую или, точнее, обязанную осуществлять организацию общественного питания на селе, торговое обслуживание сельского и в известной мере городского населения, заготовку и переработку сельскохозяйственной продукции, производство товаров народного потребления и т.п. И хотя во главе этой системы стоит в центре Центросоюз, а в республиках — республиканские органы управления кооперацией, подлинным управляющим этой системы, рассматриваемой практически как одна из отраслей экономики, является государство в лице Правительства СССР и его различных межведомственных комитетов, применяющих по отношению к потребкооперации те же методы, что и к госсектору.

Что же касается промысловой кооперации, то она была упразднена [об опыте развития промысловой кооперации в СССР см.: Социалистическая кооперация. Теория и современность. М., «Наука», 1989, с. 179 — 189].

Начавшаяся с апреля 1985 года перестройка всех сфер нашей жизни представляет собой, как известно, процесс революционный, сущность которого состоит в коренном преобразовании экономики, существенном изменении политической системы и всесторонней демократизации общества.

Проводить эти преобразования без учета опыта НЭПа было, естественно, нельзя. А НЭП и кооперация, НЭП и разнообразие форм

собственности, НЭП и хозяйственный расчет неразделимы. И так же как новая экономическая политика в 20-е годы, экономическое переустройство в 80-е было немыслимо без существенных преобразований в основном звене экономики и изменения методологии взаимоотношений между государством, его органами и хозяйствующими субъектами, без свободы предпринимательства. Иными словами, существенное обновление социалистической системы хозяйства практически невозможно без разнообразия в организации хозяйствующих единиц, базирующихся на разных формах собственности и обладающих равными правами, возможностями и условиями развития.

Экономика страны нуждалась и нуждается в развязывании рук непосредственным производителям материальных благ и в изменении характера их взаимоотношений с государственными и хозяйственными органами управления. Для реализации этой задачи нужно было изменить экономическое и правовое положение государственных предприятий и объединений, создать условия для появления новых форм предпринимательской деятельности. Так же как в первые годы Советской власти, взоры обратились к кооперации.

Выступая в мае 1988 г. на 9-й сессии Верховного Совета СССР II созыва с докладом о роли кооперации в развитии экономики страны и проекте Закона о кооперации в СССР, Н.И. Рыжков отметил, что многие годы ленинские положения и установки о кооперации грубо попирались. Вместо них насаждались административно-командные методы управления. Произошло фактическое огосударствление кооперации и кооперативной формы собственности. «ЦК КПСС и Правительство, — сказал далее Н.И. Рыжков, — исходят из того, что кооперация — это объективно необходимая часть, органически присущая народному хозяйству и общественной системе в целом» [«О роли кооперации в развитии экономики страны и проекте Закона о кооперации в СССР». Доклад члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР, депутата Рыжкова Н.И. — «Экономическая газета», 1988, № 22, с. 6].

Для возрождения кооперации мыслилось перевести на подлинно кооперативные принципы и начала деятельности сельскохозяйственные коллективные хозяйства, возродить кооперативную сущность потребительской кооперации, создать условия для возникновения ее новых форм и видов в городе и на селе для производства товаров народного потребления, предоставления платных услуг населению, предприятиям и организациям.

Предполагалось, что обновленная и вновь созданная кооперация станет тем звеном, которое во многом предопределит успех решения основной задачи — наиболее полного удовлетворения возрастающих потребностей советских людей [«Экономическая газета», 1988, № 2, с. 6].

Поскольку без надлежащей правовой основы претворить в жизнь такие планы невозможно, естественно, встал вопрос о переходе от отдельных правительственных актов по некоторым видам

кооперации к общесоюзному Закону, регулирующему организацию и деятельность кооперации в целом на принципах, позволяющих реализовать ее демократическую сущность, обеспечить взаимодействие и партнерство с другими секторами экономики и государством, контроль в рамках закона за соответствием деятельности кооперативов законодательству.

В этих целях были приняты два общесоюзных закона: Закон СССР о государственном предприятии (объединении) в СССР (действует с 1 января 1988 г.) и Закон СССР о кооперации в СССР (действует с 1 июля 1988 г.).

Оба закона провозгласили государственные и кооперативные предприятия основным звеном народного хозяйства и наделили их соответствующими правами, которые, по мысли законодателя, должны были обеспечить им возможность действовать в сфере производства и обращения в качестве предельно свободных товаропроизводителей, сотрудничающих и конкурирующих друг с другом.

Таковы были замыслы. Каково же их воплощение?

II. Законодательство о кооперации в СССР.

Плюсы и минусы

Закон о кооперации вступил в силу с 1 июля 1988 г. За прошедшее с тех пор короткое время Верховный Совет дважды вносил в Закон поправки (в октябре 1989 г. и в июне 1990 г.).

К особо важным новеллам Закона 1988 г., коснувшимся не только кооперации, но и других сфер жизни страны, относились следующие.

Вначале создание хозяйственной организации (а кооперативы — одна из их разновидностей) не обуславливалось предварительным разрешением соответствующих госорганов. Вводился регистрационный (явочно-нормативный) порядок формирования новой хозяйственной организации. Для возникновения кооперативов было достаточно воли как минимум трех лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным данным Законом; разработанного ими и не противоречащего действующему законодательству устава, для того чтобы соответствующий местный орган государственного управления зарегистрировал кооператив в качестве действующего на территории Совета нового субъекта права (только для некоторых случаев Закон предусмотрел дополнительные условия: согласие предприятия, организации, учреждения, при которых кооператив создается, а также согласие соответствующего госоргана или землепользователя на предоставление земли, если для деятельности кооператива требовалось предоставление ему земельного участка, а также природных ресурсов).

Эффект данной нормы не замедлил сказаться. В стране стали возникать кооперативы один за другим. На первое января 1990 г. в сфере производства и услуг было зарегистрировано около 200 тыс. коопера-

тивов. Только в Москве их свыше 15 тыс. [«Московская правда», 1990, 7 января].

Однако сразу же появились существенные трудности в организации работы кооперативов из-за отсутствия помещений. Местные органы власти, которые по Закону должны оказывать кооперативам помощь, в частности путем предоставления нежилых, производственных и иных помещений, в довольно большом ряде случаев не спешили помогать кооперативам. Более того, в печати не раз обращалось внимание на вымогательство со стороны ряда работников аппарата исполкомов местных Советов крупных денежных сумм (попросту говоря, взятки) за предоставляемые кооперативам государственные нежилые помещения. Из-за отсутствия помещений многие кооперативы так и не начали работать.

В то же время нежелательный эффект дал стихийный рост кооперативов. Выявились несоответствие интересов региона и кооперативов в выборе ими направления деятельности. Многие местные органы государственной власти начали чинить препятствия кооперативам, отказывая под тем или иным (отнюдь не законным) предлогом в регистрации их уставов.

Предоставленная кооперативам возможность избрать любой вид деятельности, кроме запрещенных законодательством СССР и союзных республик (следующая важная новелла в правовом регулировании кооперации), сразу же породила массу проблем на практике. Многие кооперативы пожелали заниматься теми видами деятельности, которые традиционно рассматривались как компетенция сугубо государственных учреждений: медицинской помощью, изготовлением лекарств, издательской деятельностью, выпуском кинопродукции, показом кино- и видеофильмов, туризмом, организацией экскурсий и т.п., что само по себе не вызывает сомнений. Но нельзя сказать, что все кооперативы использовали свои права во благо. Появились сомнительные лекарства, порновидеопродукция, дорогие и не всегда качественные медицинские услуги. К сожалению, для борьбы с этими явлениями был использован не лучший метод.

В конце 1988 г., спустя полгода после принятия Закона, Правительство СССР приняло постановление о запрещении кооперативам заниматься многими видами деятельности (среди них: изготовление и реализация лекарственных средств, организация общеобразовательных школ, издательская деятельность по выпуску произведений литературы, науки и искусства, производство видео- и кинопродукции. Введены были также запреты на многие виды медицинской помощи и ряд других). Кроме запретов, Правительство СССР ввело ограничения на некоторые виды деятельности кооперативов, установив возможность их осуществления только по договорам с государственными организациями, для которых данный вид деятельности является основным. В их числе оказались многие виды медицинской помощи, организация оздоровительных детских лагерей, изготовление парфю-

мерных товаров и косметических средств, организация и проведение концертов, дискотек и многие другие [Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1988 г. «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР» (СП СССР, 1989, № 1, с. 12)].

Данное решение Правительства сразу же и обоснованно, на наш взгляд, подверглось критике.

Оспаривалось право Правительства своими решениями изменять правила, установленные актом высшей юридической силы — Законом. Решения Правительства традиционно рассматривались как составная часть законодательства. И потому, по-видимому, не было оснований отказывать Совету Министров СССР в праве установить те или иные запреты. Открытым остался другой вопрос: насколько целесообразны были данные запреты, да еще спустя всего полгода после принятия Закона. Дальнейшая жизнь показала, что рост негативных явлений, в насаждении которых обвинялись кооперативы, не был приостановлен, так как они были свойственны также государственным и общественным организациям, а возможности для насыщения рынка полезными услугами ограничились.

Совет Министров вышел за пределы своей компетенции, установив ограничения в использовании прав, предоставленных кооперативам непосредственно Законом. В частности, Законом установлено, что выбор партнера по договору является исключительным правом самого кооператива.

За данным решением Правительства последовали иные решения и, что значительно хуже, поток решений ведомственных и местных органов государственного управления, которыми существенно ограничивались установленные Законом возможности кооперативов. Затруднялись пути регистрации кооперативов, введены ограничения на использование наличных денежных средств, открытие расчетных счетов и т.п.

Были приняты с точки зрения формы и вполне законные решения. Например, Постановление Верховного Совета СССР «Об упорядочении торгово-закупочной деятельности кооперативов и регулировании цен на товары (услуги), реализуемые кооперативами населению и организациям», которым кооперативам запрещалось осуществлять торгово-закупочную и посредническую деятельность, связанную со скупкой в розничной и оптовой торговой сети (государственной и потребкооперации) промышленных и продовольственных товаров и их перепродажей [«Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР», 1989, № 19, с. 353].

Конечно, на волне кооперативного движения появилось немало желающих погреть руки на «легком бизнесе»: скупить в розничной торговле оптом (с нарушением всех установленных для кооперативов норм) дефицитный товар и тут же поблизости перепродать его по цене спекулятивной. Примеры подобного рода предпринимательства приводились в печати, народными депутатами на сессиях Верховного

Совета. С подобными любителями незаконного обогащения (впрочем, так же как и с теми, кто им содействовал в государственном секторе) нужно было бороться всеми средствами права, вплоть до предусмотренных уголовным законодательством.

Но ведь к такому нежелательному эффекту следовало быть готовым и сразу же усилить контроль. Едва ли можно было рассчитывать на то, что в стране, где спекуляция стала явлением весьма распространенным, не найдутся любители заняться этим делом под прикрытием легальной вывески торгово-закупочного кооператива.

С принятием же глобального решения о запрете всех подобных кооперативов население многих районов страны лишилось возможности пусть и по более высоким ценам, но получать, например, овощи и фрукты, продукты их переработки, поскольку государство до сих пор фруктоовощную проблему решить не может. Так, например, в 1989 г. не были поставлены в нужном объеме овощи и фрукты в районы Дальнего Востока, Крайнего Севера. Как свидетельствует статистика, уровень их заготовок и продажи снизился по всей стране.

Наконец, ни один бизнес не может существовать без торгово-закупочной и посреднической деятельности.

Таким образом, опыт применения Закона о кооперации в этой части свидетельствует, что общество оказалось неподготовленным к реализации столь широкой степени свободы, которая заключена в формуле «разрешено все, что не запрещено».

Закон СССР о внесении изменений и дополнений в Закон о кооперации в СССР, принятый Верховным Советом СССР в июне 1990 г., внес некоторые уточнения в этот принцип. Во-первых, отныне перечень запрещенных видов деятельности будет устанавливаться законодательными актами СССР, союзных и автономных республик, а не решениями правительства. Следовательно, после 1 октября 1990 г. (вступления в силу Закона СССР 1990 г.) запретительные перечни, утвержденные Правительством СССР и союзных республик, подлежат отмене.

Во-вторых, вводится лицензирование, т.е. необходимость разрешения соответствующих органов на осуществление кооперативами отдельных видов деятельности, определяемых законодательством Союза ССР, союзных и автономных республик. Верховный Совет СССР поручил общесоюзному Правительству определить перечень таких видов деятельности. Введение лицензирования не должно, на наш взгляд, ухудшить положение кооперативов, поскольку после 1 октября подлежит отмене утвержденный в 1988 году перечень № 2, предусмотревший те виды деятельности, которыми кооперативам дозволено заниматься только по договорам с организациями, для которых эта деятельность является основной, т.е. по существу со своими конкурентами, да еще наделенными функциями контроля за кооперативами (некоторые медицинские кооперативы, концертные, редакционно-издательские и т.п.). Лицензирование освобождает кооперативы от такой опеки.

Закон о кооперации в СССР поделил ее на два основных типа: производственную и потребительскую.

Содержание деятельности производственных кооперативов характеризуется как заготовка, переработка, реализация сельскохозяйственной продукции, изделий производственно-технического назначения, изготовление товаров народного потребления, сбор и переработка вторичного сырья и деловых отходов производства, ремонт и обслуживание техники, производственное, дорожное и жилищно-гражданское строительство, розничная торговля и общественное питание, бытовое обслуживание, организация культурного досуга, медицинской помощи, оказание правового, транспортно-экспедиционного обслуживания, проведение научно-исследовательских, проектных, конструкторских, внедренческих, спортивно-оздоровительных, иных услуг и многие другие виды хозяйственной деятельности.

Усилия потребительской кооперации направлялись на удовлетворение потребностей ее членов и других граждан в торговле и бытовом обслуживании, а также в жилище, дачах, садовых участках, гаражах и стоянках, в социально-культурных и других услугах. Закон допустил в рамках потребительской кооперации создание кооперативов смешанного типа, т.е. осуществляющих как производственную деятельность, так и основную для данной разновидности кооперации.

Принципиально новым было допущение первого типа кооперации. Что касается второго, то он охватывает существовавшие в стране потребительские общества и союзы, жилищно-строительные, дачно-строительные, гаражно-строительные и т.п. кооперативы, хотя и не исключает, конечно, возможности появления новой разновидности кооперативов подобного типа. Например, жилищных (применительно к данному типу кооперации новыми являются принципы их формирования и деятельности, которые, по замыслу законодателя, должны были возродить кооперативную сущность подобных общественных организаций).

В чем принципиальная разница между двумя типами кооперации, установленными в Законе? На наш взгляд, она состоит в различной целевой установке создания и деятельности того и другого типа кооперации.

Согласно Закону, цель производственной кооперации — удовлетворять прежде всего интересы народного хозяйства в производстве товаров, продукции, строительстве, ремонте, других работах, предоставлении платных услуг населению и предприятиям, иным организациям. При этом личное участие каждого члена кооператива в производительном труде признается обязательным. Удовлетворение интересов непосредственно членов кооперативов здесь на втором месте. Схема для нас весьма привычная. Сначала общественное, а потом личное.

Целевая установка потребительской кооперации несколько иная: удовлетворение потребностей членов этих кооперативов.

Естественно, что тем самым и удовлетворяются потребности общества в целом. Если граждане за счет собственных средств построили гараж, то этого не надо делать государству. Если на неиспользуемой земле выращиваются овощи и фрукты, то это полезно не только гражданину, но и обществу. В кооперации подобного типа член кооператива не обязан (хотя и не лишен права) участвовать в ее деятельности своим трудом. Например, в строительстве жилищного кооператива, в заготовках овощей и фруктов. (Справедливости ради нужно сказать о некоторой непоследовательности самого Закона, поскольку в его четвертой статье, посвященной главным задачам кооперации, удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в продовольствии, иных товарах, работах, услугах поставлено на первом месте для всех кооперативов. Но думается, что содержание данной статьи должно быть скорректировано с учетом подразделения кооперации на два типа.)

А ведь любые кооперативы всегда и везде создавались для удовлетворения прежде всего интересов лиц, объединившихся в кооператив, что в итоге не только не противоречило интересам общества, а, наоборот, помогало решению его экономических, культурных и иных проблем. Наш Закон, по существу, отразил разный подход к характеру производственных и потребительских кооперативов, их назначению и месту в системе экономических отношений страны.

Задача производственных кооперативов практически мало чем отличалась от задач, стоящих перед промышленными, строительными, ремонтными, научно-исследовательскими и т.п. предприятиями и организациями государственного сектора экономики. (Именно исходя из этого подхода, основным производственным кооперативом на селе Закон признал поначалу коллективные хозяйства (колхозы).)

А вот средства ее реализации кооперативам были даны куда более эффективные, чем государственным предприятиям. Кооперативам предоставлялась широкая хозяйственная самостоятельность в планировании своей деятельности, выборе ее направлений, партнеров по договорам, принятии решений. Они не связывались государственным заказом (хотя имели полную возможность добровольно его принять). Им давалась широкая возможность определения цен на свою продукцию. Устанавливалась низкая (поначалу) ставка налогов, право самостоятельно определять формы и систему оплаты труда, распределять полученный доход среди своих членов и лиц, работающих по найму (по трудовым договорам). Все это, вместе взятое, и отсутствие к тому же вышестоящего звена сразу поставило производственные кооперативы в положение, иное по сравнению с государственными предприятиями. Они были запрограммированы и стали подлинными товаропроизводителями, успех деятельности которых зависит от ее результата (соответствия предложения спросу).

На государственных же предприятиях остались установленные для них сверху показатели и нормативы. Они продолжают ходить в передовиках при условии выполнения именно таких показателей. Ко-

нечный же результат — интересы потребителя, — несмотря на все призывы, содержащиеся в Законе о госпредприятии, не стал главной целью их деятельности.

Переход госпредприятий на любую модель хозрасчета, предусмотренную в Законе о нем, кардинально проблему их самостоятельности не решил. Она, возможно, решится с помощью другой модели: превращения государственных предприятий в организации арендаторов с постепенным выкупом арендуемых у государства основных средств до полной независимости. После чего эти предприятия перестанут быть государственными. Такая модель заложена в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, начавших действовать в стране с 1 января 1990 г. В соответствии с Основами после выкупа арендованного имущества арендное предприятие по решению его трудового коллектива может быть преобразовано в *коллективное* предприятие, *кооператив*, акционерное общество или иной вид предприятия, действующего на основе коллективной собственности.

Таким образом, признано, что кооперативная форма хозяйствования в итоге даст ту степень свободы, которую арендные предприятия, перейдя на аренду, еще не получили.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания, что Основы законодательства об аренде существенно ограничили действие Закона о кооперации в СССР (ст. 18) применительно к тем кооперативам, которые возникают на базе ликвидируемых из-за убыточности государственных предприятий (структурных единиц, подразделений) и получают их имущество в аренду. Условия договора кооператива с арендодателем подчинены требованиям п. 4 ст. 16 и ст. 18 Основ, согласно которым кооператив уже не вправе, а обязан принять на себя выполнение государственного заказа и заказов на реализацию продукции (работ, услуг) по сложившимся хозяйственным связям в объеме, не превышающем соответствующие заказы, принятые на год его сдачи в аренду.

Для таких кооперативных предприятий возможность добровольного принятия государственного заказа сохранена лишь применительно к продукции (товарам), производимой с использованием имущества, относящегося к их коллективной собственности.

Это явный шаг назад по сравнению с Законом о кооперации. Прямого противоречия между двумя законами нет. Основы адресуют данное условие сдачи государственного имущества в аренду арендодателю. Он должен включить обязательность госзаказа в договор об аренде. Но для кооператива-арендатора нет альтернативы, так как аренда этого имущества — вопрос его жизни или смерти. Поэтому заключить договор на иных условиях он просто не может. По существу, это ухудшенный вариант договора, именуемого на Западе договором присоединения. Хочешь — присоединяйся, не хочешь — твое дело. Но ничего не получишь.

С помощью названного правила Основы поставили как будто бы в равные условия государственные предприятия, переходящие на арен-

ду, и кооперативы. Между тем не учтено, что на аренду переходят, как правило, действующие госпредприятия, а кооперативы образуются чаще всего на базе «мертвых» предприятий. Для госпредприятия аренда — шаг по направлению к кооперативу. Кооператив же, как правило, прибегает к аренде имущества прежнего предприятия потому, что ему отказывают в его выкупе. Органы государственного управления в данном случае вернули себе возможность диктовать кооперативам условия хозяйствования вместо того, чтобы вести с ними диалог. Административный метод вновь победил экономический, и законодатель, теперь уже самый современный, пошел на это.

Жизнь покажет, выиграет ли от такого решения потребитель. Но нельзя с сожалением не отметить, что ограничение введено для наиболее добросовестно работающих кооперативов, где неспостановимо меньше, а порой и вовсе не было тех социальных перекосов, которые вызвали негодование (причем далеко не всегда справедливое) со стороны населения, государственных органов и общественных организаций.

Что же касается кооперативов, работающих на собственной базе, то здесь все предусмотренные Законом о кооперации права в выборе направления деятельности и принятии решений сохраняются. Но опыт работы кооперативов за истекшие полтора года свидетельствует, что при отсутствии свободного рынка средств производства, материальных ресурсов реализовать эти возможности затруднительно.

Закон предоставил право кооперативам пользоваться розничной торговлей. В условиях дефицита продовольственных и промышленных товаров широкого спроса такое решение вопроса едва ли было верным. Кооператив не может покупать граммами, единицами штук и метров. В результате — масса злоупотреблений как со стороны кооперативов, так и государственной розничной торговли. В настоящее время кооперативы могут приобретать товары в государственной розничной торговой сети и в сети потребительской кооперации в порядке, установленном для государственных предприятий. За нарушение данного порядка установлена суровая санкция-изъятие в местный бюджет всех доходов, полученных от реализации продукции из товаров, приобретенных в розничной сети. Что касается такого сырьевого ресурса, как вторичное сырье, отходы производства, иные не используемые госпредприятиями ресурсы, то кооперативы могут их покупать только по ценам, значительно превышающим государственные оптовые цены (с поправочными коэффициентами). Но даже по таким ценам приобрести эти ресурсы весьма трудно. Выясняется, что в отходах производства содержатся примеси металлов, которые нельзя продавать кооперативам (но можно выбрасывать), либо не используемые госпредприятием ресурсы — дефицит, и им нельзя снабжать кооперативы (лучше пусть пропадают).

В условиях запрета кооперативы начали прибегать к явно незаконным методам обеспечения себя ресурсами, что привело к новому витку недовольства ими. Многие кооперативы меняют профиль своей

работы либо закрываются. В результате падает объем производства товаров народного потребления, изготавливаемых кооперативами, и выполняемых ими платных работ и услуг. Так, например, по Москве удельный вес кооперативов в производстве товаров народного потребления сократился в 1989 г. с 17,9 до 11,3%, в сфере бытового обслуживания с 30,1 до 9,5% [«Московская правда», 1990, 7 января]. Одна из причин этого, безусловно, состоит в отсутствии должной сырьевой и технической базы.

Объясняется это не только экономическими и социальными, но и правовыми причинами. Регулирование хозяйственной деятельности производственных кооперативов оказалось внутренне противоречивым. Предоставив кооперативу широкие права во внутрихозяйственной жизни, Закон не наделил его необходимыми возможностями в отношениях с внешними организациями, и прежде всего связанными с обеспечением материально-техническими ресурсами.

В результате одни кооперативы закрылись, а другие перешли на контакты с предприятиями и организациями, на обслуживание их интересов, а не населения.

Изменениями, внесенными Верховным Советом СССР в ст. 27 Закона о кооперации в СССР, сделана попытка несколько упорядочить материально-техническое обеспечение кооперативов. В частности, кооперативы теперь вправе приобретать от сторонних организаций имущество безвозмездно (с баланса на баланс), получать централизованно распределяемые ресурсы от предприятий, территориальных и отраслевых органов снабжения, с которыми заключили договоры на производство продукции, работ, оказание услуг, а также от предприятий-изготовителей при условии выполнения ими договоров и в случаях, если от этих ресурсов отказались их потребители.

Вместе с тем трудности, с которыми сталкиваются кооперативы, не могут перечеркнуть того факта, что Закон о кооперации создал правовую основу для реальной самостоятельности хозяйствующего субъекта, не зависящего от непосредственно стоящих над ним управленческих органов.

Применение Закона о кооперации явилось довольно убедительным свидетельством того, что организации, не имеющие над собой органов управления и зависящие главным образом от результативности собственной деятельности, способны предоставить людям, с одной стороны, широкие возможности для реализации их творческого и трудового потенциала, а с другой — обеспечить за счет этого значительно лучшие материальные условия, чем у рабочих и служащих, работающих на госпредприятиях. Правда, это вызывало острое недовольство работников госпредприятий и отток более квалифицированных из них в кооперативы.

Возможности реализации способностей человека в кооперативе хорошо выразила кандидат экономических наук, заместитель председателя по экономике кооператива «Системы — Программы» И. Злобина, ранее работавшая в системе Госплана РСФСР и преподававшая

политическую экономию в вузе. «В кооперативе, — сказала она, — я обрела гармонию между тем, что я делаю, и о чем думаю. Это, наверное, есть состояние истинно свободного человека» [«Известия», 1990, 1 января, с. 2 (см. статью «Нас становится все меньше»)].

Хорошо работающие кооперативы очень быстро накопили крупные суммы денег на своих счетах. Возможность распоряжения свободным остатком дохода (после расчетов с бюджетом, банками, контрагентами, возмещением материальных затрат) поставлена у них в зависимость от решения членов кооператива, их общего собрания (либо собрания уполномоченных).

Кооператив самостоятельно определяет также виды, размеры, порядок формирования и использования фондов, резервов. Закон указал кооперативам на необходимость уделять особое внимание экономически обоснованному соотношению между средствами, направляемыми на развитие производства, осуществление социальных мероприятий и на оплату труда.

Те кооперативы, которые создавались с расчетом на длительную и серьезную работу, так и поступали, отчисляя значительную часть своих доходов на развитие производства.

Между тем появилось немало кооперативов, а точнее, лиц, которые стремились лишь к личному обогащению, а потому не заботились о развитии кооперативов. Львиная доля доходов здесь распределялась по карманам. Зарботки отдельных кооператоров достигали астрономических цифр. Справедливости ради нужно сказать, что и в добросовестно работающих кооперативах денежные выплаты их членам и тем, кто работает по договору, значительно превышают заработную плату большинства рабочих и служащих госпредприятий. К тому есть немало объективных причин: хозяйское отношение к делу, хорошая организация труда при небольшом управленческом аппарате, низкие потери, бьющая через край инициатива, короткий путь от идеи до ее реализации, способность быстро приспособляться к спросу и многое другое. Однако даже легальный рост доходов кооперативов и характер их деятельности усугубил ряд трудностей в финансовой системе страны. Изменилось соотношение наличных и безналичных расчетов, произошло не спрогнозированное заранее увеличение наличной денежной массы без товарного покрытия. Если к этому добавить злоупотребления на ниве кооперации, то станет ясно, что у финансовых органов были основания бить тревогу.

Серьезные проблемы вызвала и большая свобода в установлении цен на продукцию, товары и услуги кооперативов. Правда, что и в государственном секторе резко усилилась тенденция к росту цен на продукцию и товары, реализуемые по договорным ценам, что в значительной степени повлияло на развитие инфляции. Товары народного потребления оказались малодоступными основной части населения, особенно тем, кто живет за чертой бедности, а они составляют большой процент.

Значит, и в этом вопросе законодатель допустил некоторое забегание вперед, не учел в полной мере реальное состояние сферы обращения. Отсутствовала и должная налоговая политика по отношению к кооперативам. Поначалу установили очень низкие ставки налогов (3, 5, 10%), впоследствии перешли к закручиванию гаек. В результате дважды пришлось отменять или изменять уже принятые решения. Как известно, пришлось приостановить, а практически отменить действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1988 г., которым вводился «драконовский» прогрессивный налог на доходы членов кооперативов, а также вносить существенные уточнения в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 февраля 1989 г. о подоходном налоге с кооперативов буквально спустя полгода после его принятия.

Приняты также решения Правительства СССР по вопросам ценообразования как в государственном, так и в кооперативном секторе [СП СССР, 1989, № 8, ст. 25]. Верховным Советом СССР внесены изменения в Закон о кооперации. П. 2 ст. 19 Закона, посвященный ценам, был дополнен пунктом, предоставившим Советам народных депутатов право устанавливать предельные уровни цен (тарифов) на основные потребительские товары (услуги), производимые и реализуемые кооперативами. Установлено также, что кооперативы, приобретающие товары по импорту, вправе реализовать товары населению по ценам, не превышающим уровень цен, установленных для аналогичных товаров соответствующими государственными органами [«Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1989, № 19, с. 350]. С 1 января 1991 г. вступит в силу новый Закон СССР о налогах с предприятий, объединений и организаций.

Подобная нестабильность законодательства, продиктованная не изменившимися условиями, а недостатками в подготовке законов и, мягко говоря, слабой осведомленностью о восприимчивости экономики к нововведениям, отсутствием обоснованных прогнозов о возможных последствиях принимаемых решений и другими отнюдь не объективными факторами, мало помогает выходу из сложной ситуации, в которой оказалось государство и общество в современный период.

III. Государство и кооперация. Перспективы развития

По-новому поставил Закон о кооперации вопрос о взаимоотношениях государства, его органов и кооперации. Последние обязывались способствовать развитию кооперации, оказывать ей всяческую помощь. Строго-настрога запрещалось вмешиваться в хозяйственную и иную деятельность кооперативов. Кооперативам было предоставлено право в случае издания органом государственного управления акта, не соответствующего его компетенции, либо с нарушением требова-

ний законодательства «обратиться в суд или арбитраж с заявлением о признании такого акта недействительным полностью или в части».

В то же время на местные органы государственного управления и другие компетентные органы возлагался контроль за соблюдением кооперативами действующего законодательства по вопросам охраны труда, техники безопасности, производственной гигиены и санитарии, охраны природных ресурсов и окружающей среды, за соблюдением кооперативами платежей в бюджет и т.д.

Поначалу государственные органы способствовали развитию кооперативного движения. Правда, иногда весьма странно. Создавали кооперативы и тут же закрывали государственные организации того же профиля. Вместо того чтобы развивать, например, государственное общественное питание, его заменяли кооперативным, отдавая кооперативам помещения и оборудование столовых, кафе и пр., что, естественно, вызвало раздражение населения, поскольку цены в кооперативных предприятиях были значительно выше государственных. То же самое можно сказать и о мелких торговых предприятиях. В общем, стремились не к конкурентной борьбе, а замене одного вида предприятий другими.

В целом все же помощь кооперативам оказывалась, и немалая. Но впоследствии ситуация существенно изменилась, чему способствовала резко ухудшившаяся экономическая обстановка в стране. Причины этого явления сложны и лежат за пределами данной статьи. Это и обострение межнациональных отношений, и забастовки, и нежелание административно-командной системы сдавать свои позиции, и непродуманность ряда экономических решений, и многое-многое другое, приведшее к дестабилизации потребительского рынка, дезорганизации производства во многих отраслях народного хозяйства.

Гнев же народный невольно, а порой и сознательно обращался против кооперативов, в которых нередко усматривали первопричину всех бед. Достаточно сослаться на требования шахтеров Донбасса и Кузбасса о закрытии кооперативов. Местные власти, испугавшиеся размаха забастовочного движения, в ряде регионов страны поспешили удовлетворить эти требования, а заодно и избавиться от тех, кто своей деятельностью оказался не похожим на привычные штампы.

Особенно огорчают многочисленные факты отступления от Закона при принятии решений о закрытии кооперативов. Так, в некоторых городах и районах кооперативы закрывались не исполкомами (рай-, горсоветов), а непосредственно сессиями Советов народных депутатов. Решения последних в суд обжаловать невозможно. Конечно, свое веское слово могли бы сказать прокуроры. Но они часто безмолвствуют. В результате растет число решений местных органов государственной власти, законность которых, мягко говоря, сомнительна. Дело здесь не столько в нарушении прав кооперативов и искажении их взаимоотношений с государством, но главным образом в несоответствии действий подобного рода принципу законности в обществе,

следовать которому — святая обязанность органов государственной власти как в центре, так и на местах.

Таким образом, практика применения Закона о кооперации в СССР выявила как его плюсы, так и минусы. Возникло также много новых вопросов, ответы на которые необходимы для дальнейшего развития кооперативного движения в нашей стране.

Первый из них касается места, которое должны занимать кооперативы в экономическом и социальном переустройстве страны.

Думается, что наиболее перспективны кооперативы в сельском хозяйстве. Свидетельство тому — прошедший в начале 1990 г. съезд ассоциаций крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов. Опыт работы первых крестьянских хозяйств показал, что им в определенных сферах нужно кооперировать свои усилия и труд. Чем больше будет в стране крестьянских хозяйств, тем больше будет нужда в самых разнообразных кооперативах на селе.

Что же касается колхозов, то Закон о кооперации мало используется в их деятельности. Труд колхозника и сейчас ближе стоит к труду рабочего, чем члена кооператива. Каким путем будут развиваться колхозы — это отдельный вопрос. Во всяком случае, их насильственное закрытие также неприемлемо, как когда-то осуществленная сплошная коллективизация. Только сами колхозники должны решать судьбу своих хозяйств.

Думается, что кооперативное движение будет поступательно развиваться и в иных сферах народного хозяйства. Только не надо на кооперативы возлагать те же задачи, что и на государственный сектор экономики. Для того чтобы кооперативы могли функционировать в равных с государственными предприятиями и объединениями условиях, необходимо реформировать условия хозяйствования последних и навести порядок в управлении ими. Важно также, чтобы кооперативы не были единственной групповой формой хозяйствования, противостоящей государственному сектору. Должны получить развитие и такие коллективные формы, как акционерные общества и иные хозяйственные товарищества. Когда кооперативы станут одной из коллективных форм хозяйствования, их место в системе экономических отношений промышленности, строительства и иных сфер будет более определенным, чем сейчас.

Необходимо также дальнейшее совершенствование правового регулирования организации и деятельности кооперативов. Более четким должен быть правовой режим имущества кооперативов. Сегодня можно создать кооператив без рубля в кармане у его членов. Думается, что паевое начало должно быть обязательно для всех разновидностей кооперативов, поэтому наличие первоначального капитала следует рассматривать в качестве условия для регистрации кооператива.

Важно также более четко определить правовые основы организации и деятельности союзов, ассоциаций, иных вторичных кооперативных структур. В настоящее время создано много территориальных, вплоть до общесоюзных, союзов кооперативов, а также отрасле-

вых ассоциаций. В Законе же о кооперации подобного рода объединениям, выполняющим многие задачи и функции, которые единичным кооперативам не под силу, посвящена всего одна статья.

В дальнейшей законодательной регламентации и гарантиях нуждаются кооперативные банки, страховые учреждения и т.п.

Есть еще один немаловажный для развития кооперативного движения фактор, имеющий социальное и психологическое значение. Процесс перехода к новым, коллективным формам хозяйствования оказался весьма болезненным. Как здесь не вспомнить ленинское предупреждение о необходимости длительного периода времени, чтобы произошел переворот в сознании людей, понимание ими происходящих процессов. Но если раньше нужно было убедить в необходимости перехода от индивидуально-собственнических начал к кооперированию производственной деятельности, к началам коллективистским, то теперь коррективы вносятся в десятилетиями насаждавшиеся в сознание людей представления о государственной собственности, ее ведущей роли, общенародном характере и ее способности решить почти все экономические и социальные проблемы народа. Подобный переворот в сознании — процесс не менее сложный, чем тот, который нужно было осуществить в 20-е годы. Поэтому следует набраться терпения. Не делать скоропалительных выводов, не бросаться от одной крайности в другую, постепенно, но настойчиво внедрять в экономику современные формы хозяйствования, обеспечивая им не менее современную и перспективную правовую основу.

Некоторые мысли о Конституции А.Д. Сахарова

В истории России было пять конституций. Первая — Манифест 17 октября 1905 года («Об усовершенствовании государственного порядка») — провозгласила основные гражданские права и свободы и создание Государственной думы. В результате принятия этой конституции, октроированной императором Николаем II под напором революционного давления снизу, абсолютная монархия была превращена в конституционную, дуалистическую, так как законодательные полномочия стали осуществляться совместно императором, Государственным советом и выборной Думой — первым российским парламентом. Второй стала первая советская конституция — Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 года. Эта конституция фактически носила декларативный характер, так как установленная ею Советская власть сразу же была заменена однопартийной диктатурой. Третья — Конституция СССР 1924 года — оформила создание Советского Союза, то есть той самой демократической в мире федерации, которая, как мы знаем теперь, на самом деле была имперским унитаризмом. Четвертой стала сталинская Конституция 1936 года, принятая в разгар чудовищного террора. С чисто формальной точки зрения она была ординарной парламентской конституцией, содержащей традиционный для того времени набор демократических прав и свобод, но и она при Сталине не применялась. Вся власть была сосредоточена в одних руках. Кровавому диктатору конституция была нужна только для того, чтобы обманывать наивных западных интеллигентов. Наконец, пятая — «брежневская», Конституция 1977 года. Ее начали сочинять еще при Н.С. Хрущеве в 1962 году, и завершен был сей титанический труд к 60-й годовщине Октябрьской революции. Она мало чем отличалась от своей предшественницы и практически не действовала до конца 80-х годов. По мере нарастания темпов революционных преобразований, начатых весной 1985 года, становилась все яснее непригодность этой конституции. В декабре 1988 года была осуществлена конституционная реформа. Коренным образом была преобразована система высших органов государственной власти. Авторы этой реформы попытались соединить съездовскую систему Конституции 1924 года с некоторыми элементами американского парламентаризма. Результаты оказались плачевными. В это же время была рефор-

на судебная система, введен Комитет конституционного надзора. Абсолютным новшеством, также себя не оправдавшим, явилось создание должности Председателя Верховного Совета СССР.

Бурные события второй половины 1989 года вызвали ряд новых попыток изменить Конституцию, усовершенствовать политическую систему страны. Наиболее важны отмена ст. 6 Конституции и учреждение индивидуальной президентуры. Ведется на разных уровнях подготовка проекта новой конституции, которая сопровождается принятием важнейших законов, конституционных по своему характеру. В этих условиях публикация текста Конституции А.Д. Сахарова [см.: «Звезда», 1990, № 3] оказалась не только весьма своевременной, но и приковала к себе внимание самых различных групп и организаций, выражающих общественное мнение.

Конечно, Конституция А.Д. Сахарова не является не только конституцией, но даже ее проектом. Дело в том, что проекты конституций сочиняются всегда коллегиально — конституционными комитетами и комиссиями, учредительными собраниями. Но нашей истории известны и индивидуальные проекты основных законов. Достаточно вспомнить «Русскую правду» декабриста П.И. Пестеля, проект конституции декабриста Н.М. Муравьева. Сахаровский проект занимает достойное место в этом ряду.

Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии представляет собой небольшой, но очень емкий по содержанию документ. В нем отсутствует уже ставшая традиционной для современного конституционализма преамбула. В нем содержится всего лишь 46 статей, которые не разбиты ни на главы, ни на разделы. Все очень просто. Язык ясный. Никакой риторики, ни малейшего пустословия, к которому мы, к сожалению, давно привыкли.

Внимательный читатель Конституции А.Д. Сахарова может выделить в ней несколько узлов: о целях Европейско-Азиатского Союза, о гражданских правах и свободах, о федерации, о Центральном правительстве Союза, об экономической структуре Союза (названия узлов почти полностью заимствованы из текста Конституции).

Конструируя государственное устройство Союза (Федерации), А.Д. Сахаров учел многие требования, предъявленные к Союзу в перестроечный период. Он отказался от принципа полного равенства членов Союза, сохранив его договорную основу. В старом Союзе, членами которого были только союзные республики, этот принцип был основополагающим. Надо сказать, что принцип равноправия субъектов федерации принят почти во всех современных федерациях. Единственное известное нам исключение — Индийский Союз, в котором только два штата (Джамму и Кашмир и Сикким) имеют свои конституции, определяющие их особый режим. Сахаровская конституция предусматривает учет специфики сторон, заключающих союзный договор. Об этом сказано в ст. 16: «Дополнительные условия вхождения в Союз данной республики оформляются специальным протоколом в соответствии с волей населения республики». Отказ от принципа рав-

ноправия субъектов Союза (Федерации) нельзя оценить однозначно. Можно лишь представить себе ситуацию, при которой стороны Союзного договора каждая в отдельности требуют для себя особого положения. Облегчит ли это заключение Союзного договора?

В настоящее время субъектами Федерации, именуемой Советским Союзом, могут быть только союзные республики. Автономные республики, автономные области и округа являются структурными подразделениями соответствующих союзных республик и краев. Особое положение в Союзе занимает РСФСР — единственная федеративная союзная республика, которая в действительности является унитарной. Юридически, согласно Конституции 1977 года и сложившейся традиции, она обладает меньшими правами, чем остальные 14 союзных республик. До самого последнего времени она не имела некоторых министерств и иных ведомств, не имела своей компартии, Академии наук. Некоторыми это воспринимается как явная дискриминация России. В одной из программ, распространявшихся одним из кандидатов в народные депутаты РСФСР перед выборами 4 марта 1990 года, содержалось такое требование — «равные права РСФСР со всеми республиками СССР». На самом деле «ущемленный» статус РСФСР объяснялся молчаливой, но несгибаемой уверенностью центральной партюкратии в том, что Россия — это метрополия, а все остальное — колонии. Академик А.Д. Сахаров предлагает отказаться от множественности субъектов и участников федеративных отношений. В ст. 16 об этом сказано с полной определенностью: «Никаких других национально-территориальных единиц, кроме республик (подчеркнуто мною. — А.М.), Конституция Союза не признает...» Видимо, полная унификация членства в Европейско-Азиатском Союзе и соответственно ликвидация «других национально-территориальных единиц» (автономия республик, областей и округов) должна рассматриваться как достаточно отдаленная цель. К этой мысли можно прийти из анализа следующего положения ст. 25: «Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Национально-конституционный процесс начинается с провозглашения независимости всех национально-территориальных структурных частей СССР, образующих суверенные республики (государства)». При этом допускается, что некоторые из этих частей на основе референдума могут объединяться друг с другом. Сколько же возникнет республик в ходе этого «национально-конституционного процесса»? Как известно, в СССР имеется 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов. Кстати, ни одна федерация мира не знает такого многообразия структурных подразделений федеративного государства, как СССР. Могут ли все, без исключения, «национально-территориальные части СССР» по провозглашении независимости стать суверенными республиками? Как будет проходить этот

процесс, в каких формах? Может быть, следовало бы кое-кому предоставить культурную автономию?

Есть еще одна, специфическая российская проблема. Если все произойдет так, как сказано в Сахаровской конституции, то во что превратится Российская республика? Не станет ли ее территория своеобразным решето, после того как обретут самостоятельность входящие в нее многочисленные автономные республики, области и округа? Возможно ли разбить гигантское тело России на несколько республик в соответствии с уже сложившимся исторически экономическим и демографическим своеобразием и обособленностью? Все эти далеко не простые вопросы требуют весьма обстоятельного изучения.

Не обходит молчанием академик Сахаров и проблему одностороннего выхода. В ст. 15 сказано: «Основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение». Классическая формула — право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства — несколько изменена. В тексте статьи говорится о нации и республике. Видимо, имеется в виду та нация, которая не имеет своей государственной формы. Можно было бы уточнить это понятие, так как в нашем политико-правовом словаре, помимо наций, имеются также национальности и народности. Скажем, тофалары, которых насчитывается около 800 человек: являются ли они нацией? И если да, то распространяется ли на них «право на самоопределение»?

В отличие от ст. 72 Конституции СССР 1977 года, которая содержит весьма лаконичную формулировку права выхода («За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР»), Сахаровская конституция говорит и о порядке осуществления этого права. А именно: «Республика имеет право выхода из Союза. Решение о выходе республики из Союза должно быть принято высшим законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее, чем через год после вступления республики в Союз». Если решению парламента республики о выходе предшествует республиканский референдум, то что же решает он? Уполномочивает парламент принять решение о выходе? Может ли парламент республики игнорировать решение референдума? Возникает потребность в тщательной детализации положений ст. 17. А нужна ли такая детализация? Если право одностороннего и свободного выхода республики из Союза является ее суверенным правом, то необходимость в детализации процедуры осуществления этого права союзной конституцией просто отпадает. Союзная республика сама решает, как она будет выходить из Союза. Такое суждение, как нам кажется, имеет под собой определенные логические основания.

Принципиально новым в Конституции А.Д. Сахарова является положение о том, что «республика может быть исключена из Союза». Устанавливается и соответствующая процедура: «Исключение республики из Союза осуществляется решением Съезда народных депу-

татов Союза большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов в соответствии с волей населения Союза не менее чем через три года после вступления республики в Союз» (ст. 18). Эта новелла не имеет аналога ни в одной федеративной конституции мира. Речь, таким образом, идет о праве Союза отторгнуть от своего единого тела ту часть, которая угрожает здоровью и благополучию всего тела. Можно привести одинаково убедительные (или неубедительные) доводы как в оправдание этого положения, так и против него. Возможно, что здесь нашли выражение настроения в некоторых кругах нашего общества в связи с известными событиями в некоторых южных союзных республиках. Но следует ли поддаваться подобным настроениям? Не лучше ли поразмыслить? Обратимо ли такое решение? Что касается самой процедуры исключения, то вызывает серьезные сомнения формула «в соответствии с волей населения Союза». Ведь, судя по смыслу ст. 18, воля населения должна быть выражена до решения съезда, а само решение, значит, может не соответствовать воле населения Союза. Тогда зачем же она, эта воля, была выражена?

Предлагаемая А.Д. Сахаровым федерация строится на принципах унификации и добровольности. При этом следует иметь в виду, что фактический статус республик неодинаков. Об этом уже говорилось. Сошлемся еще на ст. 19, в которой сказано о передаче республиками некоторых функций Центральному правительству. Каждая из них делает это самостоятельно, соблюдая лишь некоторые общие условия. Обратимся к тексту ст. 19: «Кроме перечисленных, общих для всех республик условий вхождения в Союз, отдельные республики могут передать Центральному правительству другие функции... Эти дополнительные условия членства в Союзе должны быть зафиксированы в протоколе к Союзному договору и основываться на референдуме на территории республики». Примечательна в этом отношении и ст. 22: «Республика, если противное не оговорено в Специальном протоколе, обладает полной экономической самостоятельностью». Таким образом, добровольно, на разных условиях вступившие в Союз республики занимают по отношению к Союзу разное положение. Одни из них будут пользоваться полной экономической самостоятельностью и даже иметь свою собственную денежную систему (ст. 21), другие будут занимать более скромное положение. Не приведет ли это на практике к тому, что одни республики (более экономически и политически развитые) вступят в конфедеративные отношения с Союзом, а остальные — в федеративные?

Разделение компетенции между Союзом и республиками осуществляется, по мнению А.Д. Сахарова, в соответствии с принципом дуалистического федерализма, который был заложен в Конституции США 1787 года и воспринят советскими конституциями 1924, 1936 и 1977 годов. Согласно этому принципу, конституция достаточно точно определяет предметную компетенцию Союза, а все остальное передает штатам. Раздел 8 Конституции США содержит обширный перечень вопросов, отнесенных к компетенции Конгресса, т.е. Союза. Все

остальное (так называемая остаточная компетенция), за некоторыми изъятиями, составляет компетенцию штатов. Об этом вполне определенно сказано в X поправке к Конституции США: «Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не запрещено ее отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом».

У А.Д. Сахарова эта идея выражена следующим образом: «Республики передают Центральному правительству осуществление основных задач внешней политики и обороны страны. На всей территории Союза действует единая денежная система. Республики передают в ведение Центрального правительства транспорт и связь союзного значения». Отдельные республики могут передать Центральному правительству и другие функции... «Оборона страны от внешнего нападения возлагается на вооруженные силы, формируемые на основе Союзного закона, но при этом в соответствии со специальным протоколом республика может иметь свои собственные вооруженные силы или отдельные рода войск, формируемые из населения республики и дислоцируемые на ее территории». Однако, как сказано в Конституции: «Республиканские вооруженные силы и подразделения входят в Союзные Вооруженные силы и подчиняются единому командованию». Академик А.Д. Сахаров в данном случае отходит от дуалистического принципа, допуская существование сферы совместной компетенции Союза и республик. К этой же сфере относится эмиссия денежных знаков, ибо Конституция предполагает существование не только союзной, но и республиканской денежной системы (ст. 21). Нам хотелось бы по этому поводу заметить, что в современном мире нет ни одной федерации, субъекты которой обладали бы правом чеканки собственной монеты.

Конституция наделяет республики полной экономической самостоятельностью, «если противное не оговорено в Специальном протоколе» (ст. 22). Она резко сокращает экономические полномочия Союза. Очень важен раздел, говорящий о Союзном бюджете: «Из этого (республиканского) бюджета для поддержания функций, переданных Центральному правительству, в Союзный бюджет вносится сумма, определяемая Бюджетным комитетом Союза на условиях, указанных в Специальном протоколе» (ст. 22). Таким образом, рушится старый порядок, при котором Московская власть забирала все от союзных республик и потом распределяла по своему усмотрению в рамках «Союза нерушимого республик свободных».

Нет нужды детально рассматривать сферу предметной компетенции республик. Она обоснованно широка и разумно сбалансированна. Остановимся на одном очень важном принципе, без которого невозможна любая федерация.

Принципиальным, качественным отличием федерации как формы государственного устройства от конфедерации как союза суверенных государств является положение о верховенстве федерального права над правом субъектов федерации. Без этого предписания феде-

рация существовать не может. Она неизбежно развалится. Это прекрасно понимали учредители первой в современной истории, модельной, так сказать, федерации — Соединенных Штатов Америки. В статье VI Конституции этой страны сказано об этом вполне определенно: «Настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение оной, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны». Конституционное закрепление верховенства федерального права означает не только обязательность его применения на территории каждого штата. Более того, в случае возникновения коллизии федерального закона и закона штата, принятых по одному и тому же предмету, действует только федеральный закон. Конституция не ограничилась провозглашением этого важнейшего принципа, являющегося ключевым для всего свода американского федерализма. Она установила механизм его применения на практике. Об этом сказано так: «...и судьи в каждом штате обязаны следовать таковому праву, что бы ему ни противоречило в Конституции или законах любого штата». На страже неукоснительного соблюдения предписаний «клаузулы о верховенстве» стоит Верховный суд США и вся система федеральных судов.

А.Д. Сахаров кладет в основу своей схемы федерализма принципиально иное положение: «На территории республики действуют союзные законы, при условии утверждения их Верховным законодательным органом республики, и республиканские законы». На практике это положение означает полное бессилие Союза, поскольку любой союзный закон может быть признан ничтожным законодательным органом республики. Эта проблема горячо обсуждалась двести с лишним лет тому назад во время Конституционного конвента США. Вот как обосновывал необходимость «верховного права страны» один из современников этих споров: «Конституция должна быть верховным правом страны, иначе любой отдельный штат будет считать себя вправе противодействовать другим штатам и выйти в любой момент из Союза. Законом, принимаемым во исполнение Конституции, надлежит быть верховным правом страны, иначе любой отдельный штат смог бы свободно отменять для себя законы Союза. Без этого положения вся Конституция превратилась бы в клочок бумаги» Сильно сказано, не правда ли? И необычайно актуально для нас сейчас. Как же избежать коллизии законов? Видимо, самый реальный способ — это заранее согласовывать соответствующие проекты законов с заинтересованными союзными республиками. Для этого именно и существует Совет Национальностей, который, к сожалению, до последнего времени не действовал. Да и сами парламенты союзных республик должны помнить о верховенстве союзного права и законодательствовать с разумением. Огромную роль в этом деликатном деле играет правовая и политическая культура, взаимное уважение.

Система высших органов государственной власти Союза, которая в Конституции именуется Центральным правительством Союза,

сконструирована в соответствии с теорией разделения властей. В Центральное правительство Союза входят Съезд народных депутатов Союза, Совет Министров Союза и Верховный суд Союза. В ст. 27 Конституции сказано, что «Центральное правительство обладает всей полнотой высшей власти в стране, не разделяя ее с руководящими органами какой-либо партии». Главой Центрального правительства Союза является Президент Союза Советских Республик Европы и Азии. Четко проведена мысль о лишении партии государственных функций. Это правильно и для нас жизненно важно. Но при этом возникают некоторые сомнения, касающиеся правового статуса Центрального правительства и его главы. Что значит «обладает всей полнотой высшей власти в стране»? Ведь власть уже разделена между Союзом и республиками. Союз через свое Центральное правительство осуществляет только те властные полномочия, которые ему делегированы республиками. Следовательно, «всей полноты» этой власти просто не может быть. Речь может идти лишь об осуществлении центральной, т.е. Союзной, властью той компетенции, которой ее наделили.

Понятие «Центральное правительство» используется в Сахаровской конституции в том смысле, в каком в США используют понятие «Федеральное правительство» (система высших органов государственной власти Союза — Конгресс, Президент и Верховный суд). Каждый из составляющих элементов этой системы является носителем соответствующей власти — законодательной, исполнительной и судебной. Никакого главы Федерального правительства в США, естественно, нет. В рассматриваемой же нами Конституции Президент Союза, являясь главой Центрального правительства, выступает в качестве главы каждого из составляющих это правительство элементов. Нетрудно заметить, что такая конструкция не согласуется с принципом разделения властей.

Общесоюзный парламент — Съезд народных депутатов — конструируется по двухпалатной системе, что вполне естественно для страны с федеративной формой государственного устройства. Эта система значительно разумнее и эффективнее, чем та, которая была введена у нас после конституционной реформы 1988 года. Если нынешний двухпалатный Верховный Совет формируется Съездом народных депутатов и ему подчинен, то у А.Д. Сахарова обе палаты — Палата Республик и Палата Национальностей — избираются непосредственно народом в соответствии с мажоритарной избирательной системой абсолютного большинства. Следует сказать, что эта система в условиях уже возникшей в нашей стране многопартийности себя не оправдывает. Назрела необходимость перехода к пропорциональной системе представительства, которая открывает дорогу в парламент практически всем партиям, а распределение депутатских мандатов осуществляется в соответствии с количеством голосов, полученных каждой партией. Введение пропорциональной системы представительства резко повысит политическую активность избирателей, так как само голосование примет партийный характер.

Судя по тексту Конституции, правительство Союза (Совет Министров в смысле статей 32 и 33) состоит из министров и председателей комитетов при Совете Министров, кандидатуры которых (кроме министров иностранных дел и обороны) предлагает Председатель Совета Министров и утверждает съезд (ст. 33). Поскольку о коллегияльной ответственности Совета Министров ничего не сказано, то ее нет. Это означает, что Конституцией принят классический, с некоторыми поправками (наличие должности премьер-министра), вариант правительства, свойственный ряду президентских республик.

Должность Президента Союза Советских Республик Европы и Азии описана в Конституции в общих чертах. Сказано, что президент и предложенный им заместитель, который баллотируется одновременно с ним, избираются сроком на пять лет в ходе прямых всеобщих выборов на альтернативной основе. Вот, собственно, и все о выборах президента. Ничего не сказано о требованиях, предъявляемых к кандидатуре президента, о порядке выдвижения кандидатов на президентскую должность. Есть лишь одно требование: «Президент не может совмещать свой пост с руководящей должностью в какой-либо партии» (ст. 35). В этой ситуации выборы президента могут проводиться только по двухтуровой мажоритарной системе абсолютного большинства, т.е. так, как это делается в V Французской Республике с 1962 года.

Принципиальной новизной отличается предложенный А.Д. Сахаровым порядок отстранения президента от должности (импичмент). Обычно это делает парламент при участии других институтов или без оных, т.е. порядок избрания и отстранения не совпадают. В Сахаровской конституции президент отстраняется от должности в том же порядке, как и избирается, — референдумом, который проводится по решению Съезда народных депутатов Союза, принимаемому квалифицированным большинством в $\frac{2}{3}$ голосов списочного состава депутатов. Не сказано лишь о том, каковы основания возбуждения процедуры импичмента.

Нам кажется, что некоторые позиции предложенной А.Д. Сахаровым конструкции президентской власти (прямые выборы, сохранение должности премьер-министра) нашли отражение в Законе об учреждении поста Президента СССР, принятом в марте 1990 года.

Последний раздел Конституции (ст. 37—46) посвящен экономической структуре Союза. В нем содержится целая программа преобразования нашей административно-командной хаотической экономики в саморегулирующуюся экономическую систему, основанную на принципах рынка и конкуренции. Речь идет не о чисто рыночной экономике, полностью освобожденной от государственного регулирования, которой нет ни в одной цивилизованной стране, а о разумном сочетании рынка с государственным регулированием. «Государственное регулирование экономики, — говорится в 46-й статье Конституции, — осуществляется через экономическую деятельность государственных

предприятий и посредством законодательной поддержки принципов рынка, плюралистической конкуренции и социальной справедливости». По моему мнению, экономическая программа А.Д. Сахарова больше всего похожа на то, что осуществляется в настоящее время в Польше. Некоторые предложения А.Д. Сахарова нашли уже свое выражение или частично реализованы в законах о земле, о собственности, об аренде. Многие другие должны быть осуществлены в ближайшее время в ходе демонтажа административно-командной системы, которая довела уже нашу страну до полного хозяйственного маразма.

Подлинно гуманная, демократическая суть Сахаровской конституции раскрывается в тех ее положениях, в которых сформулированы ее цели. Назовем некоторые из них.

Статья 2 — «Цель народа Союза Советских Республик Европы и Азии — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле, независимо от их рас и национальностей, пола, возраста и социального положения».

Статья 4 — «Союз в лице его органов власти и граждан стремится к сохранению мира во всем мире, к сохранению среды обитания, к сохранению внешних и внутренних условий существования человечества и жизни на Земле в целом, к гармонизации экономического, социального и политического развития во всем мире».

Статья 5 — «Целью и обязанностью граждан и государства является обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности».

Наконец, в статье 12 сказано: «Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и миссионизма. Вооруженные силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности».

Мы привыкли за десятилетия административных безумств наших «вождей» к тому, что светлое будущее отодвинуто далеко вперед и никак не рассчитано на живущие поколения, которые лишь должны «как один умереть в борьбе за это». Академик Сахаров хочет построить достойную жизнь сейчас, для нынешних людей, а не для неведомых потомков. Слава богу, он не создает «новых моделей социализма», не призывает использовать до конца его весьма сомнительные преимущества. В его Конституции нет слова «социализм». Он вообще не вешает на предлагаемую им общественно-политическую систему никаких вывесок. Его цель — не загнать железной метлой человечество в счастье, а призвать свободных людей свободно и без административных понуканий самим создать для себя такую жизнь, которая им нужна и желанна.

Право как элемент культуры

I

Право и его принципы — неотъемлемая часть человеческой культуры. Как известно, правовая (юридическая) система в современном понимании представляет собой одну из разновидностей нормативных систем, регулирующих человеческое поведение. Особенности этой системы являются всеобщность и определенность правил поведения, обеспечение их принудительной силой государства, закрепление этих правил в официальных документах: текстах законов, судебных решениях и т.п. Все эти внешние признаки права складывались исторически, на протяжении длительного времени, по мере развития человеческой культуры, совершенствования взаимоотношений людей.

Гораздо важнее, видимо, указать на эволюцию внутреннего содержания правовых предписаний. Развитие самосознания социальных общностей — классов, социальных групп и слоев, смена общественно-экономических формаций, борьба идей, политических взглядов и социокультурных представлений не могли не сказаться самым существенным образом на изменении содержания правовых норм и институтов. За тысячелетия своего существования право сильно модифицировалось, вместе с тем сохраняя и развивая те институты и принципы, которые наиболее точно отражали специфику правовых отношений людей, соответствовали достигнутому уровню культуры человеческих взаимоотношений, фиксировали меру свободы человека в обществе и гарантии ее защиты и обеспечения. Решающую роль в этом процессе играли трудящиеся массы, во все периоды исторического развития отстаивавшие — с большим или меньшим успехом — принципы законности, демократии, равенства, свободы, социальной справедливости. «Свобода настолько присуща человеку, — писал Маркс, — что даже ее противники осуществляют ее, борясь против ее осуществления... Ни один человек не борется против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 55].

Первичные принципы права, постепенно ставшие элементами общечеловеческой культуры, были заложены в древности. Теперь они кажутся нам элементарными истинами, значение которых представляется очевидным. Но в свое время каждый из этих принципов скла-

дывался в сложной и длительной борьбе, вырабатывался как политический, философский и нравственный итог острых коллизий и социальных противоречий.

Так, например, в одном из наиболее разработанных источников права — «Дигестах» римского императора Юстиниана (VI век н.э.) — были уже сформулированы такие положения, как объективность суда («нельзя быть судьей в собственном деле»), бремя доказывания («доказательство возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает»), полнота доказательств («один свидетель — не свидетель») и т.п. [см.: Дигесты Юстиниана. Избр. фрагменты. М., «Наука», 1984, с. 106, 361, 365 и др.]. Правда, эти и подобные им положения, воспринимаемые ныне в цивилизованном мире как непреложные истины, сочетались и переплетались самым тесным образом с представлениями о неравенстве лиц разных сословий перед законом, о допустимости телесных воздействий и жестоких наказаний и т.п.

Борьба за демократию и социальную справедливость в сфере права и юридической культуры особенно ярко проявилась в такой области, как судопроизводство. Представления о преступлении и наказании, о принципах уголовной ответственности изменялись и развивались в тесной связи с развитием человеческой культуры.

Еще в недрах рабовладельческого, а затем и феодального обществ начали зарождаться и развиваться гуманистические идеи равенства перед законом, справедливого обращения с лицами, нарушившими закон, идеи предупреждения правонарушений.

Греческий философ Демокрит (IV в. до н.э.) писал: «Тот, кто воспитывает... убеждением и доводами рассудка, окажется лучше, чем тот, кто применяет закон и принуждение». Почти через полторы тысячи лет восточный философ-гуманист Аль-Фараби (IX — X вв. н.э.), развивая те же идеи, подчеркивал значение принципа личной ответственности и справедливого отношения к людям [см.: А л ь ф а р а б и. Социально-этические трактаты. Алма-Ата, «Наука» Казах.ССР, 1973, с. 266 и след.]. В XVI веке Томас Мор, провозглашая ценность человеческой жизни, выступил против жестоких наказаний средневековья: «Бог запретил убивать кого бы то ни было, а мы с такой легкостью убиваем за отнятый грош» [Т. М о р. Утопия. М.: «Наука», 1978, с. 138].

С ростом городов, развитием ремесленного производства, возникновением капиталистических отношений такого рода гуманистические идеи стали приобретать все более широкое распространение и четкую социально-политическую направленность.

Новые взгляды на организацию и принципы деятельности уголовной юстиции рождались под сильным влиянием естественнонаучных открытий и разработок, развернувшихся в век французского Просвещения. Усилившееся внимание к человеку, его воспитанию и образованию, обсуждение проблем «свободы воли», причин человеческих поступков, рациональной организации общественной жизни положительно сказались на содержании новых уголовно-правовых представ-

лений и идей. Экономическая и социальная необходимость освободить человека от пут феодальных отношений, привести политическую и правовую надстройку в соответствие с возникающим капиталистическим базисом осознавалась все более широкими слоями населения, и прежде всего — демократически настроенными представителями интеллигенции.

Характеризуя взгляды идеологов идущей к власти буржуазии, Ф. Энгельс писал: «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, сами выступали крайне революционно... Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него» [Ф. Э н г е л ь с. Анти-Дюринг. Л., 1948, с. 16]. Это относилось и к правовым установлениям.

Именно в этот период стали появляться первые разработки проектов законов и уголовных кодексов, основанных на демократических и гуманистических началах.

Принципы уголовного права в их демократической трактовке получили подробную разработку в известной книге итальянского юриста Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.). Резко критикуя жестокость и несправедливость феодального уголовного права, коварство и тиранию аристократов, беззакония церкви, Беккариа подробно обосновал следующие уголовно-правовые принципы: законности (нет преступления, нет наказания без точного указания закона); равенства всех людей перед законом; соразмерности наказания причиненному вреду; неотвратимости ответственности; предупреждения преступлений путем осуществления социальных мероприятий (устранение нищеты, «хорошее воспитание» и т.д.) [см.: Б е к к а р и а Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939].

Идеи Беккариа, посягавшие на самые основы феодальной юстиции, сыграли важную роль в формировании государственно-правовых представлений многих прогрессивных мыслителей. Подробно комментируя и развивая идеи Беккариа, Вольтер писал о феодальной юстиции: «Всюду противоречия, жестокость, неопределенность, произвол; наконец, продажность судебных должностей — это позор, которым заклеймлена в мире одна Франция...» [В о л ь т е р. Избранные страницы. СПб, 1914, с. 156]. Он выступал за то, чтобы сжечь старые и создать новые законы, которые основывались бы на разуме, на знании природы преступления и наказания, были бы гуманны и справедливы.

К этому же периоду относится публикация антимонархических идей русского революционера-демократа А.Н. Радищева. Наряду с общей критикой самодержавия и институтов феодального права он сформулировал и некоторые идеи, относящиеся к области уголовного правосудия: резко выступил против привлечения к ответственности за помыслы и слова, не выразившиеся в противоправных действиях; подчеркнул необходимость учитывать различие в степени вины и со-

держании умысла правонарушителей; считал, что целью наказания должно быть не мщение, а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления». Радищев был противником смертной казни и телесных наказаний [см.: А.Н. Р а д и щ е в. Избр. соч. М., т. III].

Приход буржуазии к власти ознаменовался проведением ряда реформ в области уголовного и особенно процессуального законодательства. Суд был более четко отделен от органов управления, возросла роль адвокатуры и присяжных, был провозглашен принцип равенства перед законом, расширилась гласность судопроизводства. Однако, как известно, все эти изменения оказались неполными, непоследовательными; скоро от них стали происходить прямые отступления. Когда задача ниспровержения феодального строя была решена и капиталистические общественные отношения утвердились, введенные буржуазией новые политические и правовые учреждения, как писал Энгельс, «оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей» [там же, с. 17].

Однако идеи великих гуманистов прошлых веков не были утрачены. Они возродились в научных трудах прогрессивных философов, социологов и юристов, в произведениях публицистов, выступлениях политических деятелей. Все большее распространение в мире стали приобретать концепция правового государства, представления о незаблестимости прав человека. Сейчас они в полной мере актуальны и для нашего общества. И это не только правовые понятия и институты, но и важнейшие завоевания человеческой культуры.

II

Право в системе культуры представляет собой самостоятельную духовную и социальную ценность и вместе с тем выражает и закрепляет ценности иных, связанных с правом социальных явлений, соответствующих господствующим общественным отношениям [см.: С.С. А л е к с е в. Социальная ценность права в советском обществе. М., Юрид. лит., 1971, с. 7]. Главная задача советского права — проведение в жизнь таких основополагающих ценностей социалистического общества, как народовластие, демократия, гуманизм, социальная защищенность. Все большее значение придается закреплению и охране интересов личности.

Каждая отрасль права в специфической форме, через конкретные нормы и институты олицетворяет определенные социальные и духовные ценности общества, относящиеся к данной области жизни. Так, например, советское трудовое право провозглашает и законодательно закрепляет всеобщность труда для всех трудоспособных членов общества, принцип материальной заинтересованности в лучших результатах труда, охрану здоровья трудящихся, их равноправие в области труда независимо от пола, национальности, расы и других обстоя-

тельств. Далеко не во всех своих институтах трудовое право достаточно эффективно выполняет эти задачи, не во всем достигается и социальная справедливость, но указанная направленность правовых норм несомненна.

Во многих случаях социальные ценности, возникшие вне правовых установлений и независимо от них, становятся правовыми идеями, принципами права, находят в нем свое как бы «второе рождение». Таковы, например, идеи демократии, равенства, справедливости, свободы, ответственности. Все эти социальные ценности исторически сложились в сферах экономических, политических и духовных взаимосвязей людей, но, будучи закреплены в праве, стали и правовыми ценностями, юридическими идеями-принципами. Теперь они в свою очередь через право влияют на общественную жизнь, выступая «в качестве отправных начал в целеполагающей деятельности людей при формировании с помощью юридических норм необходимого общественного порядка» [А.М. В а с и л ь е в. О правовых идеях-принципах. — «Сов. государство и право», 1975, № 3, с. 15].

Трансформация социальных ценностей в правовые идеи-принципы приводит к тому, что некоторые из них действуют только или главным образом через правовую систему. Такие названные выше социальные ценности, как, например, равенство, справедливость, ответственность, весьма часто интерпретируются именно в качестве правовых категорий. Кроме того, в связи с утверждением самого права как социальной ценности возникли и специфические правовые ценности. К ним прежде всего следует отнести принцип законности.

Важнейшей ценностью права является отражение и претворение в жизнь таких социальных категорий, как свобода и ответственность.

Понятие свободы, конечно, выходит далеко за рамки юридических понятий и институтов. Однако в интересующем нас плане оно имеет прямое отношение к выбору человеком форм и способов поведения, к принятию решения по своей воле и в своих интересах.

Известно, что в каждом звене генезиса того или иного человеческого поступка складывается так называемый «веер возможностей», т.е. совокупность различных вариантов выбора цели, средств, путей реализации интересов и намерений лица, времени и обстоятельств совершения этого поступка. Степень широты «веера возможностей», допускаемых социально-экономическими, политическими, правовыми, нравственными и другими условиями жизни общества, может быть охарактеризована категорией свободы и связанными с ней правовыми понятиями дозволения, запрета, ответственности.

Правовая система является важнейшим инструментом реализации или ограничения свободы с учетом как общечеловеческого, так и национального значения этого понятия. По выражению К. Маркса, «свод законов есть Библия свободы народа» [К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 1, с. 63]. Это, разумеется, не означает излишней переоценки юридических предписаний и правовых гарантий. Ведь реальная степень, мера свободы определяется в конечном счете

социально-экономическим состоянием общества, уровнем развития демократии и культуры. Но и право не безучастно к закреплению и реализации этого состояния. «Как ценностью право противостоит режиму произвола и беззакония, — отмечал В.А. Туманов. — Хотя на протяжении веков в право отнюдь не всегда вкладывалось содержание, отвечающее нуждам прогресса, но вместе с тем без права нельзя утвердить принципы демократии, равенства, свободы» [В.А. Т у м а н о в. Современный антимарксизм и теория права. — «Советское государство и право», 1969, № 4, с. 62].

Ответственность — одно из проявлений связи и взаимной зависимости личности и общества. Обычно это понятие связывается с наступлением неблагоприятных для субъекта последствий его противоправного поведения [см.: И.С. С а м о щ е н к о. Правонарушение и юридическая ответственность в советском обществе. — В кн.: Общая теория советского права. М., Юридическая литература, 1966, с. 415; С.Н. Б р а т у с ь. Юридическая ответственность и законность. М., Юридическая литература, 1976, с. 85 и др.]. Однако в последнее время как в философской, так и в юридической литературе стали обращать внимание и на более широкое, позитивное понимание ответственности, трактуемой как социальный, нравственный и правовой долг человека. Это та категория ответственности, о которой говорил В.И. Ленин, подчеркивая важность коммунистического воспитания трудящихся: «Вопрос состоит в том, чтобы сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность» [В.И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, с. 369 — 370].

По существу, ответственность в этом смысле есть необходимость (обязанность) принимать такие решения, в которых учитывались бы не только интересы данного субъекта, но и других людей, групп, классов, интересы общества. Можно, видимо, сказать, что это понятие ответственности характеризует позитивное социальное отношение лица к совершаемым им поступкам. По сути дела, это есть субъективное отражение и закрепление в поведении лица требований социального контроля. Объективное содержание подобной ответственности, по мнению П.П. Осипова, образуют два аспекта: «соблюдение социальных требований и следование общественным ожиданиям» [П.П. О с и п о в. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976, с. 44]. Несомненно, что в системе культуры общества они составляют существенные элементы.

Важнейшее значение в этой системе, особенно в ее нравственном, духовном аспекте, принадлежит и таким категориям, как истина и справедливость.

Истина, право, справедливость — все эти понятия тесно связаны и весьма близки между собой. Не может быть справедливости без установления истины. Право утрачивает свое нравственное значение, если оно не обеспечивает справедливости. Не вызывает сомнений, что

социалистическое право во всех своих проявлениях должно содержать, выражать и реализовать истину и справедливость — эти важнейшие социальные и духовные ценности. Именно право, и более всего право, способно осуществить принцип истины, идею справедливости не только в общем виде, но и в каждом отдельном правовом акте и предписании. К сожалению, в жизни это происходит далеко не всегда. Наше общество проделало длинный и тяжкий путь, чтобы лишь теперь, в период обновления социализма, понять и признать всю значимость названных принципов.

Справедливость и истина весьма конкретны. В философской и этической литературе отмечается, что справедливость — нравственная оценочная категория, выражающая отношение индивида, социальной группы, общества к тем или иным явлениям или поступкам. Справедливость может выступать в роли критерия моральной оценки, в роли чувства, нормы, мотива поведения, нравственного идеала. Его содержание, выражающее меру воздействия и меру требования к личности или обществу, формируется на основе конкретных исторических условий жизни людей. «Справедливость, — писал Ф. Энгельс, — всегда представляет собой лишь идеологизированное... выражение существующих экономических отношений, либо с их консервативной, либо с их революционной стороны» [К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 18, с. 273]. Истину можно рассматривать как гносеологическую основу справедливости, как необходимое условие, без которого нельзя оценить ту или иную ситуацию, принять справедливое решение.

В силу социальной природы такой оценочной категории, как справедливость, конкретные представления о справедливом и несправедливом существенно менялись по мере развития общественных отношений. Советское право призвано воспитывать граждан в духе таких критериев справедливости, которые соответствуют демократическим идеям и принципам социалистического общества. Это идеи равенства, товарищеской взаимопомощи, коллективизма, работы по способности, распределения по труду и др.

Следует согласиться с мнением Г.В. Мальцева о том, что «те или иные представления о справедливости служат фундаментом для системы социальных норм, практически обеспечивающих связь между работой и оплатой за нее, подвигом и наградой, заслугой и поощрением, преступлением и наказанием, проступком и взысканием и т.п.» [Г.В. М а л ь ц е в. Социальная справедливость и правовое положение личности. — В кн.: Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Вып. VI (Личность и право). М., 1975, с. 18]. Понятие справедливости широко используется и при реализации права, особенно в тех случаях, когда диспозиция или санкция нормы допускают различные варианты решений.

Ценностные представления об истине и справедливости имеют важное мотивирующее значение. Ведь многие поступки граждан мо-

гут быть продиктованы не их личными потребностями и интересами, а интересами других людей и общества в целом, исходя из представлений об истинном, полезном, правильном, справедливым. Защита интересов женщины или ребенка, правильное разрешение трудового спора, прекращение семейной или межнациональной вражды — эти и другие действия в большинстве случаев вызваны стремлением добиться справедливости, восстановить истину. Этими же побуждениями руководствуются наиболее активные граждане, участвующие в деятельности народных дружин по охране общественного порядка, работающие в товарищеских судах, выступающие в суде в качестве общественных обвинителей и защитников. Соображения о справедливости и истинности убеждений и поступков сопутствуют любому правомерному поведению, предпринимаемому с общественно полезными целями.

Далее, истина и справедливость служат эталонами при оценке альтернатив (вариантов) поведения в случае принятия решений о целях и средствах их достижения. Развитое чувство справедливости представляет собой одно из средств внутреннего нравственного контроля, тесно связанного с правосознанием личности. Таким образом, как истина, так и справедливость, будучи в своей основе категориями нравственности, имеют важное регулирующее значение для правового поведения, служат неотъемлемыми элементами правовой культуры.

Свобода и ответственность, истина и справедливость получают правовое закрепление и реализацию при последовательном осуществлении законности.

Идея законности как социальная ценность укрепляется при наличии ряда условий, к числу которых относятся: полнота законодательного урегулирования общественных отношений; стабильность основных правовых норм и институтов; действенность правовых гарантий, равное отношение к любому гражданину при применении законов; неотвратимость ответственности за их нарушение. Остановимся вкратце на некоторых из этих условий.

П о л н о т а законодательного урегулирования общественных отношений служит базой для последовательного осуществления принципа законности. Если важные элементы поведения граждан, должностных лиц или коллективов не урегулированы нормами права либо эти нормы не упорядочены, разрозненны, неизбежно создаются условия для случайных решений, для усмотрения, от которого один шаг до произвола.

Эталоны (модели) поведения должны быть нормативно закреплены правовой системой. Такое закрепление обеспечивает гражданину и коллективу определенность в их действиях, уверенность в достижении необходимых результатов. Этому же содействует и с т а б и л ь н о с т ь правового регулирования, которая включает относительное постоянство (длительность действия) законов, устойчивость практики их применения, преемственность методов деятельно-

сти правоприменительных органов независимо от сменяемости конкретных должностных лиц. Она порождает у граждан и коллективов уверенность в том, что соответствующие правила поведения отражают объективные потребности социальной жизни и требуют безусловного соблюдения.

Законность предполагает предоставление одинаковых прав и предъявление единых требований ко всем гражданам, т.е. предполагает осуществление принципа равенства граждан перед законом. Естественно, что его проведение в жизнь способствует укреплению в сознании людей таких важных социальных ценностей, как социальная справедливость, устойчивость правопорядка, авторитет права и государства и др.

Режим законности предполагает, далее, наличие твердых гарантий соблюдения прав и интересов граждан и коллективов. Мало провозгласить тот или иной закон, нужно создать «механизм», обеспечивающий его проведение в жизнь, реализацию содержащихся в этом законе предписаний, предусматривающих, например, определенный порядок обжалования неправильных действий должностных лиц, порядок защиты прав граждан, формы участия в управлении и т.д. Тогда модель поведения, описанная в норме, будет воспринята как закрепление реальных возможностей, обеспеченных гражданину и коллективу государством.

С.С. Алексеев в одной из своих работ писал: «Законность есть не что иное, как реализуемое право — право под углом зрения требований, выражающих его всеобщность (равенство всех перед законом, устойчивость и стабильность правового регулирования, гарантированность субъективных прав и др.)» [С.С. Алексеев. Социальная ценность права в советском обществе, с. 80]. Все эти аспекты не абстрактны, они наполнены конкретным, исторически обусловленным содержанием. Законность не только формальный принцип права, но содержательная категория, отражающая демократическое существо общественного строя.

Все указанные принципы входят в содержание *правовой культуры*, которую мы рассматриваем как неотъемлемый элемент общей и политической культуры населения страны. В понятие правовой культуры включается не только знание права, но и отношение лица к правовым явлениям как проявление его общей политической ориентации, нравственного сознания и, кроме того, как специфическое отношение к некоторым правовым ценностям — законности, правопорядку, механизму государственного управления. Человек, обладающий достаточной общей и правовой культурой, понимает значимость социальных благ, охраняемых правом, представляет себе пределы правового регулирования основных видов общественных отношений, знает основы организации и деятельности правоприменительных органов, общее направление правовой политики, положительно оценивает социальную значимость права в целом, его институтов и юридической профессии.

Знание основ права и усвоение его основных ценностей — важная черта личности высококультурного человека. Оно должно стать внутренней, нравственной потребностью всех слоев населения, элементом образа жизни, традицией, передаваемой следующему поколению. Закрепление норм и ценностей социализма в правовой и общей культуре является надежным условием эффективного регулирования поведения людей посредством права.

III

Право, выступая как социальная и духовная ценность, имеет вместе с тем практическое значение в деле защиты достижений национальной и общечеловеческой культуры. Современные правовые системы содержат разнообразные механизмы, обеспечивающие выполнение этой задачи.

Укажем прежде всего в этой связи на ряд положений советского законодательства. Статья 27 Конституции СССР устанавливает: «Государство заботится об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня.

В СССР всемерно поощряется развитие профессионального искусства и народного художественного творчества».

Статья 46 Конституции СССР, провозглашающая право граждан на пользование достижениями культуры, указывает, что это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах; развитием и равномерным размещением культурно-просветительных учреждений на территории страны; развитием телевидения и радио, книгоиздательского дела и периодической печати, сети бесплатных библиотек; расширением культурного обмена с зарубежными государствами. Статья 47 закрепляет свободу научного, технического и художественного творчества, а также охрану авторских и изобретательских прав.

Укажем также на то, что забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей рассматривается как долг и обязанность советских граждан (ст. 68 Конституции СССР).

Положения этих статей Конституции получили дальнейшее развитие и конкретизацию в ряде нормативных актов.

Особо следует подчеркнуть международное значение права как средства защиты культуры. Многие — если не все — культурные инициативы и институции общемирового значения имеют то или иное юридическое оформление. Напомним в этой связи о целом комплексе международных соглашений и договоров, относящихся к сфере культуры.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, вступивший в силу в 1976 г., признал «право каждого че-

ловека на образование, которое должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами и содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» (ст. 13). Пакт провозгласил свободу научных исследований и творческой деятельности, а также право каждого человека на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса, на защиту интересов, возникающих в связи с научными, литературными или художественными произведениями (ст. 15). В Пакте подчеркивается, что «идеал свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды, может быть осуществлен, только если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами так же, как и своими гражданскими и политическими правами».

Важнейшее значение в деле защиты культуры и образования имеют такие документы ООН, как Декларация ООН и Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1966 г.), Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1967 г.), Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами (1965 г.) и многие другие правовые документы. Ряд международных соглашений касается защиты культурных и исторических ценностей человечества. Об этом говорится и в документах Венской встречи.

В принятой Генеральной Ассамблеей ООН еще в 1966 г. Декларации принципов международного культурного сотрудничества было подчеркнуто значение «широкого распространения культуры и образования среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира» и что поэтому «на все народы возлагается священная обязанность, которую следует выполнять в духе взаимного сотрудничества». В Декларации указано, что все культуры в их богатом многообразии, разнообразии и взаимном влиянии «являются частью общего достояния человечества» (ст. 1), а культурное сотрудничество между народами и государствами «должно выявлять идеи и ценности, способствующие созданию обстановки дружбы и мира» (ст. VII).

Не только в этом документе, но и в ряде других деклараций и решений Генеральной Ассамблеи ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций признается, что важнейшая задача современности — это сохранение мира, без которого не может быть никакого экономического, социального и культурного развития человечества. Право и его институты — одно из средств решения этой поистине исторической задачи, которая стоит перед всеми народами. Идеи «европейского дома», мирового сообщества правовых государств, система международной безопасности имеют, среди прочих, и правовые аспекты: лишь на пути достижения договоренностей, заключения взаи-

моприемлемых соглашений между государствами возможно осуществление этих идей и принципов.

Право — элемент человеческой культуры и один из инструментов ее охраны и защиты. Укрепление правовых основ международных отношений, реализация демократических правовых идей — настоятельное требование времени. Его осуществление способствует развитию политической и правовой культуры людей и потому является важным вкладом в их духовное развитие.

Депутат, избиратель, парламент

Перестройка настоятельно требует учиться демократии. А что это значит? Задумываемся ли мы над этим? Ищем ли ответа?

Попробуем взглянуть на этот процесс с точки зрения становления нашего советского парламента и обучения, самообучения парламентской демократии, искусству полемики, преодолению рутины мышления.

Мы встали на этот путь и сделали первые шаги. Уже прошедшие съезды народных депутатов СССР и сессии Верховного Совета СССР показали, сколь не прост и тернист этот путь. Мы будем спотыкаться, падать, набивать шишки, но надо обязательно идти вперед. Надо двигаться. Нам никак нельзя сходить с того каната, на который мы встали. Нельзя падать. Нужно балансировать и идти вперед. «Дорогу осилит идущий!»

Многие мои коллеги это прекрасно понимают, поэтому призыв, прозвучавший с трибуны I съезда: «Заканчивайте скорее!», вызвал откровенный смех в зале. Мы ведь не голосовать и не аплодировать собрались, а *работать*. И очень жаль, что многих это раздражает. Значительная часть избирателей (во всяком случае, их не так уж и мало) видят в депутате только своего слугу. «Мы требуем», а ты должен делать. Правомерна ли такая постановка вопроса?

И дело не в количестве таких требований, а в их содержании. Мне доводилось получать «письма» и «обращения» со многими десятками подписей, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу.

В то же время иногда видишь, что человек разбирается в вопросе значительно лучше меня и за державу радеет не менее моего, и думаешь, почему же не он, а я ношу в кармане мандат депутата?

Перед каждым депутатом, перед каждым избирателем, перед каждым гражданином сейчас ежедневно и ежечасно встают вопросы, на которые наша жизнь еще не подготовила ответов. И выход здесь только один — искать их самим.

Рождение депутата

В любом социальном образовании есть главное действующее лицо, без которого невозможно его существование. В театре — это ак-

тер, в магазине — покупатель, на заводе — рабочий, в конторе — клерк и т.д. А в парламенте? Разумеется, депутат.

Депутат должен родиться в определенное время и в определенном месте. Читатель, конечно, понимает, что речь идет о политическом рождении. Впервые на памяти практически всех ныне здравствующих поколений мы действительно стали участниками и свидетелями рождения депутатов. И это произошло на выборах 26 марта 1989 года. Как отметил в своем новогоднем послании к советскому народу М.С. Горбачев, 1989 год «стал годом первых настоящего свободного выборов за несколько десятилетий советской истории».

И это не пустые слова. Последние более или менее свободные выборы проходили в нашей стране, видимо, более 60 лет тому назад. (Речь идет о любых выборах, а не только выборах верховной власти.) Естественно, что стариков, которые хоть что-то помнят из бурных событий тех лет, почти не осталось, а у стариков «помоложе» и воспоминания другие. И они и мы пережили «культ личности», «период волюнтаризма» (он почему-то очень часто выпадает из поля зрения современных исследователей) и «эпоху застоя», вступили в пору гласности, демократизации и перестройки. Эти глобальные (без всякого преувеличения) процессы затронули все общество, наложили отпечаток на образ жизни и образ мышления всех его членов.

Так жили шесть десятилетий. Прошли сквозь опустошительную войну, череду пятилеток, пережили годы репрессий, подняли целину, пробилась в космос, воевали с китайцами за остров Даманский, ввели войска в Чехословакию и Афганистан, вывели их и осудили эти акты. Мы что-то создавали, что-то собирались создавать. Одно строили, другое разрушали...

Мы жили, как могли, и все это под неусыпным оком Административной Системы, породившей и свято охранявшей известное: «Есть мнение!»

Прошло 60 лет, и вдруг все изменилось. Мы ощутили потребность, попробовали, и нам понравилось решать многие вопросы и делать многие вещи по-другому, более демократично, более открыто и более понятно — через выборы. А выбрали 26 марта 1989 года.

Мы еще не знаем всех достоинств и всех подводных камней выборов как способа решения ключевых вопросов нашей жизни, но мы уже не хотим возвращаться обратно в лоно Административной Системы, где не надо думать, ибо «за нас думает тот, кто все знает». Мы согласны на этом пути набивать синяки и шишки, но обратная дорога нам просто заказана. Мосты сожжены, скоростную магистраль перед нами никто не проложил.

Прошедшие выборы нам многое показали, на многое открыли глаза. Проходили они одновременно по всей стране и везде по-разному. По-разному вели себя избиратели, проявляя свою политическую активность в таких формах, о которых раньше боялись и думать. Митинги и споры, обходы домов представителями разных

кандидатов и возникающие на этой почве конфликты, самодельные плакаты вроде: «Работники торговли за такого-то имярек, а покупателя — за другого». В Новокузнецке даже выпустили значки «Я голосую за В. Медикова». А сколько всевозможных «самиздатовских» листовок и плакатов было выпущено: от руки, на машинке, ксерокопиями, типографские.

«Противник» срывал «чужие» плакаты или заклеивал их «своими», закрашивал надписи, изымал из почтовых ящиков листовки и применял десятки других, не всегда корректных способов. Почему-то часто это делалось ночью. Не то из страха, не то из-за непривычки открыто проявлять свои политические взгляды.

Каждый впервые почувствовал, что от него что-то зависит. Пусть немного, но зависит.

Голосовать шли семьями, как уже давно не ходили (если, конечно, в семье не происходило «раскола» по кандидатам.) Точных данных, к сожалению, нет, но таких случаев, судя по всему, набирается от 7 до 10%.

По-разному реагировали на такой непривычный «разгул демократии» официальные структуры: в одних случаях они пускали все на самотек, в других — стремились максимально заорганизовать; запрещали и даже разгоняли митинги в поддержку неугодных кандидатов, оскорбляли их, называя «выскачками», «карьеристами», «пиночетами» и т.д. и всячески превознося достоинства своих кандидатов.

У Н.П. Белоуса, сварщика из Стрежевого, официально потребовали снять свою кандидатуру, ибо он набрал в своей парторганизации голосов больше, чем М.С. Горбачев. Однако он не растерялся, а взял и поведal об этом со страниц «Известий».

Партийные органы во многих районах, как ни странно, устранились от участия в предвыборной борьбе и включились только тогда, когда получили «указание» сверху. Но как?! Собрали активы, создали расширенные заседания бюро и дали свою установку: «Мы (вы) должны...» И тем самым помогли своим «противникам». Мне много раз доводилось слышать от москвичей: «Я голосовал не за Ельцина, а против диктата аппарата».

«Действие рождает противодействие» — этот закон физики забывать никак нельзя. Такое забвение приводит к печальным результатам. Мои друзья из Иркутска говорили мне, что прекрасный человек и толковый ученый Г.И. Фильшин стал терять очки, после того как его взялся поддерживать горком партии. Депутатом он все-таки стал. Надеюсь, его работу на сессиях Верховного Совета СССР и на II Съезде народных депутатов СССР видели и оценили его избиратели. А вот талантливого доктора юридических наук из Харькова В.Я. Тацяна «прокатили», приклеив ярлык «аппаратчика», после того как его накануне выборов выбрали (впервые в жизни!) в состав бюро, кажется, горкома партии. Одним знающим юристом в

высшем законодательном органе стало меньше, а их там и так-то почти нет. Кто же от этого выиграл?

Заорганизованность и желание во что бы то ни стало навязать свою волю не исчезают по мановению волшебной палочки. Они, между прочим, ярко проявлялись и на выборах республиканских и местных Советов.

А что же кандидаты? Следует сказать, что и они чувствовали себя непривычно. Одни, впрочем, воспринимали все происходящее как должное, другие сначала терялись и робели. Одни металась с утра до вечера по трудовым коллективам, другие шли только на многотысячные митинги. Кого-то выдвинул только один коллектив, а кого-то 10—15. Один воинский начальник где-то на Дальнем Востоке отдал приказ выдвинуть его кандидатуру во всех подчиненных подразделениях. Но и это ему не помогло.

Кто-то бранил своих соперников, и это иногда помогало, хотя и не всегда. А вот Р.Х. Солнцев из Красноярска везде хвалил своего соперника и рекомендовал голосовать именно за него, но зал глядел на него лукаво: «Знаем, знаем... Нас не проведешь!»

Но вот марафон пройден. Наступил день выборов. Сделать уже ничего нельзя. Остается только ждать. Один кандидат позже признался, что он за всю свою жизнь не принял столько валерьянки, сколько в день и ночь ожидания.

Наконец все бюллетени подсчитаны, все проверено и перепроверено, протоколы составлены и подписаны. Официально объявлены результаты голосования. Там, где выборы состоялись, во всех исполкомах уже в первые дни с утра раздавались звонки: «Где принимает депутат такой-то?» Вот так, без перехода, встречи с избирателями сменились их приемом.

Депутаты и избиратели

Говорят, депутат — слуга народа. А можно ли его так называть? Кому все-таки он должен служить?

Всему народу? Он же народный депутат. Но тогда размываются границы ответственности. Отвечать перед всеми очень часто означает не отвечать ни перед кем.

Своим избирателям? В конце концов именно они его избрали. В этом случае возможен групповой эгоизм, что отразится на депутатской деятельности. Каждый будет тянуть одеяло на себя, ничуть не заботясь о коллективном благе и коллективном интересе.

Закону? (Речь идет о законодателях.) Это слишком общо и абстрактно.

А кому должны служить депутаты от общественных организаций?

Видимо, пустое занятие — искать однозначный ответ на эти вопросы. Ответ во многом будет зависеть и от самого депутата, от того, как он понимает свой долг, насколько он свободен в принятии реше-

ний. Это зависит и от его способности слушать, слышать и воспринимать новое.

Можно представить себе две основные линии поведения депутата: проведение самостоятельной политики или полное подчинение воле избирателей. Вряд ли они встречаются «в чистом виде» в жизни, ибо ответ на поставленные вопросы зависит от избирателей, от их политической активности, от положения дел в округе, от понимания избирателями сложности и запутанности накопившихся проблем.

Всегда должно быть обоюдное стремление обеих сторон (депутата и избирателей) установить хороший психологический контакт друг с другом. К сожалению, в жизни это получается далеко не всегда.

Для многих депутат является последней инстанцией, последней надеждой. Он заменяет и райисполком, и горком партии, и судью, и прокурора, и слесаря из коммунальной службы. Одним словом, он и царь, и бог, и воинский начальник. Можно ли одному заменить всех и вся?

Избиратели часто обижаются, что депутат, на которого они возлагали такие надежды, переслал ту или иную их просьбу в соответствующую «инстанцию»: о предоставлении жилья — в исполком Совета; о некачественном следствии — в прокуратуру; о неправильном назначении пенсии — в органы собес и т.д. Говорят: «Мы вам так верили, а вы послали наше письмо опять туда же... Сами не стали разбираться». При этом совершенно не учитывается, что, во-первых, народный депутат СССР не может и не должен подменять все названные органы и учреждения. Он не вправе давать указания суду, какую избрать меру наказания, он не вправе давать указания и исполнительной власти, не вправе подменять органы следствия. Каждый должен отвечать за свое дело. Во-вторых, депутат все-таки не просто пересылает письма, не разобравшись. Он не передаточный механизм. Он тщательно изучает вопрос, что отнимает едва ли не львиную долю его рабочего времени, и только потом отсылает в инстанции, обратив внимание соответствующих должностных лиц на существо проблемы. Очень часто позиция депутата находит поддержку и принимается именно то решение, сторонником которого он выступает, — возбуждается или, наоборот, прекращается уголовное дело, продвигается вперед очередь на жилье, перераспределяются фонды и т.д. Но бывает и так (и нередко), что депутату обоснованно отказывают, однако избиратели требуют, настаивают: «Они все врут...» Что делать депутату?

Можно, конечно, проверить и перепроверить еще раз, но вот пройдены все инстанции, депутат уже видит, что заявитель не прав, значит, пора остановиться и просто отказаться участвовать в этом деле. Это тоже нормальное явление, и не надо делать из этого трагедии и утверждать, что депутат не оправдал чьих-то надежд. Депутат тоже имеет право и даже обязан иметь свою позицию. Иначе что это за депутат?

Пишут нам много, и поток писем не уменьшается. Некоторые из нас получают почту мешками в буквальном смысле слова. Любое интервью в печати, по радио, на телевидении вызывает волну писем. И это хорошо. Это свидетельствует об обратной связи. Нас хвалят, ругают, предлагают, советуют, требуют, но больше всего просят. Какие-то письма радуют, какие-то огорчают, какие-то обижают. В депутатской почте есть все.

Как-то после первой сессии Верховного Совета СССР я опубликовал небольшую заметку «Вы мне писали» в «Комсомольской правде» (17 августа 1989 г.), где неосторожно упомянул о письмах шизофреников (разумеется, я имел в виду именно психически больных людей). Меня тут же обвинили в неточном диагнозе, хотя я никому персонально никогда в жизни никакого диагноза не ставил. Кроме всего прочего, получил пакеты с рецептом изготовления средства от рака (которое не признает Минздрав) и с планом кругосветного путешествия на одиночной яхте и требованием финансирования этого мероприятия (правда, автор совершенно не знает мореходного дела, никогда не ходил под парусами, да и на море тоже вроде бы не был).

Письма такого рода далеко не самая большая редкость в депутатской почте. Они съедают массу времени, которого и так постоянно не хватает, но об этом не принято говорить публично. А собственно говоря, почему? Мы уже много раз пытались прятать наши болячки от всех и от себя. Ни к чему хорошему это не привело. Стоит ли повторять ошибки?

Как-то осенью по многим избирательным округам, как по команде, пошли «волны возмущения». «Будем отзывать своего депутата — он нам не нравится». Но что интересно: «своего» депутата, как правило, всегда ругают, а «чужого» хвалят. Мне не раз доводилось слышать беседы избирателей в холле гостиницы «Москва»: «Эх, вот нам бы такого депутата, а то наш...» И называлась фамилия человека, у которого мне, например, еще нужно учиться и учиться. В чем же дело?

А дело в том, что эти неугодные и неудобные депутаты обнародовали свою позицию. Реакция последовала незамедлительно, что естественно. Наше общество раздражаемо противоречиями. Центристские силы заменились центробежными. При такой ситуации у любого оратора неизбежно появятся и сторонники, и противники.

Разве у М.С. Горбачева нет противников? Есть. И это тоже естественно. Так, превозносившееся ранее всеобщее единодушие завело нас в болото, и надо из него выбираться.

Депутат должен отвечать перед своими избирателями за каждый свой шаг, каждый поступок, каждое слово, но он имеет право рассчитывать и на доверие. Избиратели тоже должны держать ответ друг перед другом, перед своей совестью. Ответственность должна быть взаимной, иначе толку не будет.

Должны ли избиратели контролировать деятельность своего депутата? Вне всякого сомнения. Во всем мире это делается с помощью средств массовой информации и соответствующих правовых механиз-

мов. Мы делаем только первые шаги в этом направлении, но как издревле говорили на Руси: «Лиха беда — начало». Время и жизнь работают такие формы контроля, которые никому не удастся обойти, и никто не сможет отсидеться в тени.

Мы живем в каком-то всеобщем недоверии друг к другу. Телевидение транслирует почти все заседания сессии Верховного Совета, и в каждом округе могут наблюдать работу своего депутата. При этом почему-то наше телевидение дает такую цветопередачу, что мы все оказываемся в синих костюмах. И вот уже избиратели спрашивают с подозрением: «Вас что, прикармливают? Какие-то костюмы всем из особого материала сшили. За наличные или бесплатно выдали?»

Это показывает, что в общении с избирателями важно все: что говоришь, как сидишь, во что одет. И люди все видят, все подмечают, все запоминают.

Во время съезда, во время сессий Верховного Совета СССР, в период работы комиссий и комитетов депутаты, общаясь друг с другом, образуют новый коллектив или новые коллективы. Не всегда это происходит гладко.

Депутат среди депутатов

Мы съехались на первую встречу в конце мая 1989 года. Приехали в Москву с желанием работать, решить все вопросы, причем решить сразу, ничего не откладывая на «потом». Огромный митинговый запал предвыборной борьбы был обращен против себе подобных единомышленников. Да, мы единомышленники, ибо каждый в отдельности и все мы вместе хотим блага своей стране, своему народу. Другой вопрос, что пути достижения этой цели каждый видит по-своему. И это зачастую делает нас непримиримыми, не желающими даже слушать оппонента. Есть ли выход? Безусловно. Он в повышении парламентской культуры дискуссий.

Сейчас очень много говорят и пишут о культуре дискуссий. А что это такое? Разве она выражается только в том, чтобы подыскивать «приличные» слова для неприличных явлений? Нет, конечно! Вещи должны быть названы своими именами (само собой разумеется, что без площадной брани и навешивания политических ярлыков).

Культура дискуссий заключается, во-первых, в наличии цели обсуждения, стремлении понять, узнать. Такая дискуссия делает человека сильнее и богаче. В.И. Ленин еще на X съезде партии отмечал, что «мы должны поставить своим лозунгом, своей главной целью и задачей, которую мы во что бы то ни стало должны осуществить, это — чтобы из дискуссий и споров выйти более крепкими, нежели тогда, когда мы их начали» [В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 5].

Во-вторых, строгая аргументация своей позиции. Не «я считаю...» (вспомните начало первой сессии Верховного Совета СССР), а «это нужно делать, так как...» и только в самом конце «поэтому я счи-

таю...» (ближе к этой схеме шло обсуждение уже в завершение работы второй сессии).

Аргументы должны быть не пустыми, случайно подобранными, а действенными и убедительными. Такая аргументация должна быть одновременно и аргументированной критикой оппонента, а не так уже надоевшим всем критиканством.

В-третьих, умение слушать, а главное, слышать собеседника. А нам этого очень не хватает. Как часто мы выходим порой на трибуну, будучи твердо убеждены в том, что мнение ранее выступавшего депутата не заслуживает внимания, и даже не даем себе труда вдуматься в то, что он говорил.

В-четвертых, в равенстве диспутантов. Если одному — всесоюзная трибуна, а другому — полполосы в заводской многотиражке, если одному слово предоставляется неоднократно и по первому требованию, а другой, терпеливо отстояв в очереди к микрофону, каждый раз возвращается на свое место ни с чем, то это все вариации на тему: «Все равны, но некоторые равны больше».

Дискуссия всегда эмоциональна. Она просто невозможна без эмоций. Конечно, плохо, когда эмоции заглушают рациональное, но все же эмоции — наши помощники в любой дискуссии. Никому не придет в голову требовать, чтобы артист, играющий Отелло, играл бы без эмоций. Почему же к спорящим сторонам выдвигается требование «оставить эмоции в коридоре»? Но эмоциональная дискуссия — это не «дискуссия» эмоций. В последнем случае вообще нет никакой дискуссии, это уже что-то иное.

Нам еще предстоит освоить в полной мере искусство парламентских дебатов, а пока, к сожалению, нет-нет да и возникнут ситуации, когда их участники, говоря словами протопопы Аввакума, «сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять!» А пенять есть за что.

Очень часто в своих выступлениях депутаты ссылаются на мнение и волю избирателей: «Народ нас не поймет, если мы сейчас не сделаем того-то и того-то», «народ не простит», «народ требует», «народ ждет», «настаивает» и т.д. Однако к таким требованиям следует относиться с большой осторожностью, серьезно взвесив все «за» и «против». Ведь иногда требования одной части населения противоречат требованиям другой. Так, советские немцы требуют восстановления некогда существовавшей автономной республики, а часть жителей Саратовской области против этого. Как решить этот вопрос?

Турки-месхетинцы требуют вернуть им историческую родину, где покоится прах их пращуров, а жители Месхетии возражают. Кого прикажете называть народом?

Шахтеры Кузбасса бастуют — пенсионеры Подмосковья их «критикуют». Кто выражает интересы народа в данном случае?

Любой из читателей может без труда продолжить этот перечень. Но что это даст? Только констатацию существования противоречий в обществе. Но это мы все и так знаем.

Как совместить все эти интересы?

Никакого «единодушного одобрения» нам не надо. «Одобрям» уже было. Если оно начнет возрождаться, то это приведет опять к застою. Однако нам следует избегать и искусственных разногласий.

Во время предвыборной кампании избиратели часто спрашивали, как я отношусь к многопартийной системе? Могу сказать, что не вижу в ней спасения от созданных «трудом предшествующих поколений» бед, но и никакой угрозы нашему будущему в ней также не нахожу.

Нужно отметить еще одно обстоятельство. Практически сразу после начала формирования органов Верховного Совета СССР — комиссий и комитетов — пошла «внутридепутатская» почта. Депутаты стали писать официальные заявления с кратким изложением содержания писем избирателей с просьбами, жалобами и т.д., прилагаемыми к записке депутата: «Прошу разобраться с этим вопросом и сообщить мне по адресу...»

С моей точки зрения, такая практика недопустима. Получается, что один депутат поручает другому ту работу, которую должен выполнить сам. Ведь это за него голосовали избиратели и от него ждут помощи. Если подходить к делу с таких позиций, то многого мы не добьемся.

Теперь скажу о другом.

Депутаты представляют самые разные слои населения, что естественно и понятно. Но часто это представительство не пропорционально той доле, которую занимает данная категория граждан в общей структуре населения. Очень часто в этой связи говорят о том, что среди депутатов мало рабочих, поэтому-де для них надо установить гарантированную квоту. Обоснование до предела простое: «Профессор не будет защищать интересы рабочего» — так было сказано на I съезде. Хотя депутат должен защищать интересы не одной какой-то группы, а всего населения, добиваться процветания не ограниченной части, а всего народа. На II съезде разгорелись дебаты по поводу того, предоставлять квоту инвалидам или нет, кто будет учитывать в парламенте интересы женщин. С трибуны и особенно в кулуарах съезда шли дебаты о квоте для ветеранов, для молодежи и т.д.

Возможно, я излишне резок, но я убежден, что доверять решение судьбы Отчизны человеку только потому, что он инвалид, или, наоборот, лишать его этого права только потому, что он перешагнул полувековой рубеж или, напротив, слишком молод, просто безнравственно. Как сказал депутат Моссовета Александр Грачев: «До абсурда доходить не следует. Иначе нам понадобятся квоты для... покинутых жен и оставленных мужей...» (Квота для совестливых. — «Правда», 1990, 3 января, с. 2). Неплохо было бы нам всем проникнуться мыслью, что парламентаризм требует профессионализма, следовательно, особых знаний, особых навыков, особых свойств, поэтому парламент не компания хороших людей, а коллектив собранных воедино профессионалов, болеющих за свое дело, стремящихся не к достижению

корпоративных целей и интересов, а к торжеству социальной справедливости.

Добиться этого непросто, но другого выхода просто нет.

Политика — это тоже профессия

До недавнего времени занятие политикой считалось делом партийных деятелей и дипломатов. Но вот появились депутаты Съезда народных депутатов и вновь избранного Верховного Совета СССР, новые по духу и по процедуре избрания, которым до всего есть дело, которые берутся за все и стараются решить все вопросы сразу. Однако вряд ли это под силу депутатскому корпусу, делающему только первые шаги на пути к парламентской демократии.

По моему мнению, да и не только по моему, будущее имеет только профессиональный парламент, а поскольку парламент — это прежде всего орган законодательный, возрастает в нем и роль юристов.

В Верховном Совете СССР и Верховных Советах союзных республик прошлых созывов юристов можно было пересчитать по пальцам. Как правило, хватало одной руки.

Изменилось ли положение сейчас? Ненамного. Судите сами. Мандатная комиссия Съезда даже не сочла нужным выяснить, сколько же среди законодателей профессиональных правоведов, в то же время, сколько военных и представителей религии, было подсчитано. Юристов подсчитали позже. Оказалось 61 человек (сейчас их стало меньше). Это крайне мало на 2250 депутатских мандатов. И даже из этой горстки не все юристы вошли в состав Верховного Совета, где всего 21 юрист из 542 членов, или $1/26$. Меньше, чем в любом парламенте мира. А по крайней мере на первом этапе нужно было обязательно ввести туда всех юристов, как и экономистов и социологов, — ведь призывы строить правовое государство раздавались каждый день.

Авторы статистического сборника, констатирующего качественный состав народных депутатов, даже не обратили внимания на то, сколько профессиональных социологов и психологов (особенно социальных психологов, которые вместе с юристами и экономистами так важны для интеллектуального потенциала любого парламента) входит в состав Верховного Совета СССР. Однако было подсчитано, сколько депутатов имеют специальность преподавателей «языков и литературы народов СССР» и «русского языка и литературы в национальной школе». Вне всякого сомнения, это очень достойные люди, только умение преподавать языки и литературу в Верховном Совете менее важно, чем обладание профессиональными юридическими знаниями.

Сказанное вовсе не означает, что в Верховном Совете должны работать одни юристы. Это ни к чему хорошему бы не привело, но тут нам беспокоиться нечего. При правовом нигилизме, увы, процветаю-

щем в нашем обществе, профессиональные юридические знания, к сожалению, еще долго не будут восприниматься серьезно.

Вместе с тем в Верховном Совете, естественно, необходимы и юристы уже в силу того, что в процессе постоянной работы с законом, его статьями, параграфами, нормами происходит формализация мышления правоведа, что накладывает отпечаток на всю его личность. Юристы излишне заформализованы. В этой связи любая квалифицированная попытка взглянуть на нормы права свежим взглядом будет полезна.

Р.Х. Солнцев, писатель из Красноярска, не имеет юридического образования, но входит в состав Комитета по вопросам законодательства, законности и правопорядка. Какой импульс обсуждению придаст почти каждое его выступление! Мне кажется, что он обладает врожденным чувством справедливости, которое позволяет ему ориентироваться в запутанном лабиринте современного законодательства. Но, к несчастью, есть и другая категория депутатов.

Как-то в кулуарах Верховного Совета довелось услышать выражение «юриствующие депутаты», т.е. те, кто не разбирается в проблемах права, но смело дает указания, как нужно писать законы. При этом они не утруждают себя необходимостью не только изучить, скажем, историю законодательства (соответствующий раздел, разумеется), но даже не дают себе труда дочитать до конца проект закона. Прочел несколько статей — и на трибуну: «Это никуда не годится, ибо здесь нет того-то и того-то». И его уже не волнует, что то, чего, по его разумению, нет, на самом деле есть, но в конце закона или даже в другом законе.

По этому поводу блестяще сказал М.Е. Салтыков-Щедрин, подметивший, что очень часто «человек, видевший в шкафу свод законов, считает себя юристом» [М.Е. С а л т ы к о в - Щ е д р и н. Соч. М., 1988, т. 3, с. 69].

Построение закона имеет свою логику, равно как и вся система законодательства. Есть же какие-то незыблемые законы механики, и в них никто не сомневается (иногда, впрочем, сомневающиеся делают открытия, но это гении, а в праве гениев за прошедшие тысячелетия не встречалось). А законы почему-то считает себя способным написать каждый.

Как-то накануне II Съезда народных депутатов СССР кто-то из депутатов давал интервью программе «Время» в Георгиевском зале Кремля и сказал, что Верховный Совет превысил свои полномочия, он не должен был принимать законы, а должен был только «готовить» их для Съезда. Кроме того, Верховный Совет спешил, поэтому законы принял явно недоработанными. Мне трудно судить о том, что имел в виду уважаемый коллега, говоря о спешке Верховного Совета, но обращает на себя внимание алогичность в этих рассуждениях: Верховный Совет, работая три месяца, спешил, а вот соберется Съезд на пару недель и с числом депутатов в четыре раза большим и примет все без всякой спешки.

Можно было бы и не обращать на это внимания, но таких штрихов очень много в нашей повседневной работе.

Нам всем еще предстоит многому научиться.

Но это мелочи. Это мы «пройдем» быстро. Главная сложность заключается все-таки в обогащении самих себя профессиональными знаниями. Эту задачу мгновенно решить нельзя. Нельзя ее решить и директивным, приказным порядком, ибо научить можно только того, кто сам хочет учиться.

Так будем же работать, будем учиться, будем накапливать опыт.

Правовая реформа в СССР: тенденции и перспективы

Как и всякое крупное дело, правовая реформа имеет свою стратегию и тактику. Что касается стратегии правовой реформы, то она определяется задачами осуществляемых в стране преобразований, задачами, которые решает перестройка в целом, и, конечно, целью правовой реформы — формированием правового государства. Таким образом, определяя направления развития правовой реформы, мы должны постоянно держать в своем поле зрения эту конечную цель. Естественно, речь идет не только об общих теоретических, но и достаточно конкретных практических представлениях относительно того, каким нам видится правовое государство, какими путями надо к нему идти.

Многое из того, что касается правового государства, уже хорошо известно, например само понятие правового государства, характеристика его основных черт и т.д. Правовое государство — это прежде всего верховенство закона, имеющее два чрезвычайно важных практических аспекта.

Первый аспект — соотношение закона и власти. Правовое государство предполагает такое положение, когда власть не только творит закон, но и сама подвластна закону, действует в соответствии с законом. В этом смысле практически актуальным является четкое разграничение функций власти, разделение властей. Совершенно ясно: если не будет четкого разграничения властей, не удастся обеспечить и подчинения власти закону.

Этот аспект практически решается. Осуществляя идею «Вся власть Советам!», мы тем самым утверждаем законодательные органы в качестве каркаса власти, поднимаем их роль, реальное положение в обществе. Вместе с тем нельзя абсолютизировать лозунг «Вся власть Советам!», ибо он по существу исключает разделение властей. Если вся власть Советам, то это значит, что Советы должны быть и законодательными органами, и исполнительными, и даже судебными. Советы, очевидно, должны утверждаться главным образом как носители законодательной власти. Но при этом надо четко разграничить функции законодательных, исполнительных и судебных органов. В противном случае вернемся к тому, с чего начали, — к сосредоточению всех видов власти в одном органе.

Уже сейчас можно наблюдать известный паралич управленческой власти, и это проявляется, в частности, в попытках и ее передать Советам. Например, ознакомление с последним вариантом проекта Закона о предприятиях позволило обнаружить там нормы, которые закрепляют за Советами функции непосредственного управления предприятиями. Это значит, что практически управление народным хозяйством, предприятиями возлагается на народных депутатов, ибо Советы — коллегиальный орган. Следовательно, управления как такового не будет. Мы бросаемся, таким образом, из одной крайности в другую.

Если раньше Советы действительно были лишены законодательной власти, то теперь, восполняя этот пробел, мы теряем в определенной мере ощущение реальности и не проводим должным образом разграничения законодательной, управленческой, а иногда и судебной власти.

В плане подчинения власти закону очень важно, чтобы партийный аппарат вернул государственным органам их функции. Партия должна выполнять свое назначение политической организации политическими средствами, а не путем осуществления законодательных, управленческих или судебных полномочий.

Передача реальной власти государственным органам — законодательным, управленческим и судебным — продолжает оставаться актуальной задачей правовой реформы, процесса формирования правового государства. Решающим шагом в этом направлении служит изменение текста ст. 6 и 7 Конституции СССР, которое, во-первых, создает правовую основу для многопартийности и, во-вторых, отменяет законодательное основание для осуществления партий и ее организациями функции государственной власти.

Второй аспект соотношения закона и власти состоит в том, какую роль играет закон в регулировании общественной жизни, общественных процессов, в управлении общественными отношениями. Строго говоря, существуют два способа управления обществом со стороны государства: управление нормативное, через закон, и управление индивидуальное, через команды, приказы, индивидуальные акты, идущие сверху вниз — от центра к периферии.

Может быть, самое главное, что характеризует правовое государство, — это управление обществом преимущественно в нормативном порядке, через закон, а не через акты индивидуального управления. Конечно, без последних актов общество не может обойтись, и управленческие акты сохраняются в нашей жизни и в будущем. Вопрос в том, в каком соотношении находятся нормативное (законодательное) и индивидуальное управление общественными отношениями.

Административно-командная система, как известно, сводит до минимума законодательное управление, закон здесь не выполняет роли главного средства управления в общественной жизни. Административно-командная система вообще несовместима с управлением через закон, она оттесняет его на задворки общественной жизни и тем

самым деформирует общественные отношения. Происходит их «вертикализация», в то время как для общества нормальным является построение отношений на «горизонтальной» основе. Это — отношения между производством и потреблением, отношения обмена, самоуправления народа и т.д.

Особенно большой урон нашему обществу был нанесен административно-командной системой в области экономических отношений (хотя «вертикализация» опасна и в политике, и в области культуры и т.д.).

Когда экономические отношения из горизонтального состояния переводятся в вертикальную плоскость, они деформируются, перестают нормально функционировать. В частности, производитель начинает работать не на потребителя, а на центр, подчиняясь его заданиям, командам. При административно-командной системе управления экономикой продукция, которая производится предприятиями, доходы, денежная выручка предприятия тоже распределяются командами сверху, причем в индивидуальном порядке. В результате теряется система экономического стимулирования современного производства. Оно становится неэффективным, поскольку отсутствует нормальная экономическая связь между производством и потреблением, при которой производитель работал бы на потребителя, в его интересах и положение производителя целиком и полностью зависело бы от того, как он поработал на потребителя и что в порядке эквивалента получил от него.

И сейчас наша экономика продолжает отставаться в значительной степени такой, где «вертикальные» отношения преобладают над «горизонтальными». Вот почему производитель у нас не гоняется за потребителем, а, наоборот, потребитель находится в полной зависимости от производителя. Отсюда — монополизм, отсутствие конкуренции, рынка, отсутствие нормального экономического обмена в обществе и системы экономического стимулирования.

Конечно, многое уже меняется, идет преобразование экономических отношений, но пока что мы находимся в начальной стадии этого процесса. Отсюда задача — изменить соотношение между нормативно-законодательным управлением обществом и управлением через индивидуальные акты, через команды, идущие из центра.

Нормативное управление обществом — в каком-то смысле тоже централизованное управление, но здесь централизация совершенно иная: она не требует «вертикализации» отношений и вполне совместима с самостоятельностью трудовых коллективов и граждан, с развитием широкой демократии в обществе.

Второй момент, который характеризует социалистическое правовое государство и чем определяются задачи, решаемые в ходе правовой реформы, — утверждение в центре общественной жизни человека, его потребностей, интересов, прав и свобод. При таком подходе в деятельности государства утверждаются начала самоуправления, демократии, а в обществе — тот климат, при котором только и возмож-

но признание человека как высшей ценности, установление законодательным порядком его прав и свобод с последующей защитой этих величайших ценностей. Рассматриваемая задача является важнейшей для происходящего в стране процесса обновления. Если социально-экономические права человека в СССР получили надлежащие правовые закрепления и защиту и требуют главным образом экономического их обеспечения и заполнения, то политические и гражданские свободы зачастую все еще представлены в законодательстве в виде деклараций. Необходимо принятие большого числа законов, которые устанавливали бы механизмы осуществления и защиты таких, например, прав и свобод, как свобода совести, слова, объединения в общественные организации, свобода перемещений, выезда из страны и въезда в нее и т.д. Работа по созданию такого законодательства ведется сейчас весьма интенсивно. При этом широко используются международные правовые стандарты и зарубежный опыт.

Наконец, третий момент, который характеризует правовое государство и, следовательно, ставит определенные задачи в ходе осуществления правовой реформы, — это создание эффективно действующей системы законности и правопорядка. Без строжайшего соблюдения закона правового государства быть не может. Нужны не только законы, не только власть, которая бы подчинялась законам, не только права граждан и свободы, провозглашенные в законах, — нужен такой режим общественной жизни, при котором соблюдение закона было бы совершенно обязательным, необходимым как для рядового гражданина, так и для высшего должностного лица нашего государства, любого органа власти, управления и т.д. Важно, чтобы существовал механизм, обеспечивающий соблюдение закона любым и каждым.

Центром системы законности и правопорядка должен быть, как представляется, суд. Необходима хорошо отлаженная система правовой защиты, прежде всего судебной, автоматически действующая система ответственности за нарушение закона как материальной, дисциплинарной, так и судебной, в том числе уголовной.

Вот те задачи, которые, на мой взгляд, сейчас решаются в ходе осуществления правовой реформы.

Важно также остановиться на некоторых направлениях, по которым реально идет правовая реформа. Таких направлений три: 1) правовое обеспечение политической реформы; 2) правовое обеспечение экономической реформы; 3) судебнo-правовая реформа.

Что касается правового обеспечения политической реформы, то здесь, мне кажется, достижения довольно большие. В самом деле, произведена реорганизация органов власти на союзном уровне, созданы новые структуры: Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР, — которые начинают действовать все более эффективно, четко, по-деловому, профессионально, сосредоточенно. Это в первую очередь относится к Верховному Совету СССР. Перед нами — настоящий законодательный орган с реальной властью. Достиженные

рубежи позволяют надеяться на то, что этот процесс будет успешно продолжаться. Так что лозунг «Вся власть Советам!» на союзном уровне действительно претворяется в жизнь. Теперь политическая реформа идет на республиканском уровне: происходит реконструкция республиканских и местных органов власти.

Проблема, которую мы сейчас должны решить, состоит в четкой сбалансированности законодательной и исполнительной власти. В настоящее время в силу ряда обстоятельств деятельность правительства в какой-то степени затруднена. Но нельзя ослаблять управление обществом, и особенно оперативное управление. С этой точки зрения важно внести полную ясность в то, чем должен заниматься Верховный Совет СССР, а чем — Правительство СССР, за что оно несет ответственность, каковы пределы его полномочий, компетенции и свободы действий.

Важнейшим шагом в укреплении исполнительной власти, особенно по организации исполнения законов во всех сферах жизни общества, стало введение поста президента как главы государства с наделением его важными полномочиями в области исполнительной власти с сохранением, однако, правительства и должности его главы — Председателя Совета Министров СССР.

Создание президентской власти продиктовано не только временными факторами, требующими укрепления режима законности в условиях переходного периода, обострения противоречий всякого рода, общей дестабилизации разных сторон жизни общества. Главная причина введения нового института власти — переход к правовому государству. Этот процесс характеризуется общей крупномасштабной перестройкой государственно-политических структур. Отказ руководящих органов КПСС от выполнения функций государственной власти и управления создал известный вакуум власти. Кроме того, перестал существовать в прежнем виде Президиум Верховного Совета СССР, который ранее выполнял функции коллективной главы государства.

В силу этих причин обнаружилось отсутствие того звена государственной власти, на уровне которого принимались бы важнейшие решения по организации исполнения законов, вопросам внутренней и внешней политики государства. Этот вакуум и был ликвидирован введением поста президента — единоличного главы государства. При этом не пришлось производить сколько-нибудь существенного изменения или перераспределения функций других органов власти и управления.

Съезд народных депутатов СССР остался высшим органом власти с исключительно ему принадлежащими правомочиями принятия и изменения Конституции СССР, принятия решений по вопросам национально-государственного устройства, отнесенным к ведению Союза ССР, определения государственной границы СССР, определения основных направлений внутренней и внешней политики СССР, перспективных программ экономического и социального развития страны и т.д. Верховный Совет СССР — постоянно действующий законода-

тельный и контрольный орган государственной власти СССР. Президент СССР — глава Советского государства. Совет Министров СССР — Правительство СССР — высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти СССР.

Президенту СССР принадлежат следующие основные функции и полномочия, которых нет у какого-либо другого государственного органа.

Во-первых, он выступает гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, Конституции, законов СССР. Во-вторых, на нем лежит обязанность по охране суверенитета СССР и союзных республик, безопасности и территориальной целостности страны. В-третьих, он представляет СССР внутри страны и в международных отношениях, ведет переговоры и подписывает международные договоры СССР, решает вопросы принятия в гражданство СССР и выхода их него и др. В-четвертых, Президент является Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами СССР и выполняет связанные с этим функции. В-пятых, он подписывает законы СССР, обеспечивает взаимодействие высших органов власти и управления СССР, представляет кандидатуры на посты Председателя Совета Министров СССР, Председателя Комитета народного контроля СССР, Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР, Главного государственного арбитра СССР.

Наделяя Президента перечисленными и другими полномочиями, Конституция СССР вводит ряд гарантий, обеспечивающих подчинение Президента закону и исключающих возможность превращения президентской власти в личную диктатуру.

К их числу относится прежде всего выборность Президента народом страны на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права сроком на 5 лет, альтернативность кандидатуры. Законом, принятым Съездом народных депутатов СССР, исключение сделано лишь для первого Президента, который был выбран самим Съездом. При этом одно и то же лицо не может быть Президентом СССР более двух сроков.

Далее, предусмотрено, что Президент обладает правом неприкосновенности, но в случае нарушения им Конституции и законов СССР может быть смещен решением Съезда народных депутатов, принимаемым не менее чем двумя третями от общего числа народных депутатов СССР.

Важнейшей гарантией от возможного злоупотребления властью служит четкое определение и разграничение полномочий, принадлежащих всем высшим органам власти и управления Союза ССР.

В сфере политической реформы очень серьезное направление работы — совершенствование советской федерации. Оно обусловлено возникновением сложных проблем в отношениях центра и республик, а также в межнациональной сфере. Проводится обширная и глубокая работа: приняты первые акты на уровне Союза и отдельных республик, предстоят изменения Конституции СССР, превращение федера-

ции в подлинный, равноправный союз республик, ликвидация всего того, что характеризовало наше государство как унитарное, повышение самостоятельности союзных республик, других национально-государственных образований, законодательное обеспечение равенства всех наций, свободное развитие их культуры, языка, сохранение их национально-исторического наследия, традиций и т.д. Это все чрезвычайно важные задачи.

Вместе с тем общество ожидают трудности, может быть, даже перекосы, которые уже обозначились. Прежде всего это воздействие на общественную жизнь центробежных тенденций — реакция на чрезмерный централизм. Наверное, этим надо переболеть, надо это пережить. Тем не менее названные тенденции следует учитывать, с тем чтобы обеспечить в области межнациональных отношений взвешенный подход, рациональные начала. Иногда здесь захлестывают эмоции, второпях принимаются решения, о которых впоследствии приходится сожалеть.

Поэтому очень важно, чтобы преобладал профессиональный подход к проблемам федерации, использовался международный опыт, учитывалась история правового регулирования межнациональных отношений.

По вопросам межнациональных отношений и совершенствования федерации идет огромная законодательная работа. Подготовлены проекты законодательных основ союзного договора, которыми предусматривается обеспечение суверенитета и самостоятельности союзных республик в рамках федерации. Четко разграничиваются вопросы, относимые к ведению Союза ССР, союзных республик, к их совместной компетенции. При этом вопросы, относимые к компетенции Союза ССР, определяются исчерпывающим перечнем. К ведению же союзных республик относятся все вопросы, которые они не передали в ведение Союза ССР.

Предусматривается значительное расширение самостоятельности автономных республик, автономных областей, национальных округов. Обеспечению подлинного равенства наций и их свободному развитию должны служить законы СССР о языке, о гражданстве, о защите прав лиц, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований.

Принятыми Верховным Советом СССР законами «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» и «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» утверждены самостоятельность и широкие права союзных, автономных республик и других национально-территориальных образований в социально-экономической сфере.

Несмотря на создание прочной правовой базы для построения СССР на подлинно федеративной основе и для гармонизации межнациональных отношений, за каждой союзной республикой сохраняется предусмотренное ст. 72 Конституции СССР право свободного выхода из СССР. Принятым Верховным Советом СССР законом «О порядке

решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» создан правовой механизм реализации этого права. Предусмотрено, что основанием для выхода может служить волеизъявление населения республики путем референдума, решение о выходе считается принятым, если за него проголосовало не менее двух третей граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики.

Для решения всех сложных вопросов, связанных с выходом, в том числе о границах, оборонных объектах, международных договорах, о собственности и финансах, о статусе национальных территорий СССР и др., устанавливается переходный период, который не должен превышать пяти лет.

Касаясь второго направления — правового обеспечения экономической реформы, отметим, что стратегия правового развития в этой сфере для нас очевидна — формирование социалистического рынка. Но здесь больше всего приходится сталкиваться с трудностями, которые проистекают оттого, что у нас нет тщательно разработанной тактики действий, в том числе в области права. Ее отсутствие приводит иногда к принятию недостаточного или не до конца продуманных решений, что влечет за собой негативные последствия. И здесь юристы должны основательно поработать над формированием прежде всего тактики движения по пути к социалистическому рынку.

Что конкретно имеется в виду? Что такое рынок? Некоторые представляют его как свободную игру экономических сил, т.е., по существу, нерегулируемый рынок, который формирует теневая экономика.

Рынок — это естественный, но жесткий регулятор экономических отношений, участники рыночных отношений находятся в условиях такого регулирования. Его создает в первую очередь конкуренция, которая представляет собой жесткое соревнование, заставляющее иметь достаточно низкую себестоимость, высокое качество продукции и сравнительно невысокие цены. Таким образом, результат регулирующего воздействия рынка весь со знаком плюс: экономия труда, экономия всякого рода ресурсов в ходе производства, стремление к повышению производительности труда, к внедрению новейшей техники и технологии, попытки одержать победу в конкуренции за счет именно этих факторов. Все это прекрасные регуляторы, которые мы, к сожалению, растеряли, но которые должны научиться использовать. Такой рынок, которого на сегодняшний день нет, надо создать. С чего же началось наше движение к такому рынку?

По отношению к предприятиям мы ослабили административное регулирование, но не заменили его жестким рыночным или нормативным регулированием. И предприятия приобрели ту свободу, которая ничего хорошего обществу не дает. Например, были введены договорные цены. Но разве их можно вводить в условиях монополии, при отсутствии конкуренции, а главное — при несбалансированности спроса и предложения, когда денег гораздо больше, чем товаров, ког-

да не производитель заинтересован в потребителе, а, напротив, потребитель в производителе?

В этих условиях договорные цены стали для монополиста-производителя дополнительной дубиной, которую он обрушил на голову потребителя. В результате цены немедленно поднялись, возросли денежные доходы предприятий, увеличилась оплата труда, но количество производимых товаров не только не увеличилось, а в большинстве случаев даже уменьшилось. Отсюда — рост неоправданных денежных доходов, инфляционные процессы. Кроме того, на уровне предприятий в какой-то мере ослабло регулирование соотношений накопления и потребления. Предприятия стали тратить больше денег на потребление и меньше — на производство, на накопление.

Совершенно очевидно, что экономическую реформу нельзя было начинать с введения договорных цен. Какой же выход из создавшегося положения? Думается, он не в том, чтобы возвратиться к административному прессу, к индивидуальному управлению. Его надо заменить действенным централизованным нормативным регулированием экономики и с его помощью формировать условия рынка. Постепенно рынок начнет работать сам, но пока рыночное регулирование не работает, нужны названные меры. Это касается в первую очередь регулирования отношений производства и потребления на предприятиях, использования таких нормативных способов регулирования, как цена, налог, законодательная защита интересов потребителя.

В обычных условиях рынок сам защищает интересы потребителя. Но, поскольку этого рынка у нас нет, законодатель должен позаботиться об интересах потребителя. Почему, спрашивается, кооперативы вызвали негативную реакцию в нашем обществе? Кооперативы — элементы рыночной экономики. Но так как наша экономика плохо урегулирована в нормативном порядке, они получили в свои руки довольно большую экономическую власть, например возможность определять цену на продукцию в условиях острейшего дефицита, несоответствия спроса и предложения. Потребитель же оказался перед лицом кооперативов не защищенным должным образом.

Во-первых, потребитель очень часто не знает, с кем имеет дело, кто ему продает продукцию и кто ее произвел. Кооператив часто продает ему продукцию, так сказать, инкогнито. Нигде в мире такого нет, везде рынок в этом смысле упорядочен, для чего существуют товарные знаки, фирменные наименования и т.д.

Во-вторых, покупатель не получает надежной информации о качестве продукции, его часто обманывают, выдают товар, произведенный в нашей стране, за зарубежный, используя при этом чужие товарные знаки, этикетки и т.п. Защита покупателя отсутствует. Если он купил недоброкачественный товар, то неизвестно, кому предъявить иск. Строительные кооперативы, например, получают у граждан деньги под строительство домов, садовых домиков, а потом выясняется, что кооператив распался и у него нет достаточных средств, чтобы вернуть те деньги, которые были получены от граждан.

Задача состоит в том, чтобы создать цивилизованный, регулируемый рынок. Изучение опыта рыночных отношений в капиталистических странах показывает, что там осуществляется не только экономическое, но и правовое регулирование; есть и достаточно надежная система защиты интересов потребителя.

В целях перехода к регулируемому рынку создана программа, которая включает в себя и правовое обеспечение как перехода, так и функционирования самого рынка.

Программа предусматривает подготовку большого числа законодательных актов, в том числе о предпринимательской деятельности, об акционерных обществах, о хозяйственных товариществах, о банках, о ценных бумагах и фондовой бирже, о защите прав потребителей, об основах антимонопольного законодательства и многие другие.

Судебная реформа — третье направление правовой реформы. Она ведется достаточно энергично. Приняты законы о статусе судей, об ответственности за неуважение к суду, внесены соответствующие изменения в Основы судостроительства, расширено судебное обжалование неправомερных, незаконных решений в области административного управления (теперь это обжалование распространяется и на решения, принимаемые коллегиальными органами), в уголовном судопроизводстве предусмотрено участие адвокатов на стадии предварительного расследования, воспринята идея суда присяжных и т.д. Это — целая революция в области законности и правопорядка, и мы, может быть, даже пока не осознаем значения того, что уже сделано. Но предстоит еще большая работа, в частности модернизация уголовного и исправительно-трудоого законодательства, обеспечение принятых решений соответствующими механизмами и т.д.

В ходе судебной реформы наконец-то решен вопрос о повышении заработной платы судей. Это позволяет привлечь к судебной работе хорошо подготовленных, высокопрофессиональных людей, способных осуществлять правосудие, т.е. серьезно улучшить кадровое обеспечение аппарата. Положительно решен вопрос о повышении заработной платы работникам нотариальных контор, органов ЗАГСа. Существенным образом повышается заработная плата следователям, работникам прокуратуры вообще. Решен вопрос о выделении дополнительных финансовых средств для перевода экспертных учреждений на новые условия труда.

Нельзя вместе с тем не обратить внимания на определенные сложности и проблемы, которые возникают в деятельности правоохранительных органов в связи с принятием новых законодательных актов, расширяющих сферу судебной деятельности, создающих новый объем работы судов. Причем иногда решения принимаются без достаточных расчетов, предвидения социальных последствий их действия. Никто не знает, какое количество дел дополнительно поступит в суды, как только вступит в силу с 1 июля 1990 г. Закон о судебном обжаловании коллегиальных действий в области управления. Не окажется ли количество дел в судах таким, что они будут не в состоянии

обеспечить осуществление правосудия? Это очень серьезная проблема, над которой надо основательно поработать с точек зрения кадровой, организационной, материальной, финансовой и т.п.

Большой взвешенности требует и принятие Закона о печати. Ведь законопроект содержит норму, превращающую суды в каком-то отношении в цензоров. Согласно этой норме суд может вынести решение об изъятии тиража, если орган печати допустил в своей публикации что-то неприемлемое с точки зрения интересов советского общества. Одно дело, когда суды рассматривают дела о привлечении к ответственности издателей, владельцев средств массовой информации за то, что они опубликовали материал, нарушающий Конституцию СССР, скажем направленный на разжигание национальной розни или затрагивающий чью-то честь и достоинство. Суд обязан принять меры к защите этих ценностей и привлечению к ответственности виновных. Но если суд предварительно решает вопрос о том, выйти тиражу или нет, то это возлагает на суд не свойственные ему функции. Видимо, надо проявлять большую осторожность при принятии такого рода законодательных решений. Они способны нанести большой урон нашей судебной системе и вовлечь суды в определенные политические акции. Вряд ли от этого выиграет как общество, так и судебная система.

Перестройка в целом и правовая реформа в частности идут очень трудно, гораздо труднее, чем ожидалось. Очень важно уяснить причины этих трудностей, чтобы найти пути их преодоления. Такие поиски требуют, безусловно, коллективных усилий. Тем не менее хотелось бы высказать на этот счет некоторые соображения.

Мы еще в полной мере не осознали, что такое административно-командная система управления обществом. Мы знаем, что ее надо заменить, но не всегда учитываем, что она создавалась на протяжении десятилетий, стала нашим образом жизни, самостоятельным строем общественных отношений. Поэтому надо перестраивать не просто систему управления, но систему общественных отношений, что архи-сложно.

Перестраивать же систему отношений следует, начиная с создания новой системы регулирования. Видимо, мы не в полной мере осознаем и то, что административно-командная система — это еще определенный слой общественного сознания, общественная психология. Мы привыкли к этой системе, она нас сформировала психологически. Мы все в какой-то мере ее дети. И сейчас ищем виноватых в том, что дело идет медленно, видим виноватых в бюрократях, управленцах и т.д., не понимая глубины проблемы. Дело не столько в людях, сколько в системе, которую мы создали, в общественных отношениях.

И конечно, дело в нашем сознании, которое отстает от бытия перестройки. В годы застоя в обществе глубоко укоренились начала эгоизма, корыстолюбия, злоупотребление властью и т.п. Это — страшное наследие. Общество и каждый из нас еще не избавились от этих черт. Наше сознание находится еще во вчерашнем дне, во вчерашней

жизни. Пока существовал административный пресс, эти стремления и явления существовали в зажатом виде. Когда же административный контроль ослаб, все негативные явления буквально «расцвели» пышным цветом. Отсюда — и экономическая преступность, которая получила наибольшее распространение именно в период перестройки. Но, думается, нет другого выхода, кроме как противопоставить этому закон, и только закон. Лишь с помощью закона возможно преодолеть эти негативные явления и сконструировать новые механизмы регулирования.

На сегодняшний день нет более важной задачи, чем правовое обеспечение перестройки. Право — это ее механизм. И когда говорят, например, об экономических методах управления народным хозяйством, то, думается, здесь налицо недооценка правовых механизмов. Надо говорить не об экономических методах хозяйствования и управления, а об экономико-правовых.

Самые лучшие экономические концепции погибнут, останутся благими пожеланиями, если не будут обеспечены рабочими правовыми механизмами регулирования общественных отношений.

Другая проблема, которую необходимо постоянно держать в поле зрения, состоит в обострении в настоящее время многих противоречий. Их породила не перестройка, но она дала возможность для их проявления. Это, например, противоречия в межнациональных отношениях, которые обусловлены чрезмерной централизацией. Сейчас, когда централизация ослабевает, они в полной мере начинают давать о себе знать, ибо прежнего их зажима, попыток загнать их вглубь уже не существует, и они интенсивно выходят на поверхность. Не учитывать этого нельзя, надо, значит, разрешать эти противоречия на основе тщательно отработанного законодательного регулирования.

Здесь также существуют определенные трудности: с одной стороны, все заинтересованы в продвижении вперед в решении межнациональных отношений, причем заинтересованы в том, чтобы они решались на законодательном уровне, но с другой — наблюдаются попытки непризнания действия общесоюзных законов на территории тех или иных республик. Как совместить одно с другим? Как гармонизировать межнациональные отношения? Только через их законодательное регулирование, через развитие демократических начал федерации. Но развивать демократические начала федерации невозможно, не признавая действия общесоюзных законов на территории той или иной республики. Одно исключает другое.

Наконец, последний момент — отсутствие необходимых научных проработок для решения тех проблем, которые ставит ныне жизнь. Возьмем отношения собственности. Казалось бы, специалисты в области гражданского права, других отраслей права занимались вопросами собственности. Однако когда мы пытаемся наработать какие-то законодательные решения, то на каждом шагу наталкиваемся на отсутствие веских, обоснованных научных рекомендаций. В какой-то мере законодатель вынужден решать ряд вопросов на ощупь. А это — опас-

ное состояние. Сейчас, например, усиленно обсуждается вопрос, допускать ли частную собственность. И выясняется, что мы не можем договориться даже о том, что такое частная собственность. Люди, говорящие как будто бы об одном и том же, фактически понимают под частной собственностью абсолютно разные вещи. Одни считают, что собственность крестьянина, фермера, который ведет индивидуальное сельскохозяйственное производство, есть частная собственность. Другие ее называют индивидуальной. Между тем частная собственность сопряжена с возможностью использования наемного труда. Поэтому если допускать в сфере производства индивидуальную собственность, то надо решить, должна ли она функционировать на основе собственного труда или допускается наемный труд. В последнем случае важно определить, в каких случаях и в каких пределах допускается наемный труд, нужны ли здесь какие-то специальные правила. На эти вопросы должны ответить и экономисты, и юристы. Законодателю нужны рекомендации науки, позволяющие принять принципиальные решения с учетом национального опыта и отношения нашего народа к этим проблемам. Между тем многие диссертационные работы, и кандидатские, и докторские, до сих пор посвящаются проблемам, находящимся где-то на обочине общественной жизни. Те же проблемы, которые волнуют общество, требуют законодательного решения, не подвергаются достаточной научной разработке. Нет, например, по-настоящему глубоких научных разработок в сфере арендных отношений, ни экономических, ни правовых.

Несколько слов о кадровом обеспечении правовой реформы. Надо откровенно признать, что подготовка кадров юристов ни в количественном, ни в качественном отношении не обеспечивает правовую реформу. Требуется резко увеличить подготовку кадров юристов для работы в правоохранительных органах. Допуск адвокатов на стадии предварительного расследования повлечет за собой существенное увеличение адвокатского корпуса. Наряду с этим необходимо повысить качество подготовки кадров юристов. Высшая школа должна немедленно отреагировать на потребность в юристах, которые владеют вопросами правового регулирования экономических отношений на современном уровне, проблемами отношений собственности, арендных, акционерных отношений, внешнеэкономических связей, организации и функционирования совместных предприятий и т.д.

Министерство юстиции СССР крайне озабочено, в частности, состоянием подготовки к выполнению новых задач работников судов, необходимостью повышения квалификации практических работников юридических учреждений. И конечно, предстоит по-настоящему развернуть правовой всеобуч, начиная, может быть, с должностных лиц, представителей власти, управленцев, потому что они должны принимать грамотные правовые решения. Не все, однако, к этому готовы.

Следует усилить правовую подготовку подрастающего поколения, граждан будущего правового государства. Уважение к закону, элементарное знание закона совершенно необходимы в наши дни. В решении этих задач надо объединить усилия всех юристов независимо от того, кто где работает. Каждый должен способствовать решению этих многообразных и очень сложных проблем, возникающих в ходе осуществления правовой реформы.

Власть, психология и политика консенсуса

Человек всегда жаждал власти. Может быть, некоторые стремятся к ней по причинам вполне альтруистическим, другие же только из алчных побуждений. Но и хороших, и плохих затронула эта жажда — таковы, увы, слабости, свойственные людям. А достигнув власти, даже хорошие могут стать плохими, а уж плохие наверняка станут хуже. Отсюда известное выражение: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

Человек, надо быть справедливым, не так уж и плох. Мало кто не желает быть хорошим, каждому хочется быть любимым, и стремление к правде и справедливости присуще очень многим. Лишь искушение властью может все испортить. Существует политическая и военная власть, все знают, к чему приводят злоупотребления ею. Существует власть денег, и чрезмерное накопление богатства развращает его обладателей. Бывает, что мужчина считает себя властелином над женщиной, доказывая этим только свое несовершенство.

Спасти человечество может лишь стремление к справедливости. Оно не чуждо и стоящим у власти. Поэтому они ищут ей оправдания. Так, в средние века право на власть освящалось церковью — «право помазанника божьего». Когда же цивилизация развенчала этот миф, возникла демократия. Это было огромным шагом вперед. Но сегодня нужно сделать еще один шаг, чтобы доказать несостоятельность теории подчинения меньшинства большинству. Через право личности и самоограничение личности.

В свое время Гитлер пришел к власти демократическим путем, с помощью поддержки большинства. И сейчас многие политические деятели считают, что за ними вся правда, раз они стоят во главе большинства, тем самым утверждая, что не поддержавшие их во всем не правы. Таким образом, у большинства появляется желание не признавать меньшинство, уничтожить его политически, а порой и физически.

Если сегодня человек сможет осознать, что мажоритаризм не ведет к торжеству справедливости, что принцип консенсуса совершеннее принципа демократической борьбы, возможно, человеческая психология изменится в лучшую сторону, чем при переходе от тирании к демократии.

Исторические ошибки человечества объясняются во многом слабостями человеческой природы. Для создания более справедливого общества необходимо осознать те психологические факторы, которые оказывают влияние на всех нас, и направить усилия на сведение к минимуму их отрицательного воздействия. Нельзя забывать, какой психологический вред приносят существующие стереотипы борьбы за власть воспитанию молодого поколения.

Попробуем рассмотреть действие политических сил в СССР и некоторых странах Запада и попытаемся предложить новые методы принятия решений.

Первым шагом на пути к власти в любом демократическом обществе является выдвижение своей кандидатуры в качестве кандидата в выборный орган на любом уровне: от общественной организации до высшего органа власти. Как человек становится кандидатом? Его выдвигают или он сам предлагает свою кандидатуру? В последнем случае он не страдает излишней скромностью. Впрочем, как и любой творческий человек, и вообще любой пишущий, включая авторов этих строк.

Итак, человек стал кандидатом, и теперь ему нужно выступать перед публикой на собраниях, по телевидению, в печати. Он уже имеет влияние, а влияние — это власть. Уже на этой стадии кандидат становится эгоцентричным. «Голосуйте за меня, моя политика самая лучшая и самая правильная. У меня на все есть ответ, и я всегда прав».

Даже самый скромный кандидат, ежедневно встречаясь с тысячами людей, не запоминает каждого из них, а все они запоминают его. Одно это уже рождает дистанцию между политическим деятелем и простыми гражданами.

Поэтому сегодня многие избиратели не могут отличить одного кандидата от другого, все «они» одинаково далеки от «нас». Таким образом, в современном демократическом обществе существует пропасть между политикой и реальной жизнью людей.

А теперь рассмотрим систему голосования. В соответствии с мажоритарной системой (которая существует в США и Великобритании, например, и которая применялась во время выборов в Верховный Совет СССР в марте 1989 г.) голосующий имеет право выбрать только одну кандидатуру. Значит, кандидат должен либо доказать абсолютное совершенство своей программы, либо несовершенство программ всех своих соперников, кем бы они ни были — социалистами, фашистами, экологистами... Нужно признать, что трудно доказать чью-либо непогрешимость, у каждого есть свои недостатки, но вот пороки других, и идеологические, и даже личные, разоблачить гораздо проще. Таким искушениям может поддаться любой кандидат. Чем ближе к финишу, тем яростнее схватка, как показал второй тур весенних выборов 1989 г., в который выжили только два кандидата. Искушение использовать прямые выпады против личности соперника оказалось для многих непрео-

долимым. В политической жизни Великобритании существует специальный термин для подобных выступлений — «клевета, направленная против политического противника» (mudslinging), дословно — «поливание грязью». И пока система выборов предполагает, что победивший получает все, а побежденный — ничего, описанный фактор будет присутствовать всегда. Более того, отрицательный опыт западных стран свидетельствует о том, что часто побеждает наименее щепетильный.

Представим себе, например, что среди потенциальных избирателей определенного кандидата много любителей собак. Они уже убедились в социалистической направленности и антиядерных настроениях этого кандидата, но его политика в отношении собак вызывает некоторые сомнения. Поэтому на одном из предвыборных собраний кто-нибудь из возможных сторонников спросит кандидата: «Каково Ваше мнение по вопросу о стоимости регистрационного свидетельства на собак?» Если он ответит, что оно должно стоить 5 руб., он может потерять поддержку социалистов и ревностных противников ядерного оружия, которые считают, что такое свидетельство должно стоить 10 руб., а также и тех, кто считает, что оно должно выдаваться бесплатно. В связи с этим кандидату будет выгоднее сказать, что предложение кандидата А о взимании 2 руб. за свидетельство является вопиющей несправедливостью, и промолчать о своей точке зрения. Одним из самых опасных недостатков двухпартийной системы является вынужденный обстоятельствами акцент на критику противников, а не на свои конструктивные предложения. Избирательные кампании все больше и больше становятся кампаниями «против» чего-то, и избиратели все чаще и чаще голосуют не «за» кандидата, а «против» его противников. «Долой тори!», «Покончим с социализмом!» — все это призывы к оружию.

В реальной политической жизни существуют два исключения. Порой кандидат в своей предвыборной программе дает невыполнимые обещания. Свойственно это и стоящим у власти. А поскольку они стоят у власти, они могут и злоупотреблять ею в своих интересах, используя эгоистические чувства избирателей. Таким средством злоупотребления властью, и не только в Великобритании, является предвыборный бюджет. Правящая партия снижает какие-то налоги, увеличивает количество рабочих мест, тем самым убеждая многих избирателей, что их финансовое положение будет лучше, если она останется у власти. Если избирателями движут эгоистические интересы, очень возможно, что они проголосуют за правящую партию. И если таких избирателей наберется чуть больше 50%, то партия останется у власти, а оставшимся 49% придется с этим смириться. (Как правило, после выборов налоги опять начинают расти.)

К несчастью, политика часто бывает лишь игрой. И что еще хуже — часто победитель является одновременно и судьей.

В большинстве «демократических» стран, из-за того что там действует мажоритарная демократическая система, основанная на принципе «победитель получает все», напряженность очень высока. Все зависит от выборов. Президента и депутатов парламента может очень беспокоить проблема истощения нефтяных запасов Северного моря к 2020 г. или увеличение количества углекислого газа в атмосфере, но больше всего их волнует вопрос следующих выборов. Напрашивается вывод: двухпартийная система ставит во главу угла короткий выборный срок и, соответственно, мало заботится об отдаленном будущем. Уничтожаются природные ресурсы в надежде, что в XXI в. люди найдут какой-нибудь выход из своего бедственного положения. Будущее приносится в жертву настоящему. Поскольку слабости человеческой природы не чужды и политическим деятелям, двухпартийная система представляет угрозу существованию человечества.

Нечестный кандидат в депутаты, например, будет использовать эгоистические инстинкты избирателей, а еще более нечестный — их страхи. Если в обществе существует раскол, принцип «победителю все — побежденному ничего» может быть использован крайними протестантами или католиками в Ольстере, крайними индуистами или мусульманами в Индии, крайними армянами или азербайджанцами в Нагорном Карабахе, чтобы убедить избирателей, что стоит вопрос о жизни и смерти и что если они проиграют... При отсутствии общественного раскола кандидат может использовать страх перед «внешней угрозой», обвинив своего соперника в слабости, которая может привести к...

Рост политических столкновений и насилия во время выборов 1989 г. в Индии явился убедительным свидетельством вышесказанному. А в таких «бесконфликтных» обществах, как американское, например, почти все послевоенные президенты эксплуатировали в своих предвыборных кампаниях пресловутую «советскую угрозу». Вспомним, что миф о стратегическом преимуществе СССР возник при Кеннеди, а он был «одним из лучших».

Можно сказать, что общество, функционирующее по принципу двухпартийности, страдает определенным «шизофреническим синдромом». 200 лет назад американцы объединились, правда, против англичан. А как только получили независимость, сразу разделились на двое. Было неизвестно, по какому вопросу произойдет раскол (случилось так, что он произошел по проблеме федерализма). Но раскол должен был непременно произойти как психологическое следствие разделяющей общество системы принятия решений. И в результате раскола образовались две политические партии, представляющие каждую «половину» общества. А ведь Джордж Вашингтон возражал против партий как генераторов раскола.

До тех пор пока будет существовать система голосования «за» или «против», тенденция к чередованию у власти двух крупных партий (или блоков) будет господствующей. В Великобритании появление лейбористской партии в 1906 г. стало угрозой существованию тради-

ционной политической структуры — «либералы против тори». Но при двухпартийной системе возникновение третьей грозит только одной из уже существующих партий, а именно наименее крайней. Поэтому пострадали либералы.

Причиной того, что в английском парламенте до сих пор нет депутатов от партии «зеленых», также является эта несовершенная двухпартийная система. А при более прогрессивной пропорциональной системе в ФРГ «зеленая» партия давно имеет своих представителей в парламенте.

Порок двухпартийной системы не только в том, что перестает существовать политический «центр». Ведь если на политической арене появляется вторая, скажем, левая партия, то она становится конкурентом «первой» левой на «монополию слева». С другой стороны, для правой партии появление «второй» левой будет выгодно. Это же парадоксально! Но именно этим можно объяснить довоенное отношение Сталина к фашизму и его политику в отношении европейской социал-демократии. Коммунист может ненавидеть социалиста больше, чем фашиста. И все это трагедия системы «за» и «против».

Причина роста эгоистичных стимулов в ущерб альтруистическим при системе большинства заключается в самом принципе этой системы. Она эгоцентрична по сути. «Я голосую за то, что мне нравится. До другого мне дела нет. Я надеюсь, что сторонников у меня будет больше, чем противников, и тогда у меня будет большинство, и большинство будет делать то, что ему нравится, независимо от того, что думают другие».

Более того, система большинства позволяет победителям считать, что они правы. (Странно, что такое «демократическое» поведение поддерживают гуманисты.)

Неудивительно, что при такой системе самые честные и компетентные люди предпочитают не заниматься политикой.

Но допустим, кандидат победил на выборах и стал депутатом. Теперь он имеет право решать судьбу своего народа. А может ли? Например, рассмотрим процедуру принятия решений в английском парламенте или в Верховном Совете СССР, потому что именно такая процедура, принятая в Великобритании 300 лет назад, существует сейчас и в Верховном Совете. В палате общин принятие бюджета происходит следующим образом:

- 1) правительство предлагает свой бюджет,
- 2) оппозиция возражает, но в этом и состоит ее задача — она всегда возражает,
- 3) правительство отвечает, что его позиция правильная, а оппозиция не права. Но и критика, и ответ на критику не имеют никакого значения, поскольку после обсуждения...

4) происходит голосование. А правительство имеет большинство голосов в парламенте. Поэтому его проект будет принят. Это заранее определено.

А парламент является только дискуссионным клубом. По словам депутата Сирила Смита, «палата общин — самый длинный фарс в Вест-Энде». А по словам лорда Хэйлшама, это вовсе не демократия, а «выборная диктатура». Сама система способствует развращению власти. И однопартийная система, и двухпартийная — в разной степени, конечно, — допускают возникновение культа личности. Существовал не только сталинизм, но и рейганомика, тэтчеризм и т.д.

Вернемся к нашему примеру. Правительство считает свой проект безупречным. Голосование будет проводиться «за» или «против» первоначального предложения, возможно, с поправками. Поэтому, как бы ни проходило обсуждение, все равно будет необходимо вернуться к первоначальному проекту. И авторы проекта, и те, кто его поддерживает, зная о способе его принятия «за» или «против», будут рассматривать любое замечание или предложение, каким бы конструктивным оно ни было, как угрозу проекту. И поэтому любая критика, со стороны ли социалистов, фашистов или экологистов, будет отмечена одной метлой. Такая система часто приводит к тому, что сторонники самых крайних направлений объединяются, чтобы выступить против центра.

И для каждого депутата при решении вопросов в парламенте, помимо его личного мнения, существует еще вопрос политического влияния, которое возможно только внутри партийной системы, особенно если партия правящая. Депутат может раз или два проголосовать «против» своего правительства, чтобы показать свою политическую зрелость, но если он «бунтует» (именно так в английской политической жизни называется поведение по совести), то он может потерять партийную принадлежность, а значит, и звание депутата на будущих выборах.

При решении любого вопроса по мажоритарной системе голосования исключает возможность компромисса. Направленность любого обсуждения на последующее голосование по принципу «за» или «против» превращает дебаты в борьбу двух противоположных точек зрения. И в этом заключается психологическое воздействие установки на голосование по системе большинства. Каждая сторона пытается представить своего противника в наиболее неприглядном свете, чтобы привлечь центр на свою сторону. А те, кто выступает за компромисс, редко приходят к власти, поскольку при такой системе нет психологической почвы для существования центра.

Отсутствие компромисса — это признак войны. К войне как иррациональному действию прибегают, когда не видят другого способа решения вопроса. Поэтому сама постановка вопроса «за» или «против» свидетельствует, что в обществе не все в порядке. «Ты за коммунизм или за капитализм?» — вот логика конфронтации. Это напоминает вопрос «Кто глава семьи?» — который вряд ли возникает в семьях, где царят любовь и согласие.

Отсюда еще один вопрос: что лучше — двухпартийная или однопартийная система? Если они основаны на голосовании «за» или «против», то между ними не такая уж и большая разница. При однопартийной системе в СССР существовало всемогущее большинство, которое стремилось уничтожить любое инакомыслие. Но и при двухпартийной системе правящая партия во время выборов или принятия любого решения ставит перед собой задачу взять верх над оппозицией. Несомненно, что только при однопартийной системе (как это было при Сталине) возможно не только политическое, но и физическое уничтожение оппозиции, но ведь сам принцип голосования «за» или «против» является базой для возникновения однопартийного диктата (как это было после прихода к власти Гитлера).

Принцип большинства раскалывает общество психологически на две борющиеся половины, независимо от того, однопартийная, двухпартийная или даже многопартийная система существует в государстве (при многопартийной системе партии все равно вынуждены блокироваться, чтобы получить большинство).

Сегодня в СССР, несмотря на успехи перестройки, по-прежнему действует принцип голосования «за» или «против». Появление на политической арене межрегиональной группы в Верховном Совете и Московского объединения избирателей свидетельствует о существовании оппозиции. МОИ объединено только на основе борьбы со своим политическим противником, если оно придет к власти, начнется неизбежная борьба внутри организации. А пока большинство в Верховном Совете так же мало принимает во внимание мнение меньшинства, как и тори в английском парламенте — точку зрения оппозиции.

Самым серьезным пороком системы большинства является присущая ей установка на раскол. Выборы делегатов I Съезда народных депутатов уже продемонстрировали, как голосование «за» или «против» способствует появлению и борьбе крайних мнений. Еще более убедительным примером тому стали предвыборная кампания и выборы в местные Советы весной 1990 г. Эти выборы совершенно недвусмысленно показали, что привнесение западных демократических принципов в политическую жизнь СССР при отсутствии демократической культуры вызывает последствия гораздо более тревожные, чем несовершенная современная демократия в развитых и западных странах: происходит размывание центра, возникшие за несколько лет перестройки политические объединения и группы блокируются на платформе борьбы с политическими противниками, позитивные программы депутатов превращаются в неконструктивные лозунги, избиратели вынуждены выбирать между «левыми» и «правыми», что вызывает часто или отказ от голосования, или вынужденное голосование, не соответствующее истинному мнению голосующих.

Люди приспособляются к условиям, в которых они живут. Если в обществе существует избирательная система, порождающая раскол, то общество неминуемо разделится.

Мы сами определяем систему, которая потом определяет нас.

Чтобы в обществе существовал реальный плюрализм, необходимо установить консенсуальную систему принятия решений. Наличие такой системы будет способствовать приобретению гражданами навыков консенсуального поведения.

Консенсус создает новую психологию. Новые психологические стимулы начинают действовать на всех этапах процесса принятия решений.

Консенсус. Консенсус существует (мы надеемся) у вас дома. Если так, то ничто не зависит от одного, а все зависит от обоих: и муж и жена обсуждают какой-либо вопрос и (в конце концов) приходят к соглашению. Вот что такое нормальные отношения.

Подобным образом, все должно получаться в трудовых коллективах, местных Советах и так далее (на съезде в том числе). Все сидят (за столом), и...

...либо все обсуждают... до тех пор, пока не найдут какой-то компромисс; возможно, он и не будет достигнут;

...либо все обсуждают, и выносят предложения; затем голосуют с помощью консенсусной системы голосования, и таким образом находится общее мнение или то предложение, на которое все соглашаются.

Общее мнение, по определению, создается только тогда, когда принимают участие все; ибо ничто не зависит только от большинства, а все зависит буквально от каждого!

Будет создан общий консенсус, который будет принят всеми.

Это совершенно другая психология. Все уважают всех. Каждый признает, что у (его «лучшей половины» или) другого депутата может быть другая точка зрения. И каждый сознает, как только что было сказано, что все принимают участие, не только голосуя на выборах, но и сидя за столом. Все говорят по очереди (с установлением регламента). Все председательствуют (опять же по очереди). Любой депутат является кандидатом на любой министерский пост... но, конечно, только на один пост. Таким образом, все взрослые, которые живут в определенном округе, являются там кандидатами в депутаты. Политическая деятельность будет расцениваться не как привилегия или средство для достижения карьеры, а скорее как долг, который каждый должен выполнить (если будет избран), как, например, выборный судья. Такой подход будет преодолением недостатков современной системы, способствующей проявлению эгоизма.

Вторым преимуществом консенсуса будет принцип, по которому каждый избиратель голосует только «за». При принятии любого решения (в том числе при избрании депутатов в выборные органы) каждый гражданин голосует в порядке предпочтения за всех существующих кандидатов или за все предложения. Причем оптимальное количество кандидатов (предложений) должно быть не менее 6.

При такой системе голосования каждый признает, что, возможно, он не во всем прав, что и другие имеют право на свои точки зрения.

Голосование «против» исключается, вместе с ним исключается и желание уничтожить чужую точку зрения.

Консенсуальная политика стремится к коллективному решению, на это направлены и процесс обсуждения, и процесс голосования.

Принцип разделения властей является одним из основных принципов демократического государства. Поэтому глава исполнительной власти не может руководить дебатами в законодательном органе. В парламенте Великобритании была сделана попытка сделать из заинтересованного члена парламента беспристрастного спикера. Но это оказалось недостаточным. В США была создана система независимого президентства. Однако за 200 лет своего существования американская администрация сумела выработать систему влияния на законодательный процесс. При консенсусе дебатами должны руководить так называемые «неголосующие консенсоры». При установленном регламенте могут быть высказаны любые предложения, если они конструктивны, не направлены на дискредитацию других точек зрения и не нарушают прав человека. Поскольку голосование не будет происходить по системе «за» и «против», каждое предложение будет рассматриваться не как альтернатива первоначальному предложению, а как возможные добавления к нему.

После окончания дебатов консенсоры должны сгруппировать все поступившие предложения по нескольким принципиальным блокам предложений, которые затем должны быть поставлены на консенсуальное голосование. Предложения для голосования включаются в бюллетень.

Теперь рассмотрим пример действия консенсуальной системы принятия решений и определим ее преимущества перед системой большинства. В каждой общественной структуре существует четыре типа голосования, и во всех случаях можно использовать консенсуальный принцип референдума (см. таблицу 1).

Каждый из членов Совета будет голосовать за всех 10 кандидатов и за все 10 предложений по каждому вопросу в порядке своих предпочтений. Таким образом, каждый признает мнения других и при этом уверен в том, что его точка зрения окажет влияние на окончательное решение; полагает, что принятое решение будет справедливым и объективно отразит среднее мнение членов Совета.

Психологическое влияние такой системы голосования на голосующего нельзя переоценить: он уже не механически следует партийным инструкциям, он должен разобраться во всех предложениях.

Подсчет голосов при этой системе достаточно прост. Каждое первое предпочтение получает 10 очков, каждое второе — 9 очков и т.д. Последнее предложение получает 1 очко. По каждому предложению подсчитывается количество полученных очков, а затем результат выражается в процентах (при том, что 100% — это все первые предпочтения). По каждому предложению мы получим определенный «уровень консенсуса» (см. таблицы 2, 3, 4).

Таблица 1

Например, местный совет, состоящий из 10 членов, собирается:

I		II		III		IV		
избрать председа- теля		или избрать предсе- дателя и 4 членов одним голосованием		определить 5 газет, которые нужно выпи- сать для библиотеки		решить вопрос о правилах на местном рынке		
Предположим, по первым двум вопросам вы- двинуто 10 кандидатов — все 10 депутатов ме- стного совета				по третьему вопросу — 10 газет на выбор		по последнему вопросу — 10 предложений		
КАНДИДАТ		Ваш вы- бор	Газеты		Ваш вы- бор	ПРЕДЛОЖЕНИЯ: Рыночные прилавки:		Ваш вы- бор
А	Сидоров		А	«Аргументы и фак- ты»		А	сдаются в аренду (не боль- ше чем на год)	
Б	Бабаева		Б	«Индустрия»		Б	передаются на длительное пользование (не менее чем на год)	
В	Ырыскулов		В	«Известия»		В	только для колхозников	
Г	Гаспарян		Г	«Комсомольская П»		Г	в свободное пользование	
Д	Иваненко		Д	«ЛП»		Д	только для мелких арендато- ров	
Е	Калинина		Е	«МН»		Е	только для тех, кто исполь- зует минеральные удобре- ния	
Ж	Павлова		Ж	«Правда»		Ж	только для фруктов и ово- щей	
З	Петрова		З	«Перестройка»		З	для фруктов, овощей, мяса	
И	Семенов		И	«Советская Россия»		И	для фруктов, овощей, мяса, цветов	
К	Зайцев		К	«Труд»		К	для всех этих продуктов и изделий из них	

Таблица 2

Предположим, что по всем четырем вопросам мы получили следующие консенсусы (и, к счастью, все результаты голосований — абсолютно одинаковые... ради нашего анализа).

I и II			III			IV		
КАНДИДАТ		Уровень консенсуса	Газеты		Уровень консенсуса	ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Рыночные прилавки:		Уровень консенсуса
А	Сидоров	40%	А	«Аргументы и факты»	40%	А	сдаются в аренду (не больше чем на год)	40%
Б	Бабаева	55%	Б	«Индустрия»	55%	Б	передаются в длительное пользование (не меньше чем на год)	55%
В	Ырыскулов	35%	В	«Известия»	35%	В	только для колхозников	35%
Г	Гаспарян	60%	Г	«Комсомольская П»	60%	Г	в свободное пользование	60%
Д	Иваненко	70%	Д	«ЛГ»	70%	Д	только для мелких арендаторов	70%
Е	Калинина	60%	Е	«МН»	60%	Е	только для тех, кто использует минеральные удобрения	60%
Ж	Павлова	50%	Ж	«Правда»	50%	Ж	только для фруктов и овощей	50%
З	Петрова	55%	З	«Перестройка»	55%	З	для фруктов, овощей, мяса	55%
И	Семенов	65%	И	«Советская Россия»	65%	И	для фруктов, овощей, мяса, цветов	65%
К	Зайцев	60%	К	«Труд»	60%	К	для всех этих продуктов и изделий из них	60%

Таблица 3

Результаты следующие:

I и II	III	IV
<p>Наиболее консенсуальным кандидатом является Иваненко, он и становится председателем. Если выбираются и председатель и 4 члена, то выигрывают следующие:</p> <p>Иваненко Семенов Гаспарян Калинина Зайцев</p> <p>В случае получения несколькими кандидатами одинаковых уровней консенсуса избранным считается тот, кто получил большее количество первых предпочтений.</p>	<p>Наиболее популярные среди членов совета газеты:</p> <p>«ЛГ» «Советская Россия» «Комсомольская Правда» «МН» «Труд»</p>	<p>Вопрос об организации рынка чуть-чуть сложнее. Здесь требуется помощь консенсоров, которые на основании уровня консенсуса выработают комплексное решение, которое будет примерно следующим:</p> <p>“Прилавки на рынке должны сдаваться в длительное пользование сроком не меньше одного года только тем, кто использует минеральные удобрения. Мелкие арендаторы получают рассрочку или платят более низкую цену. Прилавки могут использоваться для продажи овощей, фруктов, мяса, цветов и изделий, преимущество будет отдано продуктам и цветам”.</p>

Эти примеры показывают, как из мнений всех членов совета складываются общие мнения, которые устраивают всех.

Таблица 4

При системе голосования «за» или «против» теоретически выбор 1 из 2; но в большинстве случаев принимается без изменений предложение тех, кто стоит у власти.

А при системе консенсуса...

I	II и III	IV
<p>Результат должен быть 1 из 10; от А до К. Вероятность того, что результат совпадает с желанием стоящих у власти, конечно же, 1 из 10.</p>	<p>Когда избирается одна группировка, состоящая либо из 5 членов, либо из 5 газет, то при 10 кандидатах (предложениях) существуют 250 различных возможностей или 250 различных точек зрения: А, Б, Д, Ж, И или В, Г, Д, Ж, З или Б, Д, Е, И, К и т.д. Поэтому возможность, что один член совета проголосовал за всех 5 избранных в руководство Советом (или за все 5 газет), составляет 1 шанс из 250. Таким образом, возможность проведения какой-либо группой своих кандидатур минимальна.</p>	<p>Принятое решение является результатом согласования различных предложений и не адекватно ни одному из них. Это результат коллективных усилий.</p>

В заключение еще несколько рассуждений о психологии консенсуса. Независимо от того, на каком уровне происходят выборы, в общественной организации или в Верховном Совете, кандидат осознает, что его успех зависит не только от количества первых предпочтений, но и от количества вторых, третьих и четвертых, поданных за него, а также от того, насколько мало 10-х, 9-х, 8-х и 7-х предпочтений он получил. Потому что если он получит 51% первых предпочтений и 49 — десятых, то его уровень консенсуса составит:

$$51 \times 10 + 49 \times 1 = 510 + 49 = 559 \text{ очков, или } 55,9\%.$$

А этого наверняка недостаточно, чтобы быть избранным. Но если программа кандидата направлена на снятие противоречий в обществе, то даже при общественном расколе, получив 10% первых предпочтений, он может получить 40% вторых, 30 — третьих и 20% четвертых. И тогда его уровень консенсуса будет равен

$$10 \times 10 + 40 \times 9 + 30 \times 8 + 20 \times 7 = \\ = 100 + 360 + 240 + 140 = 840 \text{ очков, или } 84\%.$$

Здесь следует отметить, что уровень консенсуса является уровнем согласованности и, хотя практически 100-процентный уровень невозможен, тем не менее он является категорией совершенно иного порядка, чем категория большинства. Поэтому самый высокий уровень консенсуса будет у кандидата, чья политика устраивает всех, то есть это будет консолидирующая политика, а не разделяющая. Поэтому из общественного сознания должны исчезнуть установки на использование эгоистических интересов или панических настроений избирателей для достижения политической популярности. Напротив, задача кандидата будет состоять в убеждении всех членов общества. И даже самый удачливый кандидат будет осознавать, что, как бы хороша ни была его программа, она будет постоянно корректироваться в соответствии с мыслями и желаниями других людей.

При консенсуальной системе кандидат на выборную должность, например, в Нагорном Карабахе должен будет убедить не только своих сторонников в том, что он для них самый лучший, но и своих противников в том, что он и для них не так уж плох. И в Ольстере протестантский избиратель не будет голосовать только за протестантов. Чтобы не допустить католиков к участию в выборных органах, ему придется голосовать и за представителей других религий в порядке своих предпочтений. Человек будет голосовать так, чтобы это не мешало ему жить в обществе. Если он хочет, чтобы его голос был действительным, он должен признать право других на существование, в том числе и политическое.

При консенсуальном голосовании человек голосует в соответствии со своими желаниями. Но он признает права своих сограждан на другой порядок предпочтений. Мнение каждого окажет влияние на конечный результат, и принятое решение будет представлять среднее мнение, составленное из мнений всех. Таким образом, принцип оппо-

зиции психологически перестает существовать. Начинает действовать принцип сотрудничества.

Если верить законам диалектики, то существующая демократия уже не прогрессивна. Когда народовластие сменило абсолютизм, произошел огромный скачок в развитии человеческого общества. Принцип голосования «за» или «против» привел к возникновению политических партий. Принцип большинства раскалывает общество надвое, обуславливая возникновение двухпартийной системы. А если в обществе существуют еще и противоречия расовые, национальные, религиозные, то снятие этих противоречий невозможно при системе «за» и «против».

Вероятно, общественные войны, как на международной арене — капитализм против социализма, — так и внутри политических структур — правые против левых, протестанты против католиков, армяне против азербайджанцев, — являются отражением психологических слабостей человека. И для того, чтобы общественное развитие не повернуло вспять, нужно сделать шаг в сторону консенсуса. Партии и общественные группы могут остаться на политической арене, но не как диктаторы, а как полноправные участники процесса принятия решений в обществе. Когда стремление к власти преобладает над стремлением к справедливости, происходит деградация как личности, так и общественной структуры. Консенсус делает стремление к власти психологически возможным, только если целью власти предполагается справедливость.

Многopартийность, возникающая сейчас в странах Восточной Европы, свидетельствует о развитии демократии. Коалиционное правительство в Польше является образцом действенного политического компромисса. Но консенсуальная система — это шаг вперед к новой демократии. Если КПСС признает политику консенсуса, значит, ее взгляды всегда будут выслушаны, по крайней мере пока вообще существуют партии. Для этого необходимо только признать право на существование других взглядов, потому что настоящий плюрализм возможен только при консенсусе.

Конечно, консенсусу надо учиться. Человеческое сознание изменить не так легко. Но если для достижения желаемого человек должен изменить психологическую мотивацию поступков, он постепенно приходит к осознанию целесообразности нового подхода к своим задачам. Следующие поколения будут воспринимать консенсус как должное, а конфликты — как неестественные реакции. Поэтому консенсусу принадлежит будущее. Но осознать это надо уже сегодня!

**Человек,
закон
и правосудие**

Законы живые и мертвые

Вера, надежда и закон

Всплывает в памяти разговор с другом, одним из виднейших ученых-юристов. Он часто бывал за рубежом, хорошо знал Запад. Я спросил: неужели там не играют роли личные отношения, стремления «порадеть родному человечку»?

— Да что ты, — ответил мой собеседник, — то, что называется протекцией, распространено очень широко. Поддержка и помощь будут оказаны не только личному другу, но и по его рекомендации. Персональные симпатии и доверие открывают многие двери. Но до известного предела, имя которому — закон. Нарушить его там кому бы то ни было опасно и невыгодно. В силу закона верят.

Наша вера в закон, как образ подлинной правды, справедливого защитника и покровителя, основательно подорвана и все же достаточно велика. Эту веру не сумели уничтожить ни репрессии периода сталинщины, когда произвол цинично прикрывался лозунгом господства социалистической законности, ни велеречивые рассуждения и фарисейская практика последующих лет, когда говорилось одно, писалось в законе другое, а реально делалось третье.

Многие до сих пор не могут понять, как в условиях провозглашения победы социализма, а затем и развитого социализма могло произойти то, что произошло при наличии действовавших законов. Разве Конституция СССР 1936 г. не содержала норм о неприкосновенности личности, праве на защиту, независимости судей и подчинении их только закону? Разве в 70-х годах не тиражировались законы, сурово преследовавшие коррупцию?

И тем не менее на протяжении десятков лет эти законы ни надругательства над личностью, ни разложения общества остановить не смогли. Свидетельств тому масса, и сегодня они достаточно хорошо известны.

Но пришли новые времена. Перестройка означала решение кардинальных вопросов, в том числе и посредством законов. Увы, многие из них лишь вспыхнули, как бенгальский огонь. На чем же тогда основываются вера в закон, надежда на его конечное торжество? А ведь и вера и надежда не только велики, как никогда ранее, но и все более возрастают.

Вера в закон небеспочвенна и уходит своими корнями в общественное сознание, формировавшееся веками. Право во все времена трактовалось признанными идеологами как концентрат справедливости, вначале божественной, а затем и гражданской. Даже законы средневековья — образец «кулачного» права — рядились в тогу религиозных догматов и тем самым освящались. Однако казни еретиков и жесточайшие членовредительские наказания, ничего общего не имевшие с гуманностью или милосердием, назначались за деяния, совершенные не только против всевышнего, но и связанные с нарушением заповедей и законов, отвергавших посягательство на чужое — жизнь ли, имущество или другие блага человека.

А уж в буржуазном обществе, где провозглашались свобода, равенство и братство, в государстве «всеобщего благоденствия» закон тем более обретал образ покровителя гражданина. Несть числа философским, историческим и юридическим трактатам, созданным и великими людьми, которые изображали, как, скажем, Ж.Ж. Руссо, идиллию «общественного договора», составляющего суть не только государства, но и права. Поэтому даже горький исторический опыт беззакония и извечная народная мудрость «закон что дышло...» не искоренили веру в те законы, которые должны выражать нравственные принципы и обеспечиваться режимом демократии подлинной, а не мнимой. В утопиях, надеждах, а также и реалиях социальных противоречий вызревала идея правового государства, где верховенство *справедливого* закона означает и его *соблюдение*.

Социалистическая революция права не отвергла, да и отвергнуть не могла. Противоположные, много раз воспроизводившиеся утверждения — пропагандистская неправда. Ведь любое цивилизованное общество без права существовать не может, ибо оно, как известно, — официальный выразитель государственной воли. Ничто его в данной ипостаси не заменит. Такова азбука политологии и реальная практика любого государства. Законы Хаммурапи, Древнего Рима, современных капиталистических или социалистических государств *в этом отношении* ничем не отличаются. Да и право бесправия, увы, тоже право. В том смысле, что любая норма, облеченная в закон, — это обязательное правило поведения под страхом ответственности перед государством. И инквизиция, и тоталитарные режимы XX века имели свои законы. Поэтому-то должен быть четкий критерий, который позволит говорить о Праве как выражении справедливости и нравственности, в том числе тех их свойств, которые едины для всех людей.

Законы — насущный хлеб социальной жизни. И после революции надо было покупать, продавать, защищаться от воров и насильников. А ведь эта проза жизни — действия юридические, только законом определяемые и ограниченные.

Принятый уже в ноябре 1917 г. Декрет о суде № 1 допускал признание дореволюционных законов, если они не противоречили декретам Советской власти, революционной совести и революционному правосознанию. Но революционная совесть — категория нравствен-

ности. Историкам права еще предстоит глубоко и объективно разобраться в том, в какой мере революционные совесть и правосознание действительно пошли на пользу высоким целям нашей революции, а в какой — были извращены, явившись актом мести, экстремизма или, не в последнюю очередь, невежества — демонической, по словам Маркса, силы, которая послужит причиной еще многих трагедий.

Слом всей государственной машины и ликвидация, пользуясь терминологией тех далеких лет, «юридического баракла» казались необходимыми условиями разрушения старого и строительства нового мира. Не здесь ли — в пренебрежении социальной ценностью права — кроется эмбрион того зловещего явления, которое впоследствии стало называться нарушениями социалистической законности?

Только теперь мы начинаем постигать подлинное значение на десятилетия забытых или исчезнувших книг мыслителей и художников слова — Кропоткина, Плеханова, Достоевского, Короленко, — где задолго до трагических лет отечественной истории пророчески утверждалось о неизбежности хаоса и потоках крови, связанных с отказом от права, его изначальной значимости для жизни каждого и всех. Точно, проникновенно выразил это и замечательный писатель-современник Ю. Домбровский: «Во всей нашей печальной истории нет ничего более страшного, чем лишить человека его естественного убежища — закона и права... Падут они и нас унесут с собою. Мы сами себя слопаем. Нет в мире более чреватого будущими катастрофами преступленья, чем распространить на право теорию морально-политической и социальной относительности. Оно — вещь изначальная. Оно входит во все составы нашей личной и государственной жизни».

Нельзя апологетически списывать на счет революционного насилия и такое, которое противоречило элементарным общепризнанным принципам и нормам права, закреплявшим общечеловеческие нравственные устои. Дело здесь не сводится к отдельным, пусть и трагическим эксцессам в толковании смысла законов, когда, например, расстреляли выдающегося поэта Николая Гумилева, который не был участником контрреволюционного заговора, а лишь не сообщил о нем властям. Никуда не уйти от того, что были антигуманные акции, опрокидывавшие навзничь нормы права, которые выражали извечную человеческую мораль.

Сошлюсь на свидетельство очевидца. «Когда после Перекопа наши войска овладели Крымом, было объявлено во всеобщее сведение, — вспоминал В.В. Вересаев, — что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба окончена, представляется белым на выбор: кто хочет, может остаться в РСФСР, работать с Советской властью. Молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенного, логикой вещей загнанного в борьбу с большевиками, за которыми они не сумели разглядеть широчайших народных трудовых масс, давно уже тяготилось своей ролью... Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам вывозили за

город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей» [В. В. Вересаев. В тупике].

Если в первые послереволюционные годы нарушения законности можно в какой-то мере объяснить экстремизмом, замешенной на правовом бескультурье романтикой, то такого рода объяснения непригодны для периода, когда был провозглашен курс на твердую законность, особенно в связи со становлением новой экономической политики. Свертывание демократии, постепенно набравшее силу с середины 20-х годов, шло рука об руку с размытием законности, подкреплявшимся абсолютизацией сугубо классового подхода к праву как защитнику интересов только господствующего класса.

Здесь следует расставить акценты. Известный тезис «Коммунистического манифеста» о праве как возведенной в закон воле господствующего класса универсален в том смысле, что в любом государстве право — это то, что выгодно и угодно господствующему классу, выражает и закрепляет его коренные интересы. Но безгранична ли эта воля? Не должна ли она основываться и на нравственной сути общечеловеческих ценностей безотносительно к принадлежности граждан к тому или иному классу или социальной группе?

Конечно, если стоять на позициях стереотипа «подавляющего большинства», исходить из того, что только интересы господствующего класса подлежат охране, то в праве неизбежно будет выдвигаться на первый план принудительное начало, обеспеченное арсеналом жестких средств подавления. Однако право должна быть присуща функция охраны ряда интересов представителей всех классов и социальных групп. Право, если не признавать за ним в числе других функции компромиссного решения различных социальных интересов, обречено на вырождение в политическую дубинку.

При анализе законодательства капиталистических государств, закрепляющего ряд прав трудящихся, таких, например, как право на получение пособий по безработице и т.п., в советском правоведении отмечается, что это политико-правовой маневр, компромиссное решение между коренными интересами господствующего и эксплуатируемого классов. Но задача установления ряда основных прав человека, связанных прежде всего с выживанием и достойной человека жизнью, — задача единая для всех правовых систем.

И в социалистическом обществе, признавая право социальной ценностью, надо исходить из необходимости компромисса интересов, обеспечения каждому субъективных прав, которые вытекают из человечности как главного, основополагающего принципа бытия. Такого рода функция права применительно к социалистическому обществу долгие годы в теории не рассматривалась, а на практике игнорировалась. В современных условиях радикальной перестройки мышления следует, наконец, признать: подавление эксплуататорских классов как политическая идея и основанные на ней акции никак не оправдывали в праве ни мучений или унижений достоинства, ни реквизиции нажитого трудом добра, ни лишения других благ, которыми должен

обладать каждый человек. Если согласиться с мыслью писателя М. Алданова, что есть вещи, которые «народ» у «человека» отнять не может, то отнять нельзя и «по праву».

А законы-то, не говоря уже о подзаконных актах (они в условиях командно-административного режима подчас фактически больше значили, чем закон), сплошь и рядом обязывали агентов государства действовать в резком противоречии с совестью, да и официально провозглашавшимися юридическими принципами.

Элементарной нормой нравственности и права является ответственность только виновного. Но вот в июне 1934 года в общесоюзное уголовное законодательство была включена норма об ответственности членов семьи изменника родины, т.е. лиц, которые не имеют никакого отношения к преступлению, ничем его совершению не содействовали. Проживал совместно с осужденным или даже находился на его иждивении — достаточно: статья 58^{1в} УК РСФСР, ссылка на пять лет в отдаленные районы Сибири.

Заложничество невиновных возведено в ранг закона. Да только законен ли такой закон? Какой нормально мыслящий человек может постичь, внутренне принять вопиющую несправедливость и произвол, хотя и названные официально законом?

Вера в справедливый, нравственный закон сопряжена с большими надеждами, которые ныне возлагаются на законодательство при решении многих проблем экономического развития, социальной жизни, науки и культуры, укрепления правопорядка. В немалой степени определяются эти надежды тезисом о социалистическом правовом государстве, создание которого связывается с процессом последовательной демократизации советского общества, новыми формами организации и функционирования политической власти при социализме. В этих условиях особенно важно не только критически оценить опыт законотворческой деятельности прошлых лет, но и иметь отчетливую, научно обоснованную концепцию о реальных возможностях законов, пределах, если можно так выразиться, их достигаемости. Стало быть, одна сторона дела — есть ли законы, другая — каковы они, живые или мертвые.

Ахиллесовой пятой постсталинского времени были отсутствие правового регулирования в различных сферах социальной жизни и одновременно инфляция законности, вытекавшая из волюнтаристических представлений, а позднее из присущих застою периоду расхождения между словом и делом, необоснованных обещаний и демагогии, игнорирования научных основ создания законодательных актов. «Верхи», присягая марксизму-ленинизму, не понимали или не считались с тем, что, с одной стороны, именно закон должен регулировать кардинальные вопросы социального развития, а с другой — что законы, не соответствующие общественным отношениям, превращаются в пачку бумаги. «Низы», не успев пройти основательной школы правовой культуры, рассматривали свои права как подарок и на-

деялись на закон, как когда-то на доброго царя-батюшку, который-де все может.

Нынешняя активная работа по изданию многочисленных законов и подготовке законопроектов является реакцией на старый дефицит законов и опирается на реальные потребности. Процесс этот неоднозначен, и к его рассмотрению мы еще вернемся. Но неоспоримым является тот факт, что многие сферы взаимоотношений между государством и гражданами законом не регулировались. Чем же заполнялся вакуум? Либо любезными аппарату инструкциями, где своя ведомственная рука — владыка, либо предоставлением возможности действовать, исходя из так называемой целесообразности, которая была дорогой с односторонним движением: только гражданин должен государству и несет перед ним ответственность.

Конечно, громогласно провозглашались основные права и свободы граждан. Но какова же была их реальная цена? Конституция закрепляла свободу слова, печати, уличных шествий и демонстраций. Однако отсутствие законов о печати, проведении митингов и демонстраций, в которых бы детально регламентировались взаимные права и обязанности граждан и органов власти, практически исключало возможность пользоваться провозглашенными правами. Даже там, где Конституция закрепляла конкретное правомочие гражданина, оно подчас оказывалось безжизненным. Так, ст. 58 Конституции СССР 1977 г. было установлено право гражданина обжаловать в суд неправомерные действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Десять (!) лет не принимался законодательный акт, на основе которого только и могла действовать названная статья Конституции. Когда же этот акт в 1987 г. был, наконец, принят, то тотчас подвергся резкой обоснованной критике, ибо не соответствовал тексту Конституции. И в ноябре 1989 г. Верховный Совет СССР был вынужден вновь принять закон об обжаловании в суд действий, ущемляющих права граждан.

Заметим и то, что пользование правами и свободами без ясного, законом определенного их содержания чревато далеко идущими последствиями. Возьмем такое сочетание: свобода слова и распространение измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190¹ Уголовного кодекса РСФСР, которая существовала с 1966 по 1989 г.). Порочат ли наш строй такие, пока еще не излеченные социальные язвы, как низкий уровень жизни громадного числа пенсионеров, ужасные показатели смертности новорожденных, хроническая нехватка продовольствия, низкое качество товаров и многое другое? Да, порочат. Но порочить — значит, прежде всего, осуждать. Осуждение же общественных явлений — это сфера идеологических споров, а не юридической ответственности.

Коммунисты придерживаются того мнения, что наличие частной собственности и эксплуатация человека человеком являются органическим пороком капиталистической системы. Свободное распространение таких взглядов в демократическом обществе никогда ответст-

венности не влекло. Почему же надо устанавливать ее за распространение противоположных взглядов?

Есть ли, однако, границы слову в условиях свободы мнений, или, признавая плюрализм, следует считать, что любое слово допустимо и уж уголовная ответственность здесь при всех условиях ни при чем? «Плюрализм при социализме, — пишет философ Г. Водолазов, — своим богатством и многообразием должен превосходить любые другие типы плюрализма... Социализму «служат» прежде всего не какие-то определенные, «правильные» (идущие в «нужных» рамках) мнения, а само многообразие мнений, сама возможность каждому высказаться и быть услышанным... Только в такой свободной, ничем не ограниченной (кроме разве лишь статьей демократического правового законодательства) атмосфере дискуссии и могут формироваться истинные суждения» [Г. В о д о л а з о в. Ленин и Сталин, «Октябрь», 1989 г., № 6, с. 6]. Все верно. Только вот что же это за статьи «демократического правового законодательства», не смогут ли они исподтишка убить плюрализм? Не смогут, если поставить им пределы, вытекающие из общепризнанных, а не деформированных по типу «только у нас» принципов права.

Известно, что и слово — дело. Но «слово» может и должно влечь ответственность только в случаях, когда это, во-первых, призывы к преступлению, соучастие в нем в виде подстрекательства или пособничества путем советов и указаний либо реальная угроза тяжким вредом. Во-вторых, когда это клевета, оскорбление, возможно, и диффамация. Иного не дано. За пределами таких ограничений всяческое слово, разумеется, должно быть полностью свободным, в том числе и осуждение.

Признавая осуждение наших социальных язв предпосылкой их искоренения, не могу скрыть гражданское чувство душевного дискомфорта от самого факта констатации наших бед и провалов, не говоря уже о критиканстве, смаковании деталей и т.п. Но как правовед глубоко убежден, что юридическая ответственность за высказывание критического мнения — реликт прошлого. С принципами правового государства такая ответственность не согласуется.

Пробелы в области издания законов там, где они были жизненно необходимы, — одна сторона медали. Но не забудем и другую: бурную активность законодательства как имитации мер по устранению негативных социальных явлений.

Из года в год нарастала, например, лавина законодательных актов в области уголовного права, в сущности, перечеркнувшая признанный принцип стабильности закона, нарушавшая его внутреннюю гармонию и другие имманентно присущие законам свойства. Так, Уголовный кодекс РСФСР был введен в действие 1 января 1961 г. С этого времени по 1 января 1985 г. подверглись изменениям и дополнениям 63,5% содержащихся в нем статей. Причем 14,9% статей изменялись два раза, а 6,8% — даже три раза и более. За указанный период в Особенную часть кодекса, где содержится перечень отдельных

видов преступлений, включено 49 статей, что составляет 23,3% к общему числу статей Особенной части. Темпы невиданные и неслыханные. Но дело-то даже не в этом. Качественный анализ изменений позволяет утверждать, что процветал метод проб и ошибок, который приводил к опасным крайностям. Во-первых, искусственно увеличилось число тех, кто считался реальным или потенциальным преступником. Во-вторых, рождались мертвые нормы, которые годились лишь для того, чтобы, как иной раз изящно выражались, «горела земля под ногами правонарушителей». В-третьих, нет доказательств благотворного влияния изменений в законодательстве на состояние дел в сфере борьбы с преступностью.

Взять хотя бы условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Нормы о порядке этого вида освобождения относятся к числу менявшихся более трех раз. Круг осужденных, которые подлежали условно-досрочному освобождению в связи с тем, что отбыли определенную часть срока наказания, доказав при этом, как говорится в законе, свое исправление, то расширялся, то сокращался. Чем же объяснялись такие колебания? Увы, конъюнктурой, связанной с различными обстоятельствами, но только не с теми, которые имеют здесь первостепенное значение. Также не было и нет оснований утверждать, что условно-досрочное освобождение оказывает сколько-нибудь существенное влияние на отрицательные показатели состояния преступности. Вклад условно-досрочно освобожденных в преступность относительно невелик и, как говорят, погоды не делает. Такова закономерность, неоднократно подтвержденная научными исследованиями. Но когда наблюдались всплески преступности и надо было показать, что «меры приняты», тотчас сокращали условно-досрочное освобождение. При этом, конечно, не забывали найти отдельные примеры совершения освобожденными опасных преступлений, что вовсе не доказывало социальной неэффективности принятого решения, но зато создавало соответствующие иллюзии.

Философия «быстрого реагирования» в законодательствовании в целом достаточно проста: возникает негативное явление — надо его уничтожить. А как? Попробуй скажи, что воздействовать на причины такого явления можно лишь путем разработки новой сложной программы, вложения крупных средств и т.п. Знаком неоднократно слышанный ответ: это и так ясно, но средств нет, а конкретные предложения — резонны они или нет, дело другое — требуются незамедлительно. И вот тут-то чиновник обращается к испытанному средству, предлагая принять закон. На вопрос «сверху», что сделали, можно рапортовать: приняли закон. А как он сработал, отвечать, разумеется, надо будет позже. Во-первых, там и видно будет, как и кому отвечать, а во-вторых, есть годами накопленный опыт. Никто, никогда, ни с кого не спросил за закон-пустышку, который не только не принес пользы, но был просто-напросто нелеп.

В августе 1984 г. Уголовной кодекс Грузии, например, был дополнен статьей, установившей, что вырубка гражданином на своем при-

усадебном участке виноградника без соответствующего разрешения властей наказывается вплоть до лишения свободы сроком на один год. В период кампании за повышение выпуска виноградных вин именно таким способом указали колхознику, что на личном приусадебном участке надо делять виноградную лозу, а не выращивать, как кому, видите ли, заблагорассудится, мандарины, груши или экзотические плоды фейхоа.

Быть может, наиболее ярким образцом законодательства «быстрого (но малоэффективного) реагирования» является серия правовых норм о борьбе с нетрудовыми доходами, принятых уже в период перестройки.

Искоренение нетрудовых доходов — вопрос, конечно же, огромной важности, требующий глубоких теоретических исследований и комплекса мер, рассчитанных на продолжительное время. Однако серьезных социально-экономических мер в этой области принято не было, да и осуществить их мгновенно — просто утопия. И вот в юридических кругах возник ажиотаж: даешь закон! За несколько месяцев (рекординные сроки, которые зарубежным законодателям, как говорится, и не снились) сумели подготовить и принять ряд актов по изменению и дополнению административного, финансового, гражданского и уголовного законодательства.

Сегодня стыдно вспоминать о милицейских атаках на старушек, торговавших укропом или редиской, порушенных дружинниками теплицах и многом другом. Но может быть, мы имели дело с неразумными эксцессами в применении разумного закона? Если бы только это... В самом законодательстве о борьбе с нетрудовыми доходами содержатся такие противоречия, которые ни понять, ни объяснить нельзя.

Установлен, например, запрет на куплю-продажу гражданами строительных материалов без нотариального оформления такой сделки. Каких материалов, в каком количестве? Любых материалов и в любом количестве. Стало быть, сосед, купивший у соседа мешок цемента, полкубометра досок и т.п. без посещения нотариуса, — это правонарушитель, подлежащий административной, а в Азербайджане даже уголовной ответственности. В чьих же интересах поставить «под колпак» закона миллионы людей, совершающих нормальные хозяйственно-бытовые действия? Разве можно такими мерами перекрыть дорогу махинациям со строительными материалами?

Есть в логике прием, который называется *ad absurdum reducere* (доведение до абсурда). До каких же пор этот прием будет находить себе место в правотворчестве?!

Ряд правовых норм о борьбе с нетрудовыми доходами невыполним, не укладывается в реально существующие условия и возможности. Представление, к примеру, декларации о доходах — справедливое и необходимое требование. Но, вводя представление декларации, закон не предусмотрел никаких реальных средств проверки правильности этих деклараций. Разве могут справиться

несколько финансовых работников административного района с проверкой доходов тысяч и тысяч кооператоров и лиц, занимающихся индивидуально-трудовой деятельностью? *Сколько-нибудь эффективного механизма контроля как не было, так и нет.* А при этих условиях добиться представления правильных деклараций и налогового обложения в зависимости от размера реальных доходов фактически невозможно.

Правовые нормы типа тех, которые названы, — это не только стремление «откликнуться» и имитировать перед политическим руководством решение назревшей социальной проблемы. Важную функцию выполняет здесь и то, что называют «игрой на галерку». Социальная несправедливость, ножницы в доходах и обладании материальными благами — эпицентр кипения страстей. Сугубо пропагандистские пилюли в этой области сработать уже не могут, а наличие закона — это вроде бы уже серьезно, гарантия соответствующих общественных требований. Не следует, однако, думать, что люди не видят иллюзорности именно пропагандистских приемов, если даже они и задрапированы в форму закона. Поэтому-то «игра на галерку» посредством закона может дать лишь в отдельных случаях кратковременный и очень непрочный успех. Обратной же стороной такого «успеха» обязательно явится *рост социального отчуждения, утрата властью политического доверия.* Цена — неадекватная, а услуга власти — медвежья услуга.

За словом закона — сила и авторитет государства. Расхождение между этим словом и делом, правдой жизни особенно нетерпимо и опасно. Однако нормы различных отраслей права от правды подчас далеки.

Жилищная проблема в нашей стране, как известно, одна из острейших. Жилья не хватает, и громадное число людей от Прибалтики до Тихого океана вынуждено снимать комнаты или квартиры у частных лиц. А на каких условиях? В жизни — как договорились, по закону — иначе.

Жилищные кодексы союзных республик предусматривают: нельзя сдавать квартиру внаем за сумму, которая превышает стоимость квартирной платы и коммунальных услуг. Вроде бы все правильно: никому не позволено неосновательно обогащаться за счет другого. Да только нет в жизни случаев, когда кто-нибудь сдавал или снимал жилье по указанным ценам.

Замечу, кстати, что систематическая сдача жилой площади сверх государственной цены — двойное правонарушение. Оно согласно, например, статье 152 Уголовного кодекса УССР является преступлением и влечет наказание вплоть до лишения свободы. И опять-таки среди тысяч и тысяч сдающих жилые помещения нет тех, кто фактически бы отвечал по этому закону — типичной мертвой норме. А как же с неотвратимостью наказания — альфой и омегой законности? С другой стороны, представим себе, что произошло бы, если бы каждый,

кто сдавал жилое помещение в Киеве или Ялте, взимая плату сверх установленного размера, действительно был осужден.

Отвлечемся от обсуждения оптимальных цен при сдаче-найме жилья, которые бы исключали нетрудовые «сверхдоходы» и одновременно обеспечили реальную возможность найма площади для многих остро нуждающихся в ней граждан (это вопрос особый, и решение его давно назрело). Речь о другом: закон разошелся с правдой жизни. Наивно думать, что реальные условия найма-сдачи жилья не были известны при принятии жилищного законодательства. Убежден, что сложившиеся в жизни цены на сдаваемые квартиры знают все — от депутатов, принимавших закон, до квартирных хозяек. Остается предположить: изданием закона преследовалась благая цель — коренным образом изменить сложившееся положение вещей. Достигнута она? Каждый знает, что нет. Так для чего же навязывать закону роль фигового листа, сохраняя его долгие годы?

Достаточно распространено мнение: нечего, дескать, опасаться мертвых норм. Пылятся они на страницах кодексов, как нечитанные книги на полках библиотек, да и пусть себе пылятся. Вроде бы ни пользы, ни вреда. Однако проблема далеко не так проста, как это представляется на первый взгляд. Мертвая, но формально действующая норма — это спящая змея, которая способна ужалить в любой момент.

В последнее время цены на сдаваемое жилье возросли, и дело здесь не только в общем росте цен на товары и услуги. Приведу рассуждения квартиросдатчика: сейчас ведется борьба с нетрудовыми доходами, официально регистрировать сдачу комнаты не хочу, получать, как и прежде, 70 рублей опасаясь, стеснять себя за меньшую сумму не вижу смысла. Аргументы такого рода типичны. А многим — студентам, аспирантам, военнослужащим, молодым специалистам и другим — жить негде. За жилье теперь приходится платить дороже (плата за страх!), а количество сдаваемых квартир сокращается.

В данном случае яд проснувшейся змеи излился в область цен на услуги. Но может быть и хуже.

Наличие, например, уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за действия, совершаемые самими уважаемыми людьми, таит немалую опасность. То, что сотни тысяч из них, живущих под дамокловым мечом уголовного закона, этой опасности до конца не сознают, дела не меняет.

Уголовный кодекс предусматривает ответственность директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля за выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции. Промышленными признаются предприятия, вырабатывающие самую разнообразную продукцию, в том числе товары народного потребления, а также предприятия, специализирующиеся на ремонте оборудования, машин и механизмов, отдельные цеха производствен-

ных объединений, изготавливающие продукцию, предназначенную непосредственно к потреблению. Иначе говоря, круг предприятий, относящихся к числу промышленных, весьма широк, и выпускают они массу различных товаров.

О реальном же качестве товаров много говорить не надо. Каждый знает это по собственному опыту: телевизоры горят, обувь нельзя носить — болят ноги, на страницах центральной газеты даже обсуждался вопрос, едят ли кошки колбасу. Много ли сегодня найдется директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля, которые не подлежали бы ответственности за выпуск недоброкачественной продукции?

Выходит, закон — одно, жизнь — другое. Или, как выражался литературный персонаж Василия Гроссмана, закон против жизни, а жизнь против закона. Сопоставьте, пожалуйста: разливанное море товаров самого низкого качества и 12 (!) человек, осужденных в 1988 г. за их производство, за преступление, предусмотренное уголовными кодексами всех союзных республик.

Итак, закон сегодня фактически не применяется. А где гарантия того, что его не применят завтра? Со всех сторон слышатся правильные слова, что законы подлежат неукоснительному применению. Вот, предположим, и найдутся прокуроры и судьи, которые начнут в полном соответствии со своей компетенцией применять закон. Кто и на каком основании может указать этим облеченным властью должностным лицам, что *действующий закон* применению не подлежит? Хотел бы в этой ситуации поглядеть, какие предприятия сохраняют своих руководителей и кто пойдет работать на освободившиеся места.

Мы так притерпелись к «двойной» морали, что уже и не замечаем, как глубоко проникает она во все поры, уродуя не только нравственный облик людей, но и создавая при помощи закона угрозу свободе человека, всему тому, чего лишается осужденный за преступление. Не лицемерие ли сохранять уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной продукции? Ведь такой выпуск часто не вина руководителя, а его беда. Опутанный по рукам и ногам системой производственных и экономических условий — сырье некондиционное, сроки поставки его срываются, машинный парк изношен, — он сплошь и рядом не может не выпускать недоброкачественной продукции.

Вдумаемся в суть *уголовной* ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. Сознательно поступать таким образом может лишь идиот или заведомый вредитель. Но не на них же рассчитан закон! Недоброкачественная продукция — это нонсенс, зазеркалье, прямой путь к разорению. Выпускающих такую продукцию в силу профессиональной непригодности, невежества или халатности надо гнать, наказывать рублем, да мало ли мер воздействия... Но превращать его в уголовного преступника — дело столь же бессмысленное, сколь и бесполезное.

Закон и лозунг

Право и правда — проблема весьма актуальная не только в ретроспективе.

Новые горизонты, которые открыла политика перестройки, означали необходимость коренных преобразований во всех сферах социального развития. Законы явились одним из основных инструментов этих преобразований и внесли свою лепту в обновление экономической и политической структур. Здесь следует выделить две принципиальные линии: практику принятия в последние годы ряда важнейших законодательных актов и разработку широкой программы законотворчества, а также создания новых теоретических основ права и законности посредством выдвижения концепции социалистического правового государства.

Обе линии способствовали концентрации внимания к роли закона во всех сферах жизни. Почти повсеместно раздаются требования решить при помощи закона наболевшие вопросы в экономике, социальной жизни, науке, культуре. Диапазон рекомендаций, которыми переполнены сейчас средства массовой информации, крайне широк. Прямо-таки трудно назвать болевые точки, которые бы не предлагалось устранить при помощи закона.

Конечно, законы — это великая преобразующая сила. Однако в наших подстегнутых временем чрезмерных надеждах на законы-мессию кроется одно из опаснейших и крайне устойчивых заблуждений. В общем плане ясно, что с помощью лишь правовых норм социально-экономические проблемы ни решить, ни «обхитрить» нельзя. А иллюзии тем не менее живучи. В наше время разве лишь ребенок не понимает, что нехватку денег нельзя возместить увеличением производительности печатающего их станка. Применительно к праву такого рода соображения сплошь и рядом во внимание не принимаются.

В области пропаганды важно влиять на правосознание масс, убеждая людей в том, что само по себе возведение в ранг закона любых благих намерений ничего полезного дать не может. Но еще более важно учесть это в практике правотворчества. И на законодательном уровне мы еще не отрешились от иллюзии, что включение того или иного положения в закон тем самым обеспечит ему реальную жизнь.

Хозрасчет, самофинансирование, самостоятельность предприятий — проблемы жизненно важные — нашли свое разрешение в Законе о предприятии. Не следует спешить с всесторонней оценкой его эффективности. Но все же о первых итогах *вступившего в силу* закона говорить можно и нужно.

Скажем об этом устами компетентного специалиста. «Закон о предприятии, — констатирует профессор Н. Шмелев, — на который все мы возлагаем такие надежды, фактически парализован... Министерства тихо, без шума, не обращая внимания на стенания и вопли печати, фактически душат его еще в колыбели. Госзаказ на 100 и более процентов продукции, отчисления от прибыли в пользу бюджета

министерств на уровне 85 — 90 процентов, невозможность ни продать свою продукцию, ни потратить свои рубли вне системы «карточного» снабжения, рост директивных показателей, спущенных сверху под лицемерным названием «контрольных», — много ли надо, чтобы Закон превратился на деле в пустой звук?» [Н. Ш м е л е в. Экономика и здравый смысл. «Знамя», 1988, книга 7, с. 180 — 181].

Сосредоточим внимание на юридических аспектах проблемы. Не вызывает сомнений, что законом — и никак иначе — можно и нужно было закрепить новый статус предприятий. Но созрели ли необходимые предпосылки на момент его принятия настолько, что вступивший в силу закон мог реально действовать? Известно, что в настоящее время принимаются меры для претворения в жизнь его предписаний. Только странная и горькая складывается картина: закон фактически парализован и воздвигаются всевозможные «подпорки», чтобы только что принятый высший акт государственной власти хоть как-то мог исполняться.

Кто и каким инструментом измерит тот не только экономический, но и нравственный урон, который причиняют мертвые либо требующие реанимации правовые нормы? Где критерий допустимости несоблюдения того или иного закона? Если, наконец, оказывается возможным отступить от одного закона, то почему наступает ответственность за нарушение другого? Я, например, не мог объяснить осужденному за халатность начальнику цеха, почему за неисполнение своих служебных обязанностей он понес уголовную ответственность, в то время как за неисполнение Закона о предприятии высокие должностные лица не несут никакой ответственности.

Думаю, допущен просчет в юридическом закреплении тех абсолютно правильных положений, которые составляют суть Закона о предприятии. На момент его принятия он не вызрел, не были обеспечены условия его действия с момента вступления в силу. Так что же лучше: поспешить принять закон, предусмотреть в нем нужные, правильные, но пока невыполнимые требования, а затем бить в колокола, «доводить» закон либо обеспечить действие закона экономическими, организационными и иными мерами и лишь затем принимать его? В правовом государстве, где соблюдение закона — непреложное требование, допустима только вторая из названных альтернатив.

«Китом» мира законности является специфическая форма правовых норм, состоящая в безусловной ясности границ дозволенного и гарантированного, взаимных прав и обязанностей граждан, трудовых коллективов, государственных органов, общественных организаций — всех тех, кто в юриспруденции именуется физическим или юридическим лицом. Стереотипы старых представлений здесь еще живучи.

Один из них — опасный и устойчивый — состоит в том, что взаимные права и обязанности подменяются декларациями. Однако закон — не лозунг. Каждый из них работает разными методами. Лозунг призывает, броско ставит задачу — в этом его сила. А закон способен

стать реальной силой лишь в случае, когда в нем четко определено право, соответствующая ему обязанность и, непременно, ответственность. Митингование не может, не должно прорасти в закон, оно ему органически чуждо. Там, где границы ответственности аморфны и подменяются декларацией, право утрачивает возможность служить цели, ради которой создается.

Между тем декларации в законах своих позиций не уступают. Так, около 60% статей Закона о трудовых коллективах содержат декларации и призывы в виде указаний на то, что трудовой коллектив «участвует», «рассматривает», «принимает меры», «содействует», «обеспечивает» и т.п. К чему же приводит на практике декларирование общих положений?

Согласно ст. 13 Закона, трудовой коллектив участвует не только в обсуждении, но и решении вопроса о расстановке кадров. Обязательно ли такое решение? Допустим, коллектив принял решение, что начальником цеха должен быть Иванов. Но ведь приступить к исполнению своих обязанностей он сможет только после того, как директор завода издаст соответствующий приказ. А если не издаст? Каковы гарантии проведения в жизнь решения трудового коллектива при коллизии с мнением директора? Вопросы остаются открытыми. Вот и получилось, что право фиксировано, но повисло в воздухе. Соответствующую ему обязанность, как и пути ее обеспечения, закон не предусмотрел. Какая же цена такому праву!

Мудрые юристы Древнего Рима называли обязательство правовыми оковами. Из какого же материала делаются эти оковы сегодня?

В силу ст. 5 Закона об индивидуальной трудовой деятельности Государственный комитет СССР по материально-техническому снабжению и его органы на местах обеспечивают граждан, занимающихся индивидуально-трудовой деятельностью, необходимыми материально-техническими ресурсами. Но что такое «обеспечивают»? В виде положения закона это должно означать не что иное, как обязанность продать гражданам запасные части, детали и т.п. На деле же такой обязанности фактически нет. Предположим, гражданин получил регистрационное удостоверение на право ремонта личных автомашин. Без запасных частей ремонт, как правило, невозможен. Известно также, что многих из них в магазине не купишь. Так вот, может ли владелец авторемонтной мастерской, придя с законом в руках в орган материально-технического снабжения, потребовать продажи ему соответствующих деталей, а в случае отказа — взыскать убытки? Увы, не может. В чем же тогда суть обеспечения? Выходит, лишь в общей декларации, которая провозглашена и в то же время к конкретным действиям не обязывает. «Оковы», стало быть, сделаны из бумаги.

Если подходить к задаче обеспечения материально-технического снабжения с позиций права, а не лозунга, то порядок должен был бы быть иным. В пределах оплаты регистрационного удостоверения за гражданином надо закрепить право заключения договора о продаже ему соответствующего количества запасных частей, материалов, инс-

трумента. Нарушение договора должно влечь возмещение убытков, равно как нарушение порядка занятия индивидуально-трудовой деятельностью влечет предусмотренную законом ответственность. Вот тогда-то обеспечение материально-техническими ресурсами станет реальным, а норма закона фактически действующей, живой. Не будем сбрасывать со счетов и то, что невозможность законно приобрести материалы для занятия индивидуально-трудовой деятельностью чревата «доставанием» этих материалов путями, предусмотренными уголовным кодексом.

Сейчас при раскрытии черт социалистического правового государства с полным основанием говорится об ответственности государства перед гражданином. Проблема имеет много граней. Подчеркну одну, которая остается как-то в тени. Ответственность государства неразрывна с выполнением тех обязанностей, которые подлежат выполнению должностными лицами *ex officio* в точном соответствии с законом. До тех пор пока наделенные полномочиями представители власти и должностные лица будут относиться к реализации своих обязанностей как к подарку гражданам с их стороны и в то же время не будет работать механизм, исключающий основания для такого отношения, ответственность государства во многом останется фикцией.

Реальность соблюдения закона не может связываться с добрыми нравами, сердечностью или патерналистскими чувствами, которые есть или по крайней мере презюмируются у просвещенных, хороших государственных чиновников. Их личные качества не должны влиять на суть принимаемых решений, если, конечно, стоять на почве права, а не произвола, определяемого симпатиями или антипатиями. Многие искренне верят, что удовлетворение права, сопровождаемое улыбкой, — это следствие расположения, а не служебного долга. Или наоборот: сухой отказ — свидетельство нарушения долга. Доброжелательность или ее отсутствие — только приятная оболочка отношений, не более того. Не станем отрицать эмоционального значения доброжелательности для обратившегося за защитой своего права гражданина. Но не забудем и сути — твердой «связки» права и обязанности. «...Отношения между правящими и управляемыми, — писал Ф. Энгельс, — должны быть установлены на почве права раньше, чем они могут стать и оставаться сердечными» [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 41, с. 125].

Так как же реально складываются сейчас эти отношения на почве права?

На первый взгляд все очень просто: поскольку у гражданина есть право, ему соответствует обязанность другого лица, в том числе должностного. Казалось бы, государство закрепило за вами право и уж кто-кто, а агенты государства должны неукоснительно реализовывать это право. А как же иначе? Ведь для того-то и наделяются граждане правами, чтобы воплощать их в жизнь. Стало быть, здесь должен быть интерес не только гражданина, но и государства в лице всех его органов и должностных лиц. Теоретически так, а на практике?

При наличии у гражданина права чиновник, даже осознавая, что оно действительно есть, сплошь и рядом говорит «нет». Почему же? Причин тут немало.

Прежде всего, как уже отмечалось, право подчас декларируется, но не подкреплено реальными гарантиями и становится тем самым невыполнимым, повисает в воздухе с момента появления на свет. Но это — одна сторона дела. Другая заключается в так сказать расстыковке действительных интересов обладателя права и должностного лица, обязанного реализовать право своими действиями. Несуразности писаных или неписаных инструкций, установок или предрассудков превращают нормальные служебные функции в свою противоположность.

Лишь отдельные примеры. Работник милиции отказывает потерпевшему от кражи в приеме соответствующего заявления, иначе говоря, в праве защищать свое имущество. Делается это для того, чтобы формально не возросло число краж, ибо рост преступности, по мнению очень многих власть имущих, — это показатель плохой работы милиции.

Если 20 человек обращаются в исполком с просьбой зарегистрировать религиозную общину, то в силу закона ее обязаны зарегистрировать. Но гражданам отказывают, ибо подспудно должностное лицо учитывает, что рост числа религиозных общин может оказаться неудобным: свидетельствует, дескать, о несознательности граждан в «нашем районе», недостатках в идеологическом воспитании, да и вообще, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна».

Так, выполнение элементарных служебных обязанностей, однозначно вытекающих из закона, наталкивается на служебный интерес. Пусть ложно понимаемый, но интерес же! Чем, спрашивается, жертвовать в подобных коллизиях, обязанностью перед наделенными правами людьми или корпоративными интересами? Конечно, долг, совесть, непреклонность... Но пока нет реальных невыгодных последствий отказа от выполнения служебной обязанности, право по-настоящему не защищено. А сегодня таких последствий сплошь и рядом нет: они либо не наступают, либо настолько мизерны, что вполне можно ими пренебречь. Ну, будет жалоба, скажет начальник, что надо сделать, — сделаем. Слегка пожурит при этом — не беда, а скорей всего не пожурит, так как и сам начальник не без понятия, входит в положение. Грубейшие, даже преступные нарушения прав граждан оборачиваются лишь выговором. Так что уж говорить о «рядовых» нарушениях прав?

Далеко не последнюю роль в ситуации «нет — праву» играют правовая культура и психология людей, сидящих по разные стороны письменного стола. Сидящий «по эту сторону» за 128 лет после отмены крепостного права так и не освоился с тем, что субъективное право — это его крепость, огороженный участок незабываемой свободы. Генезис такого явления в отечественной истории объясним, но факт ос-

тается фактом: гражданин до сих пор молится богу о получении того, что полагается ему по закону.

Сидящий «по ту сторону», опять-таки в силу многих факторов нашего социально-правового развития, сохраняет веру, что целесообразность (истинное понимание которой, разумеется, тем выше, чем солиднее должность) для государства полезнее законности. Никуда не денешься и от «ндрава» — исконного спутника бюрократизма, чванства и самодурства, многие годы надежно охранявшихся безгласностью.

В этой связи надо отметить столь же распространенную, сколь и неосознаваемую иллюзию, будто нарушение закона «начальнику» не вредит. Нет ни одного человека, который не нуждался бы в обеспечении, защите своих прав. А нарушение закона — цепная реакция. В истории беззакония прослеживается удивительно устойчивая тенденция: отступление от закона с жесткой последовательностью настаивает и тех, кто отступление допускает. Известно это с незапамятных времен. Еще в Библии, в одной из притч Соломона сказано, что беззаконники будут уловлены беззаконием. Опыта в этой части нам не занимать. Может быть, хоть он послужит, наконец, уроком?

Трезвые оценки лозунгов в законе призваны служить уроком на будущее, особенно в условиях эйфории, связанной с приданием закону роли панацеи от многочисленных и разновеликих бед.

В настоящее время форсируется разработка проекта закона о молодежи. Весьма сомневаюсь в необходимости его принятия, возможности решения в нем совершенно различных правовых вопросов, объединяемых лишь тем, что речь идет о возрастной группе людей. Кстати сказать, «молодежь» — понятие юридически неопределенное, ибо сюда относится и пятнадцатилетняя школьница, и двадцатипятилетняя мать семейства. Субъективные права и законные интересы у них глубоко различны.

Отнюдь не отрицая особенностей молодежного движения, заметим необходимость решения социальных проблем, возникающих перед людьми различных поколений. Почему тогда не принять закон о стариках либо, следуя такой логике, мужчинах и женщинах? Такие законы к желаемому результату не приведут.

Надо считаться с положениями правовой науки, где различаются предмет и метод правового регулирования. Многочисленные отношения регулируются различными отраслями права, и в этом есть глубокий смысл. Например, трудовые права рабочих и служащих любого возраста закреплены в трудовом законодательстве с его специфическими принципами и нормами, а особенности ответственности несовершеннолетних за преступление — в уголовном. Так для чего же нужен и полезен ли единый сквозной закон о молодежи? Конечно, сейчас возникает немало вопросов о расширении прав людей молодого возраста, допустим, молодоженов, закреплении в законах их интересов. Но это можно и нужно делать путем дополнений и изменений

норм различных отраслей права, а не создания синтетического «суперзакона».

Закон или его суррогат

Наполеон Бонапарт до конца дней гордился гражданским кодексом, созданным при его непосредственном участии. Император провидел, что о многих блестяще выигранных им сражениях вскоре забудут, а кодекс переживет века. Но он очень опасался юристов, которые возьмутся толковать закон: непременно извратят его смысл. Опасение в юриспруденции известно: еще в XVIII веке знаменитый просветитель Беккариа утверждал, что толкование законов — зло, а невыгоды от строгого соблюдения буквы закона гораздо менее значительны по сравнению с невыгодами, порожденными его толкованием [Чезаре Беккариа. О преступлениях и наказаниях. Перевод проф. М.М. Исаева. М., 1939, с. 213, 210].

Но в жизни без толкования закона ни одна правовая система обойтись не смогла. Толковать закон — значит уяснить его смысл, подлинное содержание. Однако понятие толкования закона не сводится к мыслительной операции. Существует толкование закона, которое дается государственными органами и является общеобязательным.

Здесь следует особо выделить акты, которые издают министерства и ведомства, и руководящие разъяснения Пленума Верховного суда СССР.

О пресловутых инструкциях и их роли тормоза в хозяйственной деятельности сказано и написано в последнее время немало. Отнюдь не собираюсь брать на себя функцию защитника всех и всяческих инструкций. Но не могу не заметить, что в оправданной борьбе с бюрократизмом мы подчас склонны выплеснуть с водой и ребенка. Инструкции, типовые правила, приказы в ряде случаев совершенно необходимы: они служат приводным ремнем между законом и весьма разнообразными отношениями, которые он регулирует. Вполне обоснованна норма ст. 135 Конституции СССР, где говорится, что министерства и государственные комитеты СССР в пределах своей компетенции издают акты на основе и во исполнение законов.

Гвоздь вопроса в том, действительно ли основаны эти акты на законе или являются его суррогатом. Командно-бюрократическая система преуспела в ловкости подмены сути законов сугубо ведомственными интересами в значительной мере за счет гарантированных прав и законных интересов граждан. Быть может, нигде это не проявляется столь беспардонно, как в сферах торговли и бытового обслуживания.

Многие ли задумываются над тем, что, покупая фрукты или мебель, отдавая в пошив костюм или ковер в химчистку, они заключают договор, т.е. совершают юридические действия, влекущие взаимные права и обязанности сторон. Невдомек гражданину, что

существует «хитрый» механизм отступления от законного порядка заключения таких договоров, отказ от ответственности при нарушениях, например условий договора купли-продажи товаров народного потребления.

Согласно ст. 42 Основ гражданского законодательства, «покупатель в течение гарантийного срока может предъявить продавцу претензии по поводу недостатков проданной вещи, препятствующих ее нормальному использованию. Продавец обязан обеспечить безвозмездное устранение недостатков вещи, либо заменить ее вещью надлежащего качества, либо принять ее обратно с возвратом уплаченной за нее суммы». Кто же, спрашивается, должен решать вопрос о предпочтительности устранения недостатков вещи, замене ее другой или, наконец, возврате уплаченной суммы? У прочитавшего закон сомнений быть не может: конечно, покупатель. Да не тут-то было! Многие годы действуют «типовые правила», утвержденные Министерством торговли, которые вопреки закону решили за покупателя, что некачественную вещь надо неоднократно ремонтировать, представлять справки гарантийной мастерской о том, что ремонт успеха не имел, и лишь потом можно требовать замены вещи или возврата денег. При этом, разумеется, и речи нет, что кто-то возместит незадачливому покупателю стоимость хлопот по ремонту вещи или ущерб от невозможности пользования ею в течение длительного времени.

Вот так скромные типовые правила ведомства сумели умертвить общесоюзный закон, нарушив интересы огромного числа людей, которым выпало несчастье купить некачественный товар.

Согласно Закону о Верховном суде СССР, пленум этого суда наделен правом издавать руководящие разъяснения, которые обязательны для всех органов и лиц, применяющих законы. В теории права издавна ведутся споры о природе этих разъяснений. Оставим споры для аудиторий профессиональных юристов или страниц специальных книг. Важно сейчас другое: всегда ли эти разъяснения основаны на законе и выражают его суть.

Достаточно известны дела о приписках, когда, например, руководитель предприятия, допустивший приписку, получал премию в несколько сот рублей (нередко и меньше), а привлекался к уголовной ответственности за хищение в особо крупных размерах, поскольку рабочим и служащим выплачивались премии на общую сумму свыше десяти тысяч рублей. На протяжении многих лет такого рода незаконная практика квалификации преступления основывалась на разъяснениях пленума Верховного суда СССР. Многие руководители предприятий осуждались к длительным срокам лишения свободы, хотя личное обогащение было мизерным. Только в 1987 г. отменено упомянутое разъяснение, несостоятельность которого — будем открытвенны — была ясна каждому здравомыслящему юристу.

Даже Верховный суд страны, стремясь идти в ногу со временем в 70-х — начале 80-х гг., «закручивал гайки» по делам о хищениях. Приведу пример, оценка которого, убежден, доступна каждому. Оче-

видно, что когда человек незаконно обменивает одну вещь на другую, меньшей стоимости (допустим, упитанного теленка совхозного стада подменяет тощим), то он совершает хищение имущества в размере разницы стоимости. Однако в 1981 г. пленум Верховного суда СССР счел нужным разъяснить, что изъятие имущества, вверенного виновному, путем замены его на менее ценное имущество должно влечь ответственность за хищение в размере всей стоимости изъятого имущества. Едва ли надо быть юристом по профессии, чтобы понимать: человек похитил ровно столько, сколько положил в карман. Но названное разъяснение, которое действует и сегодня, с таким здравым пониманием не согласуется, и вот к чему приводит.

В магазин готового платья поступили мужские костюмы производства ЧССР стоимостью 160 руб. Продавец купил для себя костюм, хранил его дома, не надевая и даже не сняв товарной бирки. Через несколько дней в магазин поступили костюмы финского производства стоимостью 180 руб. Продавец вернул ранее купленный новый костюм, взяв взамен костюм стоимостью 180 руб. Осужден он был за хищение государственного имущества в размере 180 руб., хотя возвращенный костюм стоимостью 160 руб. был реализован в установленном порядке. В данном случае продавец, совершивший мелкое хищение, за которое, с учетом конкретных обстоятельств, наступает административная ответственность, был осужден за преступление.

Специального рассмотрения заслуживают многочисленные предложения об изменениях и дополнениях закона. Нет сомнений, что в целом они преследуют добрые цели. Но раздаются крикливые призывы и к таким изменениям, которые выступают как грубый макияж для прикрытия все тех же ведомственных интересов и пристрастий.

Кто не помнит различных сенсаций, время от времени появляющихся на страницах газет и журналов? То «летающие тарелки», то чудодейственные лекарства, излечивающие любые болезни. Но «тарелки» движутся не только по небосводу, залетают они, видимо, не без расчета запускаящих их лиц, и в атмосферу законности.

В последнее время немало пишут о явлениях, именуемых главным образом иностранными словами — мафия, коррупция, рэкет. Хорошо, что пишут, ибо безгласность была и остается прародительницей не только этих — к сожалению, реальных — социальных бед. Однако при этом разъясняется, что уголовное законодательство не предусматривает ответственности за названные явления, и в этом, дескать, корень зла. Приведу хотя бы два высказывания, опубликованных в массовых изданиях.

Маститый журналист: «...Есть у преступников свой «мозговой центр», который разрабатывает «дела», но привлечь его членов к ответственности нельзя, так как сами они на «дело» не ходят». Известный следователь: «...Перед нами коррупция. Что это такое? Это разложение власти, использование ее возможностей для личного обогащения. Но в уголовном кодексе нет такого понятия и нет

соответствующей статьи, которая бы карала за коррупцию. Недобросовестные лица это знают и пользуются».

Есть от чего за голову схватиться, не правда ли? Опаснейшие преступления, оказывается, даже не предусматриваются уголовным кодексом.

Только, слава богу, в действительности все не так. Хотите — можно числить приведенные высказывания по разряду «летающих тарелок». Но, думаю, это было бы поверхностным объяснением. За сенсационными обвинениями в адрес законодательства просматриваются, во-первых, попытки превратить закон в козла отпущения недостатков или провалов в практической деятельности по охране правопорядка и, во-вторых, добиться включения в закон норм, удобных для ведомств, облегчающих им жизнь. В какой мере «удобства» согласуются с охраной законных интересов граждан, режимом подлинной законности — это на первый план не выдвигается, остается в стороне... Но давайте разберемся.

Тот, кто разрабатывает планы преступлений, организует их совершение, руководит преступниками, признается законом (ст. 17 Основ уголовного законодательства) организатором преступления и несет уголовную ответственность за свою преступную деятельность безотносительно к тому, ходил ли он на «дело» или сидел в своем кабинете за тридевять земель. Это элементарное, общепризнанное положение уголовного права всех цивилизованных государств, в том числе и советского с самого начала его создания. Организатор преступного сообщества несет ответственность за все охватываемые его умыслом деяния соучастников. Таковы реалии. В жизни нет и не было дел, где бы выявленный член «мозгового центра» избежал ответственности только потому, что лично не ходил на «дело». Но зато нередко настоящие боссы преступного мира не привлекаются к ответственности то ли от того, что не раскрыто преступление, не сумели доказать вину, то ли руки оказались коротки у следователей.

Никак нельзя допустить, чтобы у граждан складывалось убеждение, будто есть законные препятствия для строгой уголовной ответственности «интеллектуальных» вдохновителей любого преступления, различных отечественных мафиози из преступных сообществ. Конечно, необходимые поправки в уголовное законодательство в части ответственности за участие в совершении преступлений организованными группами должны быть внесены. Но это вовсе не означает допустимости создания аморфных оснований ответственности за так называемую организацию преступных групп безотносительно к подготовке и совершению конкретных преступлений. Заметим, кстати, что, согласно закону, наступает ответственность и за приготовление к преступлению. А организация преступных групп таким приготовлением как раз и является.

Нужно, таким образом, очень осторожно подойти к «революционным» предложениям о создании юридического понятия организованной преступности, имея в виду, что чрезмерно широкие границы это-

го понятия, конечно, способны облегчить деятельность следователей, но таят грозную опасность объективного вменения.

Как ни странно, но даже юристы с высокими научными званиями ныне позволяют себе упрекать закон в том, что есть, оказывается, лица, которые, «не совершая и даже непосредственно не организуя конкретных преступлений, фактически остаются безнаказанными». Конечно есть, да иначе и быть не может! Гранитная опора фундамента уголовного права состоит в том, что тот, кто непосредственно не совершает преступления или иным образом не участвует в его совершении как организатор, подстрекатель или пособник именно конкретно преступления, уголовной ответственности не подлежит.

Теперь о коррупции. Коррупция — не понятие отдельного преступления, а явление, которое должно найти и находит свое выражение в конкретных деяниях, предусмотренных уголовным кодексом. В этом — суть проблемы. А нам пытаются доказать обратное, уверяя, что нет статьи, которая бы карала за коррупцию. Да есть такие статьи! Это статьи, предусматривающие ответственность и за взяточничество, и за хищение путем злоупотребления служебным положением, и за злоупотребление служебным положением без признаков хищения.

Перечисленные, как и многие другие статьи, образуют систему норм, предусматривающих строгую ответственность за коррупцию с учетом того, в чем она *конкретно выразилась*.

Попробуем, однако, принять иную точку зрения. Тогда закон надо формулировать так: коррупция, т.е. разложение власти, использование ее возможности для личного обогащения, наказывается... Но ведь при этом окажутся совершенно размытыми границы между различными по своей опасности преступлениями, возникнет «каучуковый» состав, легкий для доказывания и в тоже время вполне пригодный для произвола и исключения столь необходимой сегодня дифференциации ответственности.

Пристальное внимание привлекает сейчас вопрос об ответственности за спекуляцию. Да, дефицит товаров не уменьшается, и немало лиц наживается на скупке и перепродаже. А с другой стороны, торговля — это труд, которым никто не станет заниматься бесплатно. Можно ли по-прежнему исходить из того, что в наших условиях получение торговой прибыли составляет исключительную прерогативу государства?

Имеет, к примеру, дачный участок престарелая пенсионерка, выращивает там смородину. Ехать с ней на рынок не с руки: и тяжело, и не каждый к этому готов. А что если найдется бодрый пенсионер-отставник, который предложит бабушке купить у нее смородину по полтора рубля за килограмм с тем, чтобы продать на рынке за три? Спекулянт он, так как скупил и перепродал ягоды в целях наживы! Да только неясно, в чьих интересах считать его уголовным преступником. Смородина не сгнила, а попала на наш скудный пока еще стол, хозяйка получила за свои ягоды, а пенсионер-то тоже баклуши

не бил. Попробуй-ка доставь товар в целостности и сохранности на прилавок, постой целый день на рынке. Нелегкий это труд, который, конечно же, полезен обществу.

Давайте откровенно: в нашем представлении перекупщик — это наглый тип с откормленной физиономией и бессовестно наживающийся на скупке и перепродаже. Может быть, попытаться обернуть его бизнес на всеобщую пользу — пусть покупает и продает, получает доход, но доход по труду, облагаемый соответствующим налогом?

Я не ставлю своей задачей всесторонне обсудить в данной статье сложный вопрос об изменении закона об ответственности за спекуляцию. Сейчас речь о другом: с каких позиций к этому подойти. Выше изложен один из подходов, но высказывается и диаметрально противоположный.

Московское телевидение организовало передачу о борьбе со спекуляцией. Руководящий работник органов БХСС рассказывал, как с нею борются, а затем посетовал: задача трудная. Приходится в силу закона доказывать, что спекулянт только тот, кто скупил, а затем перепродал с целью наживы. А как упростить задачу? Надо, видите ли, поправить закон. В последние годы неоднократно вносились проекты законодательных актов об установлении уголовной ответственности за продажу товаров по ценам, превышающим государственные розничные цены.

Что же, логика с позиций ведомства просматривается. Разве действительно не легче привлекать к уголовной ответственности за факт продажи сверх розничной цены, чем устанавливать, имелось ли при покупке товаров намерение продать их с целью наживы? Бесспорно, легче и менее хлопотно. А чем, рассудим, обернется в жизни, казалось бы, незначительная поправка закона? Необходимостью признавать преступниками тысячи и тысячи людей, действующих в полном соответствии с нормами гражданского кодекса. Допустить это, естественно, нельзя. Тогда, выходит, надо принять профилактические меры. Какие? Ну прежде всего закрыть колхозные рынки (по магазинным ценам там ничего не продают), ликвидировать заготовительные организации потребкооперации (там опять-таки цены выше, чем стоят продукты в государственной торговле) и многое другое закрыть, ликвидировать, не допуская.

Задумал кто-либо продать, к примеру, бабушкины настенные часы. Пришел в комиссионный магазин. Там заглянули в прейскурант — сто рублей. Знакомый же заплатил сто пятьдесят, и сделка состоялась. По действующему закону все в норме: цена, если не предусмотрены исключения — они единичны, — определяется соглашением сторон. Прими мы предложение, прозвучавшее в эфире, и продавца часов надо посадить на скамью подсудимых.

Вот так-то и оборачивается скромное, на первый взгляд, предложение о возведении тех или иных поступков в ранг уголовного преступления. Подготовка суррогатов закона ведется с дальних подступов.

На мой взгляд, особенно опасны предложения (мягко говоря, не до конца продуманные) об изменениях закона, вносимые популярными и уважаемыми людьми, чьи громкие имена, однако, не гарантируют необходимого здесь уровня профессионализма.

Мне дороги дум высокие стремления поэта Е. Евтушенко. Но должен же государственный деятель, депутат Евтушенко с позиций дела, а не слова оценивать свои предложения об изменении Конституции, которые, будь они приняты, не могли бы не привести к хаосу и массовым необоснованным репрессиям. В речи на Первом съезде народных депутатов им предложен текст статьи Конституции, заметьте, именно текст, а не идея: «Оскорбление любого, даже самого малочисленного народа, неуважение к его языку, законам, культуре, экономике, обычаям, верованиям, волеизъявлению считать уголовно наказуемым оскорблением всех советских народов».

Оставим в стороне то ли несуразности, то ли оговорки: оскорбление и неуважение суть вещи разные и перечислять их как признаки единого преступления недопустимо — это ясно каждому. Но разве можно говорить об уголовной ответственности за *неуважение* и к языку, и культуре, и обычаям, и экономике, и верованиям? Непостижимо с общежитейских позиций, крайне опасный сумбур с позиций права!

Прежде всего, что такое неуважение, каково содержание этого понятия, его границы? Скажем, отказ от изучения языка коренной национальности — это неуважение? В одних случаях, возможно, да, в других — нет. Так что же, уголовная ответственность? А как можно не уважать экономику? Относится ли к числу неуважающих тот, кто не хочет покупать плохих дорогих вещей да при этом еще и громко возмущается дороговизной? Почему надо уважать любые верования? Какое имеет значение, уважает или не уважает культуру верующий или атеист? Праведный гнев вызвало слово «дискредитация», употребленное в пресловутой статье 11¹. А разве «неуважение» лучше, более точно определяет признаки деяния, которое следует считать преступлением?

Можно не сомневаться, что если бы было воплощено в жизнь предложение о введении уголовной ответственности за «неуважение», количество преступников, пожалуй, мало отличалось бы от количества законопослушных граждан.

Качество закона во многом определяется профессионализмом лиц, участвующих в процессе его создания. Законы затрагивают интересы миллионов людей, и, несомненно, общественное мнение является животворным источником совершенствования законодательства. Но ведь право — сложная область специальных знаний. И в этой области, как и всюду, есть насущная необходимость повышения уровня профессионализма. Убежден, что эта необходимость все еще недооценивается. Применительно к технике и естествознанию она ясна. Право же не огородилось частоклолом чертежей, графиков и сложных формул. Может быть, поэтому и не изжито мнение, что законодательств-

ование требует лишь здравого смысла, бумаги да чернил. Время перестройки высветило совершенно иной подход к делу. Анализ оснований для принятия закона, обеспечение его внутренней согласованности, чеканных формулировок и определений — все это непреложные требования к правотворчеству. Но и в наше время они нередко игнорируются, к сожалению, не только в ходе дискуссий, но и при создании норм права.

В 1986 г. обсуждался вопрос об ответственности лиц, самовольно использовавших в корыстных целях государственные транспортные средства, машины и механизмы. Как показал опыт, незаконное использование бульдозеров, подъемных кранов и других технических средств при строительстве личных домов приводило к тому, что в карманы дельцов уплывали значительные суммы. В мае 1986 г. был принят специальный закон, устанавливающий уголовную ответственность за указанные деяния после того, как виновные ранее подвергались административному взысканию. Но при этом не учли, что в уголовном законодательстве уже содержалась статья об ответственности за причинение материального ущерба государству путем обмана или злоупотребления, и речь могли идти лишь о внесении в эту статью соответствующих коррективов. В результате же создалась парадоксальная ситуация. Если, например, кто-либо, злоупотребив доверием нотариуса при оформлении сделки, недоплатит 20 рублей пошлины, то он в силу закона подлежит уголовной ответственности. А если, опять-таки злоупотребив доверием, нелегально использует подъемный кран, причинит ущерб в пять раз больше да притом и заработает круглую сумму — то лишь мерам административного взыскания.

Нарушение принципа системности правовых норм способно мстить и более злыми «шутками». Рассматривая квартирные кражи как одно из наиболее опасных посягательств на личную собственность граждан, законодатель справедливо повысил наказание за это преступление. Но при этом не принял во внимание, что тяжесть преступления — величина относительная. А каков результат? Если вор проникнет в квартиру и украдет детскую коляску, то он в силу закона может быть наказан более строго, чем если бы украл ребенка.

Вот она, судьба благих намерений совершенствовать закон, когда они не опираются на профессиональные оценки уже действующих правовых норм.

Качество закона должно обеспечиваться и порядком его принятия. Нельзя, в частности, игнорировать многовековой опыт широкого участия депутатов — юристов по профессии — в работе парламентов. Верховный Совет СССР — законодательный орган. Его правотворческая деятельность расширяется, требования к качеству законов растут, а профессиональных юристов в числе депутатов — единицы. Положение дел меняется к лучшему. До выборов на съезд народных депутатов и в Верховный Совет СССР в депутатском корпусе высших органов государственной власти не было следователей, ученых-юри-

стов, адвокатов, юрисконсультов. Сейчас они есть. В составе депутатов съезда народных депутатов СССР, избранных в 1989 г., 35 юристов по профессии. Будем считать, что это, так сказать, первая ласточка, которая, однако, весны не делает.

Проблема профессионального парламента пока остается нерешенной. Воспользуюсь данными, приведенными в выступлении на Первом съезде народных депутатов СССР депутатом В.И. Карасевым. Среди избранных депутатов от Украины 35 процентов рабочих, 21 — высших аппаратных работников, только 1,5 — экономистов и ни одного ученого в области государства, политики, права. «О каком профессионализме будет идти речь, — подчеркнул депутат Карасев, — если это соотношение сохранится?» По мнению же виднейшего ученого-экономиста и заместителя председателя Совета Министров СССР Л.И. Абалкина, «...все конкретные вопросы — и это было в первоначальном замысле политической реформы — может решать на профессиональном уровне только профессиональный парламента».

...Время учиться демократии стучится в двери залов, где рождаются законы.

Наказание: сила и бессилие

Предназначение закона не сводится к тому, чтобы преподать урок общественной морали, предупредить правонарушения. Закон в действии — это различные виды ответственности. Наиболее острая из них — уголовная. Наказание обращено на личность виновного и причиняет человеку лишения и страдания. Противоречия в жизни закона здесь особенно остры: сила наказания соседствует с его бессилием. Человек совершил преступление — украл, поднял руку на другого. Это всегда явление чрезвычайное. Даже многие годы, профессионально занимаясь изучением проблем преступности, не могу свыкнуться с представлениями о его обыденности. Чрезвычайный характер преступления вижу не только в высокой степени его общественной опасности, но и в наказании виновного, особенно лишением свободы. Вдумайтесь еще раз в привычные слова: *лишение свободы*, т.е. насильственное лишение одной из главных радостей быстротекущей жизни. Но дело к интересам индивидуума не сводится. Любое наказание, а лишение свободы прежде всего, ставит перед обществом не меньше проблем, чем способно решить.

Несколько лет тому назад мне пришлось на страницах «Известий» вести диалог о роли наказания с известным журналистом Ю. Феофановым.

— Говорят, будто самое большое количество краж, — вспомнил старую притчу Ю. Феофанов, — совершалось в толпе на лондонском Тайберне, когда вору рубили руку. Неужто жестокая кара не устрашает нормального человека?

Удерживает ли наказание — проблема кардинальная и отнюдь не абстрактно-теоретическая. Если признать, что центральная роль в предупреждении преступлений принадлежит строгому наказанию, то логичен вывод: следует максимально усилить меры наказания; именно это и должно решительным образом повлиять на снижение преступности. Опять-таки увеличивать размеры наказания в законе и не применять их на практике нельзя — законы должны неукоснительно исполняться. Но преступления, да и лица, их совершающие, различны, поэтому суровые наказания пригодны далеко не всегда. Вопросы, проклятые вопросы...

Они относятся к числу «вечных». Но особенно остро вспыхивают споры, когда намечаются глубокие изменения в уголовном законодательстве. В период всенародного обсуждения проекта Основ уголовного законодательства весной 1989 г. высказывались полярные суждения об усилении или смягчении санкций. Многие считали недопустимой отмену смертной казни за опасные хозяйственные и должностные преступления, снижение максимального срока лишения свободы до 10 лет и сохранения 15 лет лишь за единичные преступления, относимые к числу особо тяжких.

Так что же, «голуби» и «ястребы»? Не думаю. В защите от преступности заинтересованы все честные люди. Если уж и пытаться ввести какие-либо классификационные признаки, то, скорее, можно было бы говорить о верующих в исцеление социального недуга принципиально различными путями. Ведь даже при болезни один возлагает надежды на звуки шаманского бубна, другой — на луч лазера, направленный рукой опытного хирурга.

Общеизвестно, что критерием правильности наших суждений являются опыт, практика, реальные процессы, происходящие в жизни. Есть ли возможность использовать этот критерий для определения силы наказания в зависимости от его суровости? Да, такая возможность есть.

В сфере права исключена, разумеется, возможность эксперимента, связанного с отменой наказания для того, чтобы определить, какая будет при этом картина преступности. Но сошлюсь на любопытнейший достоверный факт. Во время второй мировой войны в одном из оккупированных Германией городов Западной Европы полиция бездействовала, а регистрация преступлений велась. И что же? Резко возросло число краж, в то время как число преступлений против личности осталось практически на прежнем уровне. О чем это говорит? Очевидно, о том, что преступление и наказание связаны не так жестко, как иногда кажется. Не возьму на себя смелость судить о глубинных мотивах поведения того или иного преступника в конкретных обстоятельствах. Но исходные начала наукой установлены: в основе законопослушного поведения лежат нравственные качества — честность, воспитанность, порядочность, а в основе поведения противоправного — их антиподы.

Отвлечемся, однако, от далеких от нас событий. Отечественный опыт содержит широкие возможности судить об эффективности строгих наказаний.

Практика применения уголовного законодательства убедительно свидетельствует, что сама по себе жестокость грозящего наказания преступлений не исключает. С 1947 г. в течение ряда лет действовали уголовные законы, каравшие даже за незначительные хищения государственного или общественного имущества лишением свободы на срок до 25 лет. К снижению хищений эта жесточайшая мера не привела. В 1962 г. было значительно повышено наказание за изнасилование. Наиболее опасные формы этого преступления влекли лишение свободы на срок от 8 до 15 лет либо смертную казнь. По прошествии нескольких лет мы убедились, что на динамике этих преступлений суровые меры не сказались. Наконец, в том же году была резко усилена тяжесть наказания за взяточничество, влекшего при отягчающих обстоятельствах даже возможность смертной казни. Опять-таки грозящая суровая кара возлагавшихся на нее надежд не оправдала.

А вот данные иного характера. С 1983 г. было отменено назначение лишения свободы за обман покупателей в торговых предприятиях, если это преступление совершалось без отягчающих обстоятельств. Роста же таких преступных деяний не зарегистрировано. Если, например, число осужденных за обмеривание и обвешивание в 1982 г. принять за 100%, то в 1983 г. оно составило 90,1, в 1984 г. — 92,1, а в 1985 г. — 85,6%.

Так что же, страх грозящего наказания от преступления не удерживает? В чем же тогда его предупредительная роль, не следует ли вообще отказаться от строгих мер наказания, якобы не влияющих на состояние преступности?

Речь вовсе не о том, что наказание не вносит своего весомого вклада в борьбу с преступностью. Выше говорилось о крайностях, применении жестоких наказаний под влиянием эмоций и предрассудков, а не трезвого анализа. На поведение человека влияют очень многие, часто неожиданные и непредсказуемые, как раньше говорили, «движения души». И сдерживающие начала очень неоднозначны. Человек, замысливающий преступление, уверяет себя, что уж кого-кого, а его-то не поймают. Но в подсознании все-таки маячит тюрьма, и следы тщательно заматаются.

А жестокое наказание обрушивается как лавина. Человек, наказанный несправедливо, не может уразуметь смысл тяжелейшей кары, сопоставить ее с содеянным. Поэтому он либо ожесточается, либо безропотно воспринимает судьбу. У него, как говорят психологи, возникает феномен «тернового венца». Может все это содействовать цели наказания — исправить оступившегося? Скорее, наоборот.

Те, кто выступают за гуманные наказания, вовсе не ратуют ни за либерализм в отношении к преступнику, ни тем более за безнаказанность. Их кредо — справедливость наказания, соразмерность его ви-

не, учет той простой истины, что за решеткой — человек, который, искупив вину, должен вернуться в общество.

Противники гуманизации наказания часто прибегают к своему излюбленному «железному аргументу»: применяя гуманные меры наказания, мы, дескать, негуманны к потерпевшему, обществу в целом. Но как же понимать в этой ситуации гуманизм по отношению к «другой стороне»? Если свести его на уровень эмоций, неудовлетворенного чувства мести, когда кажется, что наглого вора и четвертовать мало, то конечно... Однако при подходе к вопросу с позиций глубоких, а не сиюминутных интересов картина меняется.

Пусть не покажется парадоксом утверждение: гуманизм наказания практичен. Как ни рассудочно и ни противоестественно звучит это слово применительно к человеколюбию, повторю еще раз: *практичен*.

Современная структура преступности, данные, характеризующие контингент опасных преступников, особенно рецидивистов, не оставляют сомнений в необходимости сохранения лишения свободы. Сидящие за стенами и решетками преступники лишены физической возможности совершать злодеяния, что само по себе уже составляет социальную ценность. Однако, рассматривая применение лишения свободы как одну из необходимых мер борьбы с преступностью, нельзя абстрагироваться от всей совокупности социальных аспектов и последствий этого применения — позитивных и негативных, иначе говоря, результатов использования лишения свободы.

Есть такое понятие — удельный вес лишения свободы. Это доля тех (среди всех осужденных), кто приговорен к лишению свободы и направлен в исправительно-трудовые колонии или тюрьмы. Так вот, удельный вес лишения свободы в 1986 — 1987 гг. сократился по сравнению с началом 80-х гг. приблизительно на одну треть. Прикиньте хотя бы значение времени в «человеко-годах», проведенных в результате смягчения практики судов не за колючей проволокой, памятуя при этом, что даже в 1987 г., например, только за хищения социалистического имущества, кражи личного имущества и хулиганство было осуждено 333 тысячи человек. Анализ судебной статистики показывает, что за годы перестройки «экономили» в сфере направления в места лишения свободы около полумиллиона человек. Так ведь это население крупного современного города!

Конечно, некоторая часть преступников, к которым суд не применил лишения свободы, оказанного доверия не оправдывает. Но эта часть крайне невелика. Например, рецидив среди лиц, осужденных с отсрочкой исполнения приговора, составляет, по данным выборочных исследований, около 10%. В то же время рецидив среди лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений, по тем же данным, приблизительно в два-три раза выше. Таким образом, подавляющее большинство тех, кто мог бы оказаться «за колючкой», стали, как говорят, на путь истинный — кормили себя и свои семьи, приносили пользу своим трудом.

Мы не вправе сбрасывать со счета, как это бывало, что лишение свободы связано с губительными издержками в социальной политике. Эти издержки оборачиваются утратой реального вклада, вносимого каждым свободным гражданином в укрепление общества. Исключением реальной возможности для лишенных свободы участвовать, скажем, в воспитании детей влечет не только безотцовщину и детскую безнадзорность, но и порождает новую преступность. А утраты здоровья и профессиональных навыков в местах лишения свободы? А трудности, связанные с возвращением к нормальной трудовой жизни после «отсидки»? Не будем обольщаться и по поводу «перевоспитания». Если уж случилось то, что вся наша многогранная деятельность по воспитанию человека дала сбой, то не следует ожидать, что каждый расхититель народного добра вернется из мест лишения свободы ревнителем охраны социалистической собственности, а каждый насильник — добрым отцом семейства. При нынешних нравах и порядках, царящих во многих исправительно-трудовых учреждениях, дай-то бог, чтобы вышедший «оттуда» оказался не хуже того, каким он «туда» попал.

Вот почему требование закона — назначать лишение свободы только тогда, когда применение более мягкого наказания уже невозможно, охраняет интересы отнюдь не только виновного, но и интересы всего общества.

Есть еще одна сторона вопроса, связанная с размерами наказаний в зависимости от силы их воздействия на различных этапах социального развития.

Любое принуждение, применяемое к человеку, ограничение его желаний, свободы поступков и т.д. может восприниматься или не восприниматься в качестве наказания, понимаемого в широком, а не только специфически юридическом значении этого понятия. Ограничение, например, возможности жить в данном городе или заниматься избранной любимой профессией — достаточно ощутимое наказание для одного и малозначительное, подчас безразличное событие для другого. Определение силы воздействия той или иной меры наказания связано не только с объективной, так сказать, усредненной оценкой общественным мнением тяжести этой меры, но и в значительной степени с субъективным восприятием, глубиной и интенсивностью переживания.

Люди, приговоренные к одному и тому же виду и сроку наказания, воспринимают его различно, в зависимости от своих личностных свойств. Наиболее мягкое наказание может рассматриваться одним осужденным как фактическое освобождение от наказания, а другим, напротив, как реальное, весьма ощутимое наказание, сказывающееся на его престиже, роняющее его авторитет в определенной микросоциальной группе. Наказание в виде одного года лишения свободы способно причинить совершенно различное по своей степени страдание рецидивисту, неоднократно находившемуся в местах лишения свободы, и лицу, впервые совершившему преступление. Такого рода «не-

равенство», корректируемое в уголовном праве на основе принципа индивидуализации наказания, является атрибутивным признаком права как единой меры, которая применяется к различным людям. Но социальные условия применения наказания оказывают глубокое и разностороннее воздействие на его содержание, характер и объем карательного воздействия, интенсивность которого связана с рядом обстоятельств, влияющих на глубину переживания наказания, а следовательно, его тяжесть. Степень кары, выраженная в одних и тех же лишениях или ограничениях, неодинакова, когда она причиняется преступнику в различных социальных условиях назначения и исполнения наказания.

Когда же сравнительно более остро воспринимаются такие ограничения: в настоящее время или ранее, при более низком материальном и духовном уровне жизни? Обоснованно исходить из того, что чем более значителен разрыв между теми условиями жизни, в которых находился человек, и теми, в каких ему приходится находиться при отбывании наказания, тем глубже, острее переживаются им лишения и ограничения. В современных условиях и в перспективе сравнительно мягкие наказания способны компенсировать применение более жестких и обеспечить достижение цели исправления виновных.

«Экономия репрессии» — один из принципов нового уголовного законодательства — базируется, таким образом, на научном познании реальных процессов действительности.

В заключение — о силе наказания и злобе дня. Издавна существует расхожее мнение, а может быть, и уверенность, что наказание должно быть тем жестче, чем более распространены преступные проявления. Поэтому при всплеске преступности прежде всего приходит в голову мысль использовать наказание, как говорится, в полную силу. В какой же мере пригодно здесь то, что вроде бы очевидно и диктуется здравым смыслом?

Наука и опыт практики убеждают: нельзя говорить о коррелятивной зависимости по принципу прямой пропорции — чем хуже соответствующие показатели преступности, тем строже линия наказания. Проблема соотношения показателей преступности и линии по использованию наказания не может быть решена лишь в рамках этих двух понятий без обращения к *причинам* изменений в характере преступности. Ориентация на смягчение или усиление наказания при благоприятных или неблагоприятных показателях преступности должна зависеть не от факта существования этих показателей, а от их причин, оценки количественных изменений не изолированно, а в системе.

Если ориентироваться в рассматриваемом вопросе только на факт благоприятных или неблагоприятных показателей, можно допустить серьезную ошибку. Ведь очевидно, что структурные изменения в преступности могут быть следствием различных причин, далеких от сферы наказания, и, допустим, усиление жестокости судебной репрессии

не только не приведет, но и *неспособно* привести к желаемому результату.

Так, неблагоприятные изменения в структуре преступности, возрастание доли опасных преступлений могут произойти за счет сокращения латентной преступности, улучшения работы по раскрываемости преступлений. Реакция на ухудшение показателей путем ужесточения карательной практики была бы здесь неоправданной и не достигла бы цели.

Заметим, что в криминологии под распространенностью отдельных видов преступлений и преступности в целом понимается относительная величина, выражающая их связь с другими явлениями. Причем распространенность обнаруживает определенную независимость количественных характеристик преступности от ее качественных характеристик. Поскольку же институт наказания связан с качественными свойствами, его использование зависит от обстоятельств, обуславливающих их содержательную сторону.

Если, например, мужчины совершают в 50 раз чаще, чем женщины, разбой, в 30 раз — умышленные тяжкие повреждения, более чем в два раза реже, чем женщины, — обман покупателей, в полтора раза реже — спекуляцию, то это не может служить основанием для разной линии применения наказания в зависимости от пола виновных. Если же распространенность преступлений выражается, например, в хищениях в районе стихийного бедствия, то положение меняется, ибо здесь налицо уже качественно иная характеристика распространенности, которая влияет на общественную опасность деяния и личность виновного.

Таким образом, распространенность, частота преступлений обладают различными качественными характеристиками, вызываются различными причинами. И лишь в случае, если наказание способно воздействовать на эти причины, нет оснований отказываться от совершенствования практики его применения для решения задачи повышения эффективности борьбы с преступностью. Означает ли это допустимость отступления от принципа справедливости наказания? Конечно, нет. Справедливость наказания означает, в частности, полный учет всех обстоятельств совершения преступления, среди которых не последнее место занимает общественная опасность деяния, неразрывно связанная с оценкой конкретных условий места, времени, способа его совершения.

Право, пресса, власть

Авторитарному режиму, тиранической власти противопоставлены в равной мере как независимость права, так и свобода печати. И то, и другое власть стремится подчинить себе, подкупить, поставить на службу собственным интересам.

Это может делаться грубо-откровенно, как это делал, например, Сталин, предлагая в 1930 г. «отложить законы» об аренде земли, поскольку они мешали коллективизации, а по отношению к прессе подслащивая пилюлю и объявляя печать «самым сильным, самым острым оружием нашей партии» и низводя ее при этом до рабского уровня. Н.С. Хрущев, наоборот, льстил праву — восстанавливал «ленинские» принципы законности, но тут же беззастенчиво их нарушал, а журналистов оскорбил, назвав «подручными партии», поскольку, как он выразился, они «всегда под рукой».

Режимам демократическим или либеральным с правом приходится заигрывать более тонко. Для подтверждения сошлюсь на Маркса. «Свобода личности, печати, слова, союзов, собраний, преподавания, совести и т.д., — писал он, имея в виду завоевания революции 1848 г. во Франции, — были облачены в конституционный мундир, делавший их неуязвимыми. Каждая из этих свобод провозглашается *безусловным* правом французского гражданина, но с неизменной оговоркой, что она безгранична лишь в той мере, в какой ее не ограничивают «равные права других и общественная безопасность» или «законы», которые именно и должны опосредствовать эту гармонию индивидуальных свобод друг с другом и с общественной безопасностью... В дальнейшем эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия со стороны равных прав других классов. Там, где она совершенно отказала в этих свободах «другим» или позволила ими пользоваться при условиях, каждое из которых было полицейской ловушкой, это делалось всегда только в интересах «общественной безопасности», т.е. безопасности буржуазии...» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 131—132].

Понимаю, что обильное цитирование, да еще в наше отвергающее авторитеты время, не очень модно. Но, во-первых, на то он и классик, чтоб его цитировать, а во-вторых, лучше классика не скажешь, но

главное, конечно, не в этом. Свидетель и анализатор совсем другой эпохи, великий ученый не просто показал конституционные уловки французской буржуазии с ее игрой «в свободу». Маркс, как мне кажется, очень точно подметил *природу власти вообще*. Подставьте на место «буржуазия» нашу «командно-административную систему» — и все уляжется один к одному. Наши «друзья порядка» точно так же отказывают в свободах «другим» или позволяют ими «пользоваться при условиях». Сколь много пишем и говорим мы сейчас о том, как исполнительная власть корректирует под видом дополнений, уточнений и других усовершенствований законы страны и самое Конституцию! Встреченный с большим одобрением закон о кооперации урезывается и искажается правительственными постановлениями; закон о порядке проведения митингов и демонстраций расширительно, очевидно, в интересах «общественной безопасности», толкует Верховный суд СССР, приравнивая к демонстрации пикет; еще нет полноценного закона об аренде, а ведомства наготове — уже считают доходы в карманах будущих фермеров и думают, как бы последних обобрать.

Пустое дело обрушивать громы и молнии на чиновников аппарата, на интересы министров или местных Советов. Все это, конечно, имеет место. Но, наверно, дело не так просто. Если проанализировать историю взаимоотношений демократии и власти, мы найдем наше сходство не только с Францией после 1848 г. Любое государство, тираническое или демократическое, не может существовать без закона: вопрос лишь в том, подчиняется оно само этим законам или же делает их обязательными лишь для подданных. И демократические режимы не обходятся без того, чтобы правительство не стремилось встать над народом. Это в природе власти. Но все дело в том, насколько народ, народное представительство оказывается способным противостоять этим стремлениям и сохранять свой суверенитет над государством.

И тут в наше время колоссальнейшее влияние приобретает пресса. Мы со школьной скамьи помним, как делалась наша революция: взять Зимний, это само собой, *захватить почту и телеграф* — вот первоочередная цель большевиков. Сейчас бы, очевидно, целью было овладеть средствами массовой информации. Самый откровенно деспотический режим не удержится без опоры на общественное мнение. А его формирует прежде всего пресса. Вспомним сталинские времена — без мощной поддержки «самого сильного и самого острого оружия» вряд ли в глазах народа были бы оправданы кровавые беззакония, да и сам народ не был бы настроен против «врагов народа». Обратимся к брежневским застойным временам. С какой последовательностью и изощренностью аппарат Суслова приспособлял на свои потребности печать, радио и телевидение. Многие из ныне пишущих были тому свидетелями и, к стыду своему, участниками прямо-таки героических кампаний по перекрашиванию черного в белое. Мы, увы, делали то, о чем пророчествовали классики. И не могу не сослаться на то, что говорили они о подцензурной печати. «Демо-

рализующим образом действует подцензурная печать. Величайший порок, лицемерие неотделимы от нее... Правительство слышит только свой собственный голос, оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно укрепляет себя в самообмане, что оно слышит голос народа, и требует также от народа, чтобы он утвердился в этом самообмане. Народ же либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, отвращаясь совершенно от государственной жизни, превращается в обывательскую чернь» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 174, изд. 1928 г.].

Наше правительство едва ли не с первых дней своего властвования «укрепляло себя в самообмане». В силу разных причин, вначале, возможно, и объективных, оно резко ограничило свободу печати. И стало слышать только свой собственный голос. Шло время. Относительная демократизация жизни в период НЭПа, деспотия 30-х годов, военные годы, хрущевские времена, брежневские — по-разному, но всегда одно и то же: восхваление либо порицание того, на что укажут «инстанции», «директивные органы». Власть хотела слышать приятное — и это слышала. А страна катилась в пропасть. Экономика разрушалась под фанфары соцсоревнования; право приобретало видимость под лозунгом дальнейшего укрепления социалистической законности; нравственность растлевали, провозглашая фикции коммунистической морали.

Перестройка все изменила. Вернее, перемешала. Правительство, пожалуй, впервые за всю нашу историю, а быть может, за всю российскую историю, захотело услышать правдивый голос о себе. Может, так утверждать рискованно: «захотело». Вынуждено было, но это не меняет дела. Факт остается фактом: прессе позволили «все». Да, позволили сверху. Особенность нашей перестройки вообще в том и состоит, что «низы» вполне довольствовались жизнью «по-старому». По крайней мере, весной 1985 г. в массах не происходило никаких освободительных движений. Жили плохо и бедно, безгласно и бесправно, но притерпелись, приспособились — «экономика» заключалась в том, «где бы чего достать», «свобода слова» — в анекдотах, «право» — в поисках авторитетного телефона.

Сверху увидели, что так дальше жить нельзя. Ни самим верхам, ни низам. Правящая партия, обладающая абсолютной властью, не знающая никакого видимого сопротивления, пошла на революцию сверху. Если в экономике говорить о революции пока слишком смело, то в общественно-государственной жизни можно утверждать, что произошли поистине революционные преобразования. Что же касается гласности, то мир ей удивился, не знаю уж, насколько искренне, но удивился.

Да, прессе позволили «все», сказали, правда изрядно лукавая, что нет зон, закрытых для критики. Зоны, понятно, остались. И все-таки можно смело утверждать: нынешняя наша пресса отнюдь не льстит ни партии, ни правительству, ни самому народу. Можно спорить, что у нас: свобода слова или гласность; можно гадать: исключен возврат к

старому или нет. Но вряд ли кто-нибудь рискнет бросить упрек средствам массовой информации, что они — подручные власти. Бросают иные упреки: подрывают устои, раскачивают лодку, мешают перестройке и т.д. и т.п.

Хорошо, и пусть нам позволили. Но как мы этим воспользовались? Вся пресса, конечно, за демократию, она не устает повторять, что демократия невозможна без законности, не покоящаяся на праве, она неизбежно скатится к анархии. Личные авторитеты перестали для прессы существовать, «неприкасаемые» фамилии называются где робко, а где и без всяких стеснений.

Хотя сама же пресса призывает самое себя к объективности, доказательности, правде, она, увы, не выдерживает ни демократического уровня, ни уважения к достоинству человека. Если раньше, в застойную эпоху, средства массовой информации приспосабливались к диктату, стараясь все же не потерять лица, сохранить достоинство, не совсем уж лгать, — и это отчасти удавалось, — то теперь прессе приходится учиться жить в условиях свободы. А это, быть может, более трудная наука, чем выражение мыслей между строк. Когда можно «все», то теряешься: а что же нужно?

Истинно демократическое общество может быть только правовым, в противном случае демократия подменяется оклократией, за коей неизбежно следует тирания. История этот путь проверила основательно. Но тогда значит — бороться за демократию равносильно укреплению государства и права? Нет ли тут непримиримого противоречия в позиции прессы? Мы в период перестройки обрушили лавину критики на государственный бюрократизм. Но, выжигая глаголом командно-административную систему, пресса невольно подрывает в глазах людей авторитет государства и права как таковых. Ибо через государство и его законы административная система действует. Противоречие есть. Но только в том случае, если пресса скользит по поверхности явлений, не вникая в их суть.

Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что прошедшая избирательная кампания была необычной и непривычной, не виданной и неведомой. Демократические начала реально утвердились в нашей жизни, но и противодействие этому процессу было достаточно сильным. Приведу лишь один эпизод из сотен, если не тысяч, коими избобиловала предвыборная борьба во всех регионах огромной страны. Эпизод этот был описан и оценен прессой.

19 марта в столичном парке культуры и отдыха должен был состояться митинг в поддержку кандидата в депутаты Б.Н. Ельцина. Горисполком дал согласие, а когда народ стал собираться, было объявлено, что митинг запрещен. Народ (или толпа?) двинулся к Моссовету «выяснить отношения». Исполком на ходу, что называется, пересмотрел свое решение: разрешил митинг. Как не трудно догадаться, собравшиеся на митинг были возбуждены и возмущены. И сама-то «тема» митинга — Ельцин — в то время была достаточно остра, а тут еще городские власти в который раз себя скомпрометировали непос-

ледовательностью и неуважением к людям. Все в общем-то обошлось благополучно, но могло быть и хуже. Однако в газетах «народу» (или толпе?) были брошены упреки, дескать, могли бы вести себя поспокойнее. Но как себя вести, если, мягко скажем, возбуждение было спровоцировано властями? Спровоцировано, по всей вероятности, невольно. Но разве от этого легче? Упреки участникам митинга были слабенькими, скорее «дежурными», чтобы уравновесить оценки, как мы это наловчились делать: «с одной стороны... с другой стороны». Московская публика встретила этот абзац в небольшой заметке вполне равнодушно, едва ли его заметила.

Но ведь точно такой же упрек «толпе» в Нагорном Карабахе, Фергане, Баку и Тбилиси может иметь и имел взрывную силу. Одна не вполне взвешенная фраза в корреспонденциях из Закавказья вызвала бурю возмущенных откликов. Причины конфликтов обычно глубоки, разнохарактерны, историчны. А печать или радио-телевидение тотчас все «объясняют» — «хулиганствующие элементы», «экстремисты», «безответственные группы молодежи». Все это, наверно, есть. Но подобные «объяснения», конечно, возмущают. Я не хочу здесь анализировать освещение прессой межнациональных конфликтов. Подчеркну лишь одно: написанное с самыми добрыми намерениями, но не проникнутое, я бы сказал, правовой ответственностью, слово журналиста может вызвать взрыв — что встречается в общем-то не часто; чаще это слово исподволь разъедает правосознание.

На редакционной планерке при обсуждении номера дискуссии вызвала корреспонденция, написанная в защиту человека. Содержание ее было таким. Председатель колхоза незаконно — подчеркну: *незаконно* — отрезал часть приусадебного участка у одной старой женщины. Автор корреспонденции, остро критикуя председателя, приводил, казалось, более чем убедительные аргументы.

В самом деле. Эта женщина полвека проработала в поле и на ферме. Ее покойный муж был одним из организаторов колхоза. Старший сын погиб на войне, другой был ударником коммунистического труда на Крайнем Севере, дочь получила степень кандидата наук, жила с семьей далеко от матери. У самой этой женщины были бесчисленные грамоты за самоотверженную работу, о ней в свое время писала районная газета как о «маяке» и даже поместила портрет.

«И вот у такого человека, — восклицал автор, — бюрократ-председатель осмелился отрезать вопреки закону часть приусадебного участка!»

Убедительно, не правда ли? Однако один из членов редколлегии неожиданно сказал:

— Корреспонденцию печатать нельзя, она ничего, кроме вреда, не принесет.

— То есть... — не понял присутствующий при обсуждении автор.

— Все очень просто. Если председатель *незаконно* обрезал участок, то при чем тут заслуги этой женщины? Ее дети и их общественное лицо?

— Но если у *такого* человека...

— Вот именно! В этом-то и весь вред. Представим себе, что эта женщина плохо работала в колхозе, а муж был горьким пьяницей; сын служил у власовцев, другой совершил преступление, а дочь пошла по плохой дороге. Скажите, при таких бы условиях незаконные действия председателя были бы оправданны?

Это заявление несколько смутило участников обсуждения. Они сразу же уловили справедливость контраргумента. Но и, как сказал кто-то, его шаткость...

— Правильно, закон есть закон. Представьте, однако, что мы бы напечатали корреспонденцию «с мужем-пьяницей и сыном-власовцем». Народ бы нас не понял...

— Конечно, многие бы не поняли, поступили бы десятки, если не сотни возмущенных писем: кого берете под защиту! Но мы бы внесли свою лепту в утверждение трудной истины: перед законом все равны. Негодного человека не надо помещать на Доску почета, но нельзя ущемлять его гражданские права. В нынешнем варианте статьи мы будем утверждать нечто противоположное: от беззаконий и произвола надо защищать лишь заслуженных, уважаемых, как в старину говорили, «лучших» людей. Это прямо не сказано, но аргументация западает в сознание или в подсознание и невольно искажает правосознание, и так-то не очень высокое.

Спор этот был давно, еще в застойные времена, когда термин «правовое государство» никак не соотносился с понятием социалистического государства. Да его вообще не было в обиходе, этого столь популярного сейчас термина. «Правовое государство», равно как «плюрализм мнений» присутствуют теперь в каждом номере газеты, в теле- и радиопередачах, в речах, раздающихся с высоких трибун. Увы, очень часто это не более чем модные слова, нечто вроде заверения в лояльности к процессам перестройки; так сказать, дань времени. Ибо, сказав ритуальные слова о праве, плюрализме, приоритете общечеловеческого над классовым, вечного над злобой дня, мы тут же опровергаем все это, когда дело касается не лозунгов, а реалий действительности. Происходит это, думаю, не потому, что журналисты держат нос по ветру, сегодня говорят одно, завтра — другое. Тут дело в отношениях между правом и прессой вообще.

Они, эти отношения, противоречивы изначально. Было бы неверным требовать у автора статьи в защиту старой женщины убрать моральные аргументы. Это просто было бы несправедливо. Но ведь и оппонент был логичен. Выход один: защищать от произвола как «хороших» граждан, так и «плохих», ибо произвол по отношению к «плохому» обязательно наберет силу и рано или поздно ударит по «хорошему». Это все у нас было.

Право, если это подлинное право, а не изменчивая, легко подлаживающаяся под злобу дня «социалистическая законность», консервативно по своей природе. Оно в основе своей покоится на некоторых принципах, которые не могут, не должны меняться в зависимости от

веяний времени, мнений общественности или редакционных кампаний и заданий. Вина и ответственность, презумпция невиновности, гражданские права, независимость суда и право предстать перед таковым судом, состязательность процесса, неприкосновенность личности — все это «вечное». Да, мы знаем, что история — это сплошной ряд нарушений этих незыблемых принципов. Чаще всего это нарушения со стороны практики, но история знает и глобальные теоретические отходы от краеугольных камней права: от обоснования инквизиции до оправдания «законности» Сталина—Вышинского. И при всем при том общечеловеческое и вечное не исчезло из права до конца. Мрачные эпохи «оправданных беззаконий» уходили в небытие, и право вступало в силу. Если бы это не было так, человечество вряд ли выжило бы. К тому же самый прочный тиранический режим, режим без права, обречен на гниение и распад.

Пресса живет злобой дня, новостью, сенсацией, чутким улавливанием изменений в общественном мнении. У журналиста тоже есть вечный постулат: говорить правду. Но, согласитесь, это слишком крупный «краеугольный камень». У прессы, мне думается, нет и быть не может стройной системы правил поведения, устоявшихся процедур, подобных тем, что обязательны, например, для суда. Закон о печати, который все еще не принят, не сможет быть равным процессуальному кодексу.

Закон способен установить ответственность прессы в целом и журналиста в частности за нарушение прав гражданина или конституционных интересов государства. Но закон не может предписать, что писать и как писать. Это, верно, пытаются (и не без успеха) делать инстанции и цензура. Но если жесткие рамки служат ко благу правосудия, гарантируют его справедливость, то те же рамки способны убить прессу. Между тем государство и его право хотят поставить такие рамки. В какой-то мере они необходимы. Но в какой?

Мы уже указали, взяв в союзники высокий авторитет, что значит для общества и правительства подцензурная печать. Но кроме авторитарных запретов и рамок существует то, что называется «внутренним цензором». Во времена, когда сбрасываются официальные цензурные цепи, снимается узда директивных запретов, этот «цензор», имя которому *ответственность* за печатное слово или слово, произнесенное из радио- и телецентра, должен быть особо бдительным. Тут всегда есть опасность с низвержением былых кумиров подорвать и морально-правовой фундамент общества. Я имею в виду отнюдь не резкость выступлений, не призываю к «умеренности и аккуратности». В случае с защитой старой женщины вопрос о смелости журналиста не стоял. Стоял вопрос о предвидении отдаленных последствий.

Не хочу сказать, что автор корреспонденции, искренне хотевший защитить старую колхозницу, сознательно принижал право. Нет, конечно, он хотел сделать как лучше. Он, как и все мы или многие из нас, просто имел те представления о праве и правах личности, которые долгие годы нам внушались. В право никто не ве-

рил, ибо права как такового не было. Была «социалистическая законность» — термин, коим обозначалось что угодно, но не право гражданина быть автономной и неприкосновенной личностью, равной перед лицом закона самому государству. Отсюда и масса ненужных, в сущности, аргументов для защиты человека от произвола власть имущих: прошлые заслуги, моральный облик, чувство жалости и т.д. Все, кроме единственно в данном случае значимого аргумента: плохой гражданин или хороший, но законом ему предоставлены определенные права, неотъемлемые и незабываемые, и всякое должностное лицо, покушающееся на эти права, подлежит ответственности по закону. Именно забвение этой гражданской истины до сих пор сказывается в недовольстве инстанций публикациями в защиту человека — «того ли вы защищаете?». Не нарушенное право волнует начальствующие инстанции, а моральные оценки человека: стахановца, ударника, передовика защищать куда ни шло, но, не дай бог, что-то негативное было в биографии — такой гражданин вроде бы раз и навсегда лишен законных прав.

Такой подход как искажал оценку выступлений печати, вносил сумятицу в правосознание людей, так и деформировал роль самой прессы. Это, видимо, есть следствие того, что как чиновник и «рядовой гражданин», так и публицист, вступающий за права человека, не приемлют мысль о равенстве гражданина и государства как субъектов права.

Обожествление государства имеет глубокие исторические корни. Так уж сложилась судьба России, что и внешние обстоятельства (иноземное татаро-монгольское иго и освобождение от него лишь благодаря сильной власти московского князя), и внутренняя жизнь нации (византийская ветвь христианства, обожествлявшая власть государя) не давали утвердиться демократическим росткам. Народы Западной Европы не знали чужеземного ига, католическая церковь соперничала с монархами, крепостное право ушло в небытие тогда, когда в России только началось его становление; города получили самоуправление еще в средние века. Это очень конспективный взгляд на историю, но, думаю, читатель достаточно хорошо знает, как складывались судьбы народов нашей Родины и стран Запада. В Англии парламент возник в XIII в., примерно тогда же — суд присяжных, в России же лишь в конце XVIII в. при Екатерине II высшие сословия узнали слово «гражданин», а до этого и князь и боярин считали себя рабами, холопами царя.

Ни о каком праве гражданина перед государством не могло быть и речи. Лишь сравнительно короткое время после отмены крепостного права и иных реформ послениколаевской России дали народу полусвободу. Октябрь 1917-го, казалось бы, разбил цепи рабства. Но что произошло потом, слишком хорошо известно.

Екатерина II, как известно, задумала отмену крепостного права, но на деле оно достигло при ней полного расцвета и самых изощренных форм. Эта государыня положила начало и «свободной печати». В

своем журнале «Всякая всячина» она даже пикировалась со свободными изданиями того же Новикова, например. Кончилось же все это тюрьмой и для Новикова и для Радищева, искренне поверивших, будто игра в демократию ведется всерьез.

При Советской власти в ее первые годы предпринимались попытки утвердить право, хотя бы в рамках «революционной законности». То есть исключить прямой произвол карательных органов. Но и в начале 20-х годов речи не было о правовом государстве, о праве, стоящем над политической системой, над партией. Печать получила какую-то долю самостоятельности. Но она работала в русле партийных директив. Критикуя более или менее свободно отдельные извращения работы госорганов и партийных инстанций, она и помыслить не могла о критике системы, об утверждении права человека самому ставить над собой правительственную власть, ему подотчетную. Скорее наоборот, пресса еще тогда начала утверждать безоговорочный авторитет вождей, безусловную правоту всегда и во всем «партии и правительства».

Такое положение и права, и прессы существовало до установления абсолютного господства Сталина, точнее, вместе с установлением его диктатуры, оно мало изменилось и после смерти «великого вождя» и освобождения общества от оков культа личности.

Хрущевская оттепель очень многое значила для нашего общества. Тогда были заложены основы свободомыслия, тогда же возникли силы сопротивления духовной диктатуре. Но ни право, ни гласность не утвердились в жизни. Была видимость восстановления законности. Иллюзорной оказалась и свобода слова. В прессе тогда все же появилась правовая тема: в начале 60-х годов в газетах обсуждались проекты законов, ставились нерешенные юридические вопросы, началось правовое просвещение населения. Это уже было кое-что. По крайней мере, людям хоть сказали, что существуют законы, которые далеко не всегда справедливы. Напомнили, что в государстве существует суд, который имеет задачу не только отправлять людей за решетку, но и защищать их права. Правда, люди не очень-то в это поверили. Судебные очерки, конечно, читались с большим интересом. «Юридические консультации» вырезались из газет. Поток писем с вопросами о том, как осуществить то или иное право, нарастал. Небольшая публикация в «Известиях» о правах покупателя в магазине вызвала такую почту, будто газета сообщила о высадке марсиан. Это было словно выход из темной берлоги на свет божий. И было это совсем недавно, три десятка лет назад.

Возможно, я несколько сгустил краски, говоря о правовом неведении людей? Вполне это допускаю, ибо сужу по личным впечатлениям. Именно тогда как журналист я «переключился» на правовую тематику, и мое восприятие всего в те годы происходящего одностороннее, необъективное. И все же, полагаю, я не очень далек от истины. Но тогда понял я и другое: в каких причудливых взаимоотношениях находятся боевитость печатного органа и его задача утверждать пра-

вовое начало в сознании людей. Эти взаимоотношения бывают такими, что даже самые благие намерения пропагандистов права наносят ущерб идее права.

Тридцать лет назад главным редактором «Известий» был назначен Алексей Иванович Аджубей. Тогда этой газете было позволено больше, чем другим: все же во главе ее стал зять руководителя партии и правительства. Талантливый журналист, непревзойденный редактор, Алексей Иванович поставил задачу: ни одного номера без публикации в защиту человека от бюрократизма и произвола. Тогда, кстати, в «Известиях» заняли свое место правовая статья, судебный очерк, морально-этическая корреспонденция с криминальным уклоном, юридическая консультация.

Мне тоже тогда посчастливилось довольно часто выступать с подобного рода материалами. Естественно, хлынул ответный поток писем и посетителей, значительную часть которых составляли жалобы и жалобщики. По мере возможностей я и мои коллеги старались помочь людям, выезжали в командировки, вели собственные расследования, добивались справедливости. Иногда это удавалось. После острых публикаций пересматривались приговоры судов, решались квартирные вопросы, пенсионные дела, пресекалась волокита и т.д. И все было претотлично. Журналист, после выступления которого торжествовало добро, с полным основанием гордился собой.

Но однажды мне в голову пришла парадоксальная мысль: чем большее число граждан берет под защиту газета, чем чаще вскрывает она случаи беззаконий, тем интенсивнее... подрывает законность и правопорядок, во всяком случае, веру в них.

Все чаще происходили такого рода диалоги с посетителями:

— Вам надо бы обратиться к прокурору (к адвокату, в суд), — говорил я или мой коллега, — газета просто не в силах взять на себя все подобные дела.

— Нет, нет, — умоляюще смотрит гражданин, — если газета не поможет, то — все...

— Но почему? Ведь это дело чисто юридическое, суд рассмотрит, вынесет решение, которое станет законом по данному делу.

— Что он там рассмотрит! Вы же вот, — протягивает номер газеты, — сами пишете, как он рассматривает...

Такие диалоги возникали все чаще и чаще. А газета брала под защиту людей все реже и реже. Потому, во-первых, что наступили застойные времена, когда острые критические выступления не поощрялись, а то и просто запрещались; а во-вторых, даже когда «можно все», газета не в силах заменить правоохранительный механизм. Однако надежды граждан на силу прессы не уменьшились, лишь видоизменились; теперь просили: пошлите мою жалобу в прокуратуру, но только от имени редакции, чтобы вам ответили. И редакция рассылала письма со своими сопроводительными, звонила должностным лицам с просьбой помочь, журналисты использовали личные знакомства.

Самое страшное состояло в том, что в глазах людей газета становилась выше государственных правоохранительных органов. Это легко, конечно, для журналистов, однако, согласитесь, противоестественно, это же полное искажение всего гражданского правопорядка. Журналист не беспристрастный суд, который исследует при помощи законом установленных процедур факты и обстоятельства, выслушивает обе стороны. Журналист неизбежно интересуется личностью, биографией, моральными сторонами жизни. Он может принять жалобу и жалобщика близко к сердцу, но посетитель способен вызвать и антипатию. Да и мы, работники печати, люди разные, к тому же вникнуть во все жалобы нет никакой возможности. Словом, много есть обстоятельств, приводящих не к стройной системе защиты прав людей, а к некоей полупартизанской, полублаготворительной помощи тому, кому повезет.

Меньше всего я хочу этим сказать, что пресса должна устраниваться от помощи людям, что журналисту не надо проводить собственных расследований и перестать критиковать правоохранительные органы. Нет, конечно. Все это делать необходимо. Но все же главная цель средств массовой информации — вселять уважение к закону, к правопорядку. Желание помочь «хорошему человеку» либо отхлестать «человека плохого» способно увести журналиста с правовой дороги. Авторы корреспонденций, очерков и статей, имея самую благородную цель — разоблачить негодяя, поддержать достойного, — приходят, если забывают о «вечных принципах» права, совсем не туда, куда хотели. Гёте высказал однажды, по-моему, спорную мысль, во всяком случае не желаемую укладываться в сознание: «Уж лучше пусть будет несправедливость, чем если ее будут устранять несправедливым образом». Лучше несправедливость? Очень сомнительно. И все же в этом, как говорят, что-то есть. Я бы только добавил к этому: если несправедливость будут устранять неправыми методами.

Я попытался охарактеризовать, в каких отношениях находятся *право, пресса и государство*. Имея в виду под понятием государства и те органы или должностных лиц, которых государство уполномочило от своего имени вершить власть или же они присвоили себе такие полномочия. Причем иногда цинично, нагло. Вспомните выступление на I Съезде народного депутата, который рассказал, как колхозный бригадир отреагировал на его просьбу: иди к тому, кто тебя выбирал. Но такое «право» присвоили себе все, причастные к административной системе, начиная с министра финансов, корректирующего законы своими циркулярами, и кончая швейцаром в дверях точки общепита, пускающим к столу проголодавшихся налогоплательщиков по своему усмотрению.

Пресса всегда боролась и борется с такими явлениями, бичует самодуров и бюрократов, защищая граждан. Но как? Она, если вдуматься, заискивает перед государством, его уполномоченными или узурпаторами его власти; старается их разжалобить, чтобы они сообразовали исполнить закон. Ведь только этим и можно объяснить,

что автор корреспонденции в защиту старой колхозницы прибег к совершенно ненужным в данном случае аргументам. Он как бы говорил государству: у нее же огромные перед тобой заслуги, пожалей ее, уважь ее права. А надо бы не разжалобивать власть, надо предъявлять к ней иск, грозить ей судом: не имеет значение качество гражданина, значение имеют лишь его законные права, и если ты, государство, ты, колхозный председатель, их нарушили — отвечайте по закону: государство — уплатой неустойки, председатель — наказанием за превышение власти и самоуправство. Вот как мне представляются модели как газетной публикации, так и взаимоотношений права, прессы и государства. Не единично обиженного человека важно печатно защитить (это очень важно, но никакой печати на всех обиженных не хватит), а защитить и утвердить закон и таким способом защитить всех обиженных.

До этого уровня пресса, похоже, не поднялась. Но не поднялись до него и гражданские правоотношения. Если вспомнить, сколько государственных актов издано и партийных решений принято о «чутком отношении к заявлениям и жалобам трудящихся», то выстроится длинный ряд. Действенность их нулевая, несмотря на авторитетность инстанций. И это понятно. Гуманнейшие по форме, акты в сущности утверждают неравенство сторон: гражданам (подданным) даруется «право» жаловаться, быть просителями, бить челом, а чиновников аппарата призывают быть милосердными к толпящимся у парадных подъездов; ну, и чуть-чуть грозят пальцем, вписывая фразы о «строжайшей ответственности» за невнимательное отношение к письмам и жалобам трудящихся. Попробуйте найти в прессе хоть один материал за многие десятилетия, рассказывающий о серьезном уголовном наказании чиновника, плевавшего как на жалобщика, так и на все авторитетные постановления...

Нужен закон, нет, целая система, которая вводила бы в исковой порядок все гражданские правоотношения. Не должно быть ни одного конституционного права, ни одного законного интереса, которые не обеспечивались бы бесспорной нормативной возможностью обратиться с иском в суд. Вне зависимости от того, должностное лицо единственно ущемило права гражданина или это сделал исполнительный орган вплоть до Совета Министров СССР.

Не менее сложны и запутаны в нашем правосознании отношения, покрывающиеся другой триадой: *право — пресса — мораль*.

Общепризнано, что преступление аморально всегда. Спорить с этим трудно. А все же вопросы возникают: всегда ли? Я не беру случаи «бескорыстных преступников»: под таким званием сидели по тюрьмам и лагерям в недавние годы инициативные хозяйственники — Худенко, Хинт, Стародубцевы и многие другие, болевшие за общенародное дело, однако не желавшие подчиниться командной системе. Это невинные перед законом люди. Кстати, пресса проявила себя не лучшим образом: одни газеты их хулили, другие хвалили, а третьи, что еще хуже, сначала дружно бичевали, а потом столь же

единодушно восстанавливали справедливость. Но это другой вопрос: преступников-то не было, были невинные люди, попавшие под колесницу административной власти. Сейчас речь о тех, кто действительно совершил преступление.

Скажем, автокатастрофа, наезд. По всем статьям человек самых высоких достоинств заезвася, превысил скорость, не справился с управлением... Да, говорят, не злоумышленник, но разве можно преступную самонадеянность отнести к моральной категории? Я знаю случай, когда в отдаленном поселке с женщиной случилась беда, ее срочно надо было доставить в больницу за два десятка километров. А в поселке оказался лишь один пьяный шофер с грузовиком, на коем он к тому же калымил. Его уговорили отвезти женщину в больницу, взывая к гуманным чувствам. Он поехал, доставил женщину и... попал под суд, ибо на обратном пути разбил машину — хорошо еще никого не сбил. Вот и оценивайте ситуацию хоть с точки зрения права, хоть с точки зрения морали.

Или тоже случай... с превышением пределов необходимой обороны. Рабочий парень, трезвый, вступился за женщину с ребенком, над которой куражились пьяные юнцы. Началась драка. Женщина, подхватив малыша, убежала. А парень, раскидав хулиганов, догнал одного и врезал палкой — тот упал на камень и скончался. Судили. Он действительно превысил пределы необходимой обороны. И все же я бы не назвал его поведение, а следовательно, и преступление аморальным. Были благородные мотивы — защитить слабого, мужество — один против двоих, не было намерения убить — в азарте боя не удержал себя рабочий парень. Да, закон не может поощрять выход из пределов необходимой обороны, суд поступил так, как ему положено, признав вину. Но не могу согласиться с тем, что это преступление аморально.

Но к чему все это? При чем тут пресса? Ей в таких ситуациях, как случай с пьяным шофером и защитником женщины, вообще, может быть, лучше стоять в стороне? Хотя осуждение как шофера, так и парня возмущает чувство справедливости: не упростили бы водителя, бросил бы женщину в беде (равно как и парень прошел бы стороной) — и все было бы в порядке. Но если дать выплеснуться чувству поправленной справедливости, сказать, что в экстремальных ситуациях можно пренебречь буквой закона, то как же быть с утверждением правовых постулатов в сознании людей?

Такие вот сложности. Два приведенных примера в общем-то, как недавно говорили, нетипичны. Они внутренне настолько противоречивы, так не связываются в них концы двух начал — правового и нравственного, что, ей-богу, лучше не браться за выигрышные и острые темы, обязательно одна нога завязнет. Хотя правосудие имеет целью восстановить справедливость («юстиция» в переводе — «справедливость»), но она, справедливость, категория скорее нравственная, чем юридическая, а значит, более подвижная в сознании, изменчивая, труднее поддающаяся взвешиванию. Ибо где те весы, имею-

щие четкую шкалу делений на граммы, как это имеют весы в руках Фемиды? Ложь, подхалимаж, половая распущенность, необязательность и т.д. сами по себе, если не привели к уголовному деянию, по закону ненаказуемы. То, что кажется справедливым одним, представляется несправедливым другим. Закон же равен для всех, это один масштаб, прикладываемый к различным людям. Из этого равенства и проистекает то, что общественное мнение иногда признает несправедливым. Простой пример: закон о кооперации дал равные возможности всем гражданам на предпринимательство. Кто-то, имеющий деловую жилку, воспользовался этим правом и стал много зарабатывать (честно зарабатывать, обход закона мы исключаем), а кто-то предпочел сидеть на завалинке и злобствовать на высокие доходы соседа: честно заработанное ему кажется несправедливым.

Кстати, сам законодатель иногда вносит, как мне представляется, путаницу в умы и, к сожалению, в правоприменительную практику. У нас принят закон о борьбе с нетрудовыми доходами. Но что значит «нетрудовые»? В пору обсуждения этого закона высказывались на сей счет сомнения. Сын унаследовал от отца, допустим, 100 тыс., получает по процентам 250 руб. в месяц (3 процента срочного вклада). Какое основание бороться с этим, конечно же, нетрудовым для сына доходом? Тогда предлагалась иная формула — закон о борьбе с «незаконными доходами», это ставило все на свои места. Однако четкую правовую норму заменили моральным требованием. И мы знаем, сколько бед честным людям принес этот закон, к счастью, практически забытый. Нет, не так уж и не прав Гёте: с несправедливостью нельзя бороться несправедливыми средствами.

Пресса не может не руководствоваться моральными нормами, игнорировать, как это обязан делать суд, общественное мнение. И это создает свои сложности. Владимир Соловьев определил право как необходимый минимум нравственности. Журналист должен мерить по максимуму. И тут его подстерегают ловушки, которые бывает нелегко обойти. Человек может в иных случаях, как мы уже говорили, солгать, вести себя вызывающе, нашептывать начальству пакости о сослуживцах... да мало ли что. Вправе ли печать критиковать эти пороки? Конечно! Кто ж будет отрицать. И все-таки при этом всегда надо оглядываться на право и ставить предел бичующим строкам, когда наше возмущение перехлестывает некоторые рамки.

В этой связи расскажу об одной трагической для достойного человека публикации... Профессор. Автор многочисленных работ в своей области. В Москве имел прекрасную четырехкомнатную квартиру, богатую библиотеку, «Жигули» последней модели. Один сын профессора поступил в институт и уже подавал большие надежды, второй учился в школе весьма прилежно, как и положено профессорскому отпрыску. Жена профессора занималась переводами и тоже очень неплохо зарабатывала. На профессорской квартире по четвергам устраивался некий салон, и тогда хозяйка блистала красотой, а хозяин — эрудицией.

У профессора был отец, который жил километрах в двухстах от Москвы, в небольшом городке, где имел собственный дом. Вместе с отцом жил его младший сын, инвалид (без ноги), который занимался сапожным ремеслом. У того тоже было двое детей, но никакого салона, естественно, не было. Если не считать нескольких дружков, с которыми соображал на троих.

В одно печальное для братьев время умер их отец (мать скончалась раньше). Осталось наследство — дом. Инвалид, по вполне понятным причинам, полагал, что он так и останется жить в отцовском доме, во всем доме, и профессор претендовать на наследство не станет. Зачем ему, такому благополучному и достаточно обеспеченному, еще часть деревянного домостроения, без комплекса городских удобств к тому же. Никто из родственников, соседей и местной общестственности тоже мысли не допускал, что профессор станет претендовать на часть домостроения. Увы... Профессор претендовал. Сначала хотел тихо мирно уладить дело с братом. Но когда тот заявил, что «по справедливости весь дом должен принадлежать мне», профессор сказал: «Придется тогда обратиться в суд». И обратился. Надо ли говорить, что не было предела возмущению родственников, соседей и местной общестственности такими наглými, стяжательскими поползновениями московского профессора, у которого «денег куры не клюют», а он все же таки судится с родным братом-инвалидом «за какие-то деревянныешки». Каких только громов и молний не обрушивали на голову профессора-стяжателя! Гневный голос в защиту справедливости прозвучал и со страниц газеты. От профессора только перышки полетели.

Суд, правда, вынес решение, отдавшее положенную часть отцовского дома профессору как законному наследнику. Но когда газета с описанием постыдной тяжбы профессора с несчастным братом-инвалидом дошла до института, вот тогда профессор не только готов был от наследства отказаться, но еще один дом брату выстроить.

Справедливость восторжествовала? «Я же ничего не совершил незаконного», — оправдывался профессор, но его жалкий лепет никто не слышал.

Выходит, суд пошел против нашей замечательной морали, повергающей в прах частнособственнические инстинкты? Но вот какая картина предстала перед судом... Жили два брата — один в столице, другой в провинциальном городке, профессор и сапожник. Первый помогал всю жизнь отцу и брату, на его средства весь дом был перестроен. Профессор и не думал как-то оформлять свои вклады, дом ему был не нужен. Единственно, чем он пользовался, так это мансардой: его младший сын страдал какой-то легочной болезнью, а в том городке был удивительно подходящий климат для мальчика. И каждое лето он жил там вместе с няней. Вот из-за этой-то мансарды весь сыр-бор между братьями и разгорелся. После смерти отца профессор предложил не делиться, оставить за ним лишь мансарду, к тому же по-прежнему брал на себя расходы по всему дому. Но у младшего брата были совсем другие планы — дом сдавать жильцам... а самому

жить летом в пристройке. После долгих споров стороны к соглашению не пришли, и профессор в сердцах бросил:

— В конце концов, по закону я имею право...

— По закону? Судиться со мной станешь? Я тебе посужусь. Я тебе такое устрою!

Да если бы брат-профессор и не вел себя так благородно, его право было неоспоримо. Но тогда суд мог бы обязать, например, брата-сапожника выплатить за полдома сонаследнику, мог бы убеждать профессора все решить миром. Но суд не вправе был отрицать закон о наследстве и права наследника. Журналист, бичуя профессора, вроде бы и не отошел от фактов. Его за клевету к суду не привлечешь. Он, излагая эту историю по первому варианту, снабжал ее сильными метафорами: слово «истец» заменялось словосочетанием «столичный профессор», а «ответчик» везде шел как «простой рабочий человек», «инвалид с детства». И все остальное в том же духе. Кое-что автор опустил: например, солидные профессорские вклады в перестройку и содержание дома. Кое-что, к делу не относящееся, наоборот, ввел: например, «салон» красавицы-профессорши. Номер этой газеты лежал и перед судьями — но они изучали не фельетон, а материалы дела, руководствовались не мнением родственников, соседей и «местной общестственности», а законом. А вот в институте, куда пришло послание со многими подписями да еще и номер газеты с фельетоном, ни во что вникать не хотели. Была тяжба с братом-инвалидом? Была. Напрасно профессор убеждал коллег, что он как гражданин имеет имущественное право, что наш закон это право охраняет. На все эти резоны был один ответ:

— Что вы все — законы, закон. Мало ли что по закону. Вы звание ученого позорите. Вон и в газете про вас пишут: использовал советский закон для тяжбы с родным братом-инвалидом. Как хотите из положения выходите, но чтобы никаких кляуз в институт не поступало.

Все законные доводы профессора, как вы понимаете, оставались гласом вопиющего в правовой пустыне.

Журналист составил себе схему: стяжатель-профессор хочет оттяпать у несчастного брата часть отчего дома. Схема родила фельетон. Несправедливый. Жестокий. Противозаконный. Аморальный. Косвенно журналист бросил упрек, кстати говоря, самому суду: ибо решение суда тоже не вписывалось в схему. И сколько профессор ни бился — ничего доказать не мог. Он попал в жесткую схему, где все вроде бы правда. И все — ложь. Фельетон читает широкая публика, он производит впечатление. А законное судебное решение, где фигурируют «ответчик» и «истец», никакого впечатления на общественность не производит, оно и существует-то в нескольких машинописных экземплярах. А ведь в нем — сам закон. Справедливый закон. И хотел того автор фельетона, а с ним и газета, или нет, но они внушили читателю: закон еще ничего не значит, есть «справедливость помимо закона». И у читателя где-то в подсознании отпечатается: по-

ступать по закону опасно, лучше идти в газету, там самая высшая справедливость.

Мы строим правовое государство, закладываем в его фундамент первые блоки. Однако вряд ли можем утверждать, что имеем последовательную и достаточно полную концепцию такого государства. I Съезд народных депутатов, можно сказать, прошел под девизом верховенства закона. Но, признаемся, на нем было больше громких слов, нежели конструктивных идей. Сам по себе Съезд, как высший орган власти, и Верховный Совет, им сформированный, — это солидные блоки правового государства. Впереди судебно-правовые реформы, программа законодательных работ.

Однако никакое правовое государство невозможно построить без соответствующего его идеям и принципам народного правосознания. Воспитание его, на мой взгляд, — генеральная задача средств массовой информации. Общие публицистические рассуждения здесь мало что дадут. Лишь в том случае мы достигнем каких-то сдвигов, если на каждом юридическом случае, на разборе каждой жалобы будем утверждать примат и приоритет права. При этом придется идти против общественного мнения, не поддаваться влиянию возмущения читателей, радиослушателей и телезрителей, которые иногда по-своему понимают справедливость. Это неблагоприятная для журналиста стезя. Но все иные будут искажать правосознание, что упорно делалось на протяжении десятилетий. Мораль и закон находятся в более сложных отношениях, чем привычные схемы: «все преступное аморально», «суд не может идти против морали» и т.д.

Увы, под влиянием благородной борьбы за социальную справедливость довольно часто попираются нормы права да и самой нравственности. Однажды газета «Вечерний Душанбе» обратилась к горожанам с призывом: выяснять, у кого из соседей в наличии излишки жилплощади, и сообщать о том городским властям. Один из читателей прислал в «Известия» письмо с вырезкой и вопросом: «не призыв ли это к доносам?». Мы совершенно определенно ответили: а что же иначе? Читатели активно откликнулись на эту реплику. И очень многие недоумевают: а что же тут такого, правильно сделали, никакой это не донос — сообщать об излишках, а, наоборот, очень справедливое дело. Почему это одна семья ютится четвером в одной комнате, а рядом один (или одна) занимает сорокаметровую квартиру да еще сдает в поднаем жилплощадь. Вот некоторые цитаты из писем: «У нас в Куйбышеве это давно практикуется... Пусть люди сообщают, а компетентные органы принимают меры». Из Нежина: «У нас в подъезде две квартиры по 42 метра на двоих, как вам это нравится? Народ поможет горисполкому восстановить справедливость». Из Котласа: «Помоимо, обращение Душанбинского горкома и горсовета вызвано необходимостью». Но если спокойно, без эмоций во всем разобраться, то какую же цель преследовал призыв выявлять, что имеется у соседей, и сообщать об этом властям?

Ну, получают городские власти соответствующие сообщения. По логике вещей, должны приниматься меры. Какие? Представим себе, что в некоей семье произошла трагедия. Он (или она) остался один «на 42 метрах». А рядом многодетная семья ютится в 15-метровой комнате. Что прикажете делать? Переселять? Уплотнять? Допустим, не было никакой трагедии. Некто получил площадь, явно превышающую полагающиеся размеры. Но при этом не сделал ничего противозаконного: ни взятки не давал, ни подложных документов не представлял. Ему выдал ордер горсовет. Прикажете такого выселять? А не логичнее ли привлечь к ответственности того, кто такой ордер выдал? Кто-то сдает свои излишки нуждающимся. Что с ним делать, если он опять же действовал в рамках установленных правил? Отбирать жильё? А на каком правовом основании? Не можем мы пойти на расправу с гражданином, который не нарушил закон, не рискуя свергнуть общество в хаос и открыть путь к произволу.

Да, положение с жильем очень напряженное. Очень хочется объявить его чрезвычайным. И, естественно, принять чрезвычайные меры. Уж где-где, а в этом мы имеем богатейший опыт. О его трагических результатах сейчас говорят и пишут очень много. Под знаком «чрезвычайности» шли индустриализация и коллективизация, ею освящались репрессии и подавление демократии. И не надо думать, что это несопоставимые вещи: коллективизация, Павлик Морозов и призыв душанбинской газеты. Все начинается с малого, с первого шага, с того, чтобы «преступить черту». Стоит лишь приоткрыть щелочку — произвол вползет в нее, как раковый вирус, и тогда начнется его саморазвитие. Неудержимое.

Но тут мы подошли еще к одной триаде, которую я сформулировал бы, позаимствовав столь знакомую максиму политэкономии: деньги-товар-деньги. Я бы так сказал: «*право-пресса-право*». По первой формуле деньги, «проходя через товар», вырастают, обогащают владельца. Право, заключенное в кодексах, «проходя» через прессу, должно тоже «увеличиваться» — овладевать сознанием масс; в какой-то степени из «вещи в себе» оно должно становиться вещью для нас. Наполеон будто бы сказал: «Конституция должна быть короткой и туманной». Наша Конституция отнюдь не коротка, а вот что касается расплывчатости ее норм, их недейственности — тут мы, пожалуй, «впереди планеты всей». А вспомним: сколько напыщенных слов, никому ничего не говорящих, высыпала о ней на головы читателей пресса, сколько теле- и радиочасов было потрачено без какой-либо пользы. Разве что компрометировали свой Основной закон, ибо пустословие и елей отворачивают людей от предмета обожествления.

Но не это самое страшное. Хуже, когда пресса, преследуя самые благие цели, искажает идеи и принципы права. Тогда закон, содержащий в своих нормах предохраняющие от произвола барьеры, представляется людям в качестве чуть ли не враждебной им силы. При этом правовую норму пытаются столкнуть лоб в лоб с нравственным постулатом. Вернусь к публикации «Вечернего Душанбе». После ре-

плики, как я говорил, пришли отклики. На их основе мною был написан небольшой обзор/под заголовком «Знак беды», где еще раз подтверждалась мысль: доноительство аморально, нельзя вводить в закон норму, его поощряющую. Снова письма. Читатель из Ленинграда ссылается на опыт одной нашей республики, где якобы за сообщение в МВД о самогонщиках выплачивается часть штрафа. «Почему бы не распространить этот опыт?» — задается вопрос. Но за «опытом» вполне могут последовать требования: введите правило платы за донос. Из Гродно задается вопрос: «Если сделать в милицию донос на самогонщика, это, по-вашему, знак беды? А как же статья кодекса о недоносительстве?» Увы, есть такая статья: кара за «недонесение о готовящемся преступлении». Моя бы воля, я бы сформулировал подобные статьи как-то по-другому, без «доноса», о чем и написал. Это вызвало возмущение читателя из Новосибирска: «Забыли слова — «бдительность», «саботаж», “вредительство”». Вот так и подводим к «врагам народа», а вернее, возвращаемся к ним. И это в то самое время, когда ужасаемся разгулом сталинского террора.

Разбивать укоренившиеся в сознании стереотипы — процесс долгий и мучительный. И писать об этом, разумеется, скучно. Другое дело, что-нибудь из ряда вон, чтобы сразу результат. «Чрезвычайное» мы впитали, увы, с молоком матери-революции. Собственно, с Октября 1917-го до наших дней все у нас происходило под этим индексом: индустриализация, коллективизация, целина, космос (не говоря о годах войн), перестройка на первых ее порах. Все любой ценой, с напряжением последних сил, не считаясь с логикой, здравым смыслом и потерями. Не мудрено выработать под таким давлением своеобразные гены «чрезвычайности». Чрезвычайность, однако, — всегда антиправо. Правовое начало противопоставляет поступательность — штурму, здравый консерватизм — партизанщине, компромисс и поиски наимыгоднейших решений — угару борьбы.

В связи с демократизацией жизни, становлением законности, раскрепощенности личности неизбежны эксцессы, с которыми и столкнулась перестройка. Национальные трения, долгое время тщательно скрываемые, вылились в открытые конфликты; создание неформальных организаций означает лишь то, что общественная энергия, подавляемая то террором, то застоем, вырвалась на простор; появление кооперативов породило как честных бизнесменов, так и всякого рода проходимцев. Это в общем-то нормально, по крайней мере, неизбежно, не стоит из-за этого шарахаться в сторону чрезвычайности. Но уж очень хочется. Хочется одним махом разрубить узелки, которые надо терпеливо развязывать и распутывать. И опять же пресса, обладающая мощнейшим влиянием на формирование общественного мнения, занимает порой странную позицию, ждет, что скажут сверху. А сверху стали говорить разное. Вот ведь в чем казус! Непривычно это. И в одних статьях превозносится опыт кооператоров, в других их приравнивают к деятелям теневой экономики. Конечно, у нас на дворе плю-

рализм. Но хотелось бы и определиться, чего мы хотим: утверждения норм закона о кооперации или отмены этого закона?

Опубликованные впервые статистические данные о росте преступности посеяли в народе панику. Вместо трезвого анализа пресса забила тревогу. Понятно, всем нам надоели спекулянты, как, впрочем, и воры, мошенники, хулиганы. И кто из нас не будет приветствовать усиление борьбы с этим злом со стороны правоохранительных органов, милиции в первую очередь. Особенно в трудные наши времена, когда всего, кажется, не хватает, все в дефиците, ничего не купишь без очереди. Тут уж надо по всей строгости закона. Но все-таки закона. Но законы, уверяют нас, мешают борьбе.

Уголовный кодекс достаточно четко определяет состав, например, преступления, именуемого спекуляцией: скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы (ст. 154 УК РСФСР). Если нет хотя бы одного из этих элементов, нет и преступления. В этом определенная сложность изболечения спекулянтов, однако одновременно и гарантия того, что не заберут честного гражданина, задумавшего продать свою вещь мимо комиссионки, или бабушку с букетом, выращенным на своей грядке. Может ли спекулянт прикинуться честным продавцом? Да, сколько угодно. Не прикроется ли буквой закона — докажете, мол, что скупал, имел целью наживу? Обязательно! Вывод из всего этого может быть единственным: профессионально, квалифицированно добывать улики, дабы применять закон со всей строгостью. Но вот тут-то... и происходит нечто странное: МВД СССР, по словам одного из руководителей службы БХСС, внесло «в соответствующие инстанции» предложение: облегчить закон, сделать его более удобным для административной власти; считать саму продажу (или приготовление, покушение на нее) любых товаров или предметов с целью наживы преступной. «Наказуемой», как осторожно выражается автор одной из публикаций [«Аргументы и факты», № 8]. Первоэлемент же состава преступления — скупку — снять. Довод? Привлечь к ответственности... «крайне затруднительно». Иными словами, если мешает закон, надо... подправить закон, дабы облегчить задачу блюстителей наших прав тащить нас на цугундер.

Понятно, как всегда, выдвигается идеологическое прикрытие: «совершенно справедливые нарекания населения...». Но это не что иное, как спекуляция на чувствах людей, раздраженных и возмущенных бесконечными очередями и дефицитами, обманом и коррупцией. В «Аргументах и фактах» милицейский работник рубит напрямую: измените закон нам в угоду. Первая наша газета «Правда» от 2 июля 1989 г. делает это более «теоретично», что ли. В статье «Преступник по имени “дефицит”» дается такое толкование законности: «Порой диву даешься — насколько поправен может быть здравый смысл во имя буквы (надо полагать, буквы закона. — Ю.Ф.). И, думается, такой путь приведет нас не к правовому государству, а, скорее, к юридическому произволу (?) и к фактическому беззаконию».

Вот так право, пропущенное через прессу, дает дивиденды — только со знаком минус. Убыль права получается в сознании людей, а не прибыль. Как раз здоровый-то смысл, идущий вразрез с буквой закона, и не способен привести к правовому государству, он обязательно толкнет общество к беззаконию, сначала фактическому, а потом и «юридическому». И это уже было... Нет, средства массовой информации, если они хотят выполнить свой долг перед Правом, должны внушить и внушать трудно дающуюся мысль: только буква закона, формализованная в статьях кодексов, — и есть сама законность. В свое время потребовал Ленин от Наркомюста Курского дать заключение по поводу жалобы группы профессоров: сначала «...насчет законности, а затем и по существу...» [В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 141]. То есть здоровый смысл (существо) потом, а сначала все же буква! Владимир Ильич отлично понимал, что целесообразность — первый враг законности. Ленина мы цитировали вдоль и поперек. Да вот усвоили ли?

Очень легко и безответственно мы привыкли разбрасываться фразами «народ требует», «народ не поймет» и так далее в том же духе. Самое печальное состоит в том, что ссылающиеся на «народ» бьются правы — действительно, «народ» вполне способен потребовать, например, четвертовать на площади чиновного расхитителя или взяточника, убийцу или насильника. Я с ужасом слушал однажды, как по Ленинградскому телевидению обсуждали проблему смертной казни. Были две группы экспертов — «за» и «против», были выступления юристов, был и опрос «общественного мнения». На заданный вопрос — «Смогли бы вы привести в исполнение смертный приговор?» — какая-то часть опрошенных ответила «да». В той же передаче, во второй ее части, перед зданием телецентра собрались люди, среди них близкие пострадавших от преступников, в том числе мать изнасилованной девушки. Но зачем же их спрашивать об исключительной мере наказания — тут другого ответа быть и не может. Если провести даже всенародный референдум по поводу смертной казни, то, боюсь, число составов преступления, и сейчас непомерно большое, еще расширится. Можно ли, допустимо ли, однако, проблемы права решать всенародным голосованием? Или приговоры выносить на митинге? Митинг как толпа способен лишь на суд Линча, правосудие ему недоступно.

Перестройка коснулась всех сторон жизни нашего общества. Но, пожалуй, самых заметных успехов достигла в утверждении гласности. Правительство и общество наконец-то захотели посмотретья в зеркало прессы, увидеть свои лики, не искаженные ложью. Снятие застойных запретов привело средства массовой информации в некую эйфорию. Струя кислорода вскружила головы. При этом я бы ни в коем случае не взялся утверждать, что пресса стала свободной, какой ей положено быть в демократическом обществе. И внутренних цензоров, и внешних пока хватает. Но истинно демократическая цензура — цензура законом — оказалась снятой напрочь. Много еще есть зон, закрытых для критики, а единственно законно запретные, касающиеся

ся конституционных прав граждан, открыты для нападок полностью. Тут журналистика зашла слишком далеко. Она будто бы задалась целью попирать закон и права граждан.

Кульминации своей эта «линия» достигала в истории со следственной группой Т. Гдяна и Н. Иванова. Теперь известны выводы парламентской комиссии, и я не буду повторять подробности. Но вся эта эпопея свидетельствует, сколь много вреда может нанести пресса правому строительству, преследуя, казалось бы, самые благие цели — борьбу с преступностью, то есть утверждение права. Как тут не повторить уже цитированные слова Гёте?

Началом всенародной известности двух следователей можно считать статью «Противостояние» в «Огоньке». В ней авторы заявили, что среди делегатов XIX партконференции есть взяточники. Поистине, взорвалась бомба. Делегаты потребовали объяснений. Главный редактор «Огонька» их дал. А вскоре были арестованы два делегата, первые секретари обкомов партии, следом еще один — второй секретарь ЦК КП Молдавии, который якобы брал взятки, когда работал зав. сектором отдела оргпарработы ЦК КПСС. Угрозы следователей «добраться до Москвы», «разоблачить мафию со Старой площади» обретали как будто реальность. Авторитет следователей, а заодно и прессы в целом взлетел очень высоко. Интерес следователей понятен. А вот позиция журнала сомнительна. Не «Огонек» ли выступал в защиту И. Хинта, осужденного, как потом оказалось, безвинно; не он ли из номера в номер публиковал и публикует статьи с разоблачением негодных методов следствия, добиваясь справедливости в отношении жертв сегодняшнего произвола? Но как же рядом помещать «Противостояние», где грубо попран принцип презумпции невиновности — один из основных принципов правосудия? Не было же суда, не было приговора. Теперь мы знаем: дела «взяточников» прекратила сама Прокуратура СССР за отсутствием состава преступления. Но все это было потом. Скандальная слава несла на своих крылах следователей. Они были избраны народными депутатами СССР, в их поддержку образовывались комитеты и собирались митинги, критика их методов вела к угрозе забастовок. «Толпа» не желала слушать ни голоса разума, ни фактов. О каком праве и законности можно было говорить в атмосфере ажиотажа? Если вдуматься, это был маленький 1937 г., созданный усилиями следователей и прессы.

Вряд ли в конце 1988 г. выходил номер любой газеты без упоминания о строительстве правового государства. И в это время Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по делу Чурбанова и других. Судьи поступили так, как им подсказывали закон и совесть. Они нашли мужество игнорировать общественное мнение и опираться в своем приговоре лишь на доказанные улики. То есть поступили так, как если бы у нас уже было правовое государство. И что же? Начался целый поход против законного приговора. В ряде газет — «Водный транспорт», «Московский комсомолец», «Советская Татария», по Ленинградскому телевидению и Московскому радио следователи про-

сто-напросто оскорбляли судей, бросая им обвинения чуть ли не в заговоре против правосудия, выгораживании преступников, сознательном искажении доказательств, заведомо предвзятом отношении к собранным ими, следователям, уликам.

Обвинение почти уголовное. Но ведь уж кому, как не следователям, известно: обвинение надо доказать. Однако этим они себя не утруждали. Исходили из одного: раз приговор не тот, который нужен следователям, значит, судьи — преступники. Юристы отлично знают, как все это называется — «объективное вменение». Если кто-то *имел возможность* совершить преступление, то остается лишь доказать, что *он его совершил*. На этом принципе держался весь 1937 г., на этом было построено «Витебское дело» уже в наши дни. На этом строились десятки дел, по которым сейчас выносятся оправдательные приговоры. «Объективное вменение» — циничнейший из постулатов обвинительного уклона, абсолютно отвергаемый законом. Можно понять следователей, закусивших, что называется, удила. Но как понять органы печати, задача которых укреплять правосознание народа, а не подрывать его? Нет, не мягкотелость судей уводит преступников от кары, а сомнительные улики и бездоказательные обвинения, представленные суду. Нам радоваться надо, что перестали суды переписывать обвинительные заключения в приговоры, что отвергают они любые иные средства борьбы с преступностью и требуют только законных. А любые иные средства — уже были...

Тема Гддяна, «феномен Гддяна» возникли не случайно. Не только потому, конечно, что следователи использовали средства массовой информации в своих целях, а журналисты гнались за сенсационными материалами. Это вторичное. Первопричина же лежит, думаю, куда глубже: и в общей правовой культуре (или бескультурье) населения, и в традиционном неуважении к праву. Я прочитал в нашей газете: американская полиция напала на след торговцев наркотиками, в квартире одного из них нашли неопровержимое доказательство преступной деятельности — сам наркотик. А судья дело прекратил: выяснилось, что полицейские проникли в квартиру без надлежащего официального ордера. Опасных преступников судья отпустил с миром. И представьте, никаких упреков. Даже наша пресса рассказала об этом в качестве положительного примера торжества права. Нет, не преступника выгородил судья. Он защитил право всех американских граждан на неприкосновенность их жилища. Бесспорное право не может быть нарушено никакими чрезвычайными обстоятельствами.

Ну, а если бы наш судья вынес такое решение? И если бы газета осмелилась сказать о нем доброе слово? Подумайте, читатель, что бы тогда было... Если вы затруднитесь с ответом, вспомните, как поносили в прессе судей, вынесших приговор по делу Чурбанова. Они же не взяточников выгораживали. Они утверждали право каждого гражданина не быть осужденным без достаточных к тому оснований.

Профессия журналиста такова, что ему некогда разрабатывать стратегические планы. Событие произошло сегодня — и сегодня о нем

должен узнать читатель. Переменился политический курс — и он нуждается в немедленной оценке. Возникло хозяйственное новшество — трудящиеся вправе получить о нем сообщение и разъяснение. Тут не до стратегии. Но во взаимоотношениях средств массовой информации с правом стратегия быть должна. Только утверждение права, вопреки всем мнениям и влияниям, — такова генеральная стратегическая линия. Иной быть не может, если мы всерьез собрались строить правовое государство.

Часто говорят, что именно пресса стала серьезным двигателем перестройки. Да, шарханий из одной стороны в другую хватает. Но очевидно, это типичная болезнь всех нынешних реформ, революций сверху на почве российской действительности: главное — поднять войска в атаку, двинуться на штурм бастионов старого, а потом-де разберемся что к чему.

По-моему, самое уязвимое место перестройки вообще — отсутствие надежной правовой базы. Начинаем с призывов, а не с законов. Скажем, призывают народ к арендному подряду с самых высоких трибун, не успев даже отменить те статьи Гражданского кодекса, которые запрещают эту самую аренду. Раскрепостили журналистику, не удосужившись принять Закон о печати. Я читал уже несколько проектов, в том числе официально изданный неофициальный. Пятый год идет перестройка, столько же насчитывает новое положение прессы, а закона так и нет.

Века и тысячелетия отделяют нас от того момента, когда наши далекие предки ощутили, по выражению Энгельса, «потребность что-то сказать друг другу» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 489]. Очевидно, с этого момента ведут свою историю и средства информации — сначала очень ограниченные, в виде рисунков на стенах пещеры, а потом... Потом фантастическая их власть над умами и душами людей. Их влияние огромно. Настолько в наши дни огромно, что прессу стали называть шестым континентом, вторым правительством, государством в государстве и еще не знаю как. Надо полагать, вместе с первой наскальной информацией родилась и первая дезинформация — сплетня. Так и идут с тех пор рука об руку: правдивые сообщения о событиях, помогающие человеку ориентироваться в жизни, разрешать конфликты, утверждать моральные ценности, и дезинформация, имеющая целью корыстную выгоду одного лица, клики, сословия, класса. Средства массовой информации достигли небывалого технического уровня, вошли, как мы любим говорить, в каждый дом, стали другом и советчиком семей. Тем легче употребить их или во зло, или во благо. Тем большие усилия мы должны прилагать, чтобы проповедовать добро. Сенсациям спекулятивного толка, насаждению культа насилия, распущенности противопоставлять утверждение человеческого начала в человеке, дискредитацию людей путем лжи и клеветы — правдивость и честный анализ фактов действительности.

Демократизация всех сфер жизни нашей страны, начавшаяся особенно бурно после XXVII съезда партии, получившая мощный импульс на XIX партконференции и достигшая высшей точки на I Съезде народных депутатов, все то, что мы называем емким словом «перестройка», поставили перед журналистами непривычные задачи и открыли небывалые и пока плохо видимые перспективы. Когда стало «можно все», возник вопрос: а что же делать с этим «можно»? В какую сторону кинуться? В самом конце застойной эпохи один читатель прислал мне письмо, составленное из фраз, взятых из переписки и сочинений великих людей. Читатель озаглавил свое письмо «Делай, что должно» и советовал руководствоваться этими принципами. Я процитирую:

Л.Н. Толстой — американцу Эрнесту Кросби: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет» — есть выражение глубокой мудрости. То, что каждый из нас должен делать, каждый несомненно знает, то же, что случится, мы никто не знаем и знать не можем».

Софья Ковалевская: «Говори, что знаешь, делай, что должно, и пусть будет, что будет» — девиз на представленную в Парижскую академию работу по математике.

Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Моим девизом по-прежнему остаются слова великого флорентийца: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!»

Что-то сокрушать, с чем-то бороться — для этого нужна смелость. Ее нашей прессе не занимать. Тяжкий повседневный труд по возведению каркаса правового государства требует больших усилий. Но это необходимый труд и в то же время благодарный, если за каждой публикацией-кирпичиком, закладываемым в фундамент правового общества, видится цель. Журналист — скромный труженик перестройки. Но разве в малой степени от него зависит судьба перестройки? Есть такая притча. Во время строительства Страсбургского собора одного каменщика, везшего тачку с камнями, спросили: «Что ты делаешь?» «Не видите, — ответил тот, — везу тачку». Спросили другого: «Что ты делаешь?» «Строю собор», — был ответ. Слишком часто мы возим тачки...

Преступность: иллюзии и реальность

Многое мы ныне переосмысливаем. И в теории, и в практике. О многом пишем «по-новому». Как эти процессы происходят, полезно знать как советскому, так и зарубежному читателю. Но эти писания нередко (особенно в периодической печати, с легкой руки непонятно откуда вдруг взявшихся «специалистов») конъюнктурны и, я бы сказал, легковесны. Это тоже надо отметить. Многие авторы, не очень-то утруждая себя аргументацией написанного, ставят перед собой задачу лишь раскритиковать все, что было в предшествующие периоды жизни нашего общества. Между тем и ранее было стремление к теоретическому осмыслению общественной практики, была, наконец, и сама практика, правда часто неправильная, вследствие того что так-вы были политические установки, идущие сверху, но в то же время социально полезная, отражавшая реальности и потребности общественного бытия, пробивавшая себе дорогу сквозь догматизм и запрещение, хотя и с большими трудностями и потерями.

В то же время очевидно, и это сказалось на общем состоянии общественных наук, что сложившаяся и укрепившаяся практика лакировки действительности, теоретическое обоснование идеальных (чтобы не сказать — идеалистических) представлений о социализме вопреки тому, что было в реальной жизни, выдача желаемого за действительное, безоглядное забегание вперед без учета уровня развития производительных сил и производственных отношений, бездумное повторение теоретических откровений «вождя» и сменявших его, мягко говоря, не очень грамотных лидеров и, конечно, зубодробительная критика тех, кто «посягал на социализм», пытаясь говорить о реальностях, нанесли ощутимый урон и теории, и практике социалистического строительства, отлучили от дела немало способных ученых и целые коллективы, приучили многих к догматизму, начетничеству, некритическому мышлению, затормозили творческое развитие общественных наук, в том числе правовой.

Пренебрежение к праву как науке было, пожалуй, одним из главных пороков развития общественных наук начиная с 20-х гг. В числе прочего в этом тоже надо искать истоки репрессий (ибо на первом плане всегда стояли политические интересы и борьба за власть), в по-

давляющем большинстве основанных не на праве, а на произволе, обходе законов при создании видимости законности.

«Отстраненность» других общественных наук от права, «покровительственный» их взгляд «сверху» породили и порождают до сих пор, несмотря на провозглашенную идею правового государства, непонимание между ними, различное толкование тех или иных социальных явлений, взаимные, как правило, ненужные и вредные для дела обвинения. Кроме того, рождается параллелизм в исследованиях, либо перед науками ставятся задачи, которые им не свойственны и которыми они не занимались. К примеру, в недавнем постановлении ЦК КПСС о социологической науке в числе задач есть и задача изучения преступности и ее причин, хотя этими проблемами занимается правовая наука, а социологов всегда интересовала лишь проблема так называемого отклоняющегося поведения, что не одно и то же. При таком положении отсутствовали (мало их и сейчас) и весьма необходимые совместные исследования представителей разных наук. Разобщенность между ними не исключение, но правило. В результате многие проблемы общесоциального плана осмысливались недостаточно глубоко, утверждались иллюзорные, теоретически и практически некорректные выводы. В науку (и в общественное мнение) проникли дилетантские суждения о сложнейших социальных проблемах, к числу которых относится и проблема преступности.

* * *

1. Итак, преступность. Что же это такое? В самой общей форме, как это сформулировано криминологической наукой, преступность — исторически изменяющееся, относительно самостоятельное и подчиняющееся определенным закономерностям, имеющее свои причины социально-правовое явление, включающее в себя совокупность всех преступлений, совершаемых в данном обществе и в данный период времени, и характеризующееся количественными (динамика) и качественными (структура, характер) показателями. Есть, конечно, и иные определения преступности, но в принципе существенных расхождений среди криминологов нет. Важно главное: преступность — это не просто сумма преступлений, но массовое явление, имеющее закономерности своего существования и развития, причины, условия, ей способствующие, отражающее особенности, противоречия и недостатки социального бытия. Правомерно сказать, что преступность есть крайнее выражение противоречий и недостатков развития общества, влекущее такие последствия для него и его членов, которых не вызывает ни одно из других негативных явлений общественного процесса. Преступность наносит ущерб экономическим, идеологическим, социально-культурным и иным отношениям в обществе, правопорядку в нем (хотя и сама порождается этими отношениями: обратная связь), «изымает» из нормальной жизни и созидательной деятельно-

сти общества его членов, ставя их в ряды тех, к кому оно применяет такие меры наказания и воспитания, какие не применяют к другим. Но при том, что преступность — явление социальное, ибо коренится в недрах общественных отношений, она еще и явление правовое, ибо преступно лишь то, что закреплено в уголовном законе.

Преступность всегда была и остается предметом, сеющим раздор среди политиков и обществоведов «широкого профиля». Так уже повелось, что по преступности, ее цифре и характеру судят о том, какво общество и что в нем происходит. Политические деятели разных стран нередко дают политические оценки другим странам и порядку в них именно по цифре и характеру преступности. Не отставали в этом плане от других и мы. Только мы всегда идеализировали все, что следовало за «идеальными» теориями социализма. Более того, мы доказывали преимущества социализма над капитализмом, основываясь на нашем же утверждении о том, какая высокая преступность «у них» и «как хорошо» обстоит в этом плане дело «у нас». Но такое «доказывание» со стороны юристов зиждилось на таком же зыбком и неправильном обосновании преимуществ социализма во всех сферах общественных отношений вопреки действительности, какое (обоснование) было присуще представителям других общественных наук, прежде всего философам. Правда, поняв несостоятельность этого тезиса и его несоответствие действительности, стали делить социализм на «теоретический» и «реальный». Не буду далее развивать эту тему. Напомню лишь о печальной судьбе социологии, пытавшейся вырваться из плена представлений о социализме. Криминологов на том этапе, к счастью, «не заметили», что позволило им хотя и робко, иносказательно, но говорить правду. В этих условиях криминологам было и проще, и труднее. «Проще» потому, что преступность была объявлена чуждым, неприсущим социализму явлением (хотя существовавшим и существующим), «нетерпимым» и т.д., а потому подлежавшим почти немедленному «уничтожению», «ликвидации», «искоренению». Труднее потому, что все эти лозунги и «задачи», поставленные на самом высоком уровне, на деле мешали ее глубокому осмыслению. Тезис о «несовместимости преступности с социализмом» привел к возникновению теории о пережиточном ее характере. Раз социализм — самый передовой, близкий к идеальному строй, в нем «не должно быть места правонарушениям и преступности». Не должно быть, и все. А то, что она была и цифры ее были велики, «не замечалось» или трансформировалось в сакраментальный вопрос, обращенный лишь к юристам и правоохранительным органам: «Как же так? Как же вы это допустили?!» Напрочь отбрасывалось элементарное с точки зрения науки (кстати, тоже закрепленное в Программе партии) правильное положение, согласно которому борьба с преступностью есть применение обществом и государством комплекса мер экономического, политического, социально-культурного и правового плана. Правового — лишь в последнюю очередь, ибо никогда еще в истории человечества с помощью одних, даже очень хороших, законов и работы лишь правоох-

ранительной системы успеха в борьбе с таким сложным социальным явлением, как преступность, достигнуто не было. Но кому нужна была история и ее уроки? Волюнтаристский подход и утверждения о «несовместимости» перекрывали все и вся. Впрочем, не все так думали. В недрах юридической науки, трезво смотревшей на правовую и социальную практику, видевшую реалии жизни, и тогда существовало неприятие столь поверхностного подхода к преступности. Да и в жизни отмечалось существенное расхождение между теоретическими концепциями и практикой. В чем это проявлялось? Прежде всего в том, что время от времени принимались постановления об улучшении работы правоохранительных органов (МВД, следствия и т.д.), «об усилении борьбы с преступностью», принимались законодательные акты, усиливавшие репрессию за конкретные виды преступлений (хулиганство, изнасилования, взяточничество, распространение наркомании и т.д.). Если бы в жизни все обстояло так благополучно, как говорила теория, то, очевидно, ни этих актов, ни дополнительных ассигнований на правоохранительную систему было бы не нужно. Как не нужно и большого числа решений о привлечении общественности к борьбе с правонарушениями и преступностью. В то же время принятие этих многочисленных актов преимущественно правового характера было одной из иллюзий, создающих впечатление, что правовые средства в борьбе с преступностью если не всё, то почти всё.

Естественно, что если социалистическое общество было объявлено почти совершенным, «социально однородным» обществом (что, на мой взгляд, столь же вредная теоретическая позиция, как и сталинская концепция усиления классовой борьбы по мере развития социализма), то юристы «должны» были отвечать на это столь же радужными рассуждениями о состоянии преступности. Тем более, что Сталин не утруждал себя анализом общеуголовной преступности и, вероятно, был вполне удовлетворен рассуждениями о ее пережиточном характере (я, естественно, не затрагиваю здесь политические преступления и репрессии тех и более ранних лет, не входившие в официальную цифру преступности), а Хрущев выдвинул абсурдную теорию о построении коммунизма в течение двадцати лет и «ликвидации» преступности в тот же срок. И конечно, все наперегонки стали «ликвидировать» преступность — в теории и на практике. В теории это проявилось в том, что появились утверждения о неуклонном снижении преступности, на практике — в том, что от работников правоохранительной системы, особенно от МВД, стали требовать «снижения» преступности практически любой ценой. Надо же было «успеть к сроку»! А как успеть, если преступность — объективное социальное явление, коренящееся во всей системе общественных отношений, в их противоречиях, и она «не желала» подчиняться субъективным требованиям: то ее цифра по отдельным видам действительно становилась меньше, то, что было наиболее характерно, увеличивалась? Следует отметить, что не только от МВД требовалось снижение цифр преступности. И от прокуратуры, и от судов тоже. И это вместо того, чтобы

прокуратура и суд стали не «отвечающими» за преступность органами, а подлинными блюстителями законности. В результате правоохранительные органы приучили к тому, что в конце отчетных периодов оперативные работники, следователи и даже судьи превращались в бухгалтеров, соображавших, что лучше «показать»: меньшую (путем сокрытия преступлений от учета) цифру преступности или большую цифру раскрываемости преступлений (что часто связано с «необходимостью» увеличить число зарегистрированных преступлений). К этому привыкли все. Любимым занятием руководителей всех рангов был разнос, учиняемый правоохранительным органам за «рост преступности». Так, в теории, с трибун говоря о социальном характере преступности, об объединении усилий всех в борьбе с ней, на практике все это забывали. Точнее, выбрасывали теорию, не отвечающую субъективным желаниям, за борт. А у населения складывались неверные представления о положении дел, о характере преступности, о работе правоохранительной системы и т.п.

Этот стереотип не преодолен, к сожалению, и сегодня.

Подобной практике помогало отсутствие гласности. Мы критиковали западные страны за «ужасающую», за организованную преступность и т.п., скрывая от собственных граждан реальную ситуацию в собственной стране. А как иначе было создать иллюзию успехов в борьбе с преступностью? Как объяснить, если показать истинное положение дел, что наш строй не так уж идеален и что он весьма далек от совершенства, как и от близкой (20 лет!) «ликвидации» преступности?

Трескотне и созданию иллюзий способствовало и закрытие статистики преступности. До 30-х гг. она публиковалась. Не всегда полностью, иногда по регионам, иногда по видам преступлений, иногда по лицам, осужденным за те или иные преступления, но — публиковалась. Когда же стало необходимо доказывать преимущества социализма (вопреки реальности), тогда статистику закрыли, доказывая недоказуемое без конкретных цифр либо манипулируя «разрешенными» (часто подтасованными) цифрами. При этом иногда намеренно, а иногда по невежеству в печать проскальзывали цифры о количестве преступлений (преступности) либо о числе осужденных, что вовсе не одно и то же. Публиковали то, что выгоднее. Дело в том, что число преступлений может быть велико, а число осужденных, особенно к лишению свободы, значительно меньше. И сравнивать эти цифры научно некорректно.

В этой связи хотелось бы сказать о недопустимости любых манипуляций со статистикой в угоду сиюминутным политическим интересам.

Не надо выборочных и неточных цифр, не надо «подгонять» их под желание неизвестно кого видеть все в лучшем (или худшем) свете, чем оно есть, надо давать истинную картину, да еще сопровождать ее квалифицированным комментарием. Ведь зная все о преступности, в том числе ее цифру, — это не стремление угодить общественно-

му любопытству. Это — информация для людей о размахе преступности, о ее общественной опасности, о людях, совершающих преступления, выпадающих из общественной жизни. Для чего? Для того, чтобы поднять общественную активность в борьбе со злом. Гласность — это не просто обнародование того, что ранее не публиковалось. Гласность — это призыв к активным действиям и сами действия.

Не надо сеять новые иллюзии. Сегодня это хуже, чем повторять старые. Не преодолев облегченных представлений о преступности, мы ничего не добьемся на практике.

Теории об «идеальном» социализме породили массу вопросов к философам, социологам и, конечно, к юристам, содержание которых сводилось к тому, а как же быть с такими-то и такими-то отрицательными явлениями, с отставаниями в экономике, социальном развитии и т.п. и, конечно, почему же преступность «существует» до сих пор? Обещание близкого и радостного будущего уже в настоящем: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (Н. Хрущев) — никак не совмещалось с реалиями жизни. Хотя статистика преступности не публиковалась, но через разные источники до населения доходило, что она, во всяком случае, не снижается. Умение манипулировать цифрами до поры до времени спасало, но усугубляло ошибки и вело к злоупотреблениям на практике, как и к разложению работников правоохранительных органов, которые были рабами сложившейся и устоявшейся системы показателей преступности, отражавших желаемое, но не действительное. Так иллюзии нанесли трудно поправимый ущерб нравственному сознанию работников правоохранительной системы, породили ханжество и двойную бухгалтерию: для себя, для дела, ибо добросовестный работник всегда знал истинное положение дел и по мере сил вел борьбу с преступностью, и для «отчета».

Не надо также заблуждаться относительно того, что статистические показатели — это и есть истинная цифра преступности. Преступность — явление, обладающее высокой латентностью. По данным научных исследований, по отдельным видам преступлений цифра ниже истинного положения дел в два, три, а то и более раза. Однако это свойство преступности, о чем постоянно говорили ученые-криминологи, игнорировалось в официальных рассуждениях о состоянии преступности. Знать истину мало кто хотел. Однако при этом необходимо сказать и о том, что цифру латентности выявлять весьма трудно. Кроме того, она (цифра) могла резко ухудшить «официальные» показатели. А этого тоже никому не хотелось. Поэтому о латентности преступности разговоры шли лишь в среде ученых. Латентность по разным видам преступности различна. Так, менее всего латентны наиболее тяжкие преступления, такие, как, скажем, убийства, тяжкие телесные повреждения, бандитизм и ряд других. Зато кражи, особенно небольшие, обладают весьма высокой латентностью: о многих из них люди не заявляют, считая это делом бесполезным, многие заявления подобного рода не регистрируются органа-

ми внутренних дел под различными предложениями и т.п. Хищения государственного и общественного имущества, совершенные должностными лицами или теми, кто призван охранять это имущество, порой не выявляются годами. Карманные кражи ставятся на учет лишь те, как правило, по которым вор задержан, и т.д. Поэтому истинной является не статистическая цифра *преступности*, обладающая высокой латентностью, а цифра *осужденных* за те или иные виды преступлений. Однако и здесь нужно сделать поправку на то, что многие лица, совершившие малозначительные преступления, освобождаются от ответственности в соответствии с законом либо до суда, либо самим судом. Такова реальность. Познать ее можно лишь по мере расширения гласности в освещении проблемы преступности. Польза от такого познания очевидна. От того, что мы скажем правду, мир не разрушится. А вот поднять активность населения будет можно, определить направления борьбы с наиболее опасными видами преступности — тоже, как и установить действительно необходимое число работников правоохранительных органов, ибо они задыхаются в большой массе преступлений и правонарушений, на совершение которых обязаны реагировать. Пока говорить о научной обоснованности определения штатной численности этих органов не приходится, даже без учета латентности преступности. Практические работники «прячут» преступления нередко еще и потому, что мелких преступлений, особенно краж, так много, что работники просто не справляются с этим «валом». Откладывая работу по ним сегодня, они укрывают их от учета завтра, и так с нарастающим итогом. Не будем скрывать, что мелкую кражу раскрыть значительно труднее. Отсюда — искусственная латентность.

Иллюзии о преступности сеялись не только в отношении ее состояния, цифры, но и характера. Так, в литературе и периодической печати постоянно говорилось не только о «неуклонном снижении» преступности, но и об изменении в лучшую сторону ее характера, т.е. об уменьшении в общей массе преступности тяжких преступлений, «ликвидации» профессиональной преступности, о «помельчании преступности» и т.д. Следует, однако, сказать, что для утверждения об изменении ряда параметров преступности в лучшую сторону в определенные периоды основания были. После окончания, например, Великой Отечественной войны общая цифра преступности уменьшилась. В общей массе преступлений значительно меньше стал удельный вес преступлений несовершеннолетних (долгое время он равнялся 4—6%, что является весьма низким показателем), снизилось число тяжких преступлений; таких преступлений, как бандитизм, бывало по 20—40 в год, что на фоне сотен тысяч зарегистрированных преступлений действительно ничтожная доля. И т.д. Убаюканные этим, мы просмотрели либо недооценили накапливавшиеся негативные процессы в общественной жизни, подавленные трескотней в общественных науках и прессе о преимуществах социализма. В результате постепенно цифра преступности стала расти, а характер

ее — усложняться. Преступность несовершеннолетних с 4—6% возросла до 15—20%. При этом имело значение не только то, что в воспитательной работе с молодежью отмечалось все более осязаемое неблагополучие, но тот простой факт, что численность молодого населения по сравнению с первыми послевоенными годами стала стремительно расти. Формы же работы с ним закоснели, а разочарование в действительности, крушение авторитетов, разрыв между словом и делом в реальной жизни, усиление влияния идеологии разложения и попкультуры и другие негативные явления, существующие сегодня, стали теми причинами, которые привели к резкому росту преступности несовершеннолетних и молодежи.

Стяжательство и коррупция значительного слоя работников партийных и государственных органов сказались и на общеуголовной преступности. Мы раньше в лучшем случае недооценивали, а в худшем — замалчивали эту связь. Между тем она очевидна. Мелкие хищения на производстве, как и вообще этот вид преступлений, не что иное, как реакция на то, что должностные лица запускают руку в государственный карман «по-крупному». В числе прочего, конечно. В то же время мелкие хищения — это и реакция на дефицит, и, не будем скрывать и прятаться за слова, прямое следствие нехватки товаров и продовольствия, низкого уровня жизни отнюдь не малой части населения. Если в магазинах нет, скажем, колбасы или мяса, то удивляться большому числу краж этих продуктов с мясокомбинатов не приходится. Как и тому, что вместе с этими негативными явлениями растет и число таких преступлений, как спекуляция. И только правовые меры здесь не помогут. Не будем заблуждаться на этот счет.

Длительное время средства массовой информации (робкие голоса ученых тонули в этом хоре) утверждали, что у нас ликвидирована профессиональная преступность. Но это тоже было выдачей желаемого за действительное. В 20 — 30-е гг. действительно ушли в небытие профессиональные убийцы, воры, мошенники и некоторые другие преступники подобного рода, доставшиеся нам в качестве иллюстрации закона социальной наследственности. Меры по борьбе с ними, ликвидация беспризорности и другие дали тогда положительный результат. Но преступность обладает свойством к самовоспроизводству, особенно в связи с напряженными социальными ситуациями. А их за годы жизни нашего государства было предостаточно. Рождалось новое поколение преступников, совершавших не одно и не два преступления. Мы их «скромно» именовали не профессиональными преступниками (их ведь при социализме быть не должно!), а рецидивистами. (Хотя рецидивист не всегда профессионал.) Однако любой практический работник (если он не шел вслед за пропагандой или хотя бы в душе с ней не соглашался) и добросовестный ученый-юрист понимали, что подобные утверждения не соответствуют действительности. Ну кто такой карманный вор, например? Конечно же, профессионал. Ясно, что без специальной «подготовки» и тренировок в чужой карман безнаказанно не залезешь. И это — самый элементарный при-

мер. Или мошенники. Эти люди, разрабатывающие свои методы, прекрасные психологи. Отрицая подобное в теории (зато показывая в кино), на практике осуществляли специализацию работников правоохранительных органов (уголовного розыска, например), ибо без этого предметная борьба с преступностью просто невозможна. Более того, криминальный профессионализм стал все более углубляться и расширяться на практике, в то время как в теории многие продолжали повторять обветшалые прописные «истины», «защищая» социализм. Иллюзии об отсутствии профессиональной преступности крепко засели в общественном сознании. Но что еще хуже — они дезориентировали практику.

В этих условиях ученым-криминологам было весьма непросто говорить о реальности. Однако еще в конце 60-х — начале 70-х гг. была высказана мысль о том, что у нас существует «атавизм профессиональной преступности» и «преступная специализация» (с чего-то нужно было начинать говорить правду!). Это было встречено в штыки. Но сегодня даже это утверждение не является истинным. Есть у нас и мафиозные организации (которые нельзя отождествлять с традиционной мафией, поскольку в каждой системе и стране есть свои особенности), и сращивание партийного, государственного аппаратов с общеуголовной преступностью, и рэкет. Более того, сегодня реальность не только профессиональная, но и *организованная* преступность.

Констатация этого есть крушение иллюзии о каком-то «особом», «облегченном» характере преступности в условиях нашего общества, о том, что мы «решили» главные ее проблемы и «готовы к ее ликвидации» или, как часто писали, «искоренению». Очевидно, что до «ликвидации» и «искоренения» далеко. И в этом тоже заблуждаться не будем.

Та преступность, которая «вдруг» свалилась на нас сегодня, лишь подтверждает недопустимость кавалерийских наскоков на сложные социальные явления, а также зависимость преступности (причинность) от экономических, социальных и иных условий функционирования общества, от того, что провалы и недостатки в экономической и социальной подготовке оживляют негативные явления. Более того, скажем прямо: если профессиональная общеуголовная преступность давно присуща нашему обществу, можно сказать, «нормальное» явление, то организованная преступность стала грозной опасностью для него сравнительно недавно и развилась на почве коррумпирования государственного аппарата, его сращивания в ряде случаев с общеуголовной преступностью.

Именно сегодняшние реальности рожают новые виды профессиональной и носящей организованный характер преступности.

Позволю себе привести вначале условное сравнение. В свое время Ф. Энгельс в известной работе «Положение рабочего класса в Англии» писал о том, что кражи являлись стихийной формой протеста рабочего класса (недостаточно организованного) против отношений

частной собственности. Сегодня мы столкнулись с таким преступлением, как рэкет. Жертвами этого преступления становятся, в частности, кооператоры, нередко сами не чистые на руку, что хорошо известно рэкетирам. Причем рэкетеры объясняют свои действия тем, что кооператоры (имеется в виду в первую очередь кооперация в городах, связанная с обслуживанием населения услугами, посредничеством и т.д.) незаконно наживаются за счет государства и граждан, вздувают непомерно цены на свою продукцию, скупают сырье и продукты в государственных магазинах и реализуют свою продукцию по завышенным ценам, нередко в 5, а то и в 10 раз превышающим государственные. Причины, приведшие к их возникновению, — бездумный подход к организации кооперативного движения, а также то, что к нему примазалось немало тех, кто ранее занимался хищениями, взяточничеством и другими преступлениями. Удивительно то, что такая, с позволения сказать, кооперация насаждалась сверху, а теперь «верх» хочет остаться в стороне, перевалив обязанность решать вопрос о том, какая кооперация «хороша», а какая «плоха», вниз. Хаос в мышлении верхов, в кооперации, а также там, где происходят уже трудно поддающиеся регулированию процессы, должен исправлять «низ». Выпустить джинна из бутылки легче, чем загнать его обратно.

К борьбе с такой преступностью оказались неподготовленными и наше законодательство, и правоохранительные органы, и общественность. Очевидна и ущербность теорий о пережиточном характере преступности и тем более ее близкой ликвидации, как и объявление войны ей без решения экономических и социальных проблем. Преступность ведь не изолированное от социальной действительности явление.

Следует сказать еще об одной теоретической концепции, существовавшей в прежней редакции Программы КПСС. Теперь этих положений нет. В этом заслуга юристов, стремившихся исподволь (поскольку прямо это было говорить невозможно) показать, что эта концепция не согласуется ни с реалиями жизни, ни с ленинскими положениями, изложенными в работе «Государство и революция». Речь идет о тезисе, согласно которому в короткий срок должна быть «ликвидирована преступность и все причины, ее порождающие» (что нужно рассматривать в совокупности с изложенным выше «требованием» о том, что в «обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности»). Между тем была очевидна их теоретическая нелепость. Ясно, например, что «ликвидировать преступность», да еще в установленные произвольно сроки, конечно, невозможно. Кроме того, Ленин говорил не об обществе, «строящем коммунизм», в котором преступность будет сведена до уровня эксцессов (заметьте большую осторожность ленинской формулировки), а о том, что это может произойти лишь с победой коммунистических общественных отношений. Согласитесь, что это далеко не одно и то же. Кроме того, если останутся эксцессы, то будут и их причины. Я уж не говорю о том, что если ликви-

дировать «все» причины какого-либо явления, то остановится жизнь, ибо беспричинных явлений ни в природе, ни в обществе не бывает. Нарушится взаимосвязь и взаимозависимость явлений, практически снимется кардинальный вопрос о роли противоречий в развитии общества и общественных отношений.

Забегание вперед, построение оторванных от жизни теоретических концепций — достаточно характерная черта развития нашей общественной мысли длительного периода времени.

Глубокое изучение сложнейшего отрицательного явления подменялось лозунгами и постановкой нереальных задач, криминологическая теория должна была «доказывать» правильность ложных теоретических посылок, практика подталкивалась на принятие «форсированных» решений, общественное мнение будоражилось, а когда положение с преступностью осложнялось, «виновных» искали лишь в правоохранительной системе. Впрочем, мы здесь не оригинальны, мы просто «забывчивы». Когда мы критиковали капитализм за высокую преступность, западных теоретиков за упрощенный подход к преступности, за то, что они сваливают вину за рост преступности с общества только на полицию (главным образом) и другие правоохранительные органы и делают это для того, чтобы снять вину с самого капиталистического общества, то забывали, что у нас самих концы с концами не сходились. Да и сейчас можно встретить теоретиков и практиков, которые сложнейшую проблему предупреждения преступности сводят лишь к деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, «забывая», что борьба с преступностью — это осуществление комплекса экономических, социально-культурных, воспитательных мер, а не только и не столько правовых. Хотя, конечно, вся деятельность правоохранительной системы осуществляется на основе и в рамках закона. Но эта сторона борьбы с преступностью — лишь часть, но не вся проблема. Иллюзий на этот счет тоже не должно быть.

Вот почему из новой Программы КПСС исчезли нереальные формулировки. Борьба с преступностью справедливо рассматривается не как изолированная, самостоятельная задача, а как составная часть всей деятельности общества и государства по совершенствованию социалистических общественных отношений. Важно только, чтобы это было понято всеми членами общества, чтобы не нашлись вновь люди, которые будут стремиться к тому, чтобы «доказать» быстрые успехи перестройки путем создания теорий, оторванных от жизни, «подталкивающих» практику на принятие форсированных решений. В том числе в области борьбы с преступностью. Уж это-то пора научиться понимать. Горький опыт истории не должен игнорироваться. Никем. Тем более — учеными. Опасность же такого поспешного подхода существует и сегодня.

Таким образом, движение преступности всегда было волнообразно и зависело от конкретной социальной ситуации. Никакого «неуклонного снижения» ее у нас не было. Были периоды, когда цифра пре-

ступности несколько снижалась, были периоды ее возрастания. В разных регионах страны колебания цифры преступности были неодинаковыми. Были регионы более благополучные и менее благополучные. С некоторыми видами преступности борьба велась более успешно, с другими — менее. Экономические и географические особенности регионов тоже имеют значение. Так, например, север и северо-восток страны характерны большим числом преступлений насильственного и корыстно-насильственного характера, в том числе на почве пьянства. Южные же районы более поражены корыстными преступлениями — хищениями и пр., — хотя и там немало насильственных преступлений против личности. Промышленные и сельские районы тоже отличаются друг от друга по характеру преступности. Имеют значение и национальные традиции, нравы и обычаи (как это имеет, например, место на Северном Кавказе). А наркомания ведет свое распространение от местностей, где произрастают наркотикосодержащие растения, что наиболее характерно для республик Средней Азии, ряда районов Кавказа (хотя ныне распространение этого зла идет и из макосеющих районов).

Кстати, скажу в этой связи о наркомании, что тоже ныне воспринимается многими людьми как сенсация. В нашей печати прошла такая цифра: 50 или 60 тыс. наркоманов состоят ныне на учете в органах внутренних дел и здравоохранения. (Наркомания и токсикомания усилились в нашей стране и в связи с неуклюжей (опять в основе своей — запретительной!) «борьбой» с пьянством и алкоголизмом.)

Но если сейчас стало возможным приоткрыть завесу над тем, что было, то приоткроем ее и в отношении наркомании и наркоманов: еще почти 15 лет тому назад на учете в уголовном розыске их было... те же 50 тыс. Так что если говорить серьезно, то я думаю, что сейчас их больше, чем об этом говорят официальные данные. Самообманом было утверждение, что наркомания — это зло, характерное только «для них».

Вот почему наше население и впало в «шоковое» состояние, задавая вопрос: «Как! И у нас есть наркомания?!» И есть, и, главное, всегда была. Начиная с 20-х годов, когда широкое хождение имел такой наркотик, как кокаин. В худшую сторону изменились только масштабы явления.

Наркомания двулика. С одной стороны, это проблема социально-медицинская, приобретенная в процессе социальной практики. Болезнь, практически неизлечимая или почти неизлечимая, сказывающаяся на потомстве. Это «зона риска» для СПИДа. С другой стороны, это преступление: хищение, хранение, распространение и т.п. Во многих странах, в том числе и в ряде наших республик, наказуемо в уголовном порядке и потребление наркотиков (в РСФСР потребление наказывается в определенных случаях в административном порядке либо назначается принудительное лечение). Меры наказания, как правило, во всех странах весьма суровы, вплоть до применения смертной казни. Однако если преступность манипуляций с наркотиками

не вызывает сомнений, более того, наркотический бизнес везде, и у нас в том числе, — вид организованной преступности, в чем ее особая опасность, то с потреблением и ответственностью потребителей вопрос гораздо сложнее. Исторически сложилось так, что чаще начинали борьбу против наркомании с потребителей, наиболее несчастных жертв этого зла. На них обрушивали и уголовную кару. По моему глубокому убеждению, в этом одна из причин того, что медики не нашли до сих пор эффективных методов лечения этой болезни: они привыкли к тому, что наркомания, в том числе потребление наркотиков, — преступление. А раз так, то тут медикам «делать нечего». Так и ищем защиту от этого зла в наказаниях. Старый, дискредитировавший себя метод. Но, как известно, тюрьмой болезнь не вылечишь. Когда в РСФСР решался вопрос о законодательстве против наркомании, то было принято, на мой взгляд, единственно правильное и гуманное решение: сурово карать распространителей зла (всех видов), а потребителей по возможности возвращать к нормальной жизни социально-медицинскими и административными мерами. И здесь недопустимо упрощение проблемы, как и путей ее решения. Тем более, что к пьянству и наркомании «присоединилась» токсикомания — явление действительно новое в таких больших масштабах, как оно нам открылось, во всяком случае. Здесь у нас провалы и в социальной практике, и в воспитании, и в законодательстве, и в медицине.

Аналогичная картина и с таким негативным социальным явлением, как проституция. Ее наличию тоже все удивляются. И напрасно. Причем это удивление очень смахивает на обычное ханжество. Всегда были женщины подобного рода. Только называли мы их не проститутками, а «женщинами легкого поведения». Мы ведь часто не явления боялись, а слов. Явление можно «не заметить», а в пропагандистских целях даже объявить несуществующим. Я не буду далее писать о проституции, о ней сейчас много пишут, тем более что проституция — не преступление и попытки решать эту проблему лишь с помощью уголовного закона несостоятельны и напоминают мне посылку административно-командной системы: «Запретить! Наказать!» Это — большая социальная проблема и в то же время питательная среда и для преступности. Многие проявления преступности связаны с ней. Сами проститутки, как аморальные личности, втягиваются в преступления, нередко являясь соучастницами преступлений, членами организованных преступных групп (в этих случаях они несут ответственность как и обычные преступники), выполняют роль «приманки» при совершении различных преступлений. В этом плане они и объект изучения криминологии, и объект правоохранительной практики. В целом же проблема проституции шире и сложнее. И одними заклинаниями и проклятиями делу не поможешь. Она есть один из видов отклоняющегося поведения, как говорят социологи.

Вообще преступность корнями своими связана практически со всеми негативными явлениями общественной практики, со всеми социальными отклонениями, является их крайним выражением. Рож-

даясь как следствие недостатков в экономических, социальных отношениях, идеологии и воспитании, она оказывает обратное влияние и воздействие на причины, ее породившие, и условия, ей способствующие. Обобщенно: недостатки планирования рожают должностные злоупотребления, нехватки материальных фондов и средств рожают хищения и взяточничество, дефицит — те же преступления плюс кражи, обман покупателей и мошенничество, все это вместе — коррупцию и в конечном счете организованную преступность; провалы в воспитательной работе и идеологическом воспитании рожают пренебрежение к моральным ценностям, к человеческой личности, а отсюда и преступления против личности, включая убийства, насилие и т.д. Часто эти причины как бы переплетаются между собой, рождая сложные преступления, где участники их все не однозначны по своему культурному уровню, взглядам на социальные ценности. Порой удивляешься тому, что же объединило этих столь разных людей.

Обратная же связь проявляется, например, в том, что крупные хищения и взяточничество, иные должностные преступления тормозят экономическое развитие предприятий и целых регионов. Ведь, скажем, хищение фондируемых материалов срывает выпуск продукции в том объеме и качестве, которые были необходимы и на которые государство, общество, люди, наконец, рассчитывали. Безразлично относясь к воспитанию людей, мы теряем из рядов тружеников тех, кто осуждается за преступления. Вспомним К. Маркса, который говорил, что общество, «делая» преступников, каждый раз отсекает от себя полезные для него части — члена семьи, отца и т.д.

Необходимо бороться с преступностью и в то же время, как это ни парадоксально звучит, не «делать» преступников. А мы, к сожалению, своей практикой, да и неуклюжими законами способствуем и этому. Объясню, что я имею в виду, ибо от практики, как и законодательства, цифра преступности тоже меняется.

В сознании населения укоренилась иллюзия всеисилия закона. Особенно уголовного. Ход мыслей при этом весьма прост: «не хватает» законов (это мнение весьма субъективно) — принять их; «не годится закон» — изменить его или издать новый (что тоже не от анализа практики, а от субъективных восприятий); принять закон «пожестче», наказывать всех, да построже (включая мучительные и позорящие наказания — таких предложений превеликое множество!) и т.д.

А как же быть с демократизацией, с сужением сферы принуждения в управлении обществом и государством и, естественно, со сферой применения уголовной репрессии? Можно прямо сказать: между этими идеалами и общественным сознанием сегодня еще дистанция отнюдь не малого размера. Всем все понятно вроде бы, когда в этом плане речь идет о прошлом, в особенности о репрессиях в отношении «врагов народа». Здесь все за гуманизм и демократизацию. Но ведь демократизация должна пронизать *все* сферы общественного бытия. Это тем более надо понимать, когда речь идет о случаях совершения

преступлений людьми, которые вчера еще были полноправными членами общества, людьми, имеющими семьи, детей, часто добросовестно трудившимися. Они стали преступниками *в нашем обществе*. Этим все сказано. Значит, принципы уголовного законодательства должны быть равными для всех. Ни одно преступление не должно остаться безнаказанным, но и ни один невиновный не должен быть привлечен к ответственности. Это — аксиома правосудия, тем более в обществе, которое создает правовое государство. И нельзя помнить о презумпции невиновности, когда речь идет об оценке событий прошлого, но недооценивать этот принцип сегодня. Нельзя бремя доказывания перекладывать на плечи обвиняемого. Но, пожалуй, самое главное — нельзя более оставлять беззащитным потерпевшего от преступления. Ведь, в общем-то, вся система правосудия построена для защиты граждан от преступных посягательств. Нет нужды и в переизбытке уголовных законов, в которых отражены конкретные преступления. Уголовное законодательство и уголовная репрессия должны быть экономны, разумны и гуманны. Весь опыт человечества подводит нас к этому выводу. Уголовная ответственность должна наступать за действительные преступления, а не за мнимые или надуманные. Нельзя забывать, что каждый новый уголовный закон — это и новые преступления, и новые преступники. Но бояться в этой связи нужно не «роста преступности», а того, что ярлык преступника может быть приклеен за такое деяние, с которым можно вести борьбу и иными мерами. Как и излишне суровые наказания за преступления ведут к весьма негативным для общества последствиям.

Уголовный кодекс должен приводиться в действие тогда, когда будут исчерпаны иные социальные и воспитательные меры. Предупредить преступление труднее, но значит ли это, что, боясь трудностей (ведь речь идет о человеческих судьбах), нужно идти по «легкому» пути, столь много бед принесшему людям?

В то же время сказанное не означает отказа от применения суровых наказаний в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления, преступников-профессионалов, членов организованных групп.

2. Естественным продолжением сказанного будут соображения о роли криминологической науки, занимающейся анализом всех сложных проявлений общественных отношений и противоречий, рождающих преступность, общетеоретической науки о преступности, опирающейся в то же время на практику.

Криминология как наука в нашей стране прошла короткий путь своего становления и развития, но путь стремительный: от полного отрицания и ярлыка «буржуазной» (а потому — никому не нужной!) до полного признания как необходимого инструмента в познании преступности и разработке мер ее предупреждения. Может быть, одним из наиболее значимых результатов этого развития стало овладение практическими работниками правоохранительной системы (и не только ее) криминологическим мышлением, а также то, что законодательство в значительной части случаев покоится ныне на кримино-

логическом анализе явлений социальной действительности. Уже одного этого не так уж мало, если говорить об эффективности науки, относящейся к категории наук общественных (хотя место юридической науки в системе наук в условиях построения правового государства какое-то, мягко говоря, странное: и общественная и не общественная, а впрочем, и не естественная или техническая. Но это — к слову).

Естественно, что развитие криминологии не было и не может быть гладким. Более того, оно полно противоречий, порой весьма острых (достаточно вспомнить дискуссию о соотношении социального и биологического), немало было (и есть) споров схоластических о понятиях и дефинициях (чем некоторые ученые пытались и пытаются подменить конкретные криминологические исследования), были, к сожалению, и попытки обратиться к директивным органам с тем, чтобы привлечь к ответственности «клеветущих на социализм», попытки таким привычным административно-командным способом «разрешить» научные проблемы. Однако криминология, несмотря на это, остается наукой, которая обязана говорить вещи неприятные, ибо она занимается исследованием негативных явлений в социалистическом обществе. И от этого никуда не уйдешь. А если хочешь идеологией подменять фактологию, то делать тогда в криминологии нечего. Во всех случаях криминолог-исследователь должен быть предельно добросовестным и объективным. Рассмотрим в этом плане некоторые направления, где наука должна сказать свое принципиальное слово.

Во-первых, надо решительно поставить грань между понятиями «преступность» и «судимость». До сих пор нередко одно подменяется или заменяется другим. Причем происходит это в двух случаях: по неразумию и недостаточной компетентности (что простительно и преодолимо) и намеренно, для того чтобы «отстоять» обветшалые лозунги о том, что у нас преступность «неуклонно снижается» или что «у нас» лучше, чем «у них». Последнее и есть наиболее характерный пример «идеологизации» того, что идеологизировать недопустимо. И проистекало это, как уже было сказано выше, в значительной степени потому, что длительное время философы и другие представители обществоведения доказывали, что социализм — самый совершенный, самый передовой, «развитой» и пр. строй, в котором и все явления (в том числе негативные) — «передовые». Естественно, это стремление показаться лучше всех отразилось и на характеристике преступности как явления якобы «затухающего» и «пережиточного», «неуклонно снижающегося» и пр., между тем преступность есть закономерное для социализма явление, она имеет социальный характер и свои законы, как, разумеется, и причины. Все это — важные теоретические положения. Однако сейчас мы не имеем права рассуждать о преступности на уровне прежних о ней представлений и оценок. Но сделать новый шаг мы сможем лишь тогда, когда преодолеем трусость перед картиной преступности. Справедливости ради следует сказать, что трусость эта присуща сегодня значительно меньше ученым, а больше всего, ве-

роятно, идеологам, до настоящего времени находящимся в плену идеи о «преимуществах социализма». Но почему я говорю об этом в связи с тезисом о необходимости различать понятия «судимость» и «преступность»? Да потому, что сейчас открылись ворота «статистического царства». Но как? Иногда странно. Данные о преступности за 1987 г., например, опубликованные в статистическом ежегоднике за 1988 г., свидетельствовали о повторении старых ошибок и о старых страхах. Вперемешку там давались цифры о судимости и о преступности, между ними ставился знак равенства. За исходное был взят 1985 г., и давалось сравнение с 1986 и 1987 гг. (почему?!). Прослеживалась четкая «тенденция»: каждый последующий год лучше предыдущего. Тем самым исподволь навязывалась мысль, что вот, мол, началось перестройка и все стало «хорошо». Зачем это возвращение к штампам прошлого? Мне могут сказать: но ведь это цифры. Да, цифры. Но не *преступности*, а *судимости*. И говорят они прежде всего о том, что изменилась карательная практика, что меньше стало осуждаться людей к лишению свободы (я называю именно эту меру, ибо в опубликованных данных взяты те виды преступлений, за которые чаще всего назначается именно лишение свободы). Кроме того, эта картина оказалась недолговечной, а характер преступности весьма неблагоприятным. Зачем же вводить в заблуждение людей, не слишком-то разбирающихся в этой непростой проблеме? Если же взять цифру совершенных преступлений, да еще с учетом того, что характер преступности по многим параметрам ныне куда более опасен, чем ранее, то станет ясно, что сеять иллюзии среди населения не стоит. Вот почему необходимо различать названные понятия.

Во-вторых, перед учеными-криминологами во весь рост встала проблема снятия маскировочных халатов с характера преступности, что есть одна из важнейших ее составных. Без этого понятие преступности будет неполным, неточным, «облегченным». Собственно, таким оно длительное время и представлялось общественному мнению, а некоторыми учеными и практиками — еще в 1989 г. Целые пласты, пожалуй, самых сложных составных элементов оставались за бортом понятия преступности или присутствовали в нем «нелегально».

Речь идет о явлении профессионализма в преступности. Вслед за идеальными (чтобы не сказать — идеалистическими) теориями социализма конструировалось и «облегченное» определение содержания преступности. В теории и особенно в периодической печати утвердилось мнение об отсутствии у нас профессиональной преступности. Правда, и в теории, и в законодательстве, и на практике мы оперировали понятиями «рецидивист», «особо опасный рецидивист», в кино показывали изощренных и умных преступников, возглавлявших устойчивые преступные группы, для которых места в нормальной социальной жизни якобы не было. Все они были специалистами своего дела. Но слова «профессионал» вопреки действительности боялись как огня. Наука сегодня должна тщательно изучить новые явления, дать в руки практике рекомендации о методах борьбы с опасными видами

преступности, разработать уголовно-правовые и уголовно-процессуальные формы этой борьбы. Как и осмыслить количественные параметры разных видов преступности в целях разработки мер их предупреждения.

Сложной научной проблемой является и осмысление организованной преступности, представляющей, пожалуй, наибольшую общественную опасность. Вероятно, надо исходить из того, что если профессиональная преступность в «смягченных», скажем так, формах существовала всегда, то организованная преступность — сравнительно недавно «оформившееся» явление.

Она имеет как бы два русла: общеуголовную преступность и преступность, где «главные персонажи» — должностные лица, и оба эти русла имеют тенденцию к слиянию.

Вскрыть все сложности организованной преступности, врезавшейся широким слоем в наше общество, обязаны ученые-криминологи. Впрочем, думаю, что не только они. Без знания того, например, какие экономические несообразности привели к положению, когда коррупция как ржавчина разъела народное хозяйство, или без социологических исследований социальных аномалий, не относящихся прямо к преступности, но сопутствующих ей, не обойтись. Как не обойтись и без глубокого анализа политологов, которые должны выяснить механизмы коррумпирования власти.

В-третьих. Говоря о преступности, следует осознать еще одну реалью: появились новые виды преступлений, рожденные сегодняшними противоречиями развития общества.

Переход экономики на хозрасчет, самофинансирование, бригадный и семейный подряды, менее жесткое планирование, оптовая торговля, прямые связи между предприятиями, развитие кооперации и т.п. — это не только благо — криминологи обязаны констатировать это именно сейчас, в начале пути, хотя многим, очень многим это не по душе, — ибо это еще и рождение новых форм преступности. Таково противоречие жизни. Еще не сложились экономические отношения, и право, конечно, не может бежать впереди них, но если экономисты, ослепленные подчас борьбой против административно-командных методов в экономике, ничего (или почти ничего) не видят, кроме того, что они должны построить новый хозяйственный механизм, то юристы вообще и криминологи в частности должны видеть то, что ускользает от внимания других. Говорить громко и настойчиво, не боясь навлечь на себя гнев и критику. Иначе этого не сделает никто, а потом опять кто-то будет «исправлять ошибки» и проклинать своих предшественников.

Правоохранительные органы в этих новых условиях также порой проявляют беспомощность, и удивляться этому, вероятно, не следует, как и фиксировать внимание лишь на ошибках, — им надо помогать, для них критическая ситуация в стране тоже неожиданность. Всегда надо помнить, что на волне преобразований образуется пена, а неустойчивость экономических отношений, их пере-

ходность рождает людей, стремящихся погреть руки. Реальность жизни ярко доказывает это.

Можно привести и такой пример, весьма важный для научного осмысления. Формы и методы такого традиционного преступления, как хищение государственного и общественного имущества, тоже резко изменились. Предприимчивость (социалистическая!) некоторых наших «бизнесменов» явно выходит за пределы дозволенного и разумного. В то же время разумную предприимчивость хозяйственного руководителя нельзя мерить сегодня прежними мерками, по которым любое отступление квалифицировалось в лучшем случае как должностное злоупотребление, а в худшем — как «интеллектуальное» хищение (хотя ущерба государству и не наносилось). Перед беспардонным поднятием цен кооператорами «померкло» и такое преступление, как спекуляция. Есть люди, которые громко кричат о том, что такого преступления нет. Есть — бизнес. Но где бизнес (вот мы и приняли на вооружение «их» термин), а где преступление, должна сказать наука.

Осмыслить эти вопросы позволит принятие Закона о собственности — ее содержании, существе и формах. Углубление знания проблемы нужно не само по себе, не для научных дискуссии, а прежде всего для того, чтобы дать правильное направление практике, при этом только правовой.

Новые, не осмысленные и еще не изучаемые криминологией виды преступности возникают и на почве развития научно-технического прогресса. И если для других стран это уже реальность, то для нас — новость. Речь идет, например, о так называемых компьютерных преступлениях. В мире уже немало случаев, когда компьютерное мошенничество (весьма отличающееся по объективной стороне от обычного мошенничества) приносит преступникам миллионные доходы. Причем оно долго остается латентным. Сейчас компьютерные системы почти всех стран трясет от страха (и не только от страха, но от реальных бедствий) перед «компьютерным вирусом». Есть такие факты, кстати, и у нас. Цифры этой преступности нам неизвестны. По-видимому, на нынешнем уровне знаний криминологам не постичь эту проблему, они ее сегодня могут лишь констатировать. Юристы других специальностей тоже не готовы к серьезному анализу этого вида преступности. А он (анализ) абсолютно необходим, в частности, и для законодательного решения этой проблемы. Очевидно, что здесь сплошные белые пятна. Заполнить их, хотя бы в первом приближении, необходимо уже в стадии работы над правовой реформой. И не только юристам, но прежде всего специалистам в области компьютерной техники.

Вернуться, вероятно, надо и к проблеме латентности преступности. Наука начала заниматься ею, но, установив определенные ее закономерности и параметры, остановилась. Между тем ясно, что не официальная цифра преступности (статистическая) и тем более не цифра судимости говорят о существе и остроте проблемы как явления. Обычно мы говорим о том, что хотя официальная цифра такая-

то, но, вероятно, она значительно больше. До недавнего времени мы очень любили делать это применительно к другим странам, прозрачно намекая на то, что вот, мол, как там обстоит дело в действительности. Например, приводя цифру так называемых индексных преступлений в США, мы говорили и писали, что на самом деле, по-видимому, там, скажем, не 13—15 млн. преступлений, а 30, а то и более. Но думаю, что нам пора начать добираться и до собственной, хотя бы близкой к истине цифры преступности, понимая, однако, тот непреложный факт, что абсолютно точной цифры преступности мы не будем знать никогда. Иллюзий на этот счет строить не следует. Мы будем «бежать» за этой цифрой точно так же, как «бежим» за абсолютной истиной, лишь постепенно приближаясь к ней. И нужно это делать не только и не столько ради достижения «чистоты исследования», сколько для того, чтобы механизм предупреждения преступлений был повернут в нужную сторону.

Наконец, последний вопрос, относящийся к углублению наших знаний о преступности. Он был или вне поля зрения исследователей, или на обочине исследований. Речь идет о преступлениях государственных (или, как более удачно предлагается в проекте нового уголовного законодательства, преступлениях против государства), а вместе с этим и о так называемых «политических преступлениях».

Здесь есть ряд сложных и неисследованных вопросов. Главный из них — идентично ли понятие преступлений против государства понятие политических преступлений? Мы ведь помним утверждение о том, что «у нас нет политических преступлений». Утверждение было. А вот определения «политического преступления» — нет. Понятие «преступления против государства» имеется практически в любом законодательстве. Это и измена, и шпионаж, и террористические акты, и ряд других преступлений (они не во всех законах одинаково формулируются). Но «политические» ли это преступления? Термин этот — не юридический. Его ввели в обиход политики, особенно в тот период, когда в нашей стране активно действовали так называемые «диссиденты». И мы начали с того, что стали отбиваться от нападков, шедших из-за рубежа, утверждая, что у нас нет осужденных за «политические преступления». У нас их просто нет в законе, нет их научного определения, никто и никогда не давал их характеристики, не подвергал юридическому либо криминологическому анализу. Нельзя ведь анализировать то, чего нет. А вот отбиваться от нападков политических противников, оказывается, можно.

Между тем у тех немногочисленных криминологов, которые занимались проблемой государственных преступлений, в том числе и в соответствующих главах учебников и курса криминологии, этот вопрос даже не возникал. Мне думается, что между преступлениями против государства и «политическими преступлениями» (будем исходить из существующей терминологии и из субъективного пока понимания проблемы, а не из научного определения, поскольку оно отсутствует) разница есть, и весьма существенная. Преступления против государ-

ства могут быть, конечно, совершены по политическим мотивам, точнее, по мотивам несогласия с существующим строем, политикой правительства, глубоких идейных расхождений с господствующей идеологией, но они могут быть совершены и по другим мотивам, скажем, из корысти. Политическими же преступлениями, по моему мнению, могут быть не только и не столько преступления, сходные по объективным признакам с преступлениями против государства, но главным образом преступления, совершаемые людьми, обладающими реальной политической властью, в борьбе за власть, связанные с устранением политических идейных противников, возможные именно вследствие обладания силою властных полномочий. А те, что ныне подразумеваются под политическими преступлениями, вовсе не являются таковыми. Более того, термин этот, в том виде, который имеется в обиходе, затушевывает суть и опасность настоящих преступлений, связанных с борьбой за власть, когда страдают и большое число «политических противников», и «по пути» массы непричастных, по существу, к борьбе за власть людей. События 20-х — 50-х гг. в нашей стране (впрочем, не только в ней) ярко показывают суть политических преступлений, которые, конечно, в статистику преступности не входят, и те, кто совершают эти преступления, чаще всего осуждаются не судами, а историей. И когда от нас требовали освобождения «политических заключенных», то речь шла о действительных политических противниках Советской власти, совершивших конкретные преступления против государства, и эти преступники подсудны нашему суду и по нашим законам, как это есть в любой стране. Думаю, что обозначенная проблема требует глубокого изучения. Но очевидно главное. Сущность и содержание понятия «преступность» гораздо сложнее, чем мы до сего времени представляли.

Следующий вопрос, имеющий важнейшее значение для теории и практики, — это вопрос о *причинах преступности*. Общая теоретическая концепция причинности в криминологии сложилась. Она получила отражение в работах многих советских ученых (В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Долговой и других). Коллективный разум ученых помог выработке концепции, которая с теми или иными модификациями вполне удовлетворяет нужды науки и практики. Лично я только не могу согласиться с теорией о «полной причине» (одной?!) преступности, заимствованной некоторыми криминологами у философов, вследствие ее расплывчатости, своеобразного «мешка причин», в который брошены все, в том числе разнопорядковые и разноуровневые явления, не проводящей четкого разграничения между причинами главными и второстепенными, общими и конкретными, причинами и условиями, как и не устанавливающей взаимодействия между ними. Но, повторяю, это дело вкуса. Здесь же мне хотелось бы сказать о другом.

Коль скоро понятие преступности требует глубокого проникновения в ее сущность, такой же подход необходим и при изучении при-

чин преступности, конкретных ее составных, отдельных видов и отдельных преступлений, условий, им способствующих.

И здесь, что диктуется реалиями нашего развития, на первый план выходит проблема экономических отношений и преступности. Общеизвестно положение, согласно которому базисные (экономические) отношения определяют все остальное как в положительном, так и в отрицательном плане. Идеализация социалистических экономических отношений привела к тому, что «недопустимым» считалось даже только стремление искать в них, мягко говоря, узкие места, приводящие (о ужас!) к преступлениям. А между тем оказалось, что и сам-то экономический базис социализма совсем не совершенен и в нем самом, как базисе переходного периода, оставалось то, что присуще было капиталистическим общественным отношениям, да и перекосов, деформаций и отклонений разного рода и в самих экономических отношениях, и в хозяйственном механизме, и в положении социалистической собственности оказалось предостаточно. Как, кстати, и в жестком планировании (да еще недостаточно продуманном) материальных фондов и финансовых средств заранее как бы были заложены «основы» для совершения преступлений и различных злоупотреблений. Между тем теория (не правовая, но экономическая, общесоциологическая, подкрепленная философскими концепциями) «не позволяла» во всем этом видеть причин преступности. В лучшем случае речь могла идти об «условиях», которые можно было «преодолеть».

Жизнь опровергла эти концепции. Ныне очевидно, что экономические отношения, провалы в экономике и прочее есть первопричина многих преступлений (что не исключает, конечно, что каждый совершивший преступление — существо сознательное, а не жертва лишь фатальных обстоятельств). Но для криминологов только этого мало. Экономические отношения, как и жизнь вообще, многообразны. В разных сферах общественного производства и распределения они «работают» по-разному, как по-разному проявляются и их деформации, которые и являются зачастую той самой исходной для конкретных преступлений. Сама экономическая наука долгое время развивалась так, что видела лишь позитивные процессы (сейчас она «в восторге» от рыночной экономики, которая, как показывает мировой опыт, образно говоря, беременна преступностью). Она активно стремилась их внедрить, отмахиваясь практически от негативных тенденций, тем более не желая даже слышать о том, что экономические отношения могут рождать преступность, да еще в социалистическом обществе. Может быть, именно поэтому и затормозилось реальное осмысление причин преступности при социализме. Не боясь попасть под критику экономистов, скажу, что и сейчас, занимаясь борьбой с административно-командными методами в экономике, конструируя новый хозяйственный механизм, экономисты вновь недооценивают эту проблему. Между тем и хозяйственный расчет, и самофинансирование, и самоокупаемость, и «добывание» средств производства и сырья через

оптовый рынок, и прямые связи между производителями продукции и рынком вовсе не идеальны в криминологическом плане. Более того, они несут в себе значительный заряд скрытой противоправности. (Я оставляю в стороне действительный или мнимый их экономический эффект, преимущества перед старой системой хозяйствования, поскольку они еще только входят в жизнь.) Изучить их с криминологических позиций, найти те отрицательные стороны, которые объективно и субъективно ведут к преступлениям или создают возможности для их совершения, сейчас очень важно. Формы и методы, скажем, хищений будут различны. Методика их выявления — тоже. Думаю, что возможности к незаконному обогащению будут достаточно велики, ибо как формы контроля за деятельностью хозяйственного механизма в новых условиях остаются пока неясными, так и методы этого контроля (экономические и принудительные, да, принудительные — этого нечего бояться) еще только начали складываться. Уроки из безудержного восхваления социалистических общественных отношений в недавнем прошлом надо извлекать не на словах, а на деле. Хотя бы через систему проб и ошибок, через конфронтацию с экономистами криминологи должны изучить влияние экономических отношений на преступность и наоборот. Но не в общем плане (точнее, не только в общем плане), а путем анализа конкретных областей экономики, промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы, экологии.

Трудно отдать приоритет какой-либо из этих областей. Однако об одной следует сказать особо, ибо криминологи не жаловали ее своим вниманием. Речь идет об экологии.

Почти безошибочно могу утверждать, что здесь для исследователей все внове. А между тем это одна из важнейших для существования человечества проблем. Я не могу назвать ни одной сколько-нибудь значительной работы криминологов по этому вопросу. Уязвима эта проблема и с позиций уголовного права. Она, как никакая другая, говорит о том, что наше традиционное представление, что умышленное преступление всегда опаснее, чем неосторожное, и, соответственно, влечет большее наказание, абсолютно не соответствует реальному положению дел. Один пример Чернобыля достаточен, чтобы совершенно по-новому высветить всю проблему. Охрана окружающей среды тесно связана с экономическими отношениями, вытекает из них. Поэтому причины преступлений в области экологии нужно искать все в тех же экономических просчетах, в ущербной организации и планировании размещения производительных сил, в уродливых искривлениях хозяйственного механизма. Однако экологические проблемы столь многогранны, что требуют не изучения проблемы вообще и определения каких-то общих причин, по которым совершаются преступления в этой сфере, а конкретных выходов в различные области того, что входит в понятие экологии.

Не последнее место в причинной цепочке имеют и неквалифицированные управленческие решения, бюрократизм и ведомственные амбиции, о причинах существования которых — с точки зрения науч-

ного осмысления, конечно, а не публицистических «разоблачений» — мы знаем очень и очень мало. Таким образом, и здесь во весь рост встает проблема конкретного изучения причин преступности (и преступлений) в определенной сфере, с выработкой столь же конкретных рекомендаций ее предупреждения (и совершенствования законодательства на этой основе), что гораздо труднее, требует больше времени, расширения кругозора, овладения новыми суммами знаний, чем дискуссии по «общим проблемам» (хотя я и их, естественно, не исключаю).

По-новому, более открыто, должны мы взглянуть и на причины преступности, лежащие в сфере сознания и идеологии, в том числе применительно к молодежной преступности. Обычно мы говорили о недостаточной социальной зрелости или воспитанности лиц, совершивших многие, особенно насильственного характера, преступления, о низком их культурном уровне, о влиянии маскультуры и т.п. как о причинах значительного числа преступлений, относя их в числе прочего, конечно, к пережиточным явлениям. Разумеется, все это остается в характеристике конкретных причин совершения преступлений. Но жизнь опять же показала, что их абсолютизировать нельзя и, кроме того, что сознание людей может исказиться и в результате наших собственных недостатков и деформаций. Внешнее же их совпадение (по действиям) с теми причинами, которые мы привыкли относить к влиянию западного мира и «пережитков», говорит лишь о том, что прямолинейное рассуждение о причинах преступности, родившихся «у них» и пришедших к нам, в то время как у нас самих ничего подобного нет и быть не может, не работает и что причины могут быть одни и те же, со специфическим преломлением их в конкретных действиях. Более того, мы «запаздываем» в познании этих конкретных причин, многие отрицательные явления, развивавшиеся на Западе и ныне там уже отмирающие, к нам только приходят. Мы знали о них, «разоблачали», значит, вроде бы могли подумать и о том, как быть, если мы сами с ними столкнемся, однако не осмысливали и ничего не предпринимали. А теперь удивляемся и возмущаемся тому, что появились у нас те, кого в Швеции, например, еще лет пятнадцать тому назад называли «реггеры», носящиеся, сметая все, молодежные банды мотоциклистов. Или мы говорили с негодованием о разлагающем влиянии рок-музыки низкого пошиба, а сейчас сами насаждаем ее в невиданных размерах. Правы те, кто говорит о том, что худшие образцы рока влияют на людей подобно наркотику, формируют определенную идеологию, психологию молодых, антисоциальность и другие негативные явления, искажающие личность. Благодушное «пусть развлекаются!» может дорого обойтись нашему обществу. И уже обходится.

Следует признать также то, что потеря веры в идеалы в связи с разочарованием, вызванным обрушившимся на социально незрелые и неустойчивые души потоком негативной информации (часто просто тенденциозной, но тем сильнее действующей) о нашей истории, на-

личие противоречий и несовпадения между тем, чему учили, и действительностью, расхождение между словом и делом, распространение бюрократизма и пренебрежения к человеческим запросам и нуждам и многое другое не могли не сказаться на поведении людей, особенно молодых, на формах этого поведения, на росте чувства неудовлетворенности и протеста. А формы протеста, внешние, в мире в готовом виде имеются. Пришли они и к нам. Западные криминологи давно разработали так называемую теорию подражания. Мы ее, конечно, воспринимали иронически. А зря. Человек всему учится и все постигает в том числе на примерах. Он подражает своим предшественникам или своим кумирам и в хорошем, и в плохом. Это жизнь и факт неопровержимый. Мы научились разлагать общественное сознание, но не умеем воспитывать его.

Во весь рост перед криминологами встала проблема изучения преступлений и их причин, совершаемых на националистической почве. Говорить о том, что раскрывшийся национализм и совершаемые на его почве преступления лишь следствие командно-административных методов или периода застоя и т.п., явно мало. Искать причины надо в политике, проводимой сегодня. Процессы, вызвавшие всплеск национализма, глубже тех, о каких говорит пресса, а проявления его хотя и схожи в разных республиках, но в то же время весьма конкретны и особенны. Националистическая почва преступности опасна тем, что преступления, совершаемые по этим мотивам, имеют большую амплитуду — от хулиганства и преступлений против личности до преступлений против государства, антисоветских выступлений. Ныне перед не подготовленными к взрыву национализма криминологами, тем более антисоветски и антикоммунистически окрашенного, во весь рост встает необходимость изучения как самой преступности этого вида, так и конкретных причин, ее вызывающих. Кроме того, сам по себе национализм вовсе не всегда связан с преступным поведением. Поэтому необходимо познать и те стимуляторы, которые «заставляют» людей преступить грань закона, ведут к преступлениям: в одних случаях к преступлениям против личности, окрашенным националистическими мотивами, в других — к преступлениям, связанным с нарушениями общественного порядка, повреждением имущества и т.п., и в третьих — к преступлениям против государства. Причины здесь хотя и могут быть схожи, имея первоосновой национализм, но явно не однозначны. Как и люди, совершающие преступления на националистической почве или организующие их. Последние особенно.

Наконец, сдвиги в общественном сознании, в идеологических и социальных установках, ведущие к совершению преступлений, ныне можно познать лишь на основе развития криминолого-психологических исследований, исследований конкретных, целенаправленных, исходящих из посылок общей психологии, но не сводящихся к их повторению. Следует установить, почему, под влиянием чего психология людей, сравнительно недавно являвшихся законопослушными, дала трещину, почему психологические установки немалого числа людей

приняли антисоциальную окраску, какие перемены (неблагоприятные) и в каких слоях населения произошли с точки зрения оценки (или переоценки) моральных ценностей, роли закона, отношения к нему и к деятельности правоохранительной системы и др. Во Всесоюзном институте проблем укрепления законности и правопорядка эта работа уже начата. Однако коллектив ученых, занявшихся этими проблемами, должен быть гораздо более широким. Тем более, что разные социальные условия жизни людей, разные национальные особенности, нравы, обычаи, традиции, разный уровень правосознания и культуры, образования и воспитания, разность профессий и интеллектуальности — все имеет значение для опознания этой проблемы.

При этом изучение причин преступлений, условий, им способствующих, невозможно только с помощью научных методов познания. Необходимо обратиться к общественному мнению, изучать его, не абсолютизируя, но и не отмахиваясь от него, как это нередко бывало в прошлом. Обращаясь к общественному мнению, надо одновременно воспитывать его, поднимать уровень правосознания всех членов общества, добиваться понимания ими всей сложности борьбы с преступностью. А этого можно достичь лишь путем гласности, решительного отказа от засекречивания проблем преступности. Это, если хотите, выражение доверия к советским людям, воспитание их в духе интернационализма и патриотизма.

И последний, в рамках настоящей статьи, вопрос — *о личности тех, кто совершает преступления* («личности преступника»). Это — один из кардинальных вопросов криминологической теории. На нем с особой остротой сталкивались самые противоречивые мнения. «Личность преступника» явилась бациллой, вызвавшей к жизни спор о биологическом и социальном в проблеме преступности. Немало усилий затрачено и на определение понятия «личность преступника». Не одно столетие длящиеся дискуссии не приводили к полному единству мнений по этому вопросу. А преступники между тем совершали и совершают преступления.

На нынешнем уровне развития криминологии ясно одно: какую бы дефиницию ни сформулировали ученые, однозначно людей, совершающих преступления, рассматривать нельзя. Как различны виды преступности и категории преступлений, так же различны и люди, их совершающие.

Мы знаем из истории, сколь бывали опасны для человечества «научные» рекомендации, главной из которых была возможность «сконструировать» личность преступника, наградив ее заранее заданными, биологически прирожденными свойствами. И столько же раз, сколько те или иные ученые возвращались к этой теории, столько же раз они терпели крах. Сторонникам биологизма ничего «утешительного» не дали в этом плане и генетические исследования. Скорее, наоборот. Но зато решительно шагнула вперед криминальная психология, достижения которой позволили глубже понимать мотивационную сферу поведения человека, совершившего преступление.

Сегодня ученые-криминологи (так же, как и психологи, социологи, философы — все, кто занимается проблемой человека) стоят перед новыми проблемами. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в связи с разоблачением коррупции, проникшей в высшие сферы партийного и государственного руководства, встала проблема изучения феномена личности тех, кто, занимая руководящие должности в партийном и государственном аппаратах, погряз в коррупции, взяточничестве, хищениях. Ведь большинство этих людей поучали других, как надо жить в условиях социалистического общества, как быть последовательным марксистом-ленинцем, принципиальным, честным и т.п. Совершая почти повседневно преступления, они в то же время руководили народным хозяйством, требовали выполнения государственных планов, организовывали выборы народных депутатов и даже судей и т.д.

Они требовали суровых наказаний общеуголовным преступникам. Поразительный, совершенно неизученный феномен! Но важно не только исследовать личность этих преступников, но и ту социальную ситуацию, которая их порождала.

Изучение подобного рода личностей необходимо и для того, чтобы понять механизмы образования организованной преступности, ее деятельности. Причем это важно не только с криминологических позиций, но и потому, что действующее ныне уголовное законодательство вопросы организованной преступности решает недостаточно полно и четко.

Криминологически весьма важно (и столь же важно для практики предупреждения преступности) уяснить себе механизм срачивания лиц, занимающих высокое должностное положение, с общеуголовной преступностью, понять, как они «находят» друг друга, что роднит этих абсолютно разных социально и психологически людей. Совсем недавно материалы криминологических исследований показывали, что «должностники» презирали хулиганов, воров, убийц и т.д., а эти в свою очередь считали «должностников» и расхитителей истинными врагами государства, прямо об этом заявляя и отделяя решительно себя от первых. Метаморфоза срачивания очевидна. Заинтересованность «должностников» в общеуголовных преступниках ясна, как и то, что последние довольно охотно стали идти «на службу» к первым.

В этой связи (а может быть, самостоятельно ввиду важности проблемы) намного активнее, чем ранее, необходимо заниматься виктимологией, изучением личностей, потерпевших от преступлений. В процессуальной науке, например, очень много говорится о защите прав обвиняемых. Нужно? Бесспорно. Но потерпевший, как уже сказано, у нас вообще почти не защищен, и в законе, и социально, и в правовом плане. Мы легко становимся гуманистами, когда речь идет об обвиняемом (вероятно, это своего рода комплекс 1937 г.), но нашей гуманности почему-то не хватает как раз в том случае, когда она необходима прежде всего.

И, наконец, последнее. Мы сейчас сталкиваемся с довольно уже многочисленными случаями, когда массы людей идут не только на нарушение общественного порядка, но и на преступления. Причем если ранее и бывали такие случаи «массовых» движений, то в большинстве случаев они носили, грубо говоря, антимилицейский характер. Однако, как мы не знали тогда, так не знаем и теперь механизм формирования психологии масс людей, большинство из которых и не помышляли о совершении преступлений, однако, попав в определенную ситуацию, идут на него. Причем идут неожиданно и для самих себя, поддавшись общему настрою, но, бывает, идут и «подготовившись» внутренне к любым действиям. Конечно, в этих явлениях должны разобраться прежде всего социопсихологи. Однако они далеки от этого, не хотят, что ли, этим заниматься? Криминологи и специалисты в области юридической психологии поставлены перед фактом.

Итак, задача состоит в том, чтобы сфокусировать внимание на необходимости более углубленного изучения современных процессов общественной практики, отрешиться от облегченных представлений как о самой преступности, так и о борьбе с ней, пробудить мысль всех представителей общественных наук к новым усилиям на пользу перестройке.

От дефицита гарантий — к правовой защищенности личности

Делая первые шаги к созданию правового государства, мы стараемся провести в жизнь теорию разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной. Исполнительная власть, от Совета Министров до исполкома районного Совета, у нас и прежде была сильна, а порой она даже узурпировала функции законодателей. В 1989 г. в стране создан новый верховный законодательный орган — Съезд народных депутатов СССР. Будем надеяться, что он сумеет сделать свою власть реальной. А какая ситуация складывается в правозащитной сфере? Каковы перспективы судебной власти?

Первое, что мы должны сделать, приближаясь к правовому государству, — это создать механизм реальной защиты прав человека. Самая большая наша беда — социальная незащищенность личности, самый страшный из всех дефицитов — дефицит гарантий прав человека. Мой коллега из ФРГ рассказал как-то об одном маленьком эпизоде, рассказал между прочим и тут же забыл, а у меня это крепко засело в голове — настолько разительно ситуация отличается от нашей. Его жена, медсестра, вела машину и нарушила правила. В результате ее машина слегка задела другую. В субботу вечером ей звонят домой из полиции и просят приехать дать показания. «Сегодня же суббота, — удивляется она, — а в субботу я отдыхаю», — и спокойно кладет трубку. Вновь звонок: «Фрау Хехерл, извините, пожалуйста, вы не разрешите приехать к вам и взять показания?» — «Но я же сказала, что сегодня отдыхаю!» Вот и весь разговор. Простая медсестра твердо знает: никому не дозволено покушаться на ее свободное время — ни президенту республики, ни канцлеру, ни тем более полицейскому. У нас же любой мелкий чинуша вправе командовать гражданином, и тот вынужден робко, покорно-рабски ему подчиняться. Как же добиться того, чтобы человек распрямил плечи, почувствовал себя полноправной личностью, избавился от гнетущего страха перед государством, перед его органами и должностными лицами? Это — самая главная проблема.

За последние несколько месяцев я получил около шести тысяч различных жалоб от людей, разуверившихся в возможности найти правду. Это ведь парадокс, что, пройдя множество инстанций, они об-

рашаются затем к научному работнику, не имеющему никаких властных полномочий, надеясь на его помощь. Когда я спрашиваю зарубежных ученых-юристов, получают ли они жалобы от граждан, они просто не понимают, о чем идет речь. Конечно, никто к ним с жалобами не обращается — там есть для этого целая система органов. Почему же у нас в стране нет авторитетного учреждения, которое было бы гарантом прав человека в его споре с должностным лицом, общественной организацией, государством в целом? Заботу о человеке, я убежден, надо начинать с создания именно такого учреждения.

В нормальном, цивилизованном государстве этим важным делом занимается суд. Но не у нас, к сожалению. Несмотря на ряд серьезных практических мер, предпринятых в последние годы, наш суд в роли защитника прав человека выступить не в состоянии — он забит, принижен, им командуют все, кому не лень: и партийные функционеры, и местная советская власть, и прокуратура, и МВД, и КГБ. Этот суд боится всех — кого же он сможет защитить? Разве человек пойдет туда жаловаться на неправильное решение исполкома районного Совета, если он знает, что все — от помещения для суда и квартир для судей до заказов на продукты — суд получает от того же исполкома! И телефонное право — это не миф, как некоторые пытаются представить, а самая настоящая реальность. Не думайте, что судье грубо диктуют: осудить на столько-то лет или оправдать, — нет, сейчас все делается более тонко. Но, услышав по телефону партийный баритон, судья чутко улавливает все его интонации, ибо он полностью зависит от этого баритона. Пока наш суд не станет по-настоящему независимым, таким, перед которым все в государстве будут снимать шляпу, он не будет подлинным защитником прав человека.

К сожалению, эта задача осознана у нас далеко не полностью. Печальнее всего, что ее еще целиком не осознали в самом верхнем эшелоне власти. Яркий тому пример — манипуляции с решением XIX Всесоюзной партконференции о новом порядке избрания судов. В июне 1988 г. на партконференции наконец-то было открыто сказано, что судьи у нас не обладают подлинной независимостью. Тогда было решено, что районные суды должны избираться областными Советами, а областные — Верховным Советом союзной республики, т.е. органом власти на одну ступеньку выше, чем суд. Это, конечно, паллиатив, подлинной независимости такая мера не создаст, но все-таки будет сделан маленький шаг вперед. А через три месяца появился проект Закона об изменениях и дополнениях Конституции СССР, и в нем мы увидели самое бесцеремонное отступление от документов партконференции: проект предлагал избирать суды Советами того же уровня. Итак, на самом верху сочли возможным не посчитаться с решением партконференции и поставить суд в полную зависимость от местного Совета, да еще такого, который, по замыслу, будет возглавлять человек, концентрирующий в своих руках и партийную, и советскую власть. Да ведь это означало бы полное закабаление суда! Против этого поднялся целый шквал гневных выступлений в печати, на

радио и телевидении. В результате удалось вернуться к рекомендации партконференции. Это хорошо. Но сам пример — яркая иллюстрация того, как у нас относятся к идее создания подлинной независимости суда: его не хотят, его боятся, потому что сильный, авторитетный суд станет серьезной помехой на пути партийного всевластия, не позволит обходить законодательные акты, принятые Верховным Советом. В этом эпизоде проявилась недооценка (а может быть, боязнь?) истинно правового государства.

В развитых, цивилизованных странах вообще не знают такой проблемы, как обеспечение независимости суда. Там с детства гражданам прививается уважение к суду как выразителю истины в последней инстанции — и действительно, там суд беспристрастно решает многие спорные вопросы. Как-то в Париже на заседании административного суда разбирался иск одной пенсионерки — к кому бы вы думали? — к Валери Жискара д'Эстену, тогдашнему президенту республики. В нашей стране подобная ситуация, к сожалению, сейчас немыслима. А почему, если мы всерьез говорим о равенстве всех перед законом? Когда канцлер ФРГ Г. Коль на своем автомобиле превышает в Бонне скорость, а полицейский его останавливает и штрафует — это считается в порядке вещей. А попробуйте вы в Москве остановить одну из громадных черных машин, которые на бешеной скорости мчатся по осевой полосе улицы... Вот в таких «мелочах» и проявляется другое, нежели у нас, положение личности в государстве и обществе.

А как в нашей стране привлекается к судебной ответственности тот, кто совершил преступление? Если это рядовой гражданин, не входящий в номенклатуру, то все очень просто: возбуждается уголовное дело, ведется следствие, если надо, человека арестовывают. А если он окопался в верхних эшелонах власти, привлечь его к уголовной ответственности нелегко. Напомню: в США в обычном порядке возбуждали уголовное дело за неуплату налогов против второго лица в государстве — вице-президента С. Агню. В ФРГ — против функционирующего министра экономики О. Ламбсдорфа. А у нас привлечь к суду министра можно только после того, как Политбюро снимет его с поста, исключит из партии и милостиво разрешит действовать прокуратуре. Нам придется лишь мечтать о социальной справедливости, пока в нашей судебно-правовой системе не будет наконец без малейших отступлений реализован конституционный принцип равенства всех граждан перед законом и судом.

Из-за культивировавшихся прежде пренебрежения к регулирующим возможностям права, подмены юридических актов волевыми решениями, голого администрирования суд оказался низведенным до положения обычного управленческого учреждения. Командный стиль по отношению к суду утвердился не только в его контактах с местными партийными и советскими органами, но проник и в законодательство. В соответствии с законом суды должны *отчитываться* о своей работе перед избирателями или органами, их избравшими (мы на-

столько привыкли к этой формуле, что становимся в тупик, когда нас спрашивают, а совместимы ли вообще такие отчеты с независимостью суда). Прокуратура *координирует* деятельность судов, а Министерство юстиции до недавнего времени осуществляло организационное *руководство* ими. Где уж тут суду, «обложенному» со всех сторон указаниями и предписаниями, сохранить приличествующую его конституционному статусу независимость! Причем «степень давления» на суд все более возрастает. Если в 70-х гг. лишь 10% опрошенных судей (опрос, естественно, был анонимным) заявили, что подвергались всякого рода незаконным воздействиям, то в начале 80-х гг. на это указали уже 25%, а в 1987 г. — больше половины.

Так дальше продолжаться не может. Суд должен быть именно Судом — авторитетным, самостоятельным, подлинно независимым. Люди хотят видеть в нем не бюрократическое учреждение, долгое на разбирательство и скорое на расправу, а настоящего защитника их интересов, какое бы важное кресло ни занимал нарушитель, какие бы влиятельные связи ни пускал он в ход.

Чтобы изменить сложившееся положение, нужен комплекс мер — политических, правовых, организационных, материальных. Косметики и раньше было предостаточно, а вот на серьезные преобразования решимости нам не хватало. Между тем к успеху могут привести лишь радикальные меры, осуществляемые совокупно и одновременно.

Что я имею в виду? Прежде всего — человеческий фактор. Классический вопрос: «А судьбы кто?» — заставляет более пристально взглянуть на систему подготовки будущих стражей закона. Здесь далеко не все отвечает сегодняшним требованиям. Мне нередко приходится читать копии приговоров, которые граждане присылают вместе с жалобами. Читаешь — и диву даешься. Документ, которым определена судьба человека — и, бывает, на долгие годы, — иногда просто невозможно понять, настолько несуразно описаны в нем доказательства, отсутствует логика изложения, наконец, корявый, далекий от правил грамматики язык. Малограмотный судья — более страшный парадокс трудно придумать. Но такое, к сожалению, встречается. И виной тому не только вуз, но и школа.

Пока школа будет перестраиваться, необходимо установить тщательный, с участием опытных судебных работников, психологов профессиональный отбор абитуриентов, поступающих в юридические вузы. Часть из них со студенческой скамьи нужно готовить к выполнению нелегких судебных обязанностей. Должна быть значительно усилена специализация будущих судей: сейчас они весьма поверхностно, если не сказать больше, знакомы с формальной логикой, судебной этикой и психологией, теорией принятия решений, использованием счетно-решающих устройств и т.д. И конечно, нужно полностью отказаться от выдвижения на должность судьи юристов, получивших высшее образование заочно. Только очная форма обучения в состоянии дать студенту тот минимум знаний, который позво-

ляет ему приступить к судебной работе. Заочная же подготовка кадров (а сейчас ею охвачено 70% будущих юристов) столь же опасна для правосудия, как заочное, т.е. без участия подсудимых, рассмотрение уголовных дел.

Далее. Чтобы занять должность судьи, юрист с высшим образованием должен, на мой взгляд, не менее трех лет проработать следователем, адвокатом, судебным исполнителем или по какой-либо другой юридической специальности. Затем ему предстоит сдать особый государственный экзамен. Это должен быть экзамен на жизненную зрелость, нравственную безупречность и, конечно, на умение правильно разбираться в сложнейших правовых ситуациях, которые ставит перед судьей повседневная действительность.

Кое-что из этого уже нашло отражение в Законе о статусе судей в СССР, принятом 4 августа 1989 г. Но, во-первых, двухлетний стаж работы по юридической специальности, установленный ст. 8 Закона, мне кажется недостаточным для занятия должности судьи. Во-вторых, что это за экзамен, который будет принимать квалификационная коллегия судей, действующая в каждой области (крае)? Очень боюсь, что такой экзамен сведется к пустой формальности и вследствие не очень высокой квалификации самих экзаменаторов, и из-за «приземленности» и множественности экзаменационных комиссий. Чтобы государственный квалификационный экзамен был действительно экзаменом, к которому вы по-настоящему готовились и которого всерьез боялись, в союзной республике должна быть, как правило, лишь одна экзаменационная комиссия. Но какая! В нее должны входить юристы высшей квалификации — и не только судьи, но непременно также прокуроры и адвокаты и, конечно, научные работники, профессора вузов, известные своими исследованиями проблем правосудия. Сдать экзамен такой комиссии будет нелегко. Но нам и не нужно, чтобы судьей мог стать каждый желающий. В Японии, например, где существует очень жесткая система отбора претендентов на высокий пост судьи, многие юристы с высшим образованием по несколько раз безуспешно пытаются сдать государственный квалификационный экзамен, который принимает единственная в стране комиссия при министерстве юстиции. В 1989 г. экзаменовалось примерно 30 тыс. человек, и лишь 523 успешно выдержали испытание. Если бы мы могли хоть приблизиться к такому конкурсу при замещении судейских должностей...

Думается, слишком мал и нынешний возрастной ценз для судьи. Когда юноша или девушка 25 лет от роду садится за судейский стол, откуда же тут взяться опыту и знаниям, чтобы решать судьбы других? Не полезнее ли было бы определить минимальный возраст для народного судьи в 30, а для членов вышестоящих судов — 40 лет?

Но вот подобран кандидат, отвечающий всем этим требованиям. Теперь надо официально возвести его в высокий ранг судьи. Речь идет не о формальном акте, а о такой юридической процедуре, которая гарантировала бы будущему судье полную самостоятельность при

решении дел, настоящую, а не призрачную, декларативную независимость. Если ее не будет, если судья станет постоянно оглядываться на представителей власти, как они реагируют на принятое им решение, — грош цена такому правосудию!

За всю свою долгую историю человечество не смогло придумать сколько-нибудь значительного разнообразия способов формирования судейского корпуса. Отвлекаясь от частных случаев, все они в конечном счете могут быть сведены к двум: либо назначение судей, либо их выборы. Долгое время у нас господствовал стереотип, будто выборы непосредственно населением в наибольшей степени олицетворяют социалистическую правовую систему. Но при этом почему-то забывали, что, например, в большинстве штатов США местные судьи тоже избираются населением. С другой стороны, в Польше сначала предполагалось судей выбирать, но в 1976 г. там внесли изменение в Конституцию, и они стали назначаться Государственным советом. В Венгрии все судьи выбираются Президентом республики, причем без указания срока полномочий, т.е. фактически они исполняют свои обязанности до достижения пенсионного возраста.

Особенно привлекательной казалась в свое время болгарская модель формирования судов. Если раньше у нас непосредственно населением избирались лишь районные народные суды, то в Болгарии таким путем избирались не только районные, но и высшестоящие (окружные) суды. Вот на кого, казалось бы, равняться! И вдруг в 1982 г. болгары принимают закон, по которому ни один суд населением не избирается: все суды получают свой мандат от высшего органа власти страны — Народного собрания. «Вы же сделали шаг назад, отступили от демократии!» — раздались встревоженные голоса. «Нет, — отвечали болгарские коллеги, — мы отказались от видимости демократии, зато сделали судей более самостоятельными и независимыми по отношению к местным органам...» После известных событий конца 1989 г. в Болгарии обсуждается вопрос о назначении судей фактически пожизненно.

Вывод ясен: однозначного рецепта, как сконструировать правосудие, нет и быть не может. Все зависит от конкретных условий каждой страны (ее административно-территориального деления, уровня правосознания населения, традиционной престижности суда и т.д.). Но ясно и другое: в наших условиях, когда подбор кандидатов в народные судьи пока еще фактически находится в руках партийного аппарата, выборы судей, хотя бы и на сессии областного Совета, служат лишь красивым оформлением уже состоявшегося решения нескольких руководящих лиц. И даже если кандидатов на одну судейскую должность будет несколько — все равно выбирать придется из тех, кто служил начальственным благословением и, значит, будет стараться быть удобным, иначе долго в судейском кресле ему не просидеть.

Выход я вижу только один: «оторвать» народных судей (а они рассматривают 98% всех гражданских и уголовных дел) от «руководящего, направляющего и мобилизующего» влияния районных вла-

стей. Не должны эти власти иметь касательства к судейским кадрам, не им решать, кто в районе будет осуществлять правосудие. Но тогда кому же? Высшему представительному органу союзной республики — Верховному Совету, а если речь идет о судьях Верховного суда СССР — Верховному Совету СССР. Он будет выбирать (или назначать — не в этом дело) судей по представлению соответствующего министра юстиции пожизненно, точнее, до достижения пенсионного возраста. Для подбора кандидатов вполне может быть использована процедура, установленная Законом о статусе судей в СССР. Судьи должны пользоваться правом несменяемости. Они не могут быть освобождены от должности, кроме случаев, оговоренных в законе (совершение преступления, тяжелая болезнь, желание перейти на другую работу и т.д.). Потребности судов в ремонте помещений, транспорте и т.п. должны удовлетворяться не с помощью местных хозяйственников, а централизованно, чтобы судьи не попадали в двусмысленное положение, когда сегодняшний благодетель завтра оказывается на скамье подсудимых.

Могут спросить: где гарантии, что пожизненно назначенный судья обязательно будет компетентным, умным, справедливым? Отвечаю: таких гарантий нет, как нет их для любой другой должности или профессии. Но необходимо тщательно продумать механизм подбора и назначения судей, чтобы ошибки свести до минимума. Возможно, первые три года после назначения будут для судьи как бы испытательным сроком. Если он не зарекомендует себя должным образом, то Верховный Совет вправе в этот период сместить его с поста. Ну а если испытание выдержано, значит, судью ожидает прочное и стабильное, ни от кого не зависимое высокое должностное положение.

Разумеется, пожизненное назначение на должность (кстати сказать, такая система принята в большинстве стран мира) предъявляет к кандидату в судьи очень высокие, по сути, эталонные требования. Можем ли мы сейчас найти достаточное число судебных работников такого уровня? Видимо, нет. Но ведь ниоткуда не следует, что переход от системы выборов к системе назначения должен быть осуществлен повсеместно в один день. Для этого потребуются определенное время, в течение которого будут параллельно функционировать обе системы. Постепенно, по мере подготовки и переподготовки кадров, пожизненное назначение судей станет преобладающим, а затем и единственным способом комплектования состава судов.

Предвижу «гвоздевой» вопрос: предположим, судье удалось пройти все испытания, но потом выяснилось, что он все же недостаточно образован, груб и вообще тугодум, неужели до конца жизни он останется на своем посту? Вопрос непростой. Да, согласен, какое-то число судей — пусть это будет 3 — 5% — могут оказаться плохими. Но с этим придется мириться ради того, чтобы остальные 95 — 97% были на высоте положения, вершили суд только по закону, убеждению и совести, защищали интересы граждан, искореняли несправедливость.

В таком непростом деле издержки неизбежны — слишком большие ценности лежат на весах правосудия. Утверждают, что в результате изменений, внесенных в Конституцию СССР в декабре 1988 г., судьи избираются Советами не на 5, а на 10 лет, и их независимость перестает быть иллюзорной. Очень сомневаюсь в этом. Подобная система существует, например, в Чехословакии. Там все судьи избираются парламентами Чехии, Словакии или федерации на 10 лет. Но поговорите с юристами ЧССР — о подлинной независимости судей они пока только мечтают. Срабатывает психологическая установка: полномочия даны судье лишь на определенное время, а дальше — как повезет.

Хотел бы отметить непоследовательность решения в Конституции СССР вопроса о выборах судов разных уровней. Если в отношении районных и областных судов признано, что для укрепления их независимости они должны избираться органами власти, стоящими на одну ступеньку выше, то почему этот же принцип не проведен в отношении Верховных судов союзных и автономных республик, а также Верховного суда СССР? Ведь продолжает действовать правило, что перечисленные суды избираются Верховными Советами одного с ними уровня. Было бы логично это изменить: Верховные суды союзных и автономных республик должны избираться Съездами народных депутатов этих республик (разумеется, там, где Съезды предусмотрены соответствующими Конституциями), а Верховный суд СССР — Съездом народных депутатов СССР. Тогда система формирования судов стала бы единой, хотя, повторяю, все равно не создавала бы судьям достаточных гарантий независимости.

Необходимо облегчить судьям их поистине нечеловеческую нагрузку. В СССР 16 тыс. судей — столько же, сколько, например, в ФРГ. Но у нас 288 млн. населения, а там — 60 млн. Значит, нагрузка советского судьи почти в пять раз выше, чем у западногерманского. К этому надо добавить, что наши судьи выполняют еще и такие функции, о которых в ФРГ и понятия не имеют: пропаганда права, работа с народными заседателями, контроль за условно осужденными, разные отчеты и даже сельхозработы... Разбирательство дел поставлено на поток — бывает, что судья в день рассматривает по 30 гражданских дел! Не существует даже научно обоснованного норматива нагрузки для судей — какого же качества правосудия можно в таких условиях ожидать?

Как-то народный судья одного из районных судов Москвы поехала в составе специализированной туристской группы в Англию. Вернувшись, она мне рассказала: «В Лондоне нас повезли в суд. Рассматривалось дело о возмещении вреда, причиненного рабочему травмой на производстве. Деталей я не знаю, потому что не владею английским. Посидели мы с полчаса и тихонько стали выходить из зала. Единственное, о чем я попросила переводчицу, — узнать, сколько времени будет рассматриваться это дело. Секретарь суда ей ответил, что такие дела обычно рассматриваются день-два. Я вышла на улицу и разрыдалась. Плакала потому, что было обидно и больно за себя, за

своих коллег. Ведь я на такое дело могу потратить, ну, 30 минут, ну, час — не больше. Стол в моем кабинете завален делами — каждое из них вопиет: «Скорее рассмотри меня!» Среди них немало арестантских. А что я могу сделать? Не помню дня, чтобы не брала дела домой — изучать. То же самое и у других судей. Когда же кончится эта работа на износ?» Действительно, когда?

О зарплате. В США, например, судьи — одни из наиболее высокооплачиваемых должностных лиц. У нас судья до недавнего времени получал на селе 170 руб., в городе — 200 руб., в то время как средняя заработная плата в стране составляла 230 руб. Видя, как низко ценится труд судьи государством, соответственно, т.е. без всякого уважения, относились к судьям и граждане. После принятия в 1989 г. Закона о статусе судей в СССР материальное их обеспечение изменилось в лучшую сторону. И если сейчас я привлекаю внимание к прежнему нищенскому положению судей, то только для того, чтобы были ясны все главные причины, приведшие суд к фактической утрате всякой самостоятельности и независимости.

Суд должен получить гораздо больше власти в том, что касается судьбы человека. СССР подписал Международный пакт о гражданских и политических правах, подписал Итоговый документ Венского совещания, в котором, в частности, сказано: каждый арестованный имеет право на то, чтобы правильность ареста была проверена судебной властью. Однако ни такой нормы, ни такой практики у нас в стране до сих пор нет. Я уже много лет пишу об этом, но воз и ныне там. А ведь речь идет о высшем благе человека — его свободе, неприкосновенности его личности. В нашем институте создан проект новых Основ уголовного судопроизводства СССР и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. В нем предусмотрено, что гражданин вправе обжаловать в суд незаконный арест, отстранение от должности, направление в медицинское учреждение для производства психиатрической экспертизы. А сколько на практике незаконных отказов в возбуждении уголовного дела! По нашему проекту такой отказ — по сути, отказ в правосудии — тоже можно обжаловать в суд так же, как и незаконное прекращение дела на предварительном следствии. Пусть суд контролирует предварительное следствие не по его завершении, а в ходе его, когда еще можно исправить какие-то ошибки. Это повысит роль суда как главного органа в уголовном процессе.

Еще одна важная проблема — взаимоотношения суда и прокурора. В действующем процессуальном законе, а также в Законе о прокуратуре СССР сказано, что прокурор осуществляет надзор за соблюдением законности при рассмотрении дела в суде. Должен покаяться: всю жизнь так считал и отстаивал в научном плане эту формулу. Сейчас признаю это ошибочным. Не может быть самостоятельным, независимым, авторитетным суд, за которым надзирает прокурор. Это старая, ненужная, вредная позиция, от которой необходимо отказаться. И первый шаг в этом направлении уже сделан в ст. 16 Основ

законодательства Союза ССР и союзных республик о судеустройстве, принятых 13 ноября 1989 г.

Кстати, напомню: в нашей Конституции записано, что прокурор осуществляет высший надзор за соблюдением законности (ст. 164). Еще в 1975 г. в книге «Очерк теории прокурорского надзора» я писал, что это неправильно, прокурорский надзор не может считаться высшим, потому что надзор вышестоящих судов за справедливостью приговоров не менее важен, чем прокурорский, тем более что у суда больше властных полномочий. Теперь к этим аргументам прибавился новый. В 1988 г. в Конституции СССР появилась норма о Комитете конституционного надзора. И получилось, что прокурор осуществляет высший надзор, а Комитет — просто надзор. Но ведь конституционный надзор на порядок выше прокурорского. Так как же его прикажете называть: высочайший, сверхвысший? Не надо мудрствовать, не надо разбрасываться громкими эпитетами. Пусть каждый вид надзора остается тем, что он есть: конституционный, судебный, прокурорский, административный и т.д.

Всемерно заботясь о повышении престижа суда и правосудия в целом, нам необходимо так строить взаимоотношения суда и прокурора — государственного обвинителя, чтобы ни у кого не возникало ни малейших сомнений в объективности суда, его абсолютной независимости от обвинительной власти. Сама идея правосудия превращается в фикцию, когда на суд возлагается выполнение хотя бы некоторых, пусть даже второстепенных обязанностей, связанных с осуществлением обвинения. К сожалению, суд до сих пор еще не освобожден от таких обязанностей, и это подрывает у населения веру в справедливость его решений, заставляет думать, что суд всегда действует заодно с прокурором.

Для исправления этого ненормального положения требуется пересмотреть некоторые процессуальные правила и установить следующий порядок:

— копию составленного следователем обвинительного заключения направляет подсудимому не суд, который не имеет никакого отношения к авторству этого процессуального документа, а прокурор, утвердивший заключение и тем самым одобрявший выводы следователя;

— обвинительное заключение публично оглашает в суде не председательствующий, а прокурор или, в его отсутствие, секретарь судебного заседания. При действующем порядке у присутствующих в зале суда граждан нередко складывается впечатление, что судья читает обвинительное заключение потому, что согласен с ним, разделяет его аргументы и конечный вывод о виновности подсудимого;

— первым начинает допрашивать подсудимых и свидетелей не председательствующий, а прокурор, поскольку именно он представил в суд доказательства виновности и ему нужно дать возможность продемонстрировать суду их достоверность. Когда же допрос начинает судья, то он чаще всего приобретает избличающий характер, так как

допрашивающий неизбежно исходит из только что оглашенного обвинительного заключения и путем допроса стремится проверить, сопоставить, уточнить его выводы;

— если прокурор отказывается от обвинения, суд не может, не должен выносить обвинительный приговор. Однако действующий закон позволяет суду в этом случае признать человека виновным, т.е. возлагает на суд несвойственную ему обвинительную функцию, превращает его в обвинителя большего, чем прокурор. Это не соответствует назначению суда и противоречит принципу состязательности уголовного процесса. При отказе прокурора от обвинения суд должен оправдать подсудимого или прекратить производство.

Обо всем этом говорили и писали не один раз. Возражений нет, или они не серьезны, но предложения уходят, как вода в песок. Неужели и дальше мы будем столь нетребовательны к положению суда в государстве? Кто же тогда позаботится о защите наших прав?

В подготовленных Институтом государства и права АН СССР законопроектах предусмотрено также создание единого следственного аппарата, подчиненного Верховному Совету или Совету Министров СССР. (Сейчас следователи, как известно, есть и в прокуратуре, и в МВД, и в КГБ.) Реализация такой идеи избавила бы нас и от ослабленного прокурорского надзора, и от сращивания оперативной негласной деятельности со следственной работой МВД, и от рождающей страх таинственности следователей КГБ. Предусмотрено также участие защитника-адвоката в предварительном следствии с момента задержания подозреваемого, его ареста или предъявления ему обвинения. Мы выступаем за суд присяжных. Предложения о защитнике и суде присяжных, представленные нашим Институтом в Верховный Совет СССР, уже реализованы в Основах законодательства о судостроительстве (ст. 11 и 14). Можно было бы назвать еще многое, что, на наш взгляд, следует изменить или ввести в сферу правосудия, но это неисчерпаемая тема.

Когда я излагаю свои идеи о радикальной судебной реформе, то нередко слышу упреки в том, что, с одной стороны, обижаю честных судей своими обобщениями об их неспособности противостоять давлению, а с другой — идеализирую их, предлагая назначать Верховным Советом, да к тому же еще и пожизненно.

Что на это ответить? Конечно же, есть честные и неподкупные судьи, и их огромное большинство. Однако убежден: сейчас выявление наших недостатков, пусть даже гипертрофированных, полезнее, чем прежняя лакировка и попытка выдать плохое за «отдельные эксцессы». Да, есть честные судьи, и среди них народный депутат СССР Кудрин, который оставил судейское кресло и ушел разгружать вагоны, потому что не захотел подчиниться партийному диктату и несправедливо наказывать людей за участие в несанкционированном митинге. Но неужели такой поступок должен стать нормой, не лучше ли в корне изменить ситуацию и дать судьям реальную возможность решать дела по закону, по совести, не боясь вызова «на ковер»?

Относительно профессионализма судей у меня нет иллюзий. Надо резко повысить качество юридического образования, которое должно быть только очным. Мне стыдно, когда выпускник-заочник, будущий судья, не может ответить на вопрос, какая разница между Верховным судом и Верховным Советом. Стыдно читать безграмотные приговоры. Я предлагаю, чтобы судьи до назначения Верховным Советом проходили многоступенчатую процедуру отбора, тщательной проверки. К ним должны предъявляться самые строгие требования по части специализации, опыта работы. И утверждать судей Верховный Совет должен со всем вниманием и пристрастием, в таком же порядке, как он утверждал министров.

За годы перестройки принято несколько законодательных актов, регулирующих отношения в судебной-правовой сфере. Хотел бы сказать о них несколько слов.

В Конституции 1977 г. (ст. 58) впервые в истории нашей страны записано право гражданина обратиться в суд с жалобой на незаконные действия должностных лиц, ущемляющие его права. Казалось бы, такая запись, касающаяся миллионов людей, должна быть реализована в виде специального закона в первую очередь. Увы. Все указанные непосредственно в Конституции законы были приняты в течение 2 — 3 лет (о регламенте Верховного Совета, о Совете Министров, о прокуратуре, об арбитраже, о народном контроле, о гражданстве, о заключении и денонсации международных договоров и др.) — все, кроме этого. Мне довелось участвовать в подготовке Закона о порядке обжалования в суд незаконных действий должностных лиц, и я знаю, как трудно было добиться его принятия. Для этого понадобилось целых 10 лет. Наконец 30 июня 1987 г. закон был принят, но какой? Пустой, не работающий, его действие заблокировали различные ведомства и министерства — все, кто боялся дать суду власть решать конфликты, возникающие между гражданами и чиновниками. В нем сказано, что обжаловать в суд можно только единоличные действия должностных лиц. А ведь все самые важные вопросы эти лица решают коллегиально: о постановке в очередь на жилье, на улучшение жилищных условий, о назначении пенсии и ее размере и т.д. Для людей это жизненно важные вопросы, но обжаловать их в суд они не могли.

В декабре 1988 г. пленум Верховного суда СССР рассмотрел практику применения этого закона. Оказалось, что за год по стране в суды было подано всего лишь чуть больше 5 тыс. жалоб. Что, у нас такое торжество законности, не на что жаловаться? Да люди просто не хотели тратить время на обращение в суд, зная, что он не пойдет против чиновников, от которых сам зависит. И вот 2 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР отменил этот закон и принял вместо него новый, который поставил под контроль суда и коллегиальные действия должностных лиц. Но ведь сразу было ясно, что первый закон негодный.

4 августа 1989 г. принят Закон о статусе судей в СССР. Я участвовал в его разработке, поэтому мне неудобно его критиковать. Но я вижу в нем массу недостатков, много общих фраз, декларативных норм.

Недавно на объединенном заседании пленума Верховного суда и коллегии Минюста СССР было произнесено в адрес нового закона немало торжественных слов. Но ведь король-то голый! На мой взгляд, этот акт почти ничего не дал для повышения престижа суда, его роли в государственстве, а это главное, для чего закон создавался. Я предлагал опубликовать проект для обсуждения, считая его очень важным. Этого не сделали, объяснив тем, что не хватает места в газетах. Когда я спросил одного высокопоставленного чиновника из аппарата ЦК партии, давшего такой ответ, могу ли я на него сослаться, он сказал: «Я надеюсь, вы этого не сделаете». При обсуждении проекта закона в комиссии мне пришлось по многим позициям спорить с работниками из того же аппарата. Потом на страницах «Литературной газеты» я недоумевал: почему мне, научному сотруднику, приходится отстаивать свои идеи перед партийными функционерами? Ведь о сути закона я должен говорить и спорить не с ними, а с депутатами Верховного Совета или работниками его Президиума. Сейчас, конечно, сложилась совсем иная ситуация в законотворчестве, а во время разработки этого закона — еще до выборов народных депутатов СССР, до создания нового Верховного Совета — все решалось в ЦК, на Старой площади, а там доказать что-либо очень трудно.

Меня нередко спрашивают: может быть, судьи, чтобы оставаться независимыми, должны быть беспартийными, должны прервать свое членство в партии на время работы в суде? Я отвечаю на этот вопрос положительно. Во многих странах пребывание на посту судьи несовместимо с принадлежностью к какой-либо политической партии. Ведь членство в партии связано с подчинением установкам этой партии, с соблюдением ее устава. Все прежние годы, когда КПСС была единственной и к тому же правящей партией, членство в ней считалось необходимым условием занятия ответственного поста, да и не только ответственного. Выход же или исключение из правящей партии был равнозначен ostrакизму, политической смерти. Теперь, когда в СССР устанавливается многопартийная система и все партии на равных основаниях получают возможность отстаивать свои программы, выход из партии уже не может расцениваться как ренегатство, предательство со всеми вытекающими из этого тяжелыми последствиями. А что касается судьи, который Конституцией призван быть максимально независимым, объективным и беспристрастным, то он должен стоять выше борьбы различных политических сил, а это возможно лишь при отказе его от членства в какой-либо партии.

Чрезвычайно остро стоит проблема борьбы с преступностью. Решая ее, надо прежде всего создать материальные условия для улучшения деятельности правоохранительных органов. В системе МВД, например, не хватает 10 тыс. следователей, а те, что есть, неимоверно перегружены: они расследуют каждый месяц по 20 и даже больше уголовных дел параллельно. Какой же успешной работы можно от них требовать? Качество следствия в целом невысокое. Важно в корне изменить подготовку следственных кадров, остановить их текучесть.

Кроме того, техническая вооруженность правоохранительных органов крайне низка: это устаревшее оборудование для производства экспертиз, тихходные автомашины и мотоциклы, архаичные фотоаппараты, радиоаппаратура и другая техника. Надо, я считаю, не покупаться и, может быть, потратить даже дефицитную валюту на покупку современных технических средств раскрытия преступлений, а не уповать на какие-то новые органы вроде временных комитетов по борьбе с преступностью. Они потому и временные, что с самого начала было ясно, что они ничего не дадут и время их сочтено. Раньше работу правоохранительных органов координировал прокурор, потом комитеты местных и вышестоящих Советов. Так разве от этого могло что-либо измениться? Нет, конечно. Не случайно временные комитеты просуществовали всего полгода.

Сейчас людей очень волнуют гарантии таких прав, как свобода совести, свобода слова, свобода открыто выражать свое мнение, в том числе на митингах и демонстрациях, право на информацию и т.д. В январе 1989 г. СССР подписал Итоговый документ Венской встречи. Это огромный шаг по пути демократизации нашего общества. До сих пор мы часто говорили одно, а делали другое. Лгали на весь мир, подписывая Хельсинкские соглашения, в то время как «третью корзину» — о правах человека — мы и не собирались выполнять. Я верю, что теперь, подписав Венский документ, мы будем его твердо соблюдать, потому что наконец официально признали примат международного права над внутренним законом. И заявление М.С. Горбачева с высокой трибуны ООН о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми я считаю очень важным. Это поистине революционная мысль, которая стоит многих реформ.

Правовое государство относится именно к таким общечеловеческим ценностям, и мы начинаем это осознавать, после того как не одно десятилетие клеймили его как «буржуазный хлам». Воля государства облекается в правовые нормы. Какова эта воля и каковы выражающие ее законы — вот в чем вопрос. Бывают абсолютные неправовые, безнравственные законы, например допускающие сегрегацию, стерилизацию, уничтожение «неполноценных» народов. Закон должен быть человеческим, нравственным, закреплять все права, присущие каждому гражданину изначально, с момента его появления на свет: право на жизнь, на свободу, на достойное существование в обществе и др. Наивно и вредно считать, что эти права дарованы гражданину государством — он обладает ими от природы. Защищать их — в этом и состоит задача правового государства.

У нас бытует стереотипная формула, что закон призван защищать интересы государства, общества, личности. Надо решительно поменять порядок в этой триаде и поставить личность на первое место. Правовое государство должно в первую очередь охранять права личности от любого произвола, и с этих позиций нам нужно подходить к каждому создаваемому или изменяемому закону.

Сейчас специальные комиссии пересматривают все наши законы для приведения их в соответствие с Итоговым документом Венской встречи. Это большая и сложная работа, и она уже началась: ведется «инвентаризация» наших законов о привлечении к принудительному труду, о въезде в страну и выезде из нее, о праве на апелляцию и др. Я участвую в рамках общественной организации «Московская трибуна» в комиссии по наблюдению за выполнением Венских соглашений. В эту комиссию вошел и высокопоставленный государственный служащий — посол Ю. Кашлев. То есть государство и общественность объединены одной благородной целью, и можно сказать, что теперь мы ведем честную политику в международно-правовой области.

Сложнее в политике внутренней. Нам нужно отказаться от многих догм, и начинать эту трудную работу надо сейчас, чтобы не повторились Тбилиси, Минск, Фергана. Для того и создан новый Верховный Совет, где есть группа радикально настроенных депутатов — я их полностью поддерживаю, — которые, к сожалению, сейчас пока в меньшинстве. Ясно, что им не удастся провести многие законопроекты. Но они заявляют о своей позиции во всеуслышание, их весь Союз видит по телевидению, и это не может остаться незамеченным. Надо добиться окончательной ликвидации общественного канала (от партии, профсоюзов и т.д.), по которому прошла треть депутатов. Они сейчас спокойно живут, избиратели не тревожат их своими жалобами и просьбами — у них ведь, по сути, нет избирателей. Надо сделать так, чтобы все кандидаты на равных добивались признания у жителей территориальных округов, выступая десятки и сотни раз, отвечая на тысячи вопросов, споря, отстаивая в борьбе с соперниками свои программы.

Да, перестройка идет трудно, каждый шаг дается немалой кровью. В заключение хочу подчеркнуть: сейчас нам, каждому, где бы он ни работал, чем бы ни занимался, надо оказать поддержку Горбачеву в максимальной степени и любыми возможными способами. И заявлять об этой поддержке громко, публично, чтобы он опирался на мнение народа. Это крайне важно. Другого способа ослабить действие антиперестроечных сил я не вижу.

Правосудие, закон и нравственность

Юстиция — в переводе «справедливость». Утверждают, что, по представлениям древних, богиня правосудия — это не только символ справедливого суда, но и идея справедливой государственности. Поэтому неудивительно, что в процессе поиска путей построения правового государства особо пристальные взоры обратились к нашему суду. Сравнительно быстро был принят ряд важных и принципиальных решений: Закон о статусе судей в СССР, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судеустройстве, Закон о неуважении к суду. Все они направлены на то, чтобы правосудие заняло подобающее ему место в правовом государстве, стало действительно вершиной всей правоохранительной системы, чтобы каждому советскому человеку было видно, где и у кого он в конечном итоге может искать защиту своих прав и свобод, правду и справедливость.

Но здесь же возник и вопрос: а где суду искать эту многострадальную правду и справедливость? Вопрос для юриста, особенно советского, необычный. Многие поколения наших юристов воспитаны на убеждении, что правду, причем всю правду, нужно искать только в законе. В законе все: и объективная необходимость, и мудрость, и нравственность. Мы часто обращались к мысли А.Ф. Кони, что справедливость должна находить себе выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже оно всматривается в жизненную правду людских потребностей и возможностей [А.Ф. К о н и. Собр. соч. М., 1968, т. 6, с. 25]. Ну раз должна, значит, и находит. Нас приучили ориентироваться на должное, а не на сущее. И уж коль граждан с самым низким жизненным уровнем сумели убедить, что они живут в самом процветающем обществе, то убедить их в том, что принимаемые родным государством законы всегда справедливы, было еще проще. Ежедневные заклинания сделали свое дело и убедили многих, в том числе и судей. Многих, но не всех.

Несовершенство законов хорошо видно судьям. По данным выборочного социологического опроса, свыше 50% судей не всегда уверены в справедливости вынесенного с их участием приговора. На вопрос: «Если Вы не уверены в справедливости приговора, то почему Вы его выносили?» — 45% ответили, что таков закон; 55% — что такова практика. При попытке выяснить, что предпринимали судьи, столк-

нувшись с несправедливым законом или практикой его применения, обнаружилось, что сколько-нибудь значимых официальных путей решения вопроса они не видят, ограничиваясь разговорами в среде коллег, и то далеко не всегда. Таким образом, и сегодня, хотя уже почти пять лет идет в стране перестройка, многие судьи остаются равнодушными к тому, что справедливость в суде не всегда торжествует, поскольку чувствуют себя спокойно за спиной закона и сложившейся практики.

Что же представляет собой сложившаяся практика, которая препятствует судье принять справедливое решение даже в тех случаях, когда закон, казалось бы, и разрешает? Дело в том, что закон в силу своего общего характера, абстрактных формулировок, оценочных понятий зачастую оказывается многовариантным, допускающим различное истолкование. Чтобы судьи не сбились с толку и все понимали закон одинаково, на помощь приходят «образцы» решений Верховного суда по конкретным делам и его руководящие разъяснения. Благодаря этим образцам и разъяснениям складывается та единообразная практика, которая наряду с законом выступает для судей своеобразным критерием истины. Единство судебной практики является в принципе большой ценностью, поскольку обеспечивает равенство граждан перед судом и законом. Формируют единство практики Верховный суд СССР и Верховные суды союзных республик, каждый в пределах своей компетенции. В силу значительных различий в республиканском уголовном законодательстве ведущая роль в единообразном понимании законов и, следовательно, в единстве складывающейся практики принадлежит Верховному суду СССР.

Всегда ли такая единая практика является образцом справедливости и правды? Наряду с образцами применения закона по конкретным делам и обязательными разъяснениями, которые могут и должны быть поставлены в заслугу Верховному суду, есть и такие, которые демонстрируют расширение Верховным судом уголовной репрессии для «пользы дела». При этом бесспорный авторитет Верховного суда и обязательность его руководящих разъяснений позволяют судьям чувствовать себя неуязвимыми, когда они следуют его указаниям, даже если они с ними и не согласны. Нужно отметить, что практика не всегда складывается под воздействием прямых и очевидных указаний. Иногда это происходит, как говорится, с молчаливого согласия, путем одобрения, оставления в силе решений, принимаемых нижестоящими судами.

Отдельных судей клеймят за послушание «телефонному праву». Но чистоту риз правосудия в целом никто не подвергает сомнению.

Служители Фемиды вовсе не собираются брать на себя ответственность ни за процессы так называемых «диссидентов», ни за процессы «бескорыстных расквителей», ни за многие другие. Суть их немногословных ответов на критику в таких случаях сводится к тому, что судьи лишь исполняли закон, придерживаясь общепринятой

практики его применения и, следовательно, вопрос об их вине снимается сам собой.

Асмолов был осужден в 1980 г. за «клеветнические измышления в отношении Л.И. Брежнева». В «лучших» традициях времени он был признан неменяемым, и суд назначил ему принудительные меры медицинского характера. После прекращения в 1989 г. дела за отсутствием состава преступления Асмолов поставил вопрос об ответственности судьи. Московский городской суд с ним не согласился, «поскольку решение по делу было принято в соответствии с общей практикой рассмотрения указанных дел в те годы». Возмущенный опубликованным ответом читатель восклицает: «Разве члены «троек», так трудолюбиво перемалывавшие миллионы людей в лагерную пыль, действовали не в соответствии «с общей практикой рассмотрения указанных дел в те годы»? Была практика. Были практиканты. Винаватых нет» [«Огонек», 1989, № 45, с. 4].

Правда, в ответе сказано, что «внимание членов суда обращено на недопустимость судебных ошибок». В чем же суть того, что так мягко обозначено как «судебная ошибка»? Во-первых, в комментарии к закону четко сказано, что ответственность по ст. 70 УК РСФСР не может наступить, если клеветнические измышления относятся к отдельному лицу, а не к государственному или общественному строю. Во-вторых, распространяемые сведения должны быть заведомо для обвиняемого ложными. А поскольку Асмолов был признан душевнобольным, то вопрос о заведомой ложности сведений никто и не собирался выяснять.

Конечно, судебные ошибки, увы, неизбежны, как неизбежны они в любом другом виде человеческой деятельности. Но, чтобы такой «букет» рискнуть назвать ошибкой, нужно чувствовать себя в полной безопасности. И такая безопасность была судьям обеспечена, поскольку они прекрасно понимали, что выполняют заказ политической власти.

Прав А. Нуйкин, когда пишет, что служителям Фемиды плохую службу сослужил тот факт, что преступления сталинско-брежневской компании остались практически безнаказанными. «Уж если такое сходит с рук — делаете вы из этого факта логический вывод, — то наши-то куда менее кровавые грехи тем паче спишутся, как естественные потери при возведении здания социализма» [А. Н у й к и н. Открытое письмо. — «Огонек», 1989, № 40, с. 4].

Командно-административная система, которой легко жить и управлять с помощью жестких антидемократических законов и которая постоянно подталкивает суды к расширительному их толкованию и применению, еще достаточно сильна, и есть серьезные опасения, что она постарается взять реванш за поражение в первом раунде. Не потому ли Верховный суд СССР в период драматических событий, развернувшихся вокруг ст. 1¹ Закона о государственных преступлениях, занял соглашательскую позицию? Вместо того чтобы поддержать мощный голос протеста против этой явно недемократической статьи

закона, он накануне I Съезда народных депутатов, отменившего закон в этой части, дает руководящие разъяснения, как бы благословляя суды на ее применение. Конечно, Верховный суд не мог отменить закон, но в период, когда вся передовая общественность расценила его как наступление на демократию и гласность, предпочтительнее было бы использовать право законодательной инициативы и изложить свою позицию Съезду, чтобы все убедились в том, что суд не зря стоит на вершине пирамиды, с которой ему видно все.

Однако вслед за этим Верховный суд сделал еще один шаг, который многих поверг в смятение. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР о порядке проведения митингов и демонстраций, который отдал большинство возникающих здесь вопросов на усмотрение местных властей. В обществе нарастает недовольство указом, милиция навлекает на себя гнев населения при разгоне несанкционированных митингов, депутаты Верховного Совета постоянно поднимают вопрос об отмене установленного указом разрешительного порядка, а Верховный суд СССР принимает постановление, существенно расширяющее действие указа, поскольку приравнивает к демонстрантам индивидуальных пикетчиков. И если в первом случае, как пояснил Съезду Председатель Верховного суда СССР Е.А. Смоленцев, намерение высоких судей было направлено на то, чтобы суды не «наломали дров», то почему же в данном случае у них не возникло опасений, что здесь наломанных дров в виде гражданских свобод будет еще больше?

Поэтому сегодня, когда многих беспокоит вопрос, хочет ли действительно наше государство иметь сильный и независимый суд или дело закончится одними разговорами, нельзя не задать вопроса, а готовы ли и, главное, хочет ли наш суд стать таковым. Ведь быть независимым не такое уж легкое дело. Это значит не только иметь право слышать исключительно свой собственный судейский голос и руководствоваться своим внутренним убеждением, это еще и тяжелое бремя ответственности. И если обратиться к истории, то оказывается, что проблема не исчерпывается ответственностью за нарушение закона, ответственность может наступить и за слишком исправное, нерассуждающее исполнение антигуманного, жестокого закона.

Здесь, очевидно, уместно рассмотреть и некоторые непростые вопросы теории.

Традиционно роль суда сводилась исключительно к правоприменению. Никакими контрольными функциями по отношению к закону наш суд никогда не наделялся. От суда требовалось неукоснительное, безусловное исполнение закона, каким бы он ни был. Однако в процессе осмысления проблем, связанных с построением правового государства, когда была выдвинута задача обеспечения в обществе верховенства закона, не мог не возникнуть вопрос о соотношении закона и права. Обнаружилось, что закон и право — далеко не одно и то же. Впрочем, обнаружилось это давно, пожалуй, еще до новой эры, но мы прочно стояли на позициях, что в социалистическом обществе такого

быть не может, поскольку наши законы выражают научнообоснованную и объективно обусловленную волю всего народа. Однако этому мифу суждено было рухнуть. В нашей теории появились такие шокирующие социалистическое правосознание понятия, как *неправовой закон* и *неправовой* подзаконный акт. В самом общем виде под неправовым законом понимается нормативный акт, в котором получили выражение несправедливая идея или произвол властей. «Когда нормативное закрепление получает несправедливая идея, то законом она становится, а правом — нет. В социалистическом правовом государстве верховенство принадлежит справедливому закону» [Р.З. Л и ф ш и ц. Право и закон в социалистическом правовом государстве. — «Советское государство и право», 1989, № 3, с. 17].

Практически все, кто на страницах печати высказались о понятии, содержании, путях и перспективах построения правового государства, отдали должное суду как органу, обеспечивающему правление права. Однако возможности суда в этом обеспечении видятся юристами далеко не одинаково. Различия во взглядах прослеживаются прежде всего в зависимости от того, признается или не признается идея четкого разделения властей, которые должны выполнять по отношению друг к другу роль сдержек и противовесов. Однако даже те, кто прочно стал на позицию необходимости разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, не внесли необходимой ясности в вопрос: в какой форме и с помощью каких механизмов судебная власть сможет выступить в роли противовеса законодательной и исполнительной власти? Пока что ясно только одно — судебная власть должна быть независимой от вмешательства в осуществление правосудия по конкретному делу. Однако это далеко не то, что вкладывается в понятие сдержек и противовесов. Поэтому стала пробивать себе дорогу мысль, что существенная часть полномочий судебной власти, необходимая для обеспечения принципа разделения властей и выполнения своей общей правоохранительной функции, заключается в осуществлении конституционно-правового контроля за нормативными актами законодательной и исполнительной властей. Суть этого контроля — в защите права от всех возможных форм его нормативного нарушения. Суд призван защищать как от любых конкретных противоправных действий, так и от всех противоправных норм [В.С. Н е р с е с я н ц. Правовое государство: история и современность. — «Вопросы философии», 1989, № 2, с. 147].

Как известно, функции конституционно-правового контроля переданы Комитету конституционного надзора, а не суду. Так что официальной возможности у судебной власти предотвратить появление неправовых законов практически не существует. Передача функций конституционного надзора специально созданному комитету, а не Верховному суду или Конституционному суду многих огорчила, поскольку иное решение вопроса способно было бы существенно повысить роль и авторитет суда в правовом государстве.

Остается невыясненной и проблема охраны судом общества от всех противоправных норм на стадии исполнения закона, т.е. в процессе рассмотрения конкретных дел.

Когда на Съезде народных депутатов Председателю Верховного суда СССР был задан вопрос относительно возможности неприменения судом несправедливого закона, Е.А. Смоленцев ответил, что такой возможности у суда нет. Ответ не вызвал никакой реакции, хотя, судя по характеру вопроса, у депутата на этот счет была иная точка зрения. Отмечая достижения и просчеты Съезда, Ю. Феофанов справедливо сетует на то, что проблема «третьей власти» в государстве на I Съезде даже не поднималась, и это разочаровывает [Ю. Ф е о ф а н о в. Третья власть. — «Дружба народов», 1989, № 10, с. 204].

Озабоченность по поводу возможности появления антидемократичного закона и положения суда в такой ситуации не может не волновать юристов. «Один из самых сложных вопросов — как обеспечить, чтобы нелегитимный (неправовой, а иногда просто преступный) закон еще до его отмены в установленном порядке не применялся бы лицами, которым он прямо адресован. Это относится прежде всего к уголовно-процессуальному законодательству» [Г.Н. М а н о в. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы. — «Советское государство и право», 1989, № 6, с. 6]. Автор обеспокоен тем, что мы входим в правовое государство без должных гарантий того, что во времена сталинских репрессий не повторится, поскольку ретивые исполнители преступных законов остались ненаказанными. Эта проблема до сих пор кровоточит, мучит общественное сознание, однако вразумительного ответа юристов на этот счет нет.

При всем оптимизме относительно судьбы перестройки было бы легкомысленным не учитывать возможные трагические варианты ее исхода, тем более что они в последнее время достаточно часто проигрываются в различного рода дискуссиях. Поэтому уроки Нюрнбергских процессов, особенно суда над судьями, положения дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г. обязывают юристов дать ответ: что такое преступный приказ, что такое преступный закон и какие последствия могут наступить для их исполнителей. Кроме того, нужно наконец перестать стесняться и сказать, что по тем политическим «диссидентским» процессам, особенно в случаях, когда граждане незаконно признавались невменяемыми, было много таких приговоров, которые прямо подпадают под действие ст. 177 УК РСФСР (вынесение заведомо неправосудного приговора).

Можно ошибаться относительно того, порочат или не порочат, подрывают или не подрывают отдельные действия, высказывания общественный и государственный строй, но по многим процессам вся совокупность обстоятельств не позволяла судьям сомневаться в психической полноценности обвиняемых, несмотря на заключения экспертизы. И если бы действительно серьезно был поставлен вопрос об

уголовной ответственности конкретных экспертов и конкретных судей, то мы наконец в гласном судебном процессе на основании доказательств, а не догадок смогли бы раскрыть весь механизм, порождающий и прикрывающий преступную практику применения действовавшего закона.

Конечно, далеко не вся судебная практика, которая нас сегодня удивляет или даже возмущает, может быть названа преступной. Это было бы и несправедливо и неверно по существу. Если иметь в виду практику по делам о «шабашниках» и «бескорыстных преступниках», то здесь можно говорить лишь о судебных ошибках, возникающих вследствие пороков излишне ригористичного судейского правосознания. Это прямое следствие негуманности нашего общества, низкой цены человеческой личности и в целом нашего тяжелого, антидемократичного исторического наследия. Это непростительные, но все же ошибки, которые, к сожалению, как правило, совершались в угоду государству, видевшему в уголовной репрессии панацею от всех бед.

Мы долго и прочно придерживались принципа «суров закон, но закон», и нам казалось, что мы этим демонстрируем верность принципу социалистической законности. Это механически исключало любые сомнения в разумности и человечности закона и привело к формированию типа нерассуждающего судьи, готового выполнить любой исходящий от власти приказ, лишь бы он был надлежащим образом оформлен. Мы тешили себя, что этот принцип восходит к римскому праву, с авторитетом которого принято считаться. Однако, как заверил нас З.М. Черниловский, «ни один из «классических» римских юристов не только не говорил ничего подобного, но и не мог сказать, ибо такого рода позиция входила в непримиримое противоречие с главным принципом преторского права: подвергать ревизии «строгий закон» с позиций справедливости и доброй совести» [З.М. Черниловский. В русле новых подходов. — «Советское государство и право», 1988, № 7, с. 137]. Оказалось, что ходячая фраза, которую мы привели, родилась уже в период перехода к абсолютной монархии, когда право перешло в руки чиновников многочисленных императорских канцелярий. Черниловский З.М. приводит и такое высказывание знаменитого римского юриста Ульпиана: «Когда право противоречит справедливости, должно предпочесть последнее, и, таким образом, во всех делах справедливость имеет преимущество перед строгим пониманием права». К римским юристам криминалисты обращались редко, а вот А.Ф. Кони цитировал исправно. А он, в частности, писал, что «бездушное успокоение в словах «суров закон, но закон» недостойно судьи, хотя во многих практических случаях может оказаться для него не только удобным, но даже выгодным» [А.Ф. Кони. Соч., т. 4, с. 45].

А.Ф. Кони никогда не призывал судью обойти закон, поскольку понимал, что уголовный закон предоставляет ему достаточно много возможностей для проявления разумной человечности и справедливости. Поэтому ссылка судей, выносящих приговор, в справедливости

которого они не убеждены, на то, что таков закон, во многих случаях представляется лукавством. Значительно чаще это нежелание утруждать себя поиском справедливого решения, поскольку так удобнее и проще.

Наша психология большей частью формировалась в удушливой атмосфере подавления, рабского, нерассуждающего подчинения. Вырваться из этого плена нелегко, поскольку за долгие годы сталинского террора и брежневского застоя многие капитулировали как социальные личности, все свои способности направив на социальный конформизм, угодничество перед властями. Выпрямление души и освобождение мысли протекает болезненно, поскольку связано с переоценкой ценностей, на утверждение которых ушла большая часть жизни нашего поколения. Однако немаловажное значение имеет и желание самого судьи стать действительно справедливым судьей и активной социальной личностью. Проявляется ли такое желание? В указанном исследовании на вопрос: «Представляет ли для Вас интерес мнение ученого относительно более разумного варианта применения закона, если Вы точно знаете, что у вышестоящего суда на этот счет другая точка зрения?» — 60% судей ответило отрицательно. Здесь уже идет речь не только о том, что судья не может принять решение, расходящееся с позицией вышестоящего суда, но и о том, что он не хочет даже думать о разумности и справедливости такой позиции. Ему это не интересно. И будет не интересно до тех пор, пока будет существовать формально-бюрократическая система оценки качества судебной деятельности по количеству отмененных и измененных приговоров, а также соблюдению процессуальных сроков, постоянно подталкивающих судью к принятию быстрого и «проходимого» решения. Будет не интересно до тех пор, пока суды не вырвутся из объятий командно-административной системы и не станут самостоятельной, независимой и сильной властью.

Но власть еще никто никогда и никому добровольно не отдавал. Суд должен отстаивать самостоятельность и независимость своей власти не только при разрешении конкретных дел, но и при определении судебной политики. Судебная система во главе с Верховным судом СССР должна иметь свое собственное лицо, свое собственное мнение, свою собственную линию по всем вопросам отправления правосудия и нести за это полную ответственность. Каждому судье должно быть гарантировано право вынесения только такого приговора, в справедливости которого он убежден и за который ему не будет стыдно ни сегодня, ни завтра. Мы вполне можем рассчитывать, что наш новый демократичный и профессиональный парламент будет принимать только такие законы, реализация которых не будет сопряжена с конфликтом права и правды, буквы закона и справедливости. Но, как говорится, стопроцентную гарантию не дает даже страховой полис. Поэтому нам надо провести широкую дискуссию и решиться на трудный выбор между безусловным следованием букве закона и справедливостью, если конкретная ситуация требует того от судьи.

Собственно говоря, законодатель такой выбор уже сделал, предусмотрев в Основах законодательства о судостроительстве суд присяжных. Такой суд может действовать только при признании, что мудрость и справедливость имеют преимущество перед строгим пониманием права.

Можно сомневаться относительно того, насколько все члены Верховного Совета СССР хорошо представляли себе специфику этого института, но нельзя сомневаться в побудительных мотивах, толкнувших парламент на такую коренную реформу уголовного процесса. Суть этих побудительных мотивов в неудовлетворенности той мерой справедливости, которая царит в нашем правосудии. Многие тешат себя надеждой, что именно присяжные вернут доверие к суду, которое так необходимо в правовом государстве. Досадно, однако, что, прекрасно зная, в каких условиях работает наш нынешний суд, не сделав сколько-нибудь существенных шагов по освобождению его от пут формальной отчетности, неработающих показателей, больших перегрузок, нереальных сроков и пр., парламент уже как бы выразил ему недоверие в части рассмотрения наиболее сложных дел.

Несколько подробнее о суде присяжных мы скажем ниже, а сейчас зададимся вопросом: почему то, что дозволено присяжным, не дозволено тому составу суда, который и впредь будет рассматривать подавляющее большинство уголовных дел? Почему присяжные должны исходить из принципа «правде жизни следует отдать предпочтение перед буквой закона», а профессиональные судьи — из принципа «судов закон, а не закон».

Думается, что проблема расхождения буквы закона и справедливости должна решаться одинаково, независимо от того, кто и в каком порядке разрешает вопрос о виновности.

Не разделяя восторгов по поводу того, что решение вопроса о виновности, т.е. основного и самого трудного вопроса всякого уголовного дела, будет отдано в руки непрофессиональных судей, нельзя не радоваться тому, что сама идея такого суда заставит юридическую науку и практику провести инвентаризацию ряда устоявшихся ценностей.

Потребуется, очевидно, вернуться к обсуждению проблемы вины в уголовном праве. Ведь если присяжным позволено признать подсудимого невиновным при наличии в его действиях состава преступления и мы будем исходить из того, что это не нарушает уголовно-правовых и уголовно-процессуальных принципов, то очевидно, что в понятия «виновен» и «не виновен» должно вкладываться иное содержание, нежели то, которое господствует в нашей науке.

Очевидно, что либо состав преступления будет не единственным основанием уголовной ответственности, либо мы несколько расширим само содержание состава преступления.

В 60-е годы большинство юристов посчитало, что отход от формального состава преступления как единственного основания уголовной ответственности есть отход от прочных основ социалистической

законности. Теперь, очевидно, придется вернуться к этому вопросу, поскольку в противном случае вердикты присяжных, отдавших предпочтение справедливости, а не букве закона, будут постоянно третируются с формально безупречных позиций законности.

Небезынтересно отметить, что введение в России суда присяжных тоже привело к дискуссиям относительно смысла, который следует вкладывать в вопрос о виновности. Защищая этот институт от бесчисленных нападков, А.Ф. Кони писал: «Присяжных спрашивают не о том, совершил ли подсудимый преступное деяние, а виновен ли он в том, что совершил его... Своим вопросом о виновности суд устанавливает особый промежуток между фактом и виной и требует, чтобы присяжные, основываясь исключительно на «убеждении своей совести» и памятуя свою великую нравственную ответственность, наполнили этот промежуток соображениями, в силу которых подсудимый оказывается человеком виновным или невиновным» [А.Ф. К о н и. Соч., т. 4, с. 290].

Почему же мы исходим из того, что этот промежуток между преступным деянием и виной присяжные смогут наполнить более безупречным содержанием, нежели профессиональные судьи и действующие совместно с ними народные заседатели?

Нас могут упрекнуть в непоследовательности, поскольку в наших предыдущих суждениях судьи выглядят далеко не лучшим образом. Однако по многочисленным исследованиям и наши граждане в большинстве своем далеки от идеала гуманизма, гражданственности и высокой нравственности. Но согласитесь, что поднять уровень правовой культуры, гражданского долга, нравственного сознания судей значительно легче, нежели всего взрослого населения страны.

Судей нужно освободить от панического страха, что вышестоящая судебная инстанция с ними не согласится и отменит или изменит приговор, что при всяком отклонении от средних показателей в практике назначения отдельных видов наказания тут же нагрянет проверка и неизвестно, чем она для них закончится. Нужно глубоко и серьезно демократизировать судебную систему не за счет присяжных или, во всяком случае, не только за их счет. Но уж если мы пойдем на то, что справедливость и правда должны торжествовать в суде при всех обстоятельствах, и *при этом все же не будем забывать о непреходящей ценности закона*, то будет значительно надежнее, если максимальное сближение права и правды мы поручим коллегии, где профессиональные судьи думают и действуют совместно с представителями народа, а не врозь.

* * *

Как освободиться от пут «неправового» закона? Как сблизить закон с правосознанием? Как уйти от пресловутой «практики», связывающей по рукам и ногам наше и без того робкое правосудие?

На поставленные вопросы может быть дано множество ответов, но один из них лежит на поверхности. Тот, что связывает перспективы советского правосудия с правовым институтом, имеющим глубокие исторические корни, — судом присяжных.

С тех пор как государство взяло на себя задачу преследования преступников, практически во всем мире появились профессиональные судьи, в руки которых было полностью передано дело правосудия. Однако общество не могло не видеть вмешательства в него властей и отрыва закона от массового сознания и, естественно, было недовольно своим отстранением от судопроизводства. На почве недоверия «третьего» сословия к коронным судьям — представителям правящих классов — возник суд присяжных, победное шествие которого по Европе началось после Великой французской революции 1789 г. Небезынтересно знать, что, отделив коллегию присяжных от профессиональных судей, стремились избавиться от таких свойственных им недостатков, какие в известной степени дошли и до сегодняшнего дня. Послушаем аргументы сторонников суда присяжных: «Присяжным вполне чужда та рутинность и неподвижность взгляда, которые легко вырабатываются у коронных судей вследствие постоянного обращения их с уголовными делами... в совести присяжных следует видеть лучший корректив для положительного закона, лучшее средство для распознавания, соответствует ли данный закон существующему в обществе правосознанию... суд этот обладает такой независимостью суждений, которых не имеет суд коронный» [В. С л у ч е в с к и й. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. Сиб., 1891, с.188].

Впрочем, у суда присяжных были и противники. Наполеону, например, было «смешно видеть, когда люди без таланта и знания приглашаются судить, а специалисты разыгрывают при этом пассивную роль». Основным объектом полемики служил все тот же вопрос, являющийся для юристов камнем преткновения, — отношение присяжных к закону. «Они не знают повиновения закону — какое же это правосудие?» — вопрошал Иеринг.

В России, например, присяжные не имели права брать с собой законы в совещательную комнату. В одном из принятых в 1869 г. судебных решений такое правило мотивировалось тем, что грамотные люди не должны влиять на неграмотных, мнения присяжных должны исходить единственно из их внутреннего убеждения [К.К. А р с е н ь е в. Судебное следствие. Сборник практических заметок. Сиб., 1871, с. 129].

Возникший в СССР суд с участием народных заседателей, в основе которого лежит шеффенская форма правосудия, объединяет судью-профессионала и народных представителей в единую коллегию. Всегда послушный закону (в том числе «неправовому») и практике его применения, он фактически никогда не противостоял диктату власти. Этим прежде всего объясняется бурный интерес к суду присяжных в последнее время. Не прошло и года, как эта мо-

дель правосудия была введена в современный дискуссионный оборот и сразу же начала проникать в общественное сознание. Ее подержали в своей предвыборной платформе многие народные депутаты СССР, и в их числе академик А.Д. Сахаров. В период подготовки проекта Основ законодательства о судостроительстве его авторы отвергли предложение о введении суда присяжных, однако в ноябре 1989 г. на сессии Верховного Совета СССР оно вновь было поднято народными депутатами. Так вопрос, о котором веками спорили юристы, был решен в одночасье, без бурных дебатов, как нечто само собой разумеющееся. Основы законодательства о судостроительстве допустили возможность рассмотрения судом присяжных дел о преступлениях, за которые законом предусмотрена смертная казнь или лишение свободы свыше 10 лет.

Жажда коренной реформы суда вполне понятна. Если уж мы столь решительно и далеко зашли в реформе политической системы, то общая тенденция все перестроить должна затронуть и правосудие. В этой обстановке не могла не возникнуть идея суда присяжных, с которым общественное сознание издавна связывает суд правый, справедливый. «Это символ демократического судопроизводства», — утверждает Ф. Бурлацкий, впервые предложивший вернуться к этой процедуре на страницах журнала «Коммунист» в 1957 г. [Ф. Б у р л а ц к и й. Судебная реформа. — «Литературная газета», 1989, 15 ноября]. Институт присяжных носит ярко выраженный политический характер, представляя собой существенный канал участия населения в делах государственных. «Установление присяжных не может не отражаться на общей политической физиономии страны», — справедливо отмечал выдающийся русский процессуалист И.Я. Фойницкий. [И.Я. Ф о й н и ц к и й. Курс уголовного судопроизводства, т. 1, Сиб., 1910, с. 393]. Привлекательность идеи сломила осторожность и тех, кто еще вчера выдвигал серьезные аргументы против этой формы организации правосудия [Ю. Ф е о ф а н о в. Третья власть. — «Дружба народов», 1989, № 10, с. 198], а сегодня твердо высказывается «за» [Ю. Ф е о ф а н о в. Голосую за присяжных. — «Известия», 1989, 15 ноября].

И все же отдаем ли мы себе отчет в том, что для рассмотрения дел о наиболее тяжких преступлениях будем иметь суд (по выражению горячего сторонника присяжных С.В. Познышева) «совершенно независимый, бесконтрольный и безответственный» [С.В. П о з н ы ш е в. Учебник уголовного процесса. М., 1913, с. 124]. Насколько мы хотим иметь именно такой суд, насколько разобрались в проблеме разрешения конфликта между правом и правдой в ее немудрном, житейском понимании? Почему не пугает нас зловещая тень правового нигилизма?

На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Н.М. Янсон, заместитель наркома РКИ и будущий нарком юстиции, под аплодисменты утверждал: «Наибольших результатов мы достигнем лишь в том случае, если органы юстиции построим по такому принципу, чтобы там было

большее количество людей с практическим смыслом и опытом, людей рабочего происхождения». «И поменьше юристов», — развивал его мысль член Верховного суда СССР А.А. Сольц. Он же далее добавлял: «Есть законы плохие, и есть законы хорошие», имея в виду возможность выборочного к ним отношения со стороны правоприменителей.

Цитируя этот диалог, Л.В. Никитинский приходит в ужас, поскольку знает, к какому произволу привела последующая реализация высказанных на съезде мыслей [Л.В. Н и к и т и н с к и й. Миф о виновности юристов. — В кн.: Пульс реформ. М., 1989, с. 166 — 167]. Но в той же статье спустя несколько страниц он же рассказывает об оправдании присяжными Веры Засулич, стрелявшей в губернатора и не раскаявшейся в этом, как о примере «огромного духовного и интеллектуального потенциала»... Или следует исходить из того, что российский чинуша и его сегодняшний собрат — не одно и то же и для оправдания одного убийцы нужно подняться до высокого нравственного урня, а для оправдания другого — наоборот, немного опуститься?

Вспомним, сколько усилий приложил А.Ф. Кони для того, чтобы объяснить тогдашней общественности причины оправдания Засулич. Он объяснял, почему был вынесен такой вердикт, однако вовсе не был с ним солидарен, хотя, надо полагать, был не ниже присяжных по духовному и интеллектуальному потенциалу. А.Ф. Кони, председательствуя на этом процессе, ожидал от присяжных вынесения обвинительного вердикта и одновременно признания необходимости снисхождения. Такой обвинительный приговор, выражая слово порицания правовому «самосуду», писал выдающийся русский юрист, смог бы продемонстрировать, что «есть суд, который... умеет достигать справедливых приговоров, не возмущая совести общества» [А.Ф. К о н и. Соч., т. 2, с. 170].

Подобные ситуации возможны и сегодня. И искать из них выход следует в рамках закона, пусть и не всегда совершенного. Возможность корректировки закона присяжными активно обсуждалась при подготовке судебной реформы 1864 г. «С большой осторожностью следует относиться к теориям, согласно которым институт присяжных рекомендуется как лучший корректив недостатков закона (гарантирующий отправление правосудия согласно требованиям общественного мнения и народной совести), — писал И.Я. Фойницкий. — Если бы институт присяжных был способом решения дел под диктовку общественного мнения, то по одной этой причине его следовало бы отвергнуть».

Известный в начале века адвокат Коммодов защищал нескольких крестьян, убивших «колдуна». Они искренне верили, что тот «портит» скотину, и потому защитник доказывал отсутствие их вины, особенно упирая на темноту и отсталость русской деревни. Присяжные убийц оправдали. После суда Коммодов разговорился с одним из них — благообразным старичком.

— Что же у вас получается? Ведь могли вас и не оправдать, темь тут у вас непроглядная!

— Э, брось, барин. Темь — это ничего. Вот колдунов у нас много. Ну да теперь мы их всех изведем до последнего!

Юридический казус остался в далеком прошлом. А мы... мы вновь поверили в колдунов (например, телевизионных), вновь полны пред-
рассудков (например, национальных), вновь вводим суд присяжных...

Разве современному обществу полностью удалось освободиться от предрассудков? Вряд ли будут избавлены от них и присяжные. В 1989 г. Всесоюзный центр изучения общественного мнения по соци-
ально-экономическим вопросам (ВЦИОМ) провел опрос более чем двухсот тысяч читателей «Литературной газеты». 55% из них отмети-
ли растущую напряженность между людьми разных национально-
стей. А теперь представьте себе перед местным судом народных пред-
ставителей «лицо некоренной национальности». Незавидное положе-
ние будет и у оказавшихся на скамье подсудимых кооператоров, ведь
именно они, по мнению половины опрошенных, извлекают макси-
мальную выгоду из нынешних реформ. Жизнь вряд ли располагает
многих к объективности применительно к обвиняемым в имуще-
ственных преступлениях. 54% опрошенных не считают свое существова-
ние благополучным и вынуждены ограничивать себя «самым необхо-
димым» или «еле-еле сводить концы с концами». По мнению 37%,
лучше жить становится «махинаторам и жуликам» [см.: «Литератур-
ная газета», 1989, 29 марта, с. 12]. Не правда ли, людям, стоящим на
таких позициях, совсем не трудно будет осудить любого обвиняемого
в корыстном преступлении? Особенно если рядом не окажется судьи-
профессионала, который всегда ориентируется на закон.

Законодатель допустил возможность введения суда присяжных «в
порядке, установленном законодательством союзных республик». Что ж,
тут есть резон — у каждого народа могут быть свои особеннос-
ти в организации правосудия.

И все же, полагаем, есть общие вопросы, с которыми всем им не-
минуемо придется столкнуться. Ведь применительно к наиболее серь-
езным делам придется перестраивать всю процессуальную процедуру.
Делом первостепенной важности представляется предусмотреть в ней
определенные механизмы, нейтрализующие стихийность в правосу-
дии.

В любом случае не стоит подходить с наскака к изменению судеб-
ной системы. Почему бы прежде не изучить и подвергнуть оценке все
подводные камни, на которые то и дело натывается суд присяжных на
Западе? И уж потом решать. Как формировать состав присяжных, в
число которых, в отличие от избираемых заседателей, может входить
практически любой взрослый? В США, например, правосудие буксу-
ет на длительной и часто неэффективной процедуре отбора присяж-
ных. [см.: Л. У а й н р е б. Отказ в правосудии. Уголовный процесс в
США. М., 1985, с. 108 — 110]. Ставить ли, как во многих странах,
возможность рассмотрения дела таким судом в зависимость от воли

подсудимого? Какую роль в процессе отвести профессиональным судьям? Вопросы можно множить. Но не ответив на них, вряд ли можно верить суду присяжных судьбы тысяч и тысяч людей.

И пожалуй, главный вопрос — будет ли в законе предусмотрена возможность исправления допущенных присяжными судебных ошибок? По нашим, пусть и приблизительным подсчетам, в случае введения всеми республиками суда присяжных перед ним могут предстать 40 тысяч человек. Вовсе не исключено, что кто-то будет осужден ошибочно. Вряд ли коллегия непрофессионалов всегда верно оценит доказательства и вынесет соответствующий закону вердикт о виновности, который к тому же, в отличие от приговора, не должен быть мотивированным. Причем сама идея суда присяжных исходит из того, что судебные инстанции не вправе вдаваться в существо вердикта, поскольку внутренне убеждение народных представителей считается окончательным.

В Англии судья, считая вердикт неправильным, может порекомендовать присяжным пересмотреть его, но эта рекомендация не является для них обязательной. Между тем английские юристы часто сетуют на то, что присяжные излишне подвластны эмоциям, не умеют оценивать доказательства [см.: Р. У о л к е р. Английская судебная система. М., 1980, с. 275 — 278]. В соответствии со ст. 353 УПК Франции, «закон не предписывает правил, в зависимости от которых они должны в каждом случае определять полноту и достаточность доказательств. Закон им предписывает спросить самих себя, в молчании и сосредоточенности, и установить по совести, какое впечатление на их сознание произвели доказательства, изобличающие подсудимого, и доводы, представленные в его защиту. Закон ставит им единственный вопрос, который включает в себя всю меру их обязанностей: «Имеется ли у вас внутреннее убеждение?»»

Недавно одному из авторов статьи довелось побывать в Англии, пообщаться со многими юристами, и все они дружно удивлялись нашему интересу к возникшему шесть веков назад правовому институту. «Я бы не стал рекомендовать его тем, кто сегодня реформирует судебную систему, — сказал известный судья и общественный деятель из Плимута Эрик Карузер. — Преступления становятся все более сложными и запутанными, их разбирательство требует специальных познаний. В какое положение вы поставите юридически невежественных людей? Система, объединяющая судью и заседателей в единую коллегию, в наш компьютерный век более надежна».

Множество трудных вопросов придется решать Верховным Советам союзных республик, если они, конечно, вообще будут вводить у себя эту форму правосудия. Основы законодательства о судостроительстве предусматривают в качестве альтернативы возможность создания расширенной коллегии народных заседателей. В отличие от двух нынешних они могли бы в большей степени отстаивать свое мнение и в то же время иметь возможность свериться с мнением компетентного юриста.

Вот исходный пункт рассуждений ученых — активных сторонников суда присяжных [см.: Право и справедливость. Материалы «круглого стола». — «Век XX и мир», 1988, № 10]: «...участие народных заседателей в осуществлении правосудия из механизма контроля превратилось в декорацию». Против этого трудно что-либо возразить. Они и вправду часто напоминают декорацию, молча восседая по обе стороны судьи-профессионала и покорно кивая на обращенные к ним вопросы.

Но следует ли из этого необходимость выделения заседателей в самостоятельную коллегию? Или к тем же результатам приведет увеличение их числа и лучшее обеспечение прав?

Закон как будто гарантирует их права: приговор выносится судебной коллегией большинством голосов. Если председательствующий остается в меньшинстве, в основу приговора кладется мнение заседателей. Но часто они знают свои права понаслышке, да и психологически легче положиться на мнение единственного в судебном составе юриста. Если же заседатель не согласен с приговором, ему все равно придется его подписать. Так гласит закон. А потом — пожалуйста, пиши так называемое «особое мнение». Однако составить и аргументировать его способен далеко не каждый, и, скорее всего, оно так и останется ненаписанным. Кто и зачем придумал это нелепое правило — подписывать документ, с которым ты не согласен? Дисциплина такого рода вряд ли уместна в правосудии.

Конечно, одним этим не снимешь психологическую зависимость заседателей от профессионального судьи. А он, увы, нередко подвержен влиянию извне. По отношению же к присяжным «телефонное право» бессильно. Хотя кто знает, не будет ли оно компенсироваться воздействием досудебных публикаций, к которым судьи прислушиваются в значительно меньшей степени.

Без «телефонного права», но и без права вообще... Как ни странно, немало судей поддерживает идею суда присяжных. Впрочем, ничего странного здесь нет — таким образом они «убивают двух зайцев», добиваясь собственной независимости и снимая с себя всякую ответственность за принимаемые судом решения. В самом деле, кому нужно будет давить на судью, если тот не участвует в решении вопроса о виновности? И кому придет в голову спросить с судьи за вынесенный другими неправосудный приговор? Так судьи обретут независимость, ну а суд... вполне может утратить ответственность перед обществом, возможную лишь в условиях единой законности. Будут ли всегда помнить о необходимости ее проведения в жизнь присяжные?

Любой ценой?

Максима знаменитого флорентийца Никколо Макиавелли «хорошая цель оправдывает дурные средства» многим представляется более привлекательной, чем вера в ценность нравственности и права. Во имя достижения «великой цели» у нас готово оправдание любых, самых бесчеловечных средств. Превратив право в «факультет ненужных вещей», административно-командная система прочно внедрила в общественное сознание «особые», отличные от общечеловеческих нормы поведения.

Началось это в досталинский период, когда во имя светлого будущего считались необходимыми и безудержное насилие, и разнообразные формы произвола, и бессовестное доносительство. В 1918 г. «Вестник чрезвычайных комиссий» опубликовал статью, восхваляющую пытки на допросах. Президиум ВЦИК признал противоречащими «интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье», и журнал был закрыт [«Известия ЦК КПСС», 1989, № 6, с. 163, 179—180]. Однако вскоре в другом чекистском органе, журнале «Красный террор», один из руководителей ВЧК М. Лацис писал: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советской власти оружием или словом». Хотя Ленин назвал это утверждение нелепостью [В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, с. 410], бездоказательные обвинения, домогательства признания и тому подобные методы продолжались. В ряде постановлений открыто говорилось о работе ВЧК над списками «заложников»; о приговоренных к «пожизненному заключению», лишению свободы «без указания срока»; о представлении губисполкомам права «непропуска кассационных жалоб или ходатайств о помиловании по делам, по коим вынесен приговор к расстрелу»; о членах политических партий и групп, ставших жителями «концентрационных лагерей» [СУ РСФСР. 1918. № 100. Ст. 1033; 1919. № 55. Ст. 525; 1919. № 56. Ст. 539; 1920. № 88. Ст. 450, 451; 1921. № 65. Ст. 487; 1922. № 11. Ст. 102. СУ РКПУ. 1920. № 11. Ст. 198; «Известия ЦК КПСС», 1989, № 6, с. 163—164].

В апреле 1921 г. Ленин писал, что «...нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно» [В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 43, с. 234]. А в 1939 г. указывалось: «ЦК ВКП(б) считает,

что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод...» [«Известия ЦК КПСС», 1989, № 3, с. 145].

Массовые репрессии и их методы привели к утрате главного: понимания человека как цели, а не средства. XX съезд КПСС, осудив наиболее мрачные методы сталинщины, в общем оставил без изменения саму систему. В партийных и государственных органах и поныне нет твердого убеждения в приоритете прав человека и основных свобод перед практической целесообразностью.

Конечно, ряд способов вымогательства нужных показаний с помощью пыток и других ухищрений и размах фальсификации уголовных дел остались в прошлом. Но очень многие доспехи прошлых лет отнюдь не изжиты и крайне опасны в обстановке духовной разрухи, низкого уровня культуры и образования. В такой обстановке вопросы о поводах и основаниях уголовного преследования, способах получения показаний свидетелей, обвиняемых и других лиц остаются чрезвычайно актуальными.

Стремление обвинить во что бы то ни стало прочно укоренилось среди работников правоохранительных органов, и от человека подчас требуют не правдивые, а «нужные» показания. Его предупреждают об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, но при этом прямо или косвенно толкают на лжесвидетельство, на преступление против правосудия. А если он не желает кривить душой, в ход идут угрозы, обман и т.п. Например, одна из свидетелей показала в судебном заседании, что за отказ дать «нужные» показания следователь угрожал арестом, а по показаниям другой: «Прежние мои показания неправильные. Меня заставлял их давать следователь». Увы, для избавления от упорно насаждавшихся страха и лжи потребны многие годы, и до сих пор получить «нужные» показания оказывается не так уж и сложно.

Нет спора: преступника гораздо проще изблудить с помощью повальных арестов и обысков, физического насилия, обещаний и подобных приемов. Верно и то, что в орбиту уголовного судопроизводства попадает меньшая часть общества. Но именно по отношению к этой меньшей части проявляется уровень цивилизованности общества, отношение к правам человека. Вольное обращение с законом, использование любых средств для раскрытия преступления опасно для всего общества, в том числе и при росте преступности. И если мы будем закрывать глаза на деградацию уголовной юстиции, утратят свободу не только преступники. Беспощадность к врагам народа и другим классово чуждым элементам долго казалась оправданной, и общественность требовала расстрелять, покарать. Но обманывали, угрожали, пытали и расстреливали не только «врагов народа». Когда стали расстреливать и отправлять на каторгу саму общественность, у миллионов возник вопрос: «А нас-то за что?» Прочно укоренившиеся обвинительные тенденции страшно

тем, что, провозглашая нереальную задачу быстрого и полного раскрытия каждого преступления и наказания виновного, они имеют и другую, скрытую задачу — преследовать и посадить любого. Эти тенденции, прикрываясь задачей борьбы с преступностью, поддерживают растление общества страхом, ложью, недоверием к законности, они на руку тем, кто хотел бы направить недовольство людей против перестройки, демократии и гласности.

Получение нужных показаний с помощью ложных или исполненных обещаний, написанных под диктовку протоколов, репетиций очных ставок, угроз арестовать человека или расправиться с его родственниками и подобных средств не только далекое прошлое.

Так, для ареста в декабре 1986 г. и осуждения к 7 годам лишения свободы неугодного начальника механизированной колонны Л.П. Зотова оказалось достаточно немилости областной власти. Расправа с ним была вполне предсказуема и шла проторенным путем. Анонимка, вызовы ревизора КРУ в Тамбовский обком КПСС, задание проверить Зотова, освобождение его от работы и срочное исключение из партии в соответствии с непререкаемой справкой парткомиссии при обкоме, затем арест и обвинительный приговор. Некому А., арестованному по обвинению в преступном сговоре с Зотовым, следователь и прокурор города обещали свободу, если на очной ставке он подтвердит продиктованный ими текст. Перед началом очной ставки следователь назвал предстоящие вопросы и ответы на них, убедил А. подписать пустые бланки протоколов допросов. Хотя это признание А. сделал до окончания расследования и оно фигурировало в суде, выявление нечистых приемов участия Зотова не изменило. Чтобы опорочить Зотова, его жену доставили к председателю парткомиссии при обкоме КПСС Короткову, который заявлял: «Будете выгораживать мужа — посадим мать». С той же целью он угрожал шоферу ПМК, кричал на него, а помощник Короткова пытался выведать что-либо компрометирующее Зотова у жены шофера. О невинности Зотова говорили работники ПМК, других организаций, но в итоге: одних его заступников уволили, других в назидание остальным наказали иначе, третьих усмирили. Люди требовали наказания разоблаченного анонимщика, однако вмешался обком, и даже партийный выговор с него сняли. Наивно думать, что виновные в преследовании Зотова испытывают угрызания совести. Не было у них никаких угрызений, тем более совести. И заявляет журналисту А. Болотину следователь: «Была б моя воля — я бы и сейчас посадил Зотова». Не чувствуя себя виновной в осуждении невинного, народный судья смотрит в глаза спокойно и надменно, а председатель нарсуда объявляет, что презумпция невинности заимствована, мол, из буржуазного права. Этому не надо удивляться: в обкоме КПСС горой встают на защиту послушных ему работников прокуратуры и суда. В 1988 г. дело Зотова, переданное в другую область, прекратили за отсутствием состава преступления, и все же в 1989 г. члены и кандидаты в члены Там-

бовского обкома КПСС публикуют в областной газете ту же, только более расширенную справку партийной комиссии, на основании которой Зотов был исключен из партии и незаконно осужден. Реабилитированного по-прежнему стараются облить грязью, продолжают кампанию «охоты на ведьм», преследующую единственную цель: всем во что бы то ни стало доказать, что обком всегда и во всем прав [см.: «Огонек», 1988, № 25, с. 3—5; 1988, № 51, с. 25; 1989, № 39, с. 4—5].

Недавно историк В.Д. Поликарпов напомнил, что еще в 1918 г. опытный юрист В.А. Жданов (он приобрел известность и доверие в революционных кругах в 1905 г. в качестве защитника эсера-боевика И. Каляева) обратился в СНК РСФСР с докладной запиской о деятельности ЧК. Жданов писал: «Ближе всего мне пришлось познакомиться с Отделом по борьбе со спекуляцией. Этот отдел широко применяет самую откровенную и разнузданную провокацию через своих агентов...

Все дела, с которыми мне пришлось познакомиться, вызваны провокаторской деятельностью сотрудников Комиссии. В некоторых делах, а именно тех, которые переданы в Революционный Трибунал, эта деятельность доказана документально...

Все эти дела сводятся к тому, что к обвиняемым приходил агент Чрезвычайной Комиссии, уговаривал продать ему или купить у него золото и процентные бумаги. Затем к моменту заключения сделки по вызову агента являлись милиция или члены Чрезвычайной Комиссии и арестовывали покупателей или продавцов...

...утверждаю, что во всех делах, с которыми мне приходилось знакомиться, была провокация, что все они были созданы агентами Чрезвычайной Комиссии, и совершенно определенно заявляю, что ни одно из этих преступных деяний не было бы совершено, если бы на них не подтолкнули агенты Чрезвычайной Комиссии» [В. П о л к а р п о в. О чем предупреждал гражданин Жданов. «Московские новости», 1989, № 14].

Как мы хорошо знаем, множества нужных товаров нет на прилавках и сегодня. А отсюда прежняя беда: спекуляция. Но допустимы ли прежние методы борьбы с дефицитом? По мнению некоторых, допустимы, и работники ОБХСС подсылают своего человека к официантке ресторана. Тот уговаривает ее продать спиртное, официантка соглашается. Ей суют за пять бутылок «без сдачи» и сразу же за руку.

Сотрудник милиции пишет самому себе анонимку о спекуляции цветами. Затем без санкции прокурора обыск и выемка цветов, незаконное задержание цветочницы (а также ее матери и мужа) и домогательства признания. Авантюра не удалась, и начальник областного УВД объявляет подчиненному выговор. Что же касается привлечения к уголовной ответственности, то в УВД решительно заявили: «Таковыми кадрами не бросаются». Воодушевленный всего лишь выговором, тот же сотрудник затевает другую провокацию. Спекуляция золотом, нарушение правил о валютных операциях — вот его новая цель. Для этого готовится лжесвиде-

тельство, умело моделируются ситуации, в которых владелец двух десятков золотых монет царской чеканки дрогнул и «спекулянт» оказывается в камере. Можно было уже примерять лавры, но подвела женщина, которая устыдилась лжи и на второй день пришла с покаянием к прокурору [см.: Л. К а п е л ю ш н ы й. Бесчестье. — «Известия», 1988, 13 марта].

В докладной записке В.А. Жданова подчеркивалось, что ЧК «принципиально допускает провокацию» и это относится также к Отделу борьбы с преступлениями по должности. Он ссылаясь на дело революционного трибунала по обвинению Кондратовича. В деле есть показания Григорьева о его взаимоотношениях с сотрудником ЧК Березиным, предложившим ему стать агентом Комиссии. Григорьеву за изобличение командующего МВО Н.И. Муралова или зам. председателя Моссовета М.И. Рогова было обещано крупное вознаграждение. Для изобличения последнего Григорьев согласился достать незаконное свидетельство, разрешающее ношение оружия, и Березин пообещал на взятки 10 000 руб. Поскольку Григорьев выговаривал безнаказанность тех, кто будет доставать свидетельство, «Березин заявил, что это может сделать только сам Дзержинский. Пошли к Дзержинскому, тот обещал полную безнаказанность. На следующий день Григорьев принес такое разрешение и получил лично от Дзержинского (лист дела № 23) под расписку 10 000 руб. Затем был арестован и предан суду Кондратович, так как выяснилось, что Рогов тут ни при чем, а действовал посредством подлога 18-летний мальчик Кондратович» [В. П о л и к а р п о в. Указ. публикация].

Очередное «разоблачение» должностных лиц потребовалось в период перестройки, а не гражданской войны, и арестованным оказался начальник ОБХСС Закарпатской области В. Сержанов. Так называемые «явки с повинной» по его делу подписывали люди, которые не ладил с законом. Среди них имевшая пять судимостей Гринько. Всякий раз она досрочно освобождалась из заключения и всякий раз возвращалась к прежнему занятию — мошенничеству. Лишь за пять лет в Ужгороде, куда Гринько переехала после очередного досрочного освобождения, она обманным путем выманила у 52 человек 207 000 руб. По указанию Сержанова работники ОБХСС задержали Гринько, и весной 1987 г. она была снова осуждена.

Имея огромный уголовный опыт, Гринько отлично понимала, что чем больше она «разбросает» незаконно полученных денег на других, тем меньше ей придется платить самой. Поэтому за короткий срок она написала «повинные» более чем на 30 сотрудников органов внутренних дел, в том числе и на полковника милиции Сержанова. Должностные лица следственной группы, разумеется, знали цену подобным «явкам с повинной». Знали они также, что писались «повинные» едва ли не под диктовку следователя по особо важным делам при прокуратуре УССР и «повинные» не проверялись. К тому же Гринько в течение нескольких лет была «внештатницей» заместителя начальника Закарпатского УВД, его «общественницей» (или, называя вещи

своими именами, его негласным осведомителем, как говорят в народе, стукачом). В данном случае смычка с преступным миром не осталась в секрете: о ней шла речь в открытых судебных заседаниях. Говорилось в суде и о том, что, как только Гринько оказалась в ужгородском следственном изоляторе, с ней стал активно «работать» не входивший в следственную группу майор И. Тоницей. Он забирал Гринько из СИЗО, и, как сказано в частном определении суда, они посещали рестораны и выезжали на осмотр мест происшествия. Из дела не видно, кто разрешал отпускать Гринько на прогулки с Тоницей по городу, на свои или казенные деньги он ее подкармливал в ресторанах. Что же касается правил, регламентирующих такую деятельность, то они секретны. Но несомненно, Тоницей действовал не по своему почину, когда убеждал Гринько писать доносы на Сержанова и других лиц. Свидетельство тому — ответ на частное определение. Бывший начальник майора сообщил, что Тоницей наказан в дисциплинарном порядке.

После двух лет лишения свободы, множества других мытарств Сержанова реабилитировали. Рассказывая о деле, С. Киселев верно считает, что помог Сержанову набор случайностей, а отнюдь не закон. Сегодня, как и прежде, мы не гарантированы, что закон защитит нас, поскольку в любой момент он может быть подменен целесообразностью. Никто не гарантирован от ареста по доносу так называемого внештатного осведомителя, которому априори верят больше, чем нам. Ведь такие, как Гринько, в любой момент могут написать «повинную» о любом из нас, и в лучшем случае придется отсидеть только два года [см.: «Литературная газета», 1989, 10 мая].

Теперь уже невозможно замалчивать положение задержанных и арестованных. Хотя эти люди не признаны судом виновными и для склонения их к признанию и перевоспитанию нет законных оснований, с ними проводятся оперативные и воспитательные мероприятия, направленные на получение признаний. Для получения признаний, в том числе ложных, должностные лица прибегают к различным посулам, обману и содействию уголовникам. Происходит это, когда задержание и арест произведены при отсутствии доказательств обвинения и их не удалось собрать в ходе расследования, когда нужно как-то оправдать неправомерное ограничение свободы. Вот тут и начинается вымогательство признания с помощью внештатных и других информаторов, что несовместимо с правом на защиту. Подозреваемый и обвиняемый имеют право давать показания, но вовсе не обязаны в чем-либо себя изобличать. При проведении агентурной работы сведения добывают вопреки их воле, что незаконно и сопряжено с тяжелыми последствиями.

Надо заметить, что проведению агентурной работы посвящены специальные учебные пособия. Одно из них — «по внутрикамерной обработке арестованных» — написано полковником госбезопасности Б. Родосом, читавшим лекции в Высшей школе МВД СССР и приго-

воренным в 1956 г. к расстрелу за применение незаконных мер при расследовании.

Для правовой защиты граждан необходимы кардинальные преобразования в обществе и системе уголовной юстиции. В числе этих преобразований — рассекречивание правил проведения оперативно-розыскных мер, которые подчас неведомы даже прокурорам, судьям и другим участникам процесса. До сих пор остается закрытым и постановление Совета Министров СССР о статусе КГБ, принятое в 1959 г. А ведь Советский Союз принял на себя универсальное обязательство «публиковать и делать доступными все законы, административные правила и процедуры, относящиеся к правам человека и основным свободам» [Итоговый документ Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. М., 1989, с. 11]. Секретные инструкции в сфере отношений между личностью и государством выводят часть государственных органов не только из-под законодательного, но и правоприменительного контроля. Такое положение — прямое следствие функционирования административно-командной системы. При проведении оперативно-розыскных мер нет достаточных юридических гарантий соблюдения конституционных прав и свобод граждан. Провозглашенным правам и свободам не соответствуют конкретные обязанности государственных органов, нет равноправия во взаимоотношениях между государством и личностью, сказывается наша привычка относиться к государству не как к организации, состоящей на службе у граждан и общества, а как к стоящей над ними Ее Величества Административной Системе. Наш исторический опыт подтверждает опасность ведомственного произвола, и это нельзя не учитывать при решении проблем оперативно-розыскной деятельности. Необходим закон о порядке сбора, хранения, проверки и передачи информации о гражданах и об ответственности за нарушение этого порядка. Согласно Хельсинкскому заключительному акту, СССР и другие государства признают всеобщее значение прав человека и основных свобод и подтверждают право лиц знать свои права и обязанности в этой области.

Пока же бюджетом милиции предусмотрена оплата многочисленных агентов. Секретные агенты имеются и в следственных изоляторах, колониях и других учреждениях МВД СССР. Пойдя однажды ради получения каких-либо благ на сделку с совестью, они после освобождения попадают под опеку оперуполномоченных милиции и навсегда могут остаться в крепких объятиях органов внутренних дел. Надлежащий контроль за использованием услуг агентуры отсутствует, и это порождает крайне опасные для общества последствия. Недавно, к примеру, в «Известиях» рассказывалось о совершении агентом, завербованным смоленской милицией, убийства и изнасилования, в «раскрытии» которых он же участвовал. Порою секретным агентам делаются разного рода поблажки. За их услуги расплачиваются нашими деньгами. А коли так, мы должны знать: в каком объеме и на какие цели тратятся эти деньги. Пока же случаются их расхище-

ние и другие злоупотребления. И не приходится удивляться, когда незаконные тайные операции министра внутренних дел союзной республике обходятся налогоплательщикам в десятки тысяч рублей (не считая сломанных человеческих судеб) [см.: А. Б о р и н. Пахан в кресле министра. — «Литературная газета», 1990, 24 января.; А. И л л е ш. Вновь о том, как ловили убийцу. — «Известия», 1990, 7 марта; А. И л л е ш. Должность: агент милиции. — «Известия», 1990, 15 апреля].

Когда речь идет о «внештатниках», следует иметь в виду, что они используются не только в органах внутренних дел. Например, по свидетельству председателя КГБ Марийской АССР, подавляющее большинство граждан охотно помогает обеспечению государственной безопасности и «имеется так называемый институт внештатных сотрудников КГБ. Есть они в основном на крупных предприятиях, и их немного. Деятельность внештатных сотрудников регламентируется соответствующим положением. Как одну их форм участия граждан в обеспечении государственной безопасности органы КГБ всегда рассматривали и рассматривают организацию работы с письменными и устными обращениями» [«Известия», 1989, 1 марта]. О внештатных сотрудниках, платных и бесплатных осведомителях, их вербовке и т.п. поведал в открытой печати бывший работник УКГБ по Ростовской области. Кое-какие сведения о травле диссидентов сообщил по телевидению начальник УКГБ по Ленинградской области и пояснил, что подслушивание телефонов допускается «с санкции прокурора» [А. Г о л о в к о в. Предварительный диагноз. — «Огонек», 1990, № 8, с. 29—30]. Известно ли, на какие цели расходует КГБ СССР бюджетные ассигнования? По этому поводу Председатель Совета Министров СССР сказал: «Бюджет знаю. Но глубже — статьи расходов — и знать особенно не хочу» [«Аргументы и факты», 1989, № 33].

В 1920 г. Ленин писал, что «...хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» [В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, с. 279]. А пять лет спустя руководитель партконтроля Гусев отмечал: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить». На XIV съезде ВКП(б) Гусев говорил: «...Я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства». Крупская и некоторая часть делегатов съезда заявили, что этот метод «может привести к гниению внутри партии». Однако доносительство поддержали и на XIV съезде нарком рабоче-крестьянской инспекции Куйбышев и другие видные партийцы [цит. по: «Литературная газета», 1989, 29 марта; «Аргументы и факты», 1990, № 8]. И все же даже в то время отмечалось (по крайней мере на словах), что данные, полученные в результате негласной деятельности ВЧК и розыска, не могут использоваться в качестве доказательств. «Опыт же мне подсказывает, — писал Ф.Э. Дзержинский, — что неизвестным источникам, бездоказанным и не подлежащим проверке, доверять ни в коем случае нельзя» [Из истории ВЧК, 1958, с. 153]. Что же касает-

ся Прокурора СССР А.Я. Вышинского, то в соответствии с его письмом от 27 сентября 1938 г. негласные материалы НКВД о государственных преступлениях должны были представляться в особые совещания для их использования в качестве доказательств [см.: А. Я. Д у б и н с к и й. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. Киев, 1984, с. 96—97]. Однако главный блюститель социалистической законности и выдающийся знаток советского права опоздал, практика давно уже обходилась без его письма. Например, репрессированный по постановлению особого совещания при НКВД СССР от 26 марта 1935 г. А.Г. Шляпников писал: «Самое существенное обвинение, предъявленное мне, заключается в ведении нелегальной контрреволюционной работы. Все это обвинение покоится “на предположениях и чудовищных данных агенты”». Чтобы расправиться с арестованным в мае 1939 г. писателем И.Э. Бабелем, доказательства не требовались, поскольку в его деле указывалось: «Агентурными данными в течение 1934—1939 гг. подтверждена антисоветская троцкистская деятельность Бабеля. Источник сообщал...» Короче говоря, вместо доказательств хватало «агентурных данных», сообщений «источника», т.е. осведомителя, стукача, сексота, фамилия которого надежно спрятана в секретных сейфах.

18 марта 1963 г., в период хрущевской оттепели, Пленум Верховного суда СССР принял постановление «О строгом соблюдении закона при рассмотрении судами уголовных дел». В постановлении указывалось, что «в основу приговора не могут быть положены... материалы, полученные с нарушением процессуального порядка собирания доказательств» [Бюллетень Верховного суда СССР, 1963, № 3]. Аналогичное указание Пленуму пришлось дать и 5 декабря 1986 г., когда факты противозаконных методов получения показаний стали достоянием широкой общественности [Бюллетень Верховного суда СССР, 1987, № 1]. Следует отметить также общепризнанное теоретическое положение о том, что результаты оперативно-розыскных мер не являются доказательствами, так как получены они из источников и в порядке, не предусмотренном законом, и не содержат в себе гарантий достоверности.

Казалось бы, эти положения наконец-то будут детализированы и войдут в закон, а главное — в практику органов следствия, прокуратуры и судов. Однако вместо этого все чаще раздаются призывы противоположного свойства. Со ссылками на опыт зарубежных государств говорится о необходимости изменить закон и использовать «данные, полученные с помощью технических средств и в процессе оперативно-розыскной деятельности», «о легализации фактических данных, полученных оперативным путем» [«Неделя», 1988, № 50; социалистическая законность», 1989, № 12, с. 5]. Говорится и о том, что конкретные обстоятельства получения таких данных следователь и суд не должны выяснять путем допроса оперативных сотрудников, и об этом, дескать, тоже надо указать в законе [социалистическая за-

конность», 1989, № 2, с. 52—53]. При этом забывается, что достоверность данных, полученных при проведении оперативно-розыскных мер, никоим образом не увеличится от упоминания о них в законе, поскольку проверить их в ходе предварительного и судебного следствия будет невозможно. Забывается и о широчайшем размахе в стране доносительства, когда агентурных данных, информации осведомителя, «источника», внештатного сотрудника было достаточно особым совещаниям и им подобным органам для расстрела человека или его превращения в лагерную пыль. Но ведь мы стремимся не к процветанию доносов и возрождению особых совещаний, а к правосудию!

Неосновательны, на мой взгляд, и ссылки на зарубежный опыт. Гражданам ни одного из цивилизованных государств не довелось десятилетиями переживать кошмары, выпавшие на нашу долю. В этих государствах действуют независимые суды, и права человека, презумпция невиновности — не пустые фразы. Осведомители, завербованные прежде всего из преступного мира, имеются, к примеру, и в США. Но там осознается их опасность для правосудия. Важно и то, что полицейский осведомитель должен выступить в качестве свидетеля в суде, когда его показания могут быть полезны для опровержения обвинения, когда из доказательств по делу видно, что осведомитель является основным лицом при решении вопроса о виновности подсудимого. Если же полиция не согласна раскрыть личность осведомителя, то в зависимости от характера его информации суд должен либо исключить ее из числа доказательств по делу и основывать свое решение на иных доказательствах, либо прекратить уголовное преследование [см.: В. М. Н и к о л а й ч и к. США: «Биль о правах» и полицейское расследование. М., 1973, с. 234, 250]. По одному из дел председатель Верховного суда США Уоррен резко и образно сказал о дававшем ложные показания платном осведомителе правительства: «Своими показаниями он отравил воду в бассейне, и бассейн нельзя очистить, не выпустив из него для начала всю воду с тем, чтобы удалить все нечистоты». Суд обязан «следить, чтобы воды правосудия не загрязнялись». Затем он добавил: «Правительству сильного и свободного народа не нужны обвинительные приговоры, основанные на таких показаниях» [Д ж и н д ж е р Э н н Ф. Верховный суд и права человека в США. М., 1981, с. 106].

Коррупция проникла в кабинеты наших должностных лиц разного ранга и уровня. Их, разумеется, необходимо изобличать и наказывать. Но не является ли провокацией практика, когда в этих целях используются меченые купюры? Подводя под такую практику теоретическую базу, говорится, что это не провокация, а разрешение передать взятку, чтобы поймать взяточполучателя с поличным. Но дача взятки является преступлением, и никому не дано его разрешать. Если взятка вымогалась, то это является основанием для освобождения взяточдателя от уголовной ответственности, но не для провокации взятки. Провокация взятки, т.е. заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих

получение взятки, в целях изобличения принявшего взятку, в предшествующем УК РСФСР признавалась преступлением (ст. 119). К тому же меченые купюры пускают в ход и когда нет никакого вымогательства и взятокодатель просто действует в обход закона. Например, по закону многие рабочие и служащие обязаны проходить периодические медицинские осмотры. Однако вместо осмотра работники службы быта и общественного питания предпочли уплатить по 3 рубля заведующему городским отделением медосмотров. Ну а затем с помощью трехрублевых купюр, обработанных в ОБХСС спецсоставом, заведующего осудили, а в итоге одобрительное сообщение в печати [см.: «Неделя», 1989, № 3].

По закону уголовная ответственность не наступает, если взятокодатель добровольно заявит о случившемся. Однако обычно это заявление вовсе не добровольно и появляется лишь после угроз и угроз в милиции или в другом государственном органе. Среди заявителей есть немало и тех, кто привык удовлетворять свои потребности с помощью взяток. Они понимают, что при желании следствие может установить неправомерный характер их сбережений, используемых для подкупа, а поэтому соглашаются стать свидетелями обвинения.

При получении путем нарушения закона заявлений о «явке с повинной» вовсе не исключается и их клеветнический характер. Это подтверждается реабилитацией многих людей, которые сравнительно недавно лишались свободы на основании таких заявлений. Сегодня мало кого волнует сговор работников розыска и следствия с взятокодателями, поощряемый прокурорами и судами. Не замечается, что творцам беззакония так проще докладывать по начальству о своих успехах. Но поскольку это прямой путь к искажению истины и произволу, обществу не должны быть безразличны способы достижения таких успехов. В любом случае недопустимо обосновывать обвинение без тщательной проверки, добровольно ли сделано заявление о даче взятки, не является ли оно результатом принуждения или обмана со стороны работников розыска или других должностных лиц.

В условиях, когда уголовная юстиция занимает положение послушного придатка административно-командной системы, нельзя игнорировать и более серьезные нарушения законности: пытки.

...На берегу одного из мозырских озер убили инспектора рыбоохраны и следователя прокуратуры. В совершении убийства сознались пять человек, и после полутора лет ареста и расследования их осудили. А спустя год и девять месяцев были убиты два работника милиции. Преступников задержали и выяснилось, что первое убийство — также дело их рук. Привлечение и осуждение людей, непричастных к убийству у озера, оказалось возможным потому, что были поправлены права обвиняемых, отсутствовал прокурорский надзор, допускались многие другие нарушения законности, не было подлинного суда. Можно представить себе страдания тех, кто никакого убийства не совершал. Но не менее страшен тот факт, что настоящие преступники оставались на свободе и после убийства инспектора и следователя

убили еще двух человек и совершили ряд других преступлений. Тогда лишились своих постов прокурор и министр внутренних дел республики, их заместители; был отстранен судья, участвовавший в осуждении пятерых, которые рассказывали суду, как следователи выбивали у них признания; наказали и других работников правоохранительных органов Белоруссии. В печати сообщалось о проведенном 24 января 1984 г. в прокуратуре БССР совещаний с участием Генерального прокурора СССР, на котором обсуждались «задачи строжайшего надзора за соблюдением законности». Однако каковы эти задачи, кроме замены работников, не было сказано ни слова.

Сменив должностных лиц, оставили без кардинальных перемен то, что давно сложилось в недрах уголовной юстиции. А она безжалостно перемалывала судьбы ни в чем не повинных людей. В той же Белоруссии начиная с 1971 г. 14 лет подряд погибали молодые женщины. За это время в 11 «судебных» процессах осудили 14 невиновных людей. Один из них провел в неволе 10 лет, другой там полностью ослеп и был освобожден спустя 6 лет, в отношении третьего был исполнен смертный приговор, четвертый, осужденный к 15 годам лишения свободы, пытался лишить себя жизни сам, но его успели вытащить из петли... Виновным же в смерти 36 женщин, изнасилованиях и других преступлениях оказался один — Михасевич Г.М. Его вину в мае 1987 г. признал Верховный суд СССР. «Можно представить себе, — сказал заместитель председателя Верховного суда СССР, — что творилось на следствии, как в буквальном смысле слова выбивали признание у невиновных людей, если все 14 привлеченных оговорили себя». Возможность годами заниматься фальсификацией уголовных дел объясняется не только практикой судов, обосновывавших обвинительные приговоры показаниями, полученными с помощью пыток. Это объясняется и отсутствием прокурорского надзора. Но разве он возможен под одной крышей со следствием? Когда на всех уровнях от прокурора требуют повысить процент раскрываемости преступлений, надзор за законностью в деятельности следователя превращается в иллюзию и накачки, порождающие недобросовестность и произвол. Появляются такие «специалисты», как следователь по особо важным делам Жавнерович, расследовавший дела об убийствах и изнасилованиях женщин в Белоруссии, опыт которого считался передовым. В 1982 г. он располагал очень важными показаниями свидетеля, но их не записал, поскольку они не соответствовали версии о совершении убийства арестованным человеком. При ином отношении к этим показаниям, вполне возможно, Михасевичу не удалось бы совершить остальные убийства, в том числе 12 убийств в 1984 г., не пострадали бы невиновные люди. Стремление к парадному благополучию приводит к самому страшному виду показухи, при которой в жертву «проценту» приносят человеческие судьбы. Прав следователь, изблотивший Михасевича: «Нужно не только осудить явление, нужно переделать правоохранительную систему. Мы же не переделали. Не удалили опухоль. И она дала вот такие метастазы» [см.:

И. Г а м а ю н о в. Метастазы. «Литературная газета», 1988, 2 марта; Н. М а т у к о в с к и й. Тень одной ошибки. «Известия», 1983, 26 ноября; 1984, 10 марта; А. В а к с б е р г. Правде в глаза. «Литературная газета», 1986, 17 декабря; Бюллетень Верховного суда СССР, 1987, № 4, с. 47; «Социалистическая законность», 1988, № 9, с. 35].

Фальсификация уголовных дел и другие нарушения закона не только результат недостаточной профессиональной подготовки. Речь идет не о невеждах, а об убежденных во вседозволенности должностных лицах, для которых ничто загубленные судьбы людей, попавших в их руки.

Например, никаких доказательств причастности водителя Адамова к упомянутому делу об изнасилованиях и убийствах не было. Однако его доставили в суд, где судья, спеша помочь следственной группе, назначил Адамову 15 суток административного ареста «за нецензурные выражения». Впоследствии судью за преступление против правосудия к уголовной ответственности не привлекли, ограничились объявлением выговора. Тех же, кто заставил Адамова оговорить себя (за несовершенно убийство женщины его приговорили к 15 годам лишения свободы), судили. В ходе судебного заседания от подсудимых слышались раздраженные заявления: «Да что вы, гражданин судья, про одно и то же?! Ну да, слиповали мы этот протокол. И подписи понятых подделали...»

Председательствующий спросил одного из подсудимых — бывшего зонального прокурора Сороко, — в качестве кого Адамова допрашивали, возили на экспертизу, на место происшествия? Ведь существует же Уголовно-процессуальный кодекс. «Этот УПК — для милицеских органов, — сказал Сороко, — а прокуратура может его толковать более расширительно». На суде он говорил гневно, напористо и обличал. Кого и в чем? Да свою жертву — Адамова — в нестойкости, из-за которой он, Сороко, оказался на скамье подсудимых.

Такие, как Сороко, откладывают закон в сторону, для них УПК с запретом помогать показаниям путем применения незаконных мер не более чем подставка для лжи. Он соврал Адамову, что обвинение подтверждено экспертизой, и сфальсифицировал со своим соучастником Журбой акт судебно-медицинской экспертизы. На тринадцатый день административного ареста Сороко и Журба предъявили Адамову фальшивку и подсказали текст «признания». Обманым путем были составлены схема места происшествия и протокол опознания вещественных доказательств... [см.: И. Г а м а ю н о в. Человек на коленях. — «Литературная газета», 1989, 22 марта].

Пытки и другие методы получения «нужных» показаний явление не локальное.

Шесть лет расследовалось дело о хищении на сумму 7 миллионов рублей на ленинградском винном заводе. Привлекли 45 человек. Пятеро приговора не дождались. Трое умерли. Покончил с собой в следственном изоляторе заместитель директора завода. Одного убили. Суд снизил сумму похищенного до 536 руб. Полностью были оправда-

ны 11 подсудимых. Многим назначены сроки лишения свободы, совпадающие с продолжительностью предварительного заключения. Суд установил подтасовки и фальсификацию доказательств, применение к обвиняемым физического и психологического насилия [«Правда», 1989, 22 февраля].

По расследовавшемуся в Свердловске делу обвиняемые с самого начала писали, что следователи милиции и прокуратуры применяют недозволенные методы, принуждают оговаривать себя и других. Из вышестоящих прокуратур следовала отписка: «недозволенных методов ведения следствия не выявлено». Не выдержав этого ужаса, одна из обвиняемых со второй (!) попытки покончила с собой — и снова отписка прокуратуры: причинной связи между методами расследования и самоубийством не установлено. Трое других обвиняемых оказались на грани самоубийства, четвертый погиб при обстоятельствах, похожих на самоубийство. Все это и то, что дело высосано из пальца и расследовалось незаконными методами, было выявлено в ходе судебного разбирательства. Однако вместо оправдательного приговора дело направили на доследование, где его прекратили за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления [«Правда», 1989, 19 июня].

Оперуполномоченные уголовного розыска Октябрьского РОВД города Петрозаводска Капашинов и Калашников принуждали подозреваемых и свидетелей к даче показаний. Расследованием дела, возбужденного по поводу причинения в милиции тяжких телесных повреждений, установлены факты избиения людей, унижения их человеческого достоинства [см.: «Огонек», 1987, № 7, с. 30—31; «Социалистическая законность», 1987, № 8, с. 40—42].

В следственном изоляторе города Ставрополя явки с повинной писали в камере, которая на языке преступного мира называется «пресс-хата». Согласно материалам уголовного дела по обвинению заместителя начальника СИЗО по оперативной работе майора Лазоренко, в этой камере «у одного молодого парня вместе с зубами вырывали золотые коронки нагретой ложкой — били чем-то по ложке, несмотря на то, что парень умолял этого не делать и сильно кричал от боли». Другого — «с силой, резко «сажали» на ягодицы, ударяя об пол». Третьего — «избивали в течение двух месяцев каждый день... С ним же насильно совершали половые акты, заставляли мазать на хлеб кал и есть». Четвертого — «избивали скамейкой до такой степени, что сломали ему обе руки»... Арестованных истязали несколько осужденных во главе с Долгополовым — «барин» камеры. Он со своими соучастниками пользовался определенными привилегиями: в камере были запрещенные предметы, имелись и наркотики, наглотаившись которых изуверы мучили свою очередную жертву. Явки с повинной Долгополов собирал и передавал майору Лазоренко.

Ни в чем не виноват, говорил Лазоренко, и показывал характеристики. В них говорилось: «Периодически выступает перед осужденными с чтением лекций» (по показаниям свидетелей, майор в этих «лекциях» зачитывал перечень совершенных преступлений: «изнасилова-

ние у какого-то вагончика, кража из магазина». «Когда меня, избивая, вынудили писать явки, я стал вспоминать те чужие преступления, о которых мне читал Лазоренко, предлагая взять их на себя». Согласно характеристикам, майор «грамотно решает внезапно возникшие служебные задачи», (по показаниям: «Лазоренко поручал мне в буквальном смысле «выбить» любым способом из Кишика явку с повинной... Кишика избивали месяца полтора, и он все время писал явки»; «Майор Лазоренко дал задание Долгополову об избииении заключенного Сизко В.В. с целью получения от него явки с повинной. В процессе пыток на Сизко поджигали одежду»). По характеристикам, майор «успешно применяет знания в практической работе» (в переводе на язык внештатника: «работники оперчасти настолько приучили меня к наркотикам, что я без них уже жить не мог и за наркотики был готов на все»). Для чего майору были нужны явки с повинной, указано в приговоре: «С целью создания видимости благополучия в проводимой под его контролем оперативной работе среди подсудимых и осужденных, в погоне за высокими показателями раскрываемости преступлений подсудимый Лазоренко с помощью созданной им группы доверенных лиц из числа осужденных... организовал систематическое применение физического насилия к арестованным с целью получения от потерпевших явок с повинной».

В создании «видимости» был заинтересован не один майор. За «высокими показателями раскрываемости преступлений» стояли интересы системы, и майор, «повышая показатели», получал медали «За безупречную службу» всех трех степеней, премии и т.п. Правда, однажды примерному майору объявили выговор. Его пожурили в связи с тем, что один из узников кончил жизнь самоубийством — предпочел мир иной насилию, царившему в изоляторе. В 1987 г. для выяснения причины другой смерти была назначена судебно-медицинская экспертиза. В ее заключении, в частности, говорилось о прижизненных переломах ребер и грудины, а относительно медкарты, составленной в следственном изоляторе, эксперты отметили: «Каких-либо записей о телесных повреждениях в этом документе нет». Прижизненные повреждения у двадцатидвухлетнего человека появились в период его содержания в «пресс-хате». О криках, доносившихся из камеры-ада, писали рапорты контролеры. Но рапорты куда-то исчезали, виновные оставались безнаказанными, и рапорты контролеров прекратились. А те, кто добросовестно выполнял свои обязанности, исправно писал рапорты, те преследовались в открытую.

Один Лазоренко не мог в течение двух лет безостановочно раскручивать маховик машины пыток. Однако судили его одного и наказали тремя годами лишения свободы у с л о в н о (!). Рассказывая об этом уголовном деле, журналист М. Корчагин обоснованно задается вопросом: не является ли все описанное в нем «той малой частью огромного айсберга, невидимая часть которого осталась, увы, неисследованной. Хотя она-то и представляет сегодня гораздо большую опасность...» [М. К о р ч а г и н. Камера. № 19. «Огонек», 1989, № 23].

Рассказано о Белоруссии и Ленинграде, Свердловске и Ставрополе, о пытках в других регионах страны. Но разве есть уверенность в том, что обнародованные методы получения нужных показаний и повышения показателей раскрываемости преступлений изжиты? Нужно многое сделать для того, чтобы места содержания задержанных и арестованных не оставались местами лишения достоинства и прав человека. И здесь нельзя не сказать о Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая подписана от имени Правительства СССР и ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР [см.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1987, № 45, ст. 747].

Согласно Конвенции, «пытка означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняется государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». Пытка признается преступлением, которое не может быть оправдано каким-либо чрезвычайным положением, приказом начальника или представителя власти, и государства должны обеспечить, чтобы все акты пыток влекли за собой уголовное наказание с учетом их тяжкого характера.

Участвующие в Конвенции государства обязаны обеспечивать, чтобы учебные материалы и информация о запрещении пыток в полной мере включались в программы подготовки лиц, которые могут иметь отношение к содержанию под стражей и допросам. Для исключения случаев пыток государства должны систематически рассматривать правила, методы и практику, касающиеся допросов, а также условия обращения с задержанными и иными лицами, содержащимися под стражей. Государства должны обеспечивать быстрое и беспристрастное рассмотрение жалоб на случаи пыток и меры защиты жалобщика и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с жалобой или свидетельскими показаниями. Если заявление было сделано под пыткой, оно не может использоваться в качестве доказательства. Жертве пыток должна быть обеспечена справедливая компенсация, включая средства наиболее полной реабилитации. Конвенция вступила в силу для СССР 26 июня 1987 г., однако ее положения до сих пор не получили отражения в наших законодательных и иных актах.

Согласно Конвенции, пытка — это и причинение нравственного страдания. Страдание и моральный вред нередко обусловлены длительным содержанием обвиняемых в предварительном заключении. Конституции зарубежных стран признают недействительными дока-

зательства, полученные незаконным путем. В ряде Конституций говорится: «...Признание, сделанное по принуждению, под пыткой или угрозой либо после неоправданно длительного ареста или содержания под стражей, не может рассматриваться как доказательство» (Япония); «Доказательства, полученные с применением насилия, под пыткой, в результате нанесения морального или физического ущерба личности, незаконного вмешательства в частную жизнь, нарушения неприкосновенности жилища, тайны переписки и телефонных переговоров, являются недействительными» (Португалия); «...Не будет осуществляться насилие или принуждение любого вида в отношении лиц, для того чтобы заставить их давать показания. Недействительно любое показание, полученное с нарушением данного предписания, а виновные в этом подвергаются наказаниям, которые устанавливаются законом» (Республика Куба)... Думаю, такие положения необходимо включить и в Конституцию СССР, детализировав их в советских законах.

Конечно, не все нынешние работники органов уголовной юстиции действуют преступными и иными незаконными методами. Вряд ли кто-либо из них присутствовал в марте 1937 г. на собрании парактива Прокуратуры СССР, где Вышинский поучал: «Надо помнить указание тов. Сталина, что бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества и в жизни нашей, в частности, когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону» [цит. по: «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, с. 19, 20]. До рождения многих из них Прокурор СССР направил шифрограмму прокурорам союзных республик, краев, областей, автономных республик и автономных областей, прокурорам военных округов и железных дорог, в которой говорилось: «Соблюдение процессуальных норм... не требуется» [«Правда», 1989, 1 сентября]. И все же в 1989 г. в правдинской статье «Наручники для следователя» сообщается, что профессионалы с Петровки, 38, особенно следователи, считают, что «здорового смысла порой не хватает нашим законам для эффективной борьбы с преступностью». «Следователь то и дело сталкивается с несовершенством Уголовно-процессуального кодекса, который стал барьером в их работе». «Прокуратура то дает разрешение на арест, то отменяет свое же распоряжение». «Стали разваливать судебную практику» [«Правда», 1989, 24 июля].

Все это имеет одни корни: отрицание ценности процессуальных норм, являющихся барьером для произвола государственных органов. И когда, не видя оснований для дальнейшего ареста, прокурор отменяет свою же санкцию, а суд отказывается от привычной штамповки обвинительного заключения и оправдывает невиновного или возвращает прокурору плохо расследованное дело, они действуют по закону, и это хорошо. Беззаконную практику необходимо разваливать. В уголовно-процессуальном законе нужно усилить гарантии правосудия, но отнюдь не снимать барьеры, развязывать руки для нарушения конституционных прав человека. Пока же, с одной стороны, никто из нас не защищен от преступников, а с другой — от произвола тех, кто

призван стоять на страже закона. Для изменения положения нужна широчайшая правовоспитательная работа и коренная перестройка всей советской правоохранительной системы. Хотя замена ряда ее руководителей и других должностных лиц необходима, этого явно мало.

Проблемы недействительности материалов, полученных незаконным путем, и продолжительности арестов неотделимы. Здесь следует отметить, что до недавнего времени право толковать (разъяснять) общесоюзный закон принадлежало Президиуму Верховного Совета СССР; в отличие от указа его постановления допустимо не утверждать на очередной сессии Верховного Совета СССР. Однако под предлогом толкования закона никому не дано его дополнять или изменять и увеличивать масштабы государственного принуждения. И все же, хотя в законе нет указания о сроке ареста в период нахождения дела в суде и этот срок нельзя определять с помощью толкования закона, в постановлении от 3 сентября 1965 г. Президиум указал, что в срок ареста «не включается... время нахождения дела в суде, если в результате рассмотрения судом первой или кассационной инстанции дело возвращено на новое рассмотрение...». А постановлением от 30 марта 1989 г. Президиум «разъяснил» закон, предоставив Генеральному прокурору СССР и его заместителям возможность давать указания о разъединении уголовных дел и тем самым содержать на стадии расследования обвиняемых под стражей сверх девяти месяцев, указанных в ст. 34 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [см.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1965, № 37, ст. 533; 1989, № 14, ст. 96]. При принятии первого постановления у Президиума Верховного Совета СССР не было права дополнять Основы уголовного судопроизводства, а второго — права вносить серьезные изменения в ряд важнейших положений названных Основ. В том и другом случае был предан забвению принцип связанности правом государства, всех его органов и должностных лиц. А ведь каждое исключение из этого принципа приводит к произволу со стороны власти и делает человека беззащитным.

Никто не имеет права вмешиваться в деятельность органов уголовного судопроизводства по тому или иному конкретному делу. Конституция и другие законы никому не разрешают продлевать максимальный (девятимесячный) срок ареста обвиняемого. Однако, «осуществляя» высший надзор за соблюдением законов, Генеральный прокурор СССР «в порядке исключения» неоднократно ходатайствовал о продлении девятимесячного срока, а Президиум Верховного Совета СССР, «осуществляя» контроль за соблюдением Конституции СССР, удовлетворял незаконные ходатайства. В результате бесцеремонные нарушения конституционной законности превратились в правило, и это еще одна из причин содержания обвиняемых в предварительном заключении не днями или месяцами, а годами по семь и более лет.

На нетерпимость такого положения неоднократно указывалось в печати. Да это и понятно: когда человек, вина которого не установлена вступившим в законную силу приговором суда, долгое время остается

один на один со всей машиной уголовного преследования, ему очень трудно отстаивать свои утверждения. Его ломает не только следствие, но само время, одиночество, чувство отчаяния. Отсюда и вынужденное признание, и оговор, и другие тяжкие последствия. Длительные аресты обычно свидетельствуют об отсутствии доказательств для обвинения. Поэтому возмущает не только содержание в предварительном заключении по 8—10 лет, например генералов И.А. Ласкина, В.С. Галушкевича и Ф.Н. Романова (1942—1952 гг.), но и нынешние сроки арестов. Нельзя, разумеется, оправдать заявления Ежова на совещании актива госбезопасности об арестах при отсутствии доказательств обвинения, когда «следствие вынуждено ограничиваться тем, что оно нажимает на арестованного и из него выжимает». И, как он выражался, арестованного «брали на раскол» [Известия ЦК КПСС, 1989, № 8, с. 85; 1989, № 11, с. 44—45]. Но разве можно мириться с последующей практикой, при которой человека сначала арестовывают, а затем начинают собирать доказательства виновности, хотя должно быть наоборот. Нельзя закрывать глаза и на то, что само избрание меры пресечения используется для получения признания, что условия содержания в следственных изоляторах совершенно невыносимы, они тяжелее даже, чем в колониях строгого режима. И обвиняемые, не видя способа избавиться от следственного изолятора, кроме как попасть в колонию, порою идут на самооговор.

Хотя на арестованного полагается 2,5 кв. м., не у каждого даже есть спальное место, люди спят на полу, фактически не могут встречаться и переписываться с родственниками. По сравнению с нормами питания осужденных, арестованные получают суточное довольствие по сниженным нормам. За незлостное нарушение режима их можно лишить права покупать один раз в месяц продукты питания на 10 рублей или получать посылку (передачу). По существу это наказание голодом. Предусматривается и также водворение в карцер на срок до 10 суток, а несовершеннолетних — на срок до 5 суток. В карцере арестованным не выдается горячее питание и они не выводятся на прогулки. Водворение в карцер не исключает вызов для участия в следственных действиях, а ведь сломленный дух может привести к самооговору и оговору других людей.

Гнусная диктатура подонков и их покровителей превращает камеры в сущий ад, рассадник заразы. Штаты контролеров не укомплектованы. Так, в следственном изоляторе ГУВД Леноблгорисполкома контролер дежурит не на одном этаже, как положено, а сразу на четырех. Контролеры не успевают пресечь нарушения, прибежать на крики о помощи.

Экстремальные ситуации порою завершаются захватом заложников. Например, обвиняемые неоднократно жаловались на условия содержания в следственном изоляторе города Карши Узбекской ССР. Среди них были и люди, находившиеся в предварительном заключении по 4—5 лет, дела которых судами не разрешались. Группа обвиняемых, выйдя из своей камеры, толкнула туда сотрудников изолятора, откры-

ла остальные камеры и выпустила всех, кто в них находился. Затем все они потребовали встречи с представителями союзных правоохранительных органов, так как местные власти на жалобы не реагируют. Обвиняемые сразу же отказались применять силу к заложникам и в результате переговоров заложники были выпущены. Претензии обвиняемых выслушали, и они разошлись по своим камерам. В отношении инициаторов захвата возбудили уголовное дело, а к девяти сотрудникам изолятора и областного УВД применили дисциплинарные взыскания [см.: А. Орлов. Заложники освобождены. — «Известия», 1989, 24 августа]. Не ясно, были ли учтены при производстве по возбужденному делу обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Но уж во всяком случае ясна необходимость коренного изменения условий предварительного заключения с тем, чтобы обвиняемый не терял человеческий облик, свое достоинство. Эти условия необходимо привести в соответствие с международными стандартами.

В связи с процессуальными вопросами по конкретным уголовным делам первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянов заявил Съезду народных депутатов СССР о твердом решении передать прокурорским и судебным органам все, что касается процессуальных норм, соблюдения законности. Он согласился с критикой продления Президиумом Верховного Совета СССР сроков ареста до пяти и более лет и заявил, что в дальнейшем сроки ареста будут основываться на законе, который предстоит принять [«Известия», 1989, 30 мая]. И все же спустя месяц Верховный Совет СССР решил «предоставить Генеральному прокурору СССР право однократного продления срока содержания под стражей» по 13 уголовным делам. Но ведь разрешение процессуальных вопросов по конкретному уголовному делу к ведению Верховного Совета СССР не относится. И поскольку Верховный Совет связан правом (имеется в виду ст. 34 Основ уголовного судопроизводства), то у него вряд ли были основания отступать от этого принципа, «исходя из обстоятельств» того или иного конкретного дела [см.: «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1989, № 5, ст. 128]. Просьба о расширении полномочий Генерального прокурора СССР исходила не только от него, но и от других лиц, обязанных следовать праву — председателя Верховного суда СССР, министра внутренних дел СССР и председателя КГБ СССР [«Правда», 1989, 1 июля]. При этом, по-видимому, не учитывалось, что правовые принципы дороже стремления учесть обстоятельства конкретного случая и нельзя отступать от правовых принципов ради достижения успеха в одном или тринадцати уголовных делах. Отступление от правового принципа (*ad hoc* — только для данного случая), таит опасность распада законности.

Еще сомнительнее правомерность закона от 28 ноября 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в статью 34 уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

На протяжении тридцати лет (1959—1989 гг.) двухмесячный срок ареста мог быть продлен до трех месяцев «лишь в виду особой сложно-

сти дела» прокурором автономной республики, края, области, автономной области, автономного округа, военным прокурором вида Вооруженных сил, военного округа, группы войск, флота. Однако по закону от 28 ноября 1989 г. названные лица могут продлить срок ареста не до трех, а до шести месяцев. Если прежде прокурор союзной республики и Главный военный прокурор могли продлить срок до шести месяцев, то теперь — до девяти месяцев со дня заключения под стражу.

Расширяя применение принудительных мер, закон от 28 ноября 1989 г. разрешил продлевать срок ареста до трех месяцев новым лицам: районным и городским прокурорам, военным прокурорам армий, флотилий, соединений, гарнизонов и приравненным к ним прокурорам. Причем они могут продлевать срок не «ввиду особой сложности дела», а в случае «невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения». Другими словами, арест продолжится, если расследование нельзя закончить из-за болезни следователя, его занятости другими делами и т.п.

28 ноября 1989 г. была предоставлена возможность продления в исключительных случаях срока ареста лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений, Генеральному прокурору — до полутора лет, а его заместителям — до одного года. Понятие «тяжкого преступления» определено в ст. 7¹. Основ уголовного законодательства. К тяжким относятся преступления, предусмотренные более чем 50 статьями УК РСФСР, и их число систематически увеличивается. Обвиняемого в совершении любого из них можно содержать в предварительном заключении до полутора лет, поскольку понятие «исключительных случаев» никаким законом не определено и здесь нет надежных гарантий от произвола. По данным председателя Верховного суда СССР, в 1988 г. более 7000 человек содержались под стражей без достаточных оснований [см.: «Огонек», 1989, № 14, с. 27]. Прокуратура содействовала незаконным арестам, и на I Съезде народных депутатов СССР Генеральному прокурору СССР пришлось признать безобразным положение, при котором в 1988 г. из следственных изоляторов или залов суда были освобождены 2182 человека «потому что эти люди были неправильно арестованы, потому что они были неправильно репрессированы... А всего шесть с половиной тысяч таких людей пострадало. Я говорю только о тех людях, которые уже, как говорится, под стражей находились» [«Известия», 1989, 10 июня].

Казалось бы, ясно: право на защиту необходимо не только обвиняемому. Его осуществление отвечает интересам всего общества, которое нуждается в установлении истины, в избавлении от произвола, в принятии по уголовным делам законных, обоснованных и справедливых решений. И никакими разумными и правовыми соображениями нельзя обосновать возможность использования права на защиту, составной частью которого является ознакомление с материалом дела, ценой удлинения срока ареста. А ведь именно это указано в законе от 28 ноября 1989 г.: «Время ознакомления обвиняемого и его за-

щитника с материалами дела при исчислении срока содержания под стражей в качестве меры пресечения не учитывается».

При представлении законопроекта говорилось о необходимости его применения к тем, кто сейчас находится в предварительном заключении свыше 9 месяцев, так как иначе придется освободить преступников (?!). Здесь игнорировался как принцип презумпции невиновности, так и правила благоприятствования защите (*favor defensionis*). Не исключено, что новая уголовно-процессуальная норма ухудшает положение обвиняемого. Однако по делу, возбужденному до вступления новой нормы в силу, прежние правила, если они благоприятствуют обвиняемому, должны сохраняться. В данном случае это означает, что по ранее возбужденным делам предельный срок ареста возможен лишь до 9, а не до 18 месяцев. Не должны применяться по ранее возбужденным делам и другие новые права прокуроров. Правда, было и иное, когда принимались акты, ничего общего с правом не имеющие. Например, «закон» от 1 декабря 1934 г. лишал обвиняемого права на защиту, он устранял, в частности, возможность кассационного обжалования и в тех случаях, когда дело было возбуждено до принятия этого акта [См.: Б. А. Г а л к и н. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, с. 72; М. С. С т р о г о в и ч. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., с. 48—49].

На заседаниях Верховного Совета СССР А.Д. Сахаров, Д.Н. Кугультинов и другие народные депутаты подвергли нововведения справедливой критике.

Андрей Дмитриевич Сахаров обратил внимание не только на нарушение ст. 117 Конституции СССР, что само по себе достаточно для отмены неправоммерно принятого закона. В подготовленном тексте выступления на Съезде народных депутатов СССР, которое он не успел донести до Съезда, предлагалось, в частности, отменить закон от 28 ноября 1989 г. А.Д. Сахаров подчеркнул, что «...проект закона был внесен на рассмотрение Верховного Совета Генеральным прокурором. То есть вместо того, чтобы следить за соблюдением законов, прокуратура в лице своего высшего руководителя стремится полностью развязать себе руки и вновь свергнуть страну в пучину беззакония времён культа личности, застоя и других достаточно мрачных времён».

Теперь по существу изменений статьи 34. Я уже говорил на Верховном Совете и здесь повторяю. Реально в нашей жизни подозреваемый или обвиняемый находится в чрезвычайно тяжелых условиях давления следствия. У всех на памяти многочисленные случаи самооговоров, взятия вины на себя из-за пресс-камер, избиений, шантажа и угроз. У всех на памяти смертные приговоры невиновным, приведенные в исполнение не только в республиках, но и в Москве. Продление следствия, в котором нет никакой необходимости (девять месяцев, разрешенных сейчас, — достаточно большой срок), — это ужесточение и без того антигуманного нашего законодательства, в котором нет никакой необходимости. Это не улучшит результатов борьбы с преступностью, а только еще больше ужесточит наше и без того тяжело больное обще-

ство. Вся страна в новом Законе справедливо увидит новую ложь. Ведь мы столько говорили о гуманизации законодательства. А единственно, что родили, так этот незаконный закон...» [«Литературная газета», 1989, 27 декабря]. Народный депутат Ю. Щекочишин просил Генерального прокурора СССР высказать свое отношение к предложениям А.Д. Сахарова. К сожалению, отклик не последовал.

Если 28 ноября 1989 г. гарантии презумпции невиновности и права на защиту были «укреплены» путем увеличения ровно вдвое — с 9 до 18 месяцев, предельного срока ареста людей, вина которых не установлена судом, — и с помощью других усовершенствований, то 10 апреля 1990 г. Верховный Совет пошел еще дальше.

Я имею в виду закон «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 10 апреля 1990 г. В преамбуле закона говорится, что он принят в соответствии со статьей 14 Основ законодательства о судостроительстве, посвященной обеспечению права на защиту и презумпции невиновности [см.: «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1989. № 23. Ст. 441; 1990. № 16. Ст. 272]. Однако в законе от 10 апреля презумпция невиновности даже не упомянута. Ни слова не сказано и об отмене приговора и применении иных процессуальных санкций в случае нарушения принципов права на защиту и презумпции невиновности, что превращает закон из обязательного предписания в благостное пожелание.

Субъектом права на защиту является каждый, в отношении которого велось уголовное преследование, включая осужденного и оправданного. Хотя эти лица имеют право на жалобу и ряд других прав, в законе от 10 апреля 1990 г. они не названы. Но с каких это пор все приговоры и другие решения по уголовным делам заслуживают знака качества и их не надо оспаривать, совершать иные действия по защите?

Международный пакт о гражданских и политических правах не предусматривает каких-либо ограничений участия защитника в уголовном судопроизводстве. Напротив, согласно ст. 4 Пакта, к а ж д ы й при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения вправе к а к м и н и м у м иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и снесения со своим защитником. Не предусматривает таких ограничений и Конституция СССР, где сказано: «Обвиняемому обеспечивается право на защиту» (ст. 158). Равным образом и Закон об адвокатуре в СССР указывает на полномочия адвоката представлять граждан в любом компетентном государственном органе (ч. 2 ст. 6). Право на защиту безусловно включает в себя право обвиняемого иметь защитника в стадиях предания суду, исполнения приговора и надзорного производства. Однако ст. 23 Основ уголовного судопроизводства об участии защитника в этих стадиях ничего не говорит, и его допуск по-прежнему зависит от усмотрения судьи или суда, обязанность которых обеспечить обвиняемому право на защиту носит декларативный характер.

В законе от 10 апреля 1990 г. сказано о допуске защитника с момента задержания подозреваемого или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения. Но, как известно, подозреваемым является и тот, к кому до предъявления обвинения применена любая мера пресечения, а не только в виде заключения под стражу. Право иметь защитника необходимо и такому подозреваемому.

Расходы по оплате труда адвоката, как и другие правовые аспекты организации и деятельности адвокатуры, определяются не подзаконными актами, а законодательством Союза ССР и союзных республик. Именно это предусмотрено как Конституцией СССР (ст. 161), так и Основами законодательства о судостроительстве (ст. 15). И все же, при игнорировании высшей юридической силы Конституции и ссылке на ст. 15 Основ законодательства о судостроительстве (!), в законе от 10 апреля 1990 г. сказано, что порядок оплаты труда адвокатов определяется Советами Министров союзных республик.

По делам несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту, закон предусматривал проведение предварительного следствия. В законе же от 10 апреля 1990 г. без каких-либо оговорок сказано о проведении дознания по делам этих лиц, при котором ряд гарантий установления истины отсутствует.

С момента вступления в процесс защитнику необходимо ознакомиться со всеми материалами дела. Иначе он не в состоянии оказывать юридическую помощь и может повредить подзащитному. С 1961 г. защитники несовершеннолетних и ряда других лиц допускались в процесс с момента предъявления обвинения и с того же момента имели право знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения, видаться наедине с подзащитными, участвовать во всех следственных действиях (ч. 2 и 3 ст. 51 УПК РСФСР). По закону же от 10 апреля 1990 г. защитнику разрешается знакомиться с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и со всеми другими материалами дела только по окончании дознания или предварительного следствия, иметь свидание с подзащитным только после его первого допроса, участвовать не во всех следственных действиях, а лишь проводимых с участием подзащитного. Таким образом, существенно ограничив возможности ведения защиты, видимо, не случайно указывается, что при расследовании защитник вправе «присутствовать», что он при сем «присутствующий».

С таких ли решений следует начинать строительство правового государства и выполнение постановления I съезда народных депутатов СССР о признании незыблемыми и священными неотъемлемых прав человека, о сильной и полноценной защите прав граждан на всех стадиях уголовного судопроизводства и соблюдении всех демократических принципов правосудия? [см.: «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1989. № 3. Ст. 52]. Ведь здесь никак

нельзя забывать, что судьи, следователи и прокуроры, оставаясь членами КПСС, чутко реагируют на любые указания партийных органов, вопреки принципу разделения властей некоторые из них входят в состав парламентов; что до сих пор не рассматривается проблема состязательности в стадии расследования, не приняты уголовно-процессуальные нормы, отвечающие провозглашенному Конституцией СССР принципу обеспечения обвиняемому права на защиту, не отражен в нашем законодательстве ряд норм международного права, включая положения Конвенции против пыток, до окончания расследования невозможно обжаловать незаконный арест в суд, хотя первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянов и заверял на двух заседаниях Съезда народных депутатов СССР: «Теперь в соответствии с новым законодательством санкция прокурора подлежит обжалованию в суд» [«Известия», 1989, 20 и 21 декабря].

Нельзя не обратить внимание и на закон «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». 7 июня 1990 г. при обсуждении проекта этого закона народные депутаты подвергли критике ст. 35¹ Основ о подслушивании телефонов при расследовании дел о тяжких преступлениях. Эта статья имеет особое значение для нашего общества, запуганного всевидящим оком и всеслышающим ухом «компетентных органов», и мало кому не известно, что каждый наш телефонный разговор может быть подслушан и записан на пленку. Хотя депутаты стеснялись произносить слова «подслушивание» и «скрытая запись», многие из них сочли, что любые действия, предусмотренные ст. 35¹ автоматически превращают наше государство в полицейское. Совет Национальностей законопроект отклонил. Поскольку в Совете Союза решение было иным, потребовалось образовать согласительную комиссию [см.: «Известия», 1990, 8 июня].

Спустя несколько дней под самый занавес вечернего заседания 12 июня 1990 г. закон был принят. На этом заседании лишь один депутат пытался увлечь своих коллег в дебаты. Но тщетно. Сил на обсуждение, похоже, у депутатов уже не осталось [см.: А. Степовой. Такие разные дебаты. — «Известия», 1990, 11 июня].

Закон от 12 июня 1990 г. дополнил Основы уголовного судопроизводства статьями 27¹ и 35¹ и изменил статьи 12 и 29 тех же Основ. Таким образом произошла легализация прослушивания и звукозаписи телефонных и иных переговоров не только подозреваемого и обвиняемого, но и других лиц. Узаконено прослушивание по л ю б о м у уголовному делу, если есть основания полагать, что будут получены существенные для дела сведения. Прослушивание может продолжаться до шести месяцев по постановлению органа дознания (милиции и других уполномоченных учреждений и организаций) или следователя с санкции прокурора или по определению суда.

В ст. 35¹ говорится, что прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов и других переговорных устройств, и применение звукозаписи разрешается п о с л е возбуждения уголовного дела. Указано

также о действиях участников прослушивания и их ответственности, о составлении протокола, судьбе фонограммы и предстоящем изменении уголовно-процессуального законодательства союзных республик. Но как быть с оперативно-розыскными мерами? Ведь они проводятся до возбуждения уголовного дела и лишь «в случае передачи следователю дела, по которому не представилось возможным обнаружить лицо, совершившее преступление, орган дознания продолжает принимать оперативно-розыскные меры для установления преступника, уведомляя следователя о результатах» (ст. 119 УПК РСФСР).

По этому поводу в новой редакции части второй ст. 29 Основ сказано: «На органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер, в том числе с использованием видеозаписи, кинофотосъемки и звукозаписи, в целях обнаружения признаков преступления и лиц, его совершивших, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством». В отличие от ст. 35¹, в ст. 29 нет ни слова о порядке проведения оперативно-розыскных мер, т.е. о тайной слежке за гражданами теперь уже и с использованием видеозаписи, кинофотосъемки и звукозаписи. Ничего не сказано об ответственности участников слежки за разглашение ставших им известными сведений, о необходимости санкции, о каких-либо сроках слежки, составлении протоколов, судьбе фонограмм и т.д.

Введение в Основы уголовного судопроизводства ст. 35¹ и изменение ст. 29 тех же Основ затрагивает конституционные права граждан. Оказалось это возможным в то время, когда стали общеизвестны аресты невиновных с санкции прокурора и когда трудно ожидать его отказ в санкции на такую «малость», как подслушивание переговоров. Правда, говорится о выработке прокуратурой нового подхода к правам человека, но, по признанию Генерального прокурора СССР, «пока мы далеки от этой цели», а «слабости следствия очевидны, вытравить обвинительный уклон пока не удалось» [«Известия», 1988, 25 июня]. Что касается суда, то органам уголовного преследования вряд ли потребуется обращение в суд при невытравленном обвинительном уклоне прокуроров. В 1989 г. министр внутренних дел СССР, председатель Верховного суда СССР и руководители других правоохранительных ведомств одобрили законопроект, по которому проведение оперативно-розыскных мер с использованием технических средств и затрагивающих конституционные права граждан «допускается лишь при наличии обоснованных данных полагать, что совершено или готовится тяжкое преступление, и с санкции прокурора». Но даже такие ограничительные условия в ст. 29 не вошли; в ней ничего не сказано о санкции прокурора и данных, дающих полагать, что совершено или готовится тяжкое преступление.

В преамбуле закона от 12 июня 1990 г. говорится, что он принят, «руководствуясь статьями 54, 55, 56 и 57 Конституции СССР». В действительности же решение обосновывать обвинительные приговоры

данными, полученными в результате подслушивания и подобных мер, находится в явном противоречии с положениями ст. 54—57 Конституции СССР о неприкосновенности личности и жилища, об охране личной жизни граждан, обязанности всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц уважать личность, охранять ее права и свободы, тайну переговоров граждан, как известно, за нарушение этих прав и свобод установлена уголовная ответственность (ст. 135 и 136 УК РСФСР).

На мой взгляд, закон от 12 июня 1990 г. трудно согласовать с подчеркиванием Съездом народных депутатов СССР того, что «вся деятельность по борьбе с преступностью должна строиться на основе Конституции СССР» [см.: «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1989, № 29, ст. 576], с намерением КПСС отстаивать «надежную законодательную защиту личности и достоинства гражданина, неприкосновенности его жилища и имущества, тайны переписки и телефонных разговоров...» [Проект платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. — «Правда», 1990, 13 февраля].

К сожалению, преступность, в том числе и организованная, растет. И все же, когда речь идет даже о тяжких преступлениях, необходимо иметь в виду, что большинство из них вовсе не обязательно совершают организованные преступники. Но дело не только в этом.

При закрытой статистике были привычны заявления руководителей правоохранительных органов об устойчивой тенденции сокращения преступности. В 1989 г. данные о ее состоянии наконец-то обнародовали. Они могут производить впечатление впервые случившегося роста преступности. Он действительно высок. Но нельзя забывать и о том, что рост преступности (включая и ее тяжкие виды) в годы застоя был еще выше.

Кое-кто нынешний рост преступности предлагает погасить с помощью репрессий без разбору, ответственности без достоверно доказанной вины, прибегая к нападкам на законные требования судов. Но когда для снижения уровня преступности предлагают отказаться от гарантий прав граждан, под угрозой оказывается не преступник, а каждый из нас. Нормальную жизнь общества нельзя обеспечить любыми средствами, и трудно понять тех, кто расценивает повышение требований к доказанности обвинения и гарантиям от необоснованных задержаний, обысков, арестов и осуждений как заботу о преступниках и чуть ли не как причину роста преступности. Видно, не хватает важнейшего элемента правовой культуры: понимания того, что цель не может оправдывать средства и конституционные гарантии должны действовать при всех условиях.

Некоторые должностные лица ищут лазейки для того, чтобы под предлогом чрезвычайного положения упростить уголовное судопроизводство за счет нарушения основных прав граждан и снижения достоверности доказательств обвинения. «Чрезвычайщина» и неразборчивость в средствах лишали в прошлом безопасности очень многих. В

условиях же развития электроники и другой новой техники почти неограниченное ее использование создает у нас еще большую угрозу. Видно, прав Борис Васильев: «Мир перекошенных нравственных координат, в котором мы не просто существуем, но в котором мы вынуждены принимать законы и претворять их в жизнь, напоминает чудовищную комнату смеха, только застревает он в перехваченном спазмами горле». Перекошены и правовые координаты, забыт Закон СССР «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни». После его принятия не публиковались проекты законов от 28 ноября 1989 г., 10 апреля и 12 июня 1990 г., в числе «неважных», тех, которые можно не обсуждать всенародно, оказался и ряд других решений о правах и основных свободах человека.

При решении многих проблем в ход идут ссылки на зарубежный опыт. Они появлялись и для оправдания пресловутой статьи 11¹, предусмотренной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989 г. К счастью, возобладали право и разум, и I Съезд народных депутатов СССР отменил эту статью. На опыт США и других зарубежных государств ссылаются и для обоснования возможности подслушивания переговоров, ведущихся с телефонов и других переговорных устройств.

Но в США каждый раз, когда тот или иной факт подслушивания телефонных разговоров приобретает скандальную известность, власти стараются отмежеваться от своей причастности к нарушению права граждан на личную жизнь, выдавая такие факты за отдельные эксцессы чрезмерно усердных полицейских чиновников. 6 февраля 1967 г. президент Л. Джонсон представил конгрессу США законопроект, запрещающий любое подслушивание. Исключение относилось к подслушиванию сотрудниками федеральных правоприменительных органов с разрешения президента по делам, связанным с национальной безопасностью. По смыслу законопроекта, результаты подслушивания нельзя было использовать в суде в качестве доказательств, кроме случаев, когда хотя бы один из участников переговоров дал согласие на подслушивание. Считая нарушение права на личную жизнь недопустимым, президент заявил Конгрессу: «Я считаю, что мы должны защитить это право от посягательств с помощью подслушивания телефонных разговоров и электронных устройств. Необходим новый федеральный закон, запрещающий подслушивание телефонных разговоров и слежку с помощью электронных устройств. Нынешние законы явно неудовлетворительны». В 1968 г. конгресс США все же принял закон, который как бы «между прочим» не запрещал подслушивание, а скорее легализовал тайную слежку за гражданами с помощью электронного наблюдения [см.: В. М. Н и к о л а й ч и к. Указ. соч., с. 214—215, 218—219; К. Ф. Г у ц е н к о. Уголовная юстиция США. М., 1979, с. 106—108]. Надо заметить, что в США понятие «национальной безопасности» весьма расплывчато и неопределенно. Возможно, этим и объясняется заявление министра юстиции США Митчела: если публичная власть признает, что какое-либо событие

касается «национальной безопасности», она имеет право подслушивать любые телефонные разговоры и для подслушивания нет необходимости в разрешении суда. Такое заявление не прошло незамеченным. Всеамериканский союз за гражданские права незамедлительно возбудил дело против министерства юстиции, и Верховный суд безоговорочно отверг притязания министра. Признание подслушивания без специального ордера суда незаконным нанесло серьезный удар министерству юстиции, возглавляемому Митчелом [см.: Л е р о й Д. К л а р к. Большое жури. М., 1978, с. 66—67].

По федеральному закону 1968 г. производить подслушивание полиция может с разрешения суда. Чтобы получить такое разрешение (ордер), в ходатайстве необходимо указать, в связи с каким готовящимся, совершенным или совершаемым преступлением предполагается проводить подслушивание, назвать лицо, переговоры которого предполагается подслушивать, привести аргументы, подтверждающие необходимость подслушивания, охарактеризовать природу переговоров. В ходатайстве следует также сообщить о данных, ставших известными с помощью иных средств доказывания, и причины, по которым эти средства представляются недостаточными. Ордер на подслушивание должен содержать сведения о виде и месте нахождения средства связи, которые разрешено подслушивать. Ордер выдается обычно на срок не более 30 суток. Судья, выдавший ордер, вправе требовать отчета о порядке проведения и результата подслушивания. Информация о подслушанных разговорах и улики, полученные в результате подслушивания, судья не должен допускать в качестве доказательств, если другой стороне не менее чем за 10 дней до предварительного слушания или судебного разбирательства не была представлена копия разрешения суда на проведение подслушивания и просьба соответствующего правоприменительного органа о таком разрешении. По ходатайству защитника и на основании правил об исключении доказательств суд должен исключить полученные в результате подслушивания данные, если подслушивание проводилось вопреки закону, разрешение на подслушивание проводилось не в соответствии с разрешением. Предполагается, что соблюдение таких условий исключает незаконное и необоснованное подслушивание со стороны должностных лиц. Главным здесь должен быть ответ на вопрос: добыта ли информация методами, соответствующими конституционным принципам уголовного судопроизводства, и, следовательно, допустима ли она в качестве доказательств?

Президент Джонсон вряд ли мог ответить на этот вопрос утвердительно и при подписании законопроекта заявил: «Санкционировав почти неограниченное право федеральных чиновников, чиновников штатов и должностных лиц на местах на проведение подслушивания, конгресс, по моему мнению, сделал неразумный и потенциально опасный шаг. Если мы не будем очень осторожны, эти положения закона могут породить племя любителей совать нос в чужие дела, подсматривающих в замочные скважины в домах и конторах Америки,

шпионящих за соседями. Ни один разговор в спальне или по телефону не будет застрахован от подслушивания со стороны тех, кто заявляет, что стремится искоренить преступность».

Подслушивание, проводимое полицией, суды обязаны оценивать прежде всего с позиций IV поправки к Конституции США об ордере на обыск, который не должен носить характера «общего ордера», т.е. нельзя разрешать обыск с целью найти что попадется и использовать в дальнейшем в качестве доказательства по расследуемому или какому-либо другому делу.

Утверждения сотрудников полиции о том, что подслушивание затрагивает интересы преступников, несостоятельны по ряду причин. Совершение преступления данным лицом должно быть доказано. Однако в условиях законного судебного разбирательства оно не доказано, а поэтому полиция и производит подслушивание. Кроме того, избирательное подслушивание невозможно, и полиции приходится прибегать к тотальным и длительным подслушиваниям. В значительной части разговоров, перехваченных с помощью электронного наблюдения, содержатся подробности личной жизни граждан, не имеющие никакого отношения к преступлениям. Большинство людей, переговоры которых подслушаны, не преступники. Почти у каждого из них есть семья, друзья и приятели, которые не являются соучастниками в преступлении. Просто они разговаривают друг с другом. Таким образом, отмечают американские юристы, любое судебное или иное официальное разрешение на подслушивание неизбежно носит антиконституционный характер «общего ордера».

Поскольку подслушивание всегда направлено на получение признания подозреваемого и обнаружение доказательств его виновности, возникает вопрос об отсутствии добровольного признания и нарушении V поправки к Конституции США о том, что никто не должен свидетельствовать против себя в уголовном деле. Кроме того, правовой режим изъятия доказательств обязывает полицию информировать о своем намерении лицо, у которого предполагается изъять доказательство, и предъявить соответствующий ордер. Но получение доказательств путем подслушивания может дать искомый результат лишь в случае, когда подозреваемый не знает о том, что его подслушивают [см.: В. М. Н и к о л а й ч и к. Указ. соч., с. 213—214; О н ж е. Уголовный процесс США. М., 1981, с. 67—69, 113—116, 194—196].

Чрезвычайно важным последствием всякого подслушивания является нарушение права гражданина на прайвеси (частную, личную жизнь, ее интимность, на уединение, личные отношения, тайну корреспонденции и т.п.). Прайвеси — основа всякой индивидуальности, возможность быть наедине с собой или находиться в обществе тех, кого человек хочет видеть. Мало кто станет говорить то, что желает сказать, если будет думать, что его подслушивают. Подслушивание телефонных переговоров правительственными агентами нарушает право на личную жизнь, унижает человека, порождает страх. Но, справедливо замечает Рамсей Кларк, бывший министр юстиции в админист-

рации президента Джонсона, жить с глазами, полными страха, — значит жить в несчастливой стране. Современные технические средства позволяют уничтожить прайвеси. Даже заглянув на кухню или под кровать, человек не имеет уверенности в том, что его не подслушивают, за ним не подсматривают. И когда государство унижает своих граждан, оно, сколь бы важной ни была конкретная цель, ограничивает развитие общества. Такая практика несовместима с принципами свободного общества. Сегодня ее могут использовать против политических противников и непопулярных людей. Завтра ее жертвой может оказаться любой гражданин. Против кого бы эта практика ни направлялась, она нетерпима. «Подслушивание телефонных переговоров не просто мерзкое занятие, это проявление недобросовестного отношения к самим основам неприкосновенности личности» [Р К л а р к. Преступность в США. М., 1975, с. 24, 359—361, 373]. Гражданин осознает, что государство обладает возможностью неограниченно вторгаться в его личную жизнь. Понимание возможности контроля за всеми действиями и мыслями серьезно подрывает представление граждан о их личной безопасности и их доверие к конституции.

Суждения американских юристов об эффективности подслушивания телефонных переговоров противоречивы. Одни считают его эффективным средством охраны национальной безопасности и нейтрализации организованной преступности. Другие отстаивают противоположную точку зрения.

По мнению ряда юристов, наиболее крупные фигуры преступного мира знают, что ФБР имеет доступ к их телефонам, и пытаются найти иные средства связи. Организованная преступность всегда отличалась способностью приспосабливаться к любым техническим средствам. Рамсей Кларк считает очевидным, что подслушивание телефонных разговоров и использование потайных микрофонов не может принести пользу в раскрытии умышленных убийств, разбоев, грабежей, краж и других преступлений. Подслушивание поглощает колоссальное время. Монтаж потайного микрофона — дело рискованное и трудное. Чтобы агенты при производстве монтажа не были обнаружены, а это случилось, полиция должна вести тщательное наблюдение за районом. Для монтажа микрофона может понадобиться, чтобы в помещение вошли несколько человек, иногда со взломом. Появляется соблазн изъять или переснять документы. Полиция может проявить интерес к сексуальной жизни людей. Иначе необъяснимо, почему очень часто электронная аппаратура для наблюдения устанавливается в спальнях.

А между тем о деятельности организованной преступности полиция может узнать и узнает, не прибегая к пошлomu и унижительному использованию подслушивающих устройств. Гораздо эффективнее, например, использование ударных групп. Важно и то, замечает Кларк, что организованная преступность не сможет функционировать там, где органы уголовной юстиции не коррумпированы. Но полицейским, судьям и тюремщикам платят деньги, чтобы они не чини-

ли неприятностей преступным шайкам. На электронное наблюдение были истрачены сотни человеко-лет агентов ФБР, однако за полтора десятилетия это не привело ни к одному осуждению. Если бы те же самые кадры использовались иначе, число осужденных возросло. Электронное наблюдение подрывает авторитет правоприменительных органов, так как заставляет их делать то, что никому не внушает доверия. «В программах широких социальных мероприятий, без которых нельзя покончить с организованной преступностью, для подслушивания нет места. Этот метод слишком неоперативен, слишком дорогостоящ, слишком неэффективен... Действуя вслепую, оно (электронное наблюдение) проходит в мире звуков, не будучи, однако, в состоянии отличить рыбу от мяса. Оно неэффективно и нецелесообразно, потому что этот мир слишком велик, чтобы можно было распознать в нем преступление, собирая на территории целых районов все шумы и все молчание, а затем отсеивая от них то, что может служить доказательством» [Р. К л а р к .Указ. соч., с. 361—365].

Рассматривая американское уголовное судопроизводство, необходимо иметь в виду тщательно отработанные правила о допустимости доказательств. Канонам о надлежащей правовой процедуре придается первостепенное значение, и никто не должен привлекаться к уголовной ответственности «без законного судебного разбирательства» (V и XIV поправки к Конституции США). Эти правила способны обескуражить нашу уголовную юстицию. Для их соблюдения неприемлемы как обвинительный уклон, так и розыск, следствие, прокуратура и суд, которые давно стали неотъемлемым элементом административно-командной системы. По американскому праву, презумпция невиновности отнюдь не благое пожелание. Обвинительные доказательства, собранные с нарушением процессуальных норм, судом исключаются, а когда они основные — дело прекращается. Если какие-либо доказательства были получены незаконно, другие, связанные с ними, хотя бы и полученные законным путем, также исключаются. Обвинительные доказательства предъявляются суду присяжных или другому, но тоже независимому, суду. Американскому судопроизводству неизвестен институт возвращения дела для производства дополнительного расследования. Но известно о высоком положении судей, о получении средним американским полицейским 40 тысяч долларов в год, что нашему министру даже не снится, что законодатели контролируют ассигнования на правоприменительные органы и т.д.

Вопрос о подслушивании телефонных переговоров возникает не только в США. Но в каком из цивилизованных государств преодолению преступности мешают столь сильно пороки экономики, изъяны воспитания, низкая политическая и правовая культура, как это мешает нам? В практически неприменяемых или мало применяемых пластах зарубежных законов можно найти и мерзкие решения. Но их ли надо искать и демонстрировать склонность к государственной депрессии? Тот у нас, кто угодливо выискивает такие решения, пользу-

ется ими, как пьяные уличным фонарем — не для освещения, а для собственной поддержки.

Мы уже не в состоянии отрицать серьезный кризис системы уголовной юстиции. И дело не только в низком профессиональном уровне должностных лиц, в неумении собрать и закрепить доказательства и принять законное решение по делу, но и в попытках достичь результатов любой ценой, включая неконституционные методы. А это неминуемо приводит к правонарушениям и недоверию со стороны населения. По данным МВД СССР, в течение года тысячи сотрудников органов внутренних дел привлекаются к ответственности за противоправные действия, в том числе за преступные, и год от года число нарушений закона там растет. Та же проблема в органах прокуратуры и судах. В конце августа 1989 г. Всесоюзный центр по изучению общественного мнения выяснял степень доверия населения к милиции, суду и прокуратуре. Ответы на вопросы анкеты распределились следующим образом: отсутствие доверия — 41%, частичное доверие — 49 и полное доверие — всего 10% [см.: Н. П о п о в. Кризис доверия — кризис власти. — «Огонек», 1990, № 7, с. 3]. Доверие — это важнейший политический капитал, который надо зарабатывать, а не пускать его остатки по ветру. Когда преступления раскрываются путем нарушения конституционных прав граждан, взаимоотношения населения с государственными органами наносится очень серьезный ущерб, база для раскрытия преступлений разрушается. Подслушивание телефонных переговоров и подобные акции содействуют созданию в обществе недоверия, нагнетанию социальной напряженности, усугублению чувства неуверенности граждан, их подозрительности и замкнутости. Так нужен ли закон, который гораздо опаснее для невиновных, чем для преступников?

Я глубоко убежден в том, что пройденный нами путь и опыт других государств обязывают очень взвешенно подходить к ключевой проблеме уголовного судопроизводства: к проблеме допустимости доказательств.

Органы государственной безопасности в «зеркале» перестройки

Перестройка... Она захватила умы и сердца миллионов людей, породила надежды, выплеснула на поверхность бурю эмоций и чувств, повергла в уныние и разочарование одних, пробудила социальную активность и стремление к самоутверждению других, «перепахала» многие привычные представления, заставила критически взглянуть на самих себя как бы со стороны.

В условиях демократии и гласности обнажились и «заговорили» в полную силу социальные противоречия, дотоле находившиеся в состоянии некой дремоты, постепенного накопления и неразрешенности. Общественная активность и политизация масс приобрели необычайный размах, потому что долгое время искали своего выхода.

Перестройка привела в движение все социальные слои нашего общества, государственные и общественно-политические структуры.

Не оставила она в стороне и органы государственной безопасности, вызвав живой интерес советских граждан и зарубежной общественности. Вопросов у людей возникает много. Как перестройка отразилась на деятельности органов КГБ? Что изменилось в их работе? Чьим интересам служат чекисты в условиях советского общества? В каком состоянии находится правовая база работы органов госбезопасности и каковы гарантии обеспечения законности? Что делается для того, чтобы никогда не было возврата к трагическим страницам прошлого? Все эти вопросы волнуют советских людей. Они возлагают, помимо профессиональной, сильнейшую нравственную ответственность на каждого, кто работает в наше сложное время в органах государственной безопасности.

Прежде всего хотелось бы отметить, что, несмотря на наличие отдельных некомпетентных, а порой и негативных суждений об органах КГБ и их сотрудниках в некоторых средствах массовой информации, среди широких масс трудящихся сохраняется и приумножается вера в чекистов, в их приверженность идеям обновления социализма, уверенность в том, что своим повседневным трудом они отстаивают дело перестройки, действуют в полном соответствии с советскими законами. Показательна в этом смысле резолюция, принятая 24 февраля 1990 года общими собранием одного из цехов Горьковского авиационного производственного объединения: «Мы с надеждой смотрим на

то, что предпринимаемые в настоящее время структурные и организационные преобразования в КГБ служат гарантией повышения эффективности их работы, защиты интересов всего нашего многонационального народа. Мы поддерживаем курс на укрепление связей с трудящимися, о котором сказал в своем выступлении на февральском (1990) Пленуме ЦК КПСС т. Крючков В.А., и готовы оказать содействие в его претворении в жизнь. Разделяем необходимость создания атмосферы доброго отношения и доверия к чекистам.

В то же время мы считаем, что в своей деятельности при поддержке народа органы правопорядка должны решительнее действовать в борьбе с организованной преступностью, в защите конституционных прав советских граждан, сделать все возможное для того, чтобы советский человек чувствовал себя в безопасности и был уверен в завтрашнем дне».

Революционный процесс обновления советского общества во всей полноте охватил органы государственной безопасности. Программа их перестройки ставит на первое место защиту интересов народа, последовательную борьбу чекистскими средствами за утверждение демократии и гласности, торжество принципов социальной справедливости. Проводится большая и взыскательная работа по устранению имевших место деформаций, нарушений законности. Возрождаются революционные и боевые традиции, заложенные В.И. Лениным и Ф.Э. Дзержинским. Кадры чекистов полностью обновлены. Они компетентны честными, политически зрелыми, профессионально подготовленными сотрудниками, получившими закалку и рекомендации в трудовых коллективах.

Органы КГБ работают сегодня в условиях широкой демократизации и гласности. А ведь еще совсем недавно считалось, что совместить их деятельность с этими понятиями почти невозможно. Оказалось, наоборот, и демократия, и гласность не помеха, а реальная поддержка в работе чекистов. Они являются теми рычагами, которые позволяют открыть колоссальные резервы совершенствования служебной деятельности, перевести работу в русло новых форм и методов, объединить усилия с другими государственными органами и общественными организациями.

Широкая демократизация и гласность — это одновременно и резкое возрастание социальной ответственности органов государственной безопасности за выполнение возложенных на них функций. Они должны строить свою работу высокопрофессионально. Результаты их труда должны быть широко известны и понятны людям. Научиться работать в условиях углубления демократии, расширения гласности — одно из главных направлений перестройки в органах КГБ. Однако понимание демократии и гласности вообще и применительно к деятельности правоохранительных органов в частности требует пояснения.

Первые годы перестройки, позволившие реализовать конституционное право на свободу слова и естественное стремление каждого человека к самоутверждению, изменили сам нравственный облик наше-

го общества, открыли простор для творческой активности и созидательных возможностей личности. Вместе с тем произошел и явный перекос у определенной категории людей в понимании демократии: смещение в сторону субъективной и чаще всего расширительной трактовки прав при скромном отношении к обязанностям. А ведь демократия — это народовластие. Это понимание не только прав, но и обязанностей перед обществом. Демократия — это и высокая дисциплина, и развитое чувство долга перед людьми, и ответственность за свои поступки. Это, наконец, уважение к органам власти и законам, отражающим волю народа.

К сожалению, в сознании некоторых граждан укоренилось расширительное и даже анархистское представление о демократии, близкое к тезису «что хочу, то и ворочу». В результате упала трудовая дисциплина, снижается нравственность, проявляется негативное отношение к государственно-властным структурам, призванным играть роль стабилизирующего фактора общественной жизни. В этой ситуации, когда не признается Конституция и нарушаются законы, правоохранительные органы обязаны действовать. Они имеют полное юридическое и моральное право применять необходимые меры к тем, кто посягает на государственные и общественные интересы, права каждого советского человека.

Из деформированного тезиса о демократии нередко «вырастает» и своеобразное понимание гласности. Нередко средства массовой информации «выплескивают» в эфир, на страницы газет и журналов огромный поток информации, не имеющий ни идеологической, ни нравственно-воспитательной нагрузки. Отдельные из них настойчиво проводят мысль о деполитизации не только средств массовой информации, но и правоохранительных органов, полагаясь, пожалуй, на веру наивных людей, что в условиях политизации нашего общества такое возможно. На самом же деле все обстоит иначе: сам тезис и курс на деполитизацию есть политика одних и заблуждение других.

Результаты этих деформаций ощущают на себе правоохранительные органы, в том числе органы госбезопасности. В Обращении работников центрального аппарата КГБ СССР, принятом на собрании 23 февраля 1990 года, говорится: «Спекулируя на плюрализме мнений и гласности, громкоголосые «радетели» общественных интересов порочат святое имя Ленина, такие дорогие для каждого советского человека понятия, как Родина, Октябрь, Патриотизм. В сознание людей настойчиво внедряются озлобленность, агрессивность, неуважение к законам, готовность к насилию. Не последнюю роль в этом играют те средства массовой информации, которые либо запутались в сложностях текущего момента, либо сознательно заняли позицию служения эгоистичным интересам отдельных группировок, узурпировавших право говорить от имени всего народа. Любую критику в свой адрес они отмечают, объявляя ее нападка на перестройку. Прошло достаточно времени, чтобы убедиться — их руками и устами ведется целе-

направленная и скоординированная кампания дискредитации Вооруженных Сил, органов и войск МВД и КГБ, работников суда и прокуратуры, т.е. тех институтов исполнительной и судебной власти, которые являются одними из важнейших и необходимых гарантов безопасности государства и общества.

В этой связи мы решительно заявляем, что нынешнее поколение сотрудников госбезопасности служит интересам своего народа и не имеет ничего общего с преступлениями времен сталинизма, безоговорочно, как все честные люди, их осуждает. Мы твердо стоим на позициях неукоснительного соблюдения закона, уважения к человеческой личности, торжества социальной справедливости. Мы склоняем головы перед многочисленными жертвами репрессий, в том числе и среди чекистов.

В то же время мы отвергаем огульные, беспочвенные попытки противопоставить деятельность органов государственной безопасности интересам рабочего класса, трудового крестьянства, интеллигенции.

Советские чекисты действуют и будут действовать в интересах народа, твердо, последовательно и надежно защищать безопасность социалистического строя, права и свободы каждого советского человека, нашу советскую демократию».

Демократия и гласность лишь тогда становятся действенным инструментом в работе органов госбезопасности, когда они находят адекватное отражение в Конституции, действующем законодательстве. Без правового механизма их реализации они превращаются в декларативные призывы, пустую формальность. История более чем наглядно подтверждает это. На собрании партактива в марте 1937 года А.Я. Вышинский прямо заявил, что «...бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества и в жизни нашей, в частности, когда законы оказываются устаревшими и их нужно отложить в сторону» [см.: Историки спорят. Тринадцать бесед. М., Политиздат. 1988, с. 293]. Поистине: отложил в сторону закон, откладывая и демократию и гласность.

Условия перестройки, формирования социалистического правового государства выдвинули задачу дальнейшего укрепления правовых основ деятельности органов государственной безопасности, усиления контроля за ними со стороны высших представительных органов государственной власти, Президента страны, высших органов управления. Ведь многие беды исторически проистекали в том числе и от слабой правовой урегулированности работы органов госбезопасности, особенно по вопросам, затрагивающим права и интересы граждан.

Начало положено. В Верховном Совете СССР образован Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности, инициатива создания которого исходила и от Комитета госбезопасности СССР. Наряду с осуществлением функций контроля этот парламентский орган будет, используя право законодательной инициативы, способствовать формированию в стране целостной правовой системы обеспечения государственной безопасности и места в ней органов КГБ.

Каковы основные подходы и принципиальные положения, на которых должно строиться правовое регулирование в сфере обеспечения государственной безопасности? Как протекает процесс кодификации законодательства и в какой мере он затронул деятельность органов государственной безопасности? Размышления на этот счет, анализ теории и практики приводят нас к ряду выводов, которые, разумеется, требуют дальнейшего обсуждения, плодотворной научной дискуссии.

В основе любой кодификации должна быть стройная и научно обоснованная концепция. Правовое регулирование обеспечения государственной безопасности должно представлять собой иерархическую систему правовых норм, которые бы возлагали на все государственные органы, общественные организации и каждого гражданина СССР обязанность охранять и укреплять безопасность Советского государства. В этой системе органы государственной безопасности будут выступать важным, но лишь одним из составляющих ее элементов. Средствами правового регулирования следует поднять ответственность всего общества и его государственных структур за дело обеспечения государственной безопасности. Надо четко определить, что эта задача не только государственно-властного исполнительного органа, каким является КГБ СССР и его органы на местах.

История наглядно показала, что включенность органов государственной безопасности в политическую систему без должного конституционного и иного законодательного регулирования его деятельности привела к трагическим последствиям. Это еще один из уроков прошлого: слабая правовая регламентация и отсутствие демократии и гласности в работе органов государственной безопасности объективно открывают путь к субъективизму и произволу, господству пресловутой целесообразности над законностью.

Целостное видение всей системы обеспечения государственной безопасности — вот к чему мы должны стремиться в условиях обновления законодательства. Тогда будет понятна роль и место каждого государственного органа и общественной организации в деле обеспечения государственной безопасности, снимется до сих пор бытующее в общественном сознании расширительное понимание функций органов КГБ, сами собой отпадут несвойственные для данного ведомства задачи.

Обеспечение государственной безопасности — это не есть функция только органов КГБ. Работа чекистов — это работа профессионально подготовленных людей в области разведки, контрразведки, охраны государственной границы, следствия по делам, отнесенным к компетенции органов госбезопасности, а также выполнение ряда других нормативно закрепленных функций. Процесс обновления советского общества и сопровождающая его законотворческая деятельность подвели к очевидному для всех нас выводу: действия Комитета госбезопасности, особенно выполнение им внутренних функций, надо поставить на прочную правовую основу, четко определить его место и роль в механизме социалистического правового государства. Избавить себя от трагиче-

ских ошибок прошлого органы государственной безопасности могут, лишь апеллируя к воле народа, закрепленной в законе.

Нередко можно слышать, что функции Комитета госбезопасности слишком политизированы, что он якобы служит партийному аппарату. Сразу же отметим, что любой правоохранительный орган функционально несет политическую нагрузку. Само по себе усиление правовой регламентации деятельности органов госбезопасности не снимает данного положения, ибо право есть форма выражения политики. И любая правящая партия будет активно влиять политическими методами на формирование правовой надстройки. Другое дело, если закон устарел и расходится с политическим курсом. В этом случае его надо в установленном порядке заменять, а не апеллировать к политической целесообразности в противовес законности.

Глобальная концепция правового регулирования обеспечения государственной безопасности — потребность нашего времени. Она должна начинаться с конституционного уровня. В стране должен быть создан и конституционно закреплен орган, координирующий всю систему обеспечения государственной безопасности. Его задача — видеть всю проблему в комплексе и поэтапно ее разрешать. В Конституции СССР предусматривается Совет обороны (ст. 113). Нечто подобное, а может быть в его рамках, должно быть предусмотрено и применительно к функции обеспечения государственной безопасности. Обе функции: защита социалистического Отечества и обеспечение госбезопасности — тесно связаны между собой, и их совместное конституционное закрепление было бы, на наш взгляд, вполне логично. Не случайно создание новой парламентской структуры (Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности), по существу, подтвердило логику этой взаимосвязи.

Далее в иерархии должен стоять конституционный Закон о государственной безопасности СССР, срок подготовки которого — 1990 год. Он основополагающий с Законом об обороне СССР (в стадии подготовки). Это основополагающий законодательный акт в системе обеспечения государственной безопасности. Он должен «высветить» всю систему правового регулирования обеспечения государственной безопасности и место в ней органов государственной безопасности. Именно этот закон должен юридически закрепить связи общественных и государственных структур, каждого советского гражданина с делом обеспечения государственной безопасности.

Большую роль в правовом регулировании играют так называемые отраслевые законы: уголовный, уголовно-процессуальный, о государственной границе СССР и др., которые вносят свою лепту в регулирование обеспечения государственной безопасности. Бурно развивающийся законотворческий процесс привнесет много нового именно на уровне отраслевых законов. Готовится проект закона о преступлениях против государства взамен действующего Закона об ответственности за государственные преступления. Думается, структура его будет

иная. Уже на уровне законопроекта единодушно признано, что в законе не должно быть подраздела так называемых иных государственных преступлений, поскольку они разнородны по объекту посягательства. Признаки многих составов преступлений будут конкретизированы, дифференцированы по степени общественной опасности и наступившим последствиям. Изменения в этом законе скажутся непосредственным образом на деятельности органов КГБ: ведь большинство его составов преступлений подследственно органам госбезопасности, а следовательно, входит и в компетенцию их оперативно-розыскной деятельности. Являются отраслевыми по отношению к функции обеспечения госбезопасности и другие вновь разрабатываемые законы, например о государственной тайне.

Интересам дальнейшего укрепления правовых основ оперативной и следственной деятельности призван служить Закон о Комитете государственной безопасности СССР. Его проект прошел первые обсуждения, и они показали, что этот закон крайне необходим не только чекистам, но и каждому члену нашего общества. Прежде всего потому, что средствами данного закона гласность приобретает вполне конкретную юридическую формулу, в которой закреплены функции и задачи, решаемые органами госбезопасности, права и обязанности их сотрудников, идеи федеративного устройства нашего государства и гарантии соблюдения социалистической законности, прав и интересов советских граждан независимо от места их проживания и национальной принадлежности. Закон позволит снять многие вопросы, недомолвки и сомнения, которые витают в общественном сознании в виде слухов и порой создают искаженное представление об органах государственной безопасности и их сотрудниках.

Трудно говорить, а тем более комментировать закон, который еще не принят. Но говорить надо, поскольку независимо от той редакции, в которой он будет в окончательном виде принят, читатель должен знать о сути тех основных проблем, которые волнуют чекистов в нынешних условиях. И не только их, но всех советских людей, которым дороги интересы социалистической государственности, а значит, и интересы государственной безопасности.

Закон о Комитете государственной безопасности СССР готовится в атмосфере демократичности, привлечения компетентных специалистов, с участием общественности. В этом смысле он отражает процесс перестройки, а потому не должен обмануть ожидания советских людей в главном — раскрыть основные функции, задачи Комитета госбезопасности, права и обязанности его сотрудников, чтобы люди судили о них по открытым законодательным актам, а не по слухам и догадкам. Это очень важный момент. Ведь сложилась парадоксальная ситуация, когда подавляющее большинство граждан фактически знают об основных направлениях, формах и методах деятельности органов госбезопасности из художественной либо публицистической ли-

тературы, а официальное законодательство говорит об этом скупо либо вообще «молчит».

Многочисленные встречи сотрудников с общественностью показывают: интерес людей к органам госбезопасности определяется во многом не простым любопытством к романтике чекистской профессии, а ее социальным звучанием. Это, пожалуй, и предопределяет основное содержание закона, который должен раскрыть в юридической форме служебную роль органов и войск КГБ в общественно-государственной структуре.

Иногда говорят, а нужен ли вообще Закон о КГБ СССР, т.е. закон о ведомстве? Тогда ведь по логике вещей нужны законы о каждом министерстве. С этим принципиально нельзя согласиться. Во-первых, КГБ СССР — это правоохранительный орган, а это значит, что его деятельность при соответствующих условиях затрагивает права и интересы граждан. Во-вторых, практически деятельность каждого ведомства правоохранительной системы базируется на законе о нем (Прокуратуре СССР, Верховном суде СССР, Государственном арбитраже СССР). В-третьих, отсутствие такого закона затрудняет не только деятельность органов госбезопасности, но и контроль за ней, а к чему это приводит, мы теперь хорошо знаем из трагических страниц нашей истории. Прокурорский надзор становится реальностью лишь на базе закона, а не закрытых ведомственных нормативных актов. Тем более, что прокурорский надзор расширился и охватывает теперь не только следствие в органах КГБ, но и исполнение другого законодательства о государственной безопасности, прежде всего административного.

Административные полномочия, права и обязанности сотрудников КГБ остаются самым слабым звеном правового регулирования. Новый закон должен восполнить этот пробел. Юридически должны быть закреплены те полномочия и права, которые апробированы практикой и без которых органы государственной безопасности выполнять возложенные на них функции не могут:

— проверка документов у граждан в случае нарушения ими установленного порядка, если это затрагивает интересы государственной безопасности;

— вызов при тех же условиях в помещения органов КГБ для дачи объяснений;

— задержание лиц для выяснения обстоятельств и мотивов противоправного поведения и направление материалов на них в органы, правомочные рассматривать дела об административных правонарушениях;

— использование в случаях, не терпящих отлагательства, любых средств передвижения и связи (кроме дипломатических), включая транспортные средства индивидуальных владельцев;

— запрещение использовать на территории СССР передающих радиоэлектронных средств, которые работают с незарегистрированными радиоданными или с нарушением установленных правил.

Закон должен дать исчерпывающий перечень административных полномочий, чего, разумеется, нельзя сделать нам на данном этапе.

Важным является то, насколько закон раскроет существо оперативной деятельности. Этот вопрос часто задают граждане при встречах с сотрудниками органов КГБ: какие методы и средства они используют в решении контрразведывательных и следственных задач.

Органы государственной безопасности не могут эффективно осуществлять оперативно-розыскную деятельность и в частности вести борьбу со шпионажем, глубоко законспирированной организованной преступностью без применения специальных технических средств фиксации и контроля противоправной деятельности. Арсенал таких средств широко применяется спецслужбами практически всех цивилизованных стран, и это закреплено в соответствующих законодательных актах. Разумеется, их применение должно быть надежно гарантировано от нарушений законности, в том числе средствами прокурорского надзора.

Очевидно, Закон о КГБ СССР должен юридически закрепить право чекистов в целях раскрытия и пресечения преступлений против государственного и общественного строя опираться на помощь общественности.

Законопроект предусматривает специальную главу о контроле за деятельностью КГБ СССР и подчиненными ему органами и войсками. Отлаженная система контроля — это не только серьезная гарантия от грубых нарушений законности, а следовательно, возможности возврата к трагическим страницам прошлого, это постоянная и всыскательная оценка того, каким социально значимым целям подчиняют свою деятельность органы государственной безопасности, какие задачи они решают, какие средства на это расходуют. Проект закона декларирует, что «КГБ СССР подотчетен Съезду народных депутатов СССР, Президенту СССР, Верховному Совету СССР и Совету Министров СССР». Комитет Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности периодически заслушивает отчеты руководителей Комитета госбезопасности и его структурных подразделений о деятельности органов и войск КГБ СССР. Такие отчеты уже состоялись по ряду вопросов: о штатно-структурных изменениях Комитета госбезопасности СССР и создании нового подразделения по защите советского конституционного строя, о ходе реабилитации жертв репрессий 30-х, 40-х и начала 50-х годов и другим. В системе контроля важное место принадлежит народным депутатам всех уровней, которые могут реализовать право на осуществление контрольных функций в соответствии со своим статусом (запрос, обращение и т.д.). Кроме того, важную роль играет контроль финансовых органов.

Концептуальная схема правового регулирования деятельности органов КГБ завершается ведомственным, подзаконным нормотворчеством. Ведомственные акты составляют солидную правовую базу деятельности органов КГБ, хотя они чаще всего закрыты, а потому не

дают никакого представления общественности о формах и методах работы этих органов. До настоящего времени действует Положение о Комитете госбезопасности СССР, принятое более 30 лет тому назад.

Вывод, соответствующий духу обновления советского общества, построению правового государства, очевиден: нужен и как можно быстрее Закон о КГБ СССР и новые отраслевые законы, регламентирующие деятельность органов и войск государственной безопасности. Подзаконное нормотворчество должно сужаться за счет расширения сферы непосредственного применения открытых для общества законов.

Разумеется, ведомственные нормативные акты и в дальнейшем будут занимать важное место в деятельности органов КГБ, но с расширением сферы законодательной регламентации они станут юридически более весомыми. Они будут иметь прочную законодательную базу, ибо каждый подзаконный акт должен соответствовать закону и ни в коем случае не противоречить ему.

Социологическая направленность правового регулирования работы Комитета госбезопасности обусловлена теми функциями, которые на него возложены, и задачами, которые он должен решать. Ясно, что величина эта непостоянная: меняется время, меняются потребности общества, меняется и функциональность органов и войск КГБ.

В органах госбезопасности идут процессы, отражающие изменения в обществе в целом. В этом суть перестройки чекистов: идти не от внешних атрибутивных перестановок и изменений в аппарате, а от потребностей общества, веления трудящихся. Стержневая линия перестройки органов госбезопасности, которая проходит через все выступления и интервью Председателя КГБ СССР тов. Крючкова В.А., заключается в том, что органы КГБ и их деятельность должны быть социально обусловлены и отвечать потребностям общественного развития.

Время перестройки высветило ряд новых потребностей, поставило ряд новых задач перед чекистами: это активное участие в процессе реабилитации граждан, репрессированных в 30 — 40-е и начале 50-х годов; борьба с международным наркобизнесом, сопряженным с контрабандновалютной деятельностью; пресечение актов международного терроризма и внутреннего экстремизма на националистической основе; обеспечение безопасности конституционного строя, функционирования парламентских структур и президентской власти; борьба с организованной преступностью. Разумеется, осветить все эти направления чекистской деятельности в одной статье невозможно. Остановимся лишь на борьбе с организованной преступностью, поскольку в ней завязан целый комплекс вопросов, имеющих выходы на все содержание работы Комитета госбезопасности в новых условиях.

Активное включение сотрудников КГБ в борьбу с организованной преступностью позитивно воспринимается всеми трудящимися, которые обоснованно связывают с этой преступностью дестабилизацию в стране экономических отношений, разложение идейно-нравственных устоев, усиление угрозы личной безопасности и попрание принципов социальной справедливости. Объективно указанная преступность на-

носит серьезный ущерб и интересам государственной безопасности. Как показывает практика, глубоко законспирированные преступные сообщества имеют колоссальные денежные и материальные средства, разветвленные связи в общественных и государственных структурах, оказывают прямое сопротивление обновлению социализма либо подстраиваются под него для извлечения нетрудовых доходов, получения реальной власти.

Для эффективной борьбы с организованной преступностью необходимо как минимум решение трех крупных проблем: 1) создание хорошо отлаженной правовой системы; 2) средствами скоординированной работы правоохранительных органов последовательное и настойчивое применение действующего законодательства и, наконец, 3) воплощение в жизнь на плановой, продуманной основе концепции общесоциальной профилактики и специальных предупредительных мер. Решению всех этих проблем больше всего соответствовала бы специально разработанная программа борьбы с организованной преступностью либо специальный раздел общей программы борьбы с преступностью.

Требуется существенное укрепление правовой базы борьбы с организованной преступностью. Надо прямо сказать, что нормотворческая работа ведется вяло, наталкивается на неприятие, а потому должной законодательной основы правоохранительные органы, в том числе органы государственной безопасности, пока не имеют.

Организованная преступность — это явление особого рода. Оно не охватывается рамками обычного соучастия в совершении преступлений. Интегративные свойства этой преступности таковы, что на первый план в ее оценке выступают социально-экономические и политические критерии. В рамках такой оценки деятельность преступного сообщества (организации) может квалифицироваться одновременно серией статей уголовного законодательства. Чтобы «за деревьями не исчезал лес», именно такую реальность должен отражать уголовный закон. Должен отражать, но, увы, пока не отражает. В силу этого деятельность правоохранительных органов строится по принципу подследственности (ст. 126 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик), а он, как известно, не позволяет подняться до уровня такого явления, как организованная преступность. Этот принцип как бы презюмирует, что преступления, входящие, например, в компетенцию органов КГБ, могут совершаться и в одиночку, и в соучастии. В результате организованная преступность как цельное явление рассыпается по конкретным составам преступления, а они — по конкретным правоохранительным органам. Картина получается смазанной, недостоверной и фактически, и юридически.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик должны отразить реальность — совершение преступлений в рамках преступного сообщества. Пока этого нет ни в действующих Основах, ни в подготовленном проекте Основ. Среди форм соучастия выделяется лишь организованная группа, что не позволяет пока под-

няться в законотворчестве над традиционно сложившимися представлениями. Такой подход к тому же не снимает имеющиеся погрешности в законодательной технике, когда в Особенной части уголовного законодательства предусматривается ответственность за организацию и участие в преступном сообществе (заговор с целью захвата власти — ст. 64 УК; антисоветская организация — ст. 72 УК; бандитизм — ст. 77 УК), но эти нормы не корреспондируют с Общей частью уголовного законодательства. Конструктивный путь решения данной проблемы видится в том, что и Общая и Особенная части уголовного законодательства должны предусматривать ответственность за организацию и участие в деятельности преступных сообществ (конкретные предложения изложены в книге «Организованная преступность», М., «Юридическая литература», 1989).

Поскольку организованная преступность — явление многоликое, компетенция правоохранительных органов в борьбе с ним должна быть четко распределена. Каждый из них должен иметь свой «угол зрения», свои точки приложения усилий, ибо в противном случае не избежать распыления сил, дублирования в работе. Высший представительный орган власти страны должен не только дать общее указание — вести борьбу с организованной преступностью, — но и распределить компетенцию между правоохранительными органами. Этот вопрос возникает, как только органы госбезопасности в борьбе с организованной преступностью формально выходят за рамки своей подследственности. А ведь это вопрос не только организационный, но и содержательный: силы и средства каждого правоохранительного органа должны быть адекватны стоящим перед ним задачам.

Практика борьбы с организованной преступностью показывает, что органы госбезопасности активно применяют свои силы и средства:

- когда в преступлениях участвуют иностранные граждане и налицо выход преступной деятельности за рубеж;
- когда в организованные преступные сообщества оказываются втянутыми или активно участвуют в них ответственные должностные лица государственного аппарата, сотрудники других правоохранительных органов, т.е. налицо коррупция;
- когда организованная преступность в сфере теневой экономики парализует нормальную работу государственных учреждений, предприятий и общественных организаций, чем наносится колоссальный материальный ущерб;
- когда организованная преступность приобретает экстремистские формы и ведет к массовым беспорядкам, терроризированию населения, проявлениям особого цинизма и жестокости, вызывает нарастание социальной напряженности в целых регионах.

Очевидно, эту реальность после необходимых уточнений и корректировок и следовало бы закрепить в юридической формуле.

Борьба органов КГБ с организованной преступностью не может рассматриваться как проявление своеобразной конверсии. Это задача важная, ответственная и, думается, долговременная. Успех в ней воз-

можен только при последовательной и настойчивой работе. Наскоком здесь дела не решишь.

Совершенство действующего законодательства — важная составная часть в системе мер борьбы с организованной преступностью. Но само по себе оно ничего не изменит, если не будет дополняться твердым и последовательным воплощением закона в жизнь. Мы, к сожалению, знаем немало мертворожденных правовых формул, которые так и остались жить лишь на бумаге.

Правоприменительная сфера борьбы с организованной преступностью — это тот участок, который требует не только высокой профессиональной подготовки сотрудников, но и целой серии других организационных и правовых мер, включая продуманную систему социальной защиты сотрудника госбезопасности. Ведь при коррумпированном срастании преступников речь нередко идет о вторжении в эшелоны власти кланированных группировок. Здесь гласность должна сочетаться со строгой конспирацией, бережным отношением к тем, кто во имя правопорядка и торжества социальной справедливости рискует собственной жизнью и жизнью близких ему людей.

Организованными группами совершено каждое десятое преступление в стране. Только за 10 месяцев 1989 года в стране ликвидировано 1546 организованных групп и привлечено к уголовной ответственности более 6000 их активных участников, которыми было совершено 3900 тяжких преступлений. В стране выявлено 254 преступных сообществ, имеющих коррумпированные связи.

Большая работа ведется чекистами совместно с Главным управлением государственного таможенного контроля. За контрабанду и спекулятивные валютные операции в последние 5 лет привлечено к уголовной ответственности около 16 тыс. человек, в том числе 70 иностранных граждан. По оценкам специалистов ежегодные доходы преступников от контрабандной деятельности составляют 10—15 млрд. рублей. И это только одно из направлений работы органов КГБ. «Рентабельность» их работы становится очевидной, если соотнести количество сотрудников с полученной «прибылью».

Борьба с организованной преступностью всегда происходит в обстановке сильнейшего сопротивления и связана с применением силы, адекватной масштабу преступной деятельности. Особенно это характерно для массовых беспорядков, которые, к сожалению, получили определенное распространение. Вообще вопрос о применении силы в решении задач обеспечения правопорядка требует специального глубокого осмысления. Тема эта столь же деликатная, сколь и важная на переломном этапе развития нашего общества. Всплеск эмоций и страстей, связанных с применением силы в каком-либо регионе, порой равен силе эмоций и чувств от неприменения таковой. Немало и дилетантских суждений, которые строятся целиком под воздействием эмоционального накала.

Нередко можно слышать такие требования: «Не вовлекайте армию в решение задач правоохранительных органов!», «Избавьте ар-

мию от выполнения несвойственных для нее функций!». Но возникают вопросы: являются ли такие функции для армии несвойственными, когда речь идет о безопасности государства и общества? Как этот вопрос решается в других цивилизованных странах? Отвечает ли наша практика на этот счет международным стандартам?

К сожалению, пока не отвечает, ибо привлечение контингента Вооруженных Сил в правоохранительных целях должно регламентироваться чрезвычайным законодательством, а подразделения армии должны быть заблаговременно к этому подготовлены.

В конституциях развитых капиталистических стран декларируются, как известно, не только права и свободы граждан, демократические нормы политической и общественной деятельности, но и одновременно подчеркивается, что обеспечение этих прав неразрывно связано со строгим соблюдением законов и недопущением беспорядков, представляющих угрозу стабильности общества.

Само поддержание такой стабильности зависит, конечно же, в первую очередь от социально-экономических условий жизни и политической организации общества. Но есть и сложившаяся практика, достаточно устойчивые тенденции применения вооруженных формирований при возникновении чрезвычайных ситуаций. Каковы они?

При возникновении конфликтных ситуаций в процессе несанкционированных демонстраций, митингов, забастовок, кампаний протеста и т.д. применяются специальные полицейские формирования (полиция готовности МВД ФРГ, республиканские отряды безопасности МВД Франции, мобильные силы полиции «Челере» и «Мобиле» — в Италии, полицейские отряды «Кидотай» — в Японии). Лишь в Англии нет достаточно крупных формирований, предназначенных специально для борьбы с массовыми беспорядками. Эти функции там возлагаются непосредственно на регулярные подразделения вооруженных сил.

США имеют ту специфику, что у них функция подавления массовых беспорядков наряду с полицией возложена в первую очередь на национальную гвардию — территориально-милицейские формирования штатов, — являющуюся частью организованного резерва регулярных войск. В 1988 году в национальной гвардии США насчитывалось около 600 тыс. человек (в 1980 — 460 тыс.). Формирования национальной гвардии оснащаются оружием и военной техникой, принятыми на вооружении регулярных войск. За подготовку национальной гвардии к борьбе с возможными массовыми беспорядками отвечает командование вооруженных сил.

Если сил обычных и специальных полицейских формирований для наведения порядка не хватает, во всех странах капиталистического мира используются регулярные войска армии и флота. В Италии — корпус карабинеров, находящийся в подчинении министерства обороны. Во Франции — жандармерия министерства обороны. В ФРГ — подразделения пограничной охраны и воинские части армии. В Японии — специально выделенные силы самообороны. Иными сло-

вами, в период чрезвычайной обстановки применение сил армии в наведении общественного порядка заранее планируется, для чего содер- жатся специализированные армейские подразделения.

При разрастании внутреннего конфликта, когда он фактически приобретает черты гражданской войны или угрозы таковой, главную функцию в наведении порядка выполняют регулярные войска. На- пример, основную роль при подавлении массовых беспорядков в Ве- ликобритании традиционно играет регулярная армия. На основании Закона о специальных полномочиях гражданских властей 1922 г. (с дополнениями) в Северной Ирландии использовалась и используется армия в широком спектре ситуаций: от армейских мероприятий до выполнения чисто полицейских функций.

Руководители капиталистических стран наделены широкими пол- номочиями в применении вооруженных формирований для локализа- ции внутренних конфликтов.

Так, в частности, Президент США имеет право в определенных ситуациях применять военную силу внутри страны (раздел 4 статьи 4 Конституции США), т.е.:

— в случае восстания в каком-либо из штатов использовать воо- руженные силы по просьбе законодательного собрания или губерна- тора этого штата (§ 331 титула 10 Свода законов США);

— в случае противодействия исполнению федеральных законов США в каком-либо штате использовать вооруженные силы по своему усмотрению. Аналогичные правомочия закрепляются за Президентом и в случае мятежа в каком-либо из штатов (§ 332 титула 10 Свода за- конов США);

— в случае нарушения конституционных прав и свобод граждан США в каком-либо из штатов использовать вооруженные силы, при условии что власти штата не могут или не хотят гарантировать реа- лизацию прав и свобод, закрепленных Конституцией США (§ 332 ти- тула 10 Свода законов США).

Президент Буш, недавно выступая в конгрессе с заявлением о стратегии США в области национальной безопасности на 1990 год, отметил: «Мы сделаем наши вооруженные силы не столь многочис- ленными, как теперь, более подвижными и лучше подготовленными к реагированию на потенциальные конфликты».

Сопоставительный анализ показывает, что для того, чтобы соот- ветствовать требованиям международно-правовых стандартов, право- вое регулирование локализации внутренних конфликтов требует сво- его дальнейшего развития и закрепления в новом законодательстве. Это позволит действовать силам обеспечения безопасности оператив- но и юридически грамотно. Теперь уже всем становится ясно, что случаи промедления с упреждением «малой крови» рождают «боль- шую кровь».

В этой связи было и остается важнейшей государственной задачей предупреждение преступности, в том числе в ее наиболее опасных ор- ганизованных формах. На новом этапе развития нашего общества

профилактика правонарушений должна строиться, исходя из четкого представления о комплексе социальных причин, порождающих это негативное явление. Без знания причин, которые во многом связаны с противоречиями нашего общественного развития, профилактика не может быть прицельной, а следовательно, эффективной.

Опережающую роль должна играть общесоциальная профилактика. Именно она призвана разрушать тот причинный ряд, который порождает опасные для общества «всходы». Скоординированная Программа борьбы с преступностью — это то место, где социальная профилактика должна выступать и целью, и конечным результатом. Только комплексный подход даст возможность связать предупреждение преступности с проблемами экономики, политики, идеологии, стереотипами общественного сознания. Ведь до сих пор эффективность борьбы с преступностью многие связывают лишь с хорошо налаженной работой правоохранительных органов, не понимая того, что они в основном бьют по следствиям (совершенным преступлениям), а не социальным причинам, на которые, к стати говоря, они ощутимого воздействия оказать не могут. Борьба с преступностью — это забота всего общества, а не только правоохранительных органов.

Из этого вовсе не следует какое-то умаление функций самих правоохранительных органов. Отнюдь нет. Просто взгляд на эти вещи должен быть трезвым и объективным: средствами социальной профилактики можно воздействовать на те причины преступности, которые носят глубинный характер и коренятся в недрах экономики, в самой структуре сложившихся общественных отношений. Специальная же профилактика, т.е. та, которую ведут правоохранительные органы, может влиять лишь на причины индивидуального, в лучшем случае группового преступного поведения. Тем самым правоохранительные органы, в том числе органы КГБ, вносят свою лепту и в общесоциальное предупреждение преступности.

Профилактическая деятельность должна строиться строго на правовой основе. Ведь ни для кого не секрет, что средствами профилактического воздействия можно принести не только пользу, но и вред, а «при усердии не по разуму» существенно ограничить права и интересы граждан, снизить их общественную активность. Надо сказать, что законодательная регламентация профилактических мероприятий остается по-прежнему слабым звеном в деятельности всей правоохранительной системы. Наблюдается пестрота в вычленении оснований профилактики в зависимости от того, какой правоохранительный орган ее осуществляет. Многие положения, регламентирующие ее материальные основы, предусматриваются не в законах, а в ведомственных нормативных актах, о которых люди не знают.

Лучшей формой решения назревшей проблемы было бы принятие специального Закона о профилактике. В нем можно было бы закрепить универсальные основания для профилактического реагирования, формы и методы профилактики, субъекты, правомочные ее осуществлять.

Каждому человеку ясно, что беду лучше упредить, не допуская тяжких, а порой и необратимых последствий. Поэтому профилактика посягательств на интересы государственной безопасности остается главным направлением в работе чекистов. Процессы гуманизации поновому высвечивают социальный смысл чекистской профессии. В остром противоборстве с противником, постоянной незримой борьбе с ним не должен забываться основополагающий принцип гуманности — бороться до последнего шанса «за человека», за лучшее в нем, но не «против человека». Гуманистическая нагрузка деятельности органов государственной безопасности — это та «тяжесть», от которой добреет человеческое сердце, ибо речь идет не о количестве приговоренных, а о количестве спасенных. Именно поэтому своевременное предупреждение преступления должно быть мерилom профессиональной подготовленности и нравственной позиции чекиста.

Да, гуманность, воплощенная в профилактике, — одна из составляющих перестройки органов КГБ. Но гуманность не аморфное понятие. Она не имеет ничего общего со снисходительностью и всепрощением к преступникам, посягнувшим на интересы государства, общества и конкретной личности. Такая «гуманность» есть жестокость к людям, интересы которых призваны защищать органы госбезопасности, к людям, ставшим потерпевшими или жертвами преступного посягательства. Неукоснительное и неотвратимое применение закона к преступникам, лицам, сеющим вражду и ненависть в межнациональных отношениях, стремящимся инспирировать кровавые столкновения и массовые беспорядки на национальной основе, обострить в целом политическую обстановку в стране, — важнейшая функция всей правоохранительной системы. Это в конечном счете и проявление гуманизма в его общечеловеческом значении.

Глас народа — глас божий?

Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас бога господь упаси!

(А.К. Толстой)

Всеу законы писать, если они исполняться не будут, — эти слова Петра I сохранили свою справедливость и для нашего времени. Но что надо для того, чтобы закон исполнялся? Обычно, отвечая на этот вопрос, указывают, что правовой акт должен соответствовать потребностям общества, его высшим ценностям — демократизму, справедливости, гуманизму; что его содержание должно быть четким, определенным, понятным; что должен эффективно работать «механизм» его проведения в жизнь и т.д. и т.п. Все это так, но не менее значим еще один компонент: позиция «среды функционирования» закона, то есть населения и составляющих его общностей различного уровня. Речь идет о степени: а) известности требований права этим общностям; б) солидарности с требованиями; в) готовности участвовать в их реализации. В свою очередь позиция «среды функционирования» во многом зависит от ее мнения о том, эффективен ли закон, достигаются ли цели, ради которых он издан. Игнорирование общественного мнения законодателем дорого обходится обществу, и отставка самоуверенных «отцов народа» мало что может исправить: последствия ощущаются десятилетиями. Но столь же опасно и механическое воспроизведение общественного мнения, основанное на тезисе, что глас народа — глас божий, народ не может ошибаться. К сожалению, может, особенно в ситуациях социальной напряженности, когда за мнение общественности легко могут быть приняты эмоции толпы.

Что же такое феномен общественного мнения? Каково его действительное значение для законодателя и для практики применения закона? Как миновать Сциллу пренебрежения мнением общественности и Харибду не критического отношения, игнорирования возможной некомпетентности или необъективности?

Наше законодательство многолика, как многолика социальная жизнедеятельность, которую оно регулирует. Поэтому вместо того, чтобы тщетно пытаться объять необъятное, попытаемся найти ответы на эти нелегкие вопросы применительно к одной из сфер регулирования. Профессиональная подготовка авторов (да и фактическая актуальность соответствующих проблем) ориентирует нас на то, чтобы мы обратились к сфере борьбы с преступностью, т.е. туда, где действует уголовный закон.

Достижение качественно нового состояния общества в результате перестройки, создание гуманного и демократического социализма путем кардинальных экономических, политических, идеологических и социальных реформ требуют высокого уровня охраны прав и законных интересов личности и общества. Прочный и эффективный порядок, энергичная и результативная борьба с преступностью и иными правонарушениями являются, таким образом, неотъемлемыми и важнейшими условиями и составными элементами перестройки. Причем они должны не только объективно наличествовать, но и осознаваться населением, спокойным за свою безопасность. Конечно, цель обеспечить такой уровень правопорядка, защищенности общества и его членов от посягательств не может быть реализована одними усилиями специализированных органов, каким бы весомым ни был вклад и какими бы большими ни были их возможности. Здесь необходимы практические шаги тех людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти.

Эти практические шаги по обеспечению правопорядка и борьба с преступностью являются общегосударственной, всенародной задачей. Такой подход, разумеется, не отменяет и не ограничивает ответственности правоохранительных органов за возложенные непосредственно на них функции. Но важно, чтобы общественность знала, что можно и чего нельзя требовать от них, и не считала судей, прокуроров, следователей волшебниками, которые как по мановению волшебной палочки заставят преступников куда-то исчезнуть.

Преступность — сложное социальное явление, тенденции которого взаимосвязаны не менее чем с 200—240 факторами жизнедеятельности общества. Правоохранительные органы в состоянии воздействовать лишь на 20—25% этих факторов, причем возможность воздействия и на них различна. Поэтому упования на решение проблемы преступности за счет деятельности милиции, прокуратуры, суда, конечно, нереальны. Существование преступности на современном этапе развития нашего общества, в том числе в достаточной перспективе, является закономерностью. Обращает на себя внимание в этой связи, что задача борьбы с преступностью рассматривается как длительная.

В течение ближайших лет — и это должно ясно представлять себе общественное мнение — чудес ожидать не приходится. Будет решаться лишь задача стабилизации уровня преступности. Но, конечно, этот уровень чувствителен не только к общесоциальным, но и к специальным мерам. В каждый момент времени уровень преступности может быть «от — до» (перепад при сравнении «пар» регионов со сходными социальными характеристиками может быть двукратным). Поэтому нельзя не только переоценивать, но и недооценивать возможности правоохранительных органов. Вполне оправдана позиция Прокуратуры СССР и МВД СССР, рассматривающих бездействие должностных лиц, в функции которых входит борьба с преступностью, как нарушение законности. Одобрение этой позиции общественностью, обладающей значительным «потенциалом давления» и являющейся одним из

существенных стимулов активизации правоохранительной деятельности, поможет общественным организациям, самодеятельным объединениям, отдельным гражданам со знанием дела выступать в поддержку режима законности и правопорядка как силы, взаимодействующей с правоохранительными органами и контролирующей их социальную полезность.

Непримиримость к антиобщественным поступкам, которую Конституция СССР рассматривает в неразрывной связи с обязанностью каждого уважать права и законные интересы других лиц, создает оптимально благоприятную среду для эффективного обеспечения законности и правопорядка, общественного спокойствия и безопасности. В то же время нельзя недооценивать негативные последствия рассогласованности позиций общественности, с одной стороны, и законодателя и правоохранительных органов — с другой, отсутствия солидарности, консенсуса. Такое положение напоминает ситуацию, когда судовые двигатели работают «враздрай», придавая винтам противоположное направление вращения. Но там речь идет о судьбе только судна, а здесь о судьбе всей страны...

Индикатор позиции общественности и тенденций ее изменения, выразитель этой позиции, инструмент ее воздействия на политическую концепцию и практику социального управления в сфере борьбы с преступностью — общественное мнение. В идеале это, по образному выражению Д.И. Писарева, позиция «мыслящих пролетариев», людей труда, ориентированных на подлинные человеческие ценности, носителей таких качеств личности и общностей, как высокая интеллектуальная и нравственная культура, интеллигентность. Но действительность значительно сложнее идеальной модели. Особенно в переходный период, когда обнажаются и обостряются накопившиеся противоречия, появляются новые; когда утрачивает привлекательность идеология марширующих по единой команде сверху колонн, кратковременного победоносного штурма любых крепостей, разделения общества на просящих и дающих, социального иждивенчества. Соответственно усложняется и картина общественного мнения: усиливается разброс и поляризация, неустойчивость и противоречивость оценок; подлинные приоритеты выявляются с недостаточным трудом.

Применительно к сфере борьбы с преступностью ситуация еще более усугубляется потрясением, вызванным среди населения, да и публицистов, картиной, которая открылась им после того, как стала доступной уголовная статистика. Да еще и масла в огонь непрерывно подливают неквалифицированные или недобросовестные, заведомо рассчитанные на сенсацию комментариисты. Более чем две трети опрошенных с соблюдением правил репрезентативной, т.е. показательной, выборки граждан указали, что средства массовой информации в решающей или очень существенной степени влияют на их оценки положения дел в сфере борьбы с преступностью. В этих условиях сенсационность подачи соответствующей информации, если при этом наносится ущерб ее объективности, приводит к деформации позиции

общественности и к деформированному по направленности ее давлению на законодателя и правоохранительные органы. Мы еще вернемся в этой связи к социально-политическому ущербу, который несет наше общество в результате настойчивых «инъекций» гражданам утверждений прессы, радио и телевидения о «катастрофическом положении с преступностью».

Буквально в любой сфере социальной жизни все интенсивнее проявляется в общественном мнении нетерпеливость. В сфере же борьбы с преступностью эта нетерпеливость, ожидание немедленных результатов ощущается с особой силой, серьезно давит на структуры, определяющие, регулирующие и реализующие уголовную политику.

Это давление общественных эмоций, по нашему мнению, сказалось даже на некоторых формулировках Постановления Верховного Совета СССР «О решительном усилении мер борьбы с преступностью» от 4 августа 1989 г. [«Известия», 1989, 6 августа], не говоря уже о содержании выступлений по этим вопросам. Вспомним хотя бы о формулировке насчет использования «исключительных мер в критических условиях борьбы с уголовным элементом» в порядке, определяемом ведомствами. Характерно и само применение скорее обыденного, нежели правового термина «уголовный элемент». Еще более наглядно иллюстрирует нашу мысль формулировка Постановления о том, чтобы обязать (!) суды «с максимальной строгостью» рассматривать дела об обширном круге преступлений, от разбоев до спекуляции и браконьерства (убийства почему-то в перечень не вошли, но зато он заканчивается ссылкой и на «другие преступления»). Парадокс состоит в том, что почти одновременно Верховный Совет принял Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, другие акты о деятельности суда, в которых утверждался и гарантировался принцип независимости суда от любых указаний извне и подчинения его исключительно закону; принцип социальной справедливости в деятельности суда (т.е., в частности, дифференциация и индивидуализация ответственности и наказания, исходя из содеянного, его последствий, из личности и мотивов виновного). Очевидно, что «максимальная строгость» согласуется с таким подходом далеко не всегда.

Так что проблема полноценного включения общественного мнения в систему борьбы с преступностью имеет еще один ракурс: не только изучать, анализировать, учитывать, использовать общественное мнение, но делать все это *корректно и правильно*.

Гегель, много размышлявший над феноменом общественного мнения, пришел к выводу, что оно «заслуживает одинаково как уважения, так и презрения» [Соч., т. 7, с. 338]. Надо правильно понимать эти слова. Великий философ отнюдь не призывал высокомерно относиться к «гласу народа», пренебрегать им, но он считал, что, хотя общественное мнение лишь редко и ненадолго дает себя обмануть, оно может само обманываться. Поэтому нельзя обойтись без его критики в необходимых случаях, но и нельзя следовать за ним, как за абсо-

лютной истиной. «Я не слов ловитель, а ума искатель», — говорил М.В. Ломоносов, и, наверное, этот подход применим и по отношению к общественному мнению... Особенно если его носители, не прибегая к существенным интеллектуальным усилиям, претендуют на выражение истины в последней инстанции и требуют немедля ей следовать. Таким образом, учет общественного мнения для формирования и проведения активной политики, направленной на решение узловых теоретических и практических проблем социализма, для выявления, ориентирования и использования мощного потенциала социально-политического и социально-правового мышления широких масс трудящихся требует научно обоснованного подхода.

Надо отметить, что начиная с 1988—1989 гг. в этом отношении уже кое-что сделано применительно к сфере борьбы с преступностью. С этой целью используются как собственные возможности МВД СССР и Прокуратуры СССР для систематического сбора и анализа информации об отношении населения к уголовному закону, практике его применения, правоохранительным органам, так и возможности общесоциологических центров изучения общественного мнения. Несомненно, что не без учета общественного мнения Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР указали на необходимость срочной разработки пакета законов и постановлений о совершенствовании правового регулирования борьбы с преступностью; выделили, несмотря на все бюджетные трудности, значительные ресурсы для усиления этой борьбы; предписали разработать общегосударственную программу антикриминогенных мер. Влияние общественного мнения отчетливо ощущается и в спонтанно возникшей, если судить по материалам стенограммы заседаний Верховного Совета СССР, идее создания временных организационных структур по координации борьбы с преступностью. В мотивировочной части Постановления Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью» от 4 августа 1989 г. отмечено, в частности, что оно издается с учетом того, что рост преступности «вызывает обоснованную тревогу населения». В п. I Постановления предусмотрено, что деятельность временных комитетов по борьбе с преступностью «должна... опираться на поддержку широкой общественности».

В то же время до полной постройки, отладки и использования постоянно действующих механизмов учета общественного мнения в управлении борьбой с преступностью еще далеко.

Дело не только в недостаточно разработанной «технологии». Конечно, облегченный, непрофессиональный подход, когда чуть ли не каждый мнит себя социологом и организует псевдоопросы, качество которых только компрометирует идею, существенно мешает сбору объективной информации. Но обучение кадров, внедрение научно-практических методик быстро поправит положение.

Значительные трудности связаны и с психологией некоторой части управленцев, считающих, что их опыт и интуиция делают ненужной связь с внешним миром, что они «все знают лучше». Однако та-

кая позиция несовместима с требованием своевременно учитывать настроение масс и его изменения, прогнозировать эти изменения. И подчас она вынужденно переходит в свой антипод — поспешное следование прорвавшемуся «снизу» нетерпению, в использовании при этом недостоверной, нерепрезентативной информации в надежде умиротворить наиболее громкоголосые группы населения, которые далеко не всегда выражают настроения большинства. Типичные примеры: перегибы в ограничениях кооперативной деятельности, призванные замаскировать длящееся бездействие в организации эффективной системы социального контроля в этой сфере; ошибочная линия «кавалерийской атаки» в борьбе с пьянством после многолетнего бездействия и столь же «кавалерийский» отход на прежние позиции... Но перестройка аппарата, внедрение начал гласности и демократизации подают надежду и на перестройку психологии управленцев, военные ими правила советовать не только с Марксом (точнее, в интерпретации многих из них — с несколькими вырванными из контекста цитатами), но и с мнением, оценками масс, используя марксистскую методологию анализа.

Главное здесь, как представляется, получить в распоряжение системы управления борьбой с преступностью политическую и правовую концепцию учета общественного мнения. Что считать таковым? Как разграничить *учет* и *диктат* общественного мнения? Каким образом выявлять его «равнодействующую» и в какой мере считаться с позициями меньшинства, не совпадающими оценками различных профессиональных, возрастных, региональных, этнических и других социальных групп, слоев населения? Каковы возможности и пределы критического отношения к общественному мнению с учетом его специфических черт как социально-психологического явления; каков спектр мер его коррекции и оптимизации с точки зрения программы борьбы с преступностью в стране? Как можно определить сами функции общественного мнения в качестве элемента системы управления этой борьбой, переплетение его ролей как «ведущего» и как «ведомого», формы взаимодействия с другими параметрами выработки управленческих решений — текущих и на перспективу? Наконец, каковы критерии надежности информации о состоянии и тенденциях общественного мнения относительно положения дел в сфере борьбы с преступностью?

Представляется, что четкий ответ на эти вопросы и составит необходимую концептуальную базу учета общественного мнения в управлении борьбой с преступностью.

В основе оценок положения дел в этой сфере, которые дает население, его социальные группы (слои), организации и формирования лежит потребность в защите от преступных посягательств, в безопасности от преступников. Соответственно общественное мнение формируется и выражается, идентифицируясь, с одной стороны, с позицией возможных потерпевших, а с другой — с позицией носителей общих представлений о социальных идеалах, которым «за державу обидно». И политике, закону, деятельности правоохранительных органов дает-

ся оценка, синтезирующая оба подхода (хотя в определенные периоды и у определенных социальных групп один из подходов может преобладать). Например, в общественном мнении относительно борьбы с организованными группами расхитителей в экономике явно преобладает «державный» подход, так как в качестве непосредственной угрозы личным интересам это преступление населением не ощущается. А в общественном мнении относительно борьбы с кражами и хулиганством преобладает, наоборот, «личный» подход. Причем во всех случаях население преимущественно ощущает себя *контролерами* борьбы, а не ее участниками.

В то же время для субъектов разработки и реализации уголовной политики важна не только (а с учетом нынешнего состояния профессиональной психологии — даже не столько) информация о том, как общественное мнение «извне» оценивает правовое регулирование и правоохранительную практику. Наиболее важно включение его в комплекс инструментов воздействия на преступность и создания для этого воздействия оптимальных условий. Иными словами, необходима и информация о степени готовности общества к активному участию в борьбе «всем миром» с социальным злом. Эти акценты не антагонистичны, но они и не совпадают. Поэтому и тот и другой надо иметь в виду при разработке базовых положений для учета общественного мнения в управлении борьбой с преступностью. В частности, необходимо обязательно выделять наряду с задачами и методами выявления состояния и тенденций общественного мнения как данности задачи и методы взаимодействия с ним, включая формирование и коррекцию с точки зрения интересов социума. Напомним в этой связи еще раз, что механизм управления борьбой с преступностью включает согласование усилий со средой функционирования.

Общественное мнение — выражение особого духовного состояния, в котором синтезируются явления социально-психологического и идеологического плана, эмоциональное и рациональное. Иными словами, это настроение массы членов общества, их групп (объединений), но не только настроение, а и осознаваемая позиция. С точки зрения разработки уголовной политики нужно знать не только поверхностные, но и глубинные структуры общественного мнения, учитывать и те и другие и влиять на них, стимулируя рациональный идеологический подход. Своеобразие ситуации здесь, если попытаться прибегнуть к сравнению, сходно с ситуацией в воображаемом многоэтажном доме, в верхних этажах которого «живут» идеологические компоненты общественного мнения, а в нижних — эмоционально-настроенческие. Жители нижних этажей могут заблокировать коммуникации, ведущие наверх, и взять на себя представительство всех жителей дома вовне. Но, сталкиваясь с таким положением, надо помнить, что нельзя принимать за целое, бурно выраженное эмоциональное отношение за общественное мнение в полном объеме. Например, в эмоциональных настроениях членов общества преобладает упование на жесткость репрессии. Однако при более глубоком анали-

зе с точки зрения основополагающих ценностей обнаруживается и критический настрой относительно обращенных к законодателю и правоприменителям облегченных рекомендаций, сводящихся к усилению репрессий; понимание ограниченных возможностей уголовно-правовых мер по сравнению с общественной и специальной профилактикой. Да и в требовании сохранить и применять в необходимых случаях суровые меры (в т.ч. смертную казнь за убийства при отягчающих обстоятельствах) отчетливо выявляются не эмоции жестокости, как склонны утверждать некоторые телепублицисты, а стремление к справедливости, интуитивная оценка некоторых преступников как практически неисправимых и очень опасных.

Создание условий для свободного выражения мнения в устной, письменной или иной форме является одним из устоев гласности, демократическим правом членов общества. Но высказанность не означает обязательности немедленного следования ей законодателя и правоприменителя. Нужен анализ репрезентативности мнения, достоверности суждений, лежащих в его основе, его соответствия основным ценностным ориентациям советского общества, возможных последствий учета в управленческих решениях. *Vox populi est vox dei* — говорил римский философ Сенека в I веке нашей эры. Отвечая на вопрос, поставленный в заглавии статьи, следует все же с определенностью сказать, что общественное мнение все же не глас божий. Его нельзя игнорировать, но нельзя и относиться к нему как к абсолютной истине, что, как известно, требуется в отношении божьих речений. Даже сдержанный «Философский словарь», констатируя, что авторитет общественного мнения определяется опорой на большинство, добавляет, что социальная значимость его повышается, «если большинство стоит на правильных позициях» [Философский словарь. М., 1988, под ред. И.Т. Фролова]. Представительные органы, суд, прокуратура, милиция отнюдь не выступают в роли апостолов слова божьего в форме общественного мнения, они — проводники идеи законности, требования которой могут пусть даже временно, но войти в противоречие с умонастроением значительной части или даже большинства граждан. Ведь в общественном мнении проявляется и уровень этической и правовой культуры его носителей. А этот уровень пока еще далек от оптимума. В ситуации конфликта представители власти, наделенные ею и могущие быть отрешенными от нее демократическим путем, стремятся скорректировать позицию общественного мнения, убедить общество в примате законности. И при всех условиях выполняют свой долг, даже идя против течения. В этом смысле, например, не могут быть признаны уважительными объяснения судебных работников Татарской АССР, которые, «учитывая настроение и требования граждан», провели судебное заседание по делу о зверском преступлении на стадионе, взбудоражившем г. Набережные Челны.

Режим представительной демократии наделяет органы власти и правосудия необходимыми полномочиями. И этот же режим обеспечивает народу страны через выборы, референдумы, законодательную

инициативу общественных организаций, наказания и обращения избирателей, отчеты должностных лиц, процедуру отзыва и т.п. роль «главного действующего лица», которое невозможно отторгнуть от выработки и реализации кардинальных решений в сфере уголовной политики как и в любой сфере жизнедеятельности общества. Общественное мнение — результат осознания и формулирования массой назревших, с ее точки зрения, и затрагивающих ее интересы проблем борьбы с преступностью, выражение позиции по этим проблемам. При этом нельзя отождествлять общественное мнение с настроением или даже умонастроением масс. Хотя эмоциональный компонент, как уже отмечалось, в ряде случаев выдвигается на первый план и несет главный импульс давления на законодателя и правоприменителей, в общественном мнении обязательно присутствует и рациональное зерно. Оно не только «советчик» и «контролер» для разработчиков уголовной политики, законодателя, правоприменителей, но и непосредственный регулятор массового и индивидуального поведения в значимых для дела борьбы с преступностью конкретных ситуациях.

Ведь общественное мнение — не просто ряд индивидуальных суждений (сколько бы их ни было), но итог огромного числа людских взаимодействий, в результате которых возникают общие оценки, идеи, предложения или несколько их вариантов. Диапазон и интенсивность взаимодействий, как правильно отмечает известный американский социолог Т. Шибутани, все более расширяются в условиях растущей плотности населения, объема контактов и «расширения картин мира» с помощью массовой информации [см.: Т. Ш и б у т а н и. Социальная психология, пер. с англ. М., 1969, с. 494—495]. Поэтому, зная сложившиеся в данной социальной общности — территориальной, профессиональной, возрастной, этнической, религиозной и т.д. — преобладающие суждения, которые поддерживают или отвергают определенную линию в борьбе с преступностью, одобряют или порицают определенный вариант решений, считают эффективным или бесполезным тот или иной образ действий, члену данной общности очень трудно их игнорировать даже на словах, а тем более на деле.

Насколько большой, однако, должна быть социальная общность, чтобы ее оценки, идеи, предложения рассматривались как общественное мнение исследователем, который к ней не принадлежит? Ведь слова «массовое», «масса» определяют одно неизвестное через другое. Наш ведущий социолог Б.А. Грушин, остроумно обыгрывая многозначность этих слов (масса в физическом смысле не обязательно имеет большие размеры), приходит к выводу, что с принципиальной точки зрения она может насчитывать, по-видимому, любое — свыше двух — количество единиц, иметь, так сказать, «камерный характер» [Б. А. Г р у ш и н. Массовое сознание. М., 1987, с. 208]. Получается, что массовое сознание и его выражение — общественное мнение — могут быть отождествлены с сознанием даже малой группы. Именно такой вывод и делает ленинградский автор М.С. Ошеров, считающий, что общественным мнением является, например, позиция семьи, дру-

зей, даже «группы воров» и т.п. [см.: М. С. О ш е р о в. Роль общественного мнения в борьбе с правонарушениями. Л., 1988, с. 5].

Представляется, однако, что приведенная точка зрения в значительной мере лишает смысла саму проблему учета общественного мнения в управлении борьбой с преступностью. Ведь разработчики уголовной политики, законодатель и правоприменители не имеют возможности соотноситься с позицией бесчисленного множества малых групп, взятых порознь. А выяснять наугад позицию некоторых из них, например собственной или соседской семьи, некорректно, так как нет критерия типичности, распространенности ее суждений.

Конечно, это не значит, что, например, законодателю можно заранее отбрасывать обращения и предложения, исходящие от небольших групп или отдельных граждан: они во многих случаях представляют большой интерес или по крайней мере являются сигналом о необходимости изучить общественное мнение по определенной проблеме. Например, при подготовке нового уголовного законодательства поток писем граждан по вопросу о сохранении или отмене смертной казни побудил осуществить целевое изучение общественного мнения по этому вопросу. Вообще же все предложения и мнения граждан относительно изменений в уголовном законодательстве систематизировались и «штучно» рассматривались рабочей комиссией. Но заменить общественное мнение позиция отдельного человека или малой группы не может, хотя в конечном счете может оказаться, что мнение автора письма и преобладающая позиция массы совпадают.

Как же практически подойти к решению поставленного вопроса? Представляется, что ответ уже давно найден профессионалами-социологами, которые разработали и обосновали правила качественной и структурной выборки необходимого количества опрашиваемых лиц, отражающей без существенных искажений искомые параметры изучаемой позиции данной социальной общности (так называемой генеральной совокупности). Иными словами, при изучении общественного мнения по проблемам борьбы с преступностью необходимо, для того чтобы выявлять его в масштабе населения страны или региона, социальной, профессиональной, территориальной или возрастной группы, общественной организации и т.п., использовать каждый раз *достаточную* выборку из числа членов данной общности, отражающую ее взгляды на предмет, или «репрезентативную».

Мы попытались определить с количественными характеристиками. А качественные, функциональные?

Представляется, что нас интересует позиция, во-первых, социальных слоев, объединенных характером ведущей деятельности («корпораций»); во-вторых, крупных общностей, выделенных по месту жительства; в-третьих, крупных возрастных групп (несовершеннолетние, молодые, взрослые и т.д.); в-четвертых, этнических групп. До недавнего времени советская криминология, юридическая психология, социология уголовного права эти «срезы» общественного мнения игнорировали. Между тем на отношении людей к уголовно-правовым пред-

писаниям о должном поведении существенно влияет «генетическая память» нации, народности. Уходя часто своими корнями в глубокую древность, традиции и обычаи могут занять более высокое место в системе ценностей ориентаций общности, нежели требования права. Например, общественное мнение некоторых этнических общностей одобряет калым, месть за обиду, подношения должностным лицам, безусловное подчинение старшим родственникам. Игнорируя эту стойкую позицию общественного мнения, законодатель издает «мертворожденные» нормы или создает предпосылки для объективного вменения при фактическом отсутствии у исполнителя альтернативы.

Кстати, с аналогичной ситуацией приходится сталкиваться, по свидетельству советского криминолога В.П. Цепелева, и в производстве по делам о преступлениях иностранных граждан. Туристы из ряда стран «не понимают» социального смысла запрета купли-продажи для извлечения прибыли; студенты из некоторых стран считают месть за обиду одобряемым поведением и т.п.

Нельзя игнорировать и позицию формирований, ориентированных на общественно-политическую деятельность. Только сочетание всех этих «срезов» позволяет надежно выявлять массовое состояние умов, его наиболее распространенные варианты. Иначе почти неизбежна дезориентация разработчиков уголовной политики, законодателя и правоприменителей, принимающих отдельные детали за всю картину.

Вообще при учете общественного мнения нас подстерегают опасности, так сказать, на трех уровнях: неадекватное выявление, неточный анализ, субъективизм использования (солидарность субъекта управления с «понравившимся» вариантом общественного мнения и игнорирование других вариантов).

Неадекватность выявления и анализа общественного мнения, а попросту говоря, ошибки и искажения влекут объявление желаемого действительным. Так, по многолетним наблюдениям наших известных специалистов по юридической психологии А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой, работники правоохранительных органов гораздо более оптимистически представляют свой авторитет в глазах населения, чем он есть на самом деле. Эти ошибки связаны во многом с недостатком культуры изучения. Вспомним в этой связи вывод, сделанный социологами — сотрудниками такого популярного издания, как «Аргументы и факты», о степени популярности ряда депутатов на основании анализа писем в редакцию. Но ведь это — элементарная методическая ошибка: состав авторов заведомо не отражал структуру населения, серьезные сдвиги имелись в возрастном, профессиональном составе и т.д. Значит, речь могла идти лишь о мнении условной общности — авторов писем.

Для объективного учета общественного мнения надо знать его специфические черты как состояния и проявления массового сознания. Выделим прежде всего быструю реактивность на появление повода для формирования и «опредмеченность», особую роль в его формировании конкретных фактов, попадающих в поле зрения населе-

ния, их «генерализацию». Так, имеющиеся факты наличия у преступных групп портативных раций, приборов подслушивания и т.п. быстро сформировали (правда, не без поддержки средств массовой информации) распространенное убеждение в том, что их имеет чуть ли не каждая группа. Аналогичное убеждение сформировалось опять-таки на основе отдельных фактов о всеобщей «вооруженности» преступников автоматами и другим современным оружием.

Еще одна существенная черта — сочетание быстроты формирования с инерционностью, сопротивлением последующим воздействиям, направленным на изменение сложившейся позиции; существование клише, стереотипов, которые сопротивляются рациональным контраргументам. Например, две трети граждан и четыре пятых должностных лиц, опрошенных летом 1989 г. сотрудниками НИИ проблем управления Академии МВД СССР, твердо уверены, что ухудшение состояния правопорядка напрямую связано с развитием кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности; каждый четвертый опрошенный гражданин и две трети должностных лиц негативно оценивают и влияние гласности на состояние правопорядка.

Характерны для массового сознания и его доверчивость к слухам, и скептицизм по отношению к официальной информации, состояние эмоционального возбуждения, степень и направленность которого могут меняться в зависимости от условий жизни и функционирования данной общности, а также (в сторону увеличения) от уровня заинтересованности соответствующей общности в определенном варианте решения.

Во многих случаях происходит прочная привязка позиции к действиям конкретного лидера, «авторитета»; трактовка изменений социальной ситуации как развитие противостояния такого лидера и других лиц. Например, проблемы борьбы с коррупцией идентифицировались в распространенной позиции общественного мнения как солидарность с Т.Х. Гдлянном или недоверие к нему. Правда, односторонние публицистические выступления и официальные сообщения способствовали такой персонификации проблемы. В целом этот феномен общественного мнения — «идентификация себя с персонификациями» — отметил уже Т. Шибутани [см. указ. работу, с. 495].

Нередко присутствуют прожектерство, категоричность и «двухцветность» оценок, их огрубление по схеме «черное — белое», без полутонов; тяга к упрощенным решениям, нетерпение. Ряд исследователей общественного мнения выступает с утверждением, что со второй половины 1989 г. позиция по отношению к положению дел в экономике меняется: население настраивается на понимание длительности характера позитивных изменений. Но применительно к сфере борьбы с преступностью таких изменений пока не происходит. Превалирует нетерпение, ожидание немедленного качественного улучшения ситуации.

Наконец, общественному мнению присущи специфические оценки и точки зрения, ориентированные на господствующие в данной об-

щности базовые представления о хорошем и плохом, должном и дозволенном, законном и незаконном.

С учетом сказанного хотелось бы подчеркнуть, что нельзя ограничиваться только принятием общественного мнения «к сведению». Нужно *незамедлительно* реагировать на выявленные деформации, с тем чтобы попытаться остановить их распространение и скорректировать до укоренения. Больше того, надо стремиться *прогнозировать* появление таких деформаций, исходя из общих тенденций изменения социальной и социально-правовой ситуации; добиваться упреждающего воздействия на формирующуюся позицию массового сознания по определенному вопросу. *Мониторинг* в этой сфере, постоянное слежение за «погодой» в сфере общественного мнения не менее необходимо, чем в экономике. Причем с показом в анализах всех распространенных вариантов позиций, а не только наиболее распространенной (особенно если она не имеет преобладания в 90% и выше).

Выявленную позицию надо видеть не только как данность, но в связи с поводами и причинами формирования; проследить процесс этого формирования, первоисточник информации и механизм ее распространения, ее избирательного восприятия и солидаризации с ней. В частности, С.С. Алексеев обращает внимание на то, что правовые чувства, «ощущения» во многом еще сохраняют приспособленность к административно-командному, разрешительному регулированию [см.: С.С. Алексеев. Правовое государство — судьба социализма. М., с. 173]. А отсюда — распространенность негативных оценок гуманистических тенденций развития правового регулирования борьбы с преступностью, дефицит солидарности общественного мнения с соответствующими решениями.

В этой связи необходимо дать оценку *компетентности* суждений общественного мнения, которое «порой обнаруживает большое самомнение... следовательно, оно бывает и компетентным и некомпетентным» [А. Р. Ратов, Г. Х. Ефремов. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988, с. 63]. Одним из элементов такого подхода нам видится выяснение, была ли в распоряжении соответствующей социальной общности, позиция которой изучается, достаточная информация о сути проблемы; имели ли люди, входящие в эту общность, хотя бы минимальные знания или жизненные наблюдения применительно к проблеме. Констатация некомпетентности снимает необходимость учета выявленного мнения в управлении борьбой с преступностью, но одновременно ставит задачу обеспечить правильное восприятие общностью принятого решения. Компетентность, а тем более правильность ее позиции нельзя вместе с тем автоматически выводить из того, что она высказывается общностью лиц юридических профессий. Так, по данным исследования 1989 г., две трети опрошенных работников правоохранительных органов считают, что борьбе с преступностью мешает обстановка гласности, а четыре пятых — что мешает гуманизация уголовно-правовых мер.

При всех условиях не следует принимать на веру обобщенные данные о доле утвердительных или отрицательных ответов опрошенных лиц по изучаемому вопросу, обязательен контроль и за соответствием полученной словесной (вербальной) информации реальной позиции членов соответствующей общности.

Например, 75% опрошенных граждан сообщили, что, по их мнению, существует незащищенность населения от преступности. Однако контрольный вопрос: «Укажите проблемы, которые Вас лично особенно беспокоят, и расположите их по степени важности» — внес существенную поправку в оценку реальности этого суждения. Оказалось, что для большинства (как раз, по характерному совпадению, для 75%) проблема преступности находится по значительности на 10-м месте, далеко отставая по реальной актуальности от товарного дефицита, экологических проблем и т.д. По-видимому, завышенная вербальная (словесная) оценка остроты ситуации связана с воздействием односторонних публикаций о «безнаказанном», «небывалом» разгуле преступности. Наше предположение подтверждается тем, что 60% опрошенных граждан отметили, что в средствах массовой информации их «очень интересуют» материалы о преступности. Очень жаль, что средства массовой информации, немало потрудившиеся для создания у населения чувства тревоги, не напоминали массовой аудитории, что при всей значимости данных об экстремальных темпах роста преступности в 1988 — 1989 гг. и массиве нераскрытых преступлений уровень преступности в стране: а) на порядок ниже, чем в ФРГ, США, других ведущих капиталистических странах; б) ее тенденции цикличны, и уровень 1988 г. примерно соответствовал уровню 1980 г.; в) раскрываемость преступлений выше, чем за рубежом, несмотря на гораздо худшее ресурсное и штатное обеспечение правоохранительных органов.

Еще один пример. Отвечая на вопрос о том, какие тенденции преступности представляются наиболее тревожными, около 80% опрошенных граждан отметили, что больше всего их тревожит организованная преступность. Но контрольные вопросы о преступлениях, которые непосредственно тревожат опрашиваемых, показали, что хулиганство, квартирные кражи, транспортные преступления тревожат в 20 раз (!) больше, чем угроза попасть в орбиту посягательства «рэкетиров» и «мафиози». Таким образом, и здесь оценочные суждения общественного мнения наведены извне, в том числе газетными публикациями, а не базируются на непосредственном восприятии массовым сознанием соответствующего житейского опыта.

Требуют существенной переоценки и привычные данные о неприятии общественным мнением гуманизации уголовного закона, о «громах» и «молниях», которые оно мечет в оторвавшихся от жизни ученых, разработавших проекты нового уголовного законодательства. И здесь выясняется разрыв между резкими формулировками из писем, анкет и т.п. и реальными позициями. Дело в том, что их авторы воспринимали термин «гуманизация» на слух, отождествляя его с побрякками для преступников. Как только давалось разъяснение смыс-

ла гуманизации как линии на дифференциацию и индивидуализацию ответственности и наказания, отнюдь не исключающей, а предполагающей строгую ответственность тяжких и злостных преступников, большинство опрошиваемых соглашалось с этой линией. Хотя сохранялись (примерно в 25—30% ответов) и клишированные варианты насчет того, что «нечего церемониться», «публично казнить» и т.п. Думается, что «антигуманистическая» позиция общественного мнения в определенной степени связана с подчеркнуто резкой корректировкой линии судебной практики в 1988 — 1989 гг. Сокращение чуть ли не в два раза доли лишения свободы в структуре наказаний с конъюнктурным нарушением при этом судами требований дифференциации и индивидуализации ответственности хулиганов, грабителей и т.п. не могло не вызвать настороженности населения, эмоционально-го неприятия «большого скачка».

В нашем исследовании суммарно 67% опрошенных отметили, что главный источник для них — это сообщения прессы (в несколько меньшей степени ТВ и радио), а не личные наблюдения или сообщения очевидцев и потерпевших из числа знакомых. А это может означать ситуацию замкнутого круга: общественное мнение инициируется публикациями и требует новых. Последние в свою очередь вновь воздействуют на массовое сознание и так далее. Только один характерный пример. Ведущий популярной передачи «600 секунд» заявил в интервью, что он посвящает себя борьбе с организованной преступностью, поскольку в отличие от абсолютного большинства сограждан знает ее фактический размах. Разумеется, он не дал пояснений, как им изучалась организованная преступность и как именно он представляет свое участие в борьбе с этой преступностью (передача ведется на уровне хроники обычных происшествий в крупном городе, да ее и нельзя вести по-другому, не меняя сути). Но передачу смотрят десятки миллионов телезрителей. Наш опрос среди этого контингента через неделю после интервью показал, что 70% опрошенных оценили борьбу с организованной преступностью как ныне главную задачу милиции, задачи же охраны жизни, здоровья и имущества от «обычных» посягательств отнесли при ранжировании на 3—4-е места.

Думается, что взвешенная позиция средств массовой информации, преодоление эйфории от возможности говорить и писать на закрытую ранее тему и шока от ознакомления с «цифры» являются сейчас настоятельной необходимостью. Показывая серьезность ситуации, измеряемой темпами роста и изменениями в структуре преступности и ее мотивации, нельзя продолжать ориентироваться на броские заголовки, фантастические данные, смакование насилия, некорректные и бездоказательные оценки — словом, на нагнетание психоза. Об этом правильно сказано и на II съезде народных депутатов СССР [«Известия», 1989, 23 декабря]. В свою очередь изменение позиции средств массовой информации предполагает не только проведение периодических встреч представителей правоохранительных органов с журналистами, не только предоставление им возможности

непосредственного ознакомления с правоохранительной деятельностью, но и консультирование (не контроль, а именно консультирование специалистами!) готовящихся материалов, и профессиональную учебу журналистов по проблемам уголовной политики, криминологии, уголовного права, постановку задачи взаимодействия средств массовой информации и правоохранительных органов в комплексных программах и планах борьбы с преступностью. Такое взаимодействие эффективно послужит, можно утверждать с несомненностью, устранению ряда существующих в настоящее время устойчивых деформаций в общественном мнении об уголовной политике, уголовном законе и практике его применения.

Так, в массовом сознании пока сохраняется *преувеличенное представление о возможностях уголовно-правовых мер* в борьбе с преступностью и регулировании дел общества в целом, в принятии сиюминутного решения возникающих проблем в экономике, политике и т.д. с помощью все новых уголовно-правовых запретов или ужесточения имеющихся. По исследованиям НИИ Академии МВД СССР, такую позицию занимают 52% опрошенных граждан и 50% работников органов внутренних дел. А ведь эта позиция, образно говоря, подобна перевернутой пирамиде. Поясним свое сравнение. Расположив различные виды регулирования поведения людей по убывающей «нормального веса» в обеспечении жизнедеятельности общества, мы получим следующую картину. В основании пирамиды — нормы общения, основанные на традициях добропорядочности и добрососедства; выше — нормы конституционного, гражданского и трудового права; еще выше — административного права и лишь у самой верхушки пирамиды — уголовно-правовые нормы. Синдром общественного мнения, который мы называем синдромом перевернутой пирамиды, сформирован многолетней линией на введение по всякому поводу или даже без него (вспомним установление уголовной ответственности за обучение каратэ!) уголовно-правовых запретов в тщетной попытке заменить ими социальные решения проблемных ситуаций, возникающих в жизни.

Стойкое упование значительной части населения на всемогущество уголовного закона, на решающую роль самого факта его издания проясляется и в распространенности оценки лишения свободы как предпочтительного вида наказания. Более мягкие наказания, а тем более меры, заменяющие уголовное наказание, оцениваются массовым сознанием как «амнистия» преступникам или поощрение им (60% опрошенных). Профилактику же считают основным направлением борьбы с преступностью только двое из каждых пяти опрошенных. Отсюда и феномен непонимания того, что необходима конкретная поддержка правоохранительной деятельности. По результатам исследования НИИ Академии МВД СССР, только 39% опрошенных выразили готовность активно поддерживать правомерные, с их точки зрения, действия милиции, 32% — сообщить в милицию о преступлении, о котором им стало известно, и один из каждых пяти опрошенных — попытаться пресечь действия преступников.

Еще одной глобальной деформацией современного состояния общественного мнения по вопросам борьбы с преступностью является *фактическое отсутствие солидарности с рядом позиций уголовного закона*: рассогласование словесных и реальных оценок опасности некоторых видов преступлений. В частности, преобладает готовность при осуждении в общем плане действий взяточников, спекулянтов, работников, занимающихся поборами, даже расхитителей воспользоваться их «услугами» по приобретению дефицитных товаров, получению различных благ. Так, с позицией закона относительно наказания взяточполучателей солидарны (на уровне решения предложенных случаев) только 30% опрошенных граждан, ощущают себя жертвами спекулянтов только 12% граждан, пользующихся их услугами, и т.д. Очевидно, что такая позиция среды функционирования правоохранительных органов исключает сколько-нибудь существенное повышение эффективности борьбы с должностными и хозяйственными преступлениями, снижение их латентности. И понятно, почему каждый второй опрошенный работник правоохранительных органов отмечает, что в 1988 — 1989 гг. снизилась готовность населения оказывать конкретную помощь правоохранительным органам. Думается, что и здесь определенную роль сыграл не вполне точный «прицел» публицистической борьбы с «доносительством»: ряд авторов отождествил помощь официальным органам в выявлении и раскрытии преступлений... с доносом.

На специфические деформации хотелось бы указать и применительно к общественному мнению *профессионалов* — работников правоохранительных органов — о проблемных ситуациях в сфере борьбы с преступностью. Во-первых, в результате незнания или полужнания уголовного и процессуального закона получило распространение мнение о том, что он не дает четкой опоры для борьбы с преступностью. Так, сетуют на требование закона доказывать вину спекулянта в скупке и перепродаже товаров с целью наживы, вину взяточников и т.д. Некоторые оперативные работники даже считают, что несовершенство уголовного закона мешает... борьбе с угонами автомашин.

Представляется, что здесь работает такая особенность массового профессионального сознания, как неудовлетворенность результатами собственной работы, во многом обусловленными низкой правовой и специальной квалификацией, происходит поиск самооправдания. Такая позиция оборачивается массивным давлением на законодателя, от которого требуют «упростить» закон, подогнать его под потребности правоприменителя в благополучной отчетности. По существу, речь идет о надежде на поощрение законом объективного вменения.

Во-вторых, в силу того, что современная подготовка юриста почти не включает изучение проблем уголовной политики, у него не вырабатывается отношение к закону как к компасу, инструменту деятельности. Закон воспринимается как внешний ограничитель, законность начинается рассматриваться как нечто противостоящее активности и целесообразности. Отсюда и позиция преобладающей части опрошенных

работников органов внутренних дел, их оперативных аппаратов, служб охраны общественного порядка, профилактики, паспортной и разрешительной системы: они оценивают ориентирующую роль уголовного закона как обращенную почти исключительно к следователям и судам, но не к себе.

Итак, общественное мнение по проблемам уголовно-правовой борьбы с преступностью нельзя ни игнорировать, ни рассматривать как «глас божий». Его надо знать, предвидеть тенденции его развития и реакцию на действия и решения в сфере уголовной политики, но его позиция не является «ultima ratio» (определяющим доводом) при выборе варианта решения. Большинство тоже может ошибаться. Поэтому в отношении к общественному мнению не надо заменять один шаблон другим: неуважение — на преклонение, кабинетный стиль — на популистский. Не хотелось бы, чтобы это произошло в отношении общественного мнения.

Дореволюционный русский сатирик Саша Черный иронически описывал борьбу с шаблонами в некоем государстве.

Был верен себе до кончины
Почтенный и старый шаблон.
Однажды с насмешкой змеиной
Кинжалом он был умерщвлен.
Когда с торжеством разделили
Наследники царство и трон,
То новый шаблон, говорили,
Похож был на старый шаблон.

(С. Черный. Сатира. Л., 1988, с. 38.)

И чтобы этого не случилось, необходимо каждый раз четко видеть: основана ли позиция общественного мнения по конкретной проблеме на достаточной информации; насколько проявляется давление общей ситуации и укоренившихся в силу низкой правовой культуры предрассудков; показательна ли выборка и выявлены ли альтернативные позиции, не навязана ли общественному мнению его позиция некорректной методикой опроса; оптимален ли при разработке концепции уголовной политики, предложений по законодательству, линии правоприменения консенсус с общественным мнением, с преобладающей в нем позицией.

Но научная проработка специальных проблем может и не совпадать с видением их массовым сознанием. И здесь разработчики уголовной политики, законодатель и правоприменители вправе идти своим путем. Но при одном условии: их действия и решения, мотивация должны быть понятны общественности. Здесь нельзя уклоняться от дискуссии и нельзя превращать ее в монолог. Ситуация, когда «народ бѣзмолвствует», несовместима со стратегией строительства правового государства.

Уход от прошлого еще не начат

Право, несомненно, является единственным действительно эффективным порядком человеческого общества, неразрывно связанным с духовной и социальной сущностью человека. Но законы, выражающие его содержание, сами по себе не более чем словесные формулы, записанные на бумаге. И подобно тому, как сами не летают самолеты, не применяются сами собой и законы. Их познание, развитие и применение является непосредственной профессиональной целью юристов как «класса людей, особенно предустановленных к охранению закона» (М. Сперанский).

С того давнего времени, когда право выделилось из ритуально-магического комплекса религии и на арену социально-правовой жизни в Древнем Риме вышли юристы, у людей с тех пор нет никого другого, кто более глубоко бы знал право и кто более квалифицированно, чем юрист, мог воплощать его в жизнь. Чтобы регулировать отношения людей и разрешать их социальные конфликты не на основе физической силы или религиозно-моральных критериев, как это было в прошлом и имеет место еще и теперь, а путем их интеллектуального рассмотрения в качестве нормативно-урегулированной проблемы в соответствии с принципами истины, законности и справедливости. Рядом с правовым законом поэтому везде ныне стоит правоведа. Без него существование общества в условиях правопорядка и законности достигнуто быть не может.

Участие законов, однако, с каждым годом в общественной жизни неуклонно возрастает. Если в отдаленные времена появление норм права происходило с чрезвычайной медлительностью, то теперь они рождаются чуть ли не ежеминутно — и отдельными актами, и блоками их, и целыми кодексами. В соответствии с этим увеличивается во всем мире и число специалистов-правоведов. В них ныне, а не только в наличии законов все больше видят одну из первых гарантий защиты прав человека и создания таких социальных предпосылок, которые необходимы, чтобы человек мог вести достойную себя жизнь. Создание и пестование юридического сословия, стоящего на страже закона, поэтому во всем мире ныне, как и во все времена, является задачей нравственной и важной.

«И поменьше юристов»

Наше общество к действительному сознанию этой закономерности еще не пришло. С юристами мы, думается, обращались и обращаемся как с неким «продуктом», природу которого мы не понимали и не понимаем. Подобно тому как многие, еще не овладевшие законами товарной экономики, видят в хлебе — каравай, в корове — Зорьку, а в козе — Машку, но за всем этим не видят главное — стоимость, так и в юристе многие и сегодня видят только должностное лицо, например следователя или судебного исполнителя, но не видят правоведов как слой профессиональных посредников между установлениями права и действительной жизнью людей, их правами и их бесправием.

За истекшее 70-летие мы многое приобрели и у нас есть несомненные достижения в развитии права и формировании корпуса юристов. И в то же время мы многого здесь не достигли. Что бы мы ни говорили, но у нас и сегодня катастрофически мало юридически мыслящих людей, способных видеть и понимать, что какую проблему в экономике, политике, управлении и повседневной жизни ни возьми, каждая из них сопрягается с правом, с применением его норм, с необходимостью вынесения интеллектуального суждения о законном и незаконном в конкретном поступке человека, а следовательно, и с юристом.

Болезнь эта застарелая. Истоки ее, главным образом, в середине 20-х годов, когда начала складываться сталинская модель административно-командного социализма, своеобразная психология и культура его раннего правопорядка. Для наглядности достаточно ознакомиться со стенограммой знаменательного спора, разыгравшегося между Наркоматом юстиции и ЦКК РКИ на XV съезде партии.

В прениях по докладу Орджоникидзе работник ЦКК РКИ Р. Янсон заявил: «По тому опыту, с которым мы встречаемся в работе органов юстиции, я лично пришел к убеждению, что здесь нам нужно не только реформами заниматься, но даже небольшую революцию провести (председатель партколлегии ЦКК А. Сольц: «Правильно») снизу и сверху. Правда, товарищи, которые работают в органах юстиции, призваны к тому, чтобы защищать законность, но иногда эта защита законности превращается в буквоедство. Иногда начинают рассуждать таким образом, что если нужно тебе помирать, то помирай по закону.

Крыленко: Правильно.

Янсон: Это никуда не годится. По-моему, совершенно безразлично, если человек помирает — по закону он делает это или без закона, — результат одинаковый. Мы думаем, что наша законность должна быть построена так, чтобы она была связана непосредственно и в первую очередь с требованиями партии (Голос: «Правильно»), с жизненной целесообразностью (Аплодисменты)...

Сольц: И поменьше юристов...»

Выступивший от имени Наркомюста Крыленко еще не знал, скольким из аплодировавших Янсону предстоит через десяток лет «по-

мирать не по закону». И, возражая Янсону, он в своей речи поставил основной вопрос: «Чем же судебно-прокурорские работники — те же рабочие и крестьяне — должны руководствоваться при разрешении конкретного дела: революционной ли целесообразностью, которую в переводе на простой язык можно было бы изложить в такой форме: «как бог на душу положит», или точными указаниями Советской власти?» И сам же ответил: «Революционная целесообразность не может заменить законов Советского государства: закон есть закон». Голос с места, однако, посоветовал: «Не делайте из этого фетиша». Была поддержана и реплика Сольца: «Есть законы плохие и есть законы хорошие». Хороший закон, говорил он, надо исполнять, а плохой (Голос с места: «Исправлять!») не исполнять. (Голос с места: «Правильно!» Голос с места: «А как же иначе?» Смех...) Позже выступил Шкирятов и рассказал, как в одной деревне происходили убийства, а суд никого не смог осудить. Он говорил с возмущением: «Суд, видите ли, ищет факты. Тут царит только буква закона. На глазах происходит убийство, а им давай факты. К букве закона не подходит — судить нельзя... У них иногда закон выше всего» [см.: Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1961, т. 1, с. 527, 579, 592].

Словом, отношение к верховенству и незыблемости закона у зала было иное, чем у Крыленко, хотя он подкреплял свою позицию ссылками на высказывания В.И. Ленина. Делегаты съезда, цвет партии, отдавали предпочтение не ленинскому лозунгу «больше революционной законности» в условиях твердой и прочной власти, а так называемой «революционной целесообразности», стоящей вне закона и над законом.

Два года спустя Каганович в докладе «Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом» заявил: «Наши законы определяются революционной целесообразностью в каждый данный момент». Он резко обрушился и на идею правового государства. «Ведь мы отвергаем понятие правового государства, — говорил он, — даже для буржуазного государства. А применять его к Советскому государству — значит идти на поводу у буржуазных юристов» [см.: «Советское государство и революция права». 1930, № 1, с. 9]. Идея правового государства была надолго забыта. Зато подобными (далеко не единственными) установками была создана благоприятная почва для пренебрежения законностью, для произвола и насилия, массовых репрессий и командно-бюрократического использования права и правоведов в последующие годы.

Мертвые и сегодня держат живых. Негативное отношение к праву, законности и правоведу, которое на протяжении всей последующей истории нашего развития подпитывалось вульгаризированной идеей скорого отмирания государства и права, а в 60 — 70-х годах еще и грубо утопическими представлениями о непосредственной близости коммунизма и соответствующей им практикой передачи функций охраны правопорядка общественности, превращение экономики после сознательного развала НЭПа фактически в «экономику без

права», многие другие крайности политико-правовой конъюнктуры, имевшие место в нашей жизни, привели юридическое образование в состояние глубокого застоя, если не упадка.

Несколько штрихов к этому. В противоречии с давней общей мировой тенденцией увеличения в составе высшего образования специалистов гуманитарного профиля, в том числе юристов, их удельный вес среди обучающихся в нашей стране неуклонно падает и в сравнении с предвоенными годами уменьшился в полтора раза.

Несмотря на увеличение за годы Советской власти абсолютного числа юристов (по данным Госкомстата, их у нас ныне около 300 тысяч), их количество по отношению к численности населения в 1 — 2 раза меньше, чем в США, Англии и ФРГ.

Совершенно неприемлемой является и структура распределения юристов по сферам использования их знаний. Фактически у нас свыше 80 процентов всех юристов работает сегодня в милиции, исправительно-трудовых учреждениях, следственных органах, прокуратуре, судах и других правоохранительных органах. Между тем в развитых странах, в том числе в Чехословакии, наоборот, более 80 — 90 процентов юристов работает в сфере производства и управления.

Вряд ли поддается рациональному объяснению и то, что если в 1951 году выпускники очных отделений юридических вузов составили 85,2 процента обучавшихся, то в настоящее время, наоборот, почти 70 процентов юристов оканчивает заочно-вечерние отделения. В результате такой подготовки уделом юридического корпуса страны стала поверхностная и малокультурная «образованщина», а не действительная нравственно-правовая образованность. С другой стороны, при доминировании заочно-вечерней формы юридического образования оно не стало источником роста правовой подготовленности специалистов народного хозяйства и граждан. За пределами собственно юриспруденции единицы их имеют диплом юриста.

В США же таковых десятки тысяч, что, понятно, самым положительным образом сказывается как на уровне правовой культуры, так и охране прав и интересов граждан, их коллективов и организаций.

Непониманием роли правоведа в обществе можно, видимо, объяснить и имеющееся соотношение высшего (свыше 90 тысяч обучающихся) и среднего юридического (около 12 тысяч) образования, хотя в замещении выпускниками средних специальных учебных заведений в стране нуждаются минимум-минимум 100 тысяч должностей.

Словом, юрист в СССР остается острodefицитным специалистом. Юристов сегодня, как и вчера, не хватает всюду — в экономике и управлении, в сфере законодательства и в правосудии, в милиции и нотариате. Например, в стране только треть предприятий имеет юрисконсультов, и свыше 30 процентов из них не имеют юридической подготовки. Судебные исполнители и работники органов загса практически все не имеют необходимого им юридического образования. Даже среди секретарей исполкомов областных Советов народных депутатов юристов ныне — менее двух процентов.

При всем этом, однако, по данным Госплана СССР и Гособразования СССР, юристов у нас, оказывается, выпускается больше, чем их заявляется ведомствами и Советами Министров союзных республик, — 16 против 12 тысяч. Чем же можно объяснить этот парадокс, как, впрочем, и все другие?

Как известно, хозяйство у нас плановое. И в планах все вроде бы стыкуется и все обеспечивается. А вот на деле никто в мире не может понять: как из года в год при хронической нехватке металла можно выпускать тракторов в 4 раза больше, чем надо, и детских товаров в сотни раз меньше, чем необходимо. Никакой Адам Смит не возьмет в толк, как можно сливать бензин на обочину и получать премии за экономию горючего. Понятно, что плановые гримасы в подготовке юристов менее разительны. Но когда из года в год твердят, что юристов выпускается больше, чем требуется, и в то же время все признают, что юристов не хватает, то вывод напрашивается один: существующая система планирования неспособна выявить и обеспечить реальную потребность страны в юридических кадрах. То есть достичь той, по Ленину, постоянной, сознательно поддерживаемой плановости, а не той средней величины, которая устанавливается из ряда постоянных колебаний [см.: В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 620].

Но почти за шесть десятков лет своего существования система планирования так и не сумела достигнуть такой плановости. Тотально-централизованная, состоящая в упорительном цифирно-кабинетном сверстывании и разверстывании полученных с мест заявок, эта «всесоюзная бухгалтерия» давно уже утратила способность знать действительную потребность и подчинять реальные процессы подготовки юристов сознательной воле общества. Юридическое образование под воздействием такого планирования, в сущности, многие годы развивается анархично, а не сознательно планомерно. И если определять, с чего начинать перестройку юридического образования, то несомненно — с кардинальной перестройки планирования.

Представляется, что стержнем планирования, если его надо сохранять, должен стать не сбор и механическое суммирование часто формальных и мало что отражающих заявок, а прогностическая научно-экспертная оценка состояния законности и правопорядка в обществе и их кадровое обеспечение. Естественной основой такой оценки должны стать нормативно закрепленный (по примеру других стран) перечень должностей, требующих юридической квалификации, и единый государственный статистический учет качественного состава, движения и использования юридических кадров страны. Однако ни того, ни другого сегодня практически нет. Значит, нет и возможности получить более объективный, чем заявки с мест, определить структуры, темпов и объема подготовки юристов.

Не организованы у нас и научные исследования проблем потребности, распределения и реального использования юристов. Между тем в капиталистических странах на эти цели расходуется ныне до

20 — 30 процентов всех ассигнований, выделяемых на исследования в области высшего образования. Немалую долю в этих расходах составляют денежные средства корпораций, поскольку они жизненно заинтересованы в решении этой задачи.

Следовало бы также подумать и о разделении подготовки юридических кадров на планируемую и регулируемую сферы. В планируемой сфере государство до единицы определяет, в регулируемой — только оценивает потребное число юристов на текущий период и на перспективу. К первой сфере следовало бы отнести правоохранительные органы и аппараты органов государственного управления, ко второй — сферу товарно-рыночной экономики и системы управления ею, самодеятельно-общественные образования и т.п. В планируемой сфере должно сохраниться бюджетное финансирование, в регулируемой — введен полный хозрасчет между потребителем и поставщиком кадров. В той и другой сферах основным средством распределения должен стать свободный выбор будущим юристом своей специализации и свободно-договорное определение места своей работы.

Реализация такого подхода даст, однако, немного, если учебные заведения будут оставаться простыми приемщиками абитуриентов и раздатчиками дипломов. Напротив, они должны также стать одним из самых активных субъектов регуляции подготовки и использования юристов на основе предоставленных им — нормативно и экономически — прав, вплоть до самостоятельного определения потребности региона в юристах и перехода на полную хозрасчетно-финансовую самостоятельность. Кстати, на этой основе могли бы отсекаться и плохо, неэффективно работающие учебные заведения. Наша живая история показала, что административные методы в решении этой проблемы просто бессильны.

Многообразии типов учебных заведений — вторая важнейшая и необходимая гарантия удовлетворения потребности в юристах. Его у нас никогда не было. Наоборот, было лишь периодически сменяющееся однообразие типов юридических учебных заведений. Так, почти из-за полного отсутствия юристов до 1931 года их состав пополнялся в основном за счет выпускников трех—двенадцатимесячных курсов. Несколько юридических факультетов университетов, осуществлявших подготовку юристов в те годы, проблемы не решали и были своего рода «украшающим» фоном ускоренно-курсовой подготовки правоведов. Затем, до середины 50-х годов, юристы готовились преимущественно в юридических институтах и средних юридических школах. Сегодня, наоборот, они учатся в 54 университетах и лишь в 4 юридических институтах, поскольку в 50-х годах десятки других юридических институтов и юридических школ были ликвидированы, хотя они всей своей учебно-воспитательной практикой в прошлом, а оставшиеся институты и в настоящее время доказали способность выпускать наиболее подготовленных юристов.

Существующая моноуниверситетская модель подготовки юристов, как показал почти 40-летний период ее функционирования, не

пошла на пользу нормальному удовлетворению потребностей страны в юристах. Она, с одной стороны, искусственно сузила возможности юридического образования в подготовке праведов разного уровня квалификации, профиля и качества, а с другой — расплыла подготовку юристов по множеству, часто маломощных, учебных центров.

Выход видится в переходе в ближайший ряд лет на трехступенчатую систему юридических учебных заведений. Сделать это возможно, во-первых, путем создания прежде всего полноценной системы средних специальных юридических учебных заведений двух типов — юридических техникумов и юридических лицеев. При этом в юридические техникумы следовало бы принимать юношей и девушек с 10-классным образованием, а в юридические лицеи — после окончания 8 классов средней школы с последующим специализированным обучением в течение 4 лет, выдачей диплома о среднем специальном юридическом образовании. Это позволило бы обеспечить замещение многих должностей специалистами со средним юридическим образованием в сфере производства и управления, где использование юристов с высшим образованием нецелесообразно как из-за оплаты труда, так и характера выполняемой работы. В то же время выпускники этих средних юридических учебных заведений явились бы хорошей базой приема в вузы и повышения уровня профессиональной квалификации их выпускников. Следовало бы также определить, что юридические лицеи создаются, как правило, в составе высших юридических учебных заведений.

Во-вторых, необходимо увеличение числа юридических институтов в составе высших юридических учебных заведений, прежде всего в районах Сибири и Дальнего Востока, в Казахской и Узбекской ССР. Назрел также вопрос о создании в системе высшего юридического образования новых учебных заведений (типа Правовой академии), сочетающих в себе научно-исследовательскую работу, подготовку юридических кадров и повышение их квалификации.

В-третьих, следует пойти на создание в стране юридической магистратуры для подготовки в течение 1 — 2 лет уже поработавшего профессионала-юриста для замещения ключевых должностей в правоохранительной сфере (например, судьи), государственно-управленческом аппарате (например, секретаря исполкома) и хозяйственной сфере (например, руководителей юридических служб и ведомств, ассоциаций, концернов и т.д.). Магистратура должна создаваться в юридических учебных заведениях, зарекомендовавших себя высоким уровнем обучения кадров.

Многообразие типов учебных заведений даст возможность существенно расширить подготовку юристов и иметь специалиста-правоведа разного уровня квалификации и профиля. При этом не надо ничего затевать заново. Зачатки всего этого у нас имеются. Есть 8 юридических техникумов и 4 юридических института, есть, по существу, и юридическая магистратура, введенная законом «О статусе судей в СССР», как подготовка юристов-профессионалов для судебной рабо-

ты. Дело за малым — создать в наиболее короткие сроки новую модель подготовки юристов и этим снять острый дефицит в специализации-праве.

Чему научишь, то и получишь

Сегодня, когда мы лучше знаем весь тернистый путь нашей страны, с горечью и болью приходится констатировать, что юристы как социально-профессиональная группа, прежде всего и главным образом в 30-е годы, оказались не на высоте своего предназначения — ограждать и защищать людей от произвола и просто случая, от своеволия и расправ над личностью, от любых нарушений законности и прав человека.

Именно в эти годы они вольно или невольно оказались втянутыми в систематическую и регулярную, циничную и планомерную массовую фабрикацию мнимых преступлений, в осуществление централизованного произвола и бесконечных убийств. В 1927 — 1939 годах по ложному обвинению во «вредительстве», «подкулачничестве», «террористической деятельности», «контрреволюционной пропаганде» и т.д. были репрессированы миллионы людей, не нарушивших, как теперь известно, ни одного из советских законов. И эта фаза преступной государственности, через которую пришлось пройти диктатуре пролетариата в СССР, наряду с тем тупиком развития, в котором оказалась наша страна, является, возможно, самой страшной, самой обескураживающей трагедией идеи социализма, предопределившей его нелегкую сегодняшнюю судьбу. Однако, несмотря на все это, язык все-таки не поворачивается сказать: «Я обвиняю советских юристов».

Обвинение, как и наказание, конкретно, индивидуально-определенно. И эти обвинения многим юристам уже предъявлены, а многим — еще могут быть предъявлены. Другие же, ставившие выше всего честь и профессиональное достоинство, оказавшие в то пыточнотулаговское время мужественное сопротивление беззаконию и ставшие сами жертвами репрессий (а их число не так уж и мало), уже реабилитированы или должны быть реабилитированы. Огульное же обвинение всех юристов стало бы повторением того зла и уродств, которые советские люди уже испытали. К тому же нет безгрешного человека. И даже если кто-то лично ни в чем не участвовал, он был зрячим и видел все. Но многим и многим из нас не хватило гражданского мужества, чтобы идти на риск. Если каждый из нас не сжал, не уничтожал, то и не делал всего, чтобы этого не было. Теперь, думается, настало время узнавания самих себя, критики и покаяния, а не сведения счетов. Покаяние — «метанойя» по-гречески — означает: перестроить свой ум, идти сознательно в ином направлении. И близко к этому по содержанию мысль здесь, думаю, следует высказать.

Чему, говорят, научишь, то и получишь. Правоведение — это прежде всего знание права. Обретаемое в учении, оно не повисает

между небом и землей, а переходит в убеждение, становится основой профессионального мышления и действий. Учили же юристов в прошлом (да во многом и теперь), мягко говоря, не совсем тому. Как это, быть может, ни парадоксально звучит, но юридическое образование по своему содержанию уже длительное время у нас действительно юридическим не является. В его основании с давних пор лежит этиатистское, преимущественно запретительно-ограничительное понимание правовой нормы и обвинительно-репрессивное истолкование задач правосудия. И хотя научная «История репрессий в СССР» еще не написана, однако несомненным является то, что истоки такого правового понимания лежат в убеждении, что социализм «в одной, отдельно взятой стране» можно построить, только лишь опираясь непосредственно на насилие и запрещение делать все, что не разрешено властью. С насилием, как известно, связывали построение социализма и Троцкий, и Зиновьев, и Бухарин. Не говоря о Сталине — это уже был венец!

Имела ли эта их приверженность насилию только субъективную основу? Нет, конечно. Такой подход питался и историческим прошлым России как страны многовекового самодержавного насилия и условиями, в которых протекала революция, когда к обоюдному — революционному и контрреволюционному — насилию добавлялось еще и обыкновенное старое русское разбойничество. Ну и, конечно, субъективными качествами этих личностей. Прежде всего Сталина. В его фигуре насилие не только воплотилось во всей своей исторической «преместственности», но и трагически «обогатилось» невиданными до того формами — культом личности, системой лагерного рабства, наказанием детей и жен «врагов народа», репрессированием целых народов. Это наложило глубочайший отпечаток на социально-правовую систему первоначального социализма, кардинально деформировало ее, породив феномен преступной государственности вместо правового государства, задача строительства которого активно обсуждалась правоведами вплоть до начала 30-х годов.

Официально, в своей руководяще-обязательной завершенности запрительно-обвинительная, по сути уголовно-бесчеловечная точка зрения на право и правоприменение была объявлена в 1938 году. Сделано это было безызвестным А.Я. Вышинским — прокурором СССР, академиком и, как его еще называли, «теоретической дубинкой Сталина в правоведении» — на I совещании по вопросам науки Советского государства и права [см.: Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад А.Я. Вышинского, прения и заключительное слово на I совещании по вопросам науки Советского государства и права. М., 1938]. Обнародование этой точки зрения фактически было призвано «научно» увенчать и оправдать тот, с особой настойчивостью и жестокостью проводившийся с середины 20-х годов Сталиным и его окружением (вспомним дискуссию Крыленко с оппонентами на XV съезде партии) курс на утверждение командно-административной системы, в которой праву отводилась роль всего лишь послушного воле вож-

для орудия управления делами общества в каком угодно направлении. С другой стороны, праву на этом совещании «научно» предписывалось и впредь быть не устроителем жизни наибольшего числа людей в наилучших условиях наиболее долгое время, а только юридической основой режима тотальной терроризации народа, сложившегося к 1937 году. Чтобы этот режим и дальше, вплоть до начала 50-х годов, мог подавлять свободную волю людей как таковую, а не только и совсем не столько пресекать преступления «вредителей» и т.п., как об этом официально объявлялось. Полноценное воплощение права виделось в уголовном кодексе, а, например, не в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Считалось, что оно тем полнее отвечает интересам социализма, чем больше проникнуто духом суровой репрессивности и жестокого регламентирования, по существу, установления цензуры над поведением людей, да и их мыслями. В практике управления и надзора утверждался незыблемо-единственный принцип: «Все, что не разрешено, запрещено».

Страх перед тотальным наказанием парализовывал свободную волю людей, а запреты, подобно путам на руках и ногах, сковывали их действия. Они совсем не оставляли места для личной инициативы и предприимчивого действия. Каждый был обязан не только не отклоняться от предписанного, но не показывать и тени сомнения в правильности предписанного. Опасен был сам запах сомнения, способность к личной точке зрения. Этот запах в большинстве случаев приводил человека к изоляции и гибели. Безопаснее было не признавать подлинную суть происходящего и автоматически исполнять предписанное. Эти принципы оказались эффективным средством подавления и разрушения жизни, отчуждения нашей совести.

И чем дальше время отодвигало страну от 1917 года, тем больше революционный порыв угасал. Все больше у людей формировалось одинаковое, как у барщинных поденщиков или мелких служащих, отношение к работе — балансирование между откровенным «сачкованием» и работой из страха перед увольнением или наказанием. Но когда в душе царят страх и лень, в обществе господствует рутинная жизнь. Ибо люди, не свободные духовно, способны осуществлять лишь заранее разрешенное новое, т.е. осуждены непрестанно повторять и догонять свободно действующие общества. Сохранившиеся в отдельных натурах революционная страстность и деятельная активность положения не меняли. Общество на глазах у всех сначала окостеневало, а затем и разлагалось. Его слава меркла, а богатства оскудевали. Командно-репрессивная власть все меньше управляла страной и все больше пользовалась ею. Кризис, подобный нынешнему, еще был впереди, но он был запрограммирован более шести десятков лет назад, и приход его был неминуем.

Юридическое образование было не только вовлечено в «теоретическое» обоснование такого, отброшенного ко временам вассального строя, понимания права, но и в обеспечение его практического усвое-

ния будущими юристами. Истинно правовое в нем было поставлено под сомнение.

В наборе изучаемых предметов стало возрастать число уголовно-правовых дисциплин и количество часов, отводимых на их изучение (в начале 80-х годов оно достигло 44%). В содержании обучения главенствующим стало этатистско-криминалистическое начало с присутствием ему гипертрофированным пониманием сущности государства и апологетической абсолютизацией государственности как единственно реальной формы социальной организации общества.

Государство диктатуры пролетариата, по мысли советских правоведов, как и прусское государство, по мысли Гегеля, являлось совершенной реализацией политической разумности. К нему следовало относиться как к чему-то существующему само по себе, божественному и непререкаемому, находящемуся превыше всего, сделанного человеком.

Активно к этому подталкивала правоведов и существующая социально-политическая реальность. Ведь государство на глазах у всех становилось решающим элементом базиса, т.е. верховным и единственным собственником всех основных средств производства. Оно полностью или частично поглотило, интегрировало все общественно-политические, профессиональные, культурные, просветительские и даже неформальные самостоятельные учреждения и объединения людей. Оно монопольно обучало и воспитывало, обувало и одевало своих граждан, лечило людей, обеспечивало их информацией, развлекало и думало за них. Важно и то, что в силу сложившейся роли партии в советском обществе ее аппарат не просто сросся с государственным, а стал главенствующей, командной силой всей системы власти. Его высшие звенья на каждом уровне реально превратились в законодательные, исполнительные и судебные органы, что придало государству особую независимость от общества. Юридическая школа всеми силами освящала такое видение государства, стремилась сделать его Добром.

В свете этого установленный в государстве порядок, режим, правила «господства и подчинения, выраженные в праве» (А.Я. Вышинский), рассматривались как ценность несомненно более высокого свойства, нежели личные права и юридические возможности людей, их объединений и организаций. Чем дальше, тем больше для студента, как и для преподавателя, субъективное право лиц — физических и юридических — становилось в конкуренции с публичным, государственным интересом, вообще обстоятельством если и требующим учета, то лишь во вторую и третью очередь. Исходной частицей учебной информации в связи с этим стала норма права как правило поведения неопределенных субъектов, а не наоборот, как должно бы быть — в качестве неопределенных юридических возможностей определенных субъектов и обязанности юриста находить правомерные пути удовлетворения и защиты их прав, интересов, выгоды. Получалось, что не пшеница растет для человека, а человек живет для пшеницы. Лич-

ность в мире норм — была ничем, сама же норма, освященная государством, — всем. Исторически такой подход укреплял пресмыкательство личности перед государством, которое и сегодня еще прева­лирует в нашей жизни и мысли.

В то же время полностью отрицались или грубо, в духе высказы­ваний Л. Кагановича, искажались идеи конституционализма и право­вого государства, такие общецивилизационные демократические принципы права, как презумпция невиновности, состязательный ха­рактер судопроизводства, критерий полной доказанности (а не просто «большой вероятности») преступления и т.д. Зато физическая пытка и расправа, донос и оговор — эти мутные источники доказательств — безудержно стали пропагандироваться и внедряться в следственно-прокурорскую и судебную практику, а собственное признание в со­вершении преступления было, как и в средние века, объявлено «цари­цей доказательств».

Если учесть, что подавляющее большинство (до 80 — 90 процен­тов) выпускников юридических учебных заведений распределялись на работу в органы НКВД, прокуратуры и суда, то нетрудно себе представить, что приносили и привносили питомцы такой юридиче­ской школы в деятельность этих органов, в правовое сознание народа. Несмотря на законодательный разрыв (в 60-х годах) с прошлым, в подготовке юристов такого разрыва не произошло. Содержание обу­чения, сформировавшееся в репрессивно-трагические годы, когда правовой нигилизм 20-х годов выродился в понимание права и пове­дения как слепков с приказов власти, тиражируется юридическим об­разованием в главной своей сути и по сей день. Уход от прошлого здесь еще не начат.

Все мы дети своего времени, а часто и его пленники. Но прошлое не есть вечное. И даже уважение к тому, что в нем имеет непреходя­щее значение, не обязывает нас к неподвижности или инерции. Вре­мя требует иного видения права и иного использования правовой формы в обществе. И в идущей непростой работе по изменению обще­ственных отношений в ходе начавшейся перестройки и закрепления этих изменений в нормах закона, в трудно обновляющейся деятель­ности правосудия нарождается сегодня новый облик права и практики его применения, а следовательно, и правоведа. Что здесь представля­ется наиболее характерным?

Это — полный крах общей парадигмы права и законности, господ­ствовавшей на протяжении десятилетий. То, что должно было раньше или позже произойти, произошло: тоталитарное право как система бесправия и репрессивного принуждения потеряло нравственное до­верие. Налицо вместе с этим рост понимания, что право только тогда право, когда оно создается для человека обществом и в обществе. Че­ловек — единственная его цель и мера всех вещей в праве. Законы не должны больше рассматриваться как ниспосланные свыше божест­венные откровения относительно поведения людей, а только как ус­тановки одних людей другим таким же людям. Единственным и ре-

шающим критерием их нужности служит ответ на вопрос: полезны ли эти законы для того дела, которое подлежит разрешению на их основе? Мнение тех, кому адресованы законы, не менее важно, как и мнение самих законодателей. Ибо хотя право и воля класса, но не произвол класса. Оно не может впредь выступать в роли некоей дубины или кастета, занесенного над бедной головой все терпящего народа. Приемлемо только то право, которое способствует освобождению человека от любого страха, от всяческих оков и всяческого бесправия, уподобляет жизнь и судьбы людей, а не разрушает их.

Это — и кардинальное изменение связи права с властью и силой государства. Ведь само по себе право не является средством принуждения, но становится таковым всякий раз, когда государство использует его в своих нуждах, в качестве феномена фактической власти и господства над гражданами как своими подданными и над самим правом, рассматриваемым только в качестве организатора государственного насилия. Эти еще недавно доминировавшие утверждения о первичности государства перед правом и перед гражданами ныне решительно устраниаются. Все больше крепнет убеждение, что государство вопреки еще недавним догмам существует совсем не для того, чтобы превратить жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад — репрессивного тоталитаризма, уравнилельной бедности, казарменной несвободы. Для этого оно должно стать правовым государством, где, как говорят англичане, *rule of law* — «рулит закон», а право делает объектом своего ограничивающего и дисциплинирующего воздействия само государство, выступает мерой его власти. Запрещая государству делать все, что прямо ему не разрешено законом, право достигает главного — ограничивает, если использовать выражение В.Р. Мирабо, «необузданное желание править — самую пагубную болезнь современных государств», и исключает всякий произвол при исполнении государственной воли. Право — не право, если оно не налагает законодательных ограничений на действия самого государства и не определяет пределов его властвующей активности, а также не предоставляет гражданину юридической возможности вменять государству правонарушения и требовать применения к нему санкций на основании закона в беспристрастном и независимом суде.

Это — и возвращение к пониманию права свободы как главной ценности жизни и первоначала всякого права. Общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека и не превратив свод законов государства в «библию свободы народа» (Маркс). Свободы владения и распоряжения собственностью. Свободы думать так, как человек думает, и открыто выражать все, что он думает. Свободы передвижения, выбора места жительства и использования своих производительных возможностей. Свободы объединения в политические партии и общественные организации. Свободы инакомыслия ради истины, которая никому не дана конкретно и которая рождается в свободном столкновении множества мнений, а из причастности к ис-

тине и заблуждению вырастает настоящая свобода. Свободы совести и свободы сказать «нет» несправедливости, когда в общественных отношениях начинает преобладать не согласие, а властно-запретительное начало. Короче, движение в этом направлении началось. И хотя в принятых Верховным Советом СССР законах (об индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, собственности, обжаловании действий органов государственного управления и др.) идея свободы не нашла еще своего полного воплощения, но они тем важны, что положили начало утверждению во всей полноте той предпосылки, что людьми можно управлять, но нельзя пасти, как скот.

Кнут пастуха, как и нормативный запрет или ограничение дерзаний, порывов, устремлений, никогда не был орудием свободы. Демократическая традиция политико-правовой мысли подразумевает выбор и альтернативу, инакомыслие и мужество неподчинения. Общество отличается от природы: закону тяготения нельзя противостоять, но любой придуманный человеческим умом закон можно исправить или отменить. Человек осуществляет себя только в условиях свободы, а не повелительного господства, с одной стороны, и инстинктивно-мистического подчинения — с другой, как это долго утверждалось.

Свобода, однако, хрупка, а быть свободными уже сегодня оказалось для многих более трудным, чем быть лишенными свободы. Когда начала проходить эйфория от смелого и несколько неожиданного провозглашения XIX партконференцией общеправового принципа «разрешено все, что не запрещено», на всех уровнях возникло определенное замешательство. «А это можно?» — спрашивают одни. «Как же они без разрешения и указания смеют?» — возмущаются другие. Третьи же решили: «Теперь полная свобода, все позволено!» И вот уже то тут, то там стали ограничивать свободы и права людей: то на участие в выборах с помощью ценза оседлости, то на свободное определение места жительства путем изгнания целых групп населения некоренной национальности, то на получение земли и собственности в аренду путем запрещения выхода людей и коллективов из сложившихся структур и т.д.

Необходимо понимание: свобода — не вседозволенность. Свобода — это крест. Чудо и бремя. Сокровище, которое каждый обязан охранять. Ибо свободное развитие каждой отдельной личности касается и всех других индивидов, и общества в целом. Свобода налицо там и тогда, где и когда каждый знает и оберегает свою свободу, но и считается со свободой остальных. Человек, который не уважает свободу другого, — это варвар, т.е. личность, не знающая никаких пределов своему произволу и своему субъективистскому хотению. А варварство во все времена неизбежно влекло разрушение общества и ликвидацию свободы человека.

Безусловно, идея права, в основе которого не лежит дозволение и поощрение свободы, исчерпала себя, равно как и идея власти, непосредственно опирающаяся на карающее насилие. Человека свободно-

го, нравственно-инициативного и предприимчивого не создать кнутом или палкой, тюрьмой или страхом.

Но вместе с этим право не может не оберегать свободу. Оно всей своей гуманистической сутью призвано и управлять свободной волей человека, в том числе принуждать его быть свободным, с помощью запретов и санкций. Но лишь в качестве подчиненных элементов правовой системы. Какие бы сложности ни несла с собой свобода, защита ее — неизменная и первоначальная цель права. Ибо чем шире поприще для самостоятельной, не регламентированной государством деятельности людей в различных сферах экономической и интеллектуальной жизни общества, тем оно более демократично и свободно. Поэтому сначала, в первую очередь и прежде другого, необходимо юридическое поощрение свободы и только потом, после этого, ограничение и пресечение злоупотребления свободой. Только такая соотношенность запрета и принуждения с неотъемлемым правом человека на свободное действие и осуществление всех неотъемлемых прав законна и нравственна. Только такой подход способен ввести карательную репрессию в границы соразмерного возмездия и не позволит стать, как в сталинские времена, орудием тотальной терроризации общества и возрождения принципа: «Все запрещено, что прямо не дозволено властью».

Наконец, все явственнее просматривается в облике нарождающегося права и еще одна черта. Наряду с издавна присущей ему функцией консервации, охранительства, поддержания *status quo*, которая стала в годы господства административно-карательной системы едва ли не единственной, обновляющееся право все больше обретает и функцию «прогрессистскую». Подобно двуликтому Янусу, оно сегодня стремится не только стабилизировать складывающиеся отношения, но и помогает найти наиболее подходящие средства для достижения новых общесоциальных целей. Реализуя дремавшую до сих пор способность заглядывать вперед, в будущее, право все активнее направляет развитие общественных отношений по новым путям. Право, стабилизирующее общественные отношения до их застойного равновесия, — это не право, а бесправие, бессилие и незащитность граждан перед политической властью.

Общество как целое нуждается в прогрессивном развитии не меньше, чем его отдельные члены. В грядущую за перевалом XX века в высшей степени динамичную эпоху, когда «абсолютная» стабилизация отношений станет еще больше нежелательной, это качество нарождающегося в ходе перестройки нового права — верно отражать общественные потребности и способствовать их совершенствованию — станет более чем необходимым.

Средствами для достижения данных двух целей могут быть и психологическое воздействие, и угроза физического принуждения со стороны государства. Заманчиво поэтому, ориентируясь на прошлое, дать позитивному праву дефиницию принудительной системы. Но право больше, чем продукт государства, и принуждение есть только

один его элемент. Другой элемент права — порядок, который конституируется другими социальными фактами и силами. Следовательно, правильное определение позитивное право как совокупность таких социальных норм, которые в наибольшей степени упорядочивают общественную жизнь и поощряют ее постоянное развитие.

Разумеется, сказанное — в большей мере пока лишь наметившиеся векторы движения права к своему новому качественному состоянию. Необходима огромная работа по воплощению этих изменений в конкретных законах, в принятии которых решающее слово призван сказать обновленный корпус народных депутатов. Но вместе с этим коренные изменения в организации обучения юристов также неизбежны. Реализованные в учебном процессе, они должны, в частности, способствовать пониманию того, что обновленное право есть:

хотя и воля класса, но не произвол класса: в руке его государства должен быть не тоталитарно-карающий меч, а свод правовых законов;

выражение власти, но и мера власти, ограждающая гражданское общество от командно-репрессивного насилия государства;

воплощение свободы человека, важнейшее средство устроения его жизни и судьбы на основе безусловного общественного дозволения и поощрения инициативного, предприимчивого и самостоятельного действия при минимуме ограничений и карательного принуждения;

средство стабилизации общественных отношений, но и их изменения ради неостановимого движения общества по новым путям социальной эволюции;

общечеловеческая ценность, единственный действительно эффективный порядок, который имеет и будет иметь место во всех человеческих обществах: отмирание права означало бы разрушение человеческого общежития.

Особое место в уходе права от прошлого принадлежит, думается, гражданскому праву как науке и учебной дисциплине. Оттесненное в прошлом на обочину правового регулирования, оно должно теперь пережить свой действительный Ренессанс. И не только потому, что исторически именно с гражданским правом в первую очередь связан правовой прогресс, формирование и развитие мировой правовой культуры, но и потому, что именно гражданское право своими весьма тонкими механизмами придает всему юридическому регулированию общедозволительную, а не запретительную ориентацию. Именно поэтому с гражданским правом связано развитие рыночных отношений, то есть товарно-денежных, горизонтально-договорных, основанных на законе стоимости эквивалентных отношений, а не перераспределительного, внетоварного и неэквивалентного вертикального продуктообмена в виде волевого изъятия центральной властью прибавочного (а нередко и части необходимого) продукта с целью его последующего натурального перераспределения, т.е. обмена, обличенного в форму внеэкономического принуждения и личной зависимости производите-

ля. И если в прошлом с гражданским правом было связано становление вольности городов, свободы производителя и покупателя товаров, возвышение гражданского общества (отсюда и название — гражданское право) и ограничение властной силы государства, то и ныне прежде всего установлениями гражданского права может быть обеспечено развитие столь необходимой нам самостоятельности субъектов права — граждан, организаций, предприятий, их автономного статуса, позволяющего им в рамках закона быть «господином самому себе» (Кант).

Вместе с этим достоянием будущего юриста значительно активнее, чем до сих пор, должны становиться и достижения мировой юридической мысли в сфере теории и практики регулирования и обеспечения прав человека, организации и функционирования политической системы (государствование, политология и др.), измерения эффективности и последствий воздействия правовых норм на хозяйственную, культурную и политическую жизнь (правовая социология и др.), реакция людей на правовые нормы и отражение права в индивидуальной и коллективной психике, в правовом сознании, а также и другие современные достижения политико-юридического знания о мире права и его месте в социуме. В результате карательно-запретительное понимание права, исходящее «из отношений господства и подчинения, выражающихся в праве», должно потерять в юриспруденции всякий кредит.

О юристе «широкого» и «нужного» профиля

Юристы исстари применяли свои знания в таких исторически обособившихся сферах жизнедеятельности общества, как хозяйственно-правовая, государственно-управленческая, правоохранительная (судебно-правовая) и международно-правовая. Иными словами, профессиональный труд юриста — это издавна сугубо специализированный труд. Он требует для своего исполнения весьма тонкого умения и навыков, основанных на конкретных и детализированных правовых знаниях, ориентированных на определенную сферу деятельности. В то же время, кем бы и в какой бы сфере правоприменения юрист ни трудился, он всегда остается и должен быть знатоком права как социального феномена, имеющего место во всех человеческих обществах. Словом, специализированность юридического знания эффективна лишь тогда, когда его питает фундаментальность, а фундаментальность может достигнуть результативности через специализированность подготовки юриста. Однако в 30-е годы эта диалектическая связь общеправового знания и квалификационного профессионализма была грубо нарушена.

Хозяйственно-правовая, государственно-управленческая и международно-правовая специализации в юридических вузах сначала были сужены, а затем ликвидированы совсем. Фундаментальность же

была подменена изучением всевозрастающего числа уголовно-правовых дисциплин, поскольку и криминалистика, и прокурорский надзор, и исправительное право и подобные им, сугубо специализированные учебные предметы получили статус общеюридических, обязательных к изучению каждым студентом, независимо от фактической сферы его будущей деятельности. Таким образом, подготовка нужного другим сферам правоприменения специалиста-правоведа была прекращена, и юридическое образование практически стало готовить специалиста одного профиля — юриста-криминалиста. И тем не менее такая подготовка до настоящего времени продолжает именоваться подготовкой «юриста широкого профиля».

Под напором жизни в самом начале 70-х годов обучение правоведа хозяйственно-правовой, государственно-управленческой, правоохранительной (судебно-правовой) и международно-правовой специализации было вновь восстановлено. Но весьма формально. Хотя число изучаемых дисциплин продолжало расти (их количество к началу 80-х годов перевалило за 40 против 25 в начале 30-х годов), однако изъятые еще в 30-е годы дисциплины, прежде всего хозяйственно-правового и экономико-управленческого цикла, восстановлены при этом не были. Определение перечня учебных предметов и курсов всех четырех специализаций и их содержание были отданы на откуп юридическим факультетам, и, как правило, они составлялись ими в прямой зависимости от круга научных интересов того или иного преподавателя, а не определялись объективной потребностью в юристах конкретной специализации. Распределение выпускников также осуществлялось (и осуществляется еще и сегодня) без учета специализированной подготовки, как правило (до 90 процентов), в правоохранительные органы. Такая формально-академическая постановка специализированной подготовки в течение всех 15 лет после ее восстановления в 1973 году неизменно подвергалась критике. Реагируя на нее, Гособразование СССР в 1988 году осуществило некоторые меры по улучшению столь плачевно поставленного дела. Но все изменения были сведены к косметическому ремонту. Вместо перестройки — перекраска.

В результате, как у нас не было раньше, так, по существу, нет и сегодня: а) юристов-хозяйственников, владеющих современными экономико-правовыми знаниями в сфере рыночно-договорных отношений, регулирования индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, собственности, аренды и т.д.; б) юристов-управленцев, необходимых прежде всего в обновляемых органах Советской власти и управления; в) юристов, необходимых для обеспечения экономических интересов за рубежом, деятельности совместных предприятий, законности контрактов и других форм развития мирохозяйственных связей; г) специалистов по трудовому праву и социальным вопросам; д) юристов для налоговых служб финансово-банковских органов; е) юристов-экологов; ж) юристов-законопроектчиков, которые, как и многие другие, вообще никогда в нашей стране специализированно не готовились. Между тем

жизнь не ждет. Отделение экономического организма от государственного аппарата, переход к рыночным отношениям, превращение государственного и хозяйственного управления, по сути, в юридический процесс применения норм закона, развертывание европейского правового пространства от Атлантики до Урала, расширение демократии и политического плюрализма, включение нашей страны в мирохозяйственные связи — все это и многое другое требует специалистов-правоведов, способных не только рассуждать о праве, а заниматься конкретным делом на современном уровне в конкретных сферах деятельности. Медлить здесь непростительно.

В чем видится выход из ни к чему не готовящей специализированности и грубо перекошенной в пользу уголовно-правовых дисциплин «фундаментальности» в обучении юриста? На наш взгляд, в резком смыслеловом и организационном отделении друг от друга общеправовой и специализированной подготовки юриста. Для этого, как представляется, необходимо установить, что:

(а) в первые два года будущий юрист получает фундаментальную подготовку, ориентированную на освоение фундаментальных знаний о мире права, общеправовых понятийных элементов, которые связывают все правовые отдельные в единое целое и являются своего рода несущими конструкциями всего правового знания. В этой связи в общеправовой блоке должны остаться далеко не все из ныне числящихся там дисциплин. Количество их должно быть сокращено до необходимого минимума действительно основополагающих правовых дисциплин;

(б) в последующие 3 года студент на основе свободного выбора должен овладевать специализированными знаниями, необходимыми ему для юридической деятельности в одной из сфер использования юристов. Число спецкурсов должно быть значительным и дробным, чтобы обеспечивать подготовку не только юристов-управленцев, юристов-хозяйственников и т.п., но в необходимых случаях и весьма «узких», «штучных» специалистов, например юристов-экологов, причем необходимых для одного региона. При изучении дисциплин специализаций должна быть обеспечена прежде всего практическая направленность подготовки при минимуме теоретизирования. Ибо в отличие от фундаментального цикла высшая цель здесь не информировать, не «давать» знания, а отрабатывать умения, методы, приемы, технику работы с законом и исполнения предстоящих функций. Например, осуществление защиты, юридического консультирования, расследования и т.д., короче — учить не знанию норм права, а реальной правовой деятельности;

(в) особая забота должна быть проявлена о налаживании экономико-правовой фундаментальной и специализированной подготовки юристов.

Тенденция общественного развития такова, что главным полем правоприменения становится экономика, управление ею, организация хозяйствования. Между тем активно пропагандировавшаяся в

конце 20-х годов концепция «экономики без права», согласно которой право при социализме якобы поглощается экономикой, правовой анализ сводится к экономическому, а теория права едва ли не производна от экономической теории и т.д., а также возобладавшая в 30-х годах экономно-административная система утвердили в хозяйственно-экономической жизни чуждую ей вертикализированную систему приказных отношений с присущими ей статусом, иерархией и субординацией. Подготовка юристов для сферы экономики была этим, по существу, дезорганизована.

Изучаемые ранее экономико-управленческие дисциплины были изъяты из учебных планов. Гражданское право было оттеснено на обочину учебного процесса. Хозяйственное право, изучавшееся до 30-х годов и рекомендованное к изучению в начале «косыгинских» реформ экономики, так и не получило своего признания. Для студентов, которые выбирали сферой своей деятельности экономику, даже после введения в начале 70-х годов хозяйственно-правовой специализации не обеспечивалось прохождение учебной и преддипломной практики ни на заводе, ни в строительных организациях или в сельскохозяйственном производстве. Обучение их, как правило, строилось на познании лишь юридических норм без серьезных попыток дать возможность познать и природу регулируемых ими хозяйственно-экономических отношений. По сути, тем самым юристам выдавался патент на профессиональное невежество. Ибо царства «чистой» юриспруденции, которую интересует только юридическое выражение окружающего мира, в природе не существует. И кто из юристов не понимает ничего, кроме права, тот и его понимает недостаточно;

(г) планирование объемов подготовки и использования выпускников должно осуществляться строго с учетом специализированной подготовки в соответствии с записью в дипломе, которую надо установить. По примеру свердловского и харьковского институтов, а также по существовавшей в 20-х годах практике обучение в вузах должно вестись на специализированных отделениях (факультетах). Возможна и специализация для подготовки юристов определенного профиля целиком отдельных факультетов университетов и даже юридических институтов.

Некоторые рассматривают такое дробление правового знания в специализациях как некое зло. Но «дробление» это — не субъективная прихоть, а существенная необходимость всякой профессии как деятельности и даже основа ее прогресса. Ибо каждая профессия в качестве деятельности всегда опирается на наличие той или иной ограниченной предметно-материальной сферы и поэтому в целом неизбежно оказывается специализированной, частной профессией. А каждая ограниченная профессия в ходе производительного-профессионального ее развития из-за постоянно растущей необозримости самого поля деятельности вынуждена дробиться на конкретные поля деятельности. Юридическая профессия с давних времен — не исключение из этого правила.

В то же время юрист был и остается один; двух юристов нет, как нет двух вселенных. Есть только ветвящееся древо юридического знания, где все между собой связано: ветви — это науки специализации. Отнимите ветви — останется мертво-теоретический пенек; уберите ствол — ветви распадутся. В силу этого подготовка юриста широкого профиля есть единство фундаментальных (общеправовых) и специализированных наук. Другого не дано, да в другом нет и необходимости.

Исследования показывают, что переход из одной сферы профессиональной деятельности в другую в течение 40-летнего (в среднем) периода работы юриста, конечно, имеет место. Однако в реальной действительности он не так част, как думают, и составляет не более 20 — 30 процентов от числа избравших в начальный период для себя определенную сферу юридической деятельности.

Стало быть, будущий правовед, приходя в юридическую школу, должен попадать в ней не в механическое, перекошенное в пользу криминалистики многопредметье, дробящее юридическое знание на мелкие осколки, а в хорошо продуманную фундаментальность и ее специализированную среду. Стимулировать разнообразие специальностей и специализации в подготовке юридических кадров, а не пытаться ввести всех «в одну колею» — подготовку только юристов-криминалистов — требовательное веление времени и первейшее условие «нужности» юриста обществу.

Назад к нравственному — значит, к будущему

Юрист во всех случаях связан законом, но последний — не единственный источник его решений. Им является также нравственно-этическое содержание права и требования морали, с которыми ввиду их социальной действительности юрист не может не считаться. Однако в реальной жизни это происходит не всегда.

Недавно юрист Шеховцов пытался привлечь писателя Адамовича к судебной ответственности за оскорбление «чести и достоинства» Сталина. Чуть позже средства массовой информации сделали достойным общественного мнения «феномен» юристов Гдьяна и Иванова. По видимости действия этих юристов вроде бы противоположны. Один с помощью решения официального суда стремился обелить преступную деятельность мертвого «вождя всех народов». Двое других, напротив, добивались юридического осуждения «преступлений» живых «вождей». Да и отношение общественного мнения к их поведению неоднозначно. Позиция одного, как правило, отвергается; позиция других шумно, вплоть до проведения уличных шествий, все еще поддерживается.

Но видимость — не сущность. Сколь бы разнонаправленными эти действия ни казались, глубинная их основа едина. И тот, и другие — все они «наследники Сталина» (если припомнить название давнего стихотворения Е. Евтушенко) и ревностные охранители того духа

времени, той псевдочеловеческой морали и профессионально-юридической этики, суть которых: человек — вздор, а закон что дышло; провозглашать в законах нужно самое лучшее, а делать самое худшее, достигая цели любой ценой. Например, ценой юридических фальсификаций, поощрения доносов, пренебрежения презумпцией невиновности, массовых арестов на работе и дома, ночью и днем. Ценой заключения и содержания под стражей не только подозреваемых в совершении преступления, но и их жен, детей, родителей и родственников, ценой использования физического и психического насилия при «выколачивании» доказательств, превышения и злоупотребления властью вплоть до составления калькуляций «сколько взять и сколько дать», исходя из правила: была бы разнарядка, а человек и статья найдутся. При этом у человека, ставшего «объектом» внимания «органов», исчезали едва ли не все возможности опровергнуть ложь, доносы и фальсификации или добиться наказания работников, которые думают и действуют так, будто закон находится в их личном пользовании. Ведь не только у разного рода «двоек», «троек» и особых совещаний при НКВД, но практически и у обычных судов была и есть (к сожалению, и ныне 99,9% судебных приговоров — обвинительные) всего одна дверь — только для того, чтобы пропустить человека «туда» и никоим образом не выпустить его ненаказанным обратно. Но разве не эту безнравственность и беззаконие в глубинной сути своей стремился защитить юрист Шеховцов, предъявляя иск к писателю Адамовичу? И разве не такого же рода отношение к людям и закону, если снять с их высветных апелляций к суду общественного мнения обличительно-юридическую шелуху и самовосхваление, вменяется сегодня в вину Гдлян и Иванову?

Теперь широко известно, что Комиссией Верховного Совета СССР, исследовавшей их действия во время расследования дел, связанных с взятками и коррупцией в Узбекской ССР, выявлены многие беззакония и безнравственности. Из материалов видно, что, используя святую ненависть советских людей к своеволию, коррупции и взяточничеству, они при попустительстве прокурорского надзора перешли всякие границы и стали утверждать справедливость несправедливыми средствами, произволом и беззаконием, сравнимыми с проявлениями безнравственной воли следователей печально известных времен.

Разве не об этом, например, говорит факт незаконного ареста матери грудного ребенка, в результате чего ребенок долгое время оставался без попечения, потому что никто не знал, что его мать сидит в камере? А разве одну эту мать, а не десятки людей бросали в камеры? Только затем, чтобы на дыбе физического и нравственного унижения и страдания изничтожить всего человека, превратить его в жалкое подобие личности, в затравленное существо, способное лишь на то, чтобы или оговорить других, или убить себя (самобийцы тоже насчитывается не один и не два). И в то же время своей «милостью» действительно махровых взяточников они освобождали от уголовной ответственности, сохраняя за ними даже руководящие должности. Пы-

таются оправдать это спецификой «хлопковых» дел. Нет такой специфики. Как не было специфики дел «врагов народа» в 1937 году. И тогда и теперь было беззаконие и еще — предельное измывательство над людьми, их честью и достоинством. «Человек — это звучит гордо» — корежилось в сатанинскую усмешку!

После 1985 года средства массовой информации, литература и искусство сделали достоянием общественного мнения множество и других подобных фактов юридического своеволия и произвола самих служителей закона. Каждый, понятно, дает свою оценку и самим этим фактам, и манере их подачи, и тем выводам, которые из них делаются. Но один вывод представляется всеобщим: нравственно-правовые идеалы, которые в сфере юриспруденции постоянно провозглашались полностью воплотившимися, на деле оказываются нереализованными, а нередко и просто растоптанными. Естественное представление о гуманности права и цене человеческой личности, ее правах и достоинстве в реальности во многом утрачено. Порог нравственно-психологической чувствительности юристов оказался недопустимо заниженным, и многие из них, используя выражение Маркса, «только тогда начинают питать уважение к истине, когда она становится первобытно-грубой» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 61].

Соблазнительно было бы считать, что эти деформации есть плод практических ошибок, нечистоплотности отдельных людей, нехватки умных работников и т.п. Все названное, конечно, тоже имело место, но главное — у юристов не хватило способности ясно сознавать происходящее и соотносить свои действия с назначением права в обществе, его правомерным использованием. Другими словами, речь идет об особом, специфическом для юриста духовном феномене — правовом сознании, которым закон предписывает ему руководствоваться в профессиональной деятельности.

Правовое со-знание юриста — это то, что существует совместно со знанием других людей о мире права и его ценностях. В то время как человеком разумным является любой представитель человеческого рода, за исключением патологических случаев, стать же сознающим юрист может лишь при условии индивидуальных усилий по осознанию правовых идей, взглядов, ценностей и т.д. своим умом и нравственным чувством. В правовом сознании осуществляется нравственно-правовая сущность юриста как живой частицы общества с «головой гражданина и гражданским сердцем» (К. Маркс), его личностная способность знать и понимать данную ему социально-правовую реальность и определить в ней себя так, чтобы черпать мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях самого себя или под влиянием внешних авторитетов, а в личностном правовом сознании и тем оберегать свою подлинную независимость, слушать при разрешении дел всех, но слушаться только самого себя. Подлинное правовое сознание юриста и формируется только тогда, когда работает действительно свободное, а не запрограммированное восприятие юриста, и проявля-

ется оно в тех случаях, когда он выступает как самостоятельная, сознающая себя интеллектуальная сила, как выразитель нравственно-человеческой сути права во всей его всеохватной широте.

Сталинизм лишил советских юристов такого сознания. Лейтмотив современной публицистики, литературы и искусства связан с выяснением того, «как это все получилось?». Один из ответов, видимо, состоит в том, что правовое сознание юристов (как, впрочем, и других слов населения) было грубо и бесцеремонно идеологизировано, т.е. целиком подчинено той сталинистской идеологии, суть которой наиболее полно и ярко выкристаллизовалась в «Кратком курсе» как идеологии принуждения и перманентной классово-конфронтации по мере упрочения социализма. В ней в единственно допустимой интерпретации восторжествовала вульгарная, убудочная форма социалистического учения, не марксизм, а какое-то марксopodobие. Возведенная в политический, нравственный и интеллектуальный принцип, она оберегала не только покой авторитарной власти, но и покой государственно-партийной мысли, основанной на запретах, подавлении иного мышления и угодливом комментаторстве изречений «вождей».

В конечном счете все универсальное богатство социалистического идеала в этой идеологии было стянуто к одной точке — строительству сталинского «социализма» в одной, отдельно взятой стране. В соответствии с этой идеологией, постоянно подпитываемой стремлением Сталина к единоличному властвованию, политическая власть в центре и на местах стала участником производственных отношений, а также и монопольным собственником всех средств производства. Собственность ею не обобществлялась, а стремительно огосударствлялась. Даже колхозы функционировали фактически как государственные, а не как кооперативные предприятия. Государство овладело и людьми не только как своими гражданами, но и как своими рабочими. Устранив безработицу и превратившись в единственного работодателя, оно стало и обладателем всех возможностей для экономического принуждения путем лишения неугодного человека средств к существованию или заставляя его заниматься лишь санкционированной деятельностью. В руках у государства сосредоточились и все рычаги внеэкономического принуждения. Образно говоря, в период коллективизации и индустриализации Сталин властвовал над рабочей силой, «коллективным рабочим» тогдашнего советского общества, с помощью таких методов, которые больше походили на господство египетских фараонов над рабами, строившими пирамиды.

Как показало время, для этой тоталитарной идеологии само понятие социализма совсем не являлось средством достижения социальной справедливости и человеческого счастья, а было всего лишь самодовлеющей целью, ради утверждения которой можно не только «отложить закон на сторону», отречься от отца или донести на мать, но можно пожертвовать и человеческим счастьем, и свободой, и даже жизнями миллионов. В такой идеологии нет ничего ни действительно социалистического, ни правового, ни нравственного. Это — идеология теократии.

Подобно всякой единственной государственной идеологии, она требовала служить утвердившейся власти как божественной, неважно — в лице ли «вождя народов», государства диктатуры пролетариата или в лице твоего непосредственного начальника. При этом все подчиненные социальные субъекты — от больших групп типа классов и народов, трудовых коллективов и до отдельной личности — лишались главного — необходимости самостоятельно, автономно мыслить и автономно действовать. Ограничение, а нередко и полное лишение информации о себе и своей общественной среде, организационно-юридическая несамостоятельность и фактическая невозможность принять решение самому — все это стало выражением той несвободы, которая составляет ядро идеологии всякого тоталитарно-репрессивного режима.

Тем не менее именно эта идеология с ее религиозно-мистическим рефреном «Так учит Сталин» при самом активном участии юридического образования была «внесена» в профессиональное сознание юристов, стала ведущим ее элементом. Советский юрист в результате оказался в большей мере политиком, заинтересованным в упрочении дурной идеологии, чем правоведом, заинтересованным в истине и устройстве жизни людей под сенью правовых законов. Запрограммированное готовыми знаниями и господствующими предубеждениями, идеологизированное квазисознание уже не требовало от него личных нравственных усилий для осознания смысла права и собственных действий по его применению. Ведь то, что есть право и что есть истина, определила для него раз и навсегда сама идеология и тот, кто присвоил себе право говорить от ее имени и охранять ее чистоту.

«Любая идеология, — писал в 1922 году известный теоретик В. Адоратский, — вредна тем, что мешает видеть действительность...» [«Под знаменем марксизма», М., 1922, № 11 — 12, с. 208]. Это, конечно, крайняя точка зрения. Но бесспорным является то, что сталинская идеология требовала от юриста беспрекословно принимать за истину все, что ему внушала пропаганда. И это убивало в нем юриста, его способность видеть в праве средство обуздания власти и устройства совместной жизни людей на основе свободы, демократии и человечности. Напротив, внушенное сознание позволяло видеть в праве только средство взнуздания масс к послушанию путем его обвинительно-репрессивного применения. Судьи, как иронизировал в своих пьесах Б. Брехт, стали в этих условиях неподкупными: ни за какие деньги их нельзя было заставить выносить правосудные приговоры в соответствии с фактами и нормами права. С законом стало возможно обращаться, как с подручным инструментом, вроде лопаты или ружья, исходя из собственной прихоти или указаний внешних авторитетов.

От кривой палки прямой тени не бывает. Деформированное сознание неизбежно будет деформировать судьбы людей. От засилья тоталитарной моноидеологии «Краткого курса» необходимо освободиться. В правовом государстве должны иметь право на существование и соперничество множество идеологий. За исключением,

разумеется, тех, которые несовместимы с законом. Другой вопрос — что конкретно нужно юриспруденции?

Необходимо, думается, движение юриста «к самому себе человеческому» (Маркс), к новой профессионально-юридической этике. С ее принципами нравственной достойности и моральной безупречности юриста, суверенности правосудия, свободы и достоинства человека, гуманности и справедливости права, верховенства закона. Эти и другие основополагающие идеи, собственно, и должны составлять основу правового сознания правоведа.

Студенчество — время первых познаний и неведения тягот профессиональной юридической жизни — располагает к нравственному. Оно обогащает и облагораживает душу, выжигает из нее, по словам А.Ф. Кони, животность и грубость, душа в эти годы лелеется, расправляет крылья в море светлой человечности и справедливости, в этих возношениях себя в мир горний, поправший в себе сиюминутное, неискреннее, ежедневность. Формирующие воспитательные утраты этих лет невозполнимы. Упускать это время для освежающего обновления профессионального сознания юристов было бы верхом неблагоприятия. И одна из задач перестройки юридического образования есть, в сущности, задача вытеснения из сознания юриста тех уже не раз заклеянных, но не ушедших и сохранившихся в умах идеологизированных идолов сталинизма, в которых отнюдь не только Шеховцов, Гдлян или Иванов видят и сегодня выражение истинного юридического благочестия.

Многообразие дел здесь огромно. В мире права нет ничего такого, что не имело бы своих эквивалентов в духовном мире юриста. За что же браться? Представляется, что полезным на этом пути могло бы оказаться, в частности, следующее.

1. Раскрыть юристу нравственную действительность права. Являясь атрибутом духовного бытия, оно не наследуется в ходе воспроизводства физических индивидов, а передается из поколения в поколение. И движение будущего юриста «к самому себе человеческому», к истинной юридической гуманности его действий может состояться, если нравственно-духовное содержание права будет им завоевано, чтобы, став сначала знанием, затем убеждением и личностным качеством, перейти затем в действие и воплотиться истиной, справедливостью и человечностью в конкретной профессионально-юридической ситуации.

Решение этой задачи — дело всех юридических дисциплин. Ни одна из них, часто уходивших в прошлом в юридическое начетничество и комментаторство или раболепно певших дифирамбы правовой системе, не имеет права уклониться от этого. Прежде всего от того, чтобы помочь будущему юристу осознать, что было дурным в понимании и осуществлении права идеологизированным сознанием. Сначала в условиях «построения социализма в одной отдельно взятой стране», затем в условиях «нарастающей классовой борьбы по мере укрепления социализма» и потом «в сложной международной и внутренней обстановке реального социализма». И дать ему оценку. Знание ошибок необходимо, но оно не

предотвращает от новых ошибок. Моральная же оценка укрепляет нравственность и помогает не совершать еще одного дурного деяния в будущем. А оценить необходимо многое.

Сегодня, например, едва ли не у всех на устах имена А.Я. Вышинского, В.Д. Ульриха, Н.И. Ежова, Л.П. Берия и других злых демонов права и нравственности. Но совсем неизвестны имена работников юстиции, которые, руководствуясь нормами действительно революционной морали, боролись за законность и право не только словом и делом, но и жизнью. Кто те судебные и прокурорские работники, которых в январе 1928 года Сталин, будучи в Сибири, требовал «вычистить» и «заменить другими честными работниками» за то, что они отказывались применять ст. 107 УК СССР — совершение спекуляции — не по прямому ее назначению, а по аналогии — за несдачу излишков произведенного крестьянами хлеба? А какое имя носил судья, который, по словам Кагановича, сказанным на январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), заявил, что у него не поднимается рука давать срок 10 лет за четыре украденных колеса телеги?

Но только воскресить забытые имена — мало. В основе профессиональной этики юристов всегда лежит несовпадение, порой трагическое, двух начал — сознания своей ответственности перед людской правдой и стремления к собственному благополучию. Поэтому в юриспруденции у каждого свой путь. И не у всех он оказывается добрым. Почему? Почему одни оказались способны противостоять хотя и сиюминутно выгодным, но разрушительным соблазнам зла, а другие нет? Какие обстоятельства наиболее негативно сказались на формировании нравственного облика правоведа и какие могут быть пути изменения этих обстоятельств?

Добытое знание о нравственной стойкости тех, кто отдал свою жизнь за честь и достоинство юридического сословия, и о моральном падении других должно быть не только научно осмыслено, но и нормативно закреплено в Канонах этики современного советского юриста. В отличие от других стран, в частности США, подобного издания в нашей стране никогда не было.

Как известно, моральные кодексы, в том числе и кодексы профессиональной этики, спущенные сверху, редко прививаются. Шанс на эффективность они получают, когда представляют собой не набор запретов и наказаний, а воплощение мотиваций морального самоопределения юриста и стимулирования самовоспитания. И то лишь в случае, когда кодексы этики являются итогом морального поведения конкретных людей и его нравственной оценки теми, кому предстоит следовать примеру такого поведения. То есть когда они продукт добровольного самообязательства многих.

Думается, что такая ситуация сегодня налицо. Сегодня сама жизнь требует не этики прагматической выгоды и классовой пользы, приведших нас к юридической «поножовщине», а этики личной чести, гражданского мужества и нравственно-профессиональной ответственности, образцы которой и продемонстрировали лучшие служи-

тели закона в 30-е и последующие годы. Без морали право ныне уже не может быть ни создано, ни реализовано. Зло и право не могут идти впредь по жизни рука об руку. Правовым может быть только нравственное. И здесь не может быть никаких компромиссов.

Разработка Канонов этики современного юриста на этой основе явилась бы началом создания интеллектуально-этического памятника всем, кто своим поведением доказал, что юрист поднимается до нравственной высоты права, когда он самую жизнь (как минимум свою собственную!) стремится сделать нравственной. Этот памятник постоянно напоминал бы одному будущему поколению советских юристов за другим, что «идейно-классовая сознательность» только тогда обретает подлинную цену, когда она опирается на прочный фундамент общечеловеческих нравственно-правовых ценностей.

Ограничиваться этим, однако, тоже нельзя. Нравственная оценка должна коснуться и всего другого, что укрывалось или искажалось в угоду личностям и марксоподобной идеологии.

Сколько, например, скудных наши познания о демократическом жизнеустройстве и судопроизводстве наших древних республик — Новгорода и Пскова. Зато сколько величальных слов посвящено уничтожению этой нашей демократической и правовой гордости деспотом средневековья Иваном IV. А ведь этими учеными и публицистическими славословиями поднимали мертвеца только затем, чтобы он в лице Иосифа Джугашвили-Грозного разгуливал на свободе и хватал живых, тянул их от общечеловеческого прогресса и демократической цивилизации к классической тирании, к абсолютной самодержавной власти, но еще больше — к праву, обществу и производству, построенным на базе ушедших от нас феодальных отношений непосредственного принуждения, вплоть до прямого насилия в системе ГУЛАГа. Деградация эта воскресла и привела в нашу жизнь такие феодально-архаические типы сознания, типы личности и таких идиологов мышления, которые нам предстоит еще долго сокрушать.

А разве не обеднили мы себя, когда, отождествляя судебную реформу 1864 года с царизмом, отказались от конструктивного диалога с ее демократическими завоеваниями и использованием их в практике социализма? Ведь по своей духовной значимости она справедливо приравнивалась к отмене крепостного права в России. Суд присяжных, судебные следователи, презумпция невиновности, судебные округа, не совпадающие по своим границам с административно-территориальным делением, чтобы укрепить независимость правосудия от местной власти, поучительный опыт сената России (высшего судебного учреждения), кассировавшего решения судов не только по формально-юридическим признакам, но и по мотивам нарушения участниками судопроизводства норм общечеловеческой морали и профессионально-юридической этики во всех случаях, когда нечестивый, но ловкий одолел в суде праведного, — все это достояние, к которому мы начинаем возвращаться, но только более века спустя.

Недостойно нас и то, что за все 70 лет собрание сочинений А.Ф. Кони — нашего великого правоведа-гуманиста и судебного этика — издавались лишь один раз, в хрущевскую «оттепель». Если, однако, об имени А.Ф. Кони советские юристы хотя бы слышали, то имена, а тем более этико-правовые мысли Стояновского, Спасовича, Арсеньева, Боровиковского и многих других выдающихся «отцов и детей» судебной реформы 1864 года сегодняшним юристам, как показали опросы, просто неизвестны.

Еще на заре христианства Блаженный Августин задавался вопросом: «Что суть царства, лишение справедливости, как не большие разбойничьи шайки?» И вслед за мыслителями и законодателями еще более ранних цивилизаций приходил к выводу: право — это исключительно справедливый нормативный порядок. А для нас? Является ли для нас справедливость тем масштабом, которым издавна человечество меряет нравственное содержание права?

С горечью надо признать: несправедливый закон до последних дней являлся для нас истинным правом. Таковыми, например, до недавней, в конце 1989 года, отмены Верховным Советом СССР, были Постановления ЦИК СССР от 10 июля и 1 декабря 1934 г. об учреждении Особого совещания при НКВД СССР, а на местах — особых трибуналов, чрезвычайных комиссий, трагически известных «двоек» и «троек», и наделении их по предложению Сталина полномочиями выносить приговоры, рассматривать дела без участия обвинения и защиты, кассационного обжалования и ходатайства о помиловании при немедленном приведении приговора в исполнение.

Или вспомним военное лихолетье и те же «колоски» или опоздания на работу, когда наказание абсолютно игнорировало меру содеянного. Ведь законы, на основании которых выносились такие приговоры, признавались хотя и суровыми, но правовыми. Кое-кто и сегодня вздыхает по тем временам: мол, хоть и страшно было, зато дисциплина была и вообще порядок был «железный».

К сожалению, обесчеловеченность жизни и права принимается нами за должное и не вызывает протеста и во многих других случаях. Возьмите, например, трагедию пленных. Из 32 млн., надевших в годы войны шинель солдат, 5 734 528 были взяты в плен. Их сделали козлами отпущения, на которых можно было бы выместить всю свою злобу за то, что своим «предательством» и «трусостью» они перепутали победные карты «великого полководца». Международное право нам говорит: военный плен — это не преступление: «военнопленный должен быть неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье». Но это для других народов, а для нас был иной закон — сталинский приказ № 270. Если «...часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи». Командиров и политработников, «...сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых

подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров».

Всего несколько строк, но трагедия безвинных не кончена и сегодня, ибо и сегодня эти установления считаются истинно правовыми. Удивляться такому восприятию узаконенной несправедливости не стоит.

«Основным фактором всемирной истории теперешнего времени является глубокий раскол мира» — этими словами открывается сборник Н.И. Бухарина «Этюды», выпущенный в 30-х годах [Н. Б у х а р и н. Этюды. М. — Л., 1932, с. 9]. Развивая эту мысль, автор писал, что раздвоение мирового хозяйства на капиталистический и социалистический секторы, которые «исключают взаимно друг друга», означает в то же время раздвоение политики, поляризацию классов, раздвоение не только «способа производства», но и «способа присвоения», раздвоение мировой культуры, антагонизм мировоззрений, формирование разного типа людей, борьбу двух миров, «одному из которых суждено погибнуть» [там же, с. 13, 16].

На этой социокультурной почве и произрос мировоззренческий подход, противопоставлявший социализм и капитализм как полярные противоположности, как своего рода «мир» и «антимир». Прямым следствием этого стал разрыв ткани исторической преемственности. Даже действительную самобытность нового правового строя мы видели не в восприятии общечеловеческого опыта, а в отчуждении от него, в стремлении все изобрести заново и всему противопоставить «классовое» отрицание. Если «у них» суд присяжных, то «у нас» его не будет, если «у них» адвокат участвует в разбирательстве дела с самого начала, то «мы» его пустим только в судебное заседание, если «они» признают презумпцию невиновности, то «мы» ее «знать не знаем и знать не хотим» и т.д.

Словом, естественноисторический ход формирования права был заблокирован исходящими из идеологического аппарата процессами «творения» искусственных, а нередко и уродливых новообразований, конечным результатом которых, хотели того или нет их инициаторы, стало создание запретительно-репрессивной, во многом феодально-инквизиционной правовой системы. При таком подходе право не только не стало средством строительства действительного социализма, но и окончательно утратило всякую способность оберегать человеческую жизнедеятельность от просто случая и тем более от государственно-организованного произвола.

На рубеже 50-х годов тенденция классово-идеологической нетерпимости была усугублена кампаниями по борьбе с космополитизмом и «низкопоклонством» перед Западом.

Экспертизу на «социалистичность» превратили в те годы в прокрустово ложе, в своего рода портновское лекало, отсекая с его помощью от политико-правового материала все, что не соответствовало замыслу модельера командно-репрессивного социализма. Не излечена эта болезнь и сегодня. Ведь не далее как уже после начала пере-

стройки мы ударили по подворью крестьян, круша с помощью силы закона «частный» сектор и «нетрудовые» доходы, а заодно и надежды на обретение здравого смысла в хозяйствовании, во всей нашей жизни. А разве мало еще законодателей и правоведов страшат и сегодня народ частной собственностью и эксплуатацией, которые Маркс исследовал уже более века назад.

Однако не более ли страшна сегодня для нас опасность работы на государство, за которым стоят реальные лица, использующие его как «частную собственность» (Маркс), или работы просто на лентяев, которые в силу господства уравнилельных принципов распределения и пользуются у нас привилегиями по сравнению с истинными тружениками? Ведь связанные с этим своеобразные виды и способы эксплуатации — не меньшая реальность, чем боязнь эксплуатации на основе частной собственности. Тем более что, во-первых, частная собственность у нас совсем не развита и в некоторых сферах мы явно страдаем от ее отсутствия. Во-вторых, в руках государства немало экономических рычагов воздействия на все формы собственности, которые могут и должны быть использованы. В-третьих, давно найдены и успешно действуют в демократически управляемых правовых государствах механизмы общественного контроля за ними.

Конечно, возможность выбора всегда ограничена реальными жизненными условиями. Но несомненно и другое: эти возможности тем больше, а выбор может быть тем успешнее, чем глубже мы понимаем и реалистичнее оцениваем процессы, происходящие и в стране, и в мире. Говоря о поиске современной парадигмы социализма, а стало быть и его права, и — даже более узко — о выборе альтернатив в ходе нашей перестройки, мы все еще отгораживаемся от совокупного опыта человечества, выламываемся из него, отбрасывая из наработанного миром людей за тысячи лет размышлений и действий только потому, что опыт не выдерживает экспертизы на сомнительную сталинско-брежневскую «социалистичность». И тем самым бьем сами по себе и по надеждам выйти из кризиса.

Теперь мы, правда, нашли у Ленина суждение о том, что с точки зрения основной идеи марксизма интересы общественного развития выше классовых интересов пролетариата. И развернули это как знамя, ибо поняли: невозможно строить новое как полную противоположность старому. Каждый из нас прорастает сквозь тысячелетия. За ныне живущими — века и века биологической, языковой и культурной эволюции человечества. С тысячами и тысячами отошедших от нас мы связаны единством рода и глубочайшими отношениями преемственности. И социализм — это не просто НЕкапитализм, а вызревающая в нем, рождающаяся из него, наследующая у него все протрессивные достижения человечества и использующая их формация. Ибо истинное достижение независимо от того, когда и кем оно добыто, всегда и для всех остается истинным. Критические же квалификации обретают смысл лишь тогда, когда различные достижения подвергаются компетентному анализу и при этом четко различаются ре-

альное содержание этих истин и те интерпретации, которые ему даются представителями различных направлений мировой мысли. Без этого невозможно преодолеть изоляцию от общечеловеческого и его необходимого воздействия, в частности, на развитие нашего права.

С этой точки зрения предстоит заново продумать и вопрос о взаимоотношениях правовых систем. С одной стороны, в результате обострения глобальных проблем и начавшихся глубоких изменений постепенно формируется политико-правовая культура, преодолевающая былую конфронтационность. Это культура консенсуса во взаимоотношениях классов, государств и наций. Она никоим образом не устраняет противоборства, ибо сохраняется почва для него — противоречия между классами, нациями, государствами. Но само противоборство происходит иначе, проявляется в формах, выступающих за консенсус и противостоящих ему, а также в рамках консенсуса.

С другой стороны, никто не знает, какими войдут в XXI век те страны, которые мы сегодня относим к социалистическим и капиталистическим. Мы наблюдаем охвативший их кризис индустриализма и постиндустриализма, породившего противоречия и парадоксы нашего века. Но уже просматриваются контуры и возможности иного развития, цивилизация нового типа, которая основывается на иной, чем прежде, комбинации общественной деятельности в производстве, иных отношениях между людьми и народами. Социализм, развивающийся как глобальный процесс и вырастающий на изменяющейся цивилизационной основе, обогащает саму идею нового общественного устройства мира.

Не следует, однако, думать, что воздействие этих процессов будет исключительно позитивным и решит все наши социально-правовые проблемы. Но не следует и упорствовать в своей идеологической зашоренности. Следует понимать, что социалистическое право — это не какое-то отдельное, неизвестно откуда выскочившее право, а всего лишь одна из тенденций правового развития мира. И как тенденция оно действует и отдельно и вместе с другими правовыми системами в рамках современной цивилизации, обогащая и обогащаясь. Наше понимание социалистического права должно становиться богаче, поскольку мы осознаем человека не только как часть своего народа, нации, воплощающего их черты и совокупность их общественных отношений, но и как «человека глобального», преодолевающего кризис уходящей цивилизации и творящего цивилизацию начала третьего тысячелетия. И тип права, который однажды придет на смену нынешнему, думается, не будет тождественным ни капиталистическому, ни бывшему «социалистическому» праву. При разработке понятия права демократического гуманного социализма это нужно бы принять во внимание, если мы хотим изжить бесплодность сталинистского подхода к миру на двухмерной основе: черно-белое, у них — у нас, пролетарское — буржуазное, прогрессивное — реакционное и т.д.

Изживание старого подхода уже началось и приносит свои результаты. Пока еще скромные, но реальные. Законодательно восста-

новлен суд присяжных. Адвокат принимает теперь участие в разбирательстве дела с момента задержания или ареста подозреваемого. Судьи избираются ныне на 10 лет с перспективой бессрочного избрания ради укрепления их независимости и беспристрастия. На очереди, думается, открытое законодательное закрепление презумпции невиновности, полного принципа состязательности судопроизводства, решение только судьей — избранным общественным лицом — вопроса о взятии под стражу или освобождении из-под стражи и т.д.

Представляется, что не за горами и признание справедливости как всеобщего идеала и критерия нравственности права. Ибо естественно-правовая справедливость, производная от бытия, как ничто другое, своей нравственной сутью — каждому воздается свое, каждому подобает равное достоинство, каждый вправе в равной мере притязать на свободу и надеяться на справедливость в будущем и т.д. — способна наиболее полно охватить типично человеческое (как в добродетели, так и в грехе) и стать опорой людей и профессиональных юристов в их суждениях о том, что есть действительное право, а что таковым не является вовсе. Для нравственно-справедливого сознания правом является не любой нормативный акт, принявший обличье закона, не любое правило поведения, закрепленное в нем, а лишь нормативно закрепленная справедливость. Несправедливый закон не есть право.

Хотя нормы права не являются ни «подвидом», ни трансформацией каждой из моральных ценностей, да и далеко не каждому аспекту правопорядка соответствует моральный элемент, тем не менее внутренняя связь права с нравственностью относится к важнейшим моментам правового бытия. Право поэтому лишь тогда право, когда в нем не только нет ни одной аморальной нормы (вроде норм об учреждении «троек» и «двоек» с их инквизиционным процессом или норм об объявлении предателями всех военнослужащих Красной Армии, попавших в плен), но каждая из них неизменно поощряет и охраняет добровольно выбираемое добро, выставляя ради этого свой нормативный заслон не только против общепризнанного правового зла (убийства, шантаж, кражи и т.д.), а и против стремления обращаться с личностью как с тварью, недочеловеком или «винтиком» политико-правового механизма, как с несвободным объектом его команд и послушания. Только такое право создает предпосылки для свободного, соответствующего нравственности развития личности, является фундаментом нравственного социального мира. И создание только такого права есть моральная обязанность тех, кто творит закон. Несправедливый законодатель так же нетерпим, как и несправедливый судья.

Идея справедливости должна усваиваться правовым сознанием прежде всего как идеал, с которым сверяется право и на который ориентируется духовный мир юриста. Идеал, конечно, выше любых человеческих возможностей, но именно в таком качестве он и нужен юристу: чтобы заставлять напрягаться в служении справедливости.

В XVIII веке прогрессивные мыслители возродили девиз древнеримских юристов: «Пусть погибнет мир, но восторжествует справедливость». Современные юристы призваны видеть в нем не просто норму профессиональной этики, а ее основной принцип, на котором должна основываться вся организация правосудия. И лишь тот, кому собственная прихоть, сила и власть над людьми, подобно Шеховцову или Гдяну, а также борьба за них представляются высшим благом, может думать и действовать иначе.

2. Сделать человеческое достоинство неприкосновенным. Жизнь человека начинается не с метафорических ценностей. Он приходит в мир и первым криком своим требует от всех уважения к достоинству своей личности, к своему неповторимому «я». Простекая из самоценности человека как цели в себе, достоинство его личности значит для всего жизненного самочувствия и счастья человека не меньшею, а чаще большую роль, чем материальное благополучие, здоровье и даже сама жизнь. Человек может вынести множество лишений, но, как правило, он не переносит унижения, которое лишает его возможности уважать самого себя. Без такого уважения человек утрачивает многие свойства человека, нередко идет на самоубийство и на преступления.

Любое умаление человеческого достоинства (любого человека, «плохого» или «хорошего») наносит страшный урон и общей нашей духовности. Ибо освещает доносительство, осведомительство, анонимные письма ревнителей «морали», которых Салтыков-Щедрин справедливо назвал «мерзавцами на правильной стезе», предательство близких и друзей, вносит в нашу среду подлость и низость. Поэтому везде и всегда охрана и защита достоинства человека — важнейшая цель всех политико-правовых институтов и любой государственности. Особенно опасно пренебрежение достоинством личности в юриспруденции.

Деятельность юриста вся — от начала и до конца — соткана из действий от человека к человеку, чаще — в ситуации конфликта, в разрешении которого участвует не только право, но и власть, ее сила. А это уже само по себе начало, преддверие употребления власти и права для достижения целей, порой далеких от истины, уважения прав и достоинства человека. История же наша — и дальняя и ближняя — создавала условия, в которых это преддверие нередко становилось распахнутой дверью. И не только в юриспруденции, но и во многих других сферах жизнедеятельности общества.

Сначала к умалению ценности достоинства человека и самой его жизни приводила гражданская война с ее обоюдными незаконными реквизициями, заложничеством, порой огульным применением «высшей меры наказания» и т.д. В последующие годы в связи с грубо-насильственными средствами проведения индустриализации и коллективизации, а также в связи с судебно-карательным произволом 1937 — 1938 годов методы властвования еще больше утратили человеечно-правовой характер. Были созданы неконституционные органы

внесудебной расправы. В стране возникло лагерное рабство. Грубейшим образом попирались достоинство и права не только отдельных подследственных, подсудимых или осужденных, но и целых репрессированных народов. Именно в эти годы были окончательно отброшены общегуманистические идеи и правовые нормы охраны достоинства и прав личности, сформулированные еще в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Декларации прав народов России и первой Конституции РСФСР. Негативную роль сыграл в этом процессе и отказ от включения комплекса прав и свобод советских граждан в Конституцию СССР 1924 года.

Следуя сложившимся представлениям, Конституция 1936 года была построена так, что уже сама ее структура вновь абсолютизировала государство. Среди тринадцати ее глав, регламентирующих государственное устройство, глава о правах и обязанностях граждан заняла лишь десятое место. Всестороннее развитие личности рассматривалось в этой Конституции не как цель социалистического строительства, а как средство для достижения цели — построения сталинской модели социализма. В 1977 г. в Конституцию СССР впервые был введен раздел «Государство и личность». И хотя в нем единожды (ст. 57) упоминается термин «достоинство» (который, кстати, в толковых словарях 30-х годов считали «книжным»), однако Конституция вновь явно выделила приоритет государства, причем заведомо отождествляя его с государственным аппаратом. Самые различные отрасли правовой науки и юридическое образование все эти годы поддерживают этот авторитет, буквально абсолютизируя государство. Мощная, начинающаяся со школьной скамьи пропаганда его непогрешимости ведется таким образом, что государство в его правовом, юридическом смысле отождествляется с Отечеством и Родиной, а гражданин объявляется практически подданным государства. А разве у подданного может быть личное достоинство?

Между тем человек — основа и цель государства. Возвышая и охраняя его достоинство, государство обеспечивает прежде всего свою собственную основу — существование личности как нравственного субъекта права и гражданина государства. И именно это должно стать исходной посылкой как новой Конституции СССР, так и всех нормативных актов и практической деятельности государственных, общественных органов и организаций. Они призваны юридически закрепить фундаментальную и повседневную зависимость всей административно-управленческой системы от интересов, нужд и потребностей людей, достоинства человека. Это же, на наш взгляд, настоятельно выдвигает необходимость утверждения принципа человеческого достоинства как абсолютного нравственно-правового принципа правопорядка и юридической деятельности. Чтобы противостоять стремлению юристов достигать профессионально-правовых целей любой ценой, этот принцип:

— устанавливает, что только тот имеет право на профессиональное применение закона к поведению человека, кто по-настоящему

уважает неповторимую индивидуальность другого и не допускает к нему отношения просто как к средству, но всегда только как к цели общественного развития и мере всех вещей в праве;

— предопределяет для юриста, что человек, даже будучи лишен своего юридического статуса как субъект права, никогда не может быть хоть в малейшей степени поражен в своем достоинстве: достоинство личности человека неприкосновенно;

— запрещает юристу в процессе профессионально-юридического общения допускать пренебрежение, умаление или ущемление достоинства личности и предписывает ему вносить в свое поведение чувства меры и такта, строгой опрятности приемов, объективности и беспристрастности в своем отношении к лицам, с которыми он приходит в соприкосновение вследствие своей деятельности;

— предписывает, чтобы в полную меру использовались процессуальные и институционные возможности установленного правопорядка (право на законный и независимый суд, право на защиту и т.д.), для того чтобы оградить достоинство и права личности от умаления и нарушения, будь то со стороны граждан или со стороны государства;

— предписывает юристу не только соблюдать самому, но и содействовать в соответствии с законом любому гражданину в его стремлении участвовать в качестве активного субъекта в охране достоинства личности и пересмотре законодательства, несовместимого с достоинством человека, поскольку всякий гражданин, имеющий обязанность исполнять закон, имеет право и не допускать противозаконных действий с чьей бы то ни было стороны.

Сделать принцип человеческого достоинства достоянием юристов — неотложная задача юридической школы. Чтобы способствовать этим созданию необходимых условий для уважения достоинства человека, реализации прав и свобод индивидов, для преодоления нашей нравственной неподлинности, формальности, поверхностности, грубости при их осуществлении, которые и до настоящего времени выдаются порой за нашу «пролетарскую» самобытность. Если же этот принцип останется неведомым питомцам Фемиды, не станет их внутренним убеждением, постоянно переходящим в практическое действие, то пренебрежение такой «малой величиной», как достоинство человеческого «я», может вновь обернуться юридическим каннибализмом — поощрением анонимок и доносов, готовностью к пренебрежению презумпцией невиновности или стремлением «не убеждением, так страхом, не страхом, так мукою» (Кони) добиваться юридической «правды», а путь к высшим идеалам права и истинному назначению юриста окажется снова закрыт.

3. Юрист — это не только человек с кодексом, юрист — это человек с совестью. Содержание фактов и закона, с которыми имеет дело юрист, не дано ему в их действительном содержании. Оно может быть вскрыто только особым действием ума юриста как общечеловеческой способности понимания и мышления. И этот момент — один из самых критических в юриспруденции: именно здесь справедливость, свобода

и человечность или окончательно торжествуют, если мыслительный процесс осуществляется качественно, или терпят поражение, если он производится неправильно. Поражение тем более горькое, что неправо в этом случае получает от юриста свободный пропуск в жизнь под видом права.

Причина этого, разумеется, не столько в самом уме юриста как таковом, сколько в знании — знании права, знании жизни, знании практики правоприменения и т.д. Именно знания учат ум юриста выносить обоснованные и законные суждения о правомерности или неправомерности поведения людей. И поэтому ум юриста, даже хорошо от природы устроенный, мало что может, если его не питают знания.

Природа знаний, однако, двойственна: они пригодны в равной мере для достижения всяких целей — и высоких, и низменных. Не случайно в Древнем Риме по сообщению Светония всех знающих, как обращаться с лекарствами, одинаково относили к одному и тому же профессиональному сословию — сословию отравителей. Именно поэтому за умом, наученным знаниями, нужен глаз да глаз.

Словом, «чистый» рационализм, нуждающийся только в ясном выражении знаний и соблюдении правил оперирования ими, в юриспруденции также не очень надежный путеводитель. Неограниченный в своих логически-мыслительных возможностях другими мотивами поведения, он может легко деградировать в изворотливую беспринципность (и закон тут же превращается в самое настоящее «дышло»), в профессиональный цинизм («подумаешь, годик лишнего дали»), перейти черту долга и человечности, за которой начинается разрушающая зона несправедливостей и своеволия. Допустить этого нельзя. Право — это исключительно справедливый, нравственный порядок. Оно обращается к юристу не просто как к служащему по юридическому ведомству, а как к нравственно-достойному индивиду, способному исполнять его нормы не только по служебной обязанности, но и из чистых и бескорыстных убеждений. В основе его решений должна лежать не одна только логически знаемая неизбежность, но и нравственная мотивированность применительно к ценностям в праве и юридической деятельности. Без этого достичь правильной квалификации поведения нельзя. Альберт Эйнштейн однажды заметил, что если кто-то поставил целью уничтожение людей на планете, то опровергнуть эту цель рациональным образом было бы невозможно.

Какое же качество юриста, программирующее действия его ума, может взять на себя соотношение знаний с нравственными ценностями права и моралью людей? Только совесть юриста.

Разумеется, совесть не способна указать юристу, в чем состоит истина, какие факты относятся к делу или как их юридически следует квалифицировать. Это дело его ума, его способности логически мыслить и понимать. Задача совести — иная. Будучи нравственно-рефлектирующим элементом профессионального сознания, совесть юриста, по мысли Гегеля, способна из самой себя ведать, что есть добро и что есть зло, что достойно и что недостойно, что возможно и что

невозможно в юриспруденции. Именно она и подает уму со-весть о том, познается ли истина истинным путем, и побуждает его приложить все свои силы к тщательному, всестороннему и полному исследованию каждого факта, события и доказательства; отнестись ко всем участникам правового отношения как к равным перед законом и оценить их доводы без пристрастия, считаясь с фактами и логикой, а не со своими прихотями и чужими пожеланиями; высказать открыто, не кривя душой ни для дружбы, ни для родства или ожидания выгод, то, что есть в действительности и какой закон следует применить, кто в споре прав, а кто на самом деле виноват и чего он по справедливости за это заслуживает.

Стало быть, фактическая и юридическая сторона дела в юриспруденции констатируется мыслью юриста, а беспристрастная тщательность исследования и справедливость решения обеспечиваются его совестью. Иначе говоря, совесть — это то, что контролирует, сверяет знания и основанные на них (диктуемые ими) разумные или просто привычные действия с ценностными ориентирами (т.е. с реальностью нравственного мира) и определяет вытекающую отсюда моральную ответственность за них. Когда с юристом говорит голос его совести и налагает за нравственно-упречные действия свои санкции в виде угрызения, стыда и мук совести, он принимает на себя такие обязательства, которые он никогда, возможно, не принял бы, если бы с ним говорило его начальство. В условиях тайны совещательной комнаты и других специфических особенностей применения права юристом к конкретным случаям жизни, когда непосредственное наблюдение за действиями юриста затрудняется или невозможно совсем, это имеет исключительное значение. Без опоры на совесть логически безупречные действия ума неизбежно превращаются в субъективное бессовестное умствование, способное поставить свои хотения и чужие влияния впереди истины и закона.

Люди давно это знают. Поэтому в рассмотрении всякого дела «по совести» видят истинное правосудие. А всякую недобросовестность, т.е. достижение судьей практически значимого результата без участия совести, вопреки ей или за счет сделки с нею, они справедливо считают самым опасным и недопустимым пороком всякого слуги закона. И издавна говорят: «Не суда бойся, бойся судьи».

Характерно, что в эпохи просветительства, культура разума возникает стремление вывести разум из-под контроля совести: «...самое важное, по-моему, — это освободить человека от угрызений совести». Высказывание одного из видных просветителей XVIII века (Ламетри) неожиданно смыкается с обещанием Гитлера освободить немцев от «химеры совести». Нельзя сказать, что в нашей жизни и юриспруденции совесть пользовалась должным почетом или уважением. Идеологизированное квазисознание относилось к совести как к чему-то в высшей степени непрактичному, малозначимому и даже опасному. Ведь юрист с совестью никого не должен слушать: ни логику, ни идеологию, ни соседей, ни начальство, никого — только свою совесть — аб-

солют, которая живет внутри человека и требует от него ни с чем не соглашаться, кроме истины и справедливости. Совесть поэтому не только не культивировалась, но всячески изгонялись даже упоминания о ней.

Возьмите, например, Словарь эпитетов русского литературного языка («Наука», 1979). Трудно заподозрить тех, кто его составлял, в чем-либо, кроме добросовестности. В нем вы после того или иного слова увидите в скобках примечание типа (шутл.) — шутливый или (устар.) — устаревший. Так вот ПЫТКА не устарела, никакая — ни дьявольская, ни зверская, ни изуверская, ни инквизиторская, ни лютая, ни средневековая, ни чудовищная. А вот к слову СОВЕСТЬ вы не найдете никакого эпитета. Потому что слова этого нет в словаре совсем. Также не найдете этого слова и в научных текстах юристов. А в официальный нормативный акт — присягу судьи — она как обозначение личностного качества, необходимого юристу, была введена в начале этого года по настоянию народного депутата, председателя Комиссии по этике Верховного Совета СССР А. Денисова, и едва ли не впервые за всю нашу историю.

Ум юриста без знаний немощен: юрист столько может, сколько он знает. Но знания без совести опасны. Отчуждение совести и уступка дурной идеологизации неизбежно влекут утрату естественного представления о нравственном долге юриста, цене человеческой личности, ее правах и свободах, низводят самое право до совокупности правил, организующих лишь «господство и подчинение», а юриста делают более управляемым, но соответственно и менее способным к осмысленному поведению, когда надо осознать требования реальности, а не просто слушаться указаний «телефонного права».

Самый радикальный способ сопротивляться и выживать — это укреплять иммунитет организма, в данном случае уровень нравственно-правового сознания юриста. Отсюда формирование и развитие его совести — не только как свойства рефлектирующего самосознания юриста, но и как добросовестного применения всех средств, которые в его власти, — должно по-настоящему стать и быть самым важным и самым светлым делом юридического образования. Это — линия развития юридических кадров, она идет из глубины веков, и не на нас пусть она прервется. И именно поэтому одна из заповедей юриспруденции должна гласить: юрист — это не человек с кодексом в руках, юрист — это человек с совестью в душе.

4. Вернуть юридическому факультету самую «нужную вещь». Жизнь права находится не в нормах, а в поведении людей и в суждениях об их поведении. И самое слабое в подготовке юриста — неумение превращать нормативно-фактическое суждение в нравственное суждение и действие. Самое же нежелательное в устранении этого недостатка — это скатывание на путь призывов к будущему юристу быть беспристрастным, справедливым, некриводушным, нелживым и т.д. в своих суждениях. Что же надо сделать, чтобы восстановить единство права и морали в деятельности?

Главное — начать учить юриста нравственности действия, как учат языку, чтобы говорить, или арифметике, чтобы считать. Истинное умение может быть обретоено интеллектом, когда этот интеллект пройдет курс настоящей выучки. Все правовые и другие науки, а также несистематизированное человеческое знание влияют на формирование этого умения. Но главная обязанность сделать это лежит на самостоятельной учебной дисциплине — юридической (судебной) этике. Это ее высшая и важнейшая задача. Она призвана выполнять ее по своему профессиональному долгу.

Многие десятилетия профессиональная этика отторгалась юридической школой. И только в 1988 году она была допущена в число общеобязательных учебно-правовых дисциплин. Юридическое образование — наконец-то! — приобрело одну из самых нужных ему вещей — свою нравственную душу. И теперь душа эта обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь. Самостоятельные кафедры юридической этики должны стать сердцевинной и мотором целого пучка учебных предметов, изучающих юриста и его деятельность, его психологию, нравственно-правовое сознание и личностные качества, его отношения с достоинством человека в системе правоприменения. Этим, в частности, был бы нанесен удар по одной из распространенных догм юридического образования, отдающего явное предпочтение научным изысканиям в сфере личности правонарушителя, но решительно отгесняющего на периферию научного знания юридическую этологию, т.е. понимание, как юрист мог бы действовать и как он фактически действует, какие обстоятельства наиболее негативно сказываются на формировании личности правоведа и какими могут быть пути изменения этих обстоятельств.

Иначе говоря, юридическая этика должна стать «крестной матерью» юриста и сохранить эту свою роль на все время его профессиональной деятельности, просвещая и подсказывая ему линию нравственного поведения в условиях его «критической лояльности» власти, но подчинения только Закону.

Однако нельзя упускать и то, что всякое нравственно-правовое знание происходит из своей истории, как юрист происходит из своей биографии, учения и работы. Цель современной этики — собрать отвергнутые и упрятанные от нас нравственно-правовые знания, рассеянные в веках всего человечества, представив их в систематизированном виде теперешним и будущим юристам. Стоило бы в этой связи подумать об издании Библиотеки этико-правовой мысли мира. Чтобы нравственность минувших тысячелетий по капризу нашей истории или ложным взглядам живущих вновь не оказалась спрятанной для столетий грядущих, чтобы наши более образованные и знающие потомки оказались также нравственнее и совестливее нас и чтобы не умерли мы как заставившие их перестраивать создаваемое нами теперь заново как неполное, ограниченное.

Словом, юридическая школа своей истинной научностью, которая должна быть ей присуща в большей мере, чем сегодня, призвана под-

нять ум будущего юриста до действительной нравственной достойности, его действие — до человечности и справедливости, его личное поведение — до моральной безупречности, а его духовность — до доброй совести, которая из самой себя ведает, что есть право и истина, а что таковым не является совсем.

Вместе с тем юридическая этика призвана прочнейшим образом укоренить в сознании юриста понимание, что правовая норма является лишь одним из значений человеческого поведения. Другим его значением в социально-правовой действительности выступает нравственность. Без нее право и правовая деятельность превращаются в Молоха, пожирающего истину и самого человека.

Поэтому всей своей организующей ролью и методологическим воздействием, всем духом и приемами обучения юридическая этика должна крепить эту неразрывную сопряженность права и морали, оказывать юристу практическую помощь в замыкании этой связи на живом человеке. Не просто право, а человек и право. Не применение права как такового, а человек и применение права к его поведению, к его поступкам. Не просто справедливость, а человек и справедливое решение именно его дела. Не только правопорядок и законность, а человек и правопорядок, человек и законность. В перестройке этой части общеправового образования не должно быть полумер. Пора уже советским юристам перестать объявлять себя «самой нравственной и передовой частью юридического сословия мира», а на деле быть ею.

Ниже черты бедности

Знания стоят денег. Хорошие знания стоят больших денег. Богатой страной мы никогда не были. Памятуя, однако, о специалисте как ведущей составляющей производительных сил, страна изыскивала средства на нужды образования.

Так, если расходы на высшую школу в 1940 г. составляли 1 процент от национального дохода, то в 1950 г. — 1,6 процента. Иными словами, в 40—50-е годы относительные расходы на высшее образование в 1,5 раза превосходили расходы США, и тем самым СССР был единственной страной мира, столь высоко ценившей роль специалиста и образования. Высшая школа готовила тогда специалистов с опережением потребностей практики. Это обеспечивало быстрый рост экономики, технический и культурный прогресс.

Но завоеванные страной в предвоенные и усиленные в послевоенные годы передовые позиции в подготовке и использовании специалистов мы с середины 50-х годов начали терять. Резкое падение темпов прироста производительности труда в целом по народному хозяйству началось на рубеже 70-х годов, достигло критического уровня на рубеже 80-х; годы перестройки не дали никакого положительного результата. И если в 1950 году страна была по относительному уровню

расходов (1,6 процента национального дохода) действительно впереди планеты всей, то к настоящему времени они составляют лишь 0,8 процента, то есть уменьшились в 2 раза (!). А по сравнению с американскими они ниже сегодня в 4 раза (!).

Эта удручающе-печальная динамика характерна и для расходов в расчете на одного студента. Если в 1940 году отношение расходов на одного студента к национальному доходу на душу населения составляло величину 2,2, в 1950 г. — 1,3, то к настоящему времени оно снизилось до 0,40, т.е. уменьшилось почти в 6 раз (!). Отношение же расходов в расчете на одного студента к национальному доходу на душу населения (по оценкам) составляет в США — 0,8 — 1,0, в Китае — 2,5 — 3,0, в ФРГ — 1,5. То есть от указанных стран по этому показателю мы сегодня отстаем в 3 — 10 раз.

Когда мало у всех, мало у каждого. Но и каждый при этом имеет неодинаково. Приращение роли права и правоведа породило у Госплана СССР и Гособразования СССР, а за ними и у правительства СССР убеждение, что юриста учить законам можно вообще без расходов, на собственных пальцах. И это свое убеждение с настойчивостью, достойной лучшего применения, они проводили и провели в жизнь. Юридическое образование сегодня не имеет даже минимального уровня учебной инфраструктуры. Сегодня оно не просто ниже черты бедности, а, если воспользоваться юридической терминологией, ниже низшего ее предела.

Стоимость учебно-технического оборудования юридических факультетов на одного студента составляет 100 — 150 рублей, тогда как в среднем по вузам она равна 1,5 — 2 тысячам рублей. Техническая оснащенность учебного процесса от предусмотренной типовым проектом составляет всего от 5 до 20 процентов. Изучая, например, информатику, студенты-юристы не имеют возможности даже визуального ознакомления с дисплеем или компьютером. При норме учебно-лабораторных площадей в 18 кв. м на студента вузы имеют в среднем 8 — 10 кв. м, а юридические факультеты Алтайского, Краснодарского, Пермского и других госуниверситетов — всего лишь 6 кв. м, Гродненского — 2 кв. м.

Но зачем говорить о дисплеях и компьютерах, если даже кодексами студенты-юристы обеспечены всего на 10 — 30 процентов. Стыдно сказать: не только сборники нормативных актов, но и постановления пленумов Верховного Суда СССР имеются по одному экземпляру на академическую группу в 25 человек и выдаются студентам только на время семинарского или практического занятия. Приобрести их больше — нет средств. Размножить тоже: ни один факультет не имеет множительной техники. При средней цене учебника в 3 руб. для приобретения учебной литературы и кодексов юридические факультеты получают по 5 руб. К тому же читальные залы в большинстве случаев имеют менее 50 посадочных мест. Ясно, что в этих условиях студент даже таким скудным количеством сборников не имеет возможности пользоваться.

Но что книги! Их и в древности не хватало, зато были учителя. Юридическое образование, однако, и учителями обижено. На одного преподавателя юридического вуза приходится 14,6 студента против 11 в среднем по вузам и при 8 по нормативу. При всем этом почти 70 процентов юристов учится без отрыва от работы, в то время как более 60 процентов специалистов других профессий обучаются на дневных отделениях. Без большой живости ума можно представить, чему — без учебников, без кодексов и без преподавателя — научаются будущие юристы!

Какие из всего изложенного можно сделать выводы?

Советское государство на протяжении всей своей истории было партийным государством. В системе его моральных ценностей самое первое место занимала классовая политико-идеологическая чистота сознания. В то же время категории права, правосудия, справедливости, законности, человеческого достоинства имели для советского общества периферийное значение. В стране отсутствовали традиции правового воспитания и обучения, а также сильная и обладающая широким воздействием прослойка юристов. В этих условиях не могло быть и речи о действительном правовом сознании общества и правовой ответственности аппарата государства, которые мы видим в других обществах.

Закон, разумеется, не может совершить революцию, но никакая революция не может осуществиться без участия закона и юриста. Правовед сегодня и впредь нам необходим не меньше, а быть может даже больше, чем инженер, агроном или врач. Он живое воплощение и завершение всей правовой основы государственной и общественной жизни, профессиональный носитель правового сознания народа. А юридическое образование — интегратор и двигатель развития и права, и законодательства, и практики его истинного и справедливого применения, и самого профессионального правоприменителя. Качественная и количественная отдача его во многом определяет не только состояние права, но и политическую и экономическую структуру общества, морально-психологический климат в нем. Во всяком случае, «фактическая цена» юридического образования неизмеримо выше его «номинальной цены», измеряемой числом юридических учебных заведений, студентов и преподавателей, объемом капложений. Но такого юридического образования и всего того, что оно стимулирует и чему учит, у нас еще нет.

Чтобы все это было, нам надо, я бы сказал — очень надо, во-первых, освободиться от правового нигилизма — этого специфического проявления нашего общественного бескультурья. Не драматизируя излишне ситуацию, но оставаясь на почве фактов, необходимо констатировать, что аппарат партии и государства не умел и не желал ограничивать свои действия законом и тем более подчинять их ему. Отсутствие уважения к закону свойственно, однако, не только этим группам, но и всему обществу. Разве не об этом свидетельствует, в частности, безусловное верховенство исполнительной власти и под-

чиненное, даже жалкое положение судебной власти. Данные черты страна сохранила и пронесла «сквозь» революцию, строительство социализма в одной отдельно взятой стране, хрущевскую оттепель и безвременье застоя. Нельзя сказать, что все это уже позади. Правовой нигилизм по-прежнему силен и по-прежнему, как и в прошлые времена, сочетает стремление к установлению законности и правопорядка в государстве с борьбой против законности и правопорядка, как только появляется даже намерение ограничить волю пошатнувшейся, но не демонтированной командно-репрессивной системы. Ее клеветы и сегодня «прогрессивно» ратуют за принятие всяческих законов с самыми строгими санкциями, но... для других, а для себя они, подобно делегатам XIV съезда ВКП(б), главным считают закон о несении ответственности собственной воли вообще какими-либо законами. Эта коренная особенность политико-правового мышления, сложившаяся на протяжении нашей истории, должна и сегодня приниматься во внимание всеми, кто искренне стремится в стране на место господства людей поставить господство права. Устранение этой запущенной болезни потребует множества усилий. Дело это не будет легким, тут иллюзий быть не должно.

Во-вторых, крайне необходимо понять, что наши представления о социалистическом праве, сложившиеся на протяжении пяти-шести предшествующих десятилетий, не были в полной мере ни социалистическими, ни общечеловеческими. Сегодня они явно вступили в конфликт с потребностями социально-экономического, политического и национально-государственного развития, с существованием противоречивого, но взаимозависимого мира, с ценностями единого рода человеческого и, самое главное, с принципиально новой ролью и правами человеческой личности в социалистическом обществе.

Отсюда задача — выработать действительную модель права демократического гуманного социализма, своего рода правовой мост в XXI век — есть первоочередная задача правовой науки и юридического образования. Чтобы решить ее, необходимо с самого начала обеспечить плюрализм подходов, альтернативных суждений, каждое из которых может содержать элемент истины. Не менее важно достигнуть и понимания того, что задача заключается не только в освобождении «социалистического» права модели Сталина — Вышинского от деформаций, а в переходе к принципиально иной, качественно новой модели права. Ее выработка — наиболее трудное дело. И тут нельзя самообольщаться, думая, что, раскритиковав прежнее видение права и вспомнив несколько цитат из Маркса и Ленина, можно тем самым охарактеризовать новую модель права, которая будет отвечать условиям конца XX и начала XXI века.

Вместе с этим хотелось бы сказать: та новая модель права, которую мы теперь стремимся выявить и, конечно, выявим, тоже не может быть идеалом. Будучи реализованной и даже двинув вперед общественный интерес, она через ряд десятилетий тоже устареет и потребует замены. Поэтому весьма опасно было бы уже сейчас

закладывать методологические основы будущего застоя, давая само-надеянно понять современникам, что новая модель, если даже с ней согласны все, — это и есть истинное право демократического гуманного социализма. История не признает неизменными ни социально-экономических, ни социально-правовых моделей, даже в рамках одного и того же способа производства. Жаль, что мы только сейчас начинаем признавать эту давнюю реальность истории.

И в-третьих, нам надо окончательно осознать: то, что мы делали в правовой сфере (а значит, и в экономической, и политической, и социально-культурной), не имеет или почти не имеет отношения к тому, что мы провозглашали в 1917 году. Но нам вовсе не надо сегодня отказываться от того, что мы провозглашали: «Власть Советам», «Землю — крестьянам», «Фабрики — рабочим», «Мир — народам». Нужно отказаться лишь от того, что мы делали и что привело нас к отчуждению — от власти и совести, свободы и собственности, достоинства и прав человека, деловитости и порядка, — привело к пропасти. Покуда мы этого действительно не осознаем, дотоле и истинное право, и правовое государство, и гражданское общество как воплощение двух идеалов социализма — человеческой свободы и социальной справедливости, под знаком которых должно идти наше общественное развитие, — так и останутся нашей мечтой.

Содержание

От редактора 5

ЧЕЛОВЕК, ПРАВО, ГОСУДАРСТВО

Б.П. Курашвили

Критическая фаза перестройки 11

З.М. Черниловский

Правовое государство: на перекрестке мнений 41

В.Д. Зорькин

Социалистическое правовое государство:
основные черты концепции 64

А.Б. Венгеров

«НЕСУЩИЕ КОНСТРУКЦИИ»
правового государства (разрозненные заметки
о политико-правовых инновациях
в советском обществе) 96

В.А. Четвернин

Концепция советского правового государства 113

А.А. Собчак

Становление новой политической системы:
власть, партия и право 145

Н.В. Витрук

Права человека:
состояние и перспективы развития 154

Н.А. Михалева

Правовые аспекты национальных отношений
в советской федерации 180

Т.Е. Абова

Право и кооперация в СССР 213

А.А. Мишин

Некоторые мысли о Конституции А.Д. Сахарова 231

В.Н. Кудрявцев
Право как элемент культуры 241

Ю.В. Голик
Депутат, избиратель, парламент 253

В.Ф. Яковлев
Правовая реформа в СССР:
тенденции и перспективы 265

И. Базилева, П. Эмерсон
Власть, психология и политика консенсуса 279

ЧЕЛОВЕК, ЗАКОН И ПРАВОСУДИЕ

И.М. Гальперин
Законы живые и мертвые 297

Ю.В. Феофанов
Право, пресса, власть 330

И.И. Карпец
Преступность: иллюзии и реальность 355

В.М. Савицкий
От дефицита гарантий —
к правовой защищенности личности 383

Л.Б. Алексеева, Л.С. Симкин
Правосудие, закон и нравственность 398

Ю.И. Стецовский
Любой ценой? 414

С.В. Дьяков
Органы государственной безопасности
в «зеркале» перестройки 447

К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский
Глас народа — глас божий? 464

М.П. Вышинский
Уход от прошлого еще не начат 482

